

Российская Академия наук
Институт философии

В.Г. Федотова, В.А. Колпаков, Н.Н. Федотова

Глобальный капитализм: три великие трансформации

социально-философский анализ
взаимоотношений экономики и общества

Культурная революция
Москва 2008

Научная монография
Рекомендовано к печати
Ученым советом Института философии РАН

Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.

Ф 34   Глобальный капитализм: три великие трансформации. — М.: Культурная революция, 2008. — 608 с.
ISBN 978-5-250-06045-5

В исследовании предложена неокapиталистическая теория, анализирующая эволюцию капитализма, взаимоотношения общества и экономики не только на протяжении последних столетий, но и под углом зрения тех событий, которые происходят в мире с 90-х годов XX века. Предложенная авторами методология позволяет прогнозировать дальнейшие пути развития глобальной цивилизации.

В приложении опубликовано эссе аргентинского писателя Л. Марисаля «Биопсия богатства».

© В.Г. Федотова, 2008
© В.А. Колпаков, 2008
© Н.Н. Федотова, 2008
© Культурная революция, 2008

Оглавление

Введение	II
19 Теоретические предпосылки анализа капитализма	
<i>глава 1</i> Основные концепции генезиса западного капитализма	25
а) Веберовский этап в понимании генезиса капитализма <i>Механизм воздействия протестантизма на формирование духа капитализма [29] Дифференциация социальных сфер и внутренняя логика мировоззрения [34]</i>	26
б) После Вебера	35
в) Дух капитализма в концепции Вернера Зомбарта	38
г) Фернан Бродель о генезисе капитализма	44
д) «Мир-система» Иммануила Валлерстайна и развитие его концепции	51
е) Джованни Арриги о системных циклах накопления капитала	65
<i>глава 2</i> Два способа формирования и распространения капитализма в мире: модернизация и глобализация	72
а) Модернизация и капитализм <i>Модернизация — переход от традиционного общества к современному [73] Парадигма модернизма — современность [87] «Вызов» Запада и «ответ» остального мира [92] Догоняющая модель модернизации и ее границы [100] «Каждому своя доля в культурной диффузии» [108]</i>	72
б) Глобализация и капитализм <i>Глобализация: от феномена к дефиниции [115] Карл Маркс о капитализме как о начале всемирной истории [121]</i>	115

133	Первая великая трансформация: генезис капитализма и становление его классической фазы	
<i>глава 1</i>	Карл Поланьи о Первой великой трансформации	135
<i>глава 2</i>	Становление капитализма	146
	а) Экономика традиционных обществ и капиталистический рынок	146
	б) Становление Вестфальской системы национальных государств и формирование буржуазных наций в XIX веке	155
	в) Формирование классической политической экономики	159
	г) Понятие техногенной цивилизации	167
	д) Факторы развития массовой установки на утилизацию знания	173
	<i>Роль знания в формировании государства [173] Формирова- ние государством массовой установки на утилизацию науки [174] Формирование массовой установки на утилизацию знания крупными национальными и транснациональными корпорациями [179]</i>	
<i>глава 3</i>	Развитие капитализма и капиталистической современности на Западе и первая глобализация (1885–1914)	184
	а) От раннего капитализма к классическому	184
	б) «Пять путей к современности»	189
	в) Капитализм и государство. Сводится ли роль государства в экономике к самой экономике?	195
	г) Первая глобализация как тип модернизации	197
	д) Смена типов рациональности в ходе капиталистической модернизации периода Первой великой трансформации	203
	е) Экономика как первая целерациональная система капитализма	205
<i>глава 4</i>	Предпосылки морали в формировании современности. Этика и капитализм в период Первой великой трансформации	208
	а) Сферы общества и этика	208

- б) Основные пути проникновения этики
в капиталистическую экономику 213
*Рутинизация харизматических идей [213] Трансцендиро-
вание экономики к религиозным или этическим идеям [214]
Национальная система политической экономики [219] Идеи
национально-особенной экономики [223]*

225 Вторая великая трансформация: между двух глобализаций (1914–1989)

- глава 1 Кризис реконвенционализации* 228
- а) Методология 228
- б) Ослабление органической солидарности
капиталистического общества 230
- глава 2 Переход к организованной современности* 234
- а) От самоорганизации к организованности 234
- б) Техника как вторая
целерациональная система капитализма 238
- в) Государственное вмешательство
в капиталистическую экономику
и организованная современность 245
*Государство и капиталистическая экономика: способы
взаимодействия [246] Протекционизм, социализм и другие
способы государственного вмешательства в экономику [248]*
- глава 3 Новые формы социальной организации* 251
- а) Коммунизм как незападный тип модернизации 251
- б) Социальное государство, социал-демократия
как факторы трансформации капитализма 254
- в) Организованный капитализм, массовая культура
и потребительское общество на Западе 258
- глава 4 Реконвенционализация опыта второй современности:
студенческий бунт, анархистские настроения
и подъем Азии в 1970–1980-е годы* 261
- а) «Восстание масс» 261
- б) Вызов Азии в 70–80-е годы XX века (Япония и «тигры») 263
*Традиция и инновация в развитии азиатских «тигров» [266]
Постмодернизация — развитие на основе собственной иден-
тичности [270]*

275 Третья великая трансформация: новая глобализация (1989 — настоящее время)

<i>глава 1</i>	Продолжающийся кризис реконвенционализации переходного периода: 1960–1990	277
	а) От идей постмодернизации к концепции поздней современности	277
	б) Спор модернизма и постмодернизма и расширение представлений о современности	286
	в) Неомодернизм и неолиберализм как возврат к модели догоняющей модернизации	289
	г) Демодернизация. Воля вместо свободы	296
	д) Западные либералы против российских западников	299
	е) Недостатки и трудности классической модернизационной теории <i>Транзитология</i> [307] <i>Теория макдональдизации</i> [312] <i>Многообразие моделей развития</i> [314]	302
<i>глава 2</i>	Третья великая трансформация и третья современность: новые конвенции	319
	а) Первая, вторая и третья современность как продукты трех великих трансформаций	319
	б) Третья великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени <i>Разрушение норм и их «переписывание»</i> [326] <i>Ульрих Бек и Карл Полаanyi</i> [331] <i>Космополитизм против либерализма</i> [334] <i>Снова о Вестфальской системе национальных государств</i> [341]	325
<i>глава 3</i>	Вторая глобализация как новый мегатренд и новый тип социальных трансформаций	348
	а) История термина «глобализация», возникшего для обозначения второй глобализации	348
	б) Новая парадигма социальных наук: фактор пространства в социальной теории	351
	в) Экономическая и информационная природа второй глобализации	357
	г) Распад коммунизма как предпосылка второй глобализации	362
	д) Смена мегатренда: вторая глобализация и модернизация	367

<i>глава 4</i>	Социал-демократия эпохи	
	Третьей великой трансформации: «Третий путь»	370
	а) Третий путь левых на Западе как национальная модель модернизации Третьей современности	370
	б) Концепция и политика третьего пути	374
	в) Глобализация третьего пути	381
<i>глава 5</i>	Вторая глобализация и идентичность	385
	а) Три эпохи современности и идентичность	385
	б) Плюрализация и кризис идентичности, связанные со второй глобализацией	387
	в) Кризис идентичности как центральный конфликт глобализации	388
	г) Два типа сообществ, появление проблемы идентичности и кризис идентичности	395
	д) Идентичность как предпосылка социального конструирования реальности	399
	е) Идентичность как сфера сакрального	401
	ж) Идентичность и государство	407
	з) Мультикультурализм, идентичность и политика развития	409
<i>глава 6</i>	Человек в экономике: пределы онтологизации	414
	а) Человек в экономических теориях	414
	б) Онтологизация модели человека в экономике	416
	в) Поиски новых моделей человека в современных направлениях экономики: зависимость от парадигмы	417
	г) Экспликация моделей человека в экономике из неэкономических теорий и междисциплинарный синтез представлений о человеке в экономике	420
<i>глава 7</i>	Новые концепты и реалии Третьей современности	424
	а) «Общество знания» и «экономика знания» <i>Критический анализ теорий, объясняющих «общество знания» [424] Технологическое применение фундаментальных наук и новая роль знания [430] «Экономика знания» [433]</i>	424
	б) Социальный порядок и экономика	435
	в) Некоторые новые социальные движения эпохи Третьей современности	437

	<i>Религиозные движения [438] Концепция устойчивого развития и перспективы экологических движений [440] Движение непотребителей [441] Движение элит [442] Социальные инновации и социальное предпринимательство [443]</i>	
	г) Глобализация — это навсегда?	446
<i>глава 8</i>	Новый аттрактор или эволюция капитализма?	451
	а) Является ли постиндустриальное общество техногенным и капиталистическим?	451
	б) Капитализация всех сфер общества как черта позднеиндустриального и постиндустриального капитализма	456
	в) Рынок для общества или общество для рынка	462
	г) Неосмитианство	464
	<i>Неосмитианство в экономической науке [464] Неосмитианство как междисциплинарный синтез модели человека в экономике и человека вообще [466]</i>	
<i>глава 9</i>	Новые способы взаимодействия капитализма с этикой	470
	а) Этика капитализма: революционный пересмотр и третья современность	470
	б) Этика бизнеса и этика капиталистического общества	473
	в) Отделение экономики от общества в качестве инструмента и следование собственным этическим принципам общества	477
	г) «Имеет ли этика шанс в мире потребителей?»	478
<i>глава 10</i>	Коммуникативная этика третьей современности	484
	а) Апология идеальной модели капитализма	484
	б) Этическая критика идеальной модели капитализма	491
	в) Социальные слои и субъекты капиталистического общества и коммуникативная этика	498
<i>глава 11</i>	Второе дыхание Вестфальской системы национальных государств Третьей современности	507
	а) Политика как третья целерациональная система капитализма	509
	б) Глобальный капитализм и развитие стран нового капитализма и индустриализма	511

в) Китай как фактор будущего и тупики неолиберализма	513
г) Могла ли у нас быть китайская модель развития?	516
глава 12 Новые конвенции Третьей великой трансформации	520
а) Часть третьего мира становится вторым миром	520
б) Опыт Китая и понятие прогресса	525
в) Национальная модель модернизации	528
г) Причины начала нового исторического цикла	531
д) Стрела времени и циклическое развитие	532
глава 13 Новое Новое время для незападных стран	536
а) Два макросценария развития стран автохтонного капитализма и хозяйственной демократии	536
б) Что обеспечит развитие капитализма и индустриализма в незападных странах согласно выдвинутым сценариям?	540
в) Перестройка институциональной памяти в странах нового капитализма и индустриализма согласно второму макросценарию	542
г) Микросценарий национальных капитализмов или хозяйственных демократий и становления буржуазных наций на этнооснове	548
д) Сценарии выработки Восточной Азией во главе с Китаем новых моделей развития — для азиатского региона или для всего мира	555
е) Сценарий конвергенции азиатского развития с западным капитализмом	557
559 Заключение.	
Будущее капитализма — будущее без капитализма	
563 Приложение	
<i>Леопольдо Маршалль</i> Биопсия богатства	565

Работа написана:

В.Г. Федотова — Введение; раздел «*Теоретические предпосылки анализа капитализма*», главы 1 (а–в, е, при участии В.А. Колпакова — г, совместно с Н.Н. Федотовой — д), 2 (а); раздел «*Первая великая трансформация: генезис капитализма и становление его классической фазы*», главы 1; 3 (д), 4; раздел «*Вторая великая трансформация: между двух глобализаций (1914–1989)*», главы 1 (а), 2 (в — Протекционизм..., совместно с В.А. Колпаковым — Государство и капиталистическая экономика...), 3; 4; раздел «*Третья великая трансформация: новая глобализация (1989 — настоящее время)*», главы 1; 2 (а, совместно с Н.Н. Федотовой — б), 3 (в–д), 4, 6; 7 (а — Технологическое применение фундаментальных наук; совместно с В.А. Колпаковым — а, «Экономика знания»; б–г), глава 8 (а, г — Неосмитианство как междисциплинарный синтез..., остальное в пункте г — совместно с В.А. Колпаковым), 9; 11 (б–г), 12, 13; Заключение (совместно с В.А. Колпаковым и Н.Н. Федотовой).

В.А. Колпаков — Раздел «*Первая великая трансформация: генезис капитализма и становление его классической фазы*», главы 2, 3 (а–в, е); раздел «*Вторая великая трансформация: между двух глобализаций (1914–1989)*», главы 1 (б), 2 (а–в, кроме Протекционизм...); раздел «*Третья великая трансформация: новая глобализация (1989 — настоящее время)*», главы 7 (совместно с В.Г. Федотовой — а); 8 (в, совместно с В.Г. Федотовой — б, 3 — Неосмитианство в экономической науке), 10, 11 (а), Заключение (совместно с В.Г. Федотовой, Н.Н. Федотовой).

Н.Н. Федотова — Раздел «*Теоретические предпосылки анализа капитализма*», главы 1 (совместно с В.Г. Федотовой — д); 2 (б); раздел «*Первая великая трансформация: генезис капитализма и становление его классической фазы*», глава 2 (б); 3 (г); раздел «*Третья великая трансформация: новая глобализация (1989 — настоящее время)*», глава 2 (совместно с В.Г. Федотовой — б), 3 (а, б), 5, 7 (участие совместно с В.Г. Федотовой и В.А. Колпаковым — а); заключение (совместно с В.Г. Федотовой, В.А. Колпаковым,)

Приложение: **Леопольд Маришаль**. Биопсия богатства (перевод Е.А. Покалюевой)

Введение

Эта книга — результат многолетней работы авторов, обобщающей их исследования глобального капитализма и его эволюции. История ее написания имеет отношение к ее содержанию. В.Г. Федотова более десяти лет изучает модернизационные процессы, В.А. Колпаков — методологию экономического знания и его социально-культурную обусловленность, Н.Н. Федотова — глобализацию и связанные с ней проблемы идентичности и мультикультурализма.

В 2004 году В.А. Колпаков и В.Г. Федотова выступали с докладами на международном конгрессе в Южной Корее. Руководитель конгресса, бывший представитель Южной Кореи в ЮНЕСКО профессор Ин Сукча сказал, комментируя доклад В.А. Колпакова, что автор доклада стоит на пороге создания неокapиталистической теории. Ин Сукча в своих работах отрицал известные западные трактовки южнокорейской модернизации в духе транзитологии и выделяемых транзитологией обязательных фаз развития. По его мнению, для Кореи необходима неокapиталистическая теория, которая бы показала, как соединяются неолиберализм и традиционная этика.

Под впечатлением от его оценки В.А. Колпаков и В.Г. Федотова начали размышлять над созданием неокapиталистической теории, позднее к ним присоединилась Н.Н. Федотова. Было опубликовано много скоординированных под избранную тематику статей каждым из авторов этой книги. Концепция вырабатывалась как соединение модернизационной, глобализационной теорий и теории капитализма. При таком соединении произошла «переделка» всех трех теорий.

Слова *о неокapиталистической теории*, которые нас всех впечатлили, были истолкованы нами как необходимость рассмотрения всей истории капитализма под углом зрения тех событий, которые происходят в мире с 90-х годов XX века. Это — распад коммунистической системы, расширивший географические пределы действия капитала; следующая отсюда вторая глобализация; появление новых стран незападного капитализма в посткоммунистическом мире и в странах Азии; подъем

стран хозяйственной демократии в Азии, соединяющих коммунистическое правление с рыночными отношениями (Китай, Вьетнам); перенос индустриальных производств Запада в эти страны и развитие на Западе информационных технологий, «постиндустриального общества». *Все эти изменения создали проблему для прежних объяснений*, которая и легла в основу нашего исследования, — *проблему меняющихся отношений экономики и общества* (с его многообразием сфер — социальной сферы, культуры и политики).

В монографии обсуждаются основные теоретические предпосылки анализа капитализма, его генезиса, революционного перехода от традиционного общества к современному, капиталистическому, от начальной до классической фазы западного капитализма и его последующей динамики.

Американскому ученому венгерского происхождения Карлу Поланьи принадлежит блестящий анализ взаимоотношения общества и рыночной экономики как на ранних этапах ее становления, так и на фазе зрелого капитализма. Он показывает, что тысячелетиями рынки были встроены в систему социальных связей, не изменяя их. Рыночная капиталистическая экономика — сначала явление принципиально новое и, по его мнению, сугубо европейское — была организована на принципах саморегулирования и предполагала свободные рынки труда, земли и денег. Постепенно человек и природа отчуждаются в рыночной экономике, становятся товаром. Становление саморегулирующейся рыночной экономики происходило достаточно бурно, и за 70 лет Англия, а также другие страны Европы вдруг осознали, что теперь система социальных связей встроена, поглощена полностью рыночными отношениями.

Этот переход от традиционных обществ к либеральному классическому капитализму XIX века К. Поланьи назвал Великой трансформацией. Книга о Великой трансформации, написанная им в годы Второй мировой войны, оказала на нас огромное воздействие, и не только своим содержанием, но и новой, подлинно философской задачей — обратиться к социальным истокам эволюции капитализма. Мы, обнаружив последующие трансформации капитализма, назвали ее Первой великой трансформацией. Автор предисловия к первому изданию Поланьи П.М. Мак-айвер отмечает суть тогда нового взгляда, который сегодня переживает, после короткого периода недавнего господства неоллиберализма в мире, свое второе рождение: «...Поланьи не претендует на то, чтобы писать историю, — он ее переписывает. Он не вносит свечу в некие темные уголки ее и не пытается сделать из нее публичное исповедание своей собственной веры, — нет, г-н Поланьи... проливает новый свет на разнообразные процессы и перевороты, охватывающие целую эпоху не-

виданных по масштабу перемен... Непосредственная цель г-на Поланьи заключается в том, чтобы выявить... социальные последствия определенной экономической системы, а именно рыночной экономики, полное развитие которой наступило в XIX в. События и процессы, теории и поступки предстают перед нами в новой перспективе... Сведение человеческого существа к простой “рабочей силе”, а природы — к “земельной собственности” превращает новую историю в высокую, захватывающую драму, в финале которой ее скованный протагонист, общество, разрывает свои цепи»¹.

Прослеживая эволюцию капитализма из традиционных обществ и экономик к раннекапиталистическим и классическим формам, мы опирались не только на анализ концепций становления капитализма и характеристику его классической формы, данную К. Поланьи, но и на труды А. Смита, Ш. Айзенштадта, Дж. Арриги, Б. Барбер, З. Баумана, У. Бека, Д. Белла, Ш. Бенхабиб, П. Бергера, Л. Болтански, Ж. Бодрийяра, Д. Борстейна, Ф. Броделя, П. Вагнера, И. Валлерстайна, М. Вебера, Э. Геллнера, Э. Гидденса, В. Еммота, Ф. Закария, В. Зомбарта, Дж. Капура, Дж.М. Кейнса, П. Кханна, С. Лэша, К. Маркса, Л. фон Мизеса, Дж.С. Милля, Дж. Мюллера, Р. Нисбета, Р. Робертсона, П. Стирнса, Д. Риккардо, Д. Роткопфа, Ч. Тейлора, Ф. Уэбстера, Дж. Ури, М. Фезерстоуна, Ф. Фукуямы, Ю. Хабермаса, С. Хантингтона, Л. Харрисона, Дж. Ходжсона, И. Чиапелло, Н. Штера, Й. Шумпетера, специалистов из Индии, Китая, Южной Кореи и др., а также на раскрытие роли двух форм распространения капитализма — модернизации и глобализации, — в аналитической трактовке прогресса, осуществленной рядом авторов, в том числе и упомянутых.

Мы не уделяем специального внимания теории капитализма К. Маркса, ибо это потребовало бы исследований в объеме отдельного тома. Однако дух Маркса, его взгляд на капиталистическое производство как производство определенного типа социальности, как начало всемирной истории, его убеждение, что изменение социального строя способно породить новые экономические отношения, сохраняет до сих пор свое значение и принимается нами во внимание. Мы старались обратиться к менее известным теориям. Мы убедились, что «с экономикой в особенности дела обстоят так, что большинство экономистов даже никогда не слышали — и им неоткуда услышать — о Броделе, Валлерстайне, Джованни Арриги и историко-географическом понятии миро-эконо-

¹ *Макайвер П.М.* Предисловие редакторов издания // Поланьи К. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 6.

мики»¹. И, следовательно, здесь мы пытались расширить представления о данной проблеме и о диапазонах объяснения капитализма. Нас особо интересовали те точки зрения, в которых значимыми представлялись моральные, культурные, политические и социальные факторы развития капитализма.

Нашей работе помогли труды российских исследователей В.С. Автономова, Д.А. Андреева, Г.А. Багатурии, С.Ю. Барсуковой, Г.А. Бордюгова, С.Н. Булгакова, В.Г. Бурова, А.В. Бузгалина, Л.А. Булавки, А.В. Виноградова, С.Ю. Витте, В.В. Вольчика, П.П. Гайденко, О.В. Гаман, А.А. Гусейнова, Ю.Н. Давыдова, М.Г. Делягина, А.В. Дмитриева, Н.Н. Зарубиной, С.Н. Земляного, В.Л. Иноземцева, О.В. Иншакова, Б.Г. Капустина, Р.И. Капелюшникова, А.А. Кара-Мурзы, В.Ж. Келле, Н.Г. Кликунова, А.И. Колганова, И.Т. Касавина, Г.Б. Клейнера, С.А. Королева, Ю.В. Латова, В.А. Лекторского, О.Ю. Мамедова, Л.А. Марковой, В.М. Межуева, В.Н. Миронова, Н.В. Мотрошиловой, А.И. Неклессы, С.А. Никольского, Л.И. Новиковой, Р.М. Нуреева, А.П. Огурцова, Т.И. Ойзермана, Ю.М. Осипова, А.С. Панарина, В.И. Пантина, И.К. Пантина, М.К. Петрова, Ю.С. Пивоварова, Ю.К. Плетникова, А.В. Полетаева, В.В. Радаева, Н.А. Розинской, И.М. Савельевой, И.С. Семененко, И.Н. Сиземской, В.С. Соловьева, Э.Ю. Соловьева, Д.Е. Сорокина, М.Т. Степанянц, В.С. Степина, М.Л. Титаренко, В.И. Толстых, В.Т. Третьякова, А.И. Уткина, М.М. Федоровой, В.Н. Фурса, А.И. Фурсова, В.Г. Хороса, Е.Л. Чертковой, В.Л. Цымбурского и других, а также тех политиков, религиозных деятелей и современных экономистов, которые обладают широким горизонтом социального видения.

Обратный процесс — воздействие капитализма на культурную и социальную среду — между тем набирал обороты. Индустриализм, роль государства, образование буржуазных наций, первая глобализация 1885–1914 годов, роль знаний и технологий следовали из изначально избранной капитализмом траектории саморазвития, основанной на рынке, и питали его. Либеральный капитализм XIX века сложился в своей классической форме, но не оставался неизменным: его эволюция уже была заложена в том, что он достиг определенной, по-своему завершенной фазы.

Классический капитализм XIX века лишь отчасти продолжил свою эволюцию, меняясь под влиянием новых факторов. Изменения капитализма сочетают эволюционное развитие и прохождение точек бифуркации, ломающих его траекторию. Различить эти два процесса — эволюции и радикальных сдвигов — очень трудно. Это похоже на описанное известным социологом З. Бауманом упражнение, которое давалось сту-

¹ Дерлугьян Г. Самый неудобный теоретик // Валлерстайн И. Мирсистемный анализ: введение. М., 2006. С. 33.

дентам-социологам. На экране фигура кота преобразовывалась постепенно в фигуру пса. Невозможно было ответить на вопрос, когда кот превращается в пса, однако это превращение происходило.

Наблюдался переход к отказу от либерализма классического капитализма, обрыв первой глобализации, начало эпохи войн и революций XX века. Вторая великая трансформация — это переход от либерального капитализма XIX века и первой глобализации к нелиберальной эпохе организованного капитализма между двух глобализаций. Первые признаки новой Великой трансформации появились в начале XX века, а Первая мировая война, национализм, Великая Октябрьская социалистическая революция в России, фашизм дали ей уже полный ход, решительно остановив предшествующий этап развития капитализма и сформировав его неклассическую фазу, охватывающую период между двух глобализаций — 1914–1990 годы.

Первая великая трансформация, связанная с переходом от традиционного общества к капиталистическому и с достижением пика его либеральной фазы, сменилась новой трансформацией.

В книге Поланьи «Экономические и политические истоки нашего времени», опубликованной в США в 1944 году, уделено внимание ошибкам, которые привели к обрыву фазу либерального капитализма на Западе после завершения ею своей классической стадии. Но вопрос о новом типе и этапе трансформации капитализма ставится лишь косвенно.

Существует некоторая путаница в обозначении порядка той трансформации, о которой пишет Поланьи. По мнению М. Буrowого, одного из видных неомарксистских социологов, речь у Поланьи идет о Второй трансформации как о переходе от либерального капитализма XIX века к новому типу¹. Но Поланьи, во-первых, уделяет столь большое внимание самому либеральному капитализму, что, на наш взгляд, делает его, без сомнения, экономическим историком Первой великой трансформации при всем том, что суть его работы — показ причин, по которым этот пик капитализма был пройден. Во-вторых, он затрудняется ответить на вопрос о том, в какой фазе развития капитализма общества оказались после завершения либеральной фазы. Даже в 1947 году, возвращаясь к теме Первой великой трансформации в ее сравнении с ситуацией данного времени, Поланьи испытывает затруднение в характеристике фазы или этапа развития современного ему капитализма, заставляя нас лишь предположить, что изучаемая им трансформация не является единственной, а всего лишь первой из тех, за которой последуют другие. Важно

¹ Burowoy M. *Sociology of the Second Great Transformation*// *Annual Review of Sociology*. 2000. V. 26. P. 693–695.

также, в-третьих, обратить внимание на то, что ни одна периодизация не бывает ни единственной, ни единственно верной. Поскольку Поланьи впервые поставил вопрос о Великой трансформации, два автора предлагаемой читателю книги (В.Г. Федотова и Н.Н. Федотова) называют свое Послесловие к книге У. Бека «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия» (М.: Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007), явно идущей по мотивам Поланьи, «Вторая великая трансформация», имея в виду под «второй» то, что к термину «трансформация капитализма» Бек прибегает вторично, идя по стопам Поланьи. Но в масштабах всей истории капитализма, к которому мы обращаемся в данной книге, концепция Бека вписывается в обсуждение Третьей великой трансформации.

Поздний капитализм, специфические черты которого уже явно проглядывали в год высказанных Поланьи сомнений (1947) и в 50–70-е годы XX века, отличал существенный и давно сформировавшийся разрыв с традициями Первой великой трансформации капитализма, начавшийся с Первой мировой войны. Но Вторая великая трансформация не была концептуально зафиксирована Поланьи.

Процесс активного регулирования экономической деятельности со стороны общества привел к новой форме взаимоотношений: взаимодействию двух этих систем — экономики и общества (с присущими ему многообразными сферами). Все материальные технологии и процессы, происходящие в экономической среде, оказывают давление на институты общества и ведут, в конечном счете, к их трансформации и принятию адекватных социальных технологий.

Три Великие трансформации —
 это концептуальные рамки,
 которые вмещают аналитический аппарат
 исследования этапов развития капитализма
 и различают их прежде всего по тому основанию,
 экономика ли определяет общество
 или общество определяет ее.

Пытаясь удержать смысл и пафос видения Поланьи, мы задались вопросом о том, какие же новые трансформации претерпел капитализм. Мы, как и он, не захотели со свечой в руках осветить отдельные уголки предыдущей и последующей истории и направили свои усилия на понимание магистральных тенденций традиционного соперничества экономики и общества и их схватки за доминирование.

Это позволило выделить новые изменения, называемые нами Второй и Третьей великой трансформациями. В отличие от Первой великой трансформации, сформировавшей капитализм и доведшей его до либеральной классической фазы, Вторая великая трансформация оборвала либеральный капитализм и перевела его в организованную форму. Термин «организованный капитализм» впервые употребил немецкий социолог П. Вагнер.

Частью этой новой трансформации явились системная оппозиция первой глобализации как черте либерального капитализма. Первая мировая война, альтернатива капитализму, открывшаяся после Великой Октябрьской революции, строительство социализма и социалистическая индустриализация, повторившая опыт Запада в странах второго эшелона развития, конкуренция мировых систем капитализма и социализма, освоение опыта социализма капиталистическим миром в формах социал-демократии сменили либерализм. Все эти формы организованности завершились разрушительным студенческим бунтом в Западной Европе конца 60-х, анархическим сопротивлением и поиском новых направлений развития капитализма. Но переходный период был весьма продолжительным.

Третья великая трансформация — 90-е годы XX — начало XXI века и ее будущее, как нам кажется, очень длительное продолжение первоначально характеризовались неомодернизмом, догоняющей модернизацией незападных стран, пытавшихся реализовать идеал либерального капитализма XIX века. Довольно быстро — за два десятилетия — Третья трансформация свернула в сторону, более близкую ко Второй великой трансформации — антилиберальной фазе, обещающей новые повороты и бифуркации как в развитии капитализма, так и в протекании и понимании прогресса.

Ренессанс либерализма как начало Третьей великой трансформации характеризовал и западные страны в отмеченный период. Сходство этого процесса с капитализмом XIX века определила новая — вторая — глобализация, ставшая победой либерализма в глобальном масштабе, победой капитала над национальными интересами отдельных стран. Этот капитализм не вписывался в представление о современности классической теории модернизации, но такие исследователи, как У. Бек, Э. Гидденс, С. Лэш, предложили концепт новой современности, обладающей чертами рефлексивности, позволяющей выявлять собственные противоречия.

Однако если вспомнить главную причину Второй великой трансформации — подавленность социального экономическим, то, что Поланьи раскрыл конкретный процесс исторической трансформации, при котором возникает шанс для общества преодолеть господство экономи-

ки, то процессы Третьей трансформации поначалу вернули прежнее господство экономики, которая снова «потребовала безжалостно отвергнуть представление о том, что человек есть существо социальное»¹. И перед обществом встали прежние задачи — обрести это понимание. Они конкретизировали чуть ранее ясно высказанную Ю. Хабермасом мысль о незавершенности «проекта Модерна». Рост «капитализмов» и «индустриализмов» в новых странах сегодня убеждает нас в этом.

Насущная задача анализа Третьей великой трансформации капитализма совпадает с объективно начавшимися изменениями — убыванием значимости либеральной идеологии как в США, так и в странах посткоммунистического блока, появлением новых капиталистических стран в Азии, ослаблением тенденций второй глобализации. Эти тенденции мы обозначаем как начало Третьей великой трансформации, которая вновь решает прежде нерешенные и вновь возникшие вопросы. Существует не только «невидимая рука» рынка, но и «невидимые руки» общества, морали, культуры, которые обуславливают не рыночные, а иные виды саморегуляции, взращивая и социализируя человека не только в ближайших средах семьи, родства, соседства, профессионального коллектива, но и в обществе в целом, которое не может быть подменено экономикой или сведено к ней. Третья великая трансформация только проявляется своими первыми признаками, но уже есть основания для предположений о ее возможном ходе, о присущей ей инновации в понимании прогресса и модернизации, большем внимании к ценностям и для опасений, что отсутствие решения ряда проблем — экологической, этической, нехватки справедливости — угрожает человечеству. Эволюционные и революционные изменения капитализма, как и прежде, связаны с человеческим выбором, с сознательным осмыслением прошлого, настоящего и будущего.

Предлагая новую концепцию трех Великих трансформаций капитализма, рассматривая экономические и политические истоки трех его последовательно сменяющихся фаз, мы решаем задачу макросоциального исследования капитализма в доклассический, классический и постклассический периоды — в прошлом, настоящем и будущем. Эта концептуальная работа базируется на тщательном анализе экономической и социальной истории капитализма конца XIX — начала XXI века и на сценарных прогнозах будущего.

Доклассический капитализм показал, что традиция имеет значение, и рынки — это всего лишь новый экономический механизм. Классический капитализм продемонстрировал, что рынки и экономика приобре-

¹ Макайвер П.М. Указ. соч. С. 7.

тают преобладающее значение и подчиняют себе общество. Неклассический капитализм XX века попытался высвободить общество, поставить его над или рядом с рынками и экономикой. Третья великая трансформация к постнеклассическому капитализму направлена на высвобождение общества вместе с выдвиганием на значимые места политики, этики и культуры.

Мы взяли сегодня за эту тему потому, что при нынешней неразличимости фаз развития капитализма в его дискурсе смешались причудливым образом прежние и новые представления. Для одних он остался формой эксплуатации, хотя сегодня представление о классах ушло на задний план, и главной формой эксплуатации считается «бразилизация» — игнорирование, которое проявляют верхние, в том числе и властные, круги в отношении населения и богатые страны Запада (Севера) по отношению к странам Юга. Капитал сегодня понимается уже не только как накопление материальных ресурсов, но и как концентрация человеческих, культурных, символических ресурсов и возможность их конвертации. Причем эта ситуация одними используется для доказательства всеислия капитализма, другими — для показа вытеснения материальной мощи другими ее видами, и в итоге становится аргументом в пользу ослабления капитализма.

Некоторые все еще оперируют давними словами Д. Белла о «постиндустриальном обществе», даже забывая, что речь у него шла о Западе, и не видят сегодня выросшего гиганта — индустрии Азии, а в целом — международного разделения труда, при котором Запад осуществляет управленческие функции, создав у себя «общество знания» и «экономику знания». Многие все еще не видят того, что мир уже не догоняет Запад, а включен в глобальный капитализм на его предварительных (но не окончательных) условиях. Еще не исчезли туманности философии постмодернизма в сознании теоретиков, питаемые изрядной долей хаоса преобразований и драматических перемен, фрагментацией смыслов прежней жизни, появлением новых исторических акторов. Но уже выстраиваются строгие линии рациональной борьбы за лидерство, успех и признание — в глобализацию врываются как прежде закрытые для мира пространства, так и империи, диктующие правила, новые акторы включаются в спор о правилах мирового порядка. Дискуссии об идентичности стран и о Вестфальской системе национальных государств еще имеют вариации, но одновременно стремятся выработать четкий вектор своей направленности. На месте расстроенного аналитического дискурса прежнего капитализма с его эвфемизмами «постиндустриальный», «постмодернистский», свидетельствующими лишь о том, что перемены колоссальны, но мы не знаем, какие они, сегодня выстраивается рацио-

нальный дискурс «нового капитализма», охватывающий не только экономику, но и общество с такими его сферами, как этика, культура, человек, и дающий новые категориальные сети. Если бы не было нынешнего развития Китая, Индии, Индонезии, Бразилии, России, можно было бы мыслить по-прежнему. Но страны БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай — демонстрируют новый тип развития, позволяют увидеть новые тенденции. Они осуществляют вестернизацию, но не следуют догоняющей модели развития. Как ни соблазнительна предложенная В.Ф. Шеловым-Коведяевым конструкция РАБИ — Россия, Америка, Бразилия, Индия — это филологический (автор — филолог) постлиберальный оксюморон, ориентирующий на либеральную модель развития посредством догоняющей Америки модернизации. БРИК же — это не союз, не новый регион, это страны однотипного индустриального развития. Многие, особенно А.И. Неклесса, констатируют сохранение, но уменьшение роли государства; рост значимости ТНК и других самоорганизованных субъектов; переход к постмодернистской эклектике; непригодность старых методологий, их замену другими. Наш анализ позволяет констатировать в некоторой мере противоположное: сворачивание глобализации, рост влияния государств и национальных интересов, неустрашимость в ТНК и пестроте социальных инноваций и группирований национально-государственного видения или его следов, смену методологий, начинающуюся с констатации эклектического состояния и иронии невнятного постмодерна к внятной новому модерну как самого Запада, так и незападных стран.

Мы предлагаем два сценария развития незападного капитализма: либо как культурно и политически изолированной действующей экономической машины, либо как нового Нового времени для незападных стран — своего рода повторения Первой великой трансформации, повторения генезиса, характерного для западного капитализма, и возможное достижение его классической фазы — индивидуализма, индустриализма, формирования или даже строительства буржуазных наций, меняющуюся в сравнении с Первой великой трансформацией роль идентичностей. В любом из этих сценариев Запад выступает как культурно-специфический регион, существующий наряду с другими. Своей политической культурой он защищает присущий ему капитализм даже тогда, если незападные страны берут из него только экономическую машину (первый сценарий), а также тогда, если они медленно идут прежней дорогой Запада, но уже не догоняя Запад сегодняшнего дня (второй сценарий). Возможен и третий сценарий, который прежде всего имеют в виду постмодернисты, — пестрота, хаос на долгое время, смесь всяких удавшихся и неудавшихся тенденций. Но на то философия и наука суще-

ствуют, чтобы этот «вызов Дьявола», как говорил про такие тенденции А. Тойнби, не состоялся. Он может возникнуть вследствие пандемий, генетических мутаций, климатических катастроф, терроризма, маргинализации общества и прочих нежелательных и непредсказуемых процессов, но его невозможно планировать, использовать для манипуляции, так как управляемого хаоса таких масштабов в чьих-то интересах организовать нельзя. Речь идет о сложных системах, где самое малое возмущение, не говоря уже о большом, может, в отличие от простых систем, вызвать гигантские изменения катастрофического характера. Здесь мы целиком разделяем интенцию Ю. Хабермаса, который пишет: «Именно вызов, брошенный неоструктуралистской критикой разума, создает перспективу, в которой я пытаюсь шаг за шагом реконструировать философский дискурс о модерне. В этом дискурсе модерн — с конца XVIII столетия — был поднят до уровня *философской* темы»¹.

Глубоко изучивший новую и пока мало известную западную литературу по проблемам капитализма английский исследователь Т.М. Кемпле отмечает: «Подобно тому, как анахроническая риторика постиндустриализма, постмодернизма и даже постколониализма дала толчок к тематике глобализации, консьюмеризма и империи, они возрождают концептуальный и критический словарь принятия во внимание — или дискредитации — позднейшей трансформации «нового капитализма»².

Мы полагаем, что не допустить этой дискредитации можно лишь распутывая «дискурс капитализма» на его повседневную и аналитическую части, уделяя внимание преимущественно последней как в генезисе капитализма и формировании его стадий, так и на сегодняшнем этапе. Мы хотим показать, как меняется капитализм, когда стало очевидным, что «культура имеет значение»³ (мы используем здесь название книги с

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 5.

² Kemple T.M. Spirit of Late Capitalism // Theory, Culture and Society. L., Los Angeles, New Delhi, Singapore, 2007. V. 24 (3). P. 147.

³ Книга с таким в ту пору шокирующим названием опровергла демиургическое и абсолютное значение экономики и показала ее собственную зависимость от общества, культуры, политики, идентичности людей и народов. См: Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002. Продолжением стало утверждение о разных способах включения стран разной культуры в глобализацию. См.: Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М., 2004.

шокирующим в пору неолиберализма и неомодернизма заголовком), что общество имеет значение, идентичность народов имеет значение, этика имеет значение, антропологические особенности имеют значение. Наш категориальный аппарат включает такие понятия и концепты, как: капитал и его разновидности, в том числе его внеэкономические формы; фазы развития капитализма; капитализм либеральный и организованный; социальные стратификации на каждой из фаз; способы и системы целерационального действия (экономика, техника, политика); социальный порядок и экономика; капитализм новых стран и глобальный капитализм; государство и идентичность как факторы развития капитализма; сценарные прогнозы развития новых стран капитализма.

Теоретические
предпосылки
анализа
капитализма

В данном разделе осуществляется анализ развития капитализма начиная с его ранних форм и заканчивая классическими, основные концепции генезиса капитализма, а также способы его распространения.

Генезис западного капитализма, его история, воспринимается в зависимости от принятых концептуальных рамок. Более того, внимание исследователей привлекают разные стороны его становления. Особенно сейчас, в связи с появлением стран нового капитализма, возникает потребность их сравнения с развитием капитализма на Западе и выяснения вопроса о том, в какой форме будет существовать капитализм в своей бывшей колыбели — на Западе. Но особенно важным является вопрос о том, как он распространяется или зарождается вновь. Множество аспектов модернизации обществ сошло сегодня на проблеме капитализма.

Глава 1. Основные концепции генезиса западного капитализма

Несомненно, самая выдающаяся роль в исследовании капитализма принадлежит К. Марксу. Он рассматривал его и как хозяйственную систему, в которой произошел переход от хозяйства к экономике, и как тип отдельного общества, отличного от первобытного, рабовладельческого и феодального, и как стадию в развитии человечества, представленную этими же типами. Маркс наследовал классическую политическую экономию и утопический социализм. Учение об общественно-экономических формациях задавало конкретно-исторические и всемирно-исторические рамки развитию капитализма. Нет сегодня историка, экономиста, социолога, политолога, философа, который, обращаясь к анализу капитализма, мог бы проигнорировать Маркса. Но именно поэтому мы уделяем Марксу внимание во всей книге, не делая специальной главы. Главы было бы недостаточно, потребовалось бы, как мы уже отметили во введении, написать целую книгу.

Те ученые, идеи которых мы излагаем в данном параграфе, всегда имели в виду позиции Маркса, но одновременно находили новые подходы и новые аспекты — духовные факторы генезиса капитализма, формы солидарности, связанные с разделением труда и образованием наций, и др. У них отсутствовало обостренное восприятие классовой борьбы, социального равенства и справедливости и не было отвержения проблемы национализма и становления наций при формировании зрелых форм капитализма. Их взгляд на генезис капитализма из XX века определялся проблемами этого века, которые открывали еще только свои предпосылки в эпоху Маркса и не были замечены им. К числу таких исследователей принадлежат М. Вебер, Э. Дюркгейм, Ф. Бродель, К. Поланьи, Э. Геллнер, Э. Гидденс, У. Бек, И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Хантингтон, Дж. З. Мюллер, многие историки экономических учений. К точкам зрения некоторых из них мы обращаемся специально в этом параграфе и ко всем ним — на протяжении обсуждения поставленных проблем в различных разделах книги.

Американский исследователь А. Макинтайр справедливо говорил, что «нынешний век, в его собственном представлении, является, по большей части, веберовским»¹. Это значит, что преобладающей в объяснении генезиса капитализма и следующих за ним социальных процессов XX века является веберовская концепция становления капитализма из духа протестантской этики. Хотя Вебер исходит из духовных факторов как источника капитализма, процесс этот представляется ему не менее объективным, чем К. Марксу, и он уподобляет его «железной клетке рациональности». Исследователи XX века не находили лучших и более систематизированных ответов на поставленные Вебером вопросы. После смерти он стал по-настоящему знаменитым, а его работы — живым источником размышлений о капитализме. Более полувека теория Вебера выступает как ведущая объяснительная модель отличия западного капитализма от незападного. Изучив иудаизм, буддизм, индуизм, конфуцианство, ислам, М. Вебер пришел к выводу, что *ни одна из этих религий не обеспечила (и принципиально не могла этого сделать) основ капитализма западного типа*. Хотя православие не стало предметом его анализа, из переписки с С. Булгаковым по поводу революции 1905 года Вебер получил свидетельство, что и эта религия не направлена на то, чтобы поддержать необходимые капитализму западного типа мотивы людей (трудовую, а не мирскую аскезу), сложившиеся на Западе².

Маркс относился к капитализму исторически, сравнивая его не только с тем, что могло бы быть, а и с тем, что было. В сравнении с прошлыми социальными системами капитализм, по его мнению, выполняет цивилизующую миссию, выступает как носитель прогресса. Эта функция противоречива, капитализм изнутри раздирается антагонистическими отношениями между трудом и капиталом. И далее Маркс покидает реальную почву, переходя к пророчествам пролетарского эсхатологизма, хотя именно эта утопия вдохновила страны «второго эшелона» развития и стала конструктивной силой социальных преобразований.

а) Веберовский этап в понимании генезиса капитализма

М. Вебер исторически воспринимал протестантскую этику как духовный источник капитализма, относился к переходу от харизматических идей

¹ Макинтайр А. После добродетели. М., 2000. С. 157.

² Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения. М., 1991; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998. С. 34.

протестантизма к их рутинизации как социолог. Он не прибегал ни к идеологической, ни к моральной критике, работая с социальной реальностью теоретически. Однако методология получения подобного вывода и сам способ веберовского анализа влияния роли духовных факторов на социальные изменения представляется недостаточно изученным.

Способом теоретической реконструкции реальности для Вебера является *идеальный тип* — теоретический конструкт, в котором выявлены типические черты изучаемой реальности. Вебер различает *два рода идеальных типов*: первые характеризуют индивидуальные исторические образования, вторые — повторяющиеся, имеющие более общие существенные черты, воспроизводящие неединичные события. *Капитализм как идеальный тип относится им к конструктам первого рода. Это значит, что капитализм воспринимается им как единичный, единственный, соответствующий опыту Запада феномен.* Этим Вебер отличается от В. Зомбарта, считавшего капитализм вечной и повсеместной формой хозяйственной и организационной деятельности. Веберу не удается до конца провести эту линию, и он в конечном итоге в противоречии с восприятием капитализма как чисто западного феномена начинает различать *капитализм нецивилизованный (незападный)*, который может быть основан на грабеже, войне, нечестной наживе, и *цивилизованный (западный)*, чьей основой является труд и трудовая этика.

Представляется также противоречивым совмещение уверенности Вебера в том, что цивилизованный капитализм существует в единственном числе — на Западе — и созданные им предпосылки теории модернизации, рассматривающей переход традиционных обществ в современные как процесс вполне закономерный, а значит, не уникальный. Даже сознательно избегая Марксовой трактовки истории как закономерного процесса, Вебер заложил основы признания неслучайности модернизационного развития и его универсальности. Противоречивость этого совмещения легко обнаруживает себя эмпирически: модернизирующиеся страны, догоняя Запад, в действительности не могут его догнать и переходят к капитализму, который обретает некоторые черты цивилизованности, сочетающиеся с общими характеристиками незападного капитализма.

Понять логику рассуждений Вебера позволяют две теоретические особенности его воззрений. Во-первых, Вебер работает с идеальными типами и в конечном итоге — с понятием «незападный капитализм», построенным как идеальный тип второго рода, реконструирующий повторяющиеся события, множественность незападных капитализмов. На уровне идеально-типических конструктов переход из традиционного общества в современное выглядит как переход в свою противополож-

ность¹. Но это лишь теоретические пределы. Вебер вполне осознает недостижимость этого в реальном мире. Во-вторых, он утверждает дифференциацию сфер жизни (на политическую, экономическую, религиозную и интеллектуальную), что потенциально позволяет модернизации осуществиться в некоторых из них, чаще всего политической, экономической, больше чем в другой. Модернизация, так понимаемая многими исследователями, исходящими из веберовских предпосылок, лишена тотальности, не может привести незападную страну к полному заимствованию всех структур и культурных особенностей западных обществ, а значит, не вполне следует догоняющей модели. Переход из традиционного общества в современное осуществляется не путем воспроизводства в модернизирующемся традиционном обществе всей структуры современного, а посредством трансформаций, в разной степени затрагивающих ту или иную социальную сферу.

В более поздних теориях модернизации, сложившихся после Второй мировой войны, в большей мере была легитимизирована догоняющая модель модернизации. Э. Гидденс, А. Айнкелес, Д. Смит, Ш. Айзенштадт и особенно Т. Парсонс произвели сдвиг в сторону признания большей значимости целостности восприятия западного опыта, его институциональной структуры, экономической модели, социального устройства, культуры и персональности. У Вебера это не было заложено хотя бы потому, что отличия западного капитализма от незападных представлялись ему столь принципиальными и столь разительными — между ними пролегла пропасть — что задача могла сводиться лишь к уменьшению разрыва, а не к тому, чтобы догнать Запад или, как утверждали в России 90-х, «стать нормальной страной». Вебер как раз настойчиво показывал «нормальность» незападного мира и уникальность западного. От соблазна догоняющего развития уберегало его и то, что культура представлялась ему не сферой, а ценностным содержанием всех выделенных сфер, а следовательно, модернизация должна была затронуть коренные культурные пласты всех сфер общества одновременно, чтобы осуществиться тотально, предстать как догоняющая. *Утверждая единственность или подлинность западного капитализма, Вебер отрицает наличие эндогенных факторов становления подобного в любой из известных ему цивилизаций, но потенциально допускает их приближение к капитализму западного типа посредством экзогенного воздействия западной модели развития.*

Имеющаяся в научной литературе полемика о том, что же в конечном счете победило у Вебера — признание капитализма как универсаль-

¹ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 73–75.

ной формы развития или характеристика его неповторимости, убеждение, что весь мир приблизится к западному образцу капитализма, к современности (modernity) или что незападные общества сохраняют свою специфику даже при частичной модернизации, — представляется в свете сказанного несколько упрощающим веберовский подход. *Западный капитализм мог быть назван универсальным при всей своей уникальности, поскольку он давал образец, модель модернизации и характеризовал самые передовые и новые достижения человечества. Незападный мир не мог прийти в ходе естественной эволюции к обществу подобного типа. Однако, опираясь на западную модель, используя ее как внешний стимул, он мог приблизиться к ней, не порвав со своей специфичностью полностью. Таким образом, превратившая уникальность Запада в универсальный образец развития, модернизация не приводила к тождеству западные и незападные общества, а лишь сближала их в некоторых отношениях.*

Именно понимание глубоких религиозно-культурных отличий Запада от незападных стран сделало Вебера одним из наиболее видных теоретиков модернизации, осуществляемой на основе отказа от традиции, от старой культуры, рекультуризации (изменения культуры) населения незападных стран и усвоения ими черт культуры Запада.

Признав значимость веберовской теории капитализма и его теории модернизации, российские ученые не уделили должного внимания другим концепциям. Это странно, ибо Россия со всей очевидностью не является страной протестантской этики, и интерес именно к ее воздействию на формирование капитализма, казалось бы, более далек от практических задач.

Обращаясь к проблеме протестантской этики как источнику духа западного капитализма, мы задаемся вопросом о механизмах воздействия идей на социальные изменения у Вебера, ибо именно этот вопрос, а не собственно протестантская этика представляет наибольший интерес. Духовные факторы социального развития трактуются Вебером как религиозные, но не исключено, что могут быть представлены и более широко — как культурные, ценностные, идеологические, моральные.

МЕХАНИЗМ ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА НА ФОРМИРОВАНИЕ ДУХА КАПИТАЛИЗМА

Необходимо обратить внимание на наличие в литературе излишне спрямленных трактовок влияния протестантской этики на дух капитализма и характер предпринимательской деятельности. В поисках более адекватной трактовки Ю.Н. Давыдов и Н.Н. Зарубина выделяют в качестве посредствующего фактора некую «картину мира», которая служит форми-

рованию идентичности и мировоззренческих основ капиталистического общества¹. При прямом отождествлении протестантской этики и духа капитализма, которого Вебер, безусловно, не делал, теряется адекватность методологии, представляющей религиозный фактор в качестве ведущего по отношению к другим сферам общества. Решающее значение этого фактора основано на том, что даже при значительном сходстве политических, экономических и социальных институтов различных обществ именно он может сформировать принципиальные отличия, деформирующие прежнее сходство прочих сфер. Ссылаясь на работу Вебера «Индуизм и буддизм», Н.Н. Зарубина показала, что сходные начальные материальные условия развития Европы и Индии XVI–XVII веков (состоящие в рациональном государственном управлении, рациональной системе знаний, наличии точных и естественных наук, развитых ремесел, торговых связей, стремлении к накоплению и успеху) сильно дифференцировались под влиянием отличающихся религий, и, таким образом, «именно различия в духовной, ценностно-мотивационной сфере при прочих относительно равных условиях послужили причиной коренного расхождения путей развития цивилизаций в дальнейшем»². Сходную мысль утверждает Дж. Арриги, опираясь на признание А. Смитом большей развитости рыночной экономики Китая в сравнении даже с Англией и последующего затухания этого преимущества³.

Сходную мысль о доминировании культурно-религиозных основ при определении цивилизационных разделительных линий отстаивает С. Хантингтон. Дискуссии относительно его знаменитой статьи « Столкновение цивилизаций? », вышедшей в 1993 году, а затем и книги⁴ продолжаются до сих пор, но определенное сходство его методологии с методологией Вебера замечено не было. По мнению Хантингтона, выдвижение религиозного фактора на передний план осуществляется в периоды радикальных ценностных сдвигов. В настоящее время происходит коренная ломка ценностей в связи с завершением противостояния двух систем, начатого Октябрьской революцией 1917 года и определявшего

¹ Давыдов Ю.Н. «Картины мира» и типы рациональности // Вебер М. Избранные произведения; Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации.

² Зарубина Н.Н. Указ. соч. С. 33.

³ Arrighi G. Adam Smith in Beijing. Lineages of the Twenty-First Century. L., 2007.

⁴ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.

основные мировые противоречия вплоть до начала 90-х. Новая ситуация заставила людей отпрянуть к их истокам, к поискам первичных смыслов и идентичностей, заключенным в религии. Хантингтон считает, что именно религиозная основа как сформировала цивилизационную близость группы родственных стран (западно-христианских, православных, исламских и пр.), так и провела разделительные линии между ними.

Вебер интересовался не только воздействием религиозных верований на социальную жизнь, но влиянием идей вообще. Он рассмотрел три способа такого воздействия: *через противоречие между харизмой и рутинизацией*; *через дифференциацию между сферами жизни и посредством автономного разворачивания мировоззрения через внутреннюю логику*¹. Ни один из этих способов не гарантирует прямого и непосредственного изменения общества.

Главную роль в социальных изменениях играет упомянутое *противоречие между харизмой и рутинизацией*. Харизматический лидер выступает как источник новых взглядов и верований. Или иначе: для утверждения новых идей всегда необходим харизматический лидер. Затем следует фаза рутинизации, превращения необычных идей в рутину, факт повседневной жизни. Это осуществляется как посредством систематизации верований интерпретаторами и распространения ее догматов среди населения, так и путем приспособления системы верований к интересам различных слоев. При этом происходит редукция высоких принципов до уровня повседневности, которая осуществляется уже не харизматическими лидерами, а последователями, учениками и адептами.

Согласно Веберу, *религии отличаются несколькими фундаментальными особенностями*: нахождением путей спасения, отношением к посястороннему миру², этапом развития (преобладанием харизматической или рутинизирующей фазы).

Вебер считает определяющим для любой религии ее стремление к спасению. Он, правда, не находил этого стремления в конфуцианстве и исламе, что впоследствии было опровергнуто известным английским

¹ См.: *Shroeder R.* Max Weber and the Sociology of Culture. L., New Delhi, 1992. P. 8; *Turner B.S.* For Weber. Essays on the Sociology of Fate. L., Thousand Oaks, New Delhi, 1997. P. 111–114; *Schluchter W.* The Rise of Western Rationalism. Max Weber's Development History. Berkeley, Los Angeles, L., 1981. P. 121–126; *Roth G. and Schluchter W.* Max Weber's Vision of History. Ethics and Methods. Berkeley, Los Angeles, L., 1979. P. 119–124.

² Вебер М. Теория ступеней и направлений религиозного неприятия мира // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 307–343.

исследователем В. Тернером. Стремление к спасению гаснет, когда оно направлено на посюсторонний, а не на потусторонний мир. К примеру, излишняя погруженность в посюсторонний мир конфуцианства или индуизма лишала их, по мнению Вебера, харизматической высоты. Вопреки имеющимся упрощениям веберовских идей в духе доказательств экономических целей протестантизма, сам Вебер считал, что протестантизм отличался от других религий тем, что стоял *в стороне от мирских целей и сосредоточил все свои помыслы на поисках путей спасения. Именно это привело его в конечном итоге к способности формировать дух капитализма в результате опоры на тех людей, которые, не будучи протестантами, отличались качествами, сходными с верующими людьми.*

В антропологическом плане Вебер находит две характеристики личности, которые могут определить как ее инновационное, так и устойчивое поведение и которые могли в моральном плане стать опорой для рутинизации протестантизма — превращения его из религии секты, ищущей спасение для немногих верующих, в широко распространенное мировоззрение — протестантскую этику, связанную с обмирщением протестантизма и нахождением его земных предназначений. Это *персональность и внутренняя дистанция.*

Персональность характеризует отношение человека к конечным смыслам. Это то, что поднимает индивида над рутинной повседневности, ее «растительной» основой. Твердая приверженность определенным нормам возвышает над обыденностью, не отнимая возможность жить в повседневном мире. Твердый пункт принципов, согласно Веберу, близок к протестантскому аскетизму, но такие свойства могут обнаружить и люди, далекие от протестантизма. Подобный идеал может иметь и секулярный характер.

Внутренняя дистанция, в понимании Вебера, означает способность индивида отказаться от тех образцов поведения и ценностей, которые не соответствуют персональности, твердым принципам индивида.

Пример того, как эти свойства могут быть проявлены в светской жизни, Вебер находит в самоотверженной работе медсестер в годы Первой мировой войны. В тяжелейших условиях они сохраняли внутреннюю дистанцию, связанную с их персональностью¹. Эти люди избегали адаптации к практическим представлениям повседневной жизни.

Хотя идеи харизмы и рутинизации используются Вебером для характеристики динамики социально-исторических процессов, есть опреде-

¹ Weber M. Max Weber Gesamtausgabe // Zur Politik im Weltkrieg. 1/15. Tübingen. 1934. Цит. по: Schroeder R. Op. cit. P. 16.

ленная связь между экстраординарным и рутинным поведением самих людей: как харизматические взлеты, так и последующая рутинизация осуществляются через поведение конкретных лиц.

Только рутинизация превратила чисто религиозные задачи протестантизма в мирские. Нашлись социальные силы, которые увидели в протестантизме опору. Религия становится фактором повседневности, когда она резонирует в слоях, предрасположенных к согласию с ее принципами. И дело не в экономических интересах. Наиболее рациональные слои, такие как интеллектуалы, выше всего ставят идеальные интересы — престиж, статус, уважение.

Неравномерное распределение харизмы производит иерархию складывающихся новых социальных отношений: выделение более харизматической элиты и склонной к рутинизации массы, включающей последователей и адептов. После рутинизации революционный потенциал протестантизма угасает и возрастает его значимость в качестве силы, стабилизирующей общество.

В. Тернер подчеркивает, что религия не может быть «считана» с повседневной жизни того или иного общественного слоя. Напротив, «аскетизм протестантской секты преобразуется в функциональные теории социального развития... Очевидный вклад Вебера в социологию развития состоит в стимулировании богатой традиции исторического и социологического анализа мотиваций, направленных на достижения аскетических ценностей, рациональности и предпринимательства»¹. Принципиально следующее положение: «Когда Вебер обращается к религиозным ценностям и их роли в социальном развитии, он на деле концентрируется не на религиозных воззрениях как таковых, а на взаимопроникновении религиозных идеалов и “интересов” их социальных носителей. Не религия как таковая важна для Вебера, а религиозность определенных классов или статусных групп, которые вносят вклад в социальную организацию»². Рутинизация харизматических отношений, подтверждает Тернер, действительно шла вдоль линии социально-экономических интересов, а проникновение религии в общество было опосредствовано ее идеологическими носителями, такими как организующий мир бюрократ в конфуцианстве, маг, который упорядочивает мир, в индуизме, бродячий по миру нищий монах в буддизме, бродячий торговец в иудаизме, воин в исламе и путешественник, вырабатывающий маршрут своей жизни в христианстве. Религия таким образом «поддержи-

¹ Turner B.S. Op. cit. P. 239.

² Ibid. P. 279.

вает социально варьирующиеся константы, и фокус его (Вебера. — Авт.) внимания был направлен на “избирательное сродство” материальных и идеальных интересов, которые трансформируют оригинальную харизматическую теологию в мировые религии определенного направления»¹.

Таким образом, значение протестантизма состоит в революционном преобразовании части западного общества путем поддержания и выдвигания на роль культурного образца трудового аскетизма рядовых людей, совпадающего с идеей аскетизма протестантской секты как найденного ею пути к спасению. Превращение протестантизма в мировую религию произошло вследствие «избирательного сродства» протестантской теологии с интересами слоев, желавших упорядочить и планировать свою жизнь.

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СФЕР И ВНУТРЕННЯЯ ЛОГИКА МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Третьим (после харизмы и рутинизации) фактором, воздействующим, согласно Веберу, на социальные изменения, является дифференциация сфер социальной жизни. Чем более развито общество, тем сильнее в нем дифференциация между такими сферами, как политическая, экономическая, религиозная и интеллектуальная. Как мы уже отметили, Вебер не выделяет культуру в отдельную сферу. Она представляет собой смысловую систематизацию огромного числа событий, относящихся ко всей социальной жизни, а не к какой-то ее части. Сферы пересекаются друг с другом. Религия, верования, интеллектуальная, политическая сферы, экономика взаимодействуют с другими, меняют господствующие в них представления и сами эти сферы жизни.

Следовательно, мы возвращаемся к соответствующей веберовским предпосылкам нетотальной, дифференцированной модернизации, протекающей в отдельных сферах общества, с разной скоростью. Это следует из его дифференциации сфер жизни, к которой сегодня добавились новые факторы.

Мировоззрение имеет внутреннюю логику, которая делает его относительно независимым от других социальных систем. Согласно Веберу, между всеохватывающим объяснением целостного мировоззрения и эмпирической реальностью складывается противоречие, которое может сделать внутреннюю логику мировоззрения определяющей для изменений в социальном мире. Социальные изменения могут возникнуть из-за несоответствия принятого мировоззрения реальностям жизни. Так, переход от магии к религии, а затем к науке, составляющий этап внутрен-

¹ Ibid. P. 280.

ней логики мировоззрения, согласно Веберу, явился одновременно характеристикой всемирно-исторических стадий в развитии человечества. Магия, ставя рациональные цели, пыталась достичь их иррациональным путем. Неадекватное отношение причины и следствия в магии не мешало ей быть источником социальной стабильности. Мировые религии были направлены на внутренний мир верующих посредством соединения их ценностей с религиозными. В отличие от магии, социальные функции религии состоят в преобразовании общества, вплоть до революционных преобразований. В отдельные эпохи религия поддерживает и стабильность. Следующий этап внутренней логики мировоззрения — переход от религии к науке. Наука, по мнению Вебера, является прежде всего силой, расколдовывающей мир, разрушающей его иллюзии, делает мир предсказуемым и калькулируемым¹.

Вебера часто упрекают в недооценке моральных оснований бюрократического управления, в сведении его к рациональности. Однако именно он показал универсальную значимость моральных представлений для капитализма в целом. Секулярная этика — дух капитализма — возникла в связи с рутинизацией протестантской этики. Вебер создал модель, которая позволяет говорить также о соотношении морали и рациональности, морали и экономики. И сегодня есть интересные исследования в данной области².

Вебер уделял большое внимание и *четвертому фактору становления капитализма на Западе* — *рационализации*, к которому мы обратимся позже.

б) После Вебера

Не порывая с Вебером, можно задаться вопросом о том, каковы источники капитализма в католических странах? Может ли в действительности произойти рекультуризация незападных обществ не в ходе естественной эволюции, а путем следования за западным образцом? Сохранит ли Запад тот дух капитализма, который был основой его становления? Верно ли мы прочитываем Вебера, только ли в протестантской этике находят корни западного капитализма? Можно ли характеризовать именно западный капитализм как до сих пор имеющий моральные основания,

¹ См.: *Shröder R.* Op. cit. P. 10–13.

² См.: Мораль и рациональность / Отв. ред. Р.Г. Апресян. М., 1995; *Шрадер Х.* Экономическая антропология. М., СПб., 1999; *Etzioni A.* The Moral Dimension. Toward a New Economics. N.Y., 1988; *Hausman D.M., McPherson M.S.* Economic Analysis and Moral Philosophy. Cambridge, 1996.

делающие накопление капитала и всю его хозяйственную, экономическую и организационную деятельность не проявлением алчности, а формой рационального выражения экономического интереса? Могут ли быть новые источники становления цивилизованного капитализма сегодня? Можно ли рассчитывать на цивилизованный капитализм (западного или незападного типа) там, где нет протестантской этики?

На эти вопросы можно дать следующие краткие и гипотетические ответы. Источники капитализма в католических странах связаны с идущей от Фомы Аквинского рационализацией, с описанным Дюркгеймом разделением труда и заменой механической солидарности органической. Э. Дюркгейм дает свою версию модернизации. И не случайно Вебер и Дюркгейм игнорировали друг друга: западная современность, западный капитализм формировались двумя сходящимися путями не только по линии возникновения духа капитализма под влиянием протестантской этики, но и по линии секуляризации католических стран, институционализации в них новых отношений, нового уровня солидарности, который Дюркгейм называл органическим. Ниже эта интерпретация Дюркгейма будет рассмотрена в связи со значимостью разделения труда и органической солидарности для капитализма не только в католических странах. Возможно, протестантские страны имели влияние на католические, давая пример отделения светской власти от духовной и формирования секулярных источников капитализма в католических странах (проблема эта плохо изучена). Рекультивация по западному образцу в незападных странах часто не может осуществиться ни в ходе естественной эволюции, ни в результате сознательно осуществляемых реформ. Запад теряет дух капитализма, в частности трудовую этику, которая лежала в основе его генезиса. Концепция Вебера объясняет происхождение капитализма в протестантских странах и не исчерпывает все источники его возникновения, не говоря уже о западных католических странах, однако она — исключительно ценная модель воздействия духовных факторов на формирование капитализма. Моральные и рациональные основания западного капитализма характеризуют идеальные типы, которые сформировали некоторые генеральные линии западного общества. Сегодня глобализация ослабила их тем, что западный капитализм постоянно взаимодействует с незападным и изменяет из-за этого свои правила. Сам термин «цивилизованный капитализм», ранее, согласно Веберу, понимаемый как западный, очевидно нуждается в пересмотре. Старые каноны цивилизованности не работают, новые не обозначены. Проблема формирования цивилизованного капитализма требует выдвижения новых концепций.

Сначала Вебер предполагал, что фактором формирования капитализма на Западе был не только протестантизм. Мыслилось, что и ресурсы

некоторых стран, накопленные еще до начала Реформации, а также попытка части населения изменить свой статус с помощью предпринимательства играли свою роль¹. Но результатом его исследования стал отказ от этих гипотез, приведший к нахождению ведущего эндогенного фактора развития западного капитализма именно в протестантизме. Позже в работе «Теории социальной и экономической организации» Вебер все же признает, что становление западного капитализма не ограничивается влиянием протестантской этики, а включает и другие институциональные и политические факторы². Секулярная этика — дух капитализма — возникла в связи с рутинизацией протестантской этики.

Если прошлый век можно было назвать веберовским, то нынешний таковым не является. Произошли серьезнейшие изменения, которые, сохраняя значимость многих веберовских прозрений и оценок, делают сегодня невозможным исходить из его теории капитализма и даже ставят вопрос о том, а верно ли было объяснять его прежде, исходя только из Вебера.

Связь капитализма с протестантской этикой оспаривает российский исследователь А.И. Неклесса, для которого появление капитализма — следствие смещения энтузиазма эпохи с многочисленными ересями.

А.И. Уткин полагает, что капитализм — лишь ядро западной жизни, сложившееся на базе уже существовавшего особого духа и ментальности. Он подчеркивает, что протестантизм — лишь центральная часть тех духовных преобразований, которые породили эффективный и развитый капитализм протестантского Запада, в отличие от распространенного восприятия веберовской концепции протестантизма как единственного источника западного капитализма³. Запад в эпоху современности формируется на основе духа капитализма, складывается как особая культура, которая закрепляется в социальных и политических институтах и начинает отличаться от незападных обществ не только своей духовной сущностью, но и другими особенностями.

К числу изменений, которые объективно подрывают веберовскую трактовку капитализма, мы относим следующие:

1. Глобализация, которая соединяет в общую экономическую систему капитализмы разного типа, — как западный, так и незападный — а кроме того, некапиталистические страны.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Указ. соч. С. 61–735.

² См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 300.

³ Уткин А.И. Россия и Запад. История цивилизаций. М., 2000.

2. Изменение трудовых мотиваций и характера труда на Западе.
3. Сегодняшний подъем капитализмов и хозяйственных демократий в Азии, опровергающий предположения Вебера о препятствии, которым являются для этого конфуцианство и буддизм.
4. Вновь вставшие вопросы о формировании наций в странах нового капитализма, о роли государства, этики и рациональности для капитализма в целом.
5. Практически очевидным стало влияние культур и цивилизаций на протекание модернизационных процессов и формирование капитализма в различных странах.

Что это значит на теоретическом языке? Не прав Вебер, прав Зомбарт? Или, может быть, протестантская этика уже не работает? Или, как у Хантингтона, нашествие испаноязычных делает США Бразилией с совсем иной трудовой мотивацией? Или, может быть, даже Вебер заблуждался в отношении западного капитализма, а был прав лишь в отношении того капитализма, который соответствовал странам «буржуазной протестантской оси» Амстердам–Лондон–Бостон, как утверждает Мартин? Пожалуй, последнее представляется наиболее верным. Кроме того, глобализирующийся капитализм лучше описывается Зомбартом. Прибывающие на Запад люди из других стран, в частности из России, демонстрируют более «гибкую» или, по крайней мере, другую экономическую рациональность. Приезжающие в незападные страны, например, в Россию, западные бизнесмены начинают ощущать выгоды эпохи грюндерства и отступать от тех правил протестантской этики или рациональности цивилизованного предпринимательства, которые они могли поддерживать в своих странах. *Капитализм становится все менее определенным феноменом, включающим разнообразные хозяйственные системы, ориентированные на прибыль.*

в) Дух капитализма в концепции Вернера Зомбарта

В настоящее время описанию мировой экономической системы в большей мере отвечает концепция Зомбарта, согласно которой предпринимательский и мещанский дух включает большее, чем у Вебера, многообразие типов предпринимателей: разбойников, феодалов (региональных правителей. — *Авт.*), государственных чиновников, спекулянтов, торговцев, ремесленников и пр. Сегодня этот список много шире данного Зомбартом, но он не исключает реальные, пусть и малопривлекательные фигуры из практики капиталистического становления и форми-

¹ См.: Berger P. The Global Picture // Journal of Democracy. April 2004. V. 15. № 2. P. 78.

рования капиталистического духа. Последний мыслится как имеющий общую основу и все-таки различный в разных странах. В отличие от Вебера, Зомбарт полагал, что «протестантизм означает прежде всего серьезную опасность во всех отношениях для капитализма и в особенности для капиталистического хозяйственного образа мыслей... Капитализм... происходит из мирского начала, он “от мира сего”, и поэтому он всегда будет находить тем больше приверженцев, чем более взгляд людей будет устремлен на радости *этого земного мира*, и поэтому же он всегда будет ненавидим и проклинаем людьми, для которых все земное имеет значение только приготовления к жизни в новом мире. Всякое углубление религиозного чувства *должно* порождать безразличное отношение ко всем хозяйственным вещам, а безразличие к хозяйственному успеху означает ослабление и разложение капиталистического духа»¹. Зомбарт тоже рассуждает о духе капитализма, но для него он не универсален, а национально специфичен. Дух немцев вряд ли капиталистический в его время: «Ведь подлинно великое достижение немецкой философии — и только немецкой, тогда как философии всех прочих стран застряли на категориях рассудка, — состоит в том, что она поставила себе задачей силою разума свить такую нить, которая от нашей жизни на этой Земле вела бы в строгую тишину того духовного царства, откуда мы пришли и куда мы возвращаемся; в том, что она отыскала сверхчувственное в самом разуме и впервые сделалась собственно философией»². Герой и патриот — немец противостоит здесь торгашу-англичанину вполне в духе риторики Первой мировой войны. Немец отвергает все эгоистическое, гедонистическое и направленное исключительно на внешнее благополучие. Англичанин характеризует то, что все они хорошие, а некоторые даже превосходные национальные экономисты. Этот дух Зомбарт наблюдает у большинства английских философов. Он характеризует, по мнению Зомбарта, направленность мышления англичан на практические цели, а также тягу к комфорту и материальному благополучию. Сознание англичан гомогенно и присуще всем слоям общества. Он отмечает скудость протестантского духа, превращающего ценности англичан в нечто менее важное, чем комфорт и спорт. Особый нажим на отрицание роли протестантизма в формировании духа капитализма,

¹ Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004. С. 248–249.

² Зомбарт В. Торгаши и герои. Раздумья патриота // Зомбарт В. Собр. соч. в 3-х томах. Т. II, СПб., 2005. С. 49.

возможно, сделан здесь из чувства противоречия по отношению к веберовской теории, ибо о католицизме Зомбарт говорит прямо противоположное только что процитированному: «Идея наживы наряду с экономическим рационализмом означает ведь, в сущности, не что иное, как применение жизненных правил, вообще предписывающихся религией, к сфере хозяйственной жизни. Для того, чтобы католицизм мог развиваться, нужно было сначала переломать все кости в теле естественному, инстинктивному человеку, нужно было сначала поставить специфически рационально устроенный душевный механизм на место первоначальной, природной жизни, нужно было сначала как бы вывернуть всякую жизненную оценку и осознание жизни. Homo capitalisticus... вот то искусственное и искусное создание, которое в конце концов произошло от этого “выворота”» благодаря рационализму, органически вошедшему в католицизм через учение Фомы Аквинского¹. Вот этот «выворот» сегодня, в условиях глобализации экономики, коснулся всех.

Зомбарт видел пределы капитализма в разрушении органических стилей жизни, ликвидации крестьянства, дроблении профессий и возникновении частичного, узко специализированного труда. Размышления о духе капитализма у Зомбарта сильно отличаются от веберовских. Они сильно психологизированы: «Хозяйственный дух — это совокупность душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование... всегда ли и везде один и тот же дух господствует в хозяйственной жизни, или, точнее, в хозяйственном человеке, или же можно различить виды этого духа, смотря по личностям, профессиям, странам, эпохам или еще как-нибудь»². Отрицая единый дух капитализма, Зомбарт ищет различия. Они не в степени развитости одних и тех же стремлений, не во всегда господствующем стремлении к максимизации прибыли. Эпохи развития капитализма Зомбарт делит на основании того, какой дух в них преобладал. Как и Вебер, он считает, что соотношение духа и хозяйственной жизни находятся не в отношениях причинной взаимозависимости, а в отношениях адекватности. Рассмотрев дух докапиталистической хозяйственной жизни как не удовлетворяющий имеющейся жажде денег в производстве благ, как одинокое творчество крестьянина и ремесленника и живущего полной жизнью сеньора, Зомбарт показывает, что у капиталистического экономического человека слабо развита умственная

¹ Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. С. 237.

² Зомбарт В. Буржуа: к истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Соб. соч. в 3-х томах. Т. I.. СПб., 2005. С. 28–29.

и волевая энергия: он относится к хозяйственной деятельности, как ребенок к учению в школе, — надо заставлять. «Основная черта докапиталистической жизни есть черта уверенного покоя, свойственная всякой органической жизни. И надо теперь показать, как этот покой превращается в беспокойство, как общество из принципиально статического развивается в принципиально динамическое... Дух, который производит это превращение, который обращает старый мир в развалины, есть дух капиталистический, как мы его называем по хозяйственной системе, в которой он обитает»¹.

Согласно Зомбарту, капиталистический дух складывается из объединения предпринимательского духа (включающего жажду денег, страсть к приключениям, изобретательности и пр.) и мещанского духа (склонности к счету и осмотрительности, благоразумию и хозяйственности). Завоеватель, организатор, торговец — три стороны натуры предпринимателя, которые для успеха его деятельности должны у него присутствовать совместно. Предпринимательский дух у Зомбарта не ограничивается каким-то одним фактором, и потому капитализму, в том числе и западному, присуще не только честное зарабатывание денег, как полагал Вебер, но использование и всех прочих средств их получения. Он описывает в предпринимателе черты завоевателя (планирование, упорство в осуществлении планов, воля к действию), качества организатора, торговца. К типам предпринимателей он относит, как мы уже отчасти упомянули, разбойников, феодалов, государственных чиновников, спекулянтов, купцов, ремесленников. Мещанский дух включает «святую хозяйственность» (хорошее ведение хозяйства) и деловую мораль в отношении других. Капиталистический дух, по мнению Зомбарта, возникает во всех странах Запада в Новое время. Но момент его появления, продолжительность времени, когда он владеет нацией, степень его интенсивности, его способность к распространению по различным социальным слоям, соотношение мещанского и предпринимательского духа в разных странах различны. В Италии капиталистический дух рано возник (в XIII–XIV веках), но был ослаблен феодализацией XVI века. В Испании капитализм расцвел также рано, особенно в Барселоне, но «оцепенел» в XVI столетии от феодализации, которую стали называть испанизацией. Феодализация включала в себя рост богатого и праздного класса, наслаждение жизнью, расточительство. Во Франции в XIV веке начался расцвет спекулятивного предпринимательства, но производительный капитализм задерживается в развитии из-за отсутствия трудовой аскезы и привилегий чиновничества, делающих позицию чиновни-

¹ Там же. С. 47.

ка более привлекательной, чем предпринимателя, из-за недостаточного уважения к торговле и предпринимательству. В Германии и в XVI веке капиталистический дух еще не достиг того расцвета, какой он имел в Италии XIV столетия. Но все же этот дух появился, и для Германии мог бы быть назван даже расцветом, ибо немцы проявили приспособляемость к рынку, организационный талант, ориентацию промышленности на внедрение науки. Полного расцвета капиталистический дух достиг в Голландии XVII века, держащей в своих руках европейскую торговлю, морские порты. В XVIII веке этот дух, по мнению Зомбарта, также феодализируется. Великобритания имела различия в трех своих частях в плане развития капиталистического духа. Ирландия не имела его. Англия XVI века имела его в полном своем проявлении. Предпринимательский дух стремления к приключениям и завоеваниям, превращение земледельцев в капиталистических предпринимателей, спекулятивное грюндерство, развитие предприятий в XVII–XVIII веках, расцвет «мещанских добродетелей» в XVIII веке, индустриализм, начинающийся еще в XVII столетии, тогда как большинство стран Запада прошли его в XIX. Особенно интересны соображения Зомбарта о Шотландии, где моральный философ Адам Смит создал политическую экономию капитализма. Отчасти Зомбарт проясняет явление Смита странностями шотландского капитализма: «Ничто не может более изумить того, кто занимается вопросами возникновения капитализма, как тот совершенно внезапный способ, каким, буквально точно взрывом, начинается расцвет капиталистического духа в этой стране и вдруг непосредственно вполне распускается, как цветок *Victoria regia* за ночь, одним ударом»¹. В XVII веке Шотландия мало заботится о росте коммерции, ибо одержима религиозным рвением. «И тут, к концу XVII в, происходит этот внезапный порыв неукротимого стремления к наживе и предпринимательского духа»². Словом, Зомбарт косвенно соглашается тут с веберовским объяснением источников капитализма, с появлением протестантского духа, который привел к быстрому расцвету капитализма в Англии и Шотландии, но позже лидерство этого региона ослабевает и переходит к США, где собрались люди капиталистического духа, ищущие «тело», где они могли бы его применить, и США предоставили им такую возможность. Отвечая на вопрос, предшествует ли капиталистический дух капитализму или является его продуктом, Зомбарт придерживается того мнения, что этот дух имеет иные источники, чем капиталистическая организация, кото-

¹ Там же. С. 191.

² Там же. С. 192.

рая сама по себе не рождает капиталистический дух. Предпринятые им исследования духа капитализма отвергают ходячие представления социалистических теорий о буржуа. Но также, по его мнению, «и такие остроумные гипотезы, как, например, Макса Вебера, не могут быть оставлены в силе»¹. И хотя Зомбарту не удастся заместить отвергаемые им концептуальные схемы стройной альтернативой, ибо его абстрактная схема очень проста: капиталистический дух есть сумма духа предпринимательства и мещанского духа. Он распадается на множество вариантов его воплощения. Веберовская концепция рождения капитализма из духа протестантской этики как доминирующего фактора выглядит сегодня неуниверсальной (относящейся только к протестантским странам) и упрощенной, несмотря на всю свою стройность.

Зомбарт пытается наметить перспективы. В предпринимателе соединяются герой, торговец и мещанин, но со временем героическое исчезает: развитие капиталистического духа продолжается другим путем. В предпринимательстве прежде соединялись герой, торговец и мещанин, но со временем героическое исчезает. До конца XVIII века капиталистический дух связан и ограничен нравами и нравственными нормами, заложенными христианством. С начала XIX века он освобождается от этой связности в стремлении к безграничной наживе, причиной чего являются науки о природе, породившие технику; появление биржи; ослабление религии; переселение наиболее способных хозяйствующих субъектов в страны развитого капитализма и их отрыв от родных мест. Неограниченный рост капитализма становится угрозой его собственному существованию, избежать которой Зомбарт не находит пути.

Дюркгейм, кратко рассмотренный здесь, — это не столько альтернатива веберовскому пониманию генезиса капитализма, сколько описание генезиса капитализма в непротестантских странах, включающее факторы, имеющие значение для капитализма в целом. Позиции Вебера и Дюркгейма сближает внимание к процессу рационализации при капитализме, который будет специально рассмотрен. Альтернативу составляет Зомбарт, более адекватно описывающий глобальный капитализм и капитализм незападных стран, а также уделяющий внимание многообразию капитализмов в западных странах при всем его убеждении, что только Западом дана «единственная в своем роде по задаткам своих отдельных членов и по своему составу группа народов»², в которых существует жажда золота и предпринимательский дух. Сначала прояв-

¹ Там же. С. 429.

² Там же. С. 431.

ленный в завоевательных походах господ, он распространяется в народе для добывания денег путем создания предприятий, без насилия.

В таких работах 1912–1913 годов, как «Роскошь и капитализм», «Война и капитализм», Зомбарт связывает генезис капитализма с могуществом государства, с его способностью к ведению войн, с потребностью самого государства в роскоши.

Концепция Зомбарта оказала влияние на К. Поланьи, что очень существенно для нас, ибо именно Поланьи описал Вторую великую трансформацию. У. Бек, исходя из работ Поланьи или, точнее, отталкиваясь от них, обсудил новые тенденции развития. Дополняя эти концепции и опираясь на них, мы рассмотрим впервые Третью великую трансформацию капитализма.

г) Фернан Бродель о генезисе капитализма

Существенный вклад в анализ генезиса капитализма внес французский исследователь Ф. Бродель. Он известен как представитель школы «Анналов», превзошедший ее основателей — М. Блока и Л. Февра. Этому способствовала чрезвычайно тщательная его работа, разделившая его первое большое сочинение «Средиземноморье и мир Средиземноморья в эпоху Филиппа II» (1949) и второе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» (1979) тридцатью годами упорного труда. Будучи историком, он рассматривает повседневность изучаемых эпох, использует свои представления, полученные от жизни в деревне в детстве, но при этом уделяет серьезное внимание понятийному аппарату. Он впервые ввел понятие «мир-экономика» или, как стали переводить теперь, «мироэкономика», и «историческая долговременность». Он уточнил использование таких понятий, как «рынок», «капитализм», «разные скорости развития», «цивилизация», «ядро–периферия».

Понятие «мир-экономика» возникает у него путем обобщения географически-временных особенностей Средиземноморья как особого мира в раннее Новое время. Этот подход характеризует Броделя как основателя миросистемного подхода, который потом был развит И. Валлерстайном и Дж. Арриги. Он предпочитал говорить не об обществах, что представлялось ему весьма расплывчатым, а о социоэкономиках. Бродель разделял взгляды Маркса, что владение средствами производства, земель, судами, станками и пр. дает преимущества в преобладании над людьми, которые этого не имеют. Но отношений общества и экономики для развития капитализма было недостаточно: «Государство во множестве форм, будучи одновременно и причиной, и следствием, навязывало свое присутствие, нарушало отношения, вольно или невольно вносило в них отклонения. Оно играло свою часто весомую роль в тех соору-

жениях, которые с помощью определенной типологии можно сгруппировать в различные социоэкономики мира: одни — с рабством, другие — с сервами и сеньорами, третьи — с деловыми людьми и предкапиталистами»¹. Тут он переходил к языку Маркса, но не к его идее закономерной смены типов общества.

Теория капитализма Броделя строится на основе различения материальной и экономической жизни: «Между “материальной жизнью”... и экономической жизнью располагается поверхность их контакта. Это не сплошная плоскость, контакт материализуется в тысячах неприметных точек — рынках, ремесленных мастерских, лавках... Такие точки суть одновременно и точки разрыва: по одну сторону лежит экономическая жизнь с ее обменами, деньгами, с ее узловыми точками и средствами более высокого уровня — торговыми городами, биржами и ярмарками, по другую — “материальная жизнь”, “неэкономика”, живущая под знаком неотвязно ее преследующей самодостаточности. Экономика начинается с порогового уровня *меново́й стоимо́сти*»². Невозможно пройти мимо идей Броделя, не вписывающихся в узкие рамки одного дисциплинарного подхода, поэтому его нельзя назвать просто историком, это мыслитель иного ранга. Его исследование материальной цивилизации и ее экономики заставляет переосмыслить многие философско-методологические основания наук об обществе. Бродель показывает, что экономику в конкретном обществе надо рассматривать как целостную иерархическую структуру, каждый из слоев которой прорастает друг в друга: «нижний “этаж” “не-экономики”, своего рода гумусный слой, где вырастают корни рынка, не пронизывая, однако, всей его массы. Этот нижний “этаж” остается огромным. Выше него, в зоне по преимуществу рыночной экономики, множились горизонтальные связи между разными рынками; некий автоматизм обычно соединял там спрос, предложение и цену. Наконец, рядом с этим слоем или, вернее, над ним зона “противорынка” представляла царство изворотливости и права сильного. Именно там и располагается зона капитализма по преимуществу как вчера, так и сегодня, как до промышленной революции, так и после нее»³. Гумусный слой образуют семейные хозяйства, надомные работники, мелкие хозяйства, с несколькими работниками, целые сферы мелких мануфактур и частных предприятий. Его взгляд исследовате-

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / В 3-х томах, Т. 1. Структуры повседневности. М., 2006. С. 522.

² Бродель Ф. Там же. Т. 2. Игры обмена. М., 2006. С. XIII.

³ Там же. С. 217.

ля вскрывает слой за слоем, вплоть до развившихся в XVIII веке промышленных предприятий среднего и крупного размера, ставших новым явлением в производстве. Поскольку вся экономика в обществе не сводима к одному промышленному слою, хотя и непрерывно разрастающемуся и занимающему важное, доминирующее в развитых странах положение, то и рынок — не определяющее для понимания экономической жизни. Позиция Броделя следующая: «Саморегулирующийся рынок, завоевывающий, рационализирующий всю экономику, — такой будто бы была главным образом история экономического роста. Карл Бринкман мог в недавнем прошлом утверждать, что экономическая история — это исследование происхождения, развития и возможного в будущем распада рыночной экономики... Такой упрощенный взгляд вполне согласуется с тем, чему учили поколения экономистов. Но ведь таким не может быть взгляд историков, для которых рынок — не просто эндогенное явление. И более того, он не представляет ни совокупности всей экономической деятельности, ни даже строго определенной стадии ее эволюции»¹.

Для Броделя экономическая жизнь сращена со структурами повседневности, она укоренена в них и питает их заботой. В современных обществах экономика также не ограничивается производством, а распределена среди многих сфер, имеет в том числе и упомянутый гумусный слой. Поэтому полное представление о хозяйственно-экономической жизни общества может быть получено, на что обращал внимание известный экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике В. Леонтьев, только учитывая все многообразие ее проявлений. Именно в этом моменте его философия экономики сходна со взглядами Броделя.

С чего же начинается капитализм? Над «материальной жизнью» — первым этажом — надстраивается, говорит Бродель, — второй этаж — экономика, а над ним третий этаж — капитализм. Он отмечает: термин «капитализм» появляется достаточно поздно, в начале XX века, но само явление рождалось в 1400–1800 годы. Капитализм — это не только экономика, но все то, что сопутствует ее становлению и окружает ее — Столетняя война, Возрождение, гуманизм, Реформация и пр. Особенностью его подхода является не только тщательный анализ этажей указанной иерархии, но активное и продуманное использование терминов «капитал», «капиталист», «капитализм». Бродель подробно анализирует этимологию данных слов, их историческое употребление и сосредотачивается на современных значениях, в которых не просто что-то осмыслено по-новому, но хранится история происхождения изучаемого яв-

¹ Там же. С. 212.

ния. Он ссылается на русского консула во Франции в период итальянской кампании Бонапарта, сказавшего, что Франция «ведет войну своим капиталом», а ее враги «своим доходом». «Заметьте, — говорит Бродель, — в этом ярком суждении слово *капитал* означает национальное достояние, богатство нации. Это уже более не традиционное слово для обозначения суммы денег, размеров долга, займа или торгового фонда... Заменить его понятием производительных денег, трудовой стоимости — на это потребуется много времени»¹. Слово «капитал» постепенно приближается к тому смыслу, который придал ему К. Маркс, трактуя его как средство производства, отмечает Бродель. Слово «капиталист», считает Бродель, было употреблено в Голландии XVII века и чаще использовалось в качестве прилагательного «капиталистический». Первоначально это было название людей, обладавших деньгами, затем не просто имеющих их, но оперирующих ими и предоставляющих средства. Во время Великой Французской революции призывали к расправе не только над дворянской аристократией, но и над аристократией капиталистической. Капиталист еще не рассматривался как предприниматель, как он стал пониматься позже, а просто как носитель богатства.

Согласно Броделю, первое упоминание капитализма в близком к сегодняшнему смыслу было сделано в 1850 году Луи Бланом, который обозначил этим термином присвоение капитала одними лицами с исключением других. Этот термин использовал Прудон, но в 1867 году Маркс еще не применял его². В отличие от Маркса, который считал капитализм явлением, зарождающимся в XVI веке в городах Италии, а капитал и зрелый капитализм — порождением индустриального производства XIX века, и от К. Поланьи, который высмеивал мнения историков, говоривших об ассирийских купцах, Бродель считает капитал явлением, существующим издавна, и в термине «капитал» усматривает изначально выраженное намерение отделить этот несвойственный обществу в целом фрагмент деятельности, который с XIX века поглотил общество и позволяет говорить о его некапиталистических фрагментах. «Я говорил уже, — пишет Бродель, — что капитализм прошлого (в отличие от капитализма сегодняшнего) занимал лишь узкую площадку в экономической жизни. А тогда как же можно было бы говорить о нем как о “системе”, охватывающей общество во всей его целостности? Но тем не менее он был некоторым миром в себе, отличающимся от всей окружающей его глобальной социальной и экономической обстановки, даже чуждым ей.

¹ Там же. С. 233.

² Там же. С. 236.

И именно по отношению к этой последней он и определялся как “капитализм, а не только по отношению к новым капиталистическим формам, которые явятся позднее. На самом деле тем, чем он был, он был только относительно огромных размеров *некапитализма*. И отказываться признавать эту дихотомию экономики прошлого под тем предлогом, будто бы “истинный” капитализм датируется XIX в. — значит отказываться понимать смысл того, что можно было бы назвать старинной топологией капитализма... Если капитализм и обосновывался в каких-то местах по собственному выбору, а не по недосмотру, так это и в самом деле происходило потому, что *эти места были единственно благоприятны для воспроизводства капитала*»¹. Это методологически важное замечание ориентировало нас в анализе генезиса и эволюции капитализма, в частности новых капитализмов в Азии и посткоммунистических странах, где капитализм некоторых сегментов хозяйственной системы не сделал ни ее в целом, ни общество капиталистическими.

Примечательно в позиции Броделя признание рынка необходимым, но недостаточным условием формирования капитализма. Он восхищается рынками, ярмарками всех эпох, но капитализм — это система властвования и создания монопольных ограничений, включающая рынок, но и противостоящая ему. Самому распространению рынка должны способствовать некоторые факторы — географические, демографические, сельскохозяйственные, промышленные, торговые. Рыночная экономика везде одинакова, везде основа любого общества, считает Бродель. Но она — необходимое, но не достаточное условие капиталистического развития: «Китай — превосходное доказательство того, что капиталистическая надстройка не утверждается в силу самого существования... Требуются и иные факторы»². Капитализм возникает лишь при поддержке обществом предкапиталистических генеалогических линий, обеспечивающих постоянное накопление: «Фактически должны были вмешиваться тысячи факторов, в гораздо большей степени политических и... “исторических”, нежели специфически экономических и социальных»³.

Бродель отрицает, что капиталист, локализованный пространством и имеющий контакты с себе подобными, может быть носителем описанного Зомбартом духа, и, говорит он, не нужна гениальность, чтобы работать в Ост-Индской компании. Не считает он также, что всеми капиталистами движет стремление к максимизации прибыли. Капиталисты

¹ Там же. С. 238.

² Там же. С. 627–628.

³ Там же. С. 628.

— это люди, и мотивы их различны. И расчетливый, и неосторожный могут сделать состояние. Эти аргументы ведут Броделя к следующему заключению: «Однозначное, “идеалистическое” объяснение, делающее из капитализма воплощение определенного типа мышления, всего лишь увертка, которой воспользовались за неимением лучшего Вернер Зомбарт и Макс Вебер, чтобы ускользнуть от признания мысли Маркса... Тем не менее я вовсе не считаю, что в капитализме все материально. Или все социально, или все есть общественное отношение. Вне сомнения остается... одно: он не мог выйти из одного сугубо ограниченного источника. Свое слово сказала здесь экономика; свое слово — политика; свое слово — общество; свое слово сказали и культура, и цивилизация. А также и история, которая зачастую была последней инстанцией, определяющей соотношение сил»¹.

На наш взгляд, Зомбарт оказал влияние и на Броделя, укрепив его в понимании многофакторности генезиса капитализма. Бродель усилил этот тезис вплоть до отказа от генерализаций. В противоположность Зомбарту он считал, что государство не всегда могло воспользоваться своими возможностями и часто было вынуждено обращаться к услугам аристократии, а затем капиталистов. Бродель ставит вопрос о влиянии культур и цивилизаций на восприимчивость капитализма, сегодня практически ключевой. Он пишет: «Всякий раз, когда в обществе обнаруживаются тенденции к появлению трещин и провалов (а капитализм вносит их в докапиталистические традиционные общества. — *Авт.*) вездущая культура заполняет или по меньшей мере маскирует их, окончательно замыкая нас в рамках наших повседневных задач... Цивилизация, особо старая, враждебна инновации. Следовательно, она будет говорить «нет» рынку, «нет» капиталу, «нет» прибыли. Самое малое она отнесется к ним подозрительно, сдержанно. Но прошли годы, требования повседневной жизни, ее давление возобновились. Европейская цивилизация оказалась вовлеченной в постоянный конфликт, разрывающий ее на части. И тогда ей пришлось без особой радости дать новому зеленый свет. И этот опыт — не только опыт Запада»².

Мы видим, таким образом, что генезис капитализма не прекратился, а генезис западного капитализма имеет многообразие трактовок, в которых сменяются углы зрения, ракурсы интерпретации, высвечивая те или другие стороны процесса. Возвышение капитализма над структурами повседневности произошло в Европе, и это уникальное событие

¹ Там же. С. 409.

² Там же. С. 568.

обязано участию также новоевропейского государства. Государственная власть и финансовый капитал нашли поддержку друг в друге, что привело, в конечном счете, к возвышению капитализма в той форме, в которой он возник в Европе, и к трансформации государственных экономик в глобальный капитализм. Бродель подчеркивал: «...современное государство было одной из тех реальностей, среди которых прокладывал себе дорогу капитализм, то стесняемый, то поощряемый и довольно часто продвигавшийся по нейтральной почве. Да и как могло быть иначе? Если интересы государства и интересы национальной экономики в ее целостности часто совпадали... то капитализм всегда находился в том секторе экономики, который обнаруживал тенденцию включиться в самые оживленные и самые доходные потоки международных дел»¹.

В этом отношении следует подчеркнуть не столько конкурентность и альтернативность трактовок, сколько их взаимодополнительность и смещение в сторону большего интереса к незападным странам, к культурам, их большей или меньшей склонности к выработке предпосылок капитализма. Сам же капитализм для Броделя — это способ накопления богатства и власти.

Исследования Броделя содержат целостное представление о социальной реальности и подходах к ее изучению. Он критикует упрощающие дело подходы, в которых все экономические и социальные явления рассматриваются вне связи друг с другом, как бы вытекающие из одного ограниченного набора принципов.

Идеи Броделя послужили картиной мира и дали теоретические схемы анализа современных экономических и социальных явлений для таких крупных мыслителей, как И. Валлерстайн и Дж. Арриги². Безусловно, концепция Броделя оказала и будет оказывать возрастающее влияние на весь комплекс наук об обществе. В рамках настоящей главы практически невозможно отразить это воздействие.

Завершая краткий анализ концепции Броделя, нельзя удержаться, чтобы не привести его исключительно точное замечание о природе такого сложного явления, как капиталистическая экономика и капитализм. Он обращает внимание на важнейшее качество капитализма — его природную гибкость, изменчивость и адаптацию к существующим условиям. Бродель пишет: «Подчеркнем еще раз это важнейшее для общей

¹ Там же. С. 567.

² *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М., 2006; *Валлерстайн И.* Мирово-системный анализ: Введение. М., 2006.

истории капитализма качество: его испытанную гибкость, его способность к трансформации и *адаптации*. Если, как я полагаю, существует определенное единство капитализма, от Италии XIII века до сегодняшнего Запада, то как раз здесь его следует помещать и наблюдать в первую очередь... В масштабах глобальной экономики следует остерегаться упрощенного изображения такого капитализма, который будто бы прошел в своем росте последовательные этапы от стадии к стадии, от торговли к финансовым операциям и промышленности, т.е. к стадии зрелости, стадии индустриальной, единственно соответствующей “подлинному” капитализму. В так называемой торговой фазе, как и в фазе, именуемой промышленной, — термины эти, и тот и другой, покрывают большое разнообразие форм, — капитализм отличала (и это главнейшая его характеристика) способность почти мгновенно переходить от одной формы к другой, из одного сектора в другой в случаях серьезного кризиса или резко выраженного понижения нормы прибыли»¹.

Следуя этому пониманию, мы говорим в данной книге не столько о стадиях капитализма, сколько о трех Великих трансформациях, которые сопровождали его развитие при выходе из классического состояния либерального капитализма XIX века. Мы полагаем, что некоторые его стадии все же могут быть выявлены — ранняя, классическая и поздняя, неклассическая, если говорить о западном капитализме, который и анализируется в рассматриваемых концепциях. Но сегодняшняя эпоха формирования новых капитализмов в Азии и в посткоммунистических странах еще не дала ему имя.

д) «Мир-система» Иммануила Валлерстайна и развитие его концепции

Мир-системная концепция И. Валлерстайна² начала складываться в 70-е годы XX века. Она представлена в его трехтомной работе «Современная мир-система», которая выходила в свет с 1974 по 1989 г.³ Правильнее

¹ Бродель Ф. Игры обмена. С. 439–440.

² Фамилию этого ученого по-русски пишут иногда как Уоллерстайн, Валлерштайн.

³ *Wallerstein I. The Modern World System. V. 1: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. N.Y., 1974. Wallerstein I. The Modern World System. V. 2: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1950. N.Y., 1980. Wallerstein I. The Modern World System. V. 3: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World Economy, 1730–1840s. N.Y., 1989.*

было бы перевести заглавие его книги как «Современная мировая система», но в российской литературе принят указанный выше перевод. Именно данная работа дала толчок к рассуждению о глобализации. В этом многотомном труде предложена мир-системная парадигма, которая направлена на выявление этапов эволюции мировой системы и становления мировой экономики. Если мир представляет собой систему, значит, он един или становится единым, глобализируется. Валлерстайн сам выделяет две фазы развития своего учения о мир-системе¹. На первой из них, в 70-е годы, он не отрицал идею глобализации и даже стимулировал ее развитие. Утверждение, что мир представляет собой систему, созданную капитализмом, воспринималось как одна из первых констатаций глобализации. Валлерстайн опирался на Маркса. Но он дал свою трактовку старой идее о возникновении мировой системы, не считая это состояние неизменным и даже утверждая в качестве возможной перспективы и альтернативы мировому капитализму глобальный социализм.

На первой фазе анализа он обнаруживает комплексность мировой системы и ее центральный элемент — аккумуляцию капитала, технологический прогресс и ориентацию на рост капитала. Эта идея была бы не слишком нова, если бы Валлерстайн не показал значимость антисистемных движений в установлении системы и если бы он не предложил мир-системный анализ в качестве метода. Поворотным пунктом он считает 1968 г. — время появления антисистемных движений, направленных против капитализма и его системности.

То, что называется теперь глобализацией — связывание мира в единую систему, — началось, по мнению Валлерстайна, в 1450 году (так датирует он начало генезиса капиталистической системы) и продолжается до сих пор. Им отмечается наличие двух фаз кондратьевских циклов: восходящей — 1945/1967–1973 (фазы А) и нисходящей — 1967–1973/1990 (фазы В). «Процессы, которые обычно имеют в виду, когда речь идет о глобализации, не являются новыми по своей сути, они существовали в течение пятисот лет. Выбор, который мы должны сделать сегодня, заключается не в том, подчиниться или не подчиниться этим процессам, а скорее в том, что делать, когда эти процессы подойдут к своему логическому концу, а они идут именно к нему»².

¹ *Wallerstain I. Unthinking Social Science. The Limits of Nineteenth-Century Paradigms. Cambridge, 1991. P. 229–236, 266–272.*

² *Валлерстайн И. Глобализация или переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Красные холмы. М., 1999. С. 122.*

Мир-системный подход развивает идеи, предложенные Марксом, и использует его терминологию. Оба подхода, осмысляющих единство человечества — Марксова идея всемирной истории и мир-система Валлерстайна, — относятся к социологии макроуровня. Если у Броделя существуют различные мир-системы, то Валлерстайн, как и Маркс, говорит об одной мир-системе — системе капитализма. Мир-системный анализ рассматривает историческое развитие не только как экономическое, объединяющее в единое целое разрозненные части мира, но и включает в себя развитие межгосударственных отношений, т.е. политические аспекты, отношения власти, конфликты.

Однако основу исторического развития в направлении глобализации Валлерстайн видит в экономическом факторе — накоплении капитала. В целом его подход в 70-е годы «базируется на использовании экономических терминов и содержит вторичный политический элемент, и, главным образом, его интересует экономический процесс накопления капитала как движущая сила исторического развития¹.

Мир-системный анализ основан на трех положениях: *во-первых*, мировая экономика является капиталистической и вовлекает в себя все новые страны; *во-вторых*, имеется множество государств, распространяющих свое влияние; и, *в-третьих*, товарный взаимобмен, внутреннее и межгосударственные отношения формируются взаимоотношением капиталов и трудовых ресурсов². Такая мировая система зародилась в Европе в XVI веке и с тех пор распространялась и захватывала весь мир. Она представляет собой неоднородную структуру, состоящую из экономически сильного центра и экономически слабой периферии. Причем с течением времени ее центр переместился из Западной Европы в Северную Америку. Характерной особенностью мир-системы является ее непрерывное расширение и вовлечение в свою орбиту все большего количества регионов Земли, в результате чего прежде не включенные в мир-систему страны становятся ее периферийными зонами, теряют прежнюю независимость. Основанием разделения стран на центр и периферию является развитость экономики. Подключение все большего количества стран к мир-системе влечет за собой усиление взаимоотношений между странами. Между центром и периферией возникает промежуточная форма — полупериферия, образуемая из областей, прежде бывших периферийными, но показавшими способность к развитию.

¹ Munch R. Sociological Theory. Chicago, V. 3. 1994. P. 95.

² Hopkins T.K., Wallerstein I. World-Systems Analysis. Theory and Methodology. Beverly Hills, 1982. P. 11–13.

Они являются своего рода посредниками между центральной и периферийной зонами, выступая в роли центра для периферии и в роли периферии для центра. Поэтому они обладают признаками как центра, так и периферии¹. Существует, однако, противоречие, заключающееся в том, что есть всего одна мировая экономика и множество государств².

В работах этого периода Валлерстайн выделяет двенадцать признаков капиталистической мир-системы: аккумуляция капитала как движущая сила; разделение труда, формирующее напряжение между центром и периферией и создающее в то же время неравный пространственно-локализованный обмен; структурное оформление полупериферийной зоны; зарождение капиталистической мировой экономики в одной части земли (в Европе) и ее распространение впоследствии по всему земному шару; существование стран-гегемонов в этой мировой системе, периоды полновластного господства которых относительно коротки; появление антисистемных движений, одновременно подрывающих и усиливающих систему; модель одновременно циклического и прогрессивного развития, олицетворяющая противоречия системы, что объясняет системные кризисы³. Выделенные признаки говорят о том, что система расширяется, вовлекая периферийные и полупериферийные области, и тем самым способствует *глобализации на основе модернизации — глобализации современности*. Хотя Валлерстайн рассуждает в терминах мировой экономики, разделения труда и международных отношений, его работа, на наш взгляд, по праву считается социологической по той причине, что предметом его исследований является общество, понятое как международное сообщество.

Главная заслуга Валлерстайна, по мнению его российского ученика и последователя А.И. Фурсова, состоит в том, что он «создал новую сферу исследования, базовая единица которой — мир в целом, мир-как-система, мир-система»⁴. В многотомном сочинении Валлерстайна анализ имеет, как замечает Фурсов, хронологические рамки — 1848–1968 годы: период между двух революций — революцией 1848 г. во Франции и студенческой революцией 1968 г. на Западе. По его мнению, Маркс как бы начинает изучение эпохи, Валлерстайн завершает его.

¹ Ibid. P. 47.

² Ibid. P. 12.

³ *Wallerstain I. Unthinking Social Science. P. 268.*

⁴ *Фурсов А.И. Маргиналии к мир-системному подходу. Предисловие // Глобальные и региональные проблемы в работах Иммануила Валлерстайна. М., 1998. С. 5.*

Базовой единицей социального анализа Валлерстайн считает «историческую систему». Таковыми системами он считает те, которые имеют три определяющие характеристики: «они относительно автономны, и это означает, что их функционирование является преимущественно следствием внутренних процессов. Они имеют временные границы, т.е. начало и конец. Они имеют пространственные границы, которые могут измениться за время их жизни»¹. Он отрицает противопоставление системности и историчности. Есть, по его мнению, два типа исторических систем — мини-системы и мир-система. В рассматриваемый им исторический период мини-системы, т.е. изолированные, локальные системы, уже не существуют. Исторические системы характеризуются некоторой автономией, пространственными и временными границами.

Первый том книги Валлерстайна о мир-системе, как мы уже отметили, дал основания для некоторых трактовок его взглядов как глобалистских. В самом деле, утверждалось, что мир является системой, а слово «современный» в заголовке могло быть истолковано как новый, сегодняшний, возникший сейчас. В действительности же речь шла о «мир-системе современности», т.е. мире, в центре которого находятся развитые современные страны в двух смыслах — освободившиеся от религий и традиционных укладов и развитые в техническом отношении (по существу, страны Запада). Одновременно Валлерстайн поставил вопрос о смене парадигм социологии. Он предложил мир-системную парадигму, отличительные черты которой — комплексность и междисциплинарность, связь социологии с другими науками. Более того, он поставил вопрос не столько о смене парадигм, сколько о дисциплинарной перестройке социальных наук. По его мнению, дисциплинарная структура, возникшая в XIX веке, сковывает возможности понимания новых проблем: «Три признанные арены коллективной человеческой деятельности — экономической, политической и социальной (или социокультурной) — не являются автономными аренами социального действия. У них нет своей “логики”. И, что более важно, переплетение норм “рациональностей”, решений, выборов, ограничений таково, что ни одна пригодная исследовательская модель не сможет разделить “факторы” в соответствии с экономическими, политическими или социальными категориями, иметь дело только с одним видом переменных, считая другие постоянными»².

¹ Wallerstein I. *Unthinking Social Science*. P. 230.

² Уоллерстайн И. Анализ мировых систем: системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998. С. 134.

Валлерстайн полагает, что требуется системная методология междисциплинарного анализа, способная преодолеть не только устаревшее следование определенной дисциплине, но и противостояние номотетических и идеографических методологий, трактуемых как натуралистические и антинатуралистические. Согласно первой реальный мир не является набором случайных событий и имеет законосообразности, согласно второй — все меняется и не может быть обобщено. Валлерстайн критически относится к антагонизму этих методологий и утверждает, что его новая мир-системная парадигма интегрирует их, поскольку в масштабе системного интереса находится место как рассмотрению исторических флуктуаций, так и обобщениям. Он связывает мир-системный подход с реальным состоянием мировой системы и показывает, что в сельскохозяйственную эпоху существовало множество мини-систем. «Примерно к 1500 году одному из таких мировых хозяйств удалось избежать общей судьбы»¹. Возникла современная капиталистическая система, и к концу XX века она оказалась единственной мировой системой, т.е. определила глобализацию как глобализацию современности.

И. Валлерстайн принадлежит к исследователям, испытавшим влияние К. Маркса, М. Вебера, К. Полаanyi, Ф. Броделя. Его сравнивают с Марксом и Вебером. И все же он остается исключительно самобытным как в своем творческом развитии, так и в своем понимании капитализма.

Его первоначальные идеи связаны с приобретенной им в Колумбийском университете США традицией доверять модернизационной теории, имевшей направленность на теоретическое и практическое реформирование незападных стран посредством их ориентации на Запад и приближение по всем параметрам развития к его передовым образцам.

Господство *модернизационных* теорий в 50–60-е годы XX века возникло после победы над фашизмом. Влияние Запада и образа западной цивилизации повсеместно возросло, поверженные Германия и Япония встали на рельсы западного развития. Начался процесс деколонизации, пафос которого состоял в утверждении, что освобождающиеся народы самостоятельно, в условиях независимости, могут осуществить модернизацию по западному образцу. Исключение составляли страны социалистической системы, но это было то исключение, которое подтверждало правило: никто, более большевистских лидеров, не утверждал необходимость для России стать частью Европы (В. Ленин), догнать Европу (Л. Троцкий, И. Сталин), «догнать и перегнать Америку» (Н. Хрущев). Социалистические общества осуществляли модернизации, но особым образом, и Советский Союз не выпадал из социального контекста, по-

¹ Там же. С. 139.

родившего модернизационные теории. Эти теории утверждали, что есть *общий путь* для всего человечества, на который однако не все общества вступают одновременно.

Модернизации 1950–1960-х годов не закончились успехом для стран «третьего мира». Их традиционные культуры были разрушены в большей мере, чем приобретены основы современного общества. Бурное развитие Японии не меняло ее национальной идентичности на западную и представлялось не следствием успеха модернизационных теорий, а азиатским чудом, которому, казалось, не суждено повториться. В этот период повсеместно растет убеждение в возможности *социалистической альтернативы модернизации*, в особом пути социалистических стран. Модернизационные теории решительно отбрасываются в пользу *социалистических*. Эти идеи коснулись и Валлерстайна. Он продемонстрировал показательную смену умонастроения 70–х. Американский социолог Дж. Александер рассказывает, что в середине 1970-х годов на заседании Американской социологической ассоциации известный исследователь, сторонник теории модернизации А. Айнкелес, докладывал результаты проведенного им совместно с Д. Смитом исследования о персональной модернизации в шести развивающихся странах. Молодое поколение социологов выразило решительное презрение к их ныне почти классическому труду и поддержало Валлерстайна, заявившего: «Мы живем не в модернизирующемся, а в капиталистическом мире... и в переходе мировой системы от капитализма к социализму»¹.

Доверие к социализму было связано с открытием Россией и другими странами «второго», т.е. незападного и способного конкурировать с Западом, пути. Ему способствовали либерализация политического режима СССР, его реальное противостояние Западу в сфере обороны, космоса, ядерной области, фундаментальных наук, притягательность социалистического выбора для стран «третьего мира», не преуспевших в капиталистической модернизации после деколонизации, подъем социал-демократии Запада. Идея *второго пути* и сейчас еще не исчезла, хотя он уже редко связывается с социализмом.

Однако неуспех «третьего мира» на социалистическом пути, так же как и на пути модернизации, скоро развеивает эти иллюзии. Поскольку социализм есть тоже модернизация — движение к современному обществу, но осуществленное особым образом — в условиях изоляции, часто с применением насилия, — поднимается волна антимодернизационных

¹ Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time» // *Zeitschrift für Soziologie*. 1994. Jg. 23. Heft 3. S. 165.

настроений, ставящая под сомнение оба вышеназванных и обозначенных типа социальных теорий.

Валлерстайн, как отмечает его ученик Г. Дерлугьян, чутко реагирует на эти события. Он приходит к пониманию сходства упований на пролетариат и пролетарскую революцию марксистской теории и на средний класс в модернизационной теории, зеркальность социалистических и либерально-реформистских идей¹. Возможности сознательного изменения мира начинают казаться Валлерстайну проблематичными. Во многом под влиянием работы Броделя о развитии капитализма в Средиземноморье Валлерстайн находит «свой» регион — Африку, интересующий его как место колониальной экспансии Запада. Вместо модернизации как самостоятельного сознательного заимствования западного опыта незападными странами, вместо социализма как «другого» пути Валлерстайну *открывается новый источник распространения капитализма — колонизация*, начавшаяся с XVI века. Он делает вывод — существует не разновременное приближение стран к образцам капиталистического хозяйствования и социального уклада Запада, а сложившаяся мир-система: «Как в астрономии объект исследования в принципе един — Вселенная, так и в социальной исторической науке единицей исследования должна быть вся миросистема. Валлерстайн предложил рассматривать современный мир не как набор местных отклонений от политически заданных абстрактных идеальных типов (демократии, тоталитаризма либо свободных рынков), но как сложно сочлененную и постоянно эволюционирующую географическую зону, которая первоначально возникла в XVI веке в Атлантической части Европы»².

Эти соображения привели Валлерстайна к трактовке *капитала и капитализма как, по существу, связанных с колонизацией чужого или же, если проследить логику изложения, и своего населения*. Валлерстайн пишет: «Капитал — это очень спорное понятие. В повседневной жизни капиталом называют активы (богатство), которые используются или могут быть использованы для инвестиций в производительную деятельность. Такие активы существуют во всех известных нам социальных системах»³. Валлерстайн не согласен с Марксом в понимании капитала как элемента капиталистической системы, проявляющегося в контроле владельцев капитала над средствами производства в отличие от людей, составляющих рабочую силу.

¹ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 29.

³ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006. С. 208.

Рассуждает он и о терминах «пролетариат» и «буржуазия». В XVIII веке пролетариями во Франции называли простой люд, как это уже было в Риме. В XIX веке так начали именовать наемных работников, утративших связь с землей, антагониста буржуазии. Термин «буржуазия» употребляется, по мнению Валлерстайна, с XI века. Это городской слой, занимающий срединное положение. К нему стали относить купцов и банкиров. В XIX веке буржуазия вытеснила аристократию.

Говоря о капитализме, Валлерстайн отмечает: это очень непопулярный в научном мире термин, который ассоциируется с марксизмом, хотя, по его мнению, в истории мысли такая ассоциация верна лишь отчасти. Ф. Бродель говорил, что можно спустить капитализм с лестницы, но он влезет в окно. У Валлерстайна свое понимание капитализма: для него это историческая система, приоритетом которой является *бесконечное* накопление капитала.

Помимо колонизации распространение капитализма, согласно Валлерстайну, следующему тут за Й. Шумпетером, *определено научно-техническими инновациями*. Когда позже Валлерстайн ставит вопрос о коренном противоречии капитализма — между его неограниченной устремленностью к прибыли и социальными гарантиями, которые демократическое общество предоставляет трудящимся, приведшему капитализм к системному кризису. Однако нигде социальный и национальный протест не обгоняет роста производительности труда, основанной на использовании новой техники.

Развивая миросистемный подход Валлерстайн задумывается о его месте в системе наук об обществе. Он ориентируется на междисциплинарный синтез наук об обществе, называемый им исторической социологией.

Миросистемный подход формирует новую парадигму, проявления которой заметны во многих естественных и социально-гуманитарных науках. В своем блестящем предисловии к изданию Валлерстайна Дерлугьян показывает, что первое влияние на Валлерстайна в направлении смены парадигмы оказал З. Фрейд своей критикой инструментальной рациональности. К 1974 году — году выпуска первого тома миросистемных исследований Валлерстайна — происходят фундаментальные изменения «по всему фронту науки. В химии и физике эти прорывы ассоциируются... с таким именем, как Пригожин. В биологическом эволюционизме — ...Эрнст Майр, ... Стивен Джей Гулд, ... выдвинувший теорию «прерывистого равновесия»... В истории — Фернан Бродель, прямой предшественник Валлерстайна... В антропологии... Элман Сервис, Маршалл Салинс и, поколение спустя, Аллен Джонсон и Тимоти Эрл. Франко Моретти обозначил очень своеобразное направление в литературоведении».

нии ... в социологии, помимо Валлерстайна, необходимо назвать Чарльза Тилли, Теду Скочпол, Джека Голдстоуна, Рэндалла Коллинза и Пьера Бурдьё»¹.

Валлерстайн в рамках миросистемной методологии утверждает, что концепция миросистемы вытесняет понятие прогресса с присущей ей линейностью, что в мире существует трансформация мировых систем, которые не поддаются описанию в терминах «вверх, вниз или прямо»². Он отмечает, что миросистемный анализ без должного почтения отнесся к границам общественных наук, что, пожалуй, стало его основополагающим элементом, наряду с теорией «ядра-периферии», между которыми совершается неравный обмен, концепцией миросистемы и длительностью исторических процессов. Это меняет методологию, *соединяя натуралистический анализ макропроцессов с культур-центристским исследованием отдельных точек*, т.е. вопрос о соотношении исследовательских программ ставится как *вопрос о разном масштабе их объяснительной способности в рамках нового подхода, признающего стохастический и не однонаправленный характер будущего*. Касаясь этих программ, Валлерстайн пишет, что выбор из них — неразрешимая логическая дилемма, решение которой следует искать на эвристической основе. Анализ мировых систем предполагает эвристическую оценку жизненной стратегии между трансисторическими обобщениями и частными изложениями, и оптимальным методом может быть анализ событий, достаточно продолжительных во времени и в пространстве, чтобы содержать в себе основные «логики» с одновременным признанием, что системные рамки этих событий имеют начало и конец и поэтому не должны рассматриваться как «вечные» явления.

Понятие «миросистема», как уже отмечалось, претендует на рассмотрение мира в характерной для него целостности или целостностях, наподобие вселенной для астронома. Это основополагающий принцип миросистемного анализа. Миросистемный подход смотрит на мир как глобальный еще до появления термина «глобализация»: «Сторонники миросистемного анализа видят в том, что все считают новым (в относительно открытых границах) очередной циклический эпизод в истории современной миросистемы»³. Миросистема имеет различные институты

¹ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 21.

² Валлерштейн И. Анализ мировых систем: современное системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998. С. 145.

³ Валлерштейн И. Миросистемный анализ: Введение. С. 203.

— государства, хозяйственные объединения, классы, позволяющие ей функционировать. Миросистемы, по Валлерстайну, существуют в виде мироимперий (например, Римская империя, Китай династии Хань) — больших бюрократических систем с единым политическим центром, разделением труда, но разными культурами, и в виде мироэкономики, в которой сильное разделение труда, много политических центров, много культур.

Мироэкономика не связана единой политической структурой. Она включает множество государств, вступающих в международные отношения. Миросистемы экономики были всегда, но устойчивой мироэкономика стала только при капитализме. Миросистема разделяется на ядро, периферию и полупериферию. Эти понятия используются в том значении, которое им придал Р. Пребиш и латиноамериканские исследователи. У них эти понятия имеют экономическое значение, пересекающееся с представлением Валлерстайна о колониализме. Мировая торговля оценивалась ими как неравный обмен. Одни страны сильнее других, и они присваивают себе добавочную стоимость (это ядро), отнимая ее у слабых (у периферии). «Но, подразделяя страны ... (на ядро и периферию — *Авт.*), важно помнить, что речь идет не о странах как таковых, а о характерных для них производственных процессах»¹. Поэтому разделение труда рассматривается не в каждой из стран, а по оси «ядро-периферия» и называется осевым разделением труда. Современная миросистема есть капиталистическая мироэкономика, включающая производство, прибавочную стоимость. Как пишет Валлерстайн, «люди, живущие в одной мироэкономике, исповедуют разные религии, говорят на разных языках, и вообще их повседневная жизнь очень различается. Однако это не означает, что они не выработали какие-то общие культурные модели; мы будем называть их совокупность геокультурой. Но все же не нужно надеяться, а тем более пытаться отыскать политическое или культурное единообразие в нашей мироэкономике. Вся структура держится главным образом на разделении труда, которое в ней и возникло»².

Если предпринять усилия найти близкие по смыслу, но иначе выраженные и более привычные способы изложить концепцию Валлерстайна, мировые системы меняются. Сначала была мировая система феодализма — мироимперия, затем мировая система капитализма — мироэкономика. Но это весьма приблизительно. Ибо и в мироимпериях, и за тысячу лет до них, были люди и компании, как утверждает Валлер-

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 86.

стейн, которые хотели продать свой товар на рынке и получить прибыль. Тысячи лет существует и наемный труд, оплачиваемый деньгами. Но ни то, ни другое не является капитализмом самим по себе: «О капитализме можно говорить, только если система ставит во главу угла *бесконечное* накопление капитала. Если мы принимаем такое определение, то только современная миросистема является капиталистической. Концепция бесконечного накопления чрезвычайно проста: люди или фирмы накапливают капитал для того, чтобы накопить его еще больше, а это процесс непрерывный и бесконечный. Если мы говорим, что система “ставит во главу угла” такое бесконечное накопление, это значит, что структура выстроена так, что люди с иной мотивацией будут каким-то образом наказаны и удалены с социальной арены, а те, кто движется согласно системному курсу, будут вознаграждены, а особо удачливые — обогатятся»¹.

Эти и другие идеи приводят их автора к вопросу о времени жизни капиталистической миросистемы и мироэкономики, не способных быть вечным. Историческая система проживает свою жизнь во времени значительной длительности. Но наступает момент, когда противоречия, накопленные системой, не могут быть преодолены. Кризисы могут быть преодолены, но системные кризисы — нет. Система оказывается в точке бифуркации, выход из которой — хаос и инварианты выбора. Хаос временами имеет место, а варианты выбора плохо просматриваются, хотя Валлерстайн их связывает с ростом антисистемных движений. Термин придуман им для характеристики социальных и национальных движений, направленных на разрушение статус кво. Не без трудностей Валлерстайн выбирает в качестве начала системного кризиса «мировую революцию 1968 года». Возможно, потому, что это была революция, совпавшая с его молодостью, Валлерстайн преувеличивает ее значение: «Эта мировая революция ознаменовала собой конец долгого господства либерализма, тем самым сдвинув с привычного места геокультуру, благодаря которой все политические учреждения миросистемы были в целости и сохранности. Сдвиг геокультуры подорвал основы капиталистической мироэкономики, так что она ощутила на себе всю силу политических и культурных потрясений, которые, конечно, всегда ей угрожали, но до той поры она все же была от них довольно хорошо защищена»². Кризис капиталистической мироэкономики усугубляется тем, что погоня капиталиста за наживой сталкивается с ограниченностью спроса

¹ Там же.

² Там же. С. 177.

покупателей, не имеющих для этого достаточно денег, с ограничением их потребительских возможностей. «И этот простой факт является постоянной неотъемлемой дилеммой капитализма»¹. Предприниматель вынужден уступать рабочим, уменьшая прибыль и увеличивая издержки производства. Единственным выходом становится «беглая фабрика» — перевод производства в другие места с более дешевой рабочей силой и меньшими издержками производства. Но и это не навсегда, т.к. и здесь со временем рабочие требуют больше. Сельскохозяйственный резерв индустриализации повсюду невелик. Растут трудности с сырьем, утилизацией отходов, с налогами. Демократия гарантирует гражданам образование, здравоохранение и пожизненный доход. Это повышает налоги, и прибыли падают.

Говоря о миросистеме, мироимперии и мироэкономике, Валлерстайн не предполагает, что они охватывают весь мир: «Я хочу довести до вас, что миросистема представляет собой некоторое территориально-временное пространство, которое охватывает многие политические и культурные единицы, но в то же время является единым организмом, вся деятельность которого подчинена единым системным правилам»². Впервые Бродель в своем «Средиземноморье» придал этому региону статус миросистемы.

Валлерстайн с пониманием ссылается на Броделя, который «капитализмом ... называл только сектор монополий, но не считал свободный рынок признаком капитализма и даже, наоборот, настаивал на том, что капитализм — это “антирынок”. Концепция Броделя и по форме, и по существу была прямым ударом по позициям экономистов-классиков (включая Маркса), которые рассматривали рынок и капитализм как нечто единое. Во-вторых, основополагающим моментом миросистемного анализа Бродель считал многообразие социального времени и обращал особое внимание на структурное время, которое он называл *длительной протяженностью*... протяженностью определенной исторической системы. Таким образом, можно было делать обобщения о функционировании систем и при этом не угодить в ловушку вечных вневременных истин»³. Принцип длительной протяженности существования миросистем стал основополагающим и для Валлерстайна.

Характеризуя свой подход и отчасти влияние на него Броделя, Валлерстайн пишет: «Аргументация сводилась к тому, что современная ми-

¹ Там же. С. 178.

² Там же. С. 75.

³ Там же. С. 77.

роэкономика есть экономика капиталистическая, это не первая существующая мироэкономика, но по существу первая, которой удалось выжить и добиться продолжительного успеха, что стало возможным только благодаря тому, что мироэкономика была полностью капиталистической. Теперь капитализм рассматривался не в рамках отдельного государства, а в пределах всей мироэкономики...»¹. Валлерстайн находит основания для этого утверждения, уже отмеченного как весьма важное для нашей книги, в работах экономиста и социолога Карла Поланьи (1886–1964), показавшего связь экономики с обществом и культурой. Поланьи выделял три формы экономической организации: взаимность, перераспределение и рынок. Первая форма, основанная на взаимной выгоде, являлась минисистемой, если говорить в терминах Валлерстайна. Вторая форма — перераспределение пришедших снизу товаров вверх и затем частичное поступление ее обратно — обозначалась как мироимперия. А третья называлась мироэкономикой².

Валлерстайн разделяет взгляды Броделя о подчиненности рынка постоянному наращиванию прибыли, который в ряде случаев может быть более успешно подготовлен монополией, чем рынком. Он показывает, что миросистема — то не мировая система, а некая часть всего мира. Мироимперия (Римская, Китай династии Хань) — это огромная бюрократическая структура с единым политическим центром, осевым разделением труда, но разными культурами. В мироэкономике много политических центров и много культур.

Мироэкономика сегодня является капиталистической и не представляет собой единой системы производства, а характеризует торговые отношения между государствами, утверждает Валлерстайн³, и капиталистической ее делает не рынок, а бесконечное возрастание капитала, получение прибыли посредством организованной деятельности. Но рынок, как видим, все же характерная черта капиталистической мироэкономики, и выброшенный в дверь, перефразируя сказанное Броделем о капитализме, он влезет в окно.

Миросистемный подход, как отмечают исследователи, является пространственно-временной метафорой, видящей в регионах мира и времени истории устойчивые единицы. Хотя существовали разные миросистемы, современная миросистема характеризуется Валлерстайном следующим образом: «Миросистема, в которой мы сейчас живем и ко-

¹ Там же. С. 75.

² Там же. С. 75–76.

³ Там же. С. 211.

торая зародилась в Европе и Америках в долгом XVI веке. Современная миросистема есть **капиталистическая мироэкономика**¹.

Валлерстайн подвергся справедливой критике за игнорирование роли национального государства в миросистеме, что ограничивает мрачно спрогнозированные им тенденции. Полагаем, что глобализация, не привлекая его внимания как самостоятельный процесс, а только как элемент существующей цикличности, дает перспективу капитализму перед лицом системного кризиса. Валлерстайн в значительной мере отошел сейчас от идей своего основного труда и занимает позиции сценарного прогнозирования, предполагающего разные пути развития событий и прохождение ими точек бифуркаций. «Надев шоры, которые соорудил для нас XIX в., мы не в состоянии выполнить ту социальную задачу, которую стремимся выполнить и реализации которой ожидает от нас весь остальной мир — рационально представить имеющиеся исторические альтернативы...», — говорит Валлерстайн².

е) Джованни Арриги о системных циклах накопления капитала

Джованни Арриги является одним из блестящих продолжателей миросистемного анализа, он работал долгое время совместно с И. Валлерстайном, испытал влияние Ф. Броделя, А. Грамши и Й. Шумпетера. Для него капитализм — это прежде всего система контроля над рынком и государством, а не производства и обмена. Этот процесс имеет волнообразный характер, выделяет новых лидеров. В отличие от Валлерстайна, датирующего возникновение капитализма XVI веком, Арриги считает, что капитализм появился в Италии периода Ренессанса.

Арриги, как и Валлерстайн, работал в Африке, а затем в Америке и рассматривал Италию с этих двух точек своего интереса. Послевоенная Италия была полупериферией. Как отмечают авторы предисловия к изданному в России труду Арриги «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени», опубликованному на Западе в 1994 году: «Арриги, которого воспитывали как наследника семейного дела (швейцарских банкиров и миланских коммерсантов. — *Авт.*), слишком хорошо знал повседневную механику бизнеса, насколько нелегко создавать и удерживать контроль над рынками и рабочей силой. Теория модернизации — абстрактная, нематериальная и очищенная от некрасивостей

¹ Там же. С. 217.

² Уоллерстайн И. Анализ мировых систем: системное видение мирового сообщества // Социология на пороге XXI века. Новые направления исследования. М., 1998. С. 129.

политического и экономического принуждения, с точки зрения Арриги, плохо согласовывалась с реальными процессами создания современных экономик и государственных аппаратов»¹.

Трактовка Валлерстайном событий 1968 года как мировой революции, изменившей современную миросистему, выглядит оправданной, ибо в одной из статей он объявляет 1989 год продолжением 1968 года из-за процессов, происходящих в СССР. По существу им выделяется полоса революций на Западе и в коммунистическом блоке как звенья одной цепи. Однако суть этих революций принципиально различна. 1968 год — студенческие волнения на Западе, сломавшие его либеральный порядок. 1989 год — приход либерализма в Россию. Так или иначе, можно согласиться с тем, что «в 1970-е мир вступает в эпоху турбулентности. Начинается ломка компромиссных политико-экономических структур, которые создавались в качестве реакции на Великую депрессию, мировые войны, а также революции и деколонизацию середины XX в. Эти структуры — государства всеобщего благоденствия на Западе, зрелые коммунистические диктатуры на полупериферии и государства национального развития в “третьем мире” вплоть до конца 1970-х гг. обеспечивали социальный мир и материальное благополучие»². Арриги теоретически ответил на эти изменения.

Он использовал предположение Броделя о том, что исторический капитализм на протяжении своего существования от зарождения до сегодняшнего дня ориентировался на «гибкость» и «эклeктичность» капитала, а не на его конкретные формы. Это утверждение сходно с Марксовой формулой «деньги–товар–деньги» (Д–Т–Д') как признак зрелости развития определенного направления капитализма. Именно деньги дают капиталу «гибкость» и «эклeктичность», в то время как товар свидетельствует об «организованном капитализме». Экспансия финансового капитала завершает циклы развития капитализма: генуэзского — XV — начала XVII века, голландского — конца XVI — третьей четверти XVIII века, британского — второй половины XVIII — начала XX века и американского цикла, начавшегося в конце XX века и продолжающегося до сих пор. Эти периоды Арриги называет, вслед за Броделем, системными циклами накопления капитала. Арриги объясняет: «...финансовые экспансии свидетельствуют о ситуации, когда вложение денег в рост тор-

¹ Дерлугьян Г., Харрис К. Эволюция командных высот капитализма: Венеция–Амстердам–Лондон–Нью-Йорк // Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. С. 13.

² Там же. С. 22.

говли и производства перестает обеспечивать такое же поступление денежных средств к капиталистической страте, как и чисто финансовые сделки. В такой ситуации капитал, вложенный в торговлю и производство, стремится вернуться к своей денежной форме и более прямому накоплению, как в сокращенной формуле у Маркса $D-D'$ ¹.

Из этого делается вывод, что воспроизводство мировой системы капитализма связано с формированием государств и развитием рынков, поскольку государства осуществляли друг с другом конкуренцию за мобильный капитал. Еще Вебером было показано, что в ходе этой конкуренции возникали прочные союзы между государствами и мощными капиталистическими силами. Концентрация капиталистической власти отмечалась и Марксом. Правящие группы стран, занимавшие в разное время «командные высоты» капиталистического мира, опирались не только на государственную власть, но и на власть капитала.

«Таким образом, — утверждает Арриги, — можно заметить, что экспансия капиталистической силы за последние пятьсот лет была связана не только с межгосударственной конкуренцией за мобильный капитал, как подчеркивал Вебер, но и с формированием политических структур, наделенных еще более широкими и сложными организационными возможностями для контроля над социальной и политической средой накопления капитала в мировом масштабе»². Только Арриги сумел пояснить не вполне ясные идеи Броделя о том, что не рынок, а монополии создают капитализм, столь удивлявшие Валлерстайна и многих других исследователей, что их не пытались даже осмыслить. Объяснение Арриги очень убедительно: «Смит, конечно, не использовал термин “капитализм”, — термин, введенный в словарь социальных наук только в XX веке. Тем не менее его утверждение о том, что “превосходство в силе” было наиболее важным фактором, позволившим победившему Западу присвоить большую часть выгод — и переложить на побежденный не-Запад большую часть издержек — от установления более широкой рыночной экономики в результате так называемых Великих географических открытий, соответствует идее Броделя о том, что сращивание государства и капитала было жизненно важной составляющей при появлении особого капиталистического слоя над слоем рыночной экономики (и в противопоставлении ему)»³. Как видим, и после Вебера веберовские идеи

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. С. 47.

² Там же. С. 54.

³ Там же. С. 60–61.

работали на приращение нового знания, особо необходимого для новых ситуаций, в частности в условиях новой глобализации, начавшейся в конце XX века. Контраст между Западом и не-Западом усилился, а не сократился. Арриги ссылается на предсказание Смита, что силе Запада несправедливо обделяемые страны, в конечном итоге, смогут противопоставить только силу и храбрость. Запад, а сегодня особенно США, усиливают, как показывает Арриги, свою глобальную монополию.

Арриги детально исследует генуэзский, голландский, британский и американский циклы. При этом американский цикл рассматривается как «матрица нашего времени». Арриги следует Броделю, его разделению материальной, экономической жизни и капитализма как верхнего слоя, о чем мы писали выше. Это создает совершенно нетривиальное решение в понимании генезиса капитализма, о котором он пишет так: «Эта реконструкция капиталистической истории имеет свое ограничение. Понятие системного цикла накопления... выводится из броделевского представления о капитализме как о верхнем слое в иерархии мировой торговли. Поэтому наша аналитическая конструкция концентрируется на этом верхнем слое и имеет ограниченное представление о том, что происходит в среднем слое рыночной экономики и нижнем слое материальной жизни... Верхний слой — это “капитализм у себя дома”, остающийся... менее прозрачным и менее исследованным, чем промежуточный слой рыночной экономики»¹. Здесь, цитирует он Маркса, лежит «тайна добывания прибыли».

Вполне понятно, что сказанное Арриги сопряжено с понятием мировой гегемонии. Арриги заимствует это понятие у А. Грамши, который понимает под гегемонией господство, которому готовы подчиняться по ряду причин: из-за восприятия предлагаемых отношений как общего блага; из-за материального компромисса или из-за отсутствия реальной альтернативы. «Логика власти» соединяют капитализм и территории. Британская гегемония была не только мироэкономикой, но и мироимперией. Это сращивание позволило Британии править миром более продолжительное время, чем прежним гегемонам.

Эту концепцию он объединяет с теорией деловых циклов Шумпетера. Шумпетер характеризует агентов действия (изобретательные предприниматели), их ценности (погоня за прибылью и азарт первопроходцев), структуру и ресурсы (кредитные учреждения), социальное время (фазы цикла), а также препятствия («все более успешное стремление общества защититься от периодических бедствий “разрушительного созидания”, вызываемых деятельностью предпринимателей, из чего

¹ Там же. С. 65.

вытекает политический пессимизм Шумпетера по поводу будущего капитализма»)¹.

Несмотря на рост влияния рынков при американской гегемонии, ее институты ограничивали права и возможности суверенных государств. Безопасность мира трактовалась со времен Ф.Д. Рузвельта и трактуется поныне как основанная на американском могуществе. Холодная война была следствием такой трактовки. Американцы в большей степени, чем Британия, развили многосторонность своей торговли, освоили управление торговлей с помощью своих транснациональных корпораций, усилили роль инвестиций, сделав ее преобладающей по отношению к торговле в восстановлении капиталистической мир-экономики после Второй мировой войны. Британская гегемония сделала ее глобальной. Американская гегемония превзошла их по силе и власти. Гегемонии обеспечили капитализму бесконечное накопление. А колебания «экономической свободы» и «экономического регулирования» сменяются с заметной регулярностью и в соответствии с целями гегемонов и фазами циклов накопления.

Арриги называет XX век долгим, возможно, из-за числа событий, которые он вместил. Но чаще века история делится на длинные и короткие иначе. Длинный XVI век (1458–1648), длинный XIX век (1789–1917), короткий XVIII век (1715–1789), короткий XX век (1917–1991)². На этот короткий век выпало событий больше, чем на иные длинные. Согласимся, что XX век — долгий.

Рассмотренные закономерности генезиса капитализма заставляют Арриги задаться вопросом: «Сможет ли капитализм пережить успех?» Невнятные ожидания Валлерстайна иметь возможность повлиять на развитие после бифуркации в ходе системного, угрожающего жизни капитализма кризиса, пессимизм Шумпетера, выдвинувшего противоречивые тезисы: капитализм не погибнет от экономического краха — успех капитализма создает условия, подрывающие его основания, при которых он не может выжить, заставляют Арриги размышлять о будущем капитализма. Его ответ таков: общество может погибнуть по множеству причин, и вместе с ним погибнет капитализм. Но при отсутствии социальных катастроф, «капитализм (“противорынок”) отомрет вместе с государственной властью, которая позволила ему добиться богатства в современную эпоху, а базовый слой рыночной экономики вернется к

¹ Дерлугьян Г., Харрис К. Указ. соч. С. 20–21.

² Фурсов А.И. Колокола истории. М., 1996, Ч. 1.

некоему анархическому порядку»¹. Арриги полагает, что старые западные центры капитализма могут не устоять перед напором новых азиатских центров.

* * *

Рассмотрение концепций генезиса и динамики капитализма, на первый взгляд, охватывает ряд взаимоисключающих концепций: прежде всего Вебер и Зомбарт противостоят друг другу. Один видит источник капитализма в духовном факторе — протестантской этике, и ограничивает зрелый капитализм его функционированием в протестантских странах. Зомбарт исходит из предположения о том, что капитализм был и будет всегда и что у него множество источников формирования, корнящихся в экономических мотивах человека. Фернан Бродель видит генезис капитализма в его средиземноморских католических очагах, которые, ослабевая, передают эстафету другим странам, создавая новые мир-системы капитализма. Валлерстайн говорит об одной мир-системе капитализма, о глобальной природе капитализма, которая сегодня поставлена под вопрос неадекватной политикой либерализма и возможностью новых мегатрендов. Арриги рассматривает системные циклы накопления капитала, в результате которых капитализм не ограничивается западным регионом и может обрести новый — азиатский вектор развития.

Действительно, все эти выдающиеся исследователи сказали нечто свое и нечто новое, из-за чего заметить их оппозиционность друг другу легче, чем воспринять их позиции как описания последовательно сменяющихся друг друга этапов капитализма. Однако это возможно и перспективно с позиций трех великих трансформаций. Зомбарт рассматривает зарождение рынков — как некапиталистических, так и капиталистических в ходе Первой великой трансформации. Бродель изучает первые очаги капитализма в Средиземноморье, которые дали толчок развитию капитализма на Западе, но постепенно ослабли. Вебер говорит о появлении в ходе Первой великой трансформации духа капитализма, связанного с протестантской этикой, и об отличиях западного капитализма протестантских стран от незападного. Валлерстайн рассматривает капитализм в целом как мир-системное явление, независимое от источников своего генезиса, что более всего вписывается во Вторую великую трансформацию как по смыслу утверждений, так и по времени написания Валлерстайном своего многотомного труда. Арриги явно ищет сходство между началом генезиса капитализма на Западе и источниками незападного капитализма и поднимает проблематику, отвечающую процессам

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. С. 447.

Третьей великой трансформации. К этому бесспорно стремится и У. Бек, о котором мы пишем в разделе о Третьей великой трансформации.

Итак, не альтернативность представленных концепций, а их отнесенность к специфическим регионам, аспектам и этапам развития капитализма (месту, проблеме, времени), дополняющим друг друга, представляется нам более адекватной процессам генезиса и динамики капитализма.

Глава 2. Два способа формирования и распространения капитализма в мире: модернизация и глобализация

Каким же образом капитализм, возникший на Западе Европы, получил распространение и стал мировой системой хозяйства? Такими путями стали модернизация и глобализация.

а) Модернизация и капитализм

Прежде упомянутая альтернатива «общество — экономика» формирует конкретный и меняющийся облик капитализма. Но не только она — системообразующим фактором динамики капитализма. Современность связана с производством определенного типа человека — автономного, ответственного индивида, эволюционирующего в связи с меняющимися отношениями «общество-экономика» и меняющего облик капитализма. Третья комбинация факторов — это «модернизация–глобализация», перемена ролей в ней также определяет изменения в капитализме.

В данной главе мы обращаемся к процессам *модернизации и глобализации* в теоретическом плане, поскольку именно их сочетание обусловит переходы от Первой трансформации ко Второй и Третьей и сформирует разные фазы развития капитализма — классическую (либеральную), неклассическую (позднюю, организованную) и постнеклассическую (расширяющую распространение капитализма по всему миру).

Позже мы вернемся как к модернизационным, так и к глобализационным теориям, к их эволюции посредством трех Великих трансформаций капитализма.

Капитализм всегда считался _____
 _____
 основной чертой современности, _____
 _____
 следствием модернизации и ее ядром, _____
 _____
 ведущей практикой современности, _____
 _____
 существующей на всех ее этапах. _____

Но сегодня количество точек зрения по вопросу соотношения капитализма и модернизации очень велико. Оно увеличилось после 1970 года, который оказался рубежным в связи с поколебленными устойчивыми чертами взаимодействия капитализма и современности переменами капитализма на Западе, экономическим ростом Японии и других азиатских «тигров», либерализацией коммунизма. Дальнейший распад коммунизма, переход Запада в постиндустриальную информационную стадию, новый вызов Азии, идущий от Китая и Индии, создал взгляд на капитализм, модернизацию, как многообразие, в котором складываются и неоднозначные отношения. Специалисты выделяют по меньшей мере четыре типа отношений капитализма и современности или, по крайней мере, трактуют их четырьмя различными способами:

1. Капитализм и современность как прочно связанное и переплетенное социальное образование.
2. Современность как самое многообещающее явление, которому капитализм не дает завершиться, становясь причиной многообразных форм современности.
3. Капитализм и современность — сосуществующие, но аналитически различные социальные образования.
4. Есть страны, развитие которых обеспечено развитием капитализма (например, Англия), и есть страны, в судьбе которых наибольшую роль оказала модернизация, например политическая модернизация — Великая Французская революция (во Франции)¹.

МОДЕРНИЗАЦИЯ — ПЕРЕХОД ОТ ТРАДИЦИОННОГО ОБЩЕСТВА К СОВРЕМЕННОМУ

Начиная анализ проблемы модернизации, мы осуществляем дальнейший теоретический шаг к раскрытию отношений западного и незападного, капиталистического и некапиталистического миров. Здесь потребуются специальные термины. К их числу относятся понятия «традиционное общество» и «современное общество».

Если мы говорим о сегодняшнем дне, о настоящем, всем очевидно, что любое общество, существующее в нем, с обычной точки зрения современно. Даже если говорить о хронологическом периоде, именуемом историками Новым временем, — понятием, этимологически близким понятию «современность» (как сегодняшнее, последнее, новое), не возникает сомнений в значимости обыденного словоупотребления термина «современное общество» и здесь. Это все общества, существующие на протяжении Нового времени. Одновременно можно сказать, что все

¹ Wagner P. *Modernity, Capitalism and Critique* // Thesis Eleven. 2001. P. 3–4.

общества до определенной степени традиционны в том отношении, что хранят традицию или наследуют ее даже тогда, когда хотят разрушить.

Напомним, что в английском языке есть несколько слов, имеющих значение «современный» — contemporary, present-day, modern. Первые два слова синонимичны и означают «происходящий в настоящее время», «сегодняшний». Слово modern имеет другое значение. В обыденной речи — это «современный» в смысле «передовой, отвечающий сегодняшнему времени». Но оно же стало термином теории модернизации. Здесь его смысл состоит в том, чтобы подчеркнуть соответствие Новому времени, обозначить эпоху, начатую Новым временем. Она называется «эпохой модерна» или, если хотят высказать это совсем по-русски, — «эпохой современности». Данный термин также используется, чтобы выделить те общества, которые прошли успешную модернизацию, став «обществами модерна» или «современными обществами», в отличие от «традиционных обществ», не прошедших модернизации.

Неравномерность развития поставила под сомнение общеупотребительное значение слов: настоящее одних обществ похоже на прошлое других или, напротив, представляет собой искомое будущее для третьих. Терминам «традиционное» и «современное» общество придано научное значение. Эти термины очень важны, т.к. модернизация — это особая форма развития, суть которой — переход от традиционного общества к современному. Неравномерность процесса развития привела к тому, что находящиеся как бы в разных временах незападные и западные общества стали именоваться так же, как (соответственно) традиционные и современные. Начало этой тенденции положил М. Вебер. Запад для него был уникальным явлением, тождественным современности.

В чем смысл перехода к этим новым терминам, почему недостаточны прежних понятий «Запад» — «не-Запад»? Прежде всего в том, что хотя «Запад» — «не-Запад» — сущностные понятия, связанные с наличием разного духа, они предполагают на первом плане историко-географический аспект. Страны западного духа могут появиться и в других частях мира, например на Востоке. В 70-е годы XX века стало принятым говорить о Японии как о части Запада, но это за неимением лучшего термина. С другой стороны, не все находящиеся на Западе страны являются западными. Германия расположена на географическом западе, но западной страной она стала только в середине XX века.

Таким образом, можно сказать, что в XIX веке современные общества и Запад — тождественные понятия. В XX веке современными стали называться в теории также общества, порывающие со своей традиционной идентичностью. Современное общество трактуется теоретиками как особый тип цивилизации, первоначально возникший в Западной Европе,

а затем распространившийся и в других регионах в качестве системы жизни, экономического и политического устройства, идеологии и культуры¹. К современным обществам сегодня относят центры развития Юго-Восточной Азии (адекватность применения к ним термина «современные» еще будет рассмотрена). Концепция «распространения» западных обществ применима, пожалуй, только к Германии. Ни Турция, ни Мексика, ни Россия, страны, продвинувшиеся к западному пониманию жизни, ни Китай, имеющий необычайное ускорение развития сегодня, ни Япония, достигшая и превзошедшая западные технические возможности, не стали Западом, хотя в той или иной мере стали современными. Э. Геллнер пытается избежать многозначности терминов «Запад» и «современное общество». Он предлагает периодизацию уровней развития, в которой эти термины отсутствуют. Она включает в себя предаграрную, аграрную и индустриальную фазы развития². Однако эта типология воспроизводит прежние проблемы: индустриальная Польша не похожа на индустриальную Америку, а аграрная Россия XII века не имеет «ничего общего» с Англией того же периода³, или, точнее, сходство между этими странами в обоих случаях заметно лишь теоретiku и ускользает от обычного наблюдателя. Кроме того, индустриальной фазой не завершается развитие техногенной цивилизации (термин В.С. Степина), и уже очевидно наличие в ней нового этапа — постиндустриального, информационного.

Ряд исследователей полагает, что понятие «современность» охватывает весь посттрадиционный порядок, основанный на рациональном знании, и включает все институты и поведенческие нормы послефеодальной Европы⁴. Незападные общества по-своему тоже вступили в «современность» (Новое время), начали движение в сторону «современности». Понятие «современное общество» предполагало будущую неотжественность с понятием «Запад».

Смена терминов открывает перспективу углубления сущностных характеристик западных и незападных обществ, рассмотрения их от-

¹ Eisenstadt Sh. N. Introduction: Historical Traditions, Modernization and Development // Pattern of Modernity. V. 1. The West / Ed. by S.N.Eisenstadt. L., 1987. P. 5.

² Gellner E. Nations and Nationalism. Oxford, 1983. P. 114.

³ Macfarlane A. Ernst Gellner and the Escape of Modernity // Transition to Modernity. Essays on Power, Wealth and Belief / Ed. by J.A.Hall. N.Y. Toronto; Cambridge, 1992. P. 121–136.

⁴ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age. Standford. California, 1991. P. 14–15.

ношений не только в сегодняшней перспективе, но учитывая будущее незападного мира. (Изменение западного мира считалось в течение долгого времени идущим в заданном его прежним развитием направлениями, т.е. не меняющим его сущности.)

Эвристическое значение дополняющих понятия «Запад» — «не-Запад» понятий «традиционное» и «современное» общества состоит в том, что на базе новых понятий стали строиться теории модернизации — перехода из традиционного общества в современное.

Э. Гидденс пишет, что «в традиционных культурах прошлое уважаемо и является символом ценного, поскольку они содержат и продолжают опыт поколений. Традиция является способом интеграции рефлексивного мониторинга действий с пространственно-временной организацией сообщества. Это средство поддержания времени и пространства, которые включают частную активность или опыт в непрерывность прошлого, настоящего и будущего, структурируя бытие повторяющейся социальной практикой. Традиция не полностью статична, поскольку она обновляется каждым новым поколением, принимающим культурное наследие от своих предшественников. Традиция не в такой степени сопротивляется изменениям, чем связана с контекстом, в котором есть несколько отдельных временных и пространственных маркеров, исходя из которых изменение может иметь какую-либо значимую форму»¹.

Современность, современное общество связывается им с образом социальной жизни или организацией, появившейся в Европе к началу XVII века, которая стала распространять свое влияние. Для Маркса решающей силой этих изменений был капитализм. Для Вебера — растущий из протестантизма дух капитализма, как уже было показано. И этот дух возник в доиндустриальную эпоху. Для Дюркгейма — разделение труда и в особенности индустриализация. Гидденс характеризует понятие «современность» такими чертами: капитализм в качестве социального порядка, в качестве общества как связанной системы, как современное общество, как определенное восприятие пространства и времени, которые характеризуются присутствием или отсутствием, цивилизациями, имеющими границы. Для современности характерно использование знания, особенно социологического, предсказания и контроля, несмотря на исключительный динамизм и разрывы с прежними перспективами². Здесь веру заменяет доверие, а потеря доверия сопряжена с риском³.

¹ Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford. 1990. P. 37.

² Ibid. P. 10–17.

³ Ibid. P. 27–36.

Вместе с тем новые термины — «традиционное» и «современное» общества — не могли вытеснить такие общеупотребительные понятия, как «западное» и «незападное» общества, или существовать отдельно от них. Старые термины наполняли новые понятия живым содержанием. В работах, где термины «традиционное» и «современное» общества вытеснили понятия «Запад» — «не-Запад», возникала двусмысленность и неясность относительно конкретного содержания употребляемых терминов, хотя теоретически они были разъяснены.

Итак, мы полагаем, что понятия «традиционное» и «современное» общество являются эвристически ценными для анализа процесса модернизации. Попытаемся теперь раскрыть их содержание. Традиционные общества являются исторически первыми. Это общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимизации активности прошлое, традиционный опыт.

Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; предындустриальный характер; докапиталистическое развитие; отсутствие массового образования; преобладание особого психического склада — недействительной личности (называемой в психологии человеком типа Б); ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; преобладание локального над универсальным. Многие исследователи полагают самым важным в традиционных обществах отсутствие выделенной персональности. Это, однако, следствие доминирования традиции, ибо социальный запрос на индивидуальность — это запрос на субъекта творческой деятельности, способного производить новое. Он возникает в современных обществах.

С нашей точки зрения, главная черта среди отмеченных выше — доминирование традиции над инновацией.

Второй по значению после преобладания традиции над инновацией признак традиционного общества — наличие религиозного или мифологического оправдания традиции. Возможность быстрых преобразований блокируется этими формами сознания, и модернизаторские попытки, которые могут иметь место, не завершаются, возникает попятное движение. Именно это движение вперед и возврат назад создает циклический характер развития, характерный для традиционных обществ.

Невыделенность индивидуальности, персональности, определяется не только отсутствием интереса к инновациям, но и коллективистским характером религиозных и мифологических представлений. Коллективистский характер традиционных культур не означает, что в них нет ярких, особенных, не похожих на других людей. Они, несомненно, есть, но их социальная роль определена их способностью выражать коллективные представления. Индивид не выступает здесь как политический субъект. Конкретное поведение людей в традиционном обществе определено нормами, которые заданы традицией, религией, общиной или коллективом.

Соответственно, преобладающим типом ценностей в них являются авторитарные ценности, т.е. те, которые поддержаны традицией и поддерживают ее и коллективистские представления. В этих обществах еще нет четкого разделения на ценности инструментальные (регулирующие повседневное поведение и деятельность) и мировоззренческие (связанные с представлением о мире). Существует подчинение инструментальных ценностей мировоззренческим, жесткий мировоззренческий контроль, внутренняя и внешняя цензура поведения и мышления людей, неизбежно ведущая к политическому авторитаризму, оправданию деятельности авторитетом и отсутствию личных свобод.

Поскольку структура сознания традиционных обществ, их культуры и власти гарантирует воспроизводство старого, люди в них в экономическом плане живут сегодняшним днем. Формируется критическое отношение к предприимчивости, накопительству. В России это было представлено в критике стяжательства. Ей соответствуют психологические типы героев русской литературы — метафизически бездеятельного Обломова (А.И. Гончаров), псевдодеятельных Чичикова и Хлестакова (Н.В. Гоголь), если деятеля, то нигилиста и разрушителя — Базаров (И.С. Тургенев). Редко-редко мелькнет в русской литературе положительный образ деятеля — Левин (Л. Толстой). Все прочие — недеятельные и псевдодеятельные герои — люди неплохие, даже хорошие. Они всего лишь неспособны отделить друг от друга инструментальные и мировоззренческие ценности. Они применяют к инструментальным ценностям мировоззренческую высокую мерку, сразу делающую первый тип ценностей ничтожным, не заслуживающим усилий. Положительный герой русской литературы не деятель, а созерцатель. Все они далеки от принятия ценностей современного общества. Таковы герои литератур всех традиционных обществ¹.

¹ Кини А.Г. Механизм изменений в традиционной культуре. М., 1992; *Он же*. Механизм социально-политической динамики // Научн. докл. на соискание ученой степени д-ра философ. наук. М., 1996.

Совершенно понятна ориентация таких обществ не на науку, а на мировоззрение. В духовном смысле это общество не живет сегодняшним днем: в нем нарабатываются долговременные смысловые содержания.

В ходе модернизации происходит переход к современному обществу (modern society). Коренное отличие современного общества от традиционного — ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; капитализм; массовое образование; активный деятельный психологический склад (личность типа А); предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным.

Как видим, современные (modern) общества по существу противоположны традиционным. Поэтому переход к ним — модернизация — драматический процесс. И фокус этой драмы — капитализм. Гидденс называет капитализм центральным институтом современности и определяет его как систему производства товаров, центр которой — отношения между частными собственниками и не имеющими собственности получающими заработную плату рабочими. Эти отношения формируют ось классовой системы. Капиталистическое предпринимательство связано с наличием конкурентных рынков, цены которых становятся сигналами для инвесторов, производителей и потребителей. Капиталистическое общество — современно. Это необходимое, но недостаточное условие. Капитализм не сразу формируется как общество, а вначале как система хозяйства, как рынки. Ибо чтобы стать обществом, капитализм должен иметь систему национальных государств, быть индустриальным.

Основой современных обществ выступает индивидуальность, вырастающая на пересечении инноваций, секуляризации и демократизации. Активная деятельность ради будущего, а не только сегодняшнего потребления порождает здесь тип трудоголика, постоянно готового к жизненной гонке. Его становление в Западной Европе осуществлялось на основе такого способа секуляризации жизни, как протестантизм, появление протестантской этики капитализма. Но и более поздние не-протестантские модернизации дали тот же результат в изменении персональности. Современным становится не только общество, но и человек. Его отличает: интерес ко всему новому, готовность к изменениям; разнообразие взглядов, ориентация на информацию; серьезное отношение ко времени и к его измерению; эффективность; планирование

эффективности и времени, личное достоинство, партикуляризм и оптимизм. Индивидуальная модернизация — процесс не менее драматический, чем социальная¹.

Вызов Запада, как мы отмечали выше, — это вызов современности. Современность — это не только Новое, иначе (быстро) текущее время, возникшее в уникальном опыте Запада. Это также нечто передовое, лучшее. Английское слово *modernity* имеет не только тот смысл, что указывает на нечто, существующее сегодня, но показывает наивысший характер достигнутого уровня. Легко видеть это, употребив, скажем, выражение «современная техника». Это значит: не только техника, которая есть сейчас, но и самая новейшая, самая лучшая. Подобно этому понятие «современное общество», относимое к Западу XVII–XX веков и к последовавшим за Западом странам, применяется для характеристики наивысшего образца развития общества.

Этот пример показывает, что Запад в этом вызове современности миру имел ряд своих собственных фаз. Обозначим их.

1. Эпоха меркантилизма, захвата торговых путей, мировой торговли, колонизации других народов. Вызов Запада состоял в его способности освоить это мировое пространство, оттесняя других.

2. Эпоха буржуазных революций — становление и расцвет капитализма.

Преобладающие политические трактовки революций считали их коренным результатом приход буржуазии к власти и следующую отсюда политическую легитимацию капитализма. Но даже разрушение традиционных форм легитимности не было главным результатом революций. Как отмечает Ш. Айзенштадт, важными результатами революций является то, что благодаря им «оказываются совмещенными изменения в символах и формах легитимности режимов, в составе правящего класса, в основах доступа к центру, в отношениях между центром и периферией и возможностях распоряжаться ресурсами... Толчок к модернизации, совместно с изменениями в основополагающих нормах социального взаимодействия и в политической сфере, производит те глубокие преобразования в символической и институциональной структурах общества, которые и составляют существо революции»².

¹ Exploring Individual Modernity /Ed. by A. Inkeles. N.Y., 1983; Giddens A. The Consequences of Modernity.

² *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 262. Более распространенное написание фамилии автора — Айзенштадт.

3. Эпоха раннего и развитого индустриализма (после первой промышленной революции). Текстильные производства Европы, плавильные печи Бирмингема, изготовление оружия и кораблей отличали ранние индустриальные эпохи. Английский изобретатель Дж. Уатт изобрел в 1774–1784 годах паровую машину, сыгравшую революционную роль в возникновении машинного производства. Запад получил недоступное остальному миру преимущество развитой промышленности, востребовавшей новые формы капиталистической организации производства. Индустриализм создал возможности капиталистического хозяйства и, хотя в данной главе ему не будет уделено специального внимания, к этой теме мы еще вернемся, рассматривая две формы индустриализма — капиталистическую и социалистическую.

4. После второй промышленной революции (использование электричества, изобретение конвейера в начале XX века, открытие радиоактивности и пр.). Конвейер дал возможность расчленения производственного процесса и перенесения традиционных отраслей индустрии, особенно текстильной, в незападные страны. Произошли перемены и на Западе, где появилось уже не только массовое производство, но и массовое общество — деструктурированное притоком людей из деревень в промышленность, образованием больших человеческих масс гетерогенной природы. Массы отличаются отсутствием социальной целостности — они образуются всякий раз заново в новой социальной ситуации. Отсюда противоречивость их интересов, делающая их легкой добычей демагогов. Такие общества стали складываться везде, где есть промышленные производства. Однако при всей общности индустриальных обществ Запада и не-Запада между ними имеется существенное отличие. Массы Запада более очевидно состоят из индивидуальностей, массы незападных обществ не имеют этого личностного остова.

На конференции в Париже (22–23 марта 1994 г.) японский специалист А. Хакамада привел весьма убедительную метафору для различения этих обществ: на Западе люди как кирпичики, из них можно строить общество; в Японии, Азии люди как глина, при политических переменах они не теряют своей формы; в России люди как песок. Стоит убрать форму (государство), как все рассыпается¹. Запад на этой фазе своего развития уже не имел преимуществ в традиционной индустрии перед не-Западом. Но с этого времени наука стала его исключительной особенностью. Западный мир бросил теперь остальным научный вызов.

¹ La Russie et le Monde: Interaction Entre Politique Interieure et Politique Exterieure. IFRI, le iournal «La Croix» avec le soutien de Fondation du Japon. Paris, 1994. Mars, P. 22–23.

Эта эпоха позднего индустриализма, позднего капитализма, поздней современности отличалась новым преимуществом Запада перед западным миром.

5. Эпоха научно-технической революции, начавшаяся в середине пятидесятых годов XX века. Если раньше наука обслуживала уже назревшие задачи практики, и последняя имела тенденции собственного развития (паровая машина была изобретена до термодинамики, летательные аппараты — до аэродинамики), то научно-техническая революция характеризуется технологическим применением фундаментальных наук (атомные электростанции не могли быть построены до открытия ядерной физики, выход в космос не мог быть реальным даже как попытка без знания и способности получения скоростей преодоления земного притяжения, вмешательство в наследственные процессы было бы невозможно без генетики и пр.). Запад освоил технологическое применение фундаментальных наук, снова превзошел всех и обогнал. Научно-техническая революция стала новой фазой его вызова.

Однако подобно тому, как конвейер расчленил производство на операции и сделал индустриальное развитие доступным во всех частях мира, научно-техническая революция сделала возможным применение фундаментального знания, являющегося всеобщим, не имеющим хозяев в мире, повсюду. Свобода как западный принцип привела к продаже лицензий на его применение. Ученые незападных стран — СССР, Китая, Индии, Японии — оказались способными самостоятельно открывать новые технологии на уровне применения фундаментальных наук.

6. Переход Запада в постиндустриальную, информационную стадию и появление стран нового индустриализма и капитализма в Азии, Латинской Америке и в посткоммунистическом мире.

С тех пор как началась эпоха меркантилизма, и до тех пор, пока на основе применения фундаментальных наук не появляются новые центры соперничества Западу в Восточной Азии, Запад остается Западом. Если употребить термин «современное общество», Запад является современным (самым передовым) весь период Нового времени, когда бы мы ни начали его отсчет. По этому поводу существует большая дискуссия, начинать ли отсчет Нового времени с открытия Колумбом Америки (1492 г.), с голландской ли революции 1580 г., с английской революции 1642 г. или Великой Французской революции 1789 г.

Еще менее ясным, чем начало Нового времени, является граница его заката: 1910 г. — начало конвейерного производства, 1917 г. — Октябрьская революция в России, расколовшая мир на две социальные системы, научно-техническая революция, подготовившая переход Запада в постсовременную стадию, крушение коммунизма и биполярного мира.

В зависимости от различий в фиксации начала и конца Нового времени «современное общество» разным исследователям представляется расположенным на разных отрезках исторического времени. Но капитализм характеризуется не только индустриализмом, но и образованием буржуазных наций и созданием политических условий для нового типа развития и индивидуализации человека. Его классическая форма более определенно фиксируется XIX веком в отличие от современного общества, точки зрения на которое различаются.

Предельно широкая точка зрения: «современное общество» возникает в период меркантилизма и существует весь промежуток времени, обозначенный выше как 1–5, т.е. включая научно-техническую революцию. Весь период капитализма является показателем принадлежности к Новому времени.

Предельно узкая точка зрения: «современное общество» — это период индустриализма — 3, от Великой Французской революции до второй промышленной революции, от Наполеона до Бодлера. Это — франко-центричная трактовка современности.

Промежуточные точки зрения датируют «современное общество» от голландской (1580) или английской (1642) буржуазных революций до второй промышленной или научно-технической революции.

Некоторые исследователи, признающие эпоху 1 как современную, пытаются периодизировать это время. Тогда 1 — меркантилизм — описывается как предсовременность, 2–3 — эпоха революций и индустриализм как современность, 4 — научный вызов и массовое общество как поздняя современность, 5 — период научно-технической революции — частично как поздняя современность, частично как выход в постсовременность или новый тип современности. Если концепция постсовременности рассматривалась преимущественно как нечто отличное от современности, более эклектическое время, соединяющее разные тенденции, вернувшее традиции и архаику, но не устранившее инноваций, время потери серьезности героизма, время иронии, то точка зрения нового модерна, новой современности возобладала в период посткоммунистических преобразований и появления капитализма в странах Азии, время полного драматизма и иронии, оставшейся лишь у богемы — того слоя, который по классификации польского социолога Ф.В. Знанецкого занимает срединное место между творческим слоем и работниками, будучи не способным ни к творчеству, ни к упорному труду. Эта последняя точка зрения нам более всего близка с той лишь поправкой, что уточненной характеристикой мы считаем не краткий период растерянности и вызванной ею иронии, приведший к неясности с приставкой «пост», прибавляемой к «современности», а термин «вторая», «другая»

современность, о чем пойдет речь в главе о Второй и Третьей великих трансформациях капитализма.

Все эти изменения происходят одновременно с развитием капитализма на Западе и могут быть представлены как его собственные фазы.

По мнению большинства специалистов, какие бы различия в истолковании современности не существовали, общим является признание в качестве важнейшего фактора технологических инноваций и капитализма. По мнению П. Бергера и его соавторов, «базовая проблема, связанная с пониманием современности (т.е. определение этого отрезка истории. — *Авт.*), не отличается от проблем, относящихся к другим периодам истории или феноменам»¹. Всегда будут споры о том, является ли современность неделимым целым, а модернизация — непреклонной судьбой, которой нет альтернативы, или современность является свободно подобранным комплексом ингредиентов с бесконечным числом альтернатив². И только значение производственных технологий, индустриализация и выстраивание по технологическому признаку социальной организации и даже параллель между технологическим производством и формированием сознания являются, по Бергеру, необходимым и достаточным признаком современности. Действительно, как показал В.С. Степин, мы живем в техногенной цивилизации. Развитие капитализма и поддержание современности обеспечивается технологиями, в том числе и социальными — проектной деятельностью. С их появлением во многом связаны изменения форм современности.

Имеют ли смысл все эти рассуждения, если нет ясности относительно начала и конца существования современного общества в теоретическом значении этого термина? Заметим, что подобной ясности временных границ не существует также в отношении понятия «Запад» и, как было отмечено выше, относительно границ Нового времени. Подвижность этих границ определена неравномерностью развития самого Запада, тем, что разные страны достигали современного состояния в разное время. Вторая причина связана с методологией и ценностными ориентациями исследователей, устанавливающих эти границы. Разные границы, по существу, это разные точки зрения на то, что является новым или более совершенным. Общей точкой зрения выступает признание таковым Запада периода раннего индустриализма, еще до изобретения паровой машины. Запад сохраняет себя через все изменения. Очевидно,

¹ Berger P., Berger B., Kellner H. *The Homeless Mind. Modernization and Consciousness*. N.Y., 1971. P. 3.

² *Ibid.* P. 19–20.

что географически он останется Западом. Но духовно Запад может измениться, т.е. перестать быть самим собой. (Напомним, что главным в нем является духовный аспект, определяющий парадигму жизни в западных обществах). Плавающие временные границы «современного общества», в-третьих, отражают опасение, что Запад потеряет значение образца общества, живущего в самом быстром, новом, времени и являющегося самым передовым.

Включаясь в эту полемику, мы будем руководствоваться нашей посылкой о главенстве культуры, духовного контекста, который определил Запад как демиургическое начало человечества, творящего здешний «посюсторонний» мир, руководствуясь пафосом свершений.

Базовым для нас является вызов Запада. Именно Запад этого периода, периода его вызова, мы называем «современным обществом» (modern society). Мы готовы вместе с другими исследователями называть 1) — эпоху меркантилизма — предсовременностью, 2) и 3) (период революций и период индустриализма) — современностью, 4) (переход к массовому производству) и большую часть 5) (время научно-технической революции) — поздней современностью. Постсовременность для нас стартует где-то в конце этого последнего этапа с появлением новых центров развития в Восточной Азии, способных бросить вызов «самому» Западу. Соответственно, процесс модернизации сохраняет значение перехода от традиционного общества к современному (во всех его фазах и разновидностях). Этот переход, начинаясь с духовных переориентаций, в корне меняет основные социальные, экономические и политические характеристики общества. Это переход от доминирования традиций к господству инноваций, от религиозной, мифологической и авторитарной легитимации активности к светскому, рациональному обоснованию деятельности, от авторитаризма к демократии, от вещного богатства к капиталу, от производства ради сегодняшних нужд к расширенному воспроизводству, от непроизводительного труда к производительному, от ценностной рациональности к целерациональности, от мировоззренческого знания к науке и технологии, от доиндустриального общества к индустриальному, от докапиталистического к капиталистическому, от медленного течения естественной эволюции к ускоренному развитию и мобилизации ресурсов, от этничности к национальным государствам, от деревенских форм жизни к городским, от аморфных социальных образований к четко выраженным институтам образования, коммерции, медицины, управления, массовому образованию и связи всех частей земли.

Даже если смотреть на вещи просто и видеть только бесспорное преимущество западных, «современных», обществ перед традиционными,

ясно, что переход этот не может быть осуществлен малой ценой, малыми жертвами, не может не быть глубоко драматическим. Но никто из западных теоретиков не смотрел на вещи так просто, и современное общество — Запад — повсюду описывалось как требующее больших напряжений, аскезы, тяжелого труда, прежде чем стать обществом массового потребления. И эта вождеваемая в посткоммунистической России и в посткоммунистической Восточной Европе его черта не осталась без критического рассмотрения в западной литературе.

Противоположность черт традиционного общества современному можно бесконечно умножить. Согласно Ф. Теннису, модернизация — это переход от сообщества к обществу; по Э. Дюркгейму — от механической к органической солидарности общества; по М. Веберу — от ценностной рациональности к целе-рациональности; по Г. Зиммелю — от вечного прошлого к вечному настоящему; по З. Кракауэру — к нахождению единичных экземпляров общего принципа рациональности¹. Согласно М. Леви, сутью модернизации является рационализация. Н. Смелзер подчеркивает технологические сдвиги, переход от семейно-общинных отношений к экономическим, разрушающий прежнее общество характер модернизации. Т. Парсонс считает модернизацию универсальным процессом, в основе которого лежит адаптация. Согласно Н. Лукману, модернизация связана с дифференциацией².

Сочетание уникальных аспектов «современных обществ» и общего принципа «современности» — еще один болезненный пункт теории модернизации. Он также вызывает разочарование в понятиях, в общих теориях и ориентирует на изучение конкретных стран. Так, П. Рабинов, посвящая свою книгу современной (modern) Франции, объясняет это не только своим интересом к стране, но и методологически: «Дебаты о современности бесконечны — поэтому в них нет сути, и они представляют так много различных явлений, что кажутся бессмысленными или просто частью процесса модернизации, чтобы слишком заботиться об абстрактных дефинициях. Более эвристичным и более этнографическим было бы исследование того, как термин может быть понят и использован в его самопровозглашенной практике»³. По существу это означает, что понятие «современное общество» исторически конкретно, не исчерпы-

¹ См.: *Frisby D. Fragments of Modernity. Theories of Modernity in the Works of Simmel, Kracauer and Benjamin. Cambridge, 1986. P. 13, 33.*

² *Waters M. Modern Sociological Theory. L.; Thousand Oaus; New Delhi, 1994.*

³ *Rabinov P. French Modern. Norms and Forms of the Social Environment. Cambrige. Massachusetts. L., 1989. P. 9.*

вается общими характеристиками и может быть описано во всей полноте только применительно к каждой стране. Мы уже отмечали, что на этом методологическом пути встречаются франкоцентричные описания современности. История Запада, однако, сложилась так, что с начала его возвышения и до второй половины XIX века главными противодействующими силами были Франция и Англия. В ходе многовековой борьбы, конкуренции и взаимообогащения этих держав были выработаны многие формы западного подхода к внутренним и внешним проблемам. Идеологи английской (1642) и Великой Французской (1789) революций, выразители идей французского века Просвещения (*siecle de lumiere*) и английского фри-трейда подняли западную социальную, философскую и историческую мысль на высоты, на которых она находится и поныне. Дж. Локк и Т. Гоббс создали теории естественных прав личности, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо обосновали идею государственности как общественного договора. Французы вознесли до небес рациональность чело- века, англичане (Э. Берк и др.) обозначили пределы этой рациональ- ности. Вместе они сформировали общезападные принципы, сделали Запад современным обществом. И суть как раз в том, что при всем мно- гообразии современных обществ существует современное общество, при всем многообразии модернизаций существует модернизация не только как общее название для многообразия, но и как существо этого многообразия. Говорить о модернизации как ответе незападного мира западному невозможно без общих понятий. При этом капитализм вы- ступает как ядро современности.

ПАРАДИГМА МОДЕРНИЗМА — СОВРЕМЕННОСТЬ

Запад оказывает двоякое воздействие на незападный мир: он предлага- ет ему свои идеалы и он же может навязывать свои представления как заведомо более высокие. Религией Запада является свобода, поэтому все изменения в незападном мире, пытающемся догнать Запад, начинаются с изменения отношения к свободе. Иногда выбор свободы какой-либо незападной страной является сознательным и выстраданным. Часто понятие свободы и ее установления переносятся на неготовую для этого почву вследствие активности прозападных элит, увлеченных пафосом свободы и мечтающих о свободе как предпосылке развития, преодоления отсталости и превращения своей страны в высоко развитую.

Однако столь превосходный замысел бывает непонятным населе- нию, порой живущему сейчас, как столетия или даже тысячелетия назад, либо населению, претерпевшему тяготы незавершенной модернизации и не желающему испытывать их вновь на этом пути. Элиты активно проводят западные идеи в жизнь, сталкиваясь с необходимостью при-

нудить население к новому, непонятному ему образу жизни. Они предлагают привлекательные перспективы, вызывают к пафосу свободы и вместе с тем принуждают, приучают к свободе путем создания соответствующих институтов, законов, идеологий. Одной из наиболее распространенных идеологических аксиом переходного периода является обвинение страны, народа в отсталости. Пробуждая в народе чувство стыда за отрыв от развитых стран, чувство вины за собственную отсталость, элиты стремятся мобилизовать население для радикальных перемен. Среди средств легитимации изменений играет немалую, а иногда даже решающую роль указание на фактор отсталости перед лицом западного вызова, следствием чего может стать зависимость от Запада. В российской истории этот способ делать развитие привлекательным для народа, причем получая согласие последнего на неизбежные жертвы, «обязательство» терпеть лишения, был едва ли не единственным.

Понятие прогресса предполагало непрерывное движение к высшему показателю (материальному, научному, гуманитарному), пример достижения которых давал Запад. Быстрое развитие было сутью западной модели существования. Горизонты прогресса не ограничивались уже достигнутым западными странами, а включали ближнюю и дальнюю перспективу его будущего развития и, в принципе, безграничность западных и, как казалось, человеческих возможностей. На видимые рубежи прогресса, нередко даже превосходя их, всегда выходила узкая группа стран. Другие страны что-то получали от плодов этого прогресса, но не являлись сами его активными носителями. Однако не участвовать в этом, не стремиться к прогрессу в своих странах они не могли. Это означало бы для них прогрессирующее отставание, вольную или невольную зависимость от более развитых государств, потерю динамизма, неизбежную деградацию. Чтобы избежать этого, «менее счастливые страны» уже с XVI века начали гонку за лидером. Разумеется, и без этой гонки им был присущ некоторый собственный темп развития, собственные движения в сторону улучшения их жизни, ее усложнения и порождения новых возможностей. Но теперь они хотели изменить свой естественный ритм развития, ускорить его, максимально приблизить к западному и в соответствии с заданным Западом направлением. Такая задача требовала переделки своей внутренней природы, традиций, существующих обычаев. Этот процесс национального ускорения, приближения к современному (modern) Западу стала именоваться модернизацией.

А сложившиеся под знаком модернизации процессы обрели парадигму классического модернизма, ориентирующую их на достижение современности по всем возможным пунктам, как внутри Запада, так и впоследствии в странах, обратившихся к тому, чтобы догнать его. Эта

парадигма определила индустриализацию, роль государства в формировании буржуазного индивида, строительство буржуазных наций, секуляризацию и признание церковью индивидуальной свободы. Признать парадигму модернизма значило быть уверенным, что отмеченные процессы начались в Новое время и отвечают предназначению быть современными.

Так, например, образование буржуазных наций оценивалось как необходимый процесс осуществления модернизации, атомизации индивидов, образования национальных государств, способных к современному существованию, промышленному развитию и нахождению новой идентичности. По каждому из интересовавших ее вопросов модернистская позиция отличалась натурализмом и антиисторизмом, нежеланием оглядываться назад и устремленностью вперед, будь то формирование нового человека, взаимоотношений государства, промышленности, нации. Вот как характеризует известный исследователь, профессор Лондонской школы экономики Э. Смит модернистскую интенцию и парадигму в отношении образования наций: «Это была решительно антиисторическая и рационалистическая критика. Она с подозрением использовала все “естественные” объяснения и использовала вместо них функционалистский анализ места наций в истории и роли национализма в современном мире. Она также была явственно оптимистической по своему тону и активной по духу, утверждая, что национализм создал нации и что деятельность национальных элит служит удовлетворению потребностей социально-политического развития... Таким образом, модернизм рассматривал всякую идею о том, что какая-то конкретная нация или нации в целом могут иметь глубокие исторические “корни” как часть натуралистических и “генетических” заблуждений»¹. Эта черта присуща парадигме модернизма в целом — она все видит впереди, в конструируемом будущем, и ничего позади — в прошлой жизни. Начинают развиваться структуры образования, призванные обучить не столько достигнутому, сколько открываемому новому, не готовому знанию, а способности мыслить по-новому. Модернизм стремился к отрицанию прошлого везде, где он мог его отрицать, и строительству нового. В особенности это относилось к культуре, к ее архаическим пластам, к стремлению ее обновления. Модернизм отбросил много жизнеспособных черт традиционных обществ, глядя назад как на время отсталости и ища лучшее впереди.

После того, как сформировался современный Запад, качественно отличный от остального человечества, поляризация между ним и осталь-

¹ Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализмов. М., 2004. С. 50–51.

ным миром стала источником многообразных социальных реакций на «главную революцию — вестернизацию». Среди этих реакций отмечались Первая и Вторая мировые войны, коммунизм, сталинизм, маоизм, фашизм, антиколониальные движения и пр.¹ Парадигма модернизма стала способом отбросить прежние исторически достигнутые черты, что впоследствии стало основанием для критики не только со стороны традиционалистов, но и постмодернистов, сожалеющих о многих отброшенных тенденциях.

Модернистская парадигма теоретически выглядела чрезвычайно радикальной, требовала полной рекультуризации и детрадиционализации. Она носила подлинно фундаменталистский характер. Даже К. Маркс требует радикальной современной переделки социальной, экономической и политической жизни. Вопреки репутации консерватора, Э. Дюркгейм считал социологию, ориентированную на парадигму модернизма, прямой дорогой к практике. Он требует воспринимать факт социологической теории как своего рода вещь и устремлен к реализации идеальных представлений².

Во многих своих работах Э. Гидденс показывает, что парадигма модернизма предполагала новую идентичность людей и обществ, отказ от прежних традиций. Хабермас отмечает, что в ее основе — Новое время, новый век: «Принятое еще и сегодня (например, для обозначения исторических кафедр) членение на Новое время, Средние века и Древность (или новую, средневековую и древнюю историю) могло сложиться только после того, как термины *новое время* или *время модерна* (*новый мир* или *мир модерна*) утратили свой чисто хронологический смысл и стали означать *новый век*, явно оппозиционный по отношению к прошлому»³. Парадигма современности не просто ориентирована на новое. Она производит современность и теорию современности. Она не оставляет альтернативы капитализму, который и создает воспроизводство современности как социальный идеал⁴. Эта парадигма стала нормативной рамкой развития капитализма как хозяйственной системы, но одновременно как общественного строя и типа общества. По мнению Хабермаса, в

¹ См.: *Von Laue Th.H.* The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y., Oxford. 1987.

² См.: *Crook S.* Modernist Radicalism and its Aftermath. Fundamentalism and Anti-Fundamentalism in Radical Social Theory. L., N.Y., 1991.

³ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. М., 2003. С. 11.

⁴ *Jameson F.* A Singular Modernity. Essay on the Ontology of the Present. L., N.Y., 2002. P. 15–96.

модерне выделились из принципов миропонимания «сферы ценностных критериев». С одной стороны, это искусство, литература и эстетическая критика, с другой — дискурсы, связанные с процессами обучения и исследования вопросов истины и справедливости. Одно направление обращено к преобразованию мира, другое — к процессами обучения и образования. Но эта нормативная парадигма отрывается от мира повседневности и, в итоге, срывается там, где для нее в повседневности были предпосылки, кое-где формирует их и нередко просто разрушает традиционные общества, не давая шанс ни капитализму, ни современности в обществах, далеких от данной нормативности.

Характеризуя современность, выделяют разные ее параметры. К ним относят прежде всего изменения, которые являются амбивалентными по своей значимости, — они, с одной стороны, порывают со старыми отношениями, создавая немалые трудности, и, с другой стороны, открывают перспективу новых отношений, которым принадлежит будущее. К их числу обычно относят индивидуализм, который включает право на собственный выбор своего образа жизни, но не атомизирует индивидов и не делает их ни экономическими, ни эгоистическими, ни нарциссическими, ни массовыми, ни анархическими, ни апатическими, вполне вписывая в общество. Кроме того, происходит исчезновение старого порядка, закат его сакральности и появляется возможность творения людьми нового порядка. А следовательно, появление свободы, которая, с одной стороны, трудна для не привыкших к ней людей, а, с другой стороны, плодотворна и становится витальной потребностью современности. Свобода отменяет деспотизм традиционных обществ, но посредством воплощения в социальную форму демократии не ведет к вседозволенности и фрагментации обществ. И, наконец, она осуществляет формирование политического измерения, подготовку сознания для политической жизни индивидов и развития в них инструментального разума и склонности к самоуправлению через институт гражданского общества¹.

Модерн, современность начались как Новое время, открытое Ренессансом, Реформацией и Просвещением. Ренессанс был передачей информации об античности через тысячелетия. Реформация наиболее явным образом сформировала дух капитализма. Просвещение создало культ разума. Ю. Хабермас отмечает, что «только к концу XVIII столетия проблема самообоснования, *самоподтверждения* модерна обостряется настолько, что Гегель может воспринять этот вопрос в качестве философской проблемы и притом в качестве *основной проблемы* своей философии. Беспокойство, вызванное тем, что лишенный образцов модерн

¹ См.: Taylor Ch. The Malaise of Modernity. Ontario, Canada.1991.

вынужден стабилизироваться, исходя из им самим порожденных несоответствий и разрывов, Гегель понимает как “источник потребности в философии”... Вследствие того, что модерн пробуждается к самосознанию, возникает потребность в самоподтверждении, которую Гегель трактует как потребность в философии»¹. Отнесенность модерна к самому себе, называемая Гегелем субъективностью, раскрывает противоречивую творческую конструктивную природу модерна, которая достигает самотождественности и тем самым выделяет основной критерий его существования и продолжения. И философия становится философией модерна, помогая в достижении идентичности этой новой эпохой. Позже нам пригодится этот аргумент для суждений о том, заканчивается ли эпоха модерна на каком-то из этапов его изменений и преобразований, сохраняется ли парадигма современности.

Парадигма современности включает представление о новом как непрерывно инновационном и о Новом времени, протекающем не в ритме естественной эволюции, а иначе — в ритме чрезвычайного обновления и ускорения. «Время» становится центральным словом эпохи, равно как понятие «прогресс», включающее максимальное количество достижений в единицу времени, а также разрыв с прошлым, про которое уже нельзя сказать, что «наш (“современный”) период является чем-то аналогичным тому или другому периоду в прошлом»².

«ВЫЗОВ» ЗАПАДА И «ОТВЕТ» ОСТАЛЬНОГО МИРА

Достаточно ли оснований, чтобы говорить о вызове Запада? Слово «вызов» предполагает наличие некоторых требований, которые Запад предъявил миру. Существуют ли такие требования? И если да, то каким образом они предстали перед миром? Рассмотрим это на примере такой западной страны, как Россия.

Можно привести исторические примеры как прямого, так и косвенного давления Запада на незападные страны. Однако суть вызова Запада проявляется не столько в этих примерах, сколько в необходимости всем странам реагировать на существование Запада путем изменений, ускоренного развития даже независимо от того, понуждает их Запад к этому или нет.

Российской цивилизации пришлось осуществить консолидацию в ответ на вызов Азии и самоидентификацию, отличную от монгольской,

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 16–17.

² Jameson F. A Singular Modernity. Essay on the Ontology of the Present. L., N.Y., 2002. P. 21.

— закрепление своих духовных и хозяйственных достижений, оседлого земледелия; ответить на вызов Запада стремлением догнать Запад — общественные реформы Петра I, поворот к Европе с последующим духовным и материальным развитием по западному образцу (христианство, светская культура, промышленность). Но главные «вызовы и ответы» Россия переживала внутри себя. В ней был свой «внутренний Восток», внутренняя Азия как в прямом (азиатские народы, исламский фактор), так и в переносном (отсталость, азиатчина) смысле слова. В ней был свой внутренний Запад в виде прозападных элит, оторвавшихся от народа, живущих и мыслящих, как на Западе. Эта ситуация, говоря словами Хантингтона, делала Россию (так же, как Турцию и Мексику) разорванной страной. Эти восточно-западнические, азиатско-европейские противостояния гасли в российской провинции, хранившей сначала традиции старины, но быстро превратившейся в условиях индустриализации в массовые общества с потерянными традициями, но родовыми связями, контактами с деревней, стремлением к накоплению новых устойчивых форм жизни. Последние были особенно важны для определения пределов российской модернизации. До сих пор деревня изолировалась от участия в ней. Только раскрепощение крестьян и столыпинская реформа свидетельствовали о понимании невозможности модернизации в аграрной стране без реформ в деревне. Связанная с деревней городская провинция образует тот внутренний монолит, который трудно сдвигается и поддается реформам, тем более, если курс этих реформ рассчитан даже теоретически на большие города.

Вызов и ответ создают черты биполярности в развитии. Еще до того, как мир стал биполярным в глобальном масштабе, цивилизационный процесс имел локальные оппозиции.

Посмотрим, как определяет понятия «вызов» и «ответ» А. Тойнби. Он говорит: «Общество в своем жизненном процессе сталкивается с рядом проблем и каждая из них есть вызов»¹. «Иными словами, — утверждает Тойнби, — можно сказать, что функция “внешнего фактора” заключается в том, чтобы превратить “внутренний творческий импульс” в постоянный стимул, способствующий реализации потенциально возможных творческих вариаций»².

Согласно концепции «вызова-ответа» вызов — это прежде всего то внешнее воздействие, которое способно создать в стране внутренний импульс собственного развития.

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991. С. 108.

² Там же.

Первый вызов, который испытала Россия, — природный. Она не могла осуществить адекватное суровой природе интенсивное хозяйство и пошла по экстенсивному пути расширения земель, единственно возможному для традиционных обществ.

Дальнейшие вызовы последовали из Азии (Монголии) и с Запада (его форпостов — Польши и Швеции).

Прежде всего, Россия испытывала вызов Азии. Он был создан походом на Русь монгольского хана Батыея. «Этот случай еще раз доказывает, — пишет А. Тойнби, — что, чем сильнее вызов, тем оригинальней и созидательней ответ»¹. В чем же этот ответ состоял? Вот как описывает его маститый историк: «В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социальной организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их... но и достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразовав в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища — в оседлые деревни»². Опираясь на достижения земледельческой цивилизации, ее более развитую материальную базу, Россия ответила на вызов Азии. Ее ответу способствовало и духовное состояние России, развитое православием. Недостаток внимания завоевателей к идейной стороне дела, завоевание с целью собирания дани способствовали собственному развитию русской духовности и культуры даже и в условиях неволи.

Вызов со стороны Запада (в лице Польши и Швеции) Россия испытала в XVII веке, пережив «страшное давление со стороны Западного мира»³: «Временное присутствие польского гарнизона в Москве и постоянное присутствие шведской армии на берегах Нарвы и Невы глубоко травмировало русских, и этот внутренний шок подтолкнул их к практическим действиям, что выразилось в процессе “вестернизации”, которую возглавил Петр Великий»⁴. Само процветание Польши и Швеции Тойнби связывает с тем, что они были направленными против России форпостами Запада, но когда Россия окрепла, они пришли в упадок вместе с этой функцией.

Один из ответов на западный вызов — вестернизация, другой, как мы уже отметили, — евразийство. По мнению А.С. Панарина, «перед лицом *западного вызова* России необходима идея евразийского устрой-

¹ Там же. С. 140.

² Там же.

³ Там же. С. 142.

⁴ Там же. С. 147.

ства в двух планах — государственно-политическом и цивилизационном»¹. Эти слова пишутся, однако, в условиях, когда такой ответ, как модернизация, является официальной политикой, как бы плохо она не осуществлялась.

Кроме того, это происходит, когда Россия, терпя неудачи в модернизации, начинает восприниматься Западом не как нынешний или будущий партнер, а как страна, которой недовольны все и к которой у всех есть претензии.

А.С. Панарин показал, что Россия испытывает угрозы со стороны Запада, Востока и Тихоокеанского региона². Запад стремится потеснить Россию на границах, оказывает слабую помощь в ее модернизации, явно многократно меньшую, чем Китаю или Мексике. Причина этого — не только неудачи модернизации, но геополитические особенности России, делающие ее монолитным блоком Евразии, что, с точки зрения Запада, представляет собой потенциальную опасность³. С другой стороны, угроза существует и с Востока, — как с «внутреннего Востока», тянущегося к исламу, так и с внешнего, стремящегося к его распространению и создающего нестабильность на южных границах. Тихоокеанский регион завоевывает позиции лидера, способного диктовать условия.

Эти угрозы А.С. Панарин называет термином А. Тойнби — «вызовы», а реакцию на них — «ответами».

Появление Запада как более развитого и сильно изменившего свой менталитет в результате модернизации образования оказало на мир огромное влияние. С его появлением история превратилась во всемирную. Она стала таковой не в смысле наличия какого-либо всемирного закона развития человечества (как это полагал, например, Гегель), а эмпирически. Мореплавание, а затем развитие транспорта, экономики связало мир. Именно Запад сделал это, показал миру новые возможности, воззвал мир к новому виду пафоса, включавшего в себя идею быстрого развития, самостояния, свободы.

Каждая страна обладала чем-то особенным, что отличало ее от других. Великие цивилизации противостояли варварству окружения, но

¹ Панарин А.С. Россия в Евразии: политические вызовы и цивилизационные ответы//Вопросы философии. 1994, № 12. С. 27.

² Там же.

³ Преувеличение этой опасности может быть сходным с преувеличением угрозы коммунистической России для Запада. Запад убедился, что распад СССР и антикоммунизм в России не уменьшили числа проблем, не увеличили стабильности в регионе.

слабо взаимодействовали между собой. Их существование было лишь до некоторой степени вызовом варварам в силу локальной замкнутости этих цивилизаций. Народы мира находились как бы в разных лодках, медленно плывущих в несогласованных направлениях. Они обладали чрезвычайными особенностями по отношению друг к другу, не дающими основания для сравнения, сопоставления, соперничества или восприятия другого как взывающего к каким-то переменам.

С появлением Запада их очевидные различия оказались в значительной мере стерты их общими отличиями от Запада. Запад настолько в корне отличался от других регионов мира, что стало возможным говорить о незападном мире. Западный мир был небольшим и чрезвычайно динамичным, полностью изменившим свою прежнюю, сходную с другими народами «средневековую природу». Незападный мир был огромен, многообразен, но един в своей незападности — в меньшей скорости своего развития, в недостижимости для него трех новых черт сознания — индивидуализма, свободы, веры в науку, нового психологического склада, включающего оптимизм, уверенность, полагание на собственные силы.

С появлением Запада человечество оказалось как бы в разных лодках, плывущих в одном направлении. Незападные страны не могли не ощутить своей отсталости, того, что направление движения задается Западом, одновременной привлекательности Запада и исходящей от него опасности для их традиционного существования.

Вызов Запада предстал как вызов современности прошлому. Он был в идее прогресса, утверждавшей в теории то, что уже начало осуществляться на практике, — общую линию развития по пути, предлагаемому лидирующим Западом.

Концепция прогресса —

это легитимизация вызова Запада

в условиях превращения истории человечества

во всемирную.

Важно отметить, что порыв к модернизации часто не был навязанным извне, а предстал как внутреннее стремление правящего слоя незападных стран преуспеть в развитии, избежать зависимости, конфликта с населением в будущем. Скажем, Петр I еще не был в том положении, когда России грозила судьба завтра деградировать, дезинтегрироваться, превратиться в колонию Польши или Швеции. Возможно, он мог бы сделать свое царствование похожим на сонное благоденствие своего отца — царя Алексея Михайловича «Тишайшего». Но Петру хва-

тило интуиции и видения общеевропейского процесса, для того чтобы понять: сегодняшнее отставание приведет к еще большему отставанию в будущем; это чревато зависимостью; история берет у опоздавших стать современными невыносимые проценты. Петр потерял социальную базу своего правления, сделавшуюся очень узкой, но сумел привлечь на свою сторону новый ответственный класс — дворянство, видевшее свою миссию в модернизации и европеизации России, в защите ее от возможного колониального порабощения и обеспечения ей статуса метрополии¹.

Возможность некоторое время «жить по-старому» была у всех крупных государств, сосуществовавших в одном пространстве с Западом, но уже в разном с ним времени. И в Москве, Стамбуле, Дели, Пекине, Токио стали понимать, что старое историческое время уступает место новому, что жизнь в прошлых привычных представлениях, обычаях, традициях и условиях возможна лишь для тех, кто не испытывает тревоги в отношении исторического будущего.

Неизбежен вопрос: заставлял ли Запад броситься остальной мир вдогонку, ломая привычный ход событий, болезненно ускоряя прогресс и для этого круша традиции, попирая парадигму мышления наций? Во многих случаях — заставлял, и делал это самым насильственным образом, когда, например, войска колонизаторов покоряли столицы инков и индусов. Но в других случаях — в Пекине, Стамбуле — мощь государств была еще достаточно сильной, чтобы не допустить прямого военного насилия. Однако эти страны сопротивлялись уменьшению своего веса в мире, и с появлением такого соперника, как Запад, они могли сделать это, только ускорив свое развитие.

Проводниками этого развития в своих странах стали элиты, понявшие опасность ситуации отрыва и желающие для своих стран возможностей, равных тем, которые имеются в западном мире. Их вдохновлял пафос справедливости — равного исторического шанса своим народам. Однако достижение такого шанса было слишком проблематичным, и поэтому на основе пафоса справедливости складывались преимущественно (в конечном итоге) антизападные настроения. Источником прозападной ориентации был овладевающий элитами пафос стремления к свободе, процветанию, открытости. Учение о пафосе берет свое начало в античности как учение о нематериальных побудительных причинах человеческой деятельности, о невидимых силах движения наро-

¹ См. новаторскую статью Г. Елисеева и О. Елисеевой, введших понятие «ответственный класс» и рассмотревших его судьбу в российской истории, включая эпоху Петра I: Елисеев Г., Елисеева О. Ответственный класс в России // Социальная реальность. 2007, № 8. С. 57–74.

дов. Современные исследователи тоже не могут избежать этого термина. Мотивы модернизации могут быть различны — от желания преодолеть отсталость и развиваться в заданном Западом направлении до принуждения своего населения к свободе прозападными элитами или подчинения прямому давлению Запада. Однако элиты никогда не способны сделать перемены окончательными до тех пор, пока народ не проникнется пафосом перемен. Американский исследователь П. Рабинов отмечает, что существует различного рода пафос — освобождения, трагический, героический (или пафос вызова), а также миссионерский или дидактический пафос¹. Первые три вида пафоса — составляющие той общей атмосферы, которую мы называем пафосом свободы. А.И. Уткин различает пафос красоты и пафос справедливости².

После падения Римской империи этот пафос красоты надолго исчез из Европы, вытесненный средневеково-христианским пафосом справедливости. Последний включал в себя миссионерский и дидактический пафос, преобладающая направленность которого была, однако, иной — утвердить принципы равенства перед богом и справедливости хотя бы в потустороннем мире. Однако время вернуло пафос свободы. В некоторых странах, таких как Франция, свобода и эстетическое начало прямым образом организовывали жизнь — чувство меры, вкуса было вполне соизмеримо с моральной нормой, а вдохновляющий пафос преобразований создал французскую современность. Движение французского общества к современности упомянутый автор описывает как переход от средневековой моральности к социальности Нового времени, в особенности послереволюционной Франции, к некоторому погашению первоначально двигавшего обществом пафоса и умиротворению в осуществлении конкретных дел, переходе от морализма к социальности и благосостоянию³.

По мере распространения общих принципов образования и средств массовой коммуникации, возможностей учиться и работать за границей сложились элиты, считающие невозможным для себя жить по-прежнему. Не желая отсталости своим народам, но и не видя быстрых путей для ее преодоления, они предпочли анклав западного развития в своих странах. Некоторые из учившихся или работавших на Западе не увидели перспектив для своих стран в предстоящей гонке и выдвинули идеологию изоляционизма или развития в условиях изоляции (например, работав-

¹ Rabinov P. Op.cit.P. 14.

² Уткин А.И. Вызов Запада и ответ России. М., 1995. С. 273–277.

³ Rabinov P. Op. cit. P. 104.

ший в Париже и вынесший из своего опыта антизападные настроения Хо Ши Мин). Но в целом поражает, насколько слабым, неорганизованным и даже беспомощным оказалось противостояние Западу. Удивление по этому поводу высказывает, например, Макс Вебер в «Протестантской этике и духе капитализма», показывая, сколь легко западная идея овладела миром между XV и XX веками, сколь слабы оказались ксенофобы, сколь неэффективны из усилия.

От идеи, так же как от практики прогресса, много раз пытались отказать, ибо слишком велика была его цена. За него платили жизнями, отказом от традиций, упрощенными схемами и насильственной практикой их достижения. И все же, выброшенная в дверь, эта идея возвращалась в окно. Развитие, социальные изменения, модернизация — относительно новые понятия — были в значительной степени эвфемизмами прогресса, в разной мере уточненными и разработанными, но продолжавшими выражать ту простую и плохо скрываемую мысль, что находящееся в разных лодках человечество плывет по пути, открытому и освоенному Западом. Те, у кого не хватало ума или мужества это понять, вольны были изображать в своей лодке какие-то попятные движения, организовывать анклавов сопротивления, совершать самоубийства. Но они не могли изменить направление, не могли не участвовать в общем процессе движения, не могли не признать в Западе умелого кормчего. Они добивались прежде всего уважения Запада и вместе с тем страдали от того, что внутренне считали себя не заслуживающими его.

Как мы отмечали выше, находясь в одном пространстве мировой истории, западные и незападные общества оказались в разных временах. Время Запада было Новым временем, отличным от средневекового, традиционного, — стремительным, идущим вперед, насыщенным событиями, постоянным обновлением. Время незападных обществ оставалось традиционным, таким, каким оно было прежде, — медленным, идущим вперед, но часто как бы возвращающимся назад, заикливающимся на повторении уже имеющегося опыта, на сохранении статус-кво. «Остальное» человечество, составляющее большинство населения Земли, жило по своим традиционным ритмам, ощущая Новое время только через западное влияние. Оно стало вынуждено жить как бы «двойной жизнью», культивируя национальные ценности с ощущением их неуниверсальности и находя общую точку отсчета (universal reference) в позиции Запада и его ценностях как искомом будущем. Не Запад придумал называть свои ценности общечеловеческими, а до некоторых пор сложилась такая конфигурация сил мировой истории, при которой западные ценности становились все более притягательными для элит незападных стран и все более играли роль популистской легитимизации роли этих элит в

своих обществах (обещания лучшего будущего, свободы, перспектив развития, образования, путешествий, работы за рубежом и пр.). Но в итоге появляется особый тип ответа — модернизация как стремление незападных обществ измениться в сторону приближения своей экономики, политики, культуры к западному миру, в т.ч. перенять его структуры хозяйства, политической организации, производства и образования.

ДОГОНЯЮЩАЯ МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ И ЕЕ ГРАНИЦЫ

Поскольку модернизация осуществляется на основе рационального знания того, как должны измениться сущностные черты традиционного общества, имеются определенные модели перехода в новое состояние, модели модернизации.

Существуют две основные модели модернизации: вестернизация и догоняющая модель.

Вестернизация — это процесс перехода от традиционных обществ к современным путем прямого переноса структур, технологий и образа жизни западных обществ. Следует различать вестернизацию как *модель модернизации* и вестернизацию как *часть любой другой модели*, т.к. заимствование западных образцов всегда неизбежно при модернизации. Инициатором вестернизации обычно становился сам Запад, формой ее осуществления была преимущественно колонизация.

Отличительной чертой вестернизации от модернизации вообще является то, что инициатива исходит от Запада и западные ценности навязываются часто силой. Привлекательность западного образа жизни еще не ощущается незападными народами. Объяснение этому может быть найдено благодаря выделению «аскетической» и «гедонистической» фазы в развитии самого Запада. Как отмечает А.С. Панарин, «одна и та же культура в разных фазах имеет, по-видимому, разные шансы на распространение в мире. Так, западноевропейская культура в эпоху Великих географических открытий способна была отпугнуть представителей других культур воинствующей “цивилизаторской миссией”. Напротив, как только она стала перерастать в следующую фазу — потребительски-гедонистическую, связанную с культурным плюрализмом и религиозной терпимостью, ее коммуникативность несоизмеримо выросла»¹.

Череду завоеваний Западом остального мира начал португальский король Генрих-мореплаватель. После освобождения от мавров на этот путь вступила Испания. Между открытием Эспаньолы и битвой при Лендито испанцы были лидерами колонизации. Под их ударами пали импе-

¹ См.: Панарин А.С. Между атлантизмом и евразийством // Свободная мысль. 1993. № 11. С. 4.

рии инков и ацтеков. Португальцы и испанцы поделили между собой то, что стало позже называться Латинской Америкой. Их корабли наводили ужас на всю акваторию арабско-индийского мореплавания от Мадагаскара до Филиппин. Япония и Китай ощутили первые притязания неукротимых пришельцев.

В середине XVII века инициативу перехватывает Англия. Она колонизирует юг Африки, Тасманию и Гвиану. Их экспансию приостановила стандартная причина — внутриевропейская вражда. После нескольких войн Англия превратила Новый Амстердам в Нью-Йорк, оттеснила буров в глубину Южной Африки и прибрала к рукам китайскую торговлю.

С середины XVII до последних десятилетий XIX века лидерами Запада выступали Англия и Франция. Попеременно они владели Индией и Северной Америкой. В конечном счете, Франция оставила эти свои глобальные оплоты, чтобы получить половину Африки, форпосты в Карибском бассейне, самый большой остров Индийского океана, обширный Индокитай и острова на юге Тихого океана. Но самым большим призером западной экспансии стала имперская Британия, поставившая под Юнион Джек четверть мира¹.

Вот как описывает начало процесса вестернизации в Индии известный специалист Т. фон Лауэ. Он начинает с речи лорда Литтона, произнесенной в Индии в марте 1878 г. В этой речи лорд Литтон сообщает индусам о цивилизующей миссии Британии, несущей в Индию идею свободы и персонального достоинства. Его речь была в значительной мере посвящена свободе печати в Индии как естественном источнике вестернизации страны. Свобода прессы была призвана формировать чувство и идеал значимости персональной свободы. Индусы воспринимали это как «таинственные формулы». Впервые Запад говорил в профетическом духе: «Мы стоим во главе гигантской революции, — говорил лорд Литтон, — величайшей и наиболее важной социально, морально и религиозно, а также политически, революции, которую, может быть, мир никогда не видел прежде»². Эта революция — вестернизация. По своему влиянию и значению она определила основные процессы в мире вплоть до настоящего времени.

Британский пример оказался заразительным. Через двадцать лет после речи Литтона начали вестернизацию на Тихом океане и Дальнем

¹ См.: Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г. Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995. С. 129–130.

² Von Laue Th.H. The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N.Y.; Oxford, 1987. P. 14.

Западе американцы. Повсюду источником легитимации вестернизации выступало просвещение, воля бога, несомненно, более высокая цивилизованность Запада, но скрывалась его нелегитимная склонность использовать ресурсы других народов, отрицая ценности их собственного опыта.

Вестернизация как важнейшая и невиданная революция в мире неслала другим народам коренные изменения в политике, социальной сфере, экономике, культуре, своего рода политические, социальные, экономические и культурные революции. Запад не считался с отсутствием готовности и склонности народов вестернизируемых стран к таким переменам. Уже объем предполагаемых перемен, их распространенность на все сферы общества свидетельствовали об этом. Капитализм превратил историю во всемирную. Общность судеб человечества могла быть описана с началом вестернизации не в виде абстрактного сходства или общего закона развития, а как реальное проникновение современных обществ в традиционные. Походы за пряностями, богатствами, новыми землями убедили Запад в своем превосходстве и создали такой «эквивалент» общения с другими, как западные ценности, менталитет, идеология, образ жизни и технология.

Самой распространенной реакцией на вестернизацию, как уже отмечалось, было сопротивление, а на более позднем этапе, по мере осознания западных преимуществ, эта реакция характеризовалась попыткой идти по западному пути без западного насилия, своими темпами, в условиях изоляции, диктатуры или авторитарной власти. Оплотом сопротивления вестернизации была Российская империя, Оттоманская империя, Китай, Япония, Мексика. В особенности Россия и Оттоманская империя являются примером сопротивления вестернизации, однако при следовании по западному пути. Возможно, этот путь и называется сейчас евразийским (безотносительно к концепциям евразийцев). Просто только Россия и Турция являются евразийскими странами в точном смысле слова: они расположены как в Европе, так и в Азии. И только они поставили западное проникновение под свой собственный контроль, пытались в ходе медленной эволюции выйти на уровень западного развития.

Социальная реформа сверху — отмена крепостного права, готовность к политическим переменам, созревание российского парламентаризма, урбанизация — все это было национальной попыткой идти по западному пути. Поэтому Октябрьская революция была не только вызовом вестернизации как модели развития, частично имевшей место, но и вызовом наднациональному варианту модернизации.

Модернизация, осуществляемая при внутренней закрытости, под контролем Оттоманского государства, отличает и Турцию, где первый парламент появляется в 1876–1888 гг., где существовали законы, уста-

навливаемые султаном и неотрывные от ислама, но позже ставшие основой секуляризации¹.

Вестернизация, распространяемая на все сферы общества, не могла обеспечить ни постепенности, ни ненасильственности перемен. Как показал К. Поланьи, разрушительные культурные контакты не создают преимуществ для экономики и не имеют причин сугубо экономических: «Процесс культурной деградации можно остановить только социальными мерами, которые несоизмеримы с чисто экономическими показателями уровня жизни...»². Изменения стали осуществляться с опорой на узкий слой компрадоров, готовых продать интересы своих народов за собственное благополучие и, как правило, даже менее своих западных партнеров заинтересованных в цивилизующей миссии Запада. Многие традиции и духовные возможности незападных стран разрушались в ходе вестернизации без замещения их западной культурой. Причинами этого являются как отсутствие собственной потребности вестернизируемых стран в силу принципиально разных ценностей стремиться быть вовлеченными в вестернизацию, узкая социальная база вестернизации в этих странах, так и подчинение общих мессианистских целей вестернизации практическим задачам извлечения прибыли из колоний, развития техники и использования дешевой рабочей силы в них, урбанизации и создания западных анклавов в традиционных обществах. Вестернизация разрушала традиционность этих обществ, но не делала их западными. Поэтому повсюду ей был брошен вызов. В своей книге фон Лауэ описывает основные вызовы вестернизации и ответы на них, которые происходили уже в наше время, а не в эпоху Великих географических открытий: Первая мировая война, Октябрьская революция, фашизм, сталинизм, маоизм. Все это он называет «контрреволюциями», направленными против гигантской мировой революции — вестернизации.

Все эти «контрреволюции» были (независимо от нашего к ним отношения) реакцией на одну-единственную революцию — вызов Запада.

После крушения колониальной системы империализма были найдены новые формы колониализма. Огромное число рабочих, дешевой рабочей силы из стран Азии, Африки наводнили Западную Европу, участвуя в создании богатств. Неуклонный рост богатства Севера и слабое развитие Юга, к тому же тормозимое демографическим взрывом, пере-

¹ *Osbudun E. Turkey: Crises, Interruptions, and Reequilibrations // Lipset S., Diamond I. Politics in Development Countries. Comparative Studies. N.Y., 1991. P. 188–190.*

² *Поланьи К. Великая трансформация. С. 309.*

несло проблему вестернизации неевропейских народов на территорию Западной Европы, продемонстрировало трудности взаимодействия людей из разных цивилизаций и культур. Запад сохранил интерес к ресурсам развивающихся стран, в том числе и к людям в качестве таковых, но эти люди уже находили Запад привлекательным главным образом благодаря гедонистической фазе его развития. Они оказались чужды всем его великим достижениям и способными воспринять поверхностный уровень массовой культуры.

Это замечательно показал А.С. Панарин: «Тонкая внутренняя игра западной культуры, состоящая в балансировании между аскезой труда и гедонизмом досуга и потребительства, на расстоянии не улавливается. Чужая культура не может передать другим свою аскезу, а вот ее внешние плоды в виде высокого уровня потребления, комфорта, индустрии досуга и развлечений оказываются наиболее “коммуникационными”»¹. Поэтому, отмечает А.С. Панарин, вестернизация реализуется в России (и во многих других местах. — *Авт.*) в виде субкультуры досуга, но не труда: «Если же иметь в виду продуктивную систему Запада, в основе которой лежит культура труда, профессиональной ответственности, законопослушания и т.п., то в этом отношении односторонняя вестернизация первого типа скорее удаляет, чем приближает нас к западной модели общества»².

Результатом уже пройденной вестернизации является автократический индустриализм Латинской Америки, поддержание цивилизационных начал в условиях отсутствия демократии; развитие политической культуры в Азии — создание стабильных полудемократий и квазидемократий. В Африке — патерналистской полудемократии, нестабильности и хрупкости демократических структур, преобладающим значением традиционных укладов. Вестернизация обеспечивала развитие, но в противоречивой и драматической форме, путем утраты национально-государственной независимости. После крушения колониальной системы большинство стран «третьего мира» оставили идеи вестернизации своих стран, официально заявляя о слишком высокой цене такого развития. Некоторые страны попытались использовать так называемую «догоняющую модель», где Запад брался за образец, который нужно было достичь, но большинство из них не выдержало и этой гонки.

¹ Социальная модернизация России: Материалы обсуждения за «круглым столом» в Институте философии РАН// Вестник РАН. 1993. Т. 63. № 3. С. 188.

² Там же.

Если посмотреть на эти страны с цивилизационной точки зрения, то они принадлежат к разным цивилизациям. Согласно С. Хантингтону, Россия относится к ортодоксально-христианской, Турция — к мусульманской, а Мексика — к латиноамериканской цивилизации. Согласно культурологической типологии все они являются незападными странами, не прошедшими фазы классической культуры (Ренессанса, Реформации, Просвещения), находящимися в состоянии перехода от традиционного общества к современному, незавершившими модернизации, но проделавшими большой путь в этом направлении. Географически и по составу населения Россия и Турция — евразийские страны. Объяснить, почему именно эти три страны избрали «догоняющую модель», можно только в конкретном историческом исследовании. Общей причиной является то, что они достаточно велики, достаточно развиты, имеют опыт независимости и вместе с тем контактов с Западом.

Догоняющая модернизация, подобно вестернизации, может быть *моделью* развития (как это является для России, Турции и Мексики), а может быть *всегда существующей частью процесса модернизации*. Так и вестернизация имела одной из своих составляющих попытку отсталых стран приблизиться к развитым. Такой стране, как Япония, хотя она и не следовала ни догоняющей модели, ни вестернизации, удалось реально догнать Запад в технологическом отношении.

Догоняющее развитие осуществлялось, как видно, на примере трех названных стран при разных социальных системах. В Турции этот процесс происходил при авторитарном правлении и постоянном обретении черт демократии, в Мексике — при особой форме однопартийной демократии (у власти здесь находится более 70 лет конституционно-демократическая партия), в России — в годы социализма. Заметим, что Россия и прежде (в эпоху Петра I, Александра II) проходила первые этапы догоняющей модернизации. Большевицкий этап был следующим. Он занимал столько же времени, сколько мексиканская и турецкая модернизации, после революций, которые произошли здесь приблизительно в то же время, что и Октябрьская. Следовательно, сходство модернизационных процессов в этих странах определено примерно равным временем их осуществления, а также тем, что они оказались близки к индустриальным центрам, хотя и не входили в них.

Суть же процессов догоняющей модернизации — индустриализация и создание индустриальной культуры, чрезвычайно улучшившей удобства человеческой жизни, условия существования человека. Эта эпоха характеризовалась формированием масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. Производство масс было составной частью индустриального производства. Индустриальная система порожд-

дает и бюрократию, которая вполне «конкурентоспособна» с государством в подавлении свободы. Триумфом индустриальной эпохи было вступление Запада в гедонистическую фазу, превращение его в общество потребления.

Многим кажется ныне, что активное применение модели догоняющей модернизации было в период деколонизации 1960–1970-х годов. В действительности же эта модель — наиболее распространенная, а в России, Восточной Европе, Мексике и Турции, которые тут были упомянуты, даже единственная. Не только между 1940 и 1965 годами, как описывается в литературе, но также и теперь эта модель активно внедряется Россией, Турцией, Восточной Европой.

Но догоняющая модель имеет пределы. Обозначим их.

— Частым результатом догоняющей модернизации является потеря традиционной культуры без обретения новой, современной. Такие неудачи модернизационной стратегии особенно в 60–70-е годы в ходе активных усилий преобразовать страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, вообще вывели термин «модернизация» из употребления, скомпрометировали его. Вместо него стали употреблять понятие «развитие». Однако теперь в связи с очевидно декларируемыми целями не просто развития, а модернизации России и Восточной Европы после крушения коммунизма, явная и успешная модернизационная направленность турецкого опыта вновь вернули этот термин на страницы научной литературы, не устранив отмеченной опасности, особенно для России и Восточной Европы.

— «Догоняющая модель» модернизации создает острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. Это Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро в Бразилии, большие города Мексики, Бомбей и несколько островов «зеленой» революции в Индии, Стамбул и ряд больших городов Турции, Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся и образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции. Эти анклавов, несомненно, облегчают задачи модернизации, но вместе с тем они усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация догоняющего типа создает явное неравенство, обещающая при этом равный шанс (чего не делало традиционное общество), и поскольку этот шанс далеко не для многих, производит социальное недовольство, ситуацию неустойчивости, способствующую возможности России повернуть к коммунизму, Турции — к фундаментализму, в Мексике и повсюду в подобных странах — к традиционализму: восстаниям крестьян, сопротивлению националистов.

Вместе с тем анклавная догоняющая модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием духовной перспективы. Мелкий

бизнес становится обязательной нормой жизни общества, вовлекая в него огромные людские массы. Общество развивается, не имея духовной перспективы. Опасность коммунизма, подъем ислама во многом есть реакция на эту ситуацию, ситуацию отсутствия больших идей, национальных очертаний современной культуры.

— «Догоняющая» стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа остаются неизменными, так сказать, дожидаясь отставших соседей. Однако сейчас мир радикально трансформируется. Многие развитые капиталистические страны ныне находятся в переходном процессе. Происходит изменение направленности социального развития. По Д. Беллу, А. Тоффлеру, это движение от индустриальной цивилизации к постиндустриальной. Согласно Дж. Нисбету, наблюдается переход к информационному обществу. Как бы ни назывался и не характеризовался этот период, его суть — обнаружение пределов роста индустриального мира, демассовизация и приоритет человека по отношению к существующим институтам, необходимость новых институтов, обеспечивающих эту приоритетность. Как утверждает Несбит, высокая техника требует высокого человеческого ответа; чем более мир устремляется к единому стилю жизни, тем большее значение в нем приобретают глубинные ценности, выраженные в религии, языке, искусстве, литературе.

Это означает, что изменение глобальной тенденции как в плане институционализации, так и в ценностном отношении не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, странам Восточной Европы, Турции, Мексике, только перенимать и имитировать существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению. Весь мир не может жить, как США. Такая интенсивность потребления природных и человеческих ресурсов была бы экологически и культурно опасной. От модернизирующихся стран поэтому требуются ныне иные направления развития, новые пути.

Развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами. Поэтому данный процесс требует, как уже отмечалось, обоснования, легитимации. В XVII–XIX веках источником легитимации модернизации были протестантская этика и научная рациональность. В классический период реальность представлялась подчиненной универсальным ценностям и нормам, составляющим основу европейской цивилизации.

В настоящее время универсальные формы легитимации модернизации отсутствуют. Как уже отмечалось, рационально-научная легитимация развития состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм, моделей развития. «Догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец были известны. Успешное развитие (Япония, Юго-Восточная Азия) и менее успешное (боль-

шевистская модернизация России) опровергают этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях.

«каждому своя доля в культурной диффузии»

Заглавием здесь взяты слова Броделя. Они ориентируют нас на понимание того, что при всем унифицирующем значении современности, общества и культуры продолжают отличаться, но при этом и отличающиеся в чем-то они могут быть сгруппированы на основе неких общих признаков. При всем различии Англии, Франции, США и других стран Западной Европы они входят в регион, именуемый Западом. При огромном плюрализме остальных стран, они остаются не-Западом.

Выделение типов цивилизаций, так же как типов культуры, не может быть ни единственным, ни единственно верным. Оно зависит от оснований. Поэтому цивилизационная «карта» пестра и многообразна. Если за основу взят технико-экономический уровень, то человечество все более предстало разделенным на миры: первый мир (Америка, Западная Европа), второй мир (Восточная Европа, Россия, европейские государства СНГ, страны Балтии, Латинской Америки, некоторые страны Юго-Восточной и Южной Азии), третий мир — развивающиеся страны, и четвертый мир — неразвивающиеся, остальные страны преимущественно Африки.

Это деление на основе степени развитости. Но можно применить другой критерий — выделить не степень развития, а культурно-исторические образцы развития, как это сделал, например, Н.Я. Данилевский, выявляя их на основе культуры (культурно-исторические типы). Культурно-исторические типы являются, по Н.Я. Данилевскому, самобытными цивилизациями, которые можно расположить в хронологическом порядке: египетская; китайская; ассиро-вавилоно-финикийская; халдейская, или древнесемитская; индийская; иранская; еврейская; греческая; римская; ново-семитская или арабийская; германо-романская, или европейская; мексиканская; перуанская. Наряду с этим потенциально существует и славянский культурно-исторический тип. «Только народы, составляющие эти культурно-исторические типы, были положительными деятелями в истории человечества; каждый развивал самостоятельным путем начало, заключавшееся как в особенностях его духовной природы, так и в особенных внешних условиях жизни, в которые они были поставлены, и этим вносил свой вклад в общую сокровищницу»¹, — писал Н.Я. Данилевский более ста двадцать лет назад.

Придерживаясь сходных принципов, А. Тойнби выделяет в истории двадцать одну цивилизацию; среди них пять живых: западно-христи-

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991. С. 88.

анскую; православно-христианскую; исламскую; индуистскую; дальневосточную¹, остальные — мертвые.

На основе культурно-религиозных критериев в конце XX века, по окончании холодной войны, С. Хантингтон обнаруживает восемь групп родственных народов или цивилизаций: западно-христианскую; ортодоксально-христианскую; латиноамериканскую; исламскую; конфуцианскую; японскую; индуистскую; буддистскую и, возможно, африканскую.

Даже при общности подходов при выделении цивилизаций результат оказывается несколько различающимся. Это связано и со временем, когда произведена типологизация, и с индивидуальным взглядом на проведение границ в смешанных или сомнительных случаях, и с целью исследования. Различия в типологиях живых цивилизаций фиксируют подвижность их границ, меняющуюся способность к саморазвитию, которая характерна для цивилизаций. Способность к развертыванию собственных начал по-разному реализуется народами в различные времена.

Бродель, чьей цитатой является подзаголовок данного параграфа, пишет: «Цивилизация — это одновременно постоянство и движение. Существовая в каком-то пространстве, она удерживалась там, цепляясь за него на протяжении столетий. И в то же время она принимала определенные ценности, которые предлагали ей соседние или далекие цивилизации, и распространяла собственные ценности за своими пределами... Капитализм не избежал действия этих правил. В каждое мгновение он был суммой средств, орудий, практических приемов, мыслительных привычек, бывших, бесспорно, культурными ценностями и в качестве таковых странствовавших и обменивавшихся»². На западный капитализм оказала влияние исламская цивилизация, которая изначально была торговой. И влияние мусульманских и византийских купцов на Запад огромно. В целом же цивилизации или культуры Бродель характеризует как «океан привычек, ограничений, одобрений, советов, утверждений, всех этих реальностей, которые каждому из нас кажутся личными и спонтанными, в то время как пришли они к нам зачастую из очень далекого прошлого. Они — наследие... Всякий раз, когда в обществе обнаруживается тенденция к появлению трещин и провалов, вездесущая культура заполняет или по меньшей мере маскирует их, окончательно замыкая нас в рамках наших повседневных задач»³. Как уже было показано выше, в первой главе, Бродель рассмотрел, как разрываемая конфликтами ев-

¹ Тойнби А. Указ. соч. С. 33.

² Бродель Ф. Игры обмена. С. 568–569.

³ Там же. С. 568.

ропейская цивилизация открылась новому опыту, а именно капитализму, и как этот опыт может стать не только опытом Запада.

Мы предлагаем еще одну типологию цивилизаций — на основе областей однотипного развития. Под типом развития понимается его интегральная характеристика, которая включает: 1) источник (внутренний или внешний); 2) органичность (первичное, развитие под влиянием собственных потребностей, вторичное, связанное с преобладанием внешних «вызовов» и ответа на них); 3) механизм (инновация, мобилизация усилий); 4) характер развития (самостоятельный, догоняющий Запад, догоняющий только его технико-экономический уровень, недогоняющий); 5) темпы (очень быстрые, быстрые, медленные, очень медленные); 6) духовные, ментальные, культурные предпосылки; 7) образ будущего, к которому направлено развитие.

Применяя эти критерии, можно выделить западную цивилизацию.

Далее мы выделяем «вторую», или «другую», Америку (Мексика, может быть, Бразилия, Чили, конкретные компоненты, кроме Мексики, могут вызвать дискуссию) и «другую» Европу. Это цивилизации «второго эшелона» развития. Мы говорим «вторая Америка» и «вторая Европа», когда смотрим на их потенциал догнать «Первую Америку» и «Первую Европу» (Запад). Но сегодня их все больше называют не «вторыми», а «другими», желая подчеркнуть их самобытность, специфику развития, невозможность и ненужность задачи догнать Запад по причине цивилизационной специфики. Источник их развития преимущественно в «вызове» Запада. Их модернизации — это «ответ» на него. Их развитию не хватает органичности. Эти общества расколоты на прозападные элиты — проводники западного образа жизни — и народ, желающий сохранить традиционный или имеющийся на сегодняшний день образ жизни либо изменить его в соответствии с собственными представлениями. Собственные потребности развития в этих цивилизациях складываются в результате сравнения себя с Северной Америкой и Западной Европой. Механизм развития — мобилизационный: однопартийная система Мексики, этатистский режим в Турции, идеология модернизации в Восточной Европе, реформаторская элита в России и на Украине. Мобилизация может быть как «позитивной» — идеология, порождающая энтузиазм, сверхусилия (мобилизацию) населения, перенапряжение сил, пафос развития, так и «негативной», как это случилось в посткоммунистических странах, где энергия отрицания старого опыта возоблудала над позитивными целями. После многих лет государственной опеки люди оказались предоставленными сами себе, многим не платилась даже зарплата. Они ищут всевозможные источники существования, будучи «негативно» мобилизованными.

Образ будущего задан заранее, как и в предшествующих модернизациях. Ложный — стать Западом, истинный — в двух альтернативных вариантах: 1) нахождение источников развития при сохранении идентичности; 2) использование внутренних и внешних источников, медленная смена идентичности. Такой тип развития может быть назван *неорганически-мобилизационным*.

В посткоммунистических странах процесс развития имел в 90-е годы XX века догоняющий характер. Темп развития замедленный. Духовные основы развития — западные.

Третий цивилизационный блок образуют НИС — новые индустриальные страны Юго-Восточной и Южной Азии («тигры») и другие страны. Источник их развития — внешний (вызов Запада) и внутренний (экономические проблемы, поражение некоторых в войне, перенаселенность на малой территории). В странах «другой» Америки и «другой» Европы, повторим, внутренний фактор неудовлетворенности возникает при сравнении с Западом, ибо с внутренней точки зрения постоянно идет процесс развития, заметный одному поколению. В азиатском регионе такой медленный прогресс обеспечен не был. Тип развития здесь является *инновационно-мобилизационным*. С одной стороны, активно используются западные технологии и инновации, с другой — мобилизующая сила традиции, коллектива, семьи, чувства общего дома. Они осуществляют развитие на основе собственной идентичности, которое некоторое время назад называлось постмодернизацией. Темпы развития были быстрые. Предпосылки — традиционные, в том числе и вековая привычка к труду. Развитие осуществляется на основе собственной идентичности. Образ будущего — стремление сохранить идентичность, но войти в семью народов как развитый, конкурентоспособный регион, который остается самим собой. Есть стремление к экономической экспансии в мире, но нет цивилизационного «вызова» в силу внутренней замкнутости, невозможности предложить остальному миру сложившийся здесь тип идентичности. Тип развития может быть назван как *органически-неорганический*, так и *инновационно-мобилизационный*.

Наряду с этими типами цивилизаций существуют доиндустриальные цивилизации (страны «третьего мира»), которые развиваются на основе внешних источников: «вызова» Запада, неорганически, используя этатистские механизмы или диктатуры, развитие которых представляет собой деархаизацию, идет крайне медленно, поддерживается идеями прозападных элит, имеет целью улучшение жизни и может быть названо *постколониальным*.

И, наконец, существуют неразвивающиеся сообщества (по крайней мере, развитие в них незаметно трем поколениям), которые имеют *ар-*

хаический тип развития — воспроизводство старого с минимальными изменениями.

Особенностью же цивилизаций является их собственная идентичность, которая может медленно эволюционировать (как, например, западная идентичность), но сохранять свои коренные черты. Коренной чертой «другой» Европы является тип развития. Он возникает из исторической судьбы, которая определяет ментальность, духовность, культуру. Может быть, только немногие страны в этом регионе способны приблизиться к западной идентичности: Эстония, в силу протестантской этики; Словения, Хорватия и Чехия, в связи с непотерянным буржуазным опытом; бывшая ГДР, в связи с включенностью в другое западное государство. На сегодня отличия этих стран от Запада большие — Германия до сих пор создает впечатление двух стран, двух наций в одной. Причем развитие Восточной Германии в составе объединенной Германии не дает какой-либо особой модели. Это все та же догоняющая модель¹.

Остальная часть «другой» Европы сильно отличается от Запада. Трудовые навыки сформировались в этом регионе на основе мирской аскезы, а не протестантской этики. Ценностные ориентации здесь всегда преобладают над целевыми, поэтому западная рациональность отсутствует, и ее предпосылки невелики. Коллективность, в том числе и этничность (а не западный национально-государственный подход), здесь является органичной, преобладание мировоззренческих подходов над научно-технологическими — безусловным.

Сможет ли хоть когда-нибудь «вторая» Европа реализовать свою вековую мечту — стать Западом? В пользу этого говорит пример стран, которые, географически находясь на Западе, стали его частью только во второй половине XX века. Это Германия, несмотря на протестантскую этику, Италия, Испания, которая теряла свою западную принадлежность во времена Франко. Португалия, Греция и сегодня должны пройти некоторый путь, чтобы их интеграция с Западом окончательно завершилась.

Однако подобная перспектива для «другой» Европы, за исключением вышеназванных стран, представляется неосуществимой. Дело в том, что для смены идентичности этого региона на западную требуется огромное время. *Носителями западных идей являются элиты, а не народ. Народ имеет интерес к потребительскому уровню Запада, но это порождает в нем скорее гедонистические, чем трудовые и аскетические начала, необходимые для вхождения в западное сообщество. За это время Запад, согласно существующим прогнозам, сам изменится в сторону*

¹ Zapf W. *Modernisierung und Modernisierungs-Theorien*. Berlin, 1990.

все большего признания первичных ценностей — семьи, религии, языка, своего прошлого. Отчасти это будет движение в сторону смягчения западных ценностей и приближение к ценностям «другой» Европы, но произойдет это на основе уже достигнутой высоты технологии, в результате пятисотлетнего исторического опыта.

Кроме того, евразийский ракурс рассмотрения свидетельствует о наличии в ряде стран «другой» Европы азиатского компонента. После распада СССР евразийская модель пребывания во «втором мире» (но не «второй Европе») только сейчас получила некоторое оживление, прежде считаясь явно устаревшей. Тенденции быть «другой Европой» выросли. Но перспективы азиатизации, провинциализации тоже увеличились. Вытеснение русских из сложившегося суперэтноса чревато антимодернизационными тенденциями азиатских республик России и СНГ. Такой форпост модернизации в Азии, как Турция, испытывает двойственное чувство, сталкиваясь со стремлением азиатских окраин России, азиатских стран СНГ и тюркских народов России к сближению. С одной стороны, она чувствует «синдром родственных стран» в исламской цивилизации, с другой — противоречивость этой новой ориентации с ее надежным местом в «другой» Европе. Цивилизационный раскол Турции, России, Югославии преодолевается выбором типа развития, который дает ясное направление внешней и внутренней политики — развитие в рамках либо «второй», либо «другой» Европы, сближение с Западом, роль модернизационного лидера в евразийском пространстве. Когда такой выбор сделан лидерами, азиатские народы России и СНГ могут решать для себя: привлекают ли их экскоммунистические стабильные режимы («второй мир»), исламский фундаментализм (антимодернизационное сближение с «третьим миром») или модернизация по пути «второй» Европы. Можно было бы сказать, что они способны выбрать модель развития Восточно- и Южно-Азиатской индустриально-информационной цивилизации, но у этих стран нет модели, они используют свою уникальность. Такой шанс есть у всех, но не у всех он состоялся.

Существенной проблемой в прогнозировании способности «другой» Европы превратиться в часть Запада является провинция, демонстрирующая существенный отрыв от европеизированных столиц, в городской провинции просматривается связь с селом, аграрно-сельский характер культуры (даже и городской) в российской, украинской, турецкой и пр. провинции.

Поэтому не представляется реальными в обозримом будущем ожидания превращения «другой» Европы в «первую». Может быть, в истории и возникнет такой шанс, но рассчитывать на него в реальной политике не приходится.

Многие думают, что применение силовой модернизации этот шанс увеличит. Мнение, неподтвержденное предшествующим опытом силовых модернизаций, чреватых рывками и откатами назад.

Часть представителей прозападных элит в стремлении сделать Россию, например, частью Запада, не останавливаются перед идеей ее распада, как прежде перед идеей распада СССР. В статье «Горе победителям!» (1879 г.) Н.Я. Данилевский писал о тех, кто испытывает «сомнение в смысле, цели, значении самого исторического бытия России, которое как нечто несущественное, сравнительно маловажное, второстепенное должно уступить место более существенному, более важному, первостепенному»¹. Более того, некоторые считают географический передел, по крайней мере, состоявшийся в отношении СССР, и сегодняшние сессии необходимыми: «Чтобы стать демократией, мы должны стать американцами. Для этого надо прийти на новую землю, новыми, очищенными от истории и традиций, свободными, начать все заново. Да, для такой жизни потребуются кольты, т.е. автоматы Калашникова. Ну и что? А как же иначе?» Не будем называть автора этого «блистательного» публичного пассажа, ибо модернизация ценой распада исторической России представляется нам морально неприемлемой. Кроме того, ситуация хаоса не поддается научным прогнозам, и планировать модернизационные перемены из хаоса невозможно. И, наконец, новая реальность без истории, традиции, территории, старых связей существует только в голове революционно-романтически мыслящего теоретика.

Однако этот опыт повседневности расходился с нормативными требованиями парадигмы современности и был осознан, а затем пробил себе дорогу лишь много позже.

Таким образом, парадигма современности, присущая модернизационным теориям, не просто ориентирована на новое. Она производит современность в качестве модели и теорию современности. Она, казалось, как уже было отмечено, не предполагает возможность альтернативы капитализму, если он не воспроизводит современности как социальный идеал². Позже оказалась, что иное воплощение индустриализма в незападном регионе — социализм — также есть форма модернизации, ориентированная на парадигму модернизма. Эта парадигма стала нормативной рамкой развития капитализма как хозяйственной системы, но одновременно как общественного строя и типа общества, затрагивая

¹ Данилевский Н.Я. Сборник политических и экономических статей. СПб., 1890. С. 44.

² Jameson F. Op. cit. P. 15–96.

и социалистические общества. Но эта нормативная парадигма отрывается от мира повседневности и, в итоге, срывает лучше там, где для нее в повседневности были предпосылки, кое-где формирует их и нередко просто разрушает традиционные общества, не давая на протяжении длительного времени шанса ни капитализму, ни современности в обществах, далеких от данной нормативности¹. Обсуждение парадигмы современности привело к выделению нами ведущих трансформаций, обуславливающих развитие капитализма и общества в целом, периодизации истории капитализма и общества как сменяющих друг друга типов современности.

б) Глобализация и капитализм

Как мы уже неоднократно отмечали, данная книга посвящена глобальному капитализму и трем его Великим трансформациям. Первая трансформация привела капитализм к глобализации, которая связана с английским free trade, вовлекшим мир в обмен товарами, капиталами и людьми, в процесс колонизации и знакомства мира с Западом. Затем процесс глобализации был оборван до начала 90-х годов XX века. Вместе с тем капитализм как мировая система продолжал существовать, хотя его всемирные связи перестали быть столь непосредственными. С 90-х годов XX века началась вторая глобализация, которой сопровождался распад коммунизма, предоставивший новые пространства для распространения капитализма.

глобализация: от феномена к дефиниции

Итак, в предыдущей главе мы показали, что Запад прошел путь органически-инновационной модернизации. Однако капитализм, возникший в странах Запада, имел маленькие национальные рынки. Дж. Арриги, о котором мы писали выше, обратил внимание на то, что Адам Смит подчеркивал небольшую величину рынка Англии в сравнении с рынком Китая, тем самым одновременно признавая, что рынок не обязательно связан с капиталистическими отношениями. Из-за малости европейских национальных рынков возникает потребность стран Запада в расширении мировой торговли, ставшей основой первой глобализации.

Термин «глобализация» неоднозначен. Он возник только в 90-е годы XX века, в связи с распадом коммунизма и открытием новых зон для распространения капитализма, ставшего почти всемирным. Вообще многие термины социальных наук совпадают со словами обывденного

¹ Колпаков В.А. Кризис экономической науки как потеря ее жизненной значимости // Эпистемология и философия науки. 2007. Т. XII. № 2.

языка и становятся научными понятиями только после того, как закреплено их значение. Это и произошло с термином «глобализация».

Слово «глобализация», помимо его естественной многозначности, обрело многозначность журналистских, публицистических употреблений и разные значения в многообразных философских, социологических, политологических, политико-экономических концепциях. Множество отечественных и зарубежных исследователей отмечают как неясность термина «глобализация», так и разнообразие концепций глобализации, многие из которых не вполне продуманы и ясны. Необходимо понять, являются ли стоящие за термином «глобализация» концепции совершенно новыми или они имели своих предшественников.

Если отвлечься от столь поздно появившегося термина «глобализация», процесс глобализации начался не сегодня. Многие специалисты трактуют ее предельно расширительно — как становление всемирной истории. Первой эпохой, условно позволявшей применить этот термин, было так называемое «осевое время». «Я понимаю этот термин, созданный Ясперсом, в рамках единого религиозно-исторического процесса. Рождение философии было лишь одним из звеньев большой цепи событий, направление которых — переход от племенных религий к мировым. Поэтому окончанием “осевого времени” следует считать не упадок греческой философии (II в. до Р.Х.), а возникновение ислама и установление прочной, дожившей до сегодняшнего дня системы четырех культурных миров: христианского Запада, ислама, Индии и Дальнего Востока», — писал Г. Померанц¹. Но без единого Неба, говорит он, т.е. без общей религии, земное единство не могло быть достигнуто. Разделенность конфессий не дает решить этой задачи. И первый этап к преодолению разобщенности — диалог.

В этом утверждении лежат корни трактовки глобализации как процесса, в котором есть единое и многообразное.

Вопросы о том, что такое глобализация и когда она началась, имеют разный ответ. И, пожалуй, вторая часть вопроса более важна. Есть точки зрения, ведущие отсчет глобализации с начала XVI века. Один из исследователей, Х. Лентнер, пишет: «С моей точки зрения, глобализация началась в конце девятнадцатого века с роста современной индустрии, новых технологий транспорта и коммуникаций, с развития международного обмена товарами и потоков капиталов и миграции современ-

¹ Померанц Г.С. *Культ этики или диалог культур // Этнос глобального мира.* М., 1999. С. 131.

ного типа»¹. Другой автор, М. Уотерс, считает, что глобализация сравнима с модернизацией и поэтому может считаться начавшейся с XVI века. Р. Робертсон говорит о том, что «время глобализации соизмеримо со временем появления мировых религий»². Еще один автор, Дж. Шолте, показывает, что «глобальность — это не всегда сверхтерриториальность... Социальная география конца девятнадцатого века точно так же, как конца двадцатого века, может быть описана понятием глобализации. И все же глобализация создает совершенно другую пространственную конфигурацию социальных отношений в 1990 году в сравнении с 1890-м»³.

В этих разноречивых характеристиках больше единства, чем может показаться. В XIX веке была первая глобализация 1885–1914 годов, включавшая обмен капиталами, товаров, людей и идей. Она была прервана Первой мировой войной, национализмом, коммунизмом и фашизмом. Вторая глобализация ознаменовалась возникновением мировой торговли, распространением либерализма и появилась вместе с распадом коммунизма, после которого появилась подобная возможность. Иными словами, *глобализацией можно называть как все признаки единства человечества, так и экономический процесс свободной торговли и обмена XIX века, и совершенно новое явление той же природы последних двадцати лет.*

В более узком смысле под глобализацией имеют в виду прежде всего наднациональные последствия деятельности транснациональных монополий, кросс-национальные или наднациональные связи и взаимозависимости, экстерриториальный аспект социальных отношений, экономическую интеграцию, распространение отношений капитализма в мире за последние двадцать лет.

Книга «Переосмысливая глобализацию» проливает свет на давний спор, началась ли глобализация 1000, 500 лет назад или только в последние два-три десятилетия. Этот термин, повторим, возникший только в 90-е годы XX века, стал собирательным для всех надежд на единство человечества и на саму возможность говорить о нем как о субъекте истории и образовывать такие коннотации, как «история человечества», «человеческое общество».

¹ *Lentner H.H. Globalization and Power//Rethinking Globalization(s). From Corporate Transnationalism to Local Interventions. L., 2000. P. 57.*

² *Waters M. Globalization. L. 1995. Robertson R. Globalization. Social Theory and Global Culture. L., 1992. Цит. по: Rethinking Globalization(s). P. 58.*

³ *Sholte J.A. Can Globality Bring a Good Society?// Rethinking Globalization(s). P. 17.*

Наметилось употребление этого термина во множественном числе — «глобализации» — с целью типизации процесса становления единства человечества. Можно применить для этого понятие «глобализация I», «II», «III», «IV» и т.д. Глобализация I — сближение мира на основе модернизации, стремления догнать Запад. Глобализация II — превращение истории во всемирную за счет развития средств транспорта и связи, экспансии капитализма за пределы национальных государств. Глобализация III — время свободной торговли, обмена товарами, капиталами и людьми в период между 1885–1914 годами. Глобализация IV — экономическая глобализация конца XX века, включающая изменения в информатике, экономике и — в перспективе — политике и культуре. Об этом последнем процессе говорят сегодня как о совершенно новом, но его предпосылки были заложены в предшествующих способах достижения единства человечества. Несмотря на то, что последняя (вторая) глобализация имеет экономическую природу, т.к. она была обусловлена распространением капитализма, люди ожидали от нее и многого другого. Одна из ее трактовок включает стремление к соединению лучших черт всех цивилизаций и обществ. Другая акцентирует сосуществование людей в мультикультурном и многоконфессиональном мире, который един в своей разнообразии и в том, что он расположен на одной планете. Ожидания на уровне повседневности и аналитический дискурс здесь разошлись как нигде. Аналитически глобализацией называют первую попытку свободного торгового обмена (free trade) XIX века, начатую Англией и захватившую впоследствии многие страны — Францию, Германию, Россию, результатом которой стал более свободный обмен идеями, товарами и людьми внутри и за пределами пространств этих стран. Вторая глобализация — начала 90-х годов XX века — иногда рассматривается как продолжение Первой, имеет экономическую и технологическую природу. В частности, в это время развились телекоммуникационные и информационные технологии, что позволило распространить идеи либерализма и капитализма во всем мире.

Возвращаясь к комбинированному обыденно-аналитическому дискурсу по вопросу о том, когда началась глобализация, что это такое и где «ключевой агент» глобализации, можно выделить несколько точек зрения:

- 1) Понимание глобализации как того, что уже было («ничего нового»), как то, что началось со становления капитализма и описано разными концептуальными средствами: всемирная история, модернизация, капиталистическая мир-система, всемирная цивилизация.

- 2) Глобализация XIX века, начавшаяся с английского free trade и остановленная Первой мировой войной.

3) Глобализация как нечто новое, связанное с образованием глобальности, включающей в себя «экстратерриториальные (supraterritorial) формы социального пространства», появившиеся в конце XX века и не имеющие прецедентов в прошлом. Глобализация связана с распространением демократии, справедливостью распределения, социальной солидарностью, экологической устойчивостью. Она создает нормативный вызов для развития по инновационным путям¹. Это, скорее, некий норматив для глобализации, реально имеющей место, но не соблюдающей его и обозначенной ниже как 4).

4) Глобализация как повторение прерванной первой глобализации 1885–1914 годов в 90-е годы XX века после распада коммунизма.

Сегодня ясно, что глобализация — многостороннее явление, представленное термином, который является «слишком общим»². Поэтому для него находят основания как в прошлом, так и в настоящем, и всякий раз требуется указать, о каком времени идет речь и какой тип глобализации имеется в виду.

По мнению английского социолога Э. Гидденса, под глобализацией следует понимать интенсификацию социальных отношений, связывающих отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии. Верно и обратное. Глобализация осуществлялась в четырех направлениях и привела: 1) к мировой капиталистической экономике; 2) к мировой системе национальных государств; 3) к мировому военному порядку; 4) к международному разделению труда³.

Таким образом, термин «глобализация» и проблема глобализации не совпадают. Термин появился для характеристики процессов формирования мирового рынка, а затем в последней трети XX века в мировой информационной сети. Вместе с тем глобализация не является абсолютно новым процессом и включает в себя различные фазы становления и концептуализации единства человечества (модернизация, всемирная история, мир-система, общечеловеческая цивилизация). Все эти трактовки основаны на вере в прогресс и его достижимость.

Среди сторонников глобализации есть те, кто настаивает на ее унифицирующей роли (*гиперглобалисты*); те, кто показывает, что глобализация усиливает опасность новых направлений развития и фрагментации

¹ Sholte J.A. Can Globality Bring a Good Society? // Rethinking Globalization(s). From Corporate Transnationalism to Local Interventions. L., 2000. P. 13.

² Dorman P. Actually Existing Globalization. // Ibid.

³ Современные социологические теории общества. М., 1996. С. 33–57.

(скептики), и те, кто видит в ней новый процесс социальной трансформации (*трансформационалисты*). Большинство исследователей согласны назвать глобальным *экстратерриториальный* (*supraterritorial*) *аспект социальных отношений*. Такое определение делает глобализацию предметом многих дисциплин: политологии, географии, экономики и информатики, ибо экономическая и информационная деятельность прежде всего создает такие новые отношения. *Глобализация — неравномерный и незавершившийся процесс распространения капитализма в мире.*

В настоящее время не существует журналов в области социальных наук, которые бы не касались проблемы глобализации. Глобализация для экономистов — это становление всемирного рынка, экономическая взаимозависимость стран. Политологи понимают глобализацию как уменьшение анархии международных отношений и увеличение роли международных организаций, становление единого мирового порядка. Культурологи более скептически в отношении возможности глобальной культуры, но тем не менее ставят вопрос о единстве в многообразии культур, хотя вынуждены признать, что глобальными становятся не высшие, а низшие образцы культуры — массовая культура. Социологи в меньшей степени касаются вопросов, относящихся к глобализации, но все же обсуждают ее социальные аспекты, выделяют несколько исторически конкретных трактовок глобализации. Некоторые из них были приведены выше. Заметим, что социологи отчасти страдают презентизмом, когда переводят концепты модернизации, прогресса на язык глобализации или объединяют термины «глобализация» и «постмодернизация» (переход к постсовременности).

При всем разнообразии трактовок глобализация скорее связывается с формированием всемирной истории и единства человечества, чем с модернизацией. Позже, как мы покажем, эта ситуация изменится. Маркс связывает становление всемирной истории с развитием и распространением капитализма. Место идеи протестантской этики как источника западного капитализма Вебера заняла идея прогресса, которой измерялись политические, экономические, технологические и другие прорывы западной цивилизации. Как отмечает Р. Нисбет, концепция прогресса имела такие предпосылки, как «вера в ценность прошлого; убежденность в величии Западной цивилизации и даже ее превосходства над другими цивилизациями; высокая ценность, приписываемая экономическому и технологическому развитию; вера в разум и в тот вид научно-исследовательского знания, который может быть порожден только разумом; наконец, убежденность в ни с чем не сравнимой ценности жизни на этой Земле»¹.

¹ Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007. С. 475.

Вера в прогресс породила науку футурологию, которая сначала прогнозировала будущее посредством экстраполяции линии прогресса и только много позже, в конце XX века задумалась о возможности нелинейного развития.

КАРЛ МАРКС О КАПИТАЛИЗМЕ КАК О НАЧАЛЕ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Концепции всемирной истории появились позже, чем концепции локальных историй, например, циклического развития, имевшая место еще в античности, а в более четкой форме — у Дж.-Б. Вико. Г. Гегель сформировал философскую систему, в которой история человечества представляла объективный и необходимый процесс, связывающий человечество в единое целое. Философы-просветители полагали, что человечество объединено идеей прогресса, прежде всего прогресса разума. О. Конт считал, что человечество прошло теологическую и метафизическую стадии развития и вступило в научную. Но даже Конт остается философом, а не социологом в этих рассуждениях, не говоря уже о Гегеле и просветителях.

Первую социально-философскую теорию всемирной истории предложил К. Маркс. Им были обозначены эмпирически наблюдаемые признаки превращения истории во всемирную — развитие экономики, средств транспорта и связи, — тесно связанные с капитализмом.

Следуя за Гегелем, он воспринимал всемирную историю как единый, объективный и необходимый процесс, в рамках которого может быть понято развитие как отдельных обществ, так и тенденции развития человечества. Введение термина «всемирная история» сразу потребовало теоретического обоснования, ибо всемирная история при всех указанных выше эмпирических примерах установления всемирной связи в целом эмпирически не наблюдаема.

Обращение к Марксу, а не к Гегелю при обсуждении такого концептуального средства выражения единства человечества, как всемирная, или всеобщая, история, имеющая отношение к проблеме глобализации, связано с тем, что марксизм является не только общеполитической и социально-философской теорией, но и учением, которое в XIX века и в начале XX века воспринималось как социологическое, в отличие от чисто философских работ Гегеля.

Пережив в 1990-е политическую смерть в России и других, прежде коммунистических странах, марксизм сегодня вернул здесь к себе теоретический и практический интерес. К 160-летию был переиздан в России «Манифест Коммунистической партии» с обширными комментариями. Реинтерпретация Маркса позволила А.В. Бугалину и Н.И. Колганову обратиться к идеям глобального капитала и наметить тенденции

альтерглобализма. Ю.К. Плетников вновь обратился к толкованию материалистического понимания истории и социализма¹. Исследованию марксизма занимаются упомянутые во Введении к данной книге авторы, а так же многие другие.

На Западе Маркс все это время сохранял статус классика и продолжал изучаться в большинстве университетов, в отличие от России. Не только известные западные марксисты², но и французские постмодернисты обратились к Марксу, выполняя свое обещание, данное в газете «Либерасьон» в 1994 г. написать каждым из них, ощущающим Маркса как исток своего творчества, солидные работы о нем³.

Разумеется, утверждение тождества (или близости) марксизма с социологией, с политической экономией, равно как и признание его философским уровнем знания, существующим наряду с теориями среднего уровня, не могло быть принято, например, сторонниками структурно-функционального направления американской социологии. По мнению Р. Мертона, теорий среднего уровня достаточно для конституирования социологической дисциплины, и нет нужды в привлечении знаний философского уровня⁴. Это относилось и к экономическим методологиям. Однако в XIX веке многие считали иначе, да и в XX веке марксизм воспринимался как социологическое учение М. Вебером и другими известными социологами⁵.

Итак, мы имеем достаточное основание, чтобы в некотором приближении говорить о марксизме не только как о философском, но и как о социологическом и экономическом учении, нашедшем концептуальное средство для представления единства человечества в понятии всемирной, всеобщей, истории и глобализации капиталистических отношений. Социальная философия марксизма рассматривается как концепция, об-

¹ Манифест Коммунистической партии. 160 лет спустя. Первая программа международного коммунистического движения с комментариями начала XXI. / Отв. ред. Г.А. Багатурия, Д.В. Джохадзе. М., 2007; *Бузгалин А.В., Колганов Н.И.* Глобальный капитал, М., 2006; *Плетников Ю.А.* Материалистическое понимание истории и проблемы теории социализма. М., 2008.

² Например, см.: *Альтюссер Л.* За Маркса. М. 2006.

³ *Деррида Ж.* Маркс и сыновья. М., 2006; *Он же.* Призраки Маркса. М., 2006.

⁴ См.: *Merton R.K.* Social Theory and Social Structure. N.Y., 1949.

⁵ См.: *Федотова Н.Н.* Теории среднего уровня и универсальные теории социологии // Философские науки. 1997. № 1.

ладающая общеметодологической значимостью для всех наук об обществе. Она трактовалась так же, как материалистическая теория истории, которая являлась одновременно ведущей дисциплиной исторических наук — методологией всеобщей, всемирной, истории¹. «Будем называть всемирной, или всеобщей, историей целостный процесс истории всего человеческого общества (ибо этот процесс является всеобщим и всемирным). Открытие его единства или всеобщности, однопорядково с признанием единства мира, оно не дано эмпирически, а требует вскрытия сущности, всеобщности, закона.

Онтологический смысл всеобщности и единства исторического процесса состоит в том, что история человечества — естественно-историческим процессом смены общественно-экономических формаций. Этот закон объективно присущ истории и выступает как главная тенденция, основа многообразия конкретных реализаций. Исторический материализм выделяет его в чистом виде как логику истории», — подчеркивали исследователи данной проблемы².

Чтобы прояснить, каким образом утверждалось понятие единства человечества в марксизме, нужно обратиться к понятию общественно-экономической формации. Долгое время оно трактовалось в советской литературе как синоним общества вообще либо конкретного общества и одновременно как характеристика стадии развития каждого общества. Такие трактовки, в частности, проникали в учебники. Они были ошибочными. Как было показано в работах Ю.И. Семенова и Е.Н. Лысманкина, общественно-экономическая формация — это идеально-типический конструкт, который характеризует как *тип конкретного общества*, выделенный на основе производственных отношений, так и *стадию в развитии всего человеческого общества*³. Указанные исследователи выявили, что неравномерность хода истории не позволяет говорить обо всем человеческом обществе как некоем типе, напротив, существует множество конкретных обществ разного типа (первобытнообщинное, рабовладель-

¹ Багатурия Г.А. Первое великое открытие Маркса. Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс — историк. М., 1968; Келле В.Ж., Ковальзон М.Я. Теория и история. М., 1981.

² Исторический материализм как методология познания и преобразования общественной жизни / Отв. ред. В.В. Денисов. М., 1987. С. 169–170.

³ См.: Семенов Ю.И. Теория общественно-экономической формации // Народы Азии и Африки. 1970. № 5. Теория общественно-экономической формации / Под ред. В.В. Денисова, Ю.К. Плетникова, Е.Н. Лысманкина. М., 1982.

ческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое, утверждалось также существование обществ азиатской формации). Вместе с тем при всем этом многообразии конкретных обществ, а также при одновременном существовании обществ разного типа понятие общественно-экономической формации дает характеристику целостности человечества, выступая как *стадия развития всего человеческого общества*.

Ю.К. Плетников показывает в своей новой, упомянутой выше работе, что именно материалистическое понимание истории открыло Марксу путь к пониманию ее единства.

Для темы нашего исследования имеют принципиальное значение следующие положения Маркса:

1. Признание значимости труда, приведшего Маркса в «Капитале» к мысли, что труд выступает как «независимое от всяких общественных форм условие существования людей»¹, хотя, разумеется, как источник богатства он существует в общественной форме. Сегодня в связи с дебатами о конце «общества труда» в постиндустриальных обществах эта мысль Маркса дает некоторые методологические основания для размышления о том, не является ли этот конец переходом к другим формам труда, а также позволяет оценить сохранение классических форм труда в Азии как предпосылки конвергенции классического и нового капитализма и хозяйственных демократий.

2. Разделение Марксом всеобщего, абстрактного и совместного труда. Маркс писал: «... следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в производстве свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также и различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов»².

В.М. Межуев следующим образом комментирует это положение Маркса: «Всеобщий труд противостоит... не материальному, а абстрактному труду. Последний существует, как правило, в виде совместного, или совокупного, труда (например, простой кооперации). Оба вида труда производят отношения между людьми, но абстрактный труд — как отношения вещей, т.е. в товарной, овеществленной форме, а всеобщий труд — как отношения самих людей, т.е. непосредственно в личностной

¹ Маркс К. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23. С. 51.

² Маркс К. Капитал. Том III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 116.

форме»¹. Не исключено, что эта мысль может быть оспорена в связи с изменением роли научного труда. Является ли он до сих пор всеобщим, не подлежащим частному присвоению, не превращающимся в товар? Как разъясняет Межуев, собственность на рабочую силу дана от природы, собственность на знание — не природный, а общественный дар, заключающий в себе зародыш общественной собственности². Но сегодня и это сомнительно. Информационные общества Запада создали, с одной стороны, открытость Интернета и поддерживаемую им всемирную связь, но, с другой стороны, имеет место секретность научных разработок и их присвоение при совместном труде в корпоративных целях в качестве товара.

3. В данной книге будет дана критика попыток сведения «человека» к «экономическому человеку», осуществляемых на определенных этапах при капитализме и выступающих как кредо радикальных либералов и неолибералов. Интересно, что Маркс рассматривал капитализм в целом как «систему всеобщей полезности; даже наука... выступает в качестве носителя этой системы всеобщей полезности, и нет ничего такого, что вне этого круга общественного производства и обмена выступало бы как нечто *само по себе более высокое*, как правомерное само по себе»³.

4. Для марксизма характерно представление о зрелости общественных отношений, при которой только и может достигнуть зрелости их теоретическое описание. Как отмечал Э.В. Ильенков, Маркс в своем отношении к капитализму опирался на «нравственное чувство масс», которое «оказывается правым против строгой науки, не успевшей еще разобраться в сути дела, именно потому, что эти массы реально зажаты в тиски противоречия...»⁴.

Маркс указывал на неразработанность категориального аппарата классической политэкономии, на его ограниченность обыденным сознанием товаропроизводителей, а следовательно, осуществляемую классиками политэкономии рационализацию обыденного сознания, не позволяющую им построить теорию. Так, о Смите Маркс пишет: «Как у него, так и у всех позднейших буржуазных экономистов недостаток теорети-

¹ Межуев В.М. Маркс против марксизма. Статьи на непопулярную тему. М., 2007. С. 86.

² Там же. С. 96.

³ Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 45. Ч. I. С. 386–387.

⁴ Ильенков Э.В. Гуманизм и наука // Наука и нравственность. М., 1971. С. 433.

ческого понимания, необходимого для уяснения различия форм экономических отношений, остается правилом — они грубо хватаются за эмпирически данный материал, который только и интересует их»¹.

Исследованием этой проблемы успешно занимались Т.П. Матяш, Г.В. Старк. Энгельс по существу разъяснил причины такого положения дел: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории. Решение общественных задач, еще скрытое в неразвитых экономических отношениях, приходилось выдумывать из головы»². Эти соображения особенно ценны для нас в связи с тем, что нам приходится работать с незрелыми переходными отношениями сегодняшнего периода. С одной стороны, многое действительно приходится выдумывать из головы. С другой стороны, учитывать вариацию возможностей. А с третьей — понимать значимость политэкономов, прежде всего А. Смита, изучавших незрелые отношения, учиться у них не выдумывать того, что было им неадекватно.

5. Важным представляется положение Маркса о смене форм зависимости людей — переход от личной формы зависимости при рабовладении и феодализме к вещной, экономической, которая порождает вторичную формацию, начинающуюся с капитализма. Для нас также значимо исследование Марксом азиатского способа производства. Сегодня происходит перемещение индустриального производства в Азию и появление там рыночной экономики, в том числе в странах коммунистического правления (Китай, Вьетнам). Однако иерархия азиатского способа производства поныне характеризует некоторые черты хозяйственной жизни и социального устройства Азии. Сохраняются те черты различия этих рынков, которые в литературе обозначаются как «натуральные» в Азии и «ненатуральные» (искусственные) на Западе³. Как уже было отмечено во Введении, мы предельно сжато излагаем проблему данного параграфа, полагаясь на то, что читатель знаком с работами Г.А. Багатурия, А.В. Бузгалина, М.А. Виткина, В.Ж. Келле, М.Я. Ковальзона, Н.И. Колганова, В.М. Межуева, Ю.К. Плетникова, И.Н. Сиземской, В.И. Толстых и др.

¹ Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Капитал. Т. IV. Ч. 2 // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 2-е изд. Т. 26. Ч. I. С. 68.

² Энгельс Ф. Анти-Дюринг // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, 2-е изд. Т. 20. С. 269.

³ См.: *Arrighi G. Adam Smith in Beijing. Lineages of the Twenty-First Century.* P. 69.

Каким же образом человечество, не представляющее собой единства, а состоящее из конкретных обществ, может оказаться на *определенной (одинаковой) стадии развития*? В сущности, конкретные общества каждого типа развиты по-своему, но стадия развития человечества определялась марксизмом по наивысшему образцу. Победа буржуазных революций в Голландии (1580) и в Англии (1642), согласно такой теории, выводит все человечество на уровень капиталистического развития. Победа Октябрьской революции 1917 г. в России рассматривалась как появление коммунистической стадии развития всего человечества. Так как ни одно конкретное общество не может пройти всех стадий развития и никогда не проходило их, то только все человечество проходит, по мнению Матяш и Старк, все выделенные марксизмом стадии, соответствующие числу общественно-экономических формаций. Аргументом в пользу такого понимания явилось и то, что общественно-экономические формации рассматривались как занимающие разное — более высокое или менее высокое — место на оси прогресса, поступательного развития человечества.

Признание единства человечества в марксизме, таким образом, было связано с утверждением идеи прогресса как смены общественно-экономических формаций, которую в целом осуществляет человечество при всем разнообразии конкретных обществ. Это утверждение не было только гносеологической моделью, т.е. не сводило всемирную историю к возможности ее теоретического конструирования посредством обнаружения общих для человечества законов. Поскольку марксизм стоял на позициях познаваемости мира и, более того, разделял классическую концепцию истины как тождества бытия и мышления (в ленинском варианте как отражения действительности), постольку за тезисом о единстве человечества и закономерной смене формаций стояла онтология: признание единства человечества, его истории, всемирности и всеобщности объективного хода его жизни. Указание на всемирность или, как сегодня говорят многие, глобальность — отнесенность к миру в целом, было сделано, но не играло особой роли. Центральное место занимала идея истории, ее всеобщих закономерностей.

То, что мы приписываем сегодняшним реалиям глобализации, Маркс хорошо показал в «Манифесте коммунистической партии». Один из западных авторов привел его цитату, задавая читателям вопрос, кому могут принадлежать эти слова о современной глобализации? Мало кто догадался, что приведены слова Маркса.

То, что он говорил в середине XIX века относительно проявившихся уже тогда тенденций, в полной мере воспроизвелось сегодня — не только в Первой, но и во Второй глобализации: «Буржуазия путем эксплуа-

тации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим. К великому огорчению реакционеров она вырвала из-под ног промышленности национальную почву. Исконные национальные отрасли промышленности уничтожены и продолжают уничтожаться с каждым днем. Их вытесняют новые отрасли промышленности, введение которых становится вопросом жизни для всех цивилизованных наций, — отрасли, перерабатывающие уже не местное сырье, а сырье, привозимое из самых отдаленных областей земного шара, и вырабатывающие фабричные продукты, потребляемые не только внутри данной страны, но и во всех частях света. Вместо старых потребностей, удовлетворявшихся отечественными продуктами, возникают новые, для удовлетворения которых требуются продукты самых отдаленных стран и самых различных климатов. На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга»¹.

Маркс отмечал также, что «это в равной мере относится как к материальному, так и духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»².

В «Немецкой идеологии» Марксом было показано, что капитализм «в первый раз произвел мировую историю, поскольку он заставил все цивилизованные нации и каждого их члена быть зависимыми в реализации своих желаний от всего мира, таким образом разрушая формальную естественную исключительность отдельных наций»³.

Существует мнение, убедительно представленное С.Н. Земляным, что ошибкой Маркса было игнорирование национального аспекта⁴. Такое замечание верно в том отношении, что признание национальной общности подрывало идею борьбы классов внутри нации, что было бы опасным для этого ведущего концепта марксовской теории. Однако име-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 427–428.

² Там же.

³ Цит. по: Turner B.S. *Orientalism, Postmodernism and Globalism*. L., N.Y., 1994. P. 140.

⁴ Земляной С.Н. Камень преткновения для марксизма. Нации и национализм в XX веке // Политический класс. 2006, № 8. С. 63–73.

ет смысл более осторожная оценка Арриги относительно учета национального развития Марксом. Роль национализма у Маркса сегодня начинает видеться иначе. Дж. Арриги считает, что Маркс, как и Смит, имплицитно имел в поле зрения национальную историю. Его интересовало, как буржуазия трансформировала национальный интерес перед лицом других наций. Этот механизм раскрыт и в «Манифесте коммунистической партии», и в «Капитале» как капиталистическая конкуренция. Поскольку Маркс писал, прежде всего имея в виду эпоху капиталистической индустриализации, он меньше, чем Смит, мог сказать о некапиталистической рыночной экономике, имевшей место тогда и, заметим, теперь, в Китае¹.

Маркс отождествлял рыночную экономику с капитализмом. Но, заметим, национальный интерес у него присутствует не только в понятии «конкуренция», но и в том, что в соответствии с принципом наибольшей развитости его модель строится, как уже было отмечено, так же, как и у Смита, на основе Англии — наиболее развитой и приближенной к классически чистому случаю развития капитализма. Диалектика глобального и локального в определенной мере присуща и Марксу, что важно для понимания нынешней ситуации.

Проблема всемирности интересовала тех историков-марксистов, которые вырабатывали концепцию многотомного труда по всемирной истории. Среди них следует отметить большую роль М.А. Барга². Он показал, что всемирную историю нельзя представить как сумму историй различных стран и регионов, взятых диахронно либо синхронно. Такая задача была бы, во-первых, необъятна, во-вторых, невыполнима, т.к. невозможно представить все имевшие место события, не классифицируя, не типологизируя и не концептуализируя их.

По Баргу, всемирная история может быть написана посредством выделения тех исторических событий, которые могли бы соответствовать в максимально полной степени логически выделенным в историческом материализме классически чистым формам. Так, эпоха рабовладения лучше всего раскрывается на материале Греции и Рима, феодализма — на примере Франции, капитализма — на примере Англии. Следовательно, указанные эпохи всемирной истории сконцентрировали свои специфици-

¹ *Arrighi G. Adam Smith in Beijing. P. 73.*

² *Барг М.А. Понятие всемирно-исторического как познавательный принцип исторической науки. М., 1973. Барг М.А. Категории и методы исторической науки. М., 1984. См. также: Иванов Г.М., Коршунов А.М., Петров Ю.В. Методологические проблемы исторического познания. М., 1981.*

ческие особенности и универсальность в данных регионах и через них и их взаимодействие с другими регионами могут быть описаны исторические процессы, формирующие всемирно-историческую связь.

Всемирная история может быть написана иначе — как циклическая, как история цивилизаций, если за основу методологии взяты соответствующие социально-философские теории, но марксизм задает единство истории через идею прогресса, который предстает здесь как смена общественно-экономических формаций.

Как мы уже говорили выше, положение о всеобщем характере истории, согласно марксизму, не могло полностью быть подтверждено эмпирически, поскольку всемирно-историческая связь осуществлялась на уровне сущности и, будучи воспроизведенной в теории, выявляла логику истории. Эмпирическое подтверждение оно получило только с момента становления капитализма — в результате географических открытий, распространения функционирования капитала в западные страны вследствие колонизации, расширения рынка, а затем развития средств связи, транспорта, культуры.

Однако сущностная связь истории, характеризующая единство человечества, утверждалась в марксизме столь определенно, что было неудивительным появление статьи типа «Возможна ли история одной страны?» (Б.Ф. Поршнев)¹. В такой парадоксальной форме утверждалась целостность человеческой истории. Сам Маркс также отмечал: «чтобы познавать... частности, мы вынуждены вырывать их из их естественной или исторической связи и исследовать каждую в отдельности»². Таким образом, утверждалось господство невидимого, но закономерного единства человечества над его видимым, но эмпирическим разнообразием.

Сегодня, когда канонические трактовки марксизма в нашей стране отсутствуют, стало возможным иное толкование, которое представляется более оправданным. В своей основе оно сохранило понимание единства истории как онтологической связи, закономерности, но трактует это состояние не как всегда присущее человечеству, а как ставшее. Среди утверждающих это исследователей характерна позиция российской исследовательницы Т.В. Панфиловой. Она отмечает, что дискуссия не может идти по линии выбора, является ли история человечества единой или нет. Главным она считает вопрос о становлении единой истории, о превращении неединой истории в единую. Это проблема формирования

¹ Поршнев Б.Ф. Возможна ли история одной страны? / Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 20. С. 20.

нового исторического качества¹. Как показывает Панфилова, «...история не была онтологически единой, но становится таковой. Иначе говоря, единство — не исходное качество истории, оно возникает в ходе международного разделения труда и превращения капитализма в мировую систему. Онтологическое единство истории становится проблемой западноевропейской философии XVIII в. под влиянием действительной интеграции в рамках капитализма»². Не все историческое является с этой точки зрения всемирно-историческим. Поэтому, по мнению цитируемого автора, которое нам кажется справедливым, «термин “всемирная история”, примененный к онтологически единой истории, обретает статус содержательного понятия..., тогда как “история” остается общим термином, за которым не кроется объективно необходимых, существенных исторических связей»³.

Другие ученые подтверждают мысль о том, что на начальных этапах человечество можно уподобить лодкам, плывущим в разных направлениях, тогда как со становлением капитализма оно может быть охарактеризовано как лодки, начавшие плыть в общем направлении. Это уточнение также показывает несовпадение «целого» (всемирной истории) и ее «частей» (истории отдельных стран, народов или цивилизаций), но не считает целое приоритетным для всех времен и народов. Что касается ситуации как Первой, так и Второй глобализации, то включенность локальных образований во всемирно-исторический процесс не вызывает сомнения, и одновременно существует возможность воздействия локальных образований на всемирно-исторический процесс. Так, например, историю России нельзя понять вне всемирно-исторического контекста, и вместе с тем российские процессы сами могут оказать влияние на всемирно-исторический процесс, что уже происходило в 1917 и 1991 годах.

Это характеризует не только общества, отличающиеся специфическими культурно-географическими условиями, но и общества, принадлежащие разным эпохам. Как отмечал Маркс, исследователь должен «проследить процесс исторического развития в его различных фазах, либо с самого начала заявить, что мы имеем дело с определенной исторической эпохой»⁴.

¹ Панфилова Т.В. Развитие личности как тенденция всемирно-исторического процесса // Автореф. дис. на соиск. степени д-ра философ. наук. М., ИФ РАН. 1999. С. 7.

² Там же. С. 16.

³ Там же. С. 18.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 21.

Итак, *всемирность, всеобщность истории* послужила в марксизме концептуальным средством утверждения единства человечества. Марксизм показал себя как учение, которое может претендовать на статус общесоциологической теории. Только в ранних работах Маркс обращался к таким понятиям, как родовая сущность человека (природа человека), которые прежде служили утверждением единства человечества. Позже он стал считать единство человечества исторически ставшим, но не изначально данным результатом всемирно-исторической связи, возникающей вместе с капитализмом.

Первая
великая трансформация:
генезис капитализма
и становление
его классической фазы

Описанные выше процессы распространения капитализма драматически меняли традиционный порядок в течение нескольких веков, преобразуя феодальную систему хозяйства, и традиционные общества, и взгляды людей. Этот процесс, как мы уже отметили, явился Первой великой трансформацией в истории капитализма. Она осуществлялась посредством замены рынков традиционных обществ, подчиняющихся этим обществам и способствующих их воспроизводству, все большим превращением их в свободные рынки, участвующие в изменении самого общества, чему способствовала Вестфальская система суверенных национальных государств, индустриализация, роль государства. Капитализм явился формой поступательного развития, прогресса, создавшего лучшие условия жизни и увеличивая население. Маркс, будучи критиком капитализма, отмечал его цивилизующую миссию. Ренессанс, Реформация и Просвещение подняли Западную Европу за счет, по существу, одного нового ресурса — автономного, рационального индивида, взявшего на себя ответственность за собственную жизнь. Но в его формировании сыграли роль многие факторы. В данном разделе мы и рассматриваем процессы, которые характеризуют Первую великую трансформацию.

Глава 1. Карл Поланьи о Первой великой трансформации

Во введении мы показали, что Поланьи понимает под Великой трансформацией, вынесенной в заглавие его книги, *Первую великую трансформацию*, охватывающую генезис капитализма и становление его классической фазы. Понять это не так легко, поскольку Поланьи писал свою книгу уже в условиях окончания этого этапа, когда либеральная современность была сломана, когда для нелиберальной современности этого времени еще не было найдено имя. Он получил американский грант для написания своей главной книги в годы Второй мировой войны, находясь в США. Все помыслы людей в это время были направлены против фашизма, в то время как либерализм в их сознании оставался эпохой скаточных достижений.

Основополагающие политические и экономические принципы Первой великой трансформации — формирование внутренних рынков, воспроизводящих традиционные общества, их расширение за пределы отдельных обществ, воздействие на традиционные общества в сторону изменений, становление капитализма и разрыв с традиционными обществами, осуществлявшийся на базе таких принципов и институтов, как система равновесия сил, международный золотой стандарт, саморегулирующийся рынок и либеральное государство. Два из этих институтов (золотой стандарт и саморегулирующийся рынок) являются экономическими, два (равновесие сил и либеральное государство) — политическими. Два из них (по другой классификации) были международными, два — внутренними: золотой стандарт отвечал попытке распространить на весь мир рыночную систему, а равновесие сил позволяло соединением сил слабейших государств противостоять сильнейшему из них, что и создавало необходимый баланс. Рынок имел сначала внутреннюю природу и только позже стал всемирным. Либеральное государство действовало в пределах своего суверенитета.

Поланьи показывает значение Столетнего мира. Именно он обеспечил возможность стабильности и действия данных институтов в период 1815–1914 годов. В это время росли банки и складывалась финансо-

вая олигархия в качестве важнейшего института, отражавшего состояние торговли и промышленности. Финансовая олигархия нуждалась в прибыли, получение которой увеличивалось в условиях мира, обеспеченного поддержанием равновесия сил. Финансы сдерживали то и дело готовые проявиться амбиции отдельных государств, чреватые войной. Интересы торговли тоже требовали мира. Мы слишком привыкли думать, напоминает Поланьи, что процесс распространения капитализма и колонизации не был мирным. Действительно, «почти каждую войну устраивали финансисты, однако мир также был делом их рук»¹.

«Таким образом, предпосылкой Столетнего мира, — пишет Поланьи, — явилась новая организация экономической жизни. В первый период поднимающаяся буржуазия была по преимуществу революционной силой, ставившей мир под угрозу, доказательством чему служат потрясения наполеоновской эпохи; именно для противодействия этому новому фактору международной нестабильности Священный Союз и организовал свой реакционный мир. Во второй период новая экономика восторжествовала, и теперь уже буржуазия сама стала носителем мирного интереса, причем гораздо более могущественного, чем у ее более реакционных предшественников; интереса, обусловленного *национально-интернациональным характером новой экономики*»² (курсив наш. — Авт.). Обеспечение мира опиралось теперь на международную экономическую систему, что становилось самоочевидным уже в этот период.

Но к концу 70-х годов XIX века рыхлый концерт европейских держав раскололся на две враждебные группировки, сломавшие равновесие сил: Франция и Британия столкнулись в своей колониальной политике, возникло колониальное соперничество по поводу заморских территорий. И противоречия капиталистической экономической системы, во многом искусственной, т.е. созданной людьми, а не вышедшей из предшествующей традиции, как считает Поланьи, приведут к войне. В первой половине XX века это случилось, создавая затем не баланс сил государств, а баланс сил социальных систем после Великой Октябрьской революции и раскола мира на новые противоборствующие лагеря.

Одним из противоречий нового экономического порядка было противоречие между общим прогрессом и конкретными условиями жизни людей. Оценивая социальные процессы с экономической точки зрения, либерализм не захотел притормозить темп очень ускоренных и потому болезненных изменений. Огораживание, промышленная революция

¹ Поланьи К. Великая трансформация. С. 27.

² Там же. С. 28.

сочетали усовершенствование производства и его орудий с чрезвычайно ухудшающимися условиями жизни больших масс населения, покидающих обжитые места, люмпенизирующихся и с трудом приспособляющиеся к новым условиям. Социальная политика Тюдоров и ранних Стюартов, пытавшихся замедлить процесс огораживания, была единственным фактором стабилизации в условиях обезземеливания крестьян при огораживании. Промышленная революция уже не имела таких сдерживающих начал. Вера либерализма в разрешение всех человеческих проблем путем обеспечения неограниченного роста материальных благ подвергается Поланьи сомнению, переходящему в уверенность, что возвышение экономики над обществом не могло не породить серьезных проблем.

Поланьи утверждает, что «...экономическая деятельность человека, как правило, полностью подчинена общей системе его социальных связей... экономическая система приводится в действие неэкономическими мотивами... “экономические мотивы” порождаются общим контекстом социальной жизни... экономическая система является, в сущности, лишь простой функцией социальной организации»¹. Поланьи показывает, что экономика как часть сложноорганизованных социальных связей докапиталистического общества при капиталистическом перераспределении включается в механизм политической организации общества. Эволюция рыночной модели полностью изменила исходные отношения, при которых экономика встраивалась в общество. На определенном этапе общество превращается в придаток рынка, социальные связи встраиваются в экономические. Рост городов, где концентрировался процесс капитализации, препятствовал экспансии капитала в сельскую местность. Поланьи отмечает, что «государственное вмешательство, освободившее торговлю от пут городских привилегий, потребовалось теперь для того, чтобы устранить две тесно между собой связанные опасности, с которыми ранее успешно боролись города, — монополию и конкуренцию»². Но рынок обретает доминирующую силу, он ведет к институциональному разделению общества на экономическую, политическую и социальную сферы. Здесь разрушается та целостность, которая присуща в понимании рыночного общества А. Смиту: «Мышление Смита проникнуто глубоким оптимизмом, ибо законы, коим подвластна экономическая часть мира, как и законы, управляющие всем остальным универсумом, пребывают в полном согласии с предназначением

¹ Там же. С. 58–59, 62.

² Там же. С. 79.

человека»¹, говорит Поланьи, показывая затем, что отступление в сторону преобладания рынка явно создает проблемы для будущего: «человеческому обществу грозила теперь опасность получить новый фундамент, абсолютно чуждый духовному миропорядку»².

Смит тоже был либерал, но либерализм, кредо которого стало увязываться исключительно с экономикой, сформировался, по мнению Поланьи, только к 1829 году в идее трех принципов: труд должен иметь цену на рынке; деньги производятся автоматически действующим механизмом капиталистической системы; перемещение товаров из страны в страну должно быть свободным. Это, иными словами, — конкурентный рынок труда, автоматически действующий золотой стандарт и свободная международная торговля. Саморегулирующийся рынок в мировом масштабе стал средством реализации этой доктрины и началом первой глобализации. Выше мы уже упоминали, что Поланьи считал капитализм искусственной системой. Вот его аргумент в отношении политики зрелого либерализма, уже взявшего на вооружение упомянутые принципы, которые А. Смит еще не исповедывал в столь целостном виде и в отрыве от моральной философии: «В политике *laissez-faire*... простое невмешательство в естественный ход вещей никогда бы не смогло породить свободные рынки. Подобно тому, как хлопчатобумажное производство — главная фри-трейдерская отрасль — было создано с помощью покровительственных тарифов, экспортных премий и не прямых дотаций к заработной плате, точно так же и сам принцип *laissez-faire* был проведен в жизнь усилиями государства... *laissez-faire* воспринимался не как способ достижения цели, а как сама цель», для осуществления которой государство наладило законодательную и административную деятельность³. Философия либерализма, требовавшая уменьшения роли государства, парадоксальным образом использовала его силу для проведения своих принципов. Рост административных функций государства выражал дух утилитаризма, чему способствовало также применение машин. Деятельность саморегулирующегося рынка была обеспечена, но ценой его возвышения над обществом и его сферами. Это движение к либерализму имело оппозицию, представленную спонтанным контрдвижением против экономического либерализма.

Идея «естественного», «натурального» экономического порядка, которую еще А. Смит находил в рыночной системе Китая XVIII века и «ис-

¹ Там же. С. 128.

² Там же. С. 132.

³ Там же С. 156.

кусственного», «ненатурального» экономического порядка Европы в настоящее время играет немалую роль при сравнении стран старого и нового капитализма, в которых смешиваются рыночные модели традиционных обществ и современные инновации более «естественным» образом. Эта сетка категорий предполагает оправдание традиций и культуры при переходе к рыночной экономике, ибо распад традиционной культурной среды Полаanyi видит «в смертельном ударе, нанесенном тем институтам, в которых воплощено его (ущемленного слоя общества. — Авт.) социальное бытие»¹.

Ниже мы рассмотрим более подробно процесс Первой великой трансформации с теоретической точки зрения.

Полаanyi, назвав либеральную трансформацию Великой, тем не менее выступил критиком либерального этапа, обвиняя его в ошибках, которые привели к фашизму и многим другим несчастьям человечества, — Великой депрессии, пауперизму, игнорированию неравенства, отказу от справедливости, к сбоям в саморегулировании. Одновременно он высказал мысль об ответственности свободы в сложноорганизованном обществе и о потребности в том, чтобы она сама была сложной и рефлексивной. Полаanyi пишет: «Когда в 1920-х гг. прежний мировой порядок потерпел крах, на поверхность вновь всплыли почти забытые к тому времени вопросы, служившие предметом ожесточенных споров еще в эпоху раннего капитализма, и прежде всего — проблема народного правления. Фашистское наступление на народную демократию лишь заново поставило вопрос о политическом интернационализме, преследовавший рыночную экономику на всем протяжении ее истории, ибо данный вопрос был не более чем иной формулировкой ключевой проблемы отделения экономики от политики»². Более того, Полаanyi видит в фашизме закономерную реакцию на либерализм: «Если когда-либо существовало политическое движение, ставшее ответом на объективные потребности исторической ситуации, а не являвшееся следствием случайных причин, то это — фашизм. В то же время порочный, дегенеративный характер фашистского решения проблемы был вполне очевиден. Фашизм предлагал выход из институционального тупика, однотипного по природе во многих странах, но подобное лечебное средство, будучи испытано, всюду привело бы от болезни к смерти... Фашистский выход из того тупика, в котором оказался либеральный капитализм, можно описать как реформу рыночной экономики за счет ликвидации всех

¹ Там же. С. 176.

² Там же. С. 243.

демократических институтов как в производственной, так и в политической сферах»¹. Тут продолжена линия, позже представленная в системном виде уже упомянутый фон Лауэ, считающий, что есть одна революция — вестернизация, построение либерального Запада. Все остальные — национализм, коммунизм, сталинизм, фашизм, маоизм — лишь реакция на нее. Именно сходную мысль развивает Поланьи, характеризуя Первую великую трансформацию и последующее сопротивление либерализму, оказанное социализмом и фашизмом.

Этапы разрыва с либерализмом наблюдаются и в странах либерального капитализма — Великая депрессия в США и решение США и Англии в 1934 году отказаться от золотого стандарта, обеспечивающего прежде первую глобализацию, а также осуществленный Германией в то же время выход из Лиги наций. Сюда же относится Великая Октябрьская революция и коллективизация сельского хозяйства в 1929 году в России, явившиеся самыми грандиозными социальными изменениями. И эти процессы нельзя свести к экономическим. Свобода в сложном обществе представляется Поланьи сознательной реализацией идей, а не естественным ходом событий, основанным на следовании мотиву жадности и накопительства. Поланьи пишет о сути трансформации: «В условиях нынешнего кризиса первостепенная роль ценностей определяется самой сложившейся ситуацией. Экономическая концепция общества отомрет вместе с дихотомией политики и экономики, которую она отражала; только в экономическом обществе либерального типа концепция групповых интересов и групп давления могла получить моральное оправдание. Но любая концепция, основанная на идее общества как целого, выражает понятие человеческой жизни, а следовательно, является идеологической по определению. Утверждая примат идеалов в нынешней трансформации, мы лишь защищаем постулат единства общества как центральный момент кризиса»². Тут высказана одна из неувядающих мыслей о духовных, ценностных изменениях капитализма, к которым мы еще вернемся. Хотя Поланьи несколько утопичен в этой конструкции, ориентация на общество как целое является вполне реалистическим ядром.

Крушение цивилизации XIX века в период фашизма стало особенно заметным. По мнению Поланьи, ошибка либерализма состояла в признании рынка ядром всех социальных, политических и культурных отношений: «...нет ничего более нелепого, чем попытка свести всю цивили-

¹ Там же. С. 257.

² Там же. С. 275.

лизацию, все ее материальное и духовное содержание к определенному числу институтов, избрать один из них в качестве самого важного... Цивилизации, как и сама жизнь, возникают в результате взаимодействия множества независимых факторов, которые, как правило, невозможно свести к ясно очерченным институтам»¹.

Наступивший кризис либерального капитализма и либеральной современности Полаanyi определяет как институциональный. Система равновесия сил перестала работать, хотя, как говорит Полаanyi, банкиры навязали беспокойным деспотам, кроме денег, еще и конституции. Но государства, наделенные большой силой, и даже те, что являлись силовыми центрами, не справились с сохранением мира при отсутствии равной силы своих социальных систем. Полаanyi отмечает, что процесс неуправляемых изменений, имеющий чрезмерные темпы, нужно притормозить ради блага общества. Но подобные простые истины традиционной политики, по его мнению, были в XIX в. стерты из сознания образованной публики примитивным утилитаризмом и некритической верой в «самоисцеляющие свойства» стихийного развития. Экономический либерализм ничего и не понял в истории промышленной революции, ибо стремился оценивать социальные процессы с экономической точки зрения. (Заметим в скобках нечто важное для последующей характеристики Третьей великой трансформации: столкнувшись с диспропорцией высокого экономического роста и нерешенностью социальных проблем, сегодняшнее Китайское правительство выдвинуло тезис о гармонизации общества, предполагающий даже возможность частичного замедления роста экономических показателей для подтягивания отстающих регионов и решения проблем деревни, где происходит обезземеливание крестьян в связи с индустриальной революцией и нарастающими противоречиями между городом и деревней.)

Полаanyi показывает, как уже мы отметили, что существуют различия между революционной буржуазией, деятельность которой имела следствием новую экономическую систему, и буржуазией, которая превыше всего поставила свой экономический интерес. Это сказалось на положении стран, которые не могли изменить свой статус-кво самостоятельно, подвергались колонизации и финансовому насилию. Конкуренция и война были, по мнению Полаanyi, знаком эпохи, хотя нам кажется, что Столетний мир между наполеоновскими войнами и Первой мировой войной, хотя и сопровождался локальными войнами, все же был обеспечен либеральным капитализмом. Да и Полаanyi критикует ленинскую концепцию империализма и ответственности финансового капитала за

¹ Там же. С. 14.

колониальные преступления и акты агрессивной экспансии. Капитализм строил дороги и порты, города и предприятия, вносил инвестиции в важные проекты. Переплетение политики и финансов было так велико, что корыстные интересы государств стали важными мотивами их деятельности. Однако, несмотря на связь государств с финансовой олигархией, любые цели в XIX — первой половине XX века осуществлялись через увеличение мощи государства.

В конечном итоге, причина Первой мировой войны, оборвавшей либеральную современность, согласно Поланьи, состоит в том, что банкиры не смогли удержать мир из-за политики Англии. Англия допустила к участию в глобальном рынке Германию, обеспечив ее возвышение и рост амбиций, ее неудовлетворенность полученным местом в раскладе сил, которые побудили ее к войне. Именно после этой войны кончается либеральный капитализм, либеральная современность и первая глобализация. Но и «...послевоенные мирные договоры таили в себе роковое противоречие. Предусмотренное ими одностороннее разоружение побежденных держав делало совершенно невыносимым восстановление системы равновесия сил, ибо наличие силы является непременным условием подобной системы... важнейшая предпосылка системы — существование независимых силовых единиц — теперь отсутствовала»¹. Как известно, И. Кант считал мирный договор имеющим смысл, если он не содержит предпосылки войны. Версальский мирный договор содержал их, изолировав Германию и Россию как политически, что отмечает Поланьи, так и экономически, как это было показано Дж.М. Кейнсом (для Германии не было создано никаких условий экономического развития, она была загнана в угол), что повлияло на его экономическую концепцию. Лига наций, учрежденная В. Вильсоном, пыталась урегулировать послевоенные международные отношения, чреватые новой войной. Послевоенный крах международной экономической системы привел к тому, что внутренние кризисы государств в 20-е годы XX века сопровождались внешнеэкономической и внешнеполитической вовлеченностью. В 30-е годы экономический кризис, поочередно терзавший страны Европы, докатился до США в виде Великой депрессии. Догматы 20-х годов были отвергнуты. В 40-е годы либерализм окончательно потерпел поражение. В XX веке появилось бегство капитала, которого не было в XIX. Как нетрудно заметить, XX век был много более драматическим, чем XIX. И только новый всплеск либерализма и глобализации в конце XX века сделал аргументы Поланьи и его предостережения более понятными и, мы бы сказали, более адекватными, чем это было в от-

¹ Там же. С. 33.

ношении XIX века. Читая Поланьи, явственно осознаешь, что, скорее, ни либеральный капитализм, ни либеральная современность и ни первая глобализация, а их крах и вместе с ним крах старого порядка привели в действие спусковой механизм новой, Второй великой трансформации. Хотя Третья великая трансформация, начавшаяся с краха коммунизма, появления неомодернизма как попытки вернуть либеральную современность, и второй глобализации, действительно сорвалась и сорвала либеральные проекты повсюду в мире на долгие времена из-за непонимания ситуации неолибералами, новый мегатренд Третьей трансформации уже не зависел от их политики, т.к. вступил в стационарную объективную фазу.

Скрытые пороки миропорядка XIX века не могут идти в сравнение с открытыми пороками неолиберального короткого периода конца XX века, которые и сделали книгу Поланьи столь популярной именно сегодня. И когда читаешь слова «все типы общества так или иначе определяются экономическими факторами. Но лишь цивилизация XIX в. была экономической в ином, совершенно особом смысле, ибо основой своей она избрала мотив, который в истории человеческих обществ крайне редко признавался законным, и уж конечно же, никогда не возвышался настолько, чтобы превратиться в оправдание и смысл всех действий и поступков повседневной жизни, а именно — стремление к прибыли»¹, понимаешь, что это гораздо более убедительно звучит для 90-х годов на пространствах развалившейся коммунистической системы.

Рассматривая огораживание и через 150 лет после него осуществляющуюся промышленную революцию, Поланьи показывает ужасающие и сходные картины смены прежнего образа жизни, мест обитания, люмпенизации. Из их анализа он выводит золотое правило реформ: *проводить их со скоростью, позволяющей людям адаптироваться к новым условиям*. Он подчеркивает, что «Адам Смит в 1776 году размышлял о возможности спокойного прогресса»². Это важный аргумент, который можно смело включить в арсенал неосмитианства, направленный сегодня на «переделку» капитализма.

Поланьи показывает, что «... даже те, кто страстно желал освободить государство от всех излишних обязательств; те, чья философия прямо требовала ограничить сферу деятельности государства, оказались вынуждены предоставить этому самому государству новые полномочия, инструменты и органы, необходимые для практической реализации

¹ Там же. С. 42–43.

² Там же. С. 108.

принципа *laissez-faire*»¹, но, продолжает Поланьи, «подобный взгляд непременно вызовет резкие возражения либеральных экономистов. Вся их социальная философия строится на убеждении, что *laissez-faire* представляет собой естественный процесс, тогда как последующее враждебное ему законодательство стало результатом сознательных и целенаправленных усилий противников принципов либерализма»². Заметим, что именно первый вариант был применен в ордолиберализме Л. Эрхарда и проведенной им реформе в послевоенной Германии, известной впоследствии как предпосылка и основа «немецкого чуда». В соответствии с принципами ордолиберализма немецкое послевоенное государство создавало условия для свободного рынка.

Вторая великая трансформация состояла в отказе от либерализма.

Важно не думать, считает Поланьи, что все проблемы будут решены, если обеспечить неограниченный рост материальных благ: «Машинное производство в коммерциализированном обществе требует фактически ни более ни менее как превращения в товар природной и человеческой основы общества. Вывод страшный, но неизбежный, и нам следует принимать его во всей полноте: совершенно ясно, что катастрофические сдвиги, вызванные подобными процессами, разрушают человеческие связи и грозят уничтожением естественной среде существования человека»³. Снова вывод, больше отвечающий сегодняшнему дню.

Поланьи также принадлежат утверждения, что экономическая деятельность человека подчинена системе социальных связей, и экономическая система функционирует под влиянием неэкономических мотивов, общего контекста социальной жизни. Но либерализм позволил, чтобы экономика поглотила общество.

Придерживаясь сначала теорий корпоративного социализма, а затем концепции «третьего пути», преодолевающей пороки как капитализма, так и социализма⁴, Поланьи решительно критикует мысль о заговоре, помешавшем победному пути Первой великой трансформации. Однако он показывает, что протекционизм и национализм уже с конца XIX века подчинили либеральное правление регламентирующему законодательству, которое Г. Спенсер считал началом конца либерализма. Речь шла

¹ Там же. С. 158.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 54.

⁴ *Розинская В.А.* В поисках новой парадигмы. Введение / «Великая трансформация» Карла Поланьи. Прошлое, настоящее, будущее / Под ред. Р.М. Нуреева. М., 2006. С. 25.

о законодательных актах относительно бедных, таможенных тарифах, технике безопасности на шахтах. Но авторы этих законодательств были либералами, противниками социализма и коллективизма. В ходе эволюции конкретных условий труда стали появляться законодательные акты, выражающие коллективную волю рабочих, например касающиеся страхования работников от увечий. Наконец, в разных странах свободной торговли появились в конце XIX века законодательные акты о компенсации работникам, которые не вписывались в либеральную модель, хотя их авторами были как социалисты, так и реакционеры, и либералы. Иногда экономические либералы выступали за ограничение свободы контрактов. Эти контрдвижения против либерализма были спонтанными и часто исходили от самих либералов, которые в определенных условиях вынуждены были считаться с требованиями работников, властей и общества. Система защиты от господства рынка казалась все более необходимой. Либерализм подрывала и доктрина об экономической природе классовых интересов. Либерализм становится двойным процессом, как говорит Поланьи, включающим свободный рынок, с одной стороны, и принцип социальной защиты — с другой. И в конечном итоге он упраздняется в ходе Второй великой трансформации.

Однако пока выполним свое обещание и сосредоточимся на Первой великой трансформации.

Глава 2. Становление капитализма

Переход к капитализму был связан с изменением характера труда. Трудовая теория А. Смита и всей классической политической экономии, развитие ее идей К. Марксом и усмотрение им источника капитала и капитализма в труде, трудовая аскеза как основа протестантской этики в качестве духа капитализма отобразили фундаментальную значимость труда в генезисе капитализма. Именно эта биологическая природная сторона труда в Новое время усилиями Д. Юма и Дж. Локка, а позднее А. Смита и К. Маркса, вывела трудового человека и трудовое сообщество из их природной ограниченности.

Новое понимание труда реализовалось в сформировавшейся в Новое время рыночной хозяйственной системе, которая начинает развиваться по принципу *саморегулирующейся и саморазвивающейся* подсистемы общества. Но от хозяйственной системы традиционных обществ до капиталистического рынка еще далеко. Самоорганизация возникает только на Западе в XVII веке, когда идея общественного прогресса создает преобладание инновации над традицией и подталкивает к формированию квазиприродного процесса саморегуляции. Но главной проблемой этого периода является соотношение общества и экономики.

а) Экономика традиционных обществ и капиталистический рынок

Термины «экономика» и «рынок» в отношении докапиталистических традиционных обществ применяются не часто. Чаще говорят о хозяйстве и торговых отношениях в этих обществах, оставляя понятия «экономика» и «рынок» для характеристики капиталистического способа производства. Нам же представляется, что использование понятий «экономика» и «рынок» в отношении традиционных докапиталистических обществ позволяет лучше проследить их эволюцию к капиталистическим способам хозяйствования.

Рынки как специальное место обмена и свободной продажи товаров были известны человечеству с давних времен. Обмен и торговля были важной составной частью жизни традиционных обществ. Они регули-

ровались кодексом писанных и неписанных правил. Первым письменным сводом законов, регулирующих сделки на местном рынке, были законы царя Вавилона Хаммурапи, относящиеся к XVIII веку до н.э. Эти законы служили эталоном для других городов еще как минимум 1000 лет¹.

Чтобы понять, как происходила мутация рынков традиционных обществ в рыночную экономику капитализма, снова обратимся к блестящей работе К. Поланьи. При анализе эволюции рынков он выделяет следующие их типы: *местные рынки, внешние и внутренние*.

Местные рынки создавались для обслуживания населения определенного района. Основное их предназначение было обеспечить города дешевыми продуктами питания. Цены на продукты на этих рынках в то время были низкими и практически не менялись веками. Формирующим и вместе с тем ограничивающим фактором их существования было расстояние. Местные рынки не обнаруживали стремления преобразовывать по собственной модели отношений существующий сельский уклад, скорее они воспроизводили его сами.

Внешние рынки обеспечивали население отсутствующими на местных рынках товарами — вином, сушеной рыбой и т.п. По сути, они дополняли местные рынки. Их особенность состояла в том, что из-за невозможности указывать купцам-иностранцам цены на их товары им вообще запрещалось вести розничную торговлю привезенных товаров. Строгими мерами их устранили с местных рынков.

Местные и внешние рынки способствовали развитию городской цивилизации в Средневековой Европе. Города были их детищем, но в то же время они «служили не только их защитой, но и тем средством, которое препятствовало экспансии рынков в сельскую местность, ограждая таким образом от их воздействия господствующий в данном обществе хозяйственный уклад»².

Внутренние рынки как единое пространство, объединяющее местные и внешние рынки, в условиях протекционизма городов и их территориальной раздробленности не могли возникнуть просто эволюционным путем. Слишком велики были препятствия, которые нужно было для этого преодолеть. Нужна была внешняя энергия, прежде всего купцов-оптовиков и всех тех, кому было выгодно преобразование замкнутых и раздробленных местных рынков в единое пространство рынка вну-

¹ Каменная стела с законами Хаммурапи (1792–1750 до н.э.) найдена в Сусе, на юге нынешнего Ирана. В настоящее время храниться в парижском Лувре.

² Поланьи К. Великая трансформация. С. 75.

тренного. Возникновение и распространение единого внутреннего рынка, основанного на новом принципе конкуренции цен, стало возможным благодаря усилиям централизованных национальных государств.

Подчеркнем одну важную особенность рынка как социального института традиционных обществ и важнейшей составляющей их экономики — рынок всегда был встроен в систему институтов общества и фактически не воздействовал на них как нечто отдельно стоящее и выделенное в самостоятельную сферу. Нередко происходило обратное — система местных рынков консервировала существующий хозяйственный уклад и сложившуюся систему социальных связей, существующую социальную матрицу. Местный рынок был результатом установившейся институциональной среды. Имело место своеобразное усиление процесса взаимного «замораживания» или паразитической стабильности структур традиционного общества, способных существовать столетиями безо всяких изменений.

Только с появлением и формированием внутренней или национальной торговли на едином пространстве начинает отсчет принцип конкуренции как всеобщий принцип организации торговой деятельности.

Исторически первый капитализм возник в городах Северной Италии, подъем второй его волны совпал с формированием национальных государств. Решающей случайностью, повлиявшей на качественную мутацию рынков, было появление на европейской исторической сцене национальных государств. Благодаря государственному вмешательству произошло освобождение торговли от многочисленных городских привилегий. Государство создало единое пространство для внутринационального рынка, который строился уже на принципах выгоды и конкуренции и который все больше игнорировал различие между городом и деревней, между отдельными городами и провинциями. В Европе система национальных суверенных государств сложилась благодаря Вестфальскому мирному договору 1648 года. До этого договора Европа представляла собой довольно пестрое образование самых различных форм правления. Здесь были и карликовые феодальные владения, и династические конгломераты, и различного рода союзы. Для правителей разного рода существенным был божественный статус папы, из рук которого они получали свою власть. Этот союз обеспечивал папе доходы в виде различных пошлин, а светским монархам видимость руки божьей в их промыслах¹. Однако национальное государство как автономный и суве-

¹ Анализ социальных последствий Вестфальской системы представлен в работе В.Г. Федотовой. См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 310–320.

ренный субъект истории стало результатом творчества, оно было «изобретено» во время подготовки Вестфальского мира после Тридцатилетней войны. Постепенно процесс трансформации территорий, занятых независимыми городами, в новую форму территориальной целостности — национальное государство — захватил всю Европу. Локальность городской структуры уступила место региональности государственной.

Именно национальные особенности постепенно сформировали капитализм западного типа. Позже социальные структуры, в которых распространяется капитализм, видоизменяются, становятся все более многообразными по мере развития экономик рыночного типа. Но тогда развитие капиталистических рынков совпало с формированием государств, объединивших разрозненные и разнотипные феодальные рынки.

К XV веку национальные государства были еще только в стадии формирования. Однако два мощных процесса уже начали свою работу — энергия купцов-капиталистов и монархов нового типа, направленная на укрупнение и объединение территориальной раздробленности в рамках единого правового государства. Централизованное государство нового типа, основанное на принципах национальной идеи, было ответом на многочисленные вызовы того времени как во внешней, так и во внутренней политике. В идейном плане синтез идеи государства и идеи нации проистекал как минимум из трех источников: идеи императорского государства, освещенного примером Рима, идеи династического объединения и античных представлений о гражданстве. Отличительной особенностью государства нового типа было то, что оно строилось на правовых принципах, а не на иерархических принципах личной зависимости. Эту особенность национального государства на первых стадиях его формирования отмечает немецкий исследователь К. Хюбнер. Он пишет: «Территориально организованное государство окончательно сменило государство, покоящееся на личном принципе. В сравнении с прошлым этапом государство все более представало в виде абстрактной величины, характеризующейся не столько личными зависимостями, верностью и верой, сколько *правовыми принципами* (курсив наш. — Авт.) и соответствующей им государственной властью»¹.

¹ Хюбнер К. *Нация. От забвения к возрождению*. М., 2001. С. 58. К. Хюбнер предпринял фундаментальное исследование развития национальной идеи и перспективы создания на месте сегодняшней Европы новой мультинациональной общности — общеевропейского государства, объединяющего целый ряд государств Западной и Восточной Европы. Но при всей своей фундаментальности данная работа оставляет ощущение академического, а не футуристического характера. Автор продолжение см. на с. 150

Новые территориальные образования, которые приняли в конечном счете очертания национальных государств, отличались от прежних родов с прилегающими к ним сельскохозяйственными землями прежде всего тем, что были продуктом *творчества*, новым дерзким проектом собственного будущего людей, живущих на объединяемых территориях. Этот момент замечателен тем, что *происходит замена жизни, развивающейся естественным путем под давлением повседневных обстоятельств и событий, на жизнь, ведомую пока еще неясным замыслом, абстрактной идеей общей жизни на новых основаниях и принципах*. Своеобразная революция в головах людей, конечно же, имела множество весьма утилитарных приложений. Среди них и объединение ресурсов территорий для последующего роста и защиты, и выгоды от торговли, простирающейся теперь уже на большие пространства. Эти события важны еще и тем, что они меняли прежнее отношение ко времени: *до сего момента история людей была обращена в прошлое, она уходила своими истоками в дни творения, когда мир воспринимался как созданный одноактно и существовавший без каких-либо изменений от своего начала. С появлением государства происходит разворот человека к своему будущему в форме совместного проекта жизни, которую необходимо еще как-то обустроить. Капитализм радикально изменил отношение человека к своей истории. Человек перестал быть обращенным к своему прошлому, однажды уже сотворенному, он начинает жить своим неопределенным будущим, которое ему приходится творить самостоятельно и совместно с сотворчеством людей, объединенных общим жизненным планом национального государства*. Отныне европейский человек уподобляется мореплавателю, которого манит только горизонт будущих открытий. Он становился со временем также похожим на путешественника, который тщательно спланировал «путешествие» своей жизни. Это был автономный, рациональный, взявший на себя ответственность за свою жизнь человек.

начало см. на с. 149 указывает на многочисленные идейные предпосылки и различные условия, которые могли бы привести к формированию новой общности. Однако, переходя от условий и предпосылок к практике строительства такой общности, оказывается очень важным прописать общий замысел такого объединения, который бы стал на обозримое время общей судьбой для всех европейцев. Как раз сама идея общежития в рамках единой Европы осталась не раскрытой. А это, на наш взгляд, вопрос принципиальный. Строительство единой Европы может стать общим делом в том случае, если общий замысел станет смыслом деятельности каждого.

До возникновения капитализма социальная матрица была практически неподвижна и освящена церковью, что придавало ей еще большую устойчивость. Средневековые города были маленькими, об уюте их быта с сегодняшней точки зрения вряд ли приходится говорить, однако они были соразмерны человеческому телу и его представлению об устройстве как Космоса небесного, так и земного. Доминирующий над городом дворец лорда и главный собор фиксировали порядок мира, веками существовавший в головах верующих людей. Город в то беспокойное время прочно привязывал к себе простолюдина, ведь путешествие по покрытой густыми лесами Европе каждый раз было приключением, на которое можно отважиться только в силу великой надобности. Проект же единого государства взрывал это относительно уютное существование и ставил телегу жизни позади проекта-замысла. Замечательный философ Х. Ортега-и-Гассет писал: «Строительство государства невозможно, если народное сознание неспособно отвергнуть привычную форму общежития и, мало того, вообразить новую, еще невиданную. Такое строительство — это подлинное творчество. Первоначально государство возникает как чистый плод воображения. Воображение — освободительное начало в человеке. Народ способен создать государство в той мере, в какой он способен фантазировать»¹. С этой мыслью философа трудно не согласиться.

Возникнув и получив развитие, внутренний рынок сразу же активизировал хозяйственно-торговую деятельность. С 1500 года экономический рост в Европе начинает ускоряться. А к 1700 году общий объем произведенных продуктов и товаров удвоился по отношению к 1500 году. Но подлинный рост экономической активности происходит только в XVIII веке, тогда он составил свыше 0,5% в год, и перемены в жизни людей и в уровне их достатка стали заметны за жизнь одного поколения². К этому моменту национальные государства в Европе стали реальностью.

Итак, два связанных между собой события — формирование внутренних национальных рынков и становление национальных государств — стали началом новой истории в организации хозяйственно-экономической жизни общества, началом капиталистического рыночного хозяйства. Два процесса шли одновременно, поддерживая друг друга, — формирование принципиально нового типа хозяйствования — капиталистического, и формирование новой формы совместного проживания на общем пространстве — национального государства.

¹ Х. Ортега-и-Гассет. Избранные труды. М., 2000. С. 138.

² A. Maddison. Phases of Capitalist Development. Oxford, 1982.

А. Смит утверждал, что обмен лежал в основе разделения труда, а благосостояние капиталистического общества есть его следствие. Склонность людей к обмену А. Смит считал естественной, врожденной способностью. Таким образом, согласно Смиту, благосостояние капиталистического общества — результат естественных эволюционных процессов. *Однако такой естественный эволюционистский взгляд на природу капитализма вряд ли выдерживает историческую критику. Применяя естественно-научные метафоры, можно утверждать, что появление и развитие рыночной экономики представляло собой результат некоторого хаотического процесса, со своими точками бифуркации и фракталами в форме странных аттракторов¹. Точки бифуркации — это такие моменты социального развития, когда в силу неустойчивости процесса прежняя линия развития внезапно прерывается и система попадает на новый путь эволюции, неожиданный и непредсказуемый прежде².*

Одной из таких принципиальных точек бифуркации стало возникновение рыночного способа производства товаров для внутреннего, прежде традиционного, рынка.

Изготовление товара на продажу в рыночной экономике определяется мотивом выгоды, исключительно получением дохода от этой дея-

¹ Понятие фрактала и аттрактора стало широко использоваться после работ основателя фрактальной геометрии Б. Мандельброта. Хотя это понятие математическое, точного определения фрактала не существует. Интуитивно — это некая форма самоподобия, в которой локальная структура подобна целому, как, например, дерево и его ветви взаимно подобны. Водоворот на реке также дает пример фрактального объекта. Фрактал можно понимать как аттрактор (предельное множество) некоторых порождающих закономерностей. Странными аттракторы называют, поскольку они, во-первых, странно выглядят, т.е. не являются привычными гладкими евклидовыми кривыми и поверхностями, а имеют «нецелую размерность»; во-вторых, движение точки на странном аттракторе оказывается зависимым от начальных условий; в-третьих, они являются частью бесконечно мерного пространства, но сами имеют конечный размер.

² Подход к решению экономических проблем, основанный на применении фрактального анализа, можно найти, в частности, в работе: Петерс Э. Хаос и порядок на рынках капитала. М., 2000. Здесь же раскрываются основы синергетической парадигмы и приведены рабочие определения основных понятий фрактальной геометрии, в частности фрактала и странного аттрактора.

тельности. Связь человека с изготовляемым им товаром не регулируется больше мифом, место мифа постепенно начинает занимать культура потребления. (Правда, до потребительского общества еще далеко, оно окончательно сформировалось только к 50-м годам XX столетия.) Чтобы создать товар, необходимо прежде иметь проект будущего изделия-товара. Для изготовления товара мобилизуются наличные материальные и людские ресурсы. Важный момент здесь — разрыв между временем изготовления товара и временем его реализации на рынке для последующего возмещения затраченных ресурсов. Экономическая машина капитализма работает не циклически, что было характерно для экономики традиционных обществ, а линейно, из настоящего в будущее. Идеи, замыслы и проекты будущих товаров являются «горючим», обеспечивающим это движение.

Подчеркнем, что в «делании» государства и в «делании» конкурентного товара на внутренний рынок есть один принципиально общий момент, который имеет смысл выделить. *В обоих случаях результат деятельности сначала предстает в идеальной форме, в форме плана или проекта, чтобы принять законченный вид только через некоторое время. Этот разрыв во времени между деятельностью и ее результатом создает подобие вектора, устремленного в неопределенное будущее.* В традиционных обществах, когда рынки «погружены» в институциональную ткань общества, все, что фигурирует на рынке, только условно может быть названо «товаром». Скорее это часть природы, заимствованная из ее кругооборота, чтобы снова вернуться в нее, но уже в другой форме. Ведь окружение человека, живущего мифом, всегда живое, оно наполнено мифическими смыслами. Хлеб, вода, вино и т.п. одновременно и символы, и меняющиеся субстанции. Так, поедая растения или животных, человек получал их силу, и при этом он должен был следовать сложным ритуалам, чтобы не нарушить природные циклы, породившие его пищу. Напротив, при капитализме изготовленные природой вещи становятся товаром, поскольку они произведены в рамках сельского хозяйства, организованного по типу коммерческого предприятия. Продукты не несут больше аромата местности, их вырастившей и передавшей им свою силу. Человеком утрачивается связь между тем, что он потребляет, и местом, где все эти продукты производятся.

Для хозяйственно-рыночного механизма капиталистического типа характерна ситуация включения в общество, прямо противоположная той, которая была у рынков традиционных докапиталистических обществ. Напомним, что в традиционных обществах местные рынки были встроены в институты общества и даже способствовали их сохранению. *Теперь уже институциональная среда общества встроена в экономиче-*

скую систему и оказывается, в некотором смысле, детерминированной процессами, происходящими в ней. К тому же сфера экономических интересов капиталистического общества неизмеримо разрастается и выделяется, в конце концов, в отдельную экономическую систему жизнедеятельности общества. «Первостепенная важность экономического фактора для самого существования общества исключает любой иной результат. Ибо коль скоро экономическая система организована в виде самостоятельных институтов, основанных на специфических мотивах и предоставляющих особый статус участникам экономической деятельности, общество должно быть устроено таким образом, чтобы обеспечивать функционирование этой системы согласно ее собственным законам. Таков смысл общеизвестного положения о том, что рыночная экономика может функционировать только в рыночном обществе.»¹ Сам процесс превращения рынков, существовавших в традиционных обществах, в самонастраивающийся рыночный механизм капиталистического общества не был, как мы уже подчеркивали выше, эволюционным. Отношение между институциональной средой общества и кодексом правил поведения на рынке изменилось радикально. При капиталистической модели общественные институты становятся зависимыми, встроеными в рыночные отношения².

¹ Петерс Э. Указ. соч. С. 70.

² Приведенная точка зрения разделяется далеко не всеми учеными. Так, Й. Шумпетер придерживается скорее эволюционистских взглядов на развитие капитализма, в то время как мы считаем его порождением сложившихся обстоятельств и самое главное — случая. В качестве иллюстрации подхода Й. Шумпетера приведем один из фрагментов его фундаментального труда «История экономического анализа». СПб., 2004 / В 3-х томах. Т. 1. С. 98.: «Те процессы, которые в конечном счете разби- ли вдребезги социальный мир св. Фомы, как правило, называют зарождением капитализма. Хотя они бесконечно сложны, их все же допустимо описать в терминах более широких обобщений, которые не являются безнадежно неверными. Кроме того, хотя нигде, конечно, не было разрыва, можно датировать их развитие тем или иным веком. (курсив наш. — Авт.) Капиталистическое предприятие существовало и ранее, но начи- ная с XIII в. оно постепенно перешло в наступление на структуру фео- дальных институтов, которые на протяжении веков не только ограничи- вали свободу, но и охраняли крестьянина и ремесленника. Оно также формировало контуры экономического устройства, сохраняющегося у нас до сих пор. К концу XV века большинство феноменов, продолжение см. на с. 155

М. Вебер писал, что в докапиталистический период «... хозяйственная деятельность не была еще ориентирована в первую очередь ни на рациональное использование капитала посредством внедрения его в производство, ни на рациональную капиталистическую организацию труда... отношение к приобретательству... было одним из сильнейших внутренних препятствий, на которое повсеместно наталкивалось приспособление людей к предпосылкам упорядоченного буржуазно-капиталистического хозяйства»¹. В этом и состоит коренное различие духа традиционализма и духа капитализма.

Вывод состоит в следующем: только при капитализме в обществе, существующем в форме национальных государств, выделяются и оформляются в относительно самостоятельные сферы его экономическая система, его социальная система, политическая и государственная организация, а также культура, отражающая существующие в обществе формы ментальности. Известный социолог И. Валлерстайн определяет эти разделения как связанные с либерализмом, пытающимся отделить государство и общество от экономики. *Но появление либерализма есть следствие того, что на начальной фазе капитализма отделение экономики от общества совершает сам капитализм.*

Обратимся к дальнейшему анализу тех процессов, которые входили в состав Первой великой трансформации и которые осуществил капиталистический рынок с обществом.

б) Становление Вестфальской системы национальных государств и формирование буржуазных наций в XIX веке

Три подхода к вопросу о формировании наций: 1) нации — итог действия процессов культурно-исторической и этно-территориальной интеграции;

начало см. на с. 154 которые мы привыкли связывать с неопределенным словом “капитализм”, приобрело присущий им внешний вид, включая большой бизнес, спекуляцию акциями и товарами и “финансовую олигархию”...» Как видим, это принципиально иная историческая реконструкция событий, которая нам представляется не адекватной происходившим как экономическим, так и социальным процессам. Эволюционистские реконструкции обязаны некритическому переносу идей Дарвина на экономические процессы. Конкуренция действительно работает подобно естественному отбору, дело лишь в том, что на городских средневековых рынках она отсутствовала.

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. С. 80.

2) нации — результат действия процессов политической интеграции, сложившейся в Европе после Вестфальского мирного договора; 3) нации — следствие действия механизмов экономической интеграции — акцентируют внимание на различных этапах формирования национального единства. Экономическая интеграция — завершающий этап строительства нации в буржуазных государствах. Запад в XIX веке предстал новым историческим единством, объединенным первой глобализацией в первый единый глобальный рынок. В итоге различия путей к капитализму западных стран оказались менее значимыми, чем отличие Запада от всех незападных стран.

В литературе по проблемам наций существует давний спор о том, когда и в какой форме возникли нации. Отчасти мы коснулись этого вопроса выше, рассматривая парадигму модернизма, но вернемся к его более систематизированному и менее радикальному истолкованию. Среди различных точек зрения по этому вопросу выделим *три*.

Согласно *первой*, нации существовали вечно, они определяются историческим сознанием и культурно-территориальным единством. Такая точка зрения в развернутом виде представлена, например, в обстоятельной работе «Нация» Карла Хюбнера. По мнению Хюбнера, «...не было осознано, что феномен нации никоим образом не является открытием XIX столетия, но издревле составлял субстанциональную основу государства, не исключая, вопреки расхожему и ошибочному мнению, античности и Средневековья»¹. Хюбнер считает, что нации не берут свое начало от некоторой протоэтнической субстанции. В каком-то смысле его понимание нации близко к знаменитому определению Э. Ренана: «Существование нации — это постоянный плебисцит». Хюбнер уточняет ренановское определение следующим образом: «нация как общая судьба определяется своей историей»². Судьбу же невозможно предвидеть, ею нельзя распоряжаться, но стремление соответствовать ей требует, согласно не только Ренану, но и Хюбнеру, постоянного плебисцита.

Но для многих (и это *вторая точка зрения*) появление Вестфальской системы национальных государств, завершившей процесс Тридцатилетней войны Вестфальским миром 1648 года, и было моментом формирования нового исторического субъекта — наций. Вестфальская система осуществляет формирование наций как общностей нового типа, возникающих из локальных структур традиционного типа, и объединенных административно-территориально и политически в государство.

¹ Хюбнер К. Нация. От забвения к возрождению. М., 2001. С. 9.

² Там же. С. 331.

Вестфальская система положила начало формированию политического порядка в Европе — порядка, основанного на суверенитете государств, верховенстве закона и совместно принятых соглашений, на международном праве. Целый ряд международных мероприятий законодательно закрепил найденную во время Вестфальских переговоров формулу: «Кто правит, того и религия ...» Однако новый субъект на исторической сцене — суверенное национальное государство, оказался в высшей степени подходящей формой для развития экономики нового типа — капиталистической экономики на уровне уже не локальных, а национальных рынков. Ведь первая волна капитализма, поднявшаяся на севере Европы и Италии, сошла на нет из-за неадекватности локальных структур новому экономическому порыву. Локальность и ограниченное пространство рыночных отношений, существовавших прежде, сдерживали развитие капитализма. Однако новый тип социальной организации общества — пространственно-территориальное национальное государство, в которое объединялись многочисленные локальные структуры, создавало достаточные условия для прогрессивного развития капитализма, для развития национальных экономик.

Третья точка зрения, согласно которой европейские нации окончательно сформировались под воздействием экономической интеграции, обоснована известным английским ученым, специалистом по проблеме наций и национального развития Э. Геллнером¹. Согласно его взглядам, государство и национализм как его политика во многом способствовали формированию наций в индустриальных государствах XX века. Определение нации через общность культуры, судьбы, языка или через этническую принадлежность не отражает общности экономической жизни и процесса формирования буржуазных гражданских наций. Работы Э. Дюркгейма, К. Поланьи, М. Вебера, Э. Геллнера подводят к мысли, что только при классическом капитализме происходит трансформация этнически и культурно разнообразных групп общества, территориально объединенных в единое государство, в некую целостность нового типа, которая терминологически получает новое название — «общество органической солидарности», или «нация», или «капиталистическое общество». Геллнер называет нацией тот этап развития этносов, при котором их социальная, культурная и политическая организация срастается с экономической организацией их жизни. Нация становится социальным телом для экономики нового типа, которая в дальнейшем обе-

¹ Gellner E. Nations and Nationalism. Cornell University Press. 1983.
Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники.

спечивает энергию ее превращений. Рыночная капиталистическая экономика сплавляет этносы в нацию, а нация буржуазных стран обеспечивает эффективность функционирования рыночной экономики.

Решающим моментом, по мысли Геллнера, в формировании наций был переход от аграрного общества к индустриальному. Для этого общества важным становится идея прогресса и непрерывного усовершенствования всех сторон жизни. Причем прогресс оказывается зависимым от роста и распространения знаний и от экономического роста, которые оказываются связанными друг с другом самым непосредственным образом. Одно из важных отличий капиталистического общества от аграрных и любых традиционных состоит в организации распространения знаний и профессиональных навыков.

На наш взгляд, приведенные точки зрения — это не три конкурирующие концепции нации, а характеристики различных этапов их формирования. Так, на первом этапе этнические и территориально-культурные общности достигают определенного уровня интеграции, при котором формируются метафизические основы и символические знаки их единства, а также внутренние рынки традиционных обществ, не противоречащие их природе¹. Вестфальская система национальных государств создает *второй этап* интеграции этих общностей, воспринятых уже как данность. Политическая интеграция этих сообществ в государственных рамках вводит термин «нация» еще до того, как она завершила свое формирование. Но важный шаг был сделан. Национальные государства дали простор расширению рынков до национального масштаба и усилили их инновационную роль. Начинается процесс воздействия рынка на изменения в обществе.

Третий этап развития наций связан с экономической интеграцией наций в национальных государствах, что в свою очередь стало катализатором развития капитализма. Как ни парадоксально это выглядит, но завершение процесса национального образования экономической интеграции или появление буржуазных наций уже не удовлетворяют капиталистические государства наличием только национального рынка и способствуют глобализации капитализма.

Капитализму после образования буржуазных наций уже требуется глобальный рынок, и первая глобализация осуществляется в период с 1885 по 1914 год. (Она была остановлена начавшейся Первой мировой войной.) Специфика отдельных стран благодаря первой глобализации стала менее важной в сравнении с различием между западной цивили-

¹ Колпаков В.А. Будущее капитализма в исторической ретроспективе // Политический класс. 2006. № 8. С. 75–77.

зацией и незападным миром. В период первой глобализации Запад впервые выступил в качестве единой мировой экономической и социальной системы капитализма. Произошло создание единой территориальной инфраструктуры коммуникаций и связей всех типов, в том числе и хозяйственных.

Таким образом, на первом этапе формирования наций как этнических и территориальных общностей произошло развитие *их внутренних рынков, не меняющих природы этих обществ*. Политическая интеграция новых общностей в систему национальных государств сделала эти рынки национальными. Формирование буржуазных наций не просто способствовало развитию капитализма в странах, где это произошло, но вывело их рынки за границу их территориальных целостностей и привело к выходу капитализма на глобальный уровень. Формирование нового единого пространства экономических обменов потребовало реорганизации всех форм коммуникации между участниками обмена. Первая великая трансформация набирала обороты.

в) Формирование классической политической экономики

Можно предположить, что европейская экономическая наука вряд ли могла возникнуть ранее XVIII века, т.е. до того, как появилась экономика, обладающая отличием от хозяйства, состоящим в наличии объективных закономерностей ее развития. Это относится ко всей европейской системе наук, которые появляются для того, чтобы изучать современное общество, *modern society*, и способствовать изучению и ослаблению его противоречий в экономике, социальной сфере, политике и культуре. Так, немецкий социолог П. Вагнер говорит, что предположить существование социологии современности по меньшей мере тавтологично: «Чем еще другим является социология, если не систематической попыткой прийти к пониманию современного общества?»¹. Чем еще другим является экономика, если не изучением экономических отношений современного (капиталистического) общества? В течение жизни одного поколения, т.е. за 25–40 лет, можно было наблюдать изменения в общественном богатстве и в товарном обеспечении. Экономический рост способствовал росту населения. Так, с 1800 по 1914 год оно выросло до 460 млн человек. В XVIII веке — времени жизни А. Смита — рост человеческой популяции уже был заметен. Его обеспечил экономический прогресс, улучшивший условия жизни людей. Но увеличение населения, в свою очередь, требовало экономического подъема и развития в качестве пред-

¹ Wagner P. A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline. L., N.Y., 1994. P. I.

посылки выживания людей. Значимость экономического фактора в жизни людей становилась все более и более очевидной. Понимание этого привело к классической экономической теории. Но ее генезис тесно связан и с рядом других конкретных обстоятельств.

Адам Смит написал «Теорию нравственных чувств» за семнадцать лет до «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776). В теории нравственных чувств он противопоставлял эгоистическому индивиду индивида сочувствующего и наделенного эмпатией: «...источник нашей чувствительности к страданиям посторонних людей... лежит в нашей способности переноситься воображением на их место, в способности, которая доставляет нам возможность представлять себе то, что они чувствуют, и испытывать те же ощущения»¹. Он исследовал индивида подобно естествоиспытателю, находя проявления нравственных чувств в реальной жизни и отвергая сверхчувственные проявления нравственности. В книге о богатстве народов Смит обращается к деятельности индивида эгоистического и своекорыстного. Здесь индуктивный метод мог бы снова стать подтверждением существования этой стороны человеческой природы, но число фактов такого рода бесконечно велико, и, не видя возможности их охватить, Смит прибегает к дедуктивному методу. Этот метод у него комбинируется с описательным.

Если нравственным чувством обладают люди сочувствующие и симпатизирующие, то материальные блага создаются людьми своекорыстными и устремленными к личной выгоде вместо пользы других. Важно подчеркнуть, что для А. Смита выделение двух различных типов людей — это не онтология, а методология анализа. Для Смита как глубоко верующего человека мир был сотворен Богом как нечто целое и взаимосвязанное. *Выделение экономического (эгоистического) человека потребовалось Смиту для того, чтобы построить теорию специфической сферы деятельности, прежде неотделяемой от остальных ее видов и погруженной в общественные связи.* Оба его произведения взаимосвязаны, и выделение одной из свойств человеческой природы — альтруистической — в учении о нравственных чувствах, а другой — эгоистической — в теории богатства является *методом, не отрицающим, а подчеркивающим их реальную связь, коррекцию эгоистических проявлений нравственными чувствами, но новую задачу науки эксплицировать признаки экономической мотивации и деятельности.* Смит призывал не восходить к сочувствию, а исходить из него. Одна из центральных тем его «Теории нравственных чувств» — это демонстрация того, что естественная склонность человеческой природы к дружбе и одобрению своих

¹ Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868. С. 17.

поступков другими людьми является предпосылкой общественной жизни самого общества. *Обе сферы — нравственных чувств и богатства народов — связаны для Смита априори волей создателя. Задача же ученого мыслится как вычленение факторов, работающих в экономике, для их анализа, а не для реального обособления.* Показав противоречивость начал человека, реализуемых в различных жизненных ситуациях, в частности в экономической деятельности, Смит, сохраняя реализм, все же стремится к тому, чтобы их реальное единство не было разрушено. Оно возможно при соединении эгоизма предпринимательства с нравственным чувством, а нравственного чувства с заботой о себе. Русский издатель «Теории нравственных чувств» писал: «Величавый и дальнозоркий гений Смита, уносясь на отдаленный горизонт и охватывая разом все, что лежало на пути, решился пройти его двумя различными и независимыми одно от другого направлениями, в надежде, что, предпосылая одному ряду аргументов посылки, которых не будет в другом, противоположные заключения будут скорее взаимно дополняться, нежели противоречить одно другому, и послужат широким и незыблемым основанием, на котором может быть прочно воздвигнута великая наука о человеческой природе»¹.

В отличие от своих предшественников, искавших естественные закономерности капитализма в многообразии действующих на него факторов — меркантилистских или физикалистских, Смит перешел к трудовой теории стоимости. По словам Риккардо, изложенным в работе «Начала политической экономии и налогового обложения» (1817), также сторонника этих взглядов, «стоимость товара, или количество какого-либо другого товара, на которое он обменивается, зависит от относительного количества труда, которое необходимо для его производства, а не большего или меньшего вознаграждения, которое уплачивается за этот труд»². Возвращаясь к гипотезе Смита о том, что труд есть основа благосостояния, нельзя не отметить, что Смит, по-видимому, находился под впечатлением от успеха работ Ньютона. Натуралистический подход к анализу экономики прослеживается, например, в том, что он попытался найти естественные, природные причины, приводящие к разделению труда. Это можно обнаружить в знаменитом фрагменте, которым начинается вторая глава «Исследования о природе и причинах богатства народов»: «Разделение труда, приводящее к ... выгодам, отнюдь не яв-

¹ Там же. С. 13.

² Риккардо Д. Начала политической экономии / Антология экономической классики в 2-х томах. Т. 1. / Сост. и ред. И.А. Столяров. М., 1993. С. 402.

ляется результатом чьей-либо мудрости, предвидевшей и осознавшей то общее благосостояние, которое будет порождено им: оно представляет собою последствие — хотя очень медленно и постепенно развивающееся — определенной склонности человеческой природы, которая отнюдь не имела в виду такой полезной цели, а именно склонности к торговле, к обмену одного предмета на другой». И далее он поясняет: «...точно так же, как посредством договора, обмена и покупки мы приобретаем друг от друга большую часть необходимых нам взаимных услуг, так и эта самая склонность к обмену породила первоначально и разделение труда»¹. Более того, эта естественная причина, по мысли Смита, лежит в основе формирования всех общественных связей, поскольку «каждый человек живет обменом или становится в известной мере торговцем, а само общество превращается, так сказать, в торговый союз»². Натурализм Смита проявился и в том, что в качестве действующего экономического агента он рассматривал конкретного индивида. Соответственно, хозяйственная деятельность сводилась им к деятельности «разумных эгоистов». С теоретико-познавательной точки зрения, в его подходе реализовался принцип методологического индивидуализма. «Мы обращаемся не к гуманности, а к их эгоизму и никогда не говорим им о наших нуждах, а лишь об их выгодах»³. Эгоизм — вторая естественная черта человека, которая вместе со склонностью к обмену, порождает, в конечном счете, все многообразие хозяйственных связей. Эти две особенности человеческого характера, как это не может не показаться странным, уверенность в возможности обменять излишек продукта своего труда «побуждает каждого человека посвятить себя определенному специальному занятию и развить до совершенства свои природные дарования в данной специальной области»⁴. Таким образом, в основе «побуждения к совершенству» лежит уверенность в том, что и другие, точно такие же, как и ты, эгоисты, жизнедеятельность которых естественным образом подчинена процессам обмена и торговли и, соответственно, направлена на извлечение выгоды из этих операций, поступят точно таким же образом. Тем самым Смит показывает, что он прекрасно осознает, что не просто труд сам по себе порождает блага и ценности, но только качественный, непрерывно совершенствующийся труд. Во введении к «Богатству народов» он отмечает, что годичный труд народа обеспе-

¹ Там же. С. 88.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 88.

чивает все необходимое для потребления и роскоши, но различие «в снабжении» народов произведенными благами определяется двумя условиями: «во-первых, искусством, умением и сообразительностью, с какими, в общем, применяется его труд, и, во-вторых, отношением между числом тех, кто занят полезным трудом, и числом тех, кто им не занят. ...Обилие или скудость этого снабжения зависят, по-видимому, в большей степени от первого из этих условий, чем от второго»¹.

Вместе с тем Смит признавал значимость общества и государства в хозяйственной деятельности. Для эффективного функционирования экономики очень важен моральный климат в обществе, который, собственно, и должен, по его мнению, быть обеспечен государством. Причем не только справедливой легальной системой правосудия, но и заданием «стандартов качества» жизни работающих людей всех сословий и классов. Чего стоит только одно из его замечаний по этому поводу: «Ни одно общество, без сомнения, не может процветать и быть счастливым, если значительная часть его членов бедна и несчастна. Да, кроме того, простая справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всего народа, получали такую долю продуктов своего собственного труда, чтобы сами могли иметь сносную пищу, одежду и жилье»². Эта обеспокоенность Смита системой ценностей, которые должны быть установлены и обеспечены государством, практически была забыта последующими экономистами.

А. Смит превратил приписываемого ему сегодняшними неолибералами экономического человека всего лишь в научную абстракцию. Он действительно считал, что центральным экономическим мотивом рыночного обмена служит своекорыстие и выгода. Он действительно считал, что своекорыстие мясника, пивовара или булочника позволяют им лучше выполнить свою задачу, если они руководствуются собственными интересами, а не благожелательностью. Рынок обращается не к их гуманности, а к их эгоизму. Он действительно считал, что экономический рост и развитие экономики лучше осуществляются свободным рынком, чем рынком, управляемым государством, из-за объективно действующего в первом механизма свободной конкуренции, которая ускоряет и рост, и развитие экономики, как если бы здесь действовала невидимая рука. Но он не считал рынок безупречным и всегда ведущим к общественной выгоде. В Англии нерегулируемый государством рынок давал результаты, превосходящие те, которые могли быть получены при госу-

¹ Там же. С. 77.

² Там же. С. 144.

дарственным регулировании. Характеристика механизма действия рынка стала, однако, единственным пунктом, соединяющим сегодняшних неолибералов со Смитом. Прежде всего А. Смит в отличие от нынешних неолибералов был глубоким *контекстуалистом*¹. Контекстуалистом в двух смыслах. Во-первых, в плане включенности его концепции в предшествующий научный контекст, во-вторых, в глубокой погруженности его исследований в социальный и исторический материал, а также в современную ему практическую жизнь. *Контекстуализм* у него — это *исследовательская программа, противостоящая универсализму, формализму и обрыву научной традиции*. Связь с научной традицией необходима, но не достаточна. Для характеристики контекстуализма должно быть показано его противостояние двум другим вышеназванным «оппонентам» — универсализму и формализму. Смит не был первым теоретиком, искавшим ответы на экономические вопросы своего времени. До него эти вопросы решались в рамках схоластической традиции, а также в работах меркантилистов и физиократов. Подчеркнем лишь то, что в развитии идей всегда существует хотя бы относительная преемственность. Некоторые из своих концептуальных установок Смит унаследовал от физиократов, в частности интерес к тем факторам, которые стимулируют повышение «качества» труда. Социально-исторический контекст его теоретических построений состоял в том, что он строил экономическую теорию и мыслил экономическую политику в контексте Англии, где уровень капитализма позволял развиваться рынку, свободному от вмешательства государства, но рынку, не свободному от общества, нравственных чувств, культуры, социальных отношений, истории и политики. Таким пониманием он отличался и от будущих неолибералов, и от Д. Риккардо (1772–1823), жившего в эпоху более развитого капитализма и склонного к построению абстрактных схем и теорий, не имеющих социокультурного контекста. Смита выделяет то, что он был не только профессиональным экономистом, но и философом-этиком, а также человеком, склонным к междисциплинарному подходу. Он дружил с Юмом, писавшим на экономические темы и поддерживающим идею свободного рынка. Юм говорил о себе, что не только как человек, но и как британский подданный он «молится за распространение коммерции также в Германии, Испании, Италии и даже в самой Франции»². Дело

¹ Landreth H., Colander D. History of Economic Thought. Boston, Toronto. 2002. P. 76–81.

² Hume D. Of the Jealousy of Trade // Hume D. The Philosophical Works in 4 Volumes/ Darmstadt 1964. V. III. P. 348.

было в том, что самая могущественная держава того времени — Франция — управлялась королем и не имела свободного рынка. В этом обстоятельстве коренится скрытое признание различия возможностей разных стран перейти к свободному рынку. Далее Смит соединял дедуктивную теорию с историческим описанием и конкретной ситуацией в Англии, макроэкономический подход с микроэкономическим анализом рынка его времени. И, главное, схема получения общественного богатства, богатства нации, не сводилась им к рынку, а включала производительность труда и его разделение, расширение рынка, аккумуляцию капитала, рационализм производительного труда, рациональность общества, также влияющие на аккумуляцию капитала. Индивидуальная свобода экономического человека была для него средством поддержания общественных целей.

Смит жил в то время, когда уже существовала Вестфальская система национальных государств, образованная в 1648 году после завершения Тридцатилетней войны Вестфальским миром. Она устанавливала национальное государство в качестве универсальной единицы международного процесса и наделяла его суверенитетом в пределах принадлежащей ему территории. Суверенитет позволял государству собирать налоги, поддерживать или, напротив, препятствовать свободному рынку на своей территории, устанавливать таможенные барьеры для товаров из других стран. Поэтому экономическая теория Смита с неизбежностью является политико-экономической, затрагивающей проблемы взаимоотношения государства и экономики.

Англия — страна классического капитализма, готовая к формированию экономических теорий, ибо именно в ней капитализм обрел наиболее чистые и более легко описываемые теорией классические формы: рыночная экономика, свобода торговли, золотой стандарт, индустриальная революция, классы, возвышение экономической системы над обществом.

Отвечая на экономические изменения, на заметный подъем значимости экономического фактора, Смит и сформировал новую экономическую теорию. До него, как уже упоминалось, существовали теории, характеризующие хозяйство, но не экономику, предпосылки экономической теории имелись и у меркантилистов, и у физиократов. С развитием капитализма формировалась такая социально определенная форма хозяйствования, которая содержала закономерности и могла быть преобразована в предмет новой экономической науки. Экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме Ньютона, находя за-

кономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой — человеческое счастье. Слабости и сила людей подчинены мудрости Бога, устанавливающего баланс этих качеств и обеспечивающего благодаря этому блага всего общества. Закономерности, заложенные Богом в природу, человека, а через них и в общество, приводили Смита к идее естественного порядка, имеющего законы, которые могут быть раскрыты благодаря наличию причинно-следственной связи, объективных интересов людей, их рациональности и исчисляемости.

Теоретические изыскания А. Смита *не просто имели моделью реальную хозяйственно-экономическую практику, но и давали ответ на социальные вызовы*, к числу которых относились не забытые с начала XVII века ужасы огораживания и люмпенизации крестьян. Признанные объективными тенденции развития капитализма (в данном случае выразившиеся в стремлении лордов-овцеводов к производству шерсти) реализовались в крайне варварской форме. Эти ужасы повторились через 150 лет при промышленной революции, когда все казалось разрушенным и не виделось просвета впереди. Английские крестьяне, перемещаясь в города, превращались в бродяг, семьи их разрушались, а прежние ценности были здесь не к месту.

Таким образом, экономическая теория А. Смита явилась ответом на новые социальные вызовы. В своей теории он пытается открыть экономические закономерности, которые мыслились им как основа управления экономикой и обществом. Экономика и экономическая политика соединялись в его теории. Критический пафос Смита был направлен не только против отмеченной социальной опасности пауперизма, который еще даст о себе знать в не менее ужасающей форме в период индустриальной революции. Он содержал ясное понимание того, что эгоистическая природа человека в капиталистическом накоплении может одержать верх над стремлением к достижению общих интересов.

Смит выделяет три класса: землевладельцев, рабочих, живущих на заработную плату, и тех, кто использует труд рабочих и живет на прибыль. Первые два класса, по мнению Смита, тесно связаны с достижением общих интересов, хотя ленд-лорды, по его мнению, имели пагубную и эгоистическую привычку жать на поле, на котором они не сеяли. Что касается представителей третьего из названных классов, то «их превосходство над землевладельцем состоит не столько в понимании ими общественных интересов, сколько в лучшем понимании своих собственных

интересов...»¹. Смит признает, что появился новый класс, «интересы которого никогда полностью не совпадают с интересами общества, который обычно заинтересован в том, чтобы вводить общество в заблуждение и даже угнетать его...»². Это противоречит основной идее Смита об источниках богатства народов. И потому он адресует свои труды скорее не предпринимателю, одержимому жаждой прибыли, а хозяину, который, стремясь к экономическому росту, является этическим субъектом экономики и опирается в этом на естественно присущие ему нравственные чувства. Он интересовался домашними хозяйствами, фирмами, политиками, институтами. И это не отрицает того, что Смит основал экономическую науку, а не продолжил развитие науки о хозяйстве, но его интересовали реально действующие агенты мануфактурного периода капиталистического производства. На более позднем этапе — в абстрактной теории Риккардо — агентом капиталистического производства уже становился преимущественно предприниматель-капиталист. Растущие вокруг Манчестера сталеплавильные печи свидетельствовали о наступлении новой эпохи, хотя индустриальная революция еще не произошла.

Таким образом, классическая политическая экономия при переходе от Смита к Риккардо исходила из ньютоновской парадигмы, распространяя эту парадигму на поиск экономических законов. Теория Смита, по сути, глубоко контекстуальна, т.к. она учитывала реальность английского капитализма, который отличала независимость рынка от государства и связь хозяйственной деятельности с нравственным, культурным, историческим и социальным опытом. Позднее его теория была заменена абстрактной неконтекстуальной теорией Риккардо. Теория стала универсальной, пригодной для всех народов и на все времена. Она уже не отвечала на вызовы времени и не имела такого критического потенциала в отношении капитализма, как теория Смита.

Но все рассмотренные политэкономические теории сформировались под влиянием Первой великой трансформации и дали незавершенный анализ незавершенного пока процесса развития капитализма.

2) Понятие техногенной цивилизации

Концептуальные рамки, описывающие становление и развитие капитализма, не исчерпываются теориями модернизации, глобализации и экономического развития. Весьма продуктивной нам представляется теория

¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики в 2-х томах. Т. 1. С. 306.

² Там же.

техногенной цивилизации, развиваемая отечественным исследователем академиком В.С. Степиным. Она базируется на некоторых антропологических предпосылках и выстраивается путем противопоставления ее традиционным цивилизациям.

Философско-антропологические предпосылки человеческого общества базируются на понимании человека как существа активного, целенаправленно преобразующего окружающий его мир. Эти философские установки хорошо разработаны в марксистской философии. Деятельное начало в человеке, как известно, было одним из важных допущений Маркса в отношении социальной истории. При этом антропологические взгляды Маркса подозрительно созвучны модной в его время теории Дарвина. Как известно, Маркс заимствовал и широко использовал биологические метафоры. И общества, и человека в них Маркс понимал соответственно как организмы, которые имеют два тела — одно природное, «органическое», а второе также природное, но «неорганическое», состоящее из искусственных органов деятельности. Неорганическое тело, в его представлении, включало в себя все разнообразие технических приспособлений, технологий и инструментов (вторая природа). Все здания, транспортные и коммуникационные инфраструктуры, оборудование, приборы и т.д. составляли вместе «неорганическое тело» человека. «Это тело наследуется социально, передается из поколения в поколение, и после перехода от варварства к цивилизации его развитие ускоряется и становится одним из важных показателей цивилизационных достижений. Человек, чтобы стать субъектом деятельности, а значит, обрести подлинно человеческое бытие, должен постоянно контактировать с различными фрагментами неорганического тела цивилизации, которые используются в качестве материальных благ и средств деятельности. Без этого он не человек! Но сами эти контакты означают включение индивида в сложную систему человеческих отношений, поскольку любое орудие, любой предмет или система предметов “неорганического тела цивилизации” есть результат разделенного общественного труда, овеществленный труд других людей. Поэтому, когда человек использует средства труда, чтобы стать производительной силой, он сразу же самым актом соединения со средствами деятельности вступает в отношения собственности, распределения и общественного разделения труда»¹. Таким образом, историческая эволюция человека, по Марксу, состояла не столь-

¹ *Степин В.С.* Марксистская концепция общества и проблема построения современной картины социальной реальности. // *Философия и история философии. Актуальные проблемы.* К 90-летию Т.И. Ойзермана. М., 2004. С. 11.

ко в эволюции человека как биологического вида, сколько в эволюции социальных систем. Социальные системы эволюционировали путем все большего усложнения «неорганического тела цивилизации», в котором накапливалась все возрастающая власть человека над природой. Процесс непрерывного развития общественного труда, понятый как прогресс высвобождения человеческого рода от власти природных стихий, мог, при определенных условиях, по мысли Маркса, привести человечество в «царство свободы».

Степин, наряду с органическим и неорганическим телом общества, выделяет культуру в качестве «особой подсистемы общественной жизни, обеспечивающей воспроизводство и развитие человеческой социальности»¹. В культуре можно обнаружить исключительно важный для понимания жизнедеятельности человеческого общества феномен «социокода». По аналогии с генетическим кодом можно утверждать, что культура обеспечивает сохранение и передачу программ человеческого общения, поведения и деятельности. Процессы, происходящие в культуре, не только способствуют закреплению и передаче по эстафете структур общения и поведения, но и ответственны за возникновение принципиально новых элементов социокода². Культура служит не только средой коммуникаций, но в ней заложены механизмы сохранения и передачи следующим поколениям исторически накопленного опыта. Она содержит также механизмы возникновения новых форм знания и опыта с последующим «втягиванием» их в новое культурное содержание и в формирование новых социокультурных кодов.

Таким образом, концепция человеческого общества Степина базируется на вполне определенных антропологических допущениях, согласно которым общество должно рассматриваться в единстве своих субстанциональных (органическое и неорганическое тело) и культурно-когнитивных характеристик (модели поведения, коммуникации, способы сохранения и передачи накопленной информации и опыта и т.п.). В качестве неявной предпосылки этой концепции, как мы полагаем, можно обнаружить проводимое в диалектике различие и *взаимосвязь между трудом и общением*. Труд и общение — это антропологические черты, которые формально могут быть распределены между субстанциональными и когнитивными (труд как часть органического тела, общение как культурно-когнитивная единица коммуникации) составляющими

¹ Там же. С. 12.

² Более подробное изложение этой концепции см.: *Степин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 5–47.

человеческого общества. Их роль как антропологических характеристик чрезвычайно велика и вместе с тем исторически изменчива. Этот категориальный аппарат помогает расширению аналитического дискурса капитализма и освобождению его от повседневных представлений, важность чего на современном этапе была отмечена во введении.

Противопоставление техногенной цивилизации традиционной, в отличие от теории модернизации, расширяет значимость техники, технологий и производимых ими ценностей для большинства обществ. Но поскольку наивысшие технологические и экономические достижения созданы Западом, то понятие «техногенной цивилизации» иногда сужается до понятия Запада эпохи капиталистической современности. Поэтому различие теорией модернизации современных обществ (возникших в Новое время на Западе) как инновационных и, следовательно, техногенных и докапиталистических обществ как традиционных, вольно или невольно, когда речь идет о капитализме и о Западе, присутствует и в концепции техногенной цивилизации. Однако для Степина все же главной остается не проблема дефиниций, а сама возможность сохранения техногенной цивилизации с множеством накопленных ею проблем — экологических, демографических, экономических и социально-политических. Его интересует вопрос, возможны ли изменения прежде всего ценностного характера, которые бы представляли собой род духовной революции и повернули бы человечество к более справедливому и, что самое главное, к более устойчивому способу своего существования. Это смещает фокус его концепции в сторону выяснения происходящих в обществе изменений, как на Западе, так и в незападных странах, вступивших на путь интенсивного индустриального и в целом капиталистического развития. Судьба капиталистической цивилизации зависит от ее способности к изменению существующих базовых ценностей, к таким изменениям, которые бы были адекватными решению стоящих перед человечеством проблем. Вопрос об этом является предметом нашей книги и обсуждается в отношении всех трех Великих трансформаций.

Ценности техногенной цивилизации сегодня многими сводятся к ценностям Запада в силу его большей технологической развитости, тогда как на самом деле значительно более долгая история техногенных цивилизаций свидетельствует об их временной эволюции и о том, что эта эволюция, возможно, происходит и сегодня.

Китайский исследователь А. Циньнянь отмечает, что концепцию техногенной цивилизации В.С. Степина делает актуальным не просто подход к анализу капитализма с акцентом на его технологическую сторону, ибо этот момент присутствует и во многих других теориях. Но «в отличие от них теория техногенной цивилизации включает капитали-

стическое общество в большой контекст всей истории человечества, ей присущ всесторонний исторический взгляд»¹. Помимо подмеченного философско-исторического контекста, в котором предполагается рассматривать все явления капиталистических обществ, концепция техногенной цивилизации акцентирует внимание на *культурных особенностях цивилизаций*. Анализ техногенных аспектов Степиным сближается с теорией модернизации и становится эквивалентным описанием изучаемых ею процессов. Его подход от классической теории модернизации отличает внимание к культурным и антропологическим факторам, что является той уже давно произведенной Степиным инновацией, к которой сегодня подошли новые теории модернизации, представленные на Западе Ш. Айзенштадтом, С. Хантингтоном, а в России Б.Г. Капустинным и авторами данной книги. Теория культуры становится, таким образом, основанием для анализа как западных капиталистических обществ, так и стран нового капитализма. Культура в теории техногенной цивилизации интерпретируется, в частности, через набор базовых ценностей, которые внутренне динамичны. Это позволяет понять, что их значимость в различные периоды истории была не одинакова, а система базовых ценностей неполна: *некоторые из ценностей, находящиеся в определенный исторический момент в потенции, могут развиться и стать базовыми*. Понятно, что различие цивилизаций при таком подходе есть различие в системе их ценностей.

Какие же ценности формируют техногенную цивилизацию? Степин выделяет *шесть* таких базовых ценностей. 1) *Новое отношение человека к миру природы и обществу*. «Человек в техногенной культуре понимается как преобразователь мира, а его деятельность — как креативная активность, направленная на изменение окружающей человека природной и социальной среды с целью контроля над объектами и процессами. Природа рассматривается как поле для преобразующей деятельности, своеобразный резервуар материалов и ресурсов»². 2) *Изменение роли традиции и инновации*. «В техногенной культуре инновации — самоценность, в традиционалистских — главное традиция, а инновация мас-

¹ Циньнянь А. Теория техногенной цивилизации и марксизм // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика Российской академии наук В.С. Степина. М., 2004. С. 587.

² Степин В.С. Марксистская концепция общества и проблема построения современной картины социальной реальности // Философия и история философии. Актуальные проблемы. К 90-летию Т.И. Ойзермана. М., 2004. С. 7.

кируется под традицию»¹. 3) *Связь преобразовательной активности человека с наукой и научной рациональностью*. Наука «...выступает условием успешной креативной деятельности в расширяющихся масштабах. Наука обретает в техногенных культурах мировоззренческий статус, она создает свою картину мира и через систему образования формирует особые состояния сознания людей, их представления о человеке и окружающем мире»². 4) *Отношения вещной зависимости в системе власти и господства* принимают доминирующее значение в сравнении с личной зависимостью, характерной для традиционных обществ, что было отмечено Марксом. 5) *«Идеал творческой, суверенной, автономной личности занимает одно из приоритетных мест в системе ценностей техногенной цивилизации»*³. 6) *Научная рациональность и научно-технический взгляд на мир* дают человеку уверенность в том, что он «способен, раскрыв законы природы и социальной жизни, регулировать природные и социальные процессы в соответствии со своими целями»⁴.

Мы считаем, что к вышеперечисленным ценностям нужно добавить также и 7) *установку на утилизацию научного знания* в качестве еще одной важнейшей ценности техногенной цивилизации, которая начала проявлять себя уже на стадии становления капитализма, его классической фазы. Отметим, что осознанная установка на приложение научного знания в развитии европейской цивилизации возникла сравнительно поздно, только в XVII–XVIII веках. Однако статус *установки массового сознания* на внедрение научного знания окончательно оформился лишь в самом конце XIX века, чтобы только в XX веке воплотиться в «технологическую парадигматику», включающую различные количественные методики оценки качества используемых технологий, их эффективность, производительность, техническую оснащенность труда и т.п.

Тот факт, что установка на приложение стала важным ценностным регулятором техногенной цивилизации, имеет отчасти случайный характер, в отличие от вышеперечисленных ценностей, приводимых Степиным⁵. Известно, что наука формировалась сначала как род искусства,

¹ Там же.

² Там же.

³ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М., 2000. С. 26.

⁴ Там же. С. 29.

⁵ М.К. Петров приводит многочисленные свидетельства того, что вплоть до конца XIX века связь науки и техники отчетливо не осознавалась и поэтому не исследовалась в формально-теоретических моделях. Наука шла по разряду искусств и увлечений, а изобретательство продолжение см. на с. 173

как познавательно-философская сфера, не мешающая саморазвитию практики. В период своего генезиса наука разрушала гораздо больше иллюзий, чем приносила несомненной пользы. Только со временем наука набрала достаточный вес в обществе и стала оказывать все возрастающее влияние на практику. На этапе же своего формирования наука сама нуждалась в доказательствах своей полезности для легитимации своего существования. На этом этапе массовая установка на внедрение научных результатов даже не могла быть помыслена¹.

д) Факторы развития массовой установки на утилизацию знания

Ниже мы остановимся лишь на трех факторах, оказавших, на наш взгляд, решающее влияние на внедрение установки на утилизацию научного знания в массовое сознание в индустриальных обществах.

РОЛЬ ЗНАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВА

Если раньше в социологических теориях государство рассматривалось в основном как институт принуждения и власти, то в современных исследованиях по социологии науки внимание акцентируется на важной роли экспериментального естествознания для возникновения современного государства. Так, Патрик Кэрролл доказывает, что современное государство было в прямом смысле создано в процессе применения различных инженерных практик, основанных на приложениях новоевропейской науки. Он пишет: «Восхождение современной науки, центром которой является специальная форма экспериментирования и инженерной практики, было институционализировано только на ограниченном пространстве Европы между XVII и XVIII веками. Новая наука, как я собираюсь показать, трансформировала деятельность по управлению, процессы аккумуляции капитала и отношение между наукой и государством. В свою очередь, государственное управление и аккумуляция капитала

начало см. на с. 172 было в основном делом самих промышленников. См.: *Петров М.К.* Язык, знак, культура. М., 1991. С. 308.

¹ И.Т. Касавин подметил, что не последнюю роль в становлении науки сыграла «либеральная и заинтересованная атмосфера дворянского салона и клуба — специфических способов коммуникации высших сословий, ставших в то время одним из каналов перехода наук из разряда интеллектуальных игр в разряд полезных знаний». (*Касавин И.Т.* Наука и культура в трудах Роберта Бойля // *Эпистемология и философия науки.* М., 2007. Т. XI. № 1. С. 212–213.

изменили развитие науки в процессах производства знания»¹. В другой интересной работе Ш. Ясановы по проблеме происхождения науки обосновывается более радикальная идея о том, что «государства были созданы знанием (курсив наш. — Авт.), но в свою очередь и знание было конституировано государством»².

В работах отечественных авторов по истории и социологии науки связь между практикой государственного строительства и формированием начальных направлений научных исследований мало изучена. В серьезных и обстоятельных исследованиях по возникновению экспериментального естествознания внимание обращалось в основном на культурные феномены, повлиявшие на этот процесс. А в работах по социологии науки внимание концентрировалось на особенностях научной коммуникации и процессах последующей трансформации и передачи научного знания. Поэтому прежде всего исследовались явления культуры и языки науки. Однако современная социальная эпистемология и развитая практика case-study позволяют феномен науки изучать с точки зрения практик самых различных социальных групп. В этом плане новая форма социальности, которая формировалась новоевропейскими государствами, представляет интерес и для философа науки, поскольку ее становление происходило на фоне формирования новых направлений экспериментального естествознания. В современных работах показано, что не только государство участвовало в институционализации науки, но и наука, в свою очередь, влияла на практику администрирования и управления со стороны становящихся государственных структур. В этом смысле можно говорить, что она предопределила формы государственности, окончательно сложившиеся в XVII и XVIII веках.

РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВОМ МАССОВОЙ УСТАНОВКИ НА УТИЛИЗАЦИЮ НАУКИ

То, что научное знание представляет собой общесоциальную ценность и что оно может и должно быть использовано на благо индивида и всего общества, — идея, ведущая свое начало еще от Ф. Бэкона и его научно-технической утопии «Новая Атлантида». Одним из первых следствий использования науки в обществе стал активный и перманентный процесс разделения труда, а также соответствующие изменения профес-

¹ Carroll P. *Science, Culture, and Modern State Formation*. University of California Press, 2006. P. 12–13.

² Jasanoff Sh., eds. *States of Knowledge: The Co-production of Science and Social Order*, N.Y., 2004. P. 3.

сиональной структуры общества, характерные для капиталистических обществ. Одни профессии отмирают, но тут же возникает потребность в новых. Экономика постоянно реагирует на инновации, поэтому социально-профессиональная структура должна быть гибкой и подвижной. В капиталистических обществах функция поддержания такого порядка, который бы обеспечивал эффективное функционирование экономики, возложена на государство. Эта системная задача решается, в частности, созданием государственной системы образования, системы исследовательских центров по приоритетным направлениям, государственных заказов промышленным компаниям, созданием системы государственных стандартов в различных сферах хозяйственно-экономической деятельности и т.п.

Ни один другой институт общества, частный или общественный, не способен выполнить подобную задачу. По организационным и затратным усилиям это посильно только государству. Таким образом, оно оказывается ответственным за эффективность собственной рыночной экономики. Это, возможно, звучит парадоксально, но насыщенность экономики профессионалами, способными запустить производство нового знания и инновационно-внедренческую деятельность, зависит от ориентации всей огромной образовательной структуры на будущую экономику и лишь затем — на экономику сегодняшнего дня. Универсализация человека под любую производственную деятельность, стандартизация знаний и навыков по всему экономическому пространству стали каждодневной заботой государства.

Страны Запада отличала активная роль государства в распространении высокой (в противоположность народной) культуры через систему государственного образования, в формировании наций и национального сознания и самосознания. Итальянский лидер Джузеппе Мадзини говорил: «Мы создали Италию, теперь надо создать итальянцев».

Утвердилась новая форма рациональности, все больше и больше опиравшаяся на стандарты научности и вытеснявшая все остальные критерии оценки. Распространилось право на универсальную истину вместо авторитарной и уникальной истины. Опыт имел уже средства трансляции на все пространство национальной коммуникации. Книга, знания, стандартизация играли при этом ведущую роль. Закон заменил привилегии и связи внутри государств, нации которых преобразовались в буржуазные нации.

Все эти изменения в социально-культурном слое предшествовали успешному развитию экономической активности капиталистического типа. Исторически государства «продвигали» необходимые для развития капитализма изменения во всех общественных сферах.

Национализм был проигнорирован Марксом потому, что национальные отношения, как уже было отмечено, проводят принцип эгалитаризма, при котором классовая борьба отходит на второй план. Иначе обстоит дело только в «диких» капитализмах, таких как «позолоченный век» Америки с господством олигархов или российский капитализм 1990-х годов. Вакуум власти заполнился влиянием олигархических структур. Только сила политической воли Теодора Рузвельта, Вудро Вильсона потребовала от олигархов этих стран переключить интересы с частной сферы на общественную. Эти процессы можно поместить в разряд попыток формирования буржуазной нации, которая в силу эгалитаризма и суверенитета народа оказывается в перспективе солидарной и может формировать гражданское общество. Легитимизация интересов различных социальных групп может вести к компромиссу и взаимному признанию всех слоев общества как граждан одной страны¹. Национальная консолидация и есть исходная точка формирования гражданского общества. Гражданское общество от нации отличается тем, что первое — это возможность общественного саморегулирования, а вторая при таком преобразовании не подчиняет себя только принципу идентичности и историческим корням. Национализм возможен, казалось бы, при наличии гражданского общества, в котором государственная власть уравновешена обществом-нацией. Но парадокс в том, что исторически видна связь между возникновением гражданского общества и эффективно функционирующей экономикой. Эти два процесса взаимосвязаны. Эффективную экономику, как говорилось выше, можно формировать, создавая условия трансформации социально-культурной среды. Сделать же общество гражданским можно только при наличии эффективной экономики, но не наоборот, и поэтому оно формируется на стадии, более близкой к классическому капитализму.

Природа конфликтов современного этапа развития капитализма в каком-то смысле все та же самая — противоречия возникают между политической организацией международных отношений, основанных на идее суверенного государства, и экономическим порядком, выстраиваемым системой теперь уже глобального рыночного механизма. Современный конфликт видится в природе государства и в природе рынка. Международный рыночный механизм формирует порядок глобального масштаба, которому теперь уже тесны интересы отдельных государств. Глобальный рынок не имеет адекватного социально-организованного тела для придания ему смысла иного, чем действия стихийных рыночных

¹ Колпаков В.А. От апологии и критики капитализма к коммуникативной этике // Политический класс. 2006. № 8. С. 101.

сил. Рынок стремится к порядку иерархического типа, выстраивая страны в зависимости от их экономического веса, от степени влияния на мировую экономику их транснациональных корпораций, а Вестфальская система требует порядка линейного — в том смысле, что все государства признаются равными перед законом, которым является система международного права.

Но Вестфальская система есть еще и результат подчинения эгоизма государств — вне зависимости от их размера и влияния на мировую экономику — верховенству закона. Это фундаментальный результат развития человечества, подчинения природной стихии космическому порядку, усмирения эмоций нормами, замены права силы на право закона.

Показав историческую роль государств в обеспечении социально-культурных условий развития капитализма в Западной Европе и США, нельзя не отметить заинтересованность капиталистических стран в глобализации.

Трудно игнорировать тот факт, что в индустриальную эпоху роль государства в распространении стандартов научности через систему всеобщего образования меняется самым решительным образом. Европейские государства почти с самого начала своего возникновения проявляли заинтересованность в росте капиталистической экономики и заботились о подготовке нужного экономике человека. Либеральная доктрина XIX века — яркое тому свидетельство. В результате проводимой государством политики в области образования и формирования институтов рыночной экономики автономный и ответственный индивид, по мнению Э. Геллнера, стал «модульным человеком». Он вводит понятие модульного человека в своих работах. «Модульность» позволяет человеку в современном западном обществе встраиваться в любую профессиональную деятельность. «Его модульность — это способность в рамках данного культурного поля решать самые разнообразные задачи. И если понадобится, в его распоряжении всегда есть руководства и учебники, которые позволят ему, пользуясь языком данной культуры, освоить практически любое дело»¹.

Начиная рассуждения о модульном человеке, Геллнер говорит о фирмах, продающих модульную мебель. Предметы такой мебели легко сочетаются и не требуют покупки всей мебели сразу. Интерьер может быть достроен в любое время. Обычно человек не является модульным, поскольку принадлежит определенной культуре. Сравнивая эту особен-

¹ Геллнер Э. Условие свободы. Гражданское общество и его исторические соперники. М., 1995. С. 110.

ность с немодульной мебелью, Геллнер говорит о существовании в этом случае ярко выраженной и плохо совместимой с другими стилевой особенностью. Отсутствие модульности, показывает Геллнер, не приводит к эффективной технологии. Но западное общество связывает свои надежды на модульного человека лишь с политическими последствиями: «Модульный человек способен встраиваться в эффективные институты и ассоциации, которые *не обязательно* должны быть тотальными, ритуально оформленными, связанными множеством переплетающихся нитей со всеми остальными элементами социального целого»¹. Модульный человек, считает Геллнер, может перемещаться в социуме не только потому, что он похож на других представителей своей культуры и может играть в ней роль пастуха, или крестьянина, или иную роль, заложенную в нем. Напротив, он готов к переменам в своей деятельности. Модульный человек становится продуктом Первой великой трансформации. Во многом таковым он остается и по сей день, превращаясь в конце первой либеральной современности в еще более удобное для манипуляций существо — «экономического человека». Модульный человек автономен и ответственен, но менее свободен, чем прежде: он может быть уподоблен «кирпичику» и представляет собой готовый для строительства западного общества «блок». Эта концепция имплицитно содержит критику упрощения человека, направившего все усилия на эффективное стяжание благ, показывая нового западного человека в более широком плане, не сводимом к экономике. Но объективно происходящее сведение в конечном итоге скажется в том, что разрыв таких людей с высокой культурой и стремление манипулировать ими, роковым образом приведет к обрыву либеральной современности и замене ее организованной (см. раздел «Вторая великая трансформация: между двух глобализаций (1914–1989)»).

В результате государственного вмешательства в индустриальном обществе утвердилась новая форма рациональности, все больше и больше опиравшаяся на стандарты научности и постепенно вытеснившая все остальные формы знания на периферию культурной традиции. Повсеместно распространилось право на универсальную истину (науки) вместо авторитарной истины (власти) и уникальной истины (церкви). Книга, знания, стандартизация играли в этом процессе ведущую роль. Закон заменил привилегии и родственные связи внутри государств, нации которых преобразовались в буржуазные.

На нас интересует формирование массовой установки на утилизацию знания. Ответ здесь ясен: поскольку усилия государства были на-

¹ Там же. С. 110–111.

правлены на обеспечение экономического роста, то достигнуть этого можно было только распространением научного стандарта знаний через систему образования и обеспечение роста числа прикладных профессий. При активном инвестировании со стороны государства создавалась технологическая ориентация науки. Труд и технологии, благодаря заботе со стороны государства, стали объектом специального изучения, постепенно профессии инженера и технолога получили в обществе высокий социальный статус. Говоря словами культуролога М.К. Петрова: «Научное знание — знак, который не сдвинется с места, не потечет само-теком, не кинется на технологию на предмет ее оплодотворения во имя технического прогресса и помощи ближним. Нужны индивиды, люди, человеческие головы, одержимые идеей приложения»¹. Другими словами, не только институционализация и легитимация науки в обществе были необходимы для реализации установки на утилизацию, но прежде всего институционализация форм внедренческой деятельности, необходимо было, наконец, формирование особой профессиональной элиты, занятой утилизацией научного знания.

Однако формирование экспериментальной науки и основанной на ней инженерной практики шло параллельно со становлением самих государственных структур, оказывая на этот процесс решительное влияние. Государство участвовало в становлении новой науки, но и наука помогала укрепить новому типу государственности. В итоге к XVII веку государством была сформулирована *идеология цивилизованной страны и цивилизованной территории*, основанная на непрерывном материальном улучшении всех сторон жизни населения данной страны. Замечательным примером в этом отношении может служить Англия XVI–XVII веков².

В современных исследованиях показано, что не только государство участвовало в институционализации науки, но и наука в свою очередь влияла на практику администрирования и управления со стороны становящихся государственных структур. В этом смысле можно говорить, что она предопределила формы государственности, окончательно сложившиеся в XVII и XVIII веках.

ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВОЙ УСТАНОВКИ НА УТИЛИЗАЦИЮ ЗНАНИЯ
КРУПНЫМИ НАЦИОНАЛЬНЫМИ И ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫМИ КОРПОРАЦИЯМИ

Существует значительное число работ, в которых происхождение капитализма связывается с развитием экспериментальной науки и практики

¹ Петров М.К. Указ. соч. С. 314–315.

² Carroll P. Op. cit. P. 28.

утилизации знания. В интересной книге Э. Зильцела выдвинута иная гипотеза, обосновывающая, что капитализм обязан своему бурному развитию расцветом *прикладных искусств и литературной практики*, наблюдавшихся в период с XIV по XVII век¹. Расцвет художественного творчества способствовал новому синтезу теории и практики. Однако, как отмечают почти все исследователи, на начальных стадиях своего развития рыночная экономика была довольно слабо восприимчива к научным инновациям. Отсутствовали структурные и организационные формы утилизации научного знания. Практика изобретения и усовершенствования производственных механизмов и машин не опиралась на научно выверенный расчет, а осуществлялась в основном самоучкам-изобретателями. Такие структуры в форме больших предприятий, компаний и фирм стали игроками рынка только во второй половине XIX века. Но особенно заметную роль наука стала играть в деятельности транснациональных корпораций.

Транснациональные корпорации впервые в практике частного бизнеса стали обзаводиться собственными научно-внедренческими лабораториями. Малым и средним предприятиям индустриальной эпохи такие новшества были попросту непосильны. Это событие, на наш взгляд, подхлестнуло потребность общества не только в ученых и специалистах-прикладниках, но и в разработке особых методик оценки эффективности используемых в производстве технологий. Техника и технологии стали объектом теоретического и практического изучения. В континентальной Европе XVII и XVIII веков, как мы говорили выше, прикладные исследования стимулировались в основном государством. Только с появлением крупных национальных и транснациональных корпораций соединение научных разработок в интересах крупного бизнеса стало повседневной практикой. Однако появление транснациональных корпораций, как и ряда новых явлений в социально-экономической жизни, произошло во многом благодаря случайности. Поясним, что имеется в виду.

В Америке к концу XIX века создается инфраструктура, позволяющая быстро перемещать товары, грузы, распоряжения и платежи, что привело к тому, что размер рынка востребовал технологические инновации для предложения товаров с лучшими потребительскими качествами по более низкой цене. Постоянные технологические инновации и создание массовых рынков для промышленных товаров вели к непрерывному уменьшению производственных затрат. В этих условиях в Европе и Америке стали создаваться ассоциации производителей с целью контроля

¹ Zilsel E. The Sociological Roots of Science // Social Study of Science 2007, № 6, P. 35–49.

и организации соответствующих сегментов рынка и контроля над прибылью. В ответ на такое поведение коммерческих фирм в Америке в 1890 году Конгресс принял так называемый Антитрестовый акт Шермана (ААШ), направленный против господства монополий. Результатом стало создание крупных национальных компаний, которые быстро переросли в транснациональные.

Известный исследователь А. Шандлер подробно и документально изучил трансформацию капитализма, произведенную появлением гигантских транснациональных компаний¹. Он проанализировал деятельность более 200 самых больших компаний Америки, Англии и Германии за столетний период их существования начиная с 1890 года. Ему удалось обнаружить, что успех этих компаний в значительной мере определялся правильными решениями в нужный момент времени. Большой размер компаний сам по себе еще не был гарантией успеха в будущем. Компании все время активно искали и внедряли стратегии успешной деятельности на рынке. Одной из таких стратегий была ориентация на эффективное внедрение самых последних научных результатов. Эти компании создавали собственные научно-внедренческие лаборатории и размещали их в непосредственной близости от производств, чтобы ученые могли в любой момент обратиться к инженерам и технологам производства, и наоборот.

Шандлер показал на примере развития химической и электротехнической промышленности, как этот процесс осуществлялся в деталях. Показателен в этом отношении опыт немецкой компании Bayer, которая еще в 1870 году была никому не известной фирмой, но в результате строительства новой гигантской фабрики и собственных химических лабораторий к 1913 году стала одной из доминирующих на рынке химической продукции. Интересно, что потребность в искусственных красителях была в основном у текстильной промышленности, в которой доминировала Англия. Англия в то время имела первоклассную науку и замечательных предпринимателей. Однако инженерно-внедренческая деятельность была сильнее развита в Германии, что позволило именно ей стать первой в химической промышленности. Это еще раз показывает, что наличия группы капиталистов-предпринимателей и ученых недостаточно для эффективного внедрения. *Необходимо наличие особой группы специалистов-профессионалов, которые избрали своей деятельностью работу по внедрению и утилизации знания, — это инженеры, технологи, конструкторы и т.п.*

¹ Chandler A. The Enduring Logic of Industrial Success // Harvard Business Review. March–April, 1990.

Таким образом, корпоративный бизнес проявлял все большую заинтересованность в прикладных профессиях, в методиках оценки эффективности используемого труда и технологий. Фирма и транснациональная корпорация и сегодня продолжают быть местом, где происходит трансляция сложнейших профессиональных навыков, получивших даже собственное название, «ноу-хау», от сотрудника к сотруднику. В этом их роль подобна семье в традиционных обществах, служившей основным каналом передачи умений, навыков и профессиональных знаний. «Ноу-хау» представляет собой типичный пример неявного знания, навыка, передаваемого от мастера к ученику только в результате совместного делания (делай как я!).

Итак, техногенная цивилизация формируется лежащими в ее основе ценностями. При этом *направленность на инновацию*, на решение нестандартных ситуаций обеспечивается непрерывно растущим научным знанием с его потенцией к бесконечному расширению. Достаточно в этой связи посмотреть на постоянно множасьщийся поток научных публикаций. А непрерывное развитие техники и технологий в рамках техногенной цивилизации капитализма обеспечивает *установка на утилизацию научного знания*. Процесс отчуждения научного знания и, что особенно важно, — фундаментального научного знания, процесс создания различных технических устройств и приспособлений в современном западном мире стали важнейшим признаком техногенной цивилизации.

Понятно, что установка на утилизацию научного знания могла развиться в массовую установку и стать приметой целой цивилизации только потому, что новоевропейская наука уже содержала потенцию трансформироваться в технику. Этот характерный момент научного познания нашел достаточное освещение в литературе. В этой связи В.А. Лекторский отмечает: «Теория изначально заражена возможностью ее технического использования, возможностью порождения новой техники. Отсюда и принципиально новые взаимоотношения теоретического исследования и технологического развития. Новое понимание рациональности и научности определяет и новое понимание человека, его назначение и возможностей, понимание государства, права и политической сферы»¹. Более того, приборная, техническая составляющая экспериментов стояла у самых истоков зарождения научной традиции — находить истину в «поставленных» экспериментах. Достоверность открытых наукой закономерностей лучше всего подтверждается воплощением их в технике,

¹ Лекторский В.А. Трансформация европейской культуры и христианские ценности // Человек. Наука. Цивилизация. К 70-летию академика РАН В.С. Степина. С. 711.

которая воспроизводит эффекты, еще вчера производимые природой тайно от человека, а сегодня уже функционирующие в приборах. Техника, таким образом, изначально всегда присутствовала в научном познании как его вторая, истинная реальность. Ю. Хабермас эту же идею проводит следующим образом: «В отличие от философских наук старого образца современные опытные науки развиваются со времен Галилея в рамках методологической системы связей, отражающих трансцендентальный принцип возможности технического распоряжения. Поэтому современные науки производят знание, по своей *форме* (но не по субъективному устремлению) являющееся технически применимым знанием, хотя в целом возможности технического применения этого знания проявляются лишь задним числом»¹. Но, заметим еще раз, это присутствие было поначалу лишь потенциальным, но все более явно разворачивающимся в индустриальную эпоху и достигшим апогея при современном технологическом применении фундаментальных наук. Лучший способ доказать истинность сложной фундаментальной теории в настоящее время — это построить технологии, воспроизводящие предсказанные теорией эффекты и явления. В этом моменте развитие науки как бы предопределяло развитие установки на внедрение ее результатов. Но, на наш взгляд, необходимы были внешние условия для трансформации изначально присутствующего в научном познании «технического содержания» в массовую установку на утилизацию знания. Для этого требовалось связать каким-то образом идею прогресса и улучшения условий жизни людей с массовым производством товаров и добиться интенсификации труда с использованием инновационных технологий. Эту связь практически осуществили капиталистические государства совместно с крупным бизнесом в период Первой глобализации, совпавшей с эпохой рассвета классического капитализма.

¹ Хабермас Ю. Наука и техника как идеология. М., 2007. С. 79.

Глава 3. Развитие капитализма и капиталистической современности на Западе и первая глобализация (1885–1914)

Описанная выше динамика генезиса капитализма явилась лишь частью Первой великой трансформации, подготовившей переход к либеральной капиталистической современности. Несмотря на общность этого концепта для Запада в целом, каждая страна шла к капитализму своим путем, зависящим от ее исторических условий и культурных особенностей.

а) От раннего капитализма к классическому

Капиталистическим обычно называют определенный тип хозяйственно-экономической деятельности и часто ограничивают это явление тем, что представляет собой объект анализа экономической науки.

Все сферы общества — экономическая, социальная, политическая и культурная постепенно обособляются, но вместе с тем они остаются зависимыми друг от друга. Образно говоря, эта схема формирования капитализма подобна слоеному пирогу, где один корж еще не пирог, но только все слои вместе с прослойкой придают ему и форму, и содержание. На начальной фазе капитализма сфера экономического выделяется, но служит воспроизводству традиционного общества, затем она обособляется и далее воздействует на все остальные сферы, делая их подвижными, ибо в природе самого развития капитализма, как подчеркнута выше, заложена энергия устремления в будущее. Социальная матрица капиталистического общества теряет устойчивость традиционного или средневекового общества и движется вслед за изменениями в экономической сфере. Формы ментальности также меняются под воздействием «снизу», которые идут от экономических реалий.

Надо отметить, что выделившиеся сферы общества оказывают и взаимное влияние друг на друга, и обратное влияние на экономическую сферу в целом. Это утверждение тривиально в общем виде и требует разъяснения по существу. Пока же подчеркнем, что каждая из выделенных структур носит не универсальный характер, а свойственна данному

национальному государству в данную историческую эпоху. Каждая из национальных капиталистических экономик своеобразна и отлична от других. Вместе с тем, витальность капитализма, его жизнестойкость, обеспечивается многообразием существующих структур, в которых он представлен, формируя целостность такого явления, как западный капитализм.

При капитализме технологически сложное производство связано с большими рисками и неопределенностями. Требуются долгосрочные инвестиции в оборудование, в сырье, в квалифицированную рабочую силу. Необходимо наличие свободного капитала на финансовом рынке. Сам цикл «производство — реализация товара» раздвигается во времени и усложняется по своей форме. Обеспечить бесперебойную работу капиталистического предприятия можно, лишь превратив все, что ему необходимо для функционирования и жизнедеятельности, в товар. В частности, таким товаром должна стать рабочая сила. Рабочая сила — это другое название для людей, живущих в данном обществе и работающих по найму на различных предприятиях. Продажа труда и профессиональных услуг должна быть организована рыночным способом. Но труд — это еще и другое название для образа жизни человека. С самого начала политэкономической мысли никто не сомневался в необходимости трудовой деятельности. Труд, начиная с Адама Смита, брался за основу благосостояния общества. Но продажа труда на рынке делает образ жизни человека зависимым от экономических мотивов работодателя. Развитие промышленного производства, его усложнение и изменение с необходимостью влечет изменение в профессиональных и трудовых навыках, которыми должны обладать вовлеченные в производство люди. Тем самым подвижность и изменчивость всей цепочки «производство—реализация» ведет к изменчивости в профессиональной структуре. В целом организация социальных связей оказывается в сильной зависимости от изменений в экономической сфере.

Саморегулирующийся рынок предполагает, во-первых, что все производится в обществе для продажи на рынке, во-вторых, все источники доходов получают только в результате этих продаж, в-третьих, полученные от продажи доходы достаточны, чтобы купить все произведенные товары. Продажи на рынке происходят свободно, регулирует их только принцип свободной конкуренции цен. Никакие внешние институты не влияют на фактор цены на рынке. При этом предполагается, что земля и все, что в ее недрах, труд и деньги также являются товаром для продажи, поскольку они тоже вовлечены в процесс производства. Доходы от реализации права на пользование землей получили название ренты, доходы от продажи труда — заработной платы, а от пользования день-

гами — процентом на капитал. Другими словами земля, труд и деньги при саморегулирующемся рынке становятся товаром и подчиняются в рамках рыночных отношений только одному мотиву — выгоде. Но, с другой стороны, земля, ее недра и все, что мы называем природой или естественной средой обитания вместе с проживающими в ней людьми, собственно и образуют физическую плоть общества, его «тело», или его физическую ткань. Общество — это пространство людей в некоем географическом пространстве Земли. В тот момент, когда люди начинают смотреть на землю и на других людей с позиций выгоды — как на «сырье» для последующих преобразований в товарное изделие, — они подчиняют всю физическую субстанцию общества законам и отношениям рыночной экономики. В этом смысле мы и говорим, что сфера экономического интереса и мотива при капитализме объемлет все общество в целом без исключения.

Несмотря на ведущую роль капиталистического рынка и экономики, представляется, что свести капитализм к экономической сфере жизни людей было бы слишком узко. *Капитализм как явление существует только в пространстве государств и межгосударственных образований, а на локальном уровне всегда связан с той или иной социальной структурой, будь то фирма, корпорация или государство. Капитализм — это характеристика поведения некоей социальной структуры в целом, а не только особенности способа ведения хозяйства.*

Выше мы подчеркивали, что процесс становления экономики капиталистического рыночного типа не был эволюционным. *Формирование национальных государств и внутреннего рынка было первой точкой бифуркации, приведшей к становлению капитализма как системы хозяйства в Европе. Второй такой точкой бифуркации был переход к саморегулирующемуся рынку и последовавшему за этим превращению капитализма из системы хозяйства в тип общества.*

Даже на теоретическом уровне ясно, что механизм саморегулирующегося рынка, в отличие от рынков традиционных обществ, если его запустить в действие в реальном обществе, может полностью его разрушить, обеспечив не благосостояние для всех, а реализацию волчьих законов предприимчивых людей. Хотя социально-либеральный миф о капиталистическом рынке как о лекарстве для лечения социальных диспропорций и механизме роста благосостояния для всех не потерял своей привлекательности до сих пор, Англия пережила этот момент истины, когда были полностью сняты ограничения с рынка труда Актом о реформе закона о бедных 1834 года. В новейшей истории России сохраняются еще следы отбушевавшей стихии дикого рынка без каких-либо сдерживающих его начал. Тотчас же массы людей, как только его энергия освобож-

дается, оказываются, вопреки мифу, в положении товара, на который существует весьма ограниченный спрос. Великая английская литература зафиксировала реалии этого периода в деталях и подробностях. Нас интересует только теоретический аспект ситуации, порожденной стихийной саморегулирующегося рынка. Он состоял в следующем. При меркантилизме — экономической политике раннего капитализма, основанной на вмешательстве государства (последняя треть XV — середина XVI века), — внутренний рынок еще был опутан системой множественных ограничений. И труд, и земля, и деньги все еще не были в свободном обращении, а были частично под контролем старых привилегий. Но осмысленные положения о том, что снятие всех ограничений приведет к лучшему положению вещей в обществе, уже сформулировали и философы, и политэкономы, и политики.

Попытка привить ничем (или скорее никем, ни каким внешним для рынка институтом) не контролируемый рынок обществу закончилась, с одной стороны, грандиозными достижениями капитализма XIX века и его глобализацией, но, с другой стороны, имела высокую цену и вызвала серьезные социальные потрясения для этого общества. Вера в прогресс, в торжество разума, в способность к свободному, основанному на законе и процветанию развитию в период классического капитализма вытесняла ужасы и несправедливости первоначального накопления (огораживание, ранние формы индустриализации и скопление люмпенизированных бывших крестьян в городах, потерю основ и ценностей прежних традиционных обществ).

Капиталистическое общество стало прочно связываться с деятельностью автономных индивидов, для которых характерны отношения нового типа. Возник также новый тип солидарности. Механическая солидарность уступила место органической, как это показал в своей теории общественного разделения труда французский социолог Э. Дюркгейм¹. Всякому, кто начинает читать Дюркгейма, кажется удивительным, что естественно-исторически выросшее и эволюционирующее традиционное общество он считал обществом, имеющим механическую солидарность, а построенное людьми капиталистическое общество, согласно его теории, обладает органической солидарностью. Дюркгейм интуитивно чувствовал возможность недоразумений по поводу своей теории, поэтому в многочисленных комментариях он показывает, что индивид традиционных обществ произведен природой и подчинен коллективному целому, выступая в нем в качестве строительного материала этих

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1996.

обществ, своеобразной его молекулой. «Социальные молекулы, которые были бы связаны только таким образом, могли бы, стало быть, двигаться согласованно только в той мере, в какой они не имели бы собственных движений, как это происходит с молекулами неорганических тел. Вот почему мы предлагаем назвать этот вид солидарности механическим»¹. Органическая солидарность, считает Дюркгейм, возникает из того, что каждый имеет свою собственную сферу действия, что усиливает солидарность, а «индивидуальность целого возрастает вместе с индивидуальностью частей»². Дюркгейм уподобляет здесь органическое организмическому, т.е. похожему на организм, в котором имеются специализированные органы. Тем самым он подтверждает целостность капиталистического общества и невозможность рассматривать капитализм на этом этапе как сведенный к одному его «органу» — экономике.

Классический капитализм, повторим, стал продуктом человеческой изобретательности, плодом его творческой активности, создавшей в Европе в результате Вестфальского мира систему национальных государств и внутренние рынки на всей территории этих государств. Этот момент в истории не был результатом процесса эволюции, он стал точкой бифуркации, развернувшей человека к своему неопределенному будущему, которое он теперь сам должен продолжать творить. Капиталистическая модель общественного развития оказалась наиболее привлекательной для всех других государств. Сегодня она приобрела статус универсального принципа организации жизни самых различных обществ. Западные страны столкнулись с проблемой модернизации всех четырех обозначенных выше сфер общественной структуры — экономики, политики, социальной сферы и культуры — как единственной возможности влиться в историю, разворачивающуюся с начала классического капитализма поступательно как *прогресс*.

Классический капитализм образовал эпоху либеральной современности. В понимании этой эпохи часто либерализм и экономический человек прочитываются, особенно в эпохи неолиберализма, упрощающего великие эпохи, как сущность Первой великой трансформации. Как мы пытались показать, это не так. Сошлемся снова на исследование Вагнера, который пришел к заключению, что «история современности (modernity) не может быть описана просто в терминах растущей автономии и демократии, но скорее в терминах изменения понятий о субстанциональных основаниях самореализации и смещении удара на

¹ Там же. С. 138.

² Там же. С. 139.

отношение между тем, что дано индивиду, и какие публично-коллективные возможности имеются. С этой точки зрения мой диагноз фиксирует проблематичную асимметрию... Трансформация самого человека в современности может быть увидена как параллельный и драматический процесс освобождения и дисциплинирования»¹. Именно в этом замечании заложен ключ и предпосылка Второй великой трансформации капитализма.

Итак, становление классического капитализма стало поворотной точкой в его развитии. Идея саморегулирующегося рынка на начальном этапе была пусковым механизмом, в результате действия которого было осознано существование общества как отдельной от рынка сущности, предопределяющей социальный порядок. При классическом капитализме изменилась не только экономическая жизнь общества, но и само общество трансформировалось в капиталистическое. Общество оказалось спаянным органическими связями, которые вытеснили механическую солидарность традиционных обществ.

Эти изменения привели к становлению классической экономической теории в ответ на возрастание роли экономического фактора и социальные вызовы времени. Только тогда, когда экономический процесс принял квазинатуралистический объективный характер, наука могла обратиться к его исследованию, опираясь на ньютоновскую натуралистическую парадигму.

б) «Пять путей к современности»

Капитализм получил развитие в Новое время и стал ведущим процессом модернизации Запада. Подзаголовок, который выше дан в кавычках, взят нами из книги Лиан Гринфельд «Национализм. Пять путей к современности»². Пять путей к современности означает здесь пять путей к тому, чтобы стать современным, войти в эпоху модернити.

По-русски сегодня используются термины «модернити», «эпоха модерна», «современность», «современное общество». Но при этом предполагается понимание контекста, выявляющего научное значение слова «современность» — эпоху, начавшуюся с возвышения Запада в Новое время. Во всяком другом употреблении это будет просто «сегодняшний день».

Пять путей к современности рассмотрены американской исследовательницей Л. Гринфельд не как ступени в развитии, а как особенности

¹ Wagner P. Op. cit. P. XI.

² Greenfeld L. Nationalism. Five Roads to Modernity. Cambridge, L., 1992.

движения отдельных стран к этому состоянию, тесно связанные с развитием в них национальных государств, буржуазных наций и национализмов. Под национализмом она понимает здесь «термин, который, словно зонтик, собирает под собой все феномены, относящиеся к национальной идентичности, к национальному сознанию и коллективности, основанной на нациях...»¹ В конечном счете, речь идет о формировании буржуазных наций как новой формы солидарности, в которой, как мы уже отмечали, как в предпосылке оказался заинтересованным капитализм.

Она анализирует модернизацию Англии, начавшуюся в XVI веке, Франции между 1715 и 1789 годами, России второй половины XIX века, Германии конца XVIII — начала XIX века, Америки конца XVIII — середины XIX века. В указанное время в этих странах складываются особые национальные идентичности, изначально никак не ассоциируемые с капитализмом. Нации, по ее мнению, формируются интеллектуалами и интеллектуалами-профессионалами, другие же социальные группы в этом процессе занимают в основном пассивную роль. Выше мы отмечали, что парадигма модернизма отрицает историзм в формировании наций и видит формирование буржуазных наций как совершенно новый процесс, связанный с капитализмом и не имеющий отношения к предшествующим национальным и этнокультурным формам. Однако Гринфельд на примере Англии отступает от этого радикального подхода.

Преимущества *английского* развития состояли в том, что здесь группы, являющиеся проводниками национальной идентичности, смогли распространить новые идеи на общество в целом. Среди факторов, способствовавших развитию английской национальной идентичности и английского капитализма, можно указать следующие: поддержка монархии, появление новой аристократии, протестантская реформация и изданная на английском языке Библия, распространение экспериментального знания. Английская монархия смягчала ужасы первоначального капиталистического накопления некоторыми попытками его урегулирования, например в период огораживания. Монархия способствовала также развитию национального рынка в Англии, она активно устраняла сословные и феодальные ограничения, поддерживая государственную целостность. Английская аристократия активно включилась в создание коммерческих предприятий нового типа, оказав тем самым влияние посредством своего статуса и власти на распространение идей меркантилизма. Предприниматель-аристократ был абсолютно новым социальным персонажем, что позитивно сказывалось на распространении капитали-

¹ Ibid. P. 3.

стического духа. Впоследствии английский опыт послужил для других стран своеобразной моделью. В Англии процесс формирования нации способствовал формированию капитализма, и наоборот. *Пример Англии явно показывал, что сложившаяся национальная идентичность усиливала мобилизацию общества, а это в свою очередь еще больше укрепляло национальную идентичность и делало ее специфической, отвечающей индивидуальному пути к капитализму каждой из упомянутых стран.* По мнению Гринфельд, «рождение английской нации было не только рождением нации; это было ... становлением национализма»¹. Складыванию национальных идентичностей способствовало появление нового мирового порядка — Вестфальской системы национальных государств, о чем мы уже говорили. Вестфальская система устанавливала в качестве всеобщего принципа территориальную, культурную и политическую суверенность государств, что, безусловно, способствовало процессам интеграции в них. Однако в самой Англии национальное единство складывалось раньше и быстрее, чем в континентальной Европе, и поэтому условия для развития капитализма были также более благоприятными. В другой своей работе Л. Гринфельд говорит, что 1776 год, год издания книга Адама Смита «Богатство народов», название которой можно перевести и как «Богатство наций», можно считать также и годом рождения современной капиталистической английской экономики. Однако этому моменту предшествовали двести лет развития национального духа Англии: «Экономический национализм (протекционизм своей экономики, защита национальных экономических интересов. — Авт.) появился в Англии первоначально как национализм в целом»², т.е. как первый национализм. Национальное английское сознание в период экономической интеграции и развития международной торговли стало основой международной конкуренции.

В плане образования наций в XVI веке трудно сопоставить какую-либо страну с Англией, где эти процессы происходили весьма интенсивно. В сравнении с ней даже в более позднее время, например, во Франции, идентичность на уровне государства была представлена некоторыми локальными идентичностями, для сплочения которых в нацию потребовались определенные политические усилия.

Во Франции в это время создавались предидентичности, т.е. только условия для последующего образования тотальности нового типа. Осо-

¹ Ibid. P. 23.

² Greenfeld L. The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth. Cambridge, L., 2001.

бенность Франции была в том, что объединение происходило на фоне влияния идей Фомы Аквинского и католической церкви. И опять же мы обнаруживаем инициативу короля как объединителя государства. Франция долго оставалась на позициях меркантилизма в экономике, распространившегося здесь с середины XV века и продержавшегося в течение последующего века. С XVII века стали появляться новые идеи в экономике, но французский национализм только эпизодически восставал против отдельных групп предпринимателей-иностранцев, к тому же он явно не связывал себя с экономическими целями. Как пишет Гринфельд, даже меняющееся тело Франции не меняло ее дух, «Франция не смотрела на патриотизм как релевантный разговору о бизнесе»¹. Основным препятствием, задерживающим капиталистическое развитие во Франции, был католицизм. После известных событий Варфоломеевской ночи многие из протестантских семей покинули территорию Франции, чтобы обосноваться на севере Европы, которая, возможно, по этой причине экономически намного опередила Францию.

Америка конца XVIII — середины XIX века отличалась независимостью образования нации от геополитики и от этносов, отмечает Гринфельд. На этой новой земле нация конструировалась отцами-основателями на концептуальной основе, для которой было характерно не столько обращение к истокам нации, сколько развитие самих принципов. Америка была новой Англией, только осознавшей принципы своего единства и давшей этому единству фиксированное письменное оформление в форме Конституции. Ее единство стало неизбежностью, она пресекла сецессии и скрепила тем самым национальную целостность. «Дух капитализма» был американским наследием от переселившихся англичан. Он был столь силен, что сформировал США как «экономическую цивилизацию» в ходе ее политического самоутверждения в качестве нового национального государства и, как уже отмечалось, на концептуальной основе формируемого просвещенческого сознания отцов-основателей. Центральный тезис Гринфельд в отношении значимости формирования наций в развитии капиталистической экономики состоит в том, что фактором переориентации экономической активности и ее беспрецедентного помещения в центр эпохи модернити стал национализм, что особенно повлияло на этот процесс развития *Америку*².

Германия конца XVIII — начала XIX века переживала период аномии — утраты собственных норм и ценностей. Мощным стимулом, способ-

¹ Ibid. P. 125.

² Ibid. P. 53.

ствовавшим не только процессу формирования нации, но и германского сознания, стал немецкий романтизм. Его влияние пришлось на конец XVIII века. В рамках романтизма нации рассматривались как метафизические сущности, что сильно повлияло на немецкое понимание своей идентичности. Германский национализм все последующее время имел сильный романтический оттенок, связывающий проблему германской нации с ее специфическим сознанием и исторической судьбой. В рассматриваемый период только небольшая часть общества — некоторые из интеллектуалов и коммерсантов, хотели видеть направленность национального строительства Германии на экономические цели. Так, книга коммерсанта Иоганна Эрнста Готцковского «Патриотические купцы» была опубликована в 1768 году, а Адам Смит в германских землях был еще долго не слишком известен. Хотя «Богатство народов» Смита вышло в Германии в один и тот же год с изданием этого труда в Англии, книга эта воспринималась преимущественно как философская. Значительно позже протекционизм государства в отношении национальной экономики стал рассматриваться как выражение национальных интересов. Такая теоретическая позиция стала характерной для целой школы немецкой политической экономии, известной под именем ее основателя Фридриха Листа. Школа Листа романтическому национализму противопоставляла национализм экономический и распространяла просвещенческий взгляд на роль науки, преобразующей мир. Трансформация германских народов в единую нацию обозначилась теперь уже в рамках просвещенческого подхода в противоположность романтическому единению.

Россия второй половины XIX века, по мнению Гринфельд, формировала свою нацию под влиянием в основном внешних факторов и консолидировалась из-за необходимости защиты от внешних врагов. В ее аристократических и интеллектуальных кругах не было необходимого идейного единства. Спор славянофилов и западников был тому подтверждением. Россия сопротивлялась Западу, сопротивлялась проникновению западных идей и ценностей. Русская интеллигенция того времени пыталась обнаружить глубинные, народные и православные основания русского национализма. Поэтому шла переоценка западных ценностей, кристаллизация собственных принципов и новое прочтение вековых символов российской государственности. Добавим, что при этом Россия экономически следовала по догоняющему пути развития, а модернизацию общества, подобно Германии, сочетала с романтическим принципом единого народа и просвещенческой идеей новой нации.

А. Тойнби считал, как было показано выше, что Россия в XIX веке испытывала «вызов» Запада и попыталась ответить на него своей модернизацией. Но капиталистическая экономика России вызревала в неадек-

ватных политических и социальных условиях. Процесс формирования необходимых для развития капитализма духовных предпосылок явно отставал. Во всем ощущалось отсутствие позитивной воли. Не было ее ни у монарха, ни у интеллигенции, что и привело страну в конечном итоге к революциям. Национализм и формирование капиталистических наций играли ключевую роль в развитии капитализма. К духовным факторам развития капитализма в XIX веке можно отнести не только описанный Максом Вебером «дух протестантской этики», рационализацию жизни, разделение труда и переход от механической солидарности к органической Эмиля Дюркгейма, но и национальный интерес буржуазных наций-государств, вступающих уже не только в политическое, но и в экономическое соперничество между собой на мировой арене.

Таким образом, капитализм, представленный позднее как западный капитализм и как глобальный капитализм, на этих пяти путях к современности осуществлял трансформацию большинства обозначенных обществ в нации, а национализм был идейным подспорьем для этого процесса. Термин «национализм» здесь был лишен агрессивных коннотаций, которые он приобрел позднее.

Маркс в качестве образца капитализма, позднее представленного в его теории, имел перед собой английский капитализм, который был наиболее близок к классическому. Его теория капитализма это, по существу, теория английского капитализма, хотя он и придавал ей универсальный характер, а остальные типы национальных капитализмов относил к менее развитым. Понятие «Запад» в концептуальном смысле было выработано лишь после экономической интеграции национальных государств. Решающим фактором развития капиталистической экономики стало формирование буржуазных наций. Но это произошло в XIX веке.

Другой рассмотренный прежде фактор — формирование рынков, складывание экономической иерархии — возник раньше. После образования наций рынки покидали ограниченное пространство досовременных обществ и охватывали всю нацию и позже приняли межнациональный размах. Но еще тогда, когда «капитализм еще не навязал свои законы...» — пишет Бродель. Англия явно обладала преимуществами в плане развития капитализма. «Модель... действовала только для Запада. Но, может быть, единожды намеченная, она позволит лучше прочесть факты в мировом масштабе? Важнейшие две черты западного развития суть складывание механизмов высшего уровня, а затем, в XVIII в., умножение числа путей и средств. Более всего отклоняющийся от нормы случай — это пример Китая, где императорская администрация заблокировала складывание всей иерархии экономики. Эффективно функционировали на нижнем «этаже» лишь лавки и рынки местечек и горо-

дов. Ближе всего к опыту Европы оказались страны ислама и Япония»¹. Движение Запада к современности повлияло на многие страны мира, вызвав у них стремление ускорить свою эволюцию.

в) Капитализм и государство.

Сводится ли роль государства в экономике к самой экономике?

Развитие капитализма сопровождалось созданием множества мифов. Один из таких мифов был развит либеральными мыслителями. Он обосновывал ограниченное, пассивное участие государства в экономической сфере. Классический либерализм XIX века отводил государству чисто служебные функции контроля за соблюдением законов и допускал необходимость насилия для их исполнения. Фундаментом либерального подхода была европейская концепция свободы. Европейское движение за высвобождение человека от гнета церкви и феодалов блестяще завершилось Декларацией прав человека, провозглашенной Французской революцией. Права гражданина теперь ставились выше прав общества, а дух свободы наконец-то нашел приют в душе свободной личности. Политическая свобода, право на свободное самовыражение привели к функционально новому явлению — парламентской демократии, которая ассоциировалась с политической формой правления, адекватной либеральной идее. Свободы индивида реализовались посредством «правового государства». Отныне отношения между гражданами и государством складывались на основе единой для обеих сторон правовой системы, которая ограничивала законом как поведение граждан, так и власть государства над личностью. Положенный в основу исполнительной системы принцип «разделения властей» Ш.-Л. Монтескье позволял гражданам защищать себя в независимых судах. В итоге государство перестало казаться воплощением метафизической силы, стоящей над людьми. Хотя функция легитимного насилия была его важной характеристикой, государство все больше и больше воспринималось как рациональный конструкт человеческого разума, а не противостоящая ему иррациональная сила.

Самую мощную идейную поддержку либеральные идеи получили в лице идеологов свободного саморегулирующегося рынка. Идея общественного прогресса постепенно стала ассоциироваться с количественным ростом материальных благ, который обеспечивала активно формировавшаяся капиталистическая экономика. При этом рыночная экономика понималась как эволюционирующая естественным образом подсистема общества, которая наиболее эффективно развивается при отсутствии внешних воздействий. В конечном счете, экономический ли-

¹ Бродель Ф. Игры обмена. С. 105–106.

берализм свелся к трем догмам — свободного рынка труда, свободной торговли и свободного рынка финансов, в основу которого должен быть положен золотой стандарт.

Однако в реальной политике западных государств происходили события, прямо противоположные академическим теориям¹. Либеральные правительства сотворили из этих трех догм подобие символа веры, но сами, вопреки либеральной теории, участвовали в формировании свободных рынков. Отчасти мы обращали на это внимание со ссылкой на К. Поланьи, который отмечал: «Дорога к свободному рынку была открыта и оставалась открытой *благодаря громадному росту интервенционистских мер, беспрестанно организуемых и контролируемых из центра* (курсив наш. — Авт.). Сделать “простую и естественную свободу” Адама Смита совместимой с требованиями человеческого общества оказалось весьма сложной задачей»². Парадокс заключался в том, что экономика *laissez-faire* сама была продуктом активной государственной политики. Однако теоретические положения либерализма предписывали государству минимальное вмешательство. Становление западного капитализма происходило отнюдь не эволюционным путем, а, напротив, при самых решительных мерах со стороны государства.

Нет сомнения в том, что Запад стал отличаться от остального мира не наличием природных богатств, полезных ископаемых, а прежде всего появлением нового, отличного от средневекового человека. Этот человек получил название автономного, ответственного индивида, т.е. такого, кто сам мог планировать свою судьбу, решать им самим поставленные задачи, не порывая с социальным целым. Именно такой человек описан у М. Вебера.

Об этих мерах и роли государства уже шла речь выше: капитализм не мог возникнуть без системы национальных государств, соединивших рынки с обществом, национальные государства уже не ограничивались национальными рынками и стремились к глобализации, через систему образования государство утверждало стандарты, в том числе и в отношении требований к западному человеку, который сделался «кирпичиком», «модульным человеком», пригодным для капиталистической либеральной современности и буржуазного производства.

Либеральная современность требовала адекватного себе знания источника собственной легитимации. Таковую роль играла наука. Но именно в XIX веке и экономика приобретает такое значение, отчасти фикси-

¹ Поланьи К. Великая трансформация. С. 152–182.

² Там же. С. 157.

руя, отчасти формируя черты капитализма эпохи Первой великой трансформации. Заметной фигурой капитализма в этот период стал «экономический человек». Перспектива модульного, но в то же время творческого человека сужалась онтологизацией человека до «экономического», тем более в условиях классовых различий и разного масштаба экономических возможностей людей. «Экономический человек» — это теоретический конструкт, имевший свой прототип в реальной капиталистической практике, — идеальный тип капиталиста, распространяемый под знаменем успеха и рациональности на других участников капиталистического производства, а также на прочих членов общества.

2) Первая глобализация как тип модернизации

Одно из важных оснований концептуализации единства человечества — идея прогресса. В более конкретном воплощении она предстает в теориях модернизации.

Как отмечает известный польский социолог П. Штомпка, «социология возникла в XIX в. как попытка понять и интерпретировать великие сдвиги, происходившие на Западе в эпоху перехода от традиционного общества к современному, урбанистическому, к демократическому социальному устройству. С тех пор большинство социологических исследований и теоретических изысканий были сосредоточены на модернизированном обществе»¹. Социология, таким образом, в неявном виде предполагала единство человечества и концептуализировала его с помощью понятий «прогресс», «модернизация», «современность», «современное общество».

То, что прогресс дается дорогой ценой, то, что он противоречив, что на пути прогресса осуществляется масса непродуктивных разрушений, уменьшается многообразие форм жизни, можно было заметить и раньше. Но признанный в качестве безусловной ценности прогресс не подвергался критическому анализу.

Вызов Запада предстал как требование прогресса для всего мира. Незападные страны стремились догнать Запад хотя бы в чем-то². Многие страны начали вестернизироваться, пытались перенять технологии и черты западной жизни. Доминирующим процессом стала догоняющая модернизации, попытка догнать Запад.

Глобализация на основе прогресса, на основе модернизации имела как эмпирический — мир становился все более связанным, так и теоре-

¹ Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 100.

² Тойнби А. Постигание истории. М., 1994.

тический характер — утверждалась доминирующая линия развития, универсальные ценности и универсальный тип социальных наук. Последние возникли на Западе и служили средством познания, предсказания и управления социальными процессами в западных обществах.

Даже когда исследователи выходили в анализе за пределы Запада, они смотрели на другие общества как на примитивные, неразвитые, считая, что они смогут избавиться от статуса «третьего» (или «второго») мира только догоняя Запад («первый мир»). Позже наступило разочарование в современности, попытка обозначить новую эпоху как «постмодернизм». И, хотя постмодернизм сегодня изрядно растерял своих сторонников, важно заметить, что *первая глобализация была явным продуктом модернизации, выступавшей как мегатренд генезиса капитализма и становления его классической фазы в XIX веке*. По мнению Гидденса, «современность внутренне глобализирована — это очевидно из самих базовых характеристик современных институтов...»¹

Существуют эмпирические (или исторические) способы описания модернизации, при которых указываются этапы формирования современных институтов в Европе, а затем и в других странах. По этому пути идут историки, а также некоторые социологи, например Э. Гидденс. Под современностью они понимают состояние, которое было достигнуто Западом в Новое время после трех великих революций — Ренессанса, Реформации и Просвещения. В силу неравномерности развития большинство стран мира в этот период, а некоторые из них до сих пор оказались в состоянии трансформации.

Различия между традиционными и современными обществами очень существенны и отмечены во второй главе данного раздела. С момента становления современных и (западных капиталистических) обществ человечество начало стремиться к прогрессу в форме модернизации. Это и стало основой становления единства человечества. Первая глобализация стала итогом предшествующей модернизации.

Историки и эмпирически ориентированные социологи «единодушны в мнении, согласно которому современный социальный порядок зародился после великих революций. Они считают, что американская и французская революции обеспечили политическую и институциональную базу для модернизации: конституционную демократию, верховенство закона и принцип суверенитета национальных государств»². Американская революция заложила принципы демократии, английская рево-

¹ Giddens A. Op. cit. P. 67.

² Штомпка П. Указ. соч. С. 100–101.

люция — экономическую основу современности в виде капитализма, рынка, индустриализации, урбанизации.

Эмпирический подход дает возможность исторически проследить смену социальных форм, но не только не позволяет однозначно определить дату возникновения современности (время ее начала оценивается разными авторами с большими колебаниями — от XVI до XVIII века), но и характеризовать ее сущность. Раскрытие последней осуществляется теоретической социологией, которая выделяет сущностные признаки ее начала. Как уже отмечалось, у Конта это — переход к применению науки, у Г. Спенсера — трансформация от военного общества к промышленному, у Ф. Тенниса — от сообщества к обществу, у Э. Дюркгейма — от механической к органической солидарности.

Конт был одним из первых, кто отметил новое содержание эпохи, что мы уже подчеркивали, пришедшей на смену теологическим и метафизическим стадиям развития человечества, — ее научный характер. Конт обозначил и другие черты обществ Нового времени: концентрацию населения в городах, ориентацию производителей на получение прибыли, противоречие между хозяевами и работниками, социальное неравенство, свободное предпринимательство и др.¹

Единый замысел истории, по мнению Конта, следует из прогресса разума человека. Разум воспринимает прошлую историю как единое целое и так же воспринимает все проблемы. Способность разума к целостному восприятию Конт характеризовал как рациональную координацию основного ряда различных событий, соответствующих единому замыслу. Эту формулу рациональной координации Р. Арон считает ключом к социологическому пониманию мира. Он пишет: «Конт — именно социолог, исходящий из единства людей. Его цель — сведение бесконечного разнообразия обществ в пространстве и времени к основному ряду становления рода человеческого и к единому замыслу, а в завершение этого — к конечному состоянию разума человека»². Концепт человечества у Конта играл большую роль. «Идет ли речь о замыслах провидения или неотвратимых законах становления общества, история представляется необходимой и единой. Замысел един, поскольку он определен либо Богом, либо природой человека; эволюция неизбежна, поскольку либо провидение определило ее этапы и конец, либо та же природа человека и обществ предопределила ее законы»³.

¹ Там же. С. 101.

² Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 104.

³ Там же.

Наибольший вклад в анализ модернизационных процессов сделал М. Вебер. Он провел демаркационные линии между предсовременным и современным (западным, капиталистическим) обществами, создал теорию модернизации. Разделительные линии проводятся очень жестко. Традиционное и современное общества конструируются Вебером как идеально-типические конструкты, которые максимально теоретически разведены, т.е. описываются наборами черт, отрицающих друг друга. Его идеи развиты Р. Коллинзом, Т. Парсонсом, П. Сорокиным, Ш. Эйзенштадтом, П. Бергером.

Глобализирующая функция современности состоит в том, что с появлением капитализма на Западе весь мир начинает быть взаимосвязанным (географические открытия раннего периода, колонизация, развитие транспорта, средств сообщения, появление мировой экономики и мировой политики).

Поскольку современные (западные) общества бросили «вызов» несовременным (незападным), последние пытались модернизироваться, осуществить переход в современное состояние. Единство человечества стало характеризоваться институциональными изменениями — повсеместным появлением национальных государств после Вестфальского мира, индустриализацией, разделением труда, повышением уровня рациональности и пр. Урбанизация произошла не только на Западе, но и в незападных странах. Управление имеет тенденцию повсюду стать бюрократическим и деперсонализированным. Произошло возращение роли науки, осуществилась демократизация образования.

Современность, модернизация, таким образом, расширила сферу универсального и, по словам Гидденса, продемонстрировала присущий ей глобализм¹. Современность отличается экспансией, стремлением распространять присущие ей черты на весь мир, а также идти вглубь, меняя отношения людей, включая их личные и семейные отношения².

Персональная модернизация сделала человека индивидуалистом, автономным индивидом, признающим права и автономию других людей. (От модернизации следует отличать разрушение традиционного общества, где образуется негативный индивид, отрицающий равные права и свободы других людей). Модернизированная личность рациональна, умеет ценить время, ответственна за свою судьбу³, она склонна

¹ Giddens A. The Consequences of Modernity. P. 117.

² Штомпка П. Указ. соч. С. 106.

³ Inkeles A., Smith D. Becoming Modern. Individual Change in Six Developing Countries. Cambridge, 1974.

к экспериментам и инновациям, плюрализму мнений, терпимости, ориентирована на настоящее и будущее, а не на прошлое, активна и уверена в позитивных результатах своей деятельности, планирует будущее, верит в закономерности общественной жизни, в справедливость распределения, в то, что оно зависит от затраченного труда, ценит образование, уважает достоинства других.

Остановимся на точке зрения социолога Н. Штера, интересной тем, что этот исследователь пытается поддержать идеи глобализации современности (глобализации на основе прогресса) сейчас, когда большинство ученых уже отказалось от них и когда вторая глобализация явно не соответствует этому. Он стремится защитить классическую парадигму перед очевидным наступлением новых исследовательских подходов, хотя и признает некоторые дополнительные возможности. В переходный период, суть которого не совсем ясна ни в отношении Запада, ни в отношении остального мира, он тяготеет к сохранению прежнего понимания и прежних способов исследования, тогда как другие авторы подчеркивают фактор изменений. Он пытается дополнить классические концепции новыми характеристиками, чтобы сохранить их объясняющую силу.

И все же глобальная трансформация вносит изменения в парадигму социальных наук, которая не может в настоящее время основываться исключительно на функциональном анализе: «существует опасность проведения анализа глобализации только средствами функционального подхода, касающегося только прогнозируемых всемирных последствий социальных, политических и культурных изменений, например, относительно растущей взаимозависимости обществ, или быстрой эскалации культурной однородности и обобщения культурных практик за пределами национальных границ»¹.

Классические социологические подходы не исчезают в новых условиях. По мнению Штера, «современные теории глобализации пытаются повторять предположения классической социальной науки XIX века, которая также предсказывала единство и движение современной жизни в направлении доминирующих эволюционных признаков», «глобализация выполняет функцию выравнивания социальной разнородности, и это — продолжение классического поиска новых форм социального «цемента», солидарности и кооперации, хотя и в форме менее легитимных проявлений социального и культурного поведения»².

¹ Ster N. Knowledge Societies. N.Y., L., 1994. P. 247.

² Ibid. P. 248, 249.

В центре его внимания — роль научного знания в процессах модернизации и глобализации. Под глобализацией он понимает процесс вовлечения всего мира в гомогенное пространство: «глобализация — форма расширения, или “процесс растягивания”, особенно в сферах экономической и политической деятельности»¹.

Глобализация, как уже было отмечено, обязана своим возникновением многим факторам. Среди них решающее значение имеет экономический. По мнению Штера, именно он определяет перспективу сближения культур. Интернационализация экономики (т.е. степень, до которой национальные границы становятся несоответствующими экономическим процессам, или степень, до которой культурные продукты и экономические товары становятся скорее интернациональными, чем локальными) подразумевает, что формы социальной жизни, взятые в наиболее широком из возможных смыслов, будут неизменно сходиться в более общие образцы и структуры. Это — типичная точка зрения для модернизационных теорий, где институциональная модель преобладает над культурологической, а культурные изменения — лишь неизбежное следствие для экономических преобразований. Штер стоит на строго модернизационных институциональных позициях. В отличие от веберовской трактовки, при которой духовные факторы — этика протестантизма — подготавливают экономические процессы, Штер полагает, что влияние экономических процессов является определяющим, особенно в настоящее время: «самоочевидно то, что силы рынка могут с легкостью завоевать и сместить существующие культурные процессы»².

Сторонники этой точки зрения ставят глобализацию в один ряд с модернизацией во всемирном масштабе, которая, на их взгляд, и связывает мир в единое целое. Это возможно, поскольку понимание того, что современное общество отправляется в частично непреодолимый путь по направлению к гомогенизации, сопровождает современное общество с его становления. Люди опасаются каждой важной технологической инновации, т.к. воспринимают ее как дальнейшую серьезную угрозу индивидуальности и как инструмент усиления монотонности социальной жизни³. Уменьшающаяся с течением времени вариативность является одним из решающих и предсказуемых признаков стабилизирующихся систем и социальной эволюции. Этот тезис всплыл недавно в контексте дискуссий о глобализации социального действия. В ряде

¹ Ibid. P. 250.

² Ibid. P. 249.

³ Ibidem.

теоретических работ понятие глобализации становится, кажется, заменителем того, что одно время понималось как возрастающая рационализация (или гомогенизация) социальных отношений¹. Заметные веберовские мотивы о переходе к целерациональному действию, вписывающиеся сегодняя в концепции «общества знания», применяются, в отличие от М. Вебера, к миру в целом, а не только к современному обществу. Мир в целом становится современным (капиталистическим, ориентированным на знание, на инновацию, а не традицию).

Причина, по которой понятие глобализации поддерживается с такой готовностью в отношении экономической деятельности (т.е. в отношении к трудовым образцам, финансовым операциям, потребительским предпочтениям, организации производства, экономическим циклам и т.д.), основывается на одновременном утверждении, что экономическая деятельность движется рынками. Но одновременно эволюционирует в определенном направлении. «И насколько экономическая деятельность свободна от принуждений и цепей локальной, национальной и транснациональной правительственной регуляции и вмешательства, настолько она проявляет почти естественную тенденцию к расширению за пределы исчезающих границ для того, чтобы сформировать глобальный рынок и, благодаря работе невидимой руки рынка, превратить экономические операции в нечувствительные к контексту»².

Итак, первая глобализация как следствие капиталистической модернизации принимает многообразие мира, но вместе с тем его всеобщую устремленность к прогрессу. Именно в ней, а не в простом наличии живущего на земле человечества, видится глобализация.

д) Смена типов рациональности в ходе капиталистической модернизации периода Первой великой трансформации

В основе модернизации лежит смена форм ментальности. Движение от ценностно-рационального к целерациональному отношению к миру (согласно определению Вебера) составляет предпосылку и содержание модернизации.

Ценностная рациональность — имманентное свойство традиционного общества, предполагающее приоритет ценности над целью. Господство традиции и религиозно-мифологических форм сознания создает этот тип рациональности и поддерживается им. Традиционное обще-

¹ Ibid. P. 245.

² Ibid. P. 252.

ство организовано как целое. Ценностная рациональность — это рациональность целого, где индивид ориентируется на общие ценности, не выделяя себя четко из целого.

Его рациональная собственная позиция состоит в том, чтобы следовать рациональности общества, обеспечивающей его выживание, функционирование, существование и в определенной мере развитие. Подобная ориентация определяет выживание самого индивида, его гармоническую связь с обществом, и попытка быть более четко выделенной индивидуальностью, субъектом творческой деятельности, особенно типичная при наличии незавершенной модернизации, соседстве и контактах традиционного и современного обществ, нередко воспринимается обществом как иррациональная, опасная для психологического состояния индивида, его социального статуса, его идентичности. Традиционное общество полно условных, ритуальных форм деятельности, имеет недостаточно эффективный труд, но фактически в нем разрабатываются многие символические и смысловые содержания, которые наследуются современным обществом автоматически, без особой рефлексии, подобно тому, как в XX веке усвоены правила поведения за столом XVIII–XIX веков.

В современном, т.е. модернизированном, обществе рациональность представляет собой способность достичь поставленную цель. Это общество эффективно в достижении целей, формирует приоритет индивидуальных целей и делает цель — достижение интересов, а не следование ценностям — своей главной предпосылкой и основным содержанием. В таком обществе разрабатываются все технические, практические, экономические содержания, и его гигантские культурные достижения являются технической переработкой смысловых содержаний предшествующих эпох. Им же получено два принципиально новых смысловых содержания — свобода и познание, которые могут быть представлены как главные символы современных обществ в отличие от веры как центрального символа традиционных обществ.

Можно сказать, что на разных этапах развития — в традиционном, современном обществе — господствуют разные типы рациональности. Впрочем, понятие типа рациональности часто используется как эвфемизм, чтобы признать рациональность почти всех форм человеческого отношения к миру — мистических, эмоциональных, аффективных и т.д., — так как всюду действует наделенный разумом человек. Эта тенденция выражала намерение расширить границы свободы человека за пределы, предлагаемые либеральной моделью западного образа жизни, за пределы, поставленные образом «локковского» — разумного, автономного, аффективного — существа, сохраняя при этом ценностное положитель-

ное отношение к рациональности. Чтобы защитить нерациональное и иррациональное, пытались сказать: «Это тоже по-своему рационально, здесь другой тип рациональности». Формы рациональности, соответствующие традиционному, современному обществу, более отвечают понятию «тип» как подвиду и стадии одного и того же явления, в данном случае рациональности. Показателем этого является их соответствие представлениям классического рационализма: существует тождество разума и бытия, способность человека, наделенного разумом, полностью овладеть условиями своего существования и развития. В таком универсальном выражении человек никогда не реализовал свой разум. Гегелевская формула «все действительное разумно, все разумное действительно» соответствовала предельной вере в разум. Внутри этого предела помещались указанные типы рациональности. Все они являются способами выжить, жить, разворачивать потенциалы соответствующих обществ и свидетельствуют о способности человека как разумного существа и человеческих сообществ найти различные, соответствующие степени развитости, формы организации социальной, культурной и личной жизни.

Кого же мы можем назвать нерациональным и иррациональным? Какие общества можем упрекнуть в нехватке рациональности?

Если рассматривать каждый из указанных типов общества отдельно, они в себе совершенно рациональны, т.е. обеспечивают поставленные общие цели — воспроизводства традиций, порождения инноваций и обеспечения выживания всего многообразия существующих форм социальности и персональности. Однако при взаимодействии друг с другом, а также при переходе из традиционного состояния к современному наблюдается конфликт рациональностей. Он принимает множество разных форм: между ценностями и целями, созерцательностью и деятельностной активностью и пр. Особый же интерес для познания конфликта рациональностей в ходе модернизации представляет проблема сочетания рациональности общества и индивидуальной рациональности.

е) Экономика как первая целерациональная система капитализма
Термины «ценностная рациональность» (ориентация на совместно разделяемые ценности, присущая традиционным обществам) и «целерациональность» введены Максом Вебером. Но их концептуальное развитие продолжилось, вбирая в себя расширяющееся противоречие между этими типами рациональности.

Проведем фундаментальное отличие, которое фиксирует категориальная пара «*труд и интеракция*» в интерпретации Ю. Хабермаса (в марксистской философии их аналог — *труд, деятельность и общение*). Указанная пара категорий активно разрабатывалась марксистскими

философами. Однако Хабермас обратил внимание, что впервые молодой Гегель в йенских лекциях предложил для анализа нравственных проблем уникальную категориальную систему, включавшую «труд» и «интеракцию». Позднее он от нее отказался, но его ученик Маркс «переоткрыл» в диалектике производительных сил и производственных отношений взаимосвязь труда и интеракции.

Хабермас вводит также понятие *целерационального* действия, под которым он понимает труд. Как антропологическая характеристика труд ведет к рационализации, способствует становлению техногенной цивилизации. Однако если вслед за Хабермасом под целерациональным действием понимать любое действие, в котором осуществляется рациональный выбор и/или инструментальное действие¹, то его сфера может оказаться шире, чем сфера трудовой деятельности. В дальнейшем мы будем выделять различные *системы целерационального действия*, которые будут относиться к различным предметным областям. Сфера экономического интереса и мотива, как уже было показано, при капитализме объемлет все общество.

Классический капитализм трансформировал общества в экономические. Свободные рынки труда, ресурсов и капитала означали, что важнейшие жизненные субстанции — люди, живущие в обществе, окружающий человека природный мир и созданный руками человека мир его второй природы — были вовлечены в процессы обмена и производства и представляли только ресурсами промышленно-производственных трансформаций. Как уже отмечалось, К. Поланьи обратил внимание на то, что имеются два принципиально отличных понимания экономического. Одно из них формальное: экономическая наука — наука об эффективности. Формальное определение экономики акцентирует внимание на отношении между целями и средствами их достижения, которыми характеризуется эффективность. Другое — субстанциональное — утверждает наличие физической среды, дающей человеку средства к существованию. Эти два определения не обязательно существуют совместно. Человек может получать все необходимое, но не слишком заботиться о максимальной эффективности. В либерализме оба эти определения слились.

Экономическая деятельность при капитализме является первой системой целерациональной деятельности, то есть деятельности, которая ориентирована на достижение целей при рациональном, разумном и законном выборе средств. В соответствии с формальным определением экономики, сросшимся с субстанциональным или даже доминирующим над ним, в дальнейшем будем говорить, что экономика образует

¹ Хабермас Ю. Наука и техника как идеология. М., 2007. С. 66.

систему целерационального действия. *Ориентация на эффективность, которая уже описана выше, явилась основным механизмом рационализации общества в целом.* Это была «рациональность снизу», идущая от целей рядовых акторов экономических отношений, трансформирующая все формы жизни и общественное сознание. Урбанизация, образование, здравоохранение, армия и т.п. — вот далеко не полный перечень результатов действия такой рационализации. При этом разрастающаяся экономическая сфера постоянно корректировалась со стороны государства, чтобы не допускать сбой в ее функционировании. «Рациональность снизу» в значительной мере формировалась бюрократической рациональностью самого государства.

Поланьи пишет: «В слиянии двух значений в единую концепцию конечно же нет ничего особенного, пока мы отдаем себе отчет в ограниченности построенной таким образом концепции. Связать удовлетворение материальных потребностей с ограниченностью ресурсов и проблемой их экономии и соединить все это в единую концепцию, возможно, оправданно и разумно в условиях рыночной экономики, там, где она превалирует. Однако как только мы начинаем думать, что единая концепция “ограниченности материальных ресурсов и их экономии” верна для всех условий, то сразу становится намного труднее ниспровергнуть... заблуждение», которое «заключается в тенденции отождествлять экономическую деятельность человека с ее рыночной формой»¹. Однако либерализм производит это отождествление и санкционирует понятие «экономического человека». Именно этот человек на этапе господства либерализма становится «модульным», пригодным повсюду или, иначе говоря, «модульный человек» превращается в «экономического».

¹ Поланьи К. Два значения термина «экономический» // Неформальная экономика. Россия и мир. // Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 499–500.

Глава 4. Предпосылки морали в формировании современности. Этика и капитализм в период Первой великой трансформации

Адам Смит был шотландским философом-моралистом и не отделял этику от капитализма, поскольку не отделял экономику от общества, о морали которого шла речь. Экономика, предназначенная для улучшения условий жизни, сохраняла этические предпосылки, но опиралась на инструментальный разум, для которого этические аспекты не имели трансцендентальной высоты кантовского императива, но становились фактом эмпирического опыта и чертой реальной человеческой жизни. Этическими чертами такого разума была самоответственность, честность, самоконтроль. В голове «модульного человека» сидел не только полицейский, но и моралист. Признавалась, как отмечает М. Шелер, ценность заработанного и приобретенного собственным трудом, однако, по его же словам, происходило возвышение ценности полезного над ценностью жизни¹. Мораль превращалась в морали во множественном числе, но общезначимость этического не могла исчезнуть из общества, не развалив его. Мысль Зомбарта о том, что этика существовала только в капитализме XIX века, можно поэтому оспорить. Но проблема имеет сложность и остроту.

Вопрос о согласованности с этикой возникает не только в отношении экономики, но и в отношении политики, эстетических явлений и изучающих данные сферы наук. Это важно подчеркнуть, т.к. в каждой из сфер нет непосредственной моральной задачи, а неудовлетворенность их проявлениями часто связывают с нехваткой этического. Во всех выделенных случаях наблюдается трудность встраивания этики в собственное пространство этих сфер.

а) Сферы общества и этика

Признанные специалисты отмечают эту трудность. Так, Михаил Бахтин подчеркивает фундаментальную противоречивость эстетического и эти-

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. М., 1999. С. 167–179.

ческого¹. Английский философ Томас Гоббс показал, что законы морали не действуют в естественном состоянии, только государство способно заключить «общественный договор», превращающий моральные нормы в часть принятых правил и установлений. Отсутствие механизма вхождения этического в теоретическое и отнесенность первого к сфере практического разума, как считал Иммануил Кант, или к духовно-практическому освоению мира (в отличие от духовно-теоретического), как считал Карл Маркс, также указывает на отмеченную трудность, если ни на невозможность нахождения этического измерения теории. Применительно к экономической науке это четко выразил известный экономист маржиналистского направления, исходящий из принципа предельной полезности, Карл Менгер, справедливо утверждавший, что этическое направление применительно «к теоретической части «политической экономии» означает собой методологическое недоразумение, непонимание истинной сущности теоретического исследования в области народного хозяйства и его специальных задач... Требование этического направления точного учения о народном хозяйстве могло бы означать лишь то, что последнее должно дать нам точное уразумение не просто экономических явлений, но явлений, находящихся под влиянием этических тенденций, или даже лишь тех хозяйственных явлений, которые согласуются с требованиями этики — постулат исследования, который... решительно противоречит сущности указанного направления теоретического исследования»².

Известный немецкий политолог Карл Шмит считал, что в эстетике, политике и экономике разрешаются некоторые противоречия, ставится проблема выбора. В эстетике — это выбор между тем, что прекрасно, что безобразно; в политике — между другом и врагом; в экономике — между тем, что пригодно и что непригодно или рентабельно — нерентабельно. В науке, добавим, — что истинно, что ложно. В этике же обсуждается вопрос о том, что есть добро, что зло. С подобным определением задач этики согласны и изучающие ее специалисты. Так, английский этик Джордж Мур, которого некоторые называют Иммануилом Кантом XX века, писал: «... Чтобы определить этику, мы должны устано-

¹ Бахтин М.М. *Философия поступка* // Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984–1985. М., 1989. См. также: Федотова В.Г. *Практическое и духовное освоение действительности*. М. 1991. с. 66–101.

² Менгер К. Так называемое этическое направление политической экономии // Менгер К. *Основания политической экономии*. М., 2005. С. 492–493.

вить, что обще всем этическим суждениям и присуще только им... Такой... чертой является... то, что в них употребляется некоторое определение «хорошее» (предикат «добро») или его противоположность «плохое» (предикат «зло»), которые могут быть приложены как к поведению, так и к другим предметам»¹. Канта и Мура роднит то, что они оба являются критиками утилитаристской и эвдемонистически-гедонистической этики². Это значит, что они не считают добром лишь то, что ведет к осуществлению практических целей, и то, с помощью чего можно добиться счастья или удовольствия. Они исходят из автономности этики, в соответствии с которой добро хорошо само по себе, потому что оно добро, а не потому, что ведет к успеху, счастью или удовольствию. Это трудный пункт этических воззрений для современного человека, чаще всего понимающего добро так, как оно понимается в критикуемых учениях. Но Кант и Мур полагают, что этические принципы универсальны и приложимы ко всему, иначе говоря, в терминах добра и зла можно посмотреть на все.

По существу этический подход к сфере эстетического состоит в том, чтобы, отвечая на вопрос, что прекрасно, что безобразно, соединить его с проблемой что есть добро, что зло. В сфере политики возникает потребность совместить проблему «кто друг, кто враг» с моральной оценкой в терминах добра и зла. В сфере науки — связать с добром и злом истинность и ложность. Для экономики выбор между пригодным и непригодным надо поместить в рамки этического разделения добра и зла.

Возможно ли это? Некоторые из ответов мы уже видели, некоторые еще только предстоит увидеть, но для простоты приведем их все.

— Невозможно.

— Возможно:

а) лишь в практической и духовной сфере, но не в сфере теоретической;

б) лишь при историософском подходе к сферам общества, при помещении их в более широкий духовный контекст;

в) только тогда, когда между государством и обществом есть социальный контракт, устанавливающий некоторый социальный порядок, включая в который эстетика, политика, наука и экономика получают социальные, культурные, политические, правовые и этические ориентиры.

¹ Мур Дж. Принципы этики. М., 1984. С. 43.

² Эвдемонизм — учение, ставящее во главу угла достижение счастья; гедонизм — учение, оправдывающее жизнь, направленную на получение удовольствий.

Отрицательный ответ достаточно распространен.

Положительный ответ исходит из признания этических универсалий, раскрытие которых имеет ряд аспектов. Рассмотрим их в приведенном порядке.

а) В практическом и духовном мире замкнутость вышерассмотренных сфер общества преодолевается, и они включаются в систему, где действует этический разум. Так, Кант, следуя разделению практической и духовной сферы, настаивает на способности этики предписывать другим сферам, которые он репрезентирует сферой политики, границы допустимого. Но согласимся с Борисом Капустинным, что Кант при этом «довольствуется лишь оценением феноменов политики... Однако поскольку законы морали понимаются как нечто внешнее по отношению к политике (а также к экономике. — *Авт.*) и чуждое ее собственным механизмам, постольку упование на осуществление моральных предписаний приходится возлагать на случайное — на диковинную и неизвестно откуда берущуюся породу людей, которую Кант называет “моральными политиками”»¹, а мы могли бы назвать моральными агентами капиталистических отношений, моральными бизнесменами, работниками, бюрократией, одни из которых готовы, как думают многие, снизить норму прибыли ради более гармоничных и социально ответственных действий, другие — хорошо работать и третьи — честно урегулировать отношения первых двух групп между собой и с обществом.

б) В этом усомнился бы великий моралист Адам Смит, который «выкарабкиваясь» из идей своего первого произведения о природе нравственных чувств, вышедшего задолго до книги о богатстве народов, писал, что пивовар нам ценен не тем, что он хороший человек, а тем, что он варит хорошее пиво. Что касается морали и рынка, аргумент Адама Смита о том, что пивовар интересен нам тем, что варит хорошее пиво, а не тем, что он хороший человек, повторяется в докладе А.А. Гусейнова «Мораль и рынок» на примере конструктора, который плохой человек, но может делать хорошие самолеты, в отличие от плохого конструктора, но хорошего человека. Тут новое расхождение личных добродетелей и профессиональных результатов, несущих благо обществу. Не сводя действия рынка к культивированию эгоистических мотивов, А.А. Гусейнов видит в нем общественную форму использования мотивов наживы, укрошенных социальным институтом рынка и обществом в целом. В романе «Приваловские миллионы» Дмитрий Мамин-Сибиряк показывает заводчика, стремящегося к справедливости на своем предприятии и в силу этого разорившегося. Роберт Оуэн — социалист-утопист — устроил на

¹ Капустин Б.Г. Моральный выбор в политике. М., 2004. С. 7.

своей фабрике социалистическое предприятие с детскими садами и прочим, но это не сделало его более успешным капиталистом.

Проблемы социального перераспределения дохода бизнес может решить на выгодных для себя условиях — благотворительности, освобождающей от налогов, поддержке власти, на персональном уровне, за оказанное лоббирование или помощь. И, наконец, если слаба нравственность бизнес-сообщества, но сильно право, бизнесмены не могут быть какими угодно. М. Ходорковский из заключения писал о том, что у бизнеса не было ограничителей — не было левой оппозиции, не было социальных ограничений. Эти ограничители создает общество — политика, право. Оно определяет базовые нормы и границы вседозволенности. Этика общества выступает как важнейший, но не непосредственный ограничитель. Известны случаи, когда выбирались более эффективные и менее моральные политики (пусть некто, раз он хороший семьянин, занимается семьей, а другой — активный политик, хоть и пьяница, пусть идет в президенты — реальный случай выбора в американской политике XIX века).

б) Ответ Смита о роли этики в экономике включает два следующих в приведенном списке оправдания этики. Для него «экономическая наука была частью спекулятивной философии, величайшие практики этой науки признавали хрупкость своих построений. В глазах профанов, однако, экономика значит гораздо больше: она заняла место, освободившееся с упадком религии и отсутствием общественного консенсуса в вопросах морали; теперь она все больше занимает политиков, представляется панацеей от всех зол, даже залогом личного удовлетворения. Из предмета специального, технического, разъяснившего устройство общества так же, как медицина разъясняет устройство человеческого тела, она все больше превращается в самоцель, формулирует цели общества, мотивы действий, побуждения. Моралист Смит ужаснулся бы, увидев это»¹.

в) Однако дело не только в этом. Последний аспект: главное для Смита — целостность общества и наличие в нем моральных людей, которые в имеющемся социальном порядке способны морально урегулировать любую сферу.

Придерживаясь этой последней точки зрения, обратимся к анализу этики капитализма ниже, помня о том мнении Зомбарта, что связь этики и капитализма закончилась в XIX веке. Это мнение нам хотелось бы оспорить.

¹ Дэвис Н. История Европы. М., 2004. С. 44.

**б) Основные пути проникновения этики
в капиталистическую экономику**

Есть несколько путей религиозно-этического влияния на капитализм:

- рутинизация харизматических религиозно-этических идей;
- трансцендирование экономики к религиозным или этическим идеям;
- национальная система политической экономии;
- идеи национальной экономики, построенной на основе собственной идентичности и национализма;
- проникновение этических норм в общество через корпоративную бизнес-этику и рождающиеся в ней автономные этические ценности, описанное выше.
- отделение экономики от общества в качестве инструмента и следование собственным этическим принципам общества.

РУТИНИЗАЦИЯ ХАРИЗМАТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Рутинизация харизматических идей соответствовала рождению капитализма из духа протестантской этики на Западе. Она описана Максом Вебером и освещена в литературе¹. Суть этого способа исторически конкретна, демонстрирует уникальность Запада и никем не была воспроизведена позже. В условиях распада средневековой жизни по правилам и перехода к жизни по своей собственной воле, жизни, полной неясности и стремления к гедонизму, протестантская секта искала путей к спасению перед Богом и нашла их в упорном труде, трудовой аскезе, бережливости. Секта увидела измеритель отношения Бога к человеку без посредничества церкви в результатах его труда, в успехе и богатстве, которым Бог награждает упорный труд.

Харизматические идеи секты рутинизировались, превратились в обыденность теми людьми, кто пытался жить так, как учила секта, независимо придя к сходным мотивам — труду и бережливости. Они увидели оправдание своего образа жизни в ее идеях, а также теми, кто нашел в этих идеях путь к осмысленному и привлекательному для них образу жизни. Протестантизм стал мощной христианской конфессией. При рутинизации пафос протестантской этики заменялся ее имманентным вхождением в ткань капитализма. Этика протестантизма стала составной внутренней частью, осью капиталистического накопления и общества в целом, ставшего формой достижения рационального экономического интереса и отказа от грабежа, воровства, войны и других способов нечестной наживы. Эта идеальная модель игнорирует, понимает-

¹ Там же. С. 61–91.

ся, ужасы первоначального капиталистического накопления, трагедию индустриализации и переселения людей в города. Она анализирует итог генезиса цивилизованного капитализма на Западе, для которого потребовалось время.

ТРАНСЦЕНДИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ
К РЕЛИГИОЗНЫМ ИЛИ ЭТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ

Как уже было отмечено, рутинизация харизматических идей как способ проникновения этики в капиталистическую экономику и капиталистическое общество в ходе его генезиса — случай уникальный.

Гораздо более распространенным является ситуация стихийного складывания капиталистической экономики и попытка поднять, трансцендировать ее до некоторых религиозно-этических идей. Возможно, такой способ исторически сложился в капитализме католических стран. Ведь капитализм на Западе возник не только в протестантских странах, но и в католических. Обычно капитализм в католических странах Запада объясняется не из концепции Вебера, а из открытий Эмиля Дюркгейма — разделения труда, рационализации, органической солидарности. Очевидно также влияние опыта протестантских стран в плане приобретения обществом относительной самостоятельности от государства. Но этический источник — скорее всего Фома Аквинский. Такие черты его учения, как богоподобие человека, естественный закон тождества божественного и человеческого, рассуждения о приемлемом и неприемлемом в финансовой деятельности, признание роли государства в достижении общего блага, порядка и рациональности, тождества сущего и блага, понимание морального добра как меры, снятия противоречий порочных склонностей сыграли роль в становлении этики при формировании капитализма в католических странах Западе. Главное здесь — рациональность и мера как принципы этики. Исторически встраиваясь в культуру этих стран через католицизм, учение Фомы Аквинского подготовило в католических странах почву для капитализма. И все же капитализму католик сопротивлялся как дисциплине, порядку, твердому заданию. Поэтому протестантские страны остаются более успешными в экономике, чем католические.

В шестнадцатой главе своего знаменитого труда «Оправдание добра. Нравственная философия», названной «Экономический вопрос с нравственной точки зрения», русский философ В.С. Соловьев отмечает простую сущность экономического вопроса, состоящую в том, что обособление экономической жизни от нравственных условий человеческой деятельности, допускаемое экономистами и социологами, является ложным и безнравственным. «Как свободная игра химических процессов

может происходить в организме только умершем и разлагающемся, а в живом эти процессы связаны и определены целями биологическими, так точно свободная игра экономических факторов и законов возможна только в обществе мертвом и разлагающемся, а в живом и имеющем будущность хозяйственные элементы связаны и определены целями нравственными... Нет и не было в человечестве такого низменного состояния, когда материальная необходимость добывания жизненных средств не осложнялась бы нравственным вопросом»¹. Соловьев видит несостоятельность ортодоксальной либеральной или анархической политической экономии в отделении хозяйственной области от нравственной, а несостоятельность социализма в их смешении². Эту позицию он аргументирует тем, что нечто, вырванное из связи с другим, в познавательном плане ложно, а в этическом безнравственно. «Для истинного решения так называемого “социального вопроса” прежде всего следует признать, — говорит Соловьев, — что норма экономических отношений заключается не в них самих, а что они подлежат общей нравственной норме, как особая область ее приложения»³. Причем, заметим, что Соловьев говорит не о хозяйственной жизни и экономике традиционных обществ, а об обществах капиталистических, размышляя о труде и капитале, распределении собственности, обмене. Он сакрализует значение труда, видя побуждение к нему как результат всеобщей заповеди, а не своекорыстия и личного интереса.

Попыткой осуществить трансценденцию стихийно сложившихся отношений российского капитализма были усилия Сергея Булгакова с христианских позиций рассмотреть реальность не только такой, какой она является, но и выяснить то, какой она *должна быть* и каковы основания и возможности сделать ее другой. В своей работе «Краткий очерк политической экономии», опубликованной в 1906 году, и в других трудах он осуществляет этот замысел. Замысел отдельного человека — это, несомненно, не замысел культуры, пробивающий себе дорогу, как это произошло в случае с католицизмом.

Первый том «Капитала» Маркса был переведен в России в 1872 году, а второй — в 1885, уже после смерти Маркса, третий том — в 1894 году. Булгаков, как и многие его современники, был увлечен марксизмом, постепенно осознавая, что российский путь не может быть похож на запад-

¹ Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В.С. Сочинения. Т. 1. М., 1988. С. 70.

² Там же. С. 407.

³ Там же. С. 417.

ноевропейский, т.к. Россия — крестьянская страна с нерешенным аграрным вопросом. Начиная отходить от марксизма уже в 1901 году, в рассматриваемой работе Булгаков ставит вопрос «о задачах политической экономии в христианском их понимании»¹. Он смотрит на капитализм как овладение человеком силами природы, высвобождение из нее ради поддержания жизни и накопления того, что Булгаков называет народным богатством. Именно ради него осуществляется процесс подчинения природы и освобождения человека в форме капитализма, а не для обогащения только отдельных лиц. Народное богатство отличается, по Булгакову, от богатства личного. Оно говорит о способности всего народа владеть всем необходимым для того, чтобы жить своим трудом, воспроизводить условия такой жизни. Это «достигнутая мощь человеческого гения в борьбе с природой... политическая экономия... в этом смысле есть наука, изучающая условия высвобождения человека от рабства природы»². Но так как быть свободным — задача христианина, то и политэкономия, изучающая высвобождение человека от природы, может стать христианской. Как христианскую, политическую экономию волнует то, что «рост богатства, увеличивающий силы человека и пробивающий стену отчуждения между человеком и природой... создает для него более широкие возможности духовной жизни, открывает перед ним новые широкие перспективы, но не решает за него, не предопределяет того употребления, которое сделает из них единичный человек и совокупное человечество. Оно может воспользоваться этой свободой как условием духовного роста, как путем ко Христу, но может употребить ее и совершенно иначе, впад в духовное искушение или от самомнения, питаемого сознанием своих успехов, или от грубого плотского соблазна роскоши, увеличения низменных, недуховных наслаждений жизнью; тем самым оно впадает в гораздо более глубокий и прочный духовный плен, нежели даже тот, от которого оно только что освободилось»³. Хотя иногда в тексте работы еще встречается упоминание социализма как возможной альтернативы капитализму, в целом Булгаков полагается на значимость капитализма в эмансипации людей от природы. О других видах эмансипации и свободы Булгаков не говорит, несмотря на прежний марксистский опыт.

При этом он неустанно подчеркивает, что развитие капитализма амбивалентно в отношении добра и зла, зависит от людей. В Евангелии,

¹ Булгаков С.Н. Краткий очерк политической экономии // Булгаков С.Н. О рынках при капиталистическом производстве. М., 2006. С. 163.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 167.

утверждает он, запрещался не хозяйственный расчет, без которого невозможно самое хозяйство, «но хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которым замирает в человеке духовная его жизнь»¹.

На политическую экономию Булгаков возлагает не только анализ истории и теории капитализма, системы хозяйства, причинных зависимостей, различных форм, но и социально-технологические задачи, а также считает неизбежной для политэкономии цель быть чем-то вроде *прикладной этики*: «Два основных принципиальных вопроса ставятся для разрешения пред экономической мыслью: вопрос об успешности человеческого труда, или о развитии производительных сил человека, т.е. о прогрессе экономическом, и вопрос о распределении производимых благ в обществе и о справедливом устройстве экономических отношений людей между собой, т.е. о прогрессе социальном»². Обратим внимание, что подобно тому, как для Дж. Роулза автономным моральным источником его концепции была избрана признанная американцами черта — *честность*, для Булгакова ею выступает признанная в качестве добра моральная черта — *справедливость*. В море несправедливости этот моральный идеал сохранял свою автономию и жизненную силу. И потому не случайно, что «либерализм без справедливости» 90-х, как его назвал либерал Игорь Клямкин, вызвал к жизни личное обогащение и жадность, а не заботу о народном богатстве. Как и Вебер, и, представляется, что вслед за Вебером, Булгаков говорит, что рост богатства не должен достигаться насилием, разбойничеством, грабежом.

Вебера мы упоминаем не случайно. Вебер изучил русский язык, чтобы понять революцию 1905 года в России, он переписывался с Булгаковым по поводу этой революции, чтобы выяснить, какую мотивацию православие может дать буржуазному обществу. Он пришел к неутешительным выводам о неспособности православной церкви дать идеал трудовой, а не мирской аскезы, а участников революции — кадетов и социал-демократов — обвинил в отсутствии духовных оснований, в материализме, в непонимании ценности свободы. Он упрекал российское общество в отсутствии духовной революции, делающей капитализм привлекательным для народа, в непонимании значимости политических свобод и права. Вебер полагал, что упование на этические идеалы, этическое своеобразие в условиях господствующего материализма революционеров не раскрывает перспектив понимания того, способны ли российский

¹ Там же. С. 169.

² Там же. С. 174.

капитализм и российское общество сохранить эту перспективу с переходом в буржуазное общество¹. Год опубликования рассматриваемых сочинения Булгакова и статьи Вебера о Первой русской революции для немецкой печати совпадают — 1906-й. Но эти статьи имеют и большие отличия друг от друга.

Если взять не только Вебера, но и русских авторов, глубоко религиозных и национальных, то и они имели иные взгляды, чем Булгаков. Выдающийся русский историк Н.Я. Данилевский, который также подчеркивал значение справедливости, писал в книге «Россия и Европа», изданной задолго до «Краткого очерка политической экономии» Булгакова — в 1871 году, что наряду с религиозной, политической, культурной деятельностью в славянском мире и в России как развитом государстве славянского мира должна сложиться «*деятельность общественно-экономическая*, охватывающая собою отношения людей между собою не непосредственно как нравственных и политических личностей, а посредственно — применительно к условиям пользования предметами внешнего мира, следовательно, и добывания и обработки их»². Булгаков был блестящим теологом и экономистом, показавшим значимость хозяйственной деятельности как служения. И сегодня кажется, что время стоит на месте. С революции 1905 года Россия пережила много турбулентных событий, сохранив сквозь них *моральную автономию справедливости*, глубоко живущую в народе и проявляющуюся в том числе и в превращенных формах добывания благ любой ценой как способу достижения справедливости.

Православная церковь в России сегодня подготовила и социальную программу, и документ о религиозно-этических требованиях к бизнесу (проинтерпретированные под эти задачи десять заповедей), но православные тексты по проблемам экономики не дотягиваются ныне до представленного Булгаковым, но не нашедшим применения образца. В них нет отношения к бизнесу как служению обществу, стране, человечеству, нет образцов современного труда. Примеры искупляющего тяжелого физического монастырского труда сегодня не современны в социальном плане, хотя этическая сила в них имеется, но сила, которая в целом в секулярном и к тому же многоконфессиональном обществе многих не убеждает.

¹ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Зима 1998. Т. I, № 1. С. 211–216; Весна 1998. Т. I, № 2. С. 261–315.

² Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С. 472.

И все же основная слабость религиозной этики капитализма, пытающейся трансцендировать реальную экономику, состоит в том, что, не сумев осуществить это на раннем этапе капитализма, когда потребности были делом свободного выбора людей и они могли воспринять религиозные указания, переделанные для экономического поведения десять заповедей теперь этого обеспечить не могут. Потребительская религия — не дело свободной воли людей сегодня, она возвращена капитализмом, с 50–60-х годов XX века превратившимся на Западе в потребительский капитализм. Джон Гэлбрейт, Жан Бодрийяр и другие показали, что вера в господство потребительских интересов, в их способность диктовать производству является иллюзией, сознательно сформированной техноструктурой, формой манипуляции, созданной позднеиндустриальным капиталистическим производством. Именно техноструктура позднего капитализма и СМИ как его информационная структура поймали человека в ловушку, диктуя индивидам, что потреблять, формируя ложные потребности и всю бесконечность потребительского гедонизма, выйти из которого для многих значит выйти в никуда.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Обозначенная в подзаголовке позиция ее противниками часто называется экономическим национализмом, но на самом деле в ней речь идет о том, что аграрные страны не могут сравниться в своей конкурентоспособности с промышленно развитыми гигантами, не имея национально-государственных целей и протекции государства. Концепции национальной системы политической экономии менее известны широкой публике, но представляют большой интерес. Неолиберальная гипотеза максимизации предполагает, что спрос и предложение равны, т.к. все факторы расположены внутри экономической системы. Но эта формула эластичности не работает. Сюда подключаются социальные, политические факторы, роль государства. Обнаруживается такое скатывание в потребительство, которое сопоставимо с лозунгом «Хлеба и зрелищ». При рассмотрении новых капитализмов в Азии, капитализма в России сегодня все чаще возлагаются надежды на то, что национальный характер их экономик и будет гарантом их этической приемлемости. Казалось бы, глобализация ослабляет Вестфальскую систему, и моральные опоры глобального капитализма надо искать в ней самой. Но дело обстоит совсем наоборот. Моральные основы сегодня ищут в ближайших средах — в сообществах людей в отличие от обществ, в обществах национальных государств в отличие от глобального общества.

Книга немецкого экономиста Фридриха Листа «Национальная система политической экономии» стала предметом ожесточенных споров

в XIX веке. Лист выступает в этой книге против свободной торговли, принципиальным противником Адама Смита и Давида Риккардо, считая, что принцип свободной торговли закрепляет преимущества развитых стран, а странам догоняющей модернизации нужен таможенный протекционизм для подъема их экономики. Лист рассматривает отдаленные последствия экономики Германии и других стран второго эшелона развития, считая такой подход практически правильным, и не особо интересуется теорией. Практика действительно подтвердила, что к свободной торговле Англия смогла перейти на основе успеха, достигнутого протекционизмом. То же произошло в конце XIX — начале XX века с Германией и Россией (1895–1913 годы).

Сергей Витте прочел Листа на русском языке в издании 1891 года и оценил понимание им того, что Россию обстоятельства вынуждают прибегнуть к защите самостоятельности существующей в ней коммерческой системы¹. Он отмечает положительное влияние протекционизма на российскую экономику, и, заметим, говорит это в условиях *первой глобализации* — господства английской free trade, оборванной затем Первой мировой войной и такими системными оппозициями, как национализм, коммунизм, фашизм. Благодаря протекционизму, по мнению Витте, Россия вышла на внешние рынки. Он с пониманием цитирует слова Листа о том, что Германии незачем обижаться на Россию за политику ущемления ее экономических интересов, т.к. страна (национальное государство), как и человек, считает свои собственные интересы самыми важными и обязана их преследовать. Витте заключает, что Россия могущественна тогда, когда находится в состоянии национального единства, и только это позволяет ей пережить «невзгоды судьбы и неразумия». И потому он призывает наблюдать за тем, чтобы «*всякое поколение преследовало дело промышленного прогресса, начиная с того положения, до которого довело его предыдущее*, пусть ранее, нежели давать советы, начнет с изучения английской промышленности» (курсив Витте. — С.В.). Заметим, что Лист был специалистом по государственному управлению и не создал своей экономической теории. В таком же положении был Витте. Россия спорила: всечеловечность В. Соловьева или развитие нации во имя достойного вхождения в мир человечества. Оба они — Лист и Витте — стояли на второй точке зрения в отношении России. Их этика похожа на булгаковскую в том, что ставит вопрос о *справедливости в отношении народа и о его богатстве*, а также о его *достоинстве*, которое может быть подтверждено способностью догнать более развитые страны.

¹ Витте С.Ю. Национальная экономия и Фридрих Лист (1889) // В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией. М., 1997. С. 389–372.

Маркс знал концепцию Листа. С одной стороны, он был готов видеть в растущей буржуазии отсталой феодальной Германии прогрессивную силу, ведущую к капитализму как более высокой стадии развития. С другой стороны, он полагал, что экономисты отсталых стран не могут внести вклада в экономику и практически реализовать его. Он отрицал экономическую доктрину, исходящую из национальных интересов как реакционную и именно так воспринимал концепцию Листа. Эксплуататором для Маркса в отличие от Листа был капитализм, но не Англия¹. Маркс не верил в победу коммунизма в одной стране и не признавал национальных путей развития капитализма. Для него это была мировая система, интернационализирующая как буржуазию, так и пролетариат. И если буржуазия могла быть в отсталых странах революционной силой, то пролетариат не имел отечества.

Эрик Хеллейнер описывает еще три, кроме концепции Листа, случая национально-государственной политической экономии в XIX веке в качестве вызовов экономическому либерализму, рассматриваемого им в тесной с связями идей «Писем к немецкой нации» Йохана Фихте². Это:

— Макроэкономическая политика, предлагаемая английским экономистом Томасом Оттвудом даже для Англии его времени (1783–1856) (критика золотого стандарта). Этот экономист полагал, что введение золотого стандарта вредит национальным экономикам, представляет для них одну из самых серьезных угроз. По его мнению, неконвертируемость валюты является серьезной защитой национальной экономики. Отчасти его защита национально-государственного суверенитета в экономике смыкается с идеей национально-особенной экономики. Он развивает в менее выраженной форме то учение о способности государства увеличивать или уменьшать экономическую активность, которое позже было предложено Джоном Меньярдом Кейнсом. Учение Оттвуда и его политика подтверждают слова Витте о том, что надо посмотреть на то, как Англия, прежде чем нуждаться в свободной торговле, защищала свою промышленность.

— Анархический экономический национализм (Иоганн Готлиб Фихте и Адам Мюллер). Фихте известен своим трудом «Замкнутое торговое государство» (1800), в котором есть порядок, но нет свободы. В разном-

¹ Szporluk R. Communism and Nationalism: Karl Marx vs. Friedrich List. Oxford, 1991.

² Helleiner E. Nationalism as a Challenge to Economic Liberalism? Lessons from the Nineteen Century. TIPEC Working Paper 02/3. www.trentu.ca/org/tipecs.

кнута же государстве есть свобода, но нет порядка. Чтобы преодолеть это, говорил Фихте, надо помыслить общество иначе. Фихте считал необходимым для государства сохранять экономику, интервенционистски проводить экономические цели своего народа. Здесь элементы национально-государственных целей сочетаются с идеями значимости для экономики национального характера, духа, достоинства.

Мюллер (1779–1829) проводил сходные идеи, критикуя либеральную политику Миттерниха в Австрии. По его мнению, государство обязано исходить из идеи национального достоинства, гордости, честности в экономической сфере, т.е. является *проводником этики* в своей экономической политике. Он считал, что космополитическая идеология разрушает этику стран и сообществ с более устойчивыми автономными моральными ценностями.

— Либеральный экономический анархизм утверждал негативность перспективы свободной торговли и золотого стандарта как несовместимых с национальными ценностями. Все концепции национально-государственной автономии экономики боролись с либерализмом, склонным с определенных пор — с момента достигнутого экономического могущества Англии, а сегодня США — к глобализации экономических отношений. Как отмечает Хеллейнер, «очевидно, что политический национализм стал триумфатором в тот же самый период, что и либеральная экономическая политика»¹. По мнению этого исследователя, многие английские экономисты не считали себя наследниками Листа, хотя были ими, открывая свою экономику после достижения Англией экономического могущества, и видели в этой позиции этический смысл установления справедливости в отношениях между народами.

Автономный моральный источник этих концепций — *любовь к своей стране, патриотизм как идентичность по гражданству*. Сегодня распространена критика любви к своей стране как варварства. Варвары жили вне стран и цивилизаций. Патриотизм не должен стать прикрытием эгоистических интересов, злых умыслов, агрессии и презрения к другим народам. Как говорил Чаадаев, он не научился любить свою родину с закрытыми глазами. Но уроки, в том числе и моральные, несвоевременного «открывания» нуждающейся в защите экономики — это и моральные уроки отсутствия ответственности перед своим народом и несправедливости по отношению к нему.

Проект национальной политической экономии имеет либеральную перспективу тогда, когда создано то, с чем можно выйти на глобальный рынок, и это не только и не столько ресурсы. Если Россия станет добы-

¹ Ibid. P. 20.

вать нефти меньше, ее добычу увеличит Саудовская Аравия или Венесуэла.

идеи национально-особенной экономики

Концепции национальной политической экономии не исходят из национальной идентичности или национализма. Их устремление — защита национально-государственной экономики ради ее конкурентоспособности, с перспективой и предположением о лидерстве и равенстве на международной арене.

Иногда в них присутствует идея учета национального характера, специфики бизнеса ради поставленных целей. Опыт посткоммунистических трансформаций свидетельствует, что значение культуры очень велико. Либеральная модель плохо приживается в обществах с мироотреченческой нравственностью, идеологией нестяжательства, мирской аскезой, готовностью к подвигу, а не достижительности (термин американского социолога Т. Парсонса, которым он отличает человека Запада, устремленного к достижениям от созерцательного незападного человека), что характерно и для России. Поэтому существуют концепции, в которых эти особенности предполагается имплантировать в хозяйственную этику.

Обращаясь к капитализму в России царского периода, Н.С. Зарубина, Ю.М. Осипов и другие находят в нем способность к освоению и адаптации этих ценностей — сохранение коллективистской артельности, коммуитаристской общинной этики, идеи служения, всего опыта традиционного хозяйствования и соответствующих ему идеальных факторов и освоение на этой основе новых экономических отношений. Уделяется здесь внимание и религиозной культурной специфике.

Итак, мы рассмотрели Первую великую трансформацию со всеми присущими ей процессами — генезисом капитализма, формированием Вестфальской системы национальных государств, вызреванием капитализма до классической фазы, перестраиванием отношений экономики и общества в пользу доминирования экономики, в отличие от прежней ее подчиненности обществу; формирование техногенной цивилизации и развитие установки на утилизацию знания, возникновение свободного, автономного и ответственного индивида, затем «модульного человека», упрощаемого впоследствии до человека «экономического», превращение свободного рынка в поддерживаемую государством цель, распространение западного капитализма в другие страны посредством их преимущественно догоняющей модернизации, первую глобализацию, которая вызрела из модернизационного процесса и была оборвана Первой мировой войной, этические отношения, которые были предпосыл-

кой капитализма, никогда не исчезали, но утрачивали метафизический характер и уходили на периферию.

Обрыв первой глобализации подорвал сущность капитализма этого этапа — его либеральный характер и выявил некоторые проблемы соответствующей ему Первой современности. Началась Вторая великая трансформация и складывание новой — Второй современности.

Вторая великая трансформация:
между двух глобализаций
(1914–1989)

Итак, Первая великая трансформация охватила длительный период формирования и развития либерального капитализма, пиком которого стала первая глобализация. На этом этапе изменилась рациональность капиталистического общества, ставшая целе-рациональностью, в отличие от ценностной рациональности традиционных обществ, сложилась первая целерациональная система капитализма — экономика. Началась утилизация знания. Государство сформировало необходимые для жизни стандарты, «модульного человека» как твердое основание западного образа жизни в лице автономного и ответственного индивида. Буржуазные нации сложились при поддержке государств, возникших на Западе в результате Вестфальского мира. В капиталистическом обществе возникла органическая солидарность, связанная с разделением труда, подобным специализации органов. Смит считал разделение труда полезным для достижения экономической эффективности, но оглуляющим население. Произошла либерализация торговли. Либеральный капитализм обладал способностью к саморегуляции.

Критик капитализма Маркс рассматривает капитализм этого периода как имеющий цивилизационную миссию: «Буржуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации. Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам. Под страхом гибели заставляет она все нации принять буржуазный способ производства, заставляет их вводить у себя так называемую цивилизацию, т.е. становиться буржуа. Словом, она создает себе мир по своему образу и подобию»¹. Далее он продолжает: «Буржуазия показала, что грубое проявление силы в средние века, вызывающее такое восхищение у реакционеров, находило себе естественное дополнение в лени и не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 4. С. 428.

подвижности. Она впервые показала, чего может достигнуть человеческая деятельность. Она создала чудеса искусства, но совсем иного рода, чем египетские пирамиды, римские водопроводы и готические соборы; она совершила совсем иные походы, чем переселение народов и крестовые походы»¹. Но генезис капитализма, включавший первоначальное капиталистическое накопление, промышленная революция были огромным социальным потрясением. И всевозрастающая роль либеральных начал привела к доминированию экономики над обществом. Именно это создало кризис, за которым последовала новая попытка измениться и ввести найденный способ изменения в ранг стабильной тенденции — Второй великой трансформации.

¹ Там же. С. 427.

Глава 1. Кризис реконвенционализации

Весьма любопытную и важную для нас в методологическом плане периодизацию современности предлагает немецкий исследователь П. Вагнер. Она основана на представлении о сменяющихся типах современности, каждая из которых в своем завершении испытывает серьезный кризис, но люди находят силы, чтобы преодолеть его и перейти в новому типу современности.

а) Методология

Вагнер утверждает, что в истории современного общества, современности, было два кризиса: 1) с конца XIX века до конца Первой мировой войны; 2) с конца 60-х годов XX столетия до середины 90-х годов.

Он выделяет три типа современности: 1) либеральная современность — XIX век; 2) организационная современность — между выше обозначенными кризисами — 1914–1960 годы; 3) ожидаемая либеральная современность, где предполагается ослабление институционализации и большая связь с человеческой деятельностью¹.

Вагнер пишет: «...кризисы существуют, когда не выполняются репродуктивные нужды системы... (не работают. — Авт.) институты как стабильные сети социальных конвенций, и мы можем смотреть на образование таких институтов как на процесс конвенционализации, и кризис будет отмечен тенденцией к реконвенционализации, за которой последует следующая сеть конвенций... Кризисы тогда могут быть объяснены как периоды изменения индивидами и группами своих социальных практик...»²

Термин «конвенциональный кризис» нам очень нравится. Здесь социолог подает руку философу. Дело в том, что философ назвал бы это ценностным кризисом и оказался бы в огромном море бесчисленных

¹ Wagner P. Soziologie der Moderne: Freiheit und Disziplin.

² Ibid. S. 30.

ценностей. Хотя термины «западные ценности», «ценности капиталистического общества», «ценности техногенной цивилизации» приближали бы этот постоянно удаляющийся горизонт «ценностей вообще», они не могли бы его сузить до ценностей, по поводу которых существует договоренность, в которых живут даже те, кто считает их несправедливыми, обретших характер данности, общезначимости, почти квазиприродности. Кроме того, философу не удалось бы сгруппировать те конвенционально принятые ценности, которые открывают новые виды практик. И последняя причина: внезапность реконвенционализации, кризиса дает исторические уроки: ни одно состояние общества не является совершенным и тем более завершенным, в нем зреют новые процессы, бродят новые силы, взрываются новые идеи. И потому нельзя быть самонадеянным в отношении квазиприродного состояния общества и вечности конвенций.

Убедившись в том, что обвинения в адрес либерализма идут по линии критики превращения человека в товар, обратимся к тем философско-антропологическим предпосылкам человеческого общества, которые не устранимы и являются базовыми при любом социальном порядке.

Надо отметить, что, по-нашему мнению, в отличие от сказанного Вагнером, со второй трети XIX века вплоть до начала Первой мировой войны капитализм не испытывал серьезного кризиса. Это было время первой глобализации, т.е. наибольшего процветания либеральных начал. Только Первая мировая война противопоставила национализм глобальному капитализму и либерализму в качестве системной оппозиции, следствием которой стали социал-демократия, буржуазная и социалистическая революции в России, раскол мира на две социальные системы после Октября. Именно эти события создали кризис конвенционализации, когда рухнула прежняя вера в прогрессивность либерального капитализма, потеряли значение все прежние конвенции.

Но уже в ходе Первой мировой войны начинали создаваться новые конвенции — справедливости в отношении стран более позднего развития, преобладания национально-государственных интересов с одновременным революционным отрицанием этой конвенции (в России — большевистским меньшинством, а затем, по мере тяжести и бессмыслицы участия России в Первой мировой войне, и массами). Великая Октябрьская социалистическая революция «втокнула» в общество конвенцию социальной справедливости между классами. Затем последовали Вторая мировая война, холодная война, вновь выдвинувшие на передний план конвенцию национально-государственного суверенитета и процветания, возник рост организованности капитализма, перехода Запада в конце 1950–1960-х годов в потребительское общество, форми-

рование технической рациональности и технократического управления. Подъем Японии и других азиатских «тигров» разрушил принятые конвенции, побудив думать о новых в терминах постиндустриального общества. Две мировые войны способствовали росту государственного капитализма, таможенному протекционизму, расколу мира на блоки и две социальные системы после социалистической революции в России.

Общая схема философско-антропологического строения общества является необходимой формой для любых типов общества и этапов в его развитии. Для каждого из них она наполняется конкретным содержанием.

б) Ослабление органической солидарности капиталистического общества

Первая мировая война смела стабильно существовавший более века порядок, показав неестественность и неприемлемость для ряда народов либерального капитализма. Доминирование экономики над обществом стало чертой тех стран Запада, которые завладели ключевыми позициями в мировой экономике. Для тех стран, которые не получили столь привилегированного положения, стали неприемлемыми не только конвенции в отношении либеральных ценностей, но и сам либеральный порядок Первой современности. Война была разрушением прежних конвенций и прежнего порядка, с одновременным предложением и навязыванием новых конвенций и нового мирового порядка по причинам, которые в целом понятны.

Во-первых, модернизация незападных стран, их попытка догнать Запад привели к трансляции туда западных экономических моделей. В результате экономика этих обществ отделялась от других сфер их жизни и превращалась из инструмента в доминирующий фактор. При трансляции западных моделей экономического развития в другие страны рынок в них и в целом в мире стал опережать социальное обустройство. Во многих странах, следовавших догоняющей модернизации, не хватало социальных, культурных, политических и экономических предпосылок для этого. Первая мировая война, Вторая русская буржуазная революция, Великая Октябрьская революция, рост национализмов и фашизма явно выступили как системные оппозиции либеральному капитализму. Версальскую систему, пытавшуюся наказать Германию за нарушение Столтенного либерального мира, Дж.М. Кейнс осудил как чреватую предпосылкой нового стремления Германии к реваншу. Свободная торговля первой глобализации оказалась не слишком равной для стран-участниц глобально экономики по своим возможностям, и первая глобализация отличалась неравномерностью и несправедливостью.

Во-вторых, среди многообразных факторов, повлиявших на трансформацию капитализма в новую для него фазу, особо выделим направленность на непрерывную инновацию товарного производства. Инновация стала целью и смыслом экономической деятельности. Она же изменила характер труда при капитализме. Смысл инновации — во многом отрицательный. Она «убивает» плохие вещи, непрерывно производя все более совершенные. Экономический эффект от ее внедрения тем выше, чем больше товара она убирает с рынка. Ясно, что эффективность инновации возрастает с использованием научных открытий. Поэтому развитие капиталистического производства товаров всячески стимулирует научный поиск сберегающих технологий. Настроенность на инновации сдвигает акцент в потреблении при непрерывном функционировании капиталистической экономики. Потребление материальных товаров — будь то автомобили, дома, продукты питания, одежда — имеет естественные ограничения, в частности по времени. Потребление нематериальных товаров — идей и символических смыслов — таких ограничений не имеет. При сдвиге потребления с материальной сферы на нематериальную снимаются временные ограничения. За единицу времени можно потреблять неизмеримо больше идей, чем вещных предметов.

Движение экономики в сторону сберегающего производства своей оборотной стороной имеет проблему занятости высвобождаемых из этого производства людей. Ведь инновационная деятельность направлена, в частности, и на улучшение всех инструментов, посредством которых происходит преобразование сырья в конечный продукт. В результате направленности на оптимизацию меняется объем используемого капиталистической экономикой труда. Человек — инструмент производства, по крайней мере в развитых экономиках, вытесняется все более эффективными машинами. Получается, как мы уже отметили, что люди, вытесненные в экономику объективными изменениями, оказываются этой самой экономике ненужными. Человек выпадает из связей, обуславливающих органическую солидарность.

И, наконец, в-третьих, ключевым фактором, повлекшим за собой ослабление органической солидарности, стало формирование массовой культуры. Трансформация общества, структурированного органическими связями, в массовое общество протекала одновременно с превращением «экономического человека» и «разумного эгоиста» в потребителя брендов, марок и идей. Массовая культура постепенно стала тем коллективным сознанием или коллективным мифом, которые подменили собой индивидуальность сознания личности, унифицировали личность до человека толпы, спянной теперь механическими связями нового квазитрадицио-

нализма¹. При этом массы людей были вытеснены из сферы производства в сферу стандартизированного потребления. Свободные автономные человеческие индивидуальности, вовлекаясь в общее экономическое дело, цементировали общество в единое целое. Но когда такие индивидуальности перемещаются из сферы экономической деятельности в сферу потребления, они становятся снова молекулами — на этот раз уже потребительского общества. Коллективное сознание — теперь не в виде мифа, а в форме массовой культуры — снова унифицирует индивидуальность до человека толпы. Отметим, что Дюркгейм отводит разделению труда, то есть процессам в экономической сфере, конституирующую роль, ранее осуществляемую мифологическим сознанием в традиционных обществах. «Именно разделение труда все более и более исполняет роль, которую некогда исполняло общее сознание; именно оно главным образом удерживает единство социальных агрегатов высших типов»².

Свободные автономные человеческие индивидуальности, вовлекаясь в общее экономическое дело, цементировали общество в единое целое, создавали органическую солидарность. Но когда они вытесняются из сферы экономической деятельности в сферу потребления, тогда они становятся снова молекулами общества — в данном случае потребительского общества, возвращают общество к механической солидарности.

Вытеснение людей из сферы производства техникой знаменовало формирование потребительского капитализма на Западе с середины XX века. Человек был вытеснен из сферы производства в потребление и именно в этом качестве стал влиять на производство.

Буржуазный человек эпохи потребительского капитализма, начавшейся в конце 50-х годов XX века, был отождествлен с человеком вообще.

¹ Появление феномена массовой культуры относится к концу XIX века. К началу века XX газеты, кино, массовые спортивные соревнования и т.п. стали знаком времени. Прозорливость Хосе Ортеги-и-Гассета состояла в том, что он увидел будущее Европы именно в восстании масс, в то время как идеи «заката Европы» были гораздо более популярны. Книга Освальда Шпенглера разошлась полумиллионным тиражом. Массовая культура в самом начале не обладала технологиями трансформации сознания человека, она лишь транслировала идеи из мира элиты в новое для себя пространство. Элитам пришлось изобрести высокую культуру, чтобы остановить размывание культурной идентификации. С этого момента спор между массовой, высокой и народной культурами является междисциплинарным полем для многих исследователей.

² Дюркгейм Э. Указ. соч. С. 181.

Произошла неадекватная смена парадигм экономической науки, превращавшая политэкономия из теории капитализма как способа хозяйствования в частное экономическое знание. Из методологической абстракции «экономический человек» снова стал представляться реальностью, к которой надо стремиться. Вернулось отвергнутое прежде сведение автономного, ответственного, «модульного человека» к экономическому и стало меняться соотношение экономики и общества в пользу первой, нарушая органическую солидарность. Подобная диспропорция на этапе становления капитализма была непреднамеренным явлением. Теперь она стала заказом потребительского капитализма.

Общества сделали вывод: рынок лечит и улучшает только в том случае, если его применять дозированно, если регулировать его соответствующими законами со стороны структур, для него внешних.

Капитализму становится свойственно ослабление органической солидарности. Дело в том, что при классическом капитализме, как показал Дюркгейм, вследствие разделения труда происходит формирование и возвеличивание индивидуального сознания и индивидуальности. Коллективная жизнь, спаянная органической солидарностью специализации, разделения труда, стала отличной средой для возникновения жизни индивидуальной. «Только при этом условии можно объяснить себе, как могла сформироваться и вырасти личная индивидуальность социальных единиц, не дезагрегируя общества. Действительно, так как в этом случае она вырабатывается внутри уже существующей социальной среды, она необходимо носит на себе его печать; она устанавливается так, чтобы не разрушить этот коллективный порядок, с которым она связана; она остается приспособленной к нему, хотя и отделяется от него. Она не имеет ничего антисоциального, так как она — продукт общества», — писал Дюркгейм¹.

Отмеченные изменения особо проявились с середины XX века.

Налицо новая точка бифуркации капитализма, за которой его будущее не просматривалось с определенностью.

¹ Там же. С. 287.

Глава 2. Переход к организованной современности

В качестве нового принципа, способного обеспечить новые конвенции и практики на их основе, возник принцип организованности, явно противостоящий идеям самоорганизации либеральной современности и разрухе войн.

а) От самоорганизации к организованности

В.С. Степин предлагает рассматривать взаимосвязь между органическим и неорганическим телами общества, т.е. людьми, подчиняющимися биокоду, и произведенными им инфраструктурами, управляемыми социокодами культуры, «в терминах самоорганизации, прослеживая их прямые и обратные связи»¹. В этом пункте, как представляется, концепция техногенной цивилизации наиболее уязвима, и именно потому, что не видит в культуре субстанционального начала. Самоорганизация и взаимовлияние становятся при такой трактовке одинаково характерными для любого общества, а поэтому специфика функционирования материально-субстанциональной и идеально-культурной составляющей техногенной цивилизации пропадает. *Самоорганизация начинается только с развитием капиталистического общества.* На первый взгляд, это непонятно. Почему естественно-исторически выросшее и эволюционирующее традиционное общество не является саморегулирующимся, а капиталистическое общество, которое, по словам В. Зомбарта, переломало все кости естественному человеку, способно к саморегуляции? Капиталистическое общество стало прочно связываться с деятельностью автономных индивидов, для которых характерны отношения нового типа. Возник также новый органический тип солидарности. Повторим: механическая солидарность уступила место органической, как это показал в своей теории общественного разделения труда французский

¹ Степин В.С. Марксистская концепция общества и проблема построения современной картины социальной реальности // Указ. соч. С. 14.

социолог Дюркгейм¹. Ориентация на ценности не позволяет традиционному обществу быть саморегулирующимся, ибо эти ценности поддерживаются не только господством религиозно-культурных легитимаций, но и властью, которая не дает уйти с этого пути. Дюркгейм считает общество похожим на организм, в котором имеются специализированные органы. Целостность капиталистического общества делает невозможным рассматривать капитализм как сведенный к одному его «органу» — экономике.

При рассмотрении любого типа общества как самоорганизованного традиционное и техногенное общества не отличаются друг от друга по типу изменений и взаимосвязи. Важно подчеркнуть значимость изменений в культуре этих социальных образований, которые определяют весь спектр изменений в социуме в докапиталистических обществах, где доминируют религиозно-культурные представления. В традиционном обществе религиозно санкционированная культура со сложившейся в ней системой ценностей, с присущими ей механизмами социального кодирования выступала важнейшей инстанцией легитимации всех сторон жизни, всех институтов. Религиозно-мифологические системы культуры служили также единственным языком интерпретации всех явлений, они имели высшее значение для всех институций общества. Это делает более низким потенциал социальных изменений и более высоким сохранение традиции. Традиционному обществу, с одной стороны, присуща непрерывная «настройка» всех социальных институтов на культурную традицию, а с другой — прослеживается обратная зависимость всех сторон жизни от этих же культурных традиций и норм. Это обеспечивает цикличность развития многих процессов в них.

Однако механизм легитимации сверху, с небес религиозно-культурной традиции, свойственный традиционным обществам, впервые «переворачивается» на противоположный в цивилизациях техногенных — ценности задаются не сверху, из религиозно-культурной инстанции, а «снизу», меняясь под влиянием трансформаций в органическом и неорганическом телах общества.

В капиталистическом обществе изменения в органическом и неорганическом телах впервые становятся существенным фактором изменений. *При капитализме впервые эти изменения оказывают обратное воздействие на систему ценностей и тем самым на все общество в целом.*

Капиталистическое общество развивается поступательно, прогрессивно, инновационно. Революционность подхода Маркса состояла в

¹ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда...

обосновании идеи предопределенности кодов культуры производительными силами, отношениями в сфере общественного труда, под давлением которых, как он считал, складываются производственные отношения. Вебер, наоборот, обосновывал легитимацию нового капиталистического способа производства сложившимися в культуре XV–XVI веков новыми поведенческими социокодами — системой протестантской этики. Оба упомянутых мыслителя подчеркивали подвижный характер связи между изменениями в социуме, в технологиях и культурной составляющей в капиталистическом обществе в отличие от традиционных обществ.

Теории самоорганизации, возможно, подходящее категориальное подспорье для анализа начального этапа становления техногенной цивилизации. Формирование и вызревание системы ценностей новоевропейской культуры шло параллельно складыванию новых социальных институтов и нового обустройства жизни — появлению экспериментальной науки, образованию суверенных национальных государств, зарождению рыночной экономики и т.п. В целом вопрос о том, что первично — культура или органическое и неорганическое тела общества — представляется весьма спекулятивным. Можно лишь констатировать, что существует отличие между цивилизациями в системах ценностей, составляющих их культуру. Но дело не только в этом. Российский культуролог М.К. Петров, проводя различие между типами культур, видит их в способах социального кодирования. Традиционным обществам он приписывает *личностно-именной* и *профессионально-именной* тип социального кодирования, а европейской цивилизации, которая породила техногенную цивилизацию, — *универсально-понятийный* способ кодирования¹. Согласно такому подходу, цивилизации отличаются не просто системой ценностей, но встроенными в культуру механизмами социального кодирования, т.е. способами сохранения и передачи всего объема знаний и навыков, накопленных цивилизацией. Поскольку есть определенная связь между способами сохранения и передачи информации и способом социальной организации общества, то можно считать, что культура при этом выступает механизмом закрепления найденных эволюцией образцов в традиционных обществах и меняющихся инновационных схем поведения, произведенных влиянием на ее ценности со стороны органического и особенно неорганического тел общества.

Но существует и другая особенность техногенной цивилизации.

Упомянутая выше сфера общественного труда при капитализме стремится к неограниченному росту и, в итоге, получает статус «системы референций», становится языком для всех интерпретаций, еще одной

¹ Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991.

сферой легитимации норм и отношений, которые ранее обуславливались исключительно сверху, с высот религиозно-культурной традиции.

Следующий момент в наших рассуждениях связан с изменениями, которые претерпевает трудовая деятельность при капитализме. По-видимому, наиболее обстоятельный анализ концептуальных трансформаций, связанных с понятием «труд» в истории европейской культуры, представлен в работе Х. Арендт¹. Она подробно проанализировала, как из презируемого, низкого рода деятельности в античности и Средневековье труд возвысился до почитаемого занятия и был в Новое время возведен на пьедестал в качестве источника благ. Причем из всех разновидностей труда особый упор был сделан на труд производительный, который отчуждается в изготовленной вещи. Прочие виды труда, например интеллектуальный, умственный, оказались далеко не в почете. Маркс выразил новое понимание труда афористически в бессмертной фразе: «Труд создал человека». Арендт связывает организмические метафоры Маркса с его ранним прозрением, что в труде человек создает не только вещную, вторую природу, но также и собственную жизнь. В труде он творит собственную историю. Получалось, что человек как природное существо вступает в соревнование с самой природой, и при капитализме он впервые преодолевает свои природные рамки и начинает производить больше, чем ему требуется. Производительный труд, приравненный к биологической активности, уподоблялся, таким образом, естественной силе размножения и выживания. Именно эта биологическая природная сторона труда в Новое время усилиями Д. Юма и Дж. Локка, а позднее А. Смита и К. Маркса вывела трудового человека и трудовое сообщество из природной ограниченности.

Из этого следует, что самоорганизация возникает только на Западе в XVII веке, когда идея общественного прогресса создает преобладание инновации над традицией и подталкивает к формированию квазиприродного процесса саморегуляции.

Новое понимание труда реализовалось в возникшей в Новое время рыночной хозяйственной системе, начавшей развиваться по принципу *саморегулирующейся и саморазвивающейся* системы общества.

Как уже было отмечено, *экономическая деятельность является первой системой целерациональной деятельности*, то есть деятельности, которая ориентирована на достижение целей при рациональном, разумном и законном выборе средств. Стремление к эффективности вело к разрастанию экономики и ее целерациональности в качестве механизма рационализации общества в целом.

¹ Арендт Х. *Vita active* или о деятельной жизни. СПб, 2000. С. 103–160.

Распространению новых капиталистических форм хозяйствования, как мы уже говорили выше, способствовало государство. Роль государства в капиталистическом обществе состояла не только в формировании, как это ни парадоксально, рынка, «модульного человека», но и в трансформации различных социальных страт в одну большую группу — нацию, которая культурно гомогенна, имеет общий язык и по всему ее пространству распространяет единое стандартизированное знание.

Однако на этапе Второй великой трансформации обнаружили сбой в саморегуляции общества. Ослабление рыночной экономики было источником этого процесса, с точки зрения Поланьи, а в терминах Степина взаимосвязь между органическим, неорганическим телами общества и культурной составляющей не имела достаточных прямых и обратных связей. Однако в данном случае нас интересует реальный рост организованности общества вместо прежней самоорганизации.

б) Техника как вторая целерациональная система капитализма

Серьезные изменения в организации общества были обусловлены распространением индустриального производства товаров. Как отмечает Дж. Арриги в новой книге «Адам Смит в Пекине. Линии развития в XXI веке», ссылаясь на серьезные исследования, начиная с Адама Смита до наших дней, Китай XVIII века был богат и в этом не отставал от Европы. Внутренний рынок Китая был много больше британского. И только индустриальная революция помогла Европе увеличить эффективность экономики и добиться расширения рынка за пределы своих стран. Следовательно, промышленная революция сыграла гигантскую роль в экономическом развитии Запада в ходе Первой великой трансформации¹.

Уже в конце XIX века появились технически организованные системы, которые стали впоследствии основой организованного капитализма: произошла вторая индустриальная революция, были заложены основы научного управления (менеджмента). Для организованного капитализма были характерны тейлоризация (которую Вагнер сравнивает по значимости с микроразделением труда в концепции Смита), фордизм, экономический протекционизм, новые формы коммуникации и связи, например телефоны. «Так называемой волной инноваций позднего XIX века были внесены трансформации в социальную практику, которую я предлагаю назвать переходом от ограниченной либеральной современности к организованной современности», которая отличалась установлением порядка и определенности, стабильности и предсказуе-

¹ Arrighi G. Adam Smith in Beijing. Lineages of the Twenty-First Century.

мости, говорит Вагнер¹. Выше мы высказывали несогласие с трактовкой конца XIX века как времени кризиса либеральной современности из-за того, что это было время Первой глобализации, т.е. пика либеральной современности. Поэтому нам было бы трудно согласиться и с наличием в это время «ограниченной либеральной современности», но, вне всякого сомнения, развитие техники формировало предпосылки следующего этапа — организованной современности (между двух глобализаций). Период первой глобализации можно назвать периодом ограниченной либеральной современности по другой причине: это было время колониальных империй, где либерализм сохранялся в европейском центре и отсутствовал на колониальной периферии. Другой аргумент в пользу этого — неравенства: социальное неравенство в странах капиталистического Запада, безработица. Как позже признает сам Вагнер, ограниченная либеральная современность открывается крестьянам, рабочим, женщинам².

Промышленное развитие, продолжившееся в ходе Второй великой трансформации, привело к тому, что органическая солидарность капиталистических обществ ослабла, «модульный человек» упростился и стал массовым, а самоорганизация общества этапа либерального капитализма преобразовалась в организованный капитализм.

Но, на наш взгляд, необходимы были внешние условия для выращивания изначально присутствующего в научном познании «технического содержания» в массовую установку на утилизацию знания. Для этого требовалось связать каким-то образом идею прогресса и улучшения условий жизни людей с массовым производством товаров и идеей интенсификации труда с использованием передовых технологий. Эту связь, как мы говорили выше, осуществили капиталистические государства и транснациональные компании в конце XIX века.

Начиная с 50-х годов XX века одна из субстанциональных подсистем экономики — техника, из, в общем-то, нейтральной по отношению к человеку, преобразуется в его конкурента на рынке труда. Теперь не только низкоквалифицированным работникам, но и специалистам все труднее найти себе место в современных постиндустриальных производствах Запада. Массовый характер приобретает вытеснение экономического человека из сферы производства материальных благ в сферу сервиса и обслуживания. Усилия государств по вытеснению собственных

¹ Wagner P. *A Sociology of Modernity. Liberty and Discipline*. L., N.Y. 1994. P. 77, 80.

² *Ibid.* P. 157.

граждан из традиционных сфер хозяйствования, из ценностнорациональной деятельности в сферу целерациональную закончились тем, что техника успешно объективировала функционально-инструментальную составляющую трудового человека, сделав фактически излишним его участие в процессе производства материальных благ. Тем самым социальная ткань общества, которую составляют живые люди с присущими им интересами и мотивами, была искусственно отделена техникой от экономической субстанции. Социальные последствия обозначенного выше процесса массового вытеснения людей из производительной сферы в непроизводственные, были весьма многочисленны. В этом смысле мы и говорим, что техника преобразовалась *во вторую систему целерационального действия*, оказывающую «давление снизу» своей рациональностью на организацию общественной жизни.

По времени этот процесс может быть отнесен к 60–70-м годам XX века, когда мировая экономика стремительно изменялась под воздействием нового явления, получившего название «научно-техническая революция» (НТР). Ее особенность состояла в соединении фундаментального научного знания с производственным процессом, в технологическом применении фундаментальных наук (по Марксу). Век железа и электричества отступал перед пришедшим ему на смену веком атома и компьютерно-информационных технологий. Фундаментальные открытия позволяли создавать не только трудосберегающие комплексы, такие как автоматизированные производства, но и капиталосберегающие технологии. В результате одна из субстанциональных подсистем экономики — рынок капитала, получила приоритетное развитие перед остальными. Эта подсистема, наряду с экономикой, оформилась в динамичную подсистему целерационального действия. Социологи отметили этот факт, зафиксировав резкое увеличение инвестиций в сферу образования и в научно-практические исследования.

Либеральные модели управления социальными процессами были вытеснены экспертными, технократическими. Целерациональная система экономики стала уступать место целерациональной системе техники. Это проявлялось в том, что теперь технократические идеи вместе с экспертными оценками навязывались правительствам. Технократическую тенденцию Б. Вышеславцев рассматривает как «неизбежное зло индустриализма», ограничивающее свободу общества, рынка и убивающее хозяйственные демократии¹.

¹ Вышеславцев Б.П. Имманентное зло индустриализма и проблема хозяйственной демократии // Кризис индустриальной культуры. Избр. соч. М., 2006. С. 547–564.

Прежде казалось, что нет нужды определять, что такое техника. Она рассматривалась как продолжение человеческих сил и способностей. Но «новое индустриальное общество» нуждается в более детальном определении техники, все более вторгающейся в человеческую жизнь. Вторгается она и тем, что, будучи второй целерациональной системой капитализма, внедряет в общество новые принципы рациональности, среди которых организованность занимает центральное место в отличие от самоорганизации либерального капитализма. Эта способность техники присуща ей уже по определению, которое дает ей Дж. Гэлбрейт: «Под техникой понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач. Наиболее важное следствие применения современной техники, по крайней мере, с точки зрения экономической науки, заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на ее составные части. Таким, и только таким, образом можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство»¹. Техника осуществляет организацию производства путем расчленения существующих задач. Такая процедура называется формализацией. П. Вагнер показывает, что формализация представляет собой редукцию сложного явления к ряду простых черт, которые позволяют сделать это явление понимаемым и готовым к управлению, к подчинению некоторым действиям, коммуникациям, работе с людьми определенной квалификации, интенций².

Дж. Гэлбрейт еще в 1970-е годы предлагал наряду с рыночными структурами выделять плановый сектор экономики. В «Теории индустриального общества» он говорит об управлении со стороны «техноструктур» — групп специалистов, принимающих решения в крупных корпорациях и сотрудничающих с властью³. В крупной корпорации осуществляется процесс принятия групповых решений. Здесь существуют, как и в технике, те же принципы расчленения проблемы на части, которые обсуждаются разными группами специалистов, т.е. в самой социальной организации техноструктуры поддерживается принцип техники, что и позволяет ее назвать техноструктурой. Гэлбрейт пишет также, что со второй половины XX века «рынок не только не является контролирующей силой в экономике, но все более и более приспособляется к нуждам и

¹ Там же. С. 30.

² *Wagner P. A Sociology of Nodernity. Liberty and Discipline. P. 26.*

³ *Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.-СПб, 2004; Он же. Экономические теории и цели обществ. М. 1979.*

потребностям хозяйственных организаций»¹. Бюрократия, которая предшествовала технотеструктурам и сопутствовала им, оказалась также фактором, сформировавшим организованную современность.

Что же позволило Гэлбрейту употребить термин «новое индустриальное общество», что нового случилось во второй половине XX века с производством и обществом, которые были индустриальными с XIX века? Как мы видели, исчез либерализм в экономике. Гэлбрейт говорит и о других переменных: деятельность корпораций, прежде связанная с масштабными производствами, теперь осуществлялась в производствах любого типа; экономические циклы потеряли разрушительную силу на спаде; разросся аппарат внушения и убеждения; ослабла деятельность профсоюзов; выросло значение науки и число лиц, получающих высшее образование; усложнились технологии и оборудование; во многих случаях осуществлялось государственное и корпоративное планирование; началась эпоха технотеструктур. На промышленном предприятии власть принадлежит тем, кто принимает решения, т.е. технотеструктуре. Гэлбрейт говорит, что в либеральном капитализме было точно известно, к чему стремится «экономический человек». Поскольку мы считаем его идеальным типом или абстракцией, которую нельзя онтологизировать, скажем лучше «модульный человек». К чему стремится технотеструктура — вопрос. Она стремится организовать производство, быть его властью, зачастую поддерживает цены своих компаний, добивается большей прибыли. Остатки либерализма удаляются из технотеструктуры, когда Гэлбрейт пишет: «До тех пор пока не развенчана якобы решающая роль максимизации прибыли (характерная для радикальных либералов. — *Авт.*), закрыт путь к исследованию целей технотеструктуры»², к тому же члены технотеструктуры не получают те прибыли, которые они максимизируют, а имеют достаточно скромные доходы. Цели организации Гэлбрейт не сводит к экономическим мотивам. Он присоединяется к определению организации как системы сознательно согласованных действий или сил нескольких лиц³. Организация, по мнению Гэлбрейта, включает в себя отождествление, состоящее в добровольной замене своих целей целями организации, и приспособление, суть которого — связь с организацией в надежде привести ее цели в более близкое соответствие со своими собственными целями. Это сказано в полном соответствии с определением организации, и организованный капитализм отсюда может быть

¹ Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. С. 9.

² Там же. С. 176.

³ Там же С. 198.

определен нами как капитализм, в котором согласованы цели разных слоев общества. Например, социал-демократия Запада, которая будет рассмотрена ниже, представляет собой такую организацию, которая согласует позиции социальных слоев общества и создает тем самым признаки организованного капитализма. В этом отношении техника приобретает более широкое значение, чем орудия производства, становясь системой согласованных действий так же и в социальной сфере. Упомянутый выше Вагнер называет организованной современностью как раз пришедшую на смену либерализму «организацию современности (modernity) как широкомасштабную конвенциализацию» и как «строительство технико-организационных систем»¹.

Прежде всего — и это новый фактор — *вторая целерациональная система мира техники*, как прежде экономики, стала активно воздействовать на весь жизненный мир человека, трансформируя его среду обитания, его мобильность, пространства коммуникации и т.п. Техника выступала как мир материализованного знания.

Послевоенное восстановление Германии продемонстрировало впечатляющие возможности государства в создании новой, государственно регулируемой, командно-бюрократической эффективной экономики вместо прежней, до определенных пор эффективной, но разбитой войной. Вышедшая в 1956 году книга «архитектора немецкого чуда» Людвиг Эрхарда «Благосостояние для всех», представляя в развернутом виде этапы реформирования немецкой экономики, характеризовала его совсем не как либерала или сторонника «естественного развития» свободного рынка. Его мемуары дают возможность детально проследить все те меры, которые пришлось осуществить правительству с целью создания рыночной экономики в интересах общества. Эрхард писал: «Современная государственная политика по отношению к хозяйству основывается на стремлении такого использования инструментов хозяйственной политики, находящихся в руках государства, которое высвобождает новые силы, открывает новые возможности и закрывает бесплодные пути. Это означает — выбором комбинаций и средств направлять хозяйство вперед к новому прогрессу»². И это техника, организация.

Однако самым мощным фактором переосмысления отношений «между государством и капитализмом» было стремительное разрастание техники и технологических систем, революционизировавших производство и имевших важные социальные воздействия.

¹ Ibid. P. 76–81.

² Эрхард Л. Благосостояние для всех. М., 1991. С. 135–136.

Итак, в индустриальных обществах государство и рынок стремились каждого из своих граждан превратить из «экономического человека», совпадавшего при либерализме с «модульным», из которого строится общество, вне тождественного «экономическому человеку». «Модульный человек» имеет только минимум специализированного и неявного знания в отличие от человека традиционного общества, в котором неявное, повседневное знание и навыки преобладают. Но подготавливаемый прежде для экономики, он теперь оказался потенциально способным выполнять в обществе любую профессиональную деятельность.

Таким образом, произошло следующее: на этапе возвышения экономики и подчинения ей общества роль государства ограничивалась, при этом сформировалось излишне узкое восприятие экономики с позиций эффективности и человека как ее ресурса. На этапе возвышения техники и технократии минимизировался интерес к человеку как ресурсу. Замещенный машинами и технологиями человек был выброшен сначала из сельского хозяйства в производство, затем из производства в сервис, и, наконец, не найдя должного применения своему труду, в неопределенность. Надежды Маркса на освобождение человека техникой от тяжелого труда вполне оправдались. Однако это не привело к использованию свободного времени как времени собственного развития, ситуация сложилась прямо противоположная — усилилось господство массовой культуры, упрощенной рациональности, произошла массовая люмпенизация и деполитизация населения. Случилось это потому, что капитализм осознал возможности своего выживания, превратив людей, не нужных производству, в людей, нужных потреблению. Потребление стало имманентной функцией производства, сделавшись коллективной мечтой масс и способом их времяпрепровождения. Нарастающий хаос, вызванный обесмысливанием жизненного мира, рост слоев населения, не способных в силу своего материального положения к потреблению, не менял дела: потребление стало символом веры и престижа. Бессмысленность существования человека в индустриальном обществе Поланьи описывал так: «Индустриальная цивилизация перемешала части бытия человека. Машины вторглись в интимное равновесие, которое было достигнуто между человеком, природой и работой... Хотя проклятие Адама делало труд иногда очень утомительным, оно не угрожало свести наше время бодрствования к бессмысленным рывкам рядом с конвейерной лентой»¹. Развитие техники в постиндустриальном обществе только усугубило ситуацию.

¹ Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // Неформальная экономика. Россия и мир. // Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 506.

Технократический подход к управлению потребовал привлечения массы экспертов и уже больше не может обходиться без них. Рациональность техники повсеместно проникла в управление социальными процессами и в управление массовым сознанием современных технократических обществ.

в) Государственное вмешательство

в капиталистическую экономику и организованная современность

Организация оказалась имманентно присущей Второй великой трансформации и выстраиваемой с ее помощью второй современности. Она «легла» в тему «порядок и беспорядок», которую остро ощутили современники тех лет и новое поколение пережило в 90-е годы XX века. «Целительность» войн, революций и квазидемократий против застоя, несправедливости весьма сомнительна. Они сами часто становятся источниками разрушения государства, общества, морали, коллективных представлений. Ф. Бродель написал потрясающие слова — «Выйти из ада» из ситуаций тотального разрушения, вызванного этими мерами, хотя, разумеется, он не был сторонником «всепоглощающего государства», но он был историком, знавшим, что организация часто бывала в истории моделью более важной, чем рынок. Ибо в послевоенных, послереволюционных условиях работал низший, гумусный слой экономики — «противорынок»¹.

Государственное вмешательство в экономику является одной из черт организованной современности или попытки ограничить либеральный капитализм законодательством, этапы которого обозначил Поланьи. Мы уже видели, что и при либеральном капитализме государство играло большую роль в распространении стандартов через образование и в других процессах — формирования буржуазной нации, политики, защищающей рынки, и пр.

Новая роль государства в период Второй великой трансформации состояла не в том, чтобы поддержать формы, обеспечивающие самоорганизацию общества и экономики, а в том, чтобы осуществить регуляцию, что и означает переход к организованному капитализму.

Гэлбрейт сравнивает деятельность корпорации с деятельностью государства, организующего экономику.

В 1776 году А. Смит написал в своем знаменитом труде о богатстве народов: «Владелец земли по необходимости является гражданином страны, где расположено его имение... Владелец акций является гражд-

¹ Бродель Ф. Игры обмена. С. 216–217.

данином мира и вовсе не обязательно привязан к одной из стран»¹. Капитализм уже тогда и на базе только английского опыта был понят как мировая система хозяйства.

ГОСУДАРСТВО И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА:
СПОСОБЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Всем известно, что меркантилизм как политика государства в английской экономике, обеспечившая ее начальный рост, привела в конечном итоге к ее независимому от государства развитию, которое в теории представил Адам Смит.

О роли государства в условиях Первой великой трансформации и Первой современности мы уже писали выше.

С. Булгаков — русский теолог и экономист, подчеркивающий целостность морально-философского учения Смита и тесной связи его учения с религиозным мировоззрением, писал, что «... когда мы знакомимся с «Богатством народов» и его экономическими идеями, мы стоим уже, в сущности, не на исторической, а на современной почве экономической науки»². Это очень важное замечание для того, чтобы понять *связь экономического либерализма с уровнем развитости капиталистических отношений и не воспринимать его как абстрактно правильное и всегда применимое учение, автоматически обеспечивающее экономическую эффективность*. Не случайно граф С. Витте призывал либералов обратиться к опыту капиталистического накопления в Англии, где государство осуществляло протекционизм английской экономики, и только с помощью достигнутых таким способом успехов обеспечило переход к либерализму. В «Заметках о меркантилизме», «Общей теории занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнс находит позитивное влияние меркантилизма в создании для государства возможности регулирования экономики.

Но еще до появления теоретических идей Кейнса американские президенты начали борьбу с всемогуществом финансовых воротил Америки. Америка всегда обладала минималистским государством, которое являлось «ночным сторожем» коммерческой республики США и обеспечивало законодательно свободу предпринимательства и защиту его от криминала. Но «в начале XX века политический класс Америки считал ответ-

¹ Smith A. An Inquiry of the Nature and Cause of the Wealth of Nation. Chicago: Chicago University Press. 1976. V. 2. P. 375–376.

² Булгаков С.Н. Очерки по истории экономических учений. Вып. II. // Булгаков С.Н. История экономических и социальных учений. М., 2007. С. 304.

ственным за страну Уолл-стрит, а не Белый дом. Вождями нации считались финансовые гении типа Дж.П. Моргана, а вовсе не меняющаяся череда временных хозяев Белого дома. Правящий класс всегда вставал на сторону Моргана в споре с кем бы то ни было»¹. Отсутствие правилительственного контроля привело к диктату корпораций, пренебрежению интересами общества. Т. Рузвельт был первым президентом, который потребовал публичности деятельности корпораций. Он ввел антимонопольное законодательство и применил его против Моргана, смотретьшего на государство, по словам президента, «как на конкурирующую организацию». Республиканец и богатый человек, он обрушился на тот слой общества, к которому он, по сути, принадлежал. В инаугурационной речи другой президент — представитель демократической партии В. Вильсон в марте 1913 года говорил о том, что за быстрый рост американской индустрии американский народ заплатил огромную социальную цену. Без помощи государства никто из рядовых американцев не справится с последствиями ускоренных индустриальных и социальных перемен. В октябре 1913 года Вильсон ввел прогрессивный налог. Он создал систему федерального контроля над финансовой системой. Он ввел антитрестовское законодательство. Создал Федеральную комиссию по торговле, целью которой было предотвращение нечестной конкуренции. Одновременно был принят так называемый антитрестовский акт, известный как Великая хартия вольностей рабочего класса Америки. Была создана система кредитов разоряющимся мелким фермерам. Не приходится говорить о «Новом курсе» Ф.Д. Рузвельта, спасшего и цивилизовавшего капитализм США. Идеи Кейнса помогли Рузвельту на завершающем этапе его реформ. И это государственное регулирование было произведено в высокоразвитой капиталистической стране².

С позиций стран, менее готовых к минимизации государства, чем США и Запад в целом, «экономический либерализм, — писал Булгаков, — неизбежно должен был вызвать против себя и идейную, и практическую реакцию. ... Реакцией против априорных отвлеченностей классической школы является историзм, историческое направление политической экономии. Затем направление экономического либерализма и проповедь государственного невмешательства должны были вызвать и практическую реакцию, с одной стороны, у защитников интересов производства, а с другой — интересов распределения, с точки зрения экономической и с точки зрения социалистической... С точки зрения экономиче-

¹ Уткин А.И. Как это было у них // Главная тема. 2005. № 5. С. 87–96.

² Там же.

ской... против либерализма выступает протекционизм, учение о необходимости покровительственного вмешательства государства, неомеркантилизм. Что касается области социального распределения, то здесь против либерализма выступает социализм, требующий вмешательства государства в область распределения»¹. Булгаков отмечает, что не вполне систематизированная концепция Смита воспринималась в зависимости от того, как ее прочтут. Булгаков дает ей русское прочтение.

ПРОТЕКЦИОНИЗМ, СОЦИАЛИЗМ И ДРУГИЕ СПОСОБЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЭКОНОМИКУ

Среди способов защиты национальной экономики широко известны протекционизм и социализм как попытки построить новое социальное государство. Отчасти мы касались этих форм при обсуждении соотношения экономики и этики при Первой великой трансформации, когда роль государства в противовес рынку получала этическое оправдание. Но то, что было гипотезами при Первой великой трансформации, стало реальностью при Второй.

Протекционизм является одной из мер защиты государством национального капитализма. Классическим примером стала позиция главы немецкого торгового союза Ф. Листа, предложившего проект национальной немецкой экономики, защищенной государством. Эпиграфом к своей известной книге «Национальная система политической экономии»², вышедшей в 1841 году, он берет слова «И родина, и человечество». Как отмечает С. Булгаков, «этим эпиграфом и заглавием он уже устанавливает разницу между своей политической экономией и смитовской, вообще классической. Классическая экономия является космополитической, его политическая экономия — национальной»³. Лист критикует Смита за «беспочвенный космополитизм», «бездушный материализм» и «разрушительный партикуляризм и индивидуализм». Витте, как мы уже отмечали, одобрял идеи Листа, считая, что растущие, но еще не вырвавшиеся вперед экономики должны использовать протекционизм государства для наращивания конкурентоспособности в мировой торговле.

Характер протекционизма меняется, но к нему прибегают многие страны. В конце концов именно перспектива растущего протекционизма в мировой экономике на заре XX века и склонность к протекционизму 30-х годов помогли радикализировать недемократические капитали-

¹ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 350.

² Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005.

³ Булгаков С.Н. Указ. соч. С. 352.

стические силы того времени и приблизить Первую и Вторую мировые войны¹. Трудно отличить «истинно верующего» в единообразие демократий от выразителей интересов тех на Западе, кто заинтересован в слабости России, боится Китая и превентивно осуждает их отличие от Запада, ибо, как признает автор приведенного отрывка, *их подъем может сделать привлекательной нелиберальную альтернативу демократии*. Если говорить об угрозах для демократии, то они имеются и на самом Западе. И главная из них — преобладание демократии для меньшинства и ослабление демократии для большинства.

«Теодор Рузвельт изменил гигантский поток индустриально-политической мощи «позолоченного века». Он придал новое дыхание, новую силу демократической волне», — показывает Анатолий Уткин, разбирая борьбу президентов США за демократию для всего народа². В. Вильсон заявил в начале своего президентства, что правительство обязано снова встать на службу народу. Все компании имеют лоббистов, не имеет их только народ. Правительства должны стать лоббистами народа. Э. Рузвельт считала, что успех ее мужа определен особой чувствительностью к нуждам других — как отдельных индивидов, так и нации в целом³.

На роль индивидов, которым должны быть предоставлены права и доступ к общественному благу, в условиях глобализации претендуют теперь государства, видящие глобальную демократию как предоставление прав и возможностей участия всем государствам в конкурентной борьбе на глобальном рынке и в выражении своего мнения по вопросу о мировом порядке и текущих событиях. Требования демократии распространились из требований к внутреннему устройству стран к требованиям прав государств в глобальной экономике. Как отмечает И. Валлерстайн, «...либерализм в основе своей был антидемократичен. Либерализм всегда был аристократическим учением — он проповедовал “власть лучших”. Будем справедливы — либералы определяли “лучших” не в зависимости от рождения. Лучшими, таким образом, считалась не наследственная знать, а лучшие представители меритократии. Но лучшие — всегда группа, меньшая, чем все»⁴. Валлерстайн убежден, что проблемы связаны с громадным неравенством в системе, а это означает отсутствие демократии, вопреки мнению, что от других систем капитализм отли-

¹ Gat A. The Return of Authoritarian Great Powers // Foreign Affairs. July/August, 2007.

² Уткин А.И. Указ. соч. С. 88.

³ Там же. С. 95.

⁴ Валлерстайн И. После либерализма. М., 2003. С. 238–239.

чает его успех как создателя материальной продукции, которая должна устранить любое оправдание неравенства, будь оно материальным, политическим или социальным. И это верно не только в отношении внутреннего устройства стран, но и применительно к глобальному миру, где обостряется противоречие между богатыми и бедными странами.

Социализм как вторая, отмеченная Булгаковым, форма противостояния либерализму, действительно решал те же задачи, что и Запад, но путем нахождения иных путей к успешному развитию. Не случайно марксизм, разработанный на материале развитых стран капитализма и для них, стал идейным оружием стран менее развитых, пытавшихся найти приемлемый для себя путь ускоренной индустриализации. *Сходная природа индустриализма в капиталистических и социалистических странах определялась тем, что социалистические страны следовали догоняющей модернизации.* Этот путь действительно привел Россию к экономическим успехам и высокому статусу в мире.

Но социализм, превратившись в мировую систему, был протекционизмом менее развитого, чем Запад региона, а также стран, входящих в эту систему.

«Социализм есть в своей основе внутренне присущее индустриальной цивилизации стремление к выходу за рамки саморегулирующегося рынка путем целенаправленного подчинения его демократическому обществу», — говорит Поланьи¹. С одной стороны, это попытка подчинить вещные формы отношений человеческим, делающих социализм как с точки зрения Поланьи, так и с точки зрения Н.А. Бердяева похожим на секуляризованное христианство. В экономическом же плане он подрывал принцип священности частной собственности и в условиях отсутствия предпосылок для социализма в виде зрелой промышленности, демократии и образованного населения принял специфическую форму развития стран второго эшелона вместо предполагаемого Марксом социалистического прорыва в наиболее развитых странах капитализма.

¹ Поланьи К. Великая трансформация. С. 254.

Глава 3. Новые формы социальной организации

Организованное общество, которое было произведено в период Второй великой трансформации, обрело новые формы, среди которых выделялись коммунизм и социализм, наряду с организованным капитализмом. Пытаясь предотвратить эксцессы социалистической революции, капитализм породил такую новую организационную форму, как социал-демократия западного типа, смягчившая социальные коллизии Запада, уже способного к перераспределению доходов из-за общего экономического роста и отказа от либерального устройства, отдававшего дело справедливости стихии рынка. Но коммунизм в России и других странах коммунистического блока, в отличие от западного социализма, не повернул к демократическим формам до начала 60–70-х годов, и этот поворот был недостаточным, запоздалым и экономически не обеспеченным высокими потребительскими возможностями, гарантирующим только необходимый минимум.

а) Коммунизм как незападный тип модернизации

Странам «третьего мира» модернизации 50–60-х годов XX века успеха не принесли. Их традиционные культуры были разрушены в большей мере, чем приобретены основы современного общества. Бурное развитие Японии не меняло ее национальной идентичности на западную и представлялось не следствием успеха модернизационных теорий, а азиатским чудом, которому не суждено повториться. В этот период повсеместно растет убеждение в возможности *социалистической альтернативы модернизации*, в особом пути социалистических стран. Модернизационные теории решительно отбрасываются в пользу *социалистических*. Знаменательный пример умонастроений приводит Дж. Александер. В середине 1970-х на заседании Американской социологической ассоциации известный исследователь, сторонник теории модернизации А. Айнкелес докладывал о результатах проведенного им совместно со Д. Смитом исследования о персональной модернизации в шести развивающихся странах. Молодое поколение социологов выразило решительное пре-

зрение к их ныне почти классическому труду и поддержало известного сегодня социолога И. Валлерстайна, заявившего: «Мы живем не в модернизирующемся, а в капиталистическом мире... и в переходе мировой системы от капитализма к социализму»¹. Стремление к социализму было связано с открытием Россией и другими странами «второго», т.е. незападного и способного конкурировать с Западом, пути. Ему способствовали либерализация политического режима СССР, его реальная конкурентная способность по отношению к Западу в сфере обороны, космоса, ядерной области, фундаментальных науках, притягательность социалистического выбора для стран «третьего мира», не преуспевших в капиталистической модернизации после деколонизации, подъем социал-демократии Запада. Идея *второго пути* и сейчас еще не исчезла, хотя он уже редко связывается с социализмом.

Лучшее описание сущности коммунизма, на наш взгляд, дал австрийский писатель Артур Кестлер в романе «Слепящая тьма». Его герой Рубашев пришел к выводу, что диктатура — это попытка поднять массы, не осознающие своих экономических интересов, вверх силой, как в системе шлюзов. Это было рациональное объяснение коммунизма как насильственной модернизации, которую прежде клеймили как заговор и преступление.

Коммунизм был ответом на вызов Запада. Как отмечает П. Вагнер в английском издании своей книги «Социология и современность. Свобода и дисциплина», «советский социализм обеспечивал определенные варианты современности»². *Представляется, что он воплощал фазу организованной современности, которая в целом амбивалентна — содержит как автономию индивида, возможность его самореализации, так и зависимость от институтов, правил и других людей, но при социализме большее значение имеет то присущее современности начало, которое Н. Элиас называл контролем, а М. Фуко — дисциплиной*³. Модернизация традиционных обществ в форме социализма вводит новые социальные практики.

Особый интерес представляет восприятие коммунизма не только как оппонента капиталистической системы, но и как ее двойника в незападном мире. Этой теме посвящено исследование философа русского послеоктябрьского зарубежья Б. Вышеславцева о кризисе индустриальной культуры. Между капитализмом и социализмом существует полити-

¹ Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo: How Social Theories Have Tried to Understand the «New World» of «Our Time» S. 165.

² Wagner P. A Sociology of Nodernity. Liberty and Discipline. P. III.

³ Idid. P. 22–23.

ческое различие, но их суть — индустриализм и создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния. Вот как описывает индустриальные перемены этот философ: «Необходимо почувствовать совершенную новизну того исторического явления, которое называем индустриализмом. Для этого надо иметь перед глазами изумительную статистику... в течение 12 веков... население Европы оставалось приблизительно равным и никогда не превосходило 180 миллионов. Но с 1800 по 1914 год, т.е. немного больше, чем в одно столетие, оно поднимается со 180 до 460 миллионов!.. (Что уже нами было отмечено в разделе о Первой великой трансформации. — *Авт.*) Население земного шара было в 1800 году приблизительно 850 миллионов, в настоящее время (перед войной) (Второй мировой. — *Авт.*) оно... более, чем удвоилось... Это означает уменьшение смертности и, следовательно, чрезвычайное улучшение условий существования, и прежде всего существования масс»¹.

Индустриальное общество серьезно подорвало либеральную доктрину, ибо масса вступила в историю вместо автономного индивида. Это создало в промышленно развитых капиталистических странах угрозу бюрократизации и технократии, а в модернизирующихся обществах — опасность авторитарных и тоталитарных режимов. Все эти формы насилия следовали из задач индустриализации, превращая модернизацию в насильственную.

Сосуществование капитализма и коммунизма привело к рассмотрению коммунизма как индустриализма, который исчерпал себя вместе с всемирным кризисом индустриальной системы, начавшимся в конце 60-х годов как под влиянием научно-технической революции, так и в связи с социальными движениями этого периода — студенческими волнениями на Западе, «пражской весной». Все более и более способности коммунизма к модернизации могли быть охарактеризованы как попытка догнать предшествующий век².

Ряд исследователей пришли к интересным выводам относительно взаимной дополнительности капитализма и социализма в мировой системе. В некоторой степени эти выводы явились результатом подъема СССР и образования биполярного мира. Но и сам этот подъем — свидетельство успешной модернизации, в которой скомбинирован метод

¹ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры // Марксизм. Нео-социализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1982. С. 11.

² Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М., 1998.

догоняющей модернизации и модернизации на собственной основе. Несовпадение модернизационных и социалистических теорий и даже их определенное противостояние не могут заслонить трех фундаментальных результатов социалистического развития:

1) осуществления индустриализации и достижения других черт современности — массового образования, развития науки, увеличения доли городского населения и пр.;

2) успешное следование догоняющей (Запад) модели развития;

3) не только заимствование западного опыта, но и собственная основа развития — коллективизм, антирыночный подход, коммунистическая идеология, которую Н. Бердяев называл секуляризированным православием, идеал всесторонне развитого, гармонического человека, несомненно, утопический, но все же инициировавший развитие образования, науки, культуры. Не решив задачи развития трудовых мотиваций в нетворческих профессиях, с точки зрения практической коммунизм явился системой ценностной мобилизации людей к внутреннему развитию, чтению, обучению.

Как показал А. Фурсов, мировая система капитализма в сравнении с социалистической оказалась наиболее устойчивой, т.к. она не требует с обязательностью адекватной субстанции для реализации функций капитала¹.

Социализм как мировая система, толкнувшая на этот путь развития многие народы, вместе с тем явился локальной системой. Но именно так «устроен» и капитализм. Как показал А. Фурсов, капитализм также сочетает функции мировой системы с исторически конкретной локальностью своего западноевропейского и североатлантического существования². То, что социализм образовывал всемирный центр, отличает его от более локального опыта Юго-Восточной Азии 1970–1980-х годов.

Коммунизм прибегал к государственному регулированию экономики, к организации как центральному принципу, и этим фактором он обнаруживает такое же сходство с организованным капитализмом, которое проявляется и в индустриализме, и в модернизации.

б) Социальное государство, социал-демократия как факторы трансформации капитализма

Две мировые войны подавили либеральные институты, и их восстановление было невозможным. Им на смену пришли попытки коллективной

¹ Фурсов А.И. Колокола истории. Часть I.

² Там же. С. 27.

эмансипации, которые наблюдались в основанной на классовом понимании советской системе, во французском Народном фронте, в шведском Народном доме, «новом курсе» Ф.Д. Рузвельта — всех этих вариантах welfare state и немецком национал-социализме как warstate. Американский исследователь М. Вольцер показывает, что понятие «дом», в отличие от Европы, не было фактом политической жизни в США. Американцы использовали коллективный проект преодоления экономического кризиса 1920–1930-х годов. Но понятие «американской мечты» было значимо даже в контексте экономического кризиса, оно отображало специфику американского образа жизни. Фокусом американского видения оставалась индивидуальная свобода и стремление к счастью. Европейские усилия были направлены на достижение стабильности и экономического прогресса постлиберальных режимов на основе преимущественно коллективистских и мобилизационных представлений после Второй мировой войны, в 60-е годы — на идеологизацию постиндустриального общества, на преодоление индивидуальной автономии социальным контекстом¹. В этом контексте, не порывая с современностью, стало играть особую роль социальное, социал-демократическое государство Запада, в котором сохранился капитализм, но были найдены новые формы его организации и новые пропорции отношений труда и капитала. Социал-демократии в 1970–1980-е годы в Германии называли себя «обществами труда». В 1990-е Хабермас констатировал «конец общества труда», имея в виду не столько социальные идеи, сколько изменение характера труда на Западе, рост значения интеллектуального и научного труда.

Социальное государство, с одной стороны, воплощает черты организованной современности, но с другой — оно олицетворяет реконвенционализацию, которую Вагнер рассматривает как преобразование одного вида современности в другой и преодоление предшествующего этому кризиса. Распространение социал-демократических социальных государств характерно как раз для конца 1960-х годов и является одновременно способом выхода их кризиса и утверждения нового понимания «социального вопроса», нахождения новых конвенций и освоения некоторых социальных особенностей специфической современности советской системы. При этом они усваивали отдельные черты либеральной современности, такие, как демократия, право, гражданское общество, чтобы их реконвенционализация не превратилась в самоотмену принципов современности.

Не будем останавливаться на концепции справедливости в неолиберализме, теоретически представленной именами Дж. Ролза, Р. Дворки-

¹ Wagner P. Op. cit. P. 37–42.

на, У. Кимлики, Ч. Тейлора и др. и практически воплощенной в XX веке в системе социальной помощи, страхования, аффирмативных (поддерживающих) акций в отношении меньшинств, бедных, больных и других уязвимых социальных групп, поскольку темой является не социальная поддержка или политика социальной поддержки населения, а проблема демократического социального государства как новой формы организации капитализма во Второй великой трансформации, задачи которой существенно шире, чем в либеральном государстве, поскольку включают и социальные проблемы.

Демократическое социальное государство представляет собой исторически определенный тип государства, реализованный западными социал-демократиями при индустриальном развитии капиталистических стран в XX веке для поддержания классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер.

Общий концепт западной демократии предполагает наличие ограничений в деятельности государства, идущих от общества. Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль граждан, называется гражданским. Оно является организованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т.д.

По мере отхода социал-демократий Запада от принципов дирижистских экономик периода Первой мировой войны, когда в Германии, России государство распределяло ресурсы, контролировало производство и транспортировку вооружений и пр., от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, примененных особенно активно в период Второй мировой войны, гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, организованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок. Рыночная экономика и демократическое государство функционируют при цивилизующем влиянии гражданских ассоциаций и неправительственных организаций. *Все задачи демократического социального государства на Западе решались посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, а конкретно — между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения построены на принципе солидарности, дополняемом,*

в случае необходимости, субсидиарным подходом. Они несут черты упомянутого выше баланса сил и социальных групп, которые выступают как предпосылка организованности. Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, т.е. способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага, понимаемого как экономический рост, улучшение благосостояния всех граждан, социальная справедливость, социальное участие, благоприятная моральная атмосфера, культурное и духовное развитие, поддержание демократических и гуманистических ценностей, развитие прав и свобод.

Государство жертвует своим всевластием, поскольку сознательно берет на себя ответственность за состояние общества и желает разделить бремя этой ответственности с работодателями, профсоюзами и общественными организациями. Работодатели соглашаются поддержать принцип обеспечения полной или приближающейся к этому занятости в обмен на уменьшение требований профсоюзов непрерывно повышать заработную плату. Профсоюзы смягчают это требование ради обеспечения полной занятости. Общественные организации смягчают критику правительства и высказывают солидарность с его политикой ради достижения общего блага. Государство сотрудничает с ними ради уменьшения бремени собственной ответственности¹.

Благодаря этой политике демократические социальные государства индустриального Запада превратили рыночную экономику в социальную рыночную экономику. Кроме того, эти государства сыграли огромную роль в консолидации демократии и сплочении общества. Эти государства обеспечили проведение эффективного курса на социальную справедливость посредством прогрессивного налога и его перераспределения. Особенно эффективной эта политика была в Скандинавских странах, достигших высочайшего жизненного уровня. Высокие налоги, взимаемые с большого бизнеса, стали основой социальной помощи и социальных услуг, обеспечили систему социального страхования и развития общественных секторов.

Бизнес шел на эти условия, имея солидарность с обществом и следуя как патриотической настроенности, так и экономической рациональности. Солидарность определялась социальным государством как борьба за права человека, за равенство полов. Социальное государство брало на себя ответственность за рынок как институт инноваций, суще-

¹ См.: Мацонашвили Т. Проблема перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra. Лето 2001. Т. 6, № 3.

ствующий наряду с другими подобными институтами — наукой, образованием, как, собственно, и понимался рынок классиками либерализма, такими как Ф. Хайек. Для этого государство брало на себя функцию обеспечения свободы предпринимательства не только от государства, но и от монополий, теневых и криминальных структур, подавляющих эту свободу.

Как отмечалось в парижской Декларации XXI Конгресса социалистического интернационала (Париж, 1999), социальные проблемы должны решаться политическим путем, путем политики ответственного отношения государства к развитию таких социальных секторов, как образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, охрана детства и юности. К сфере политической ответственности государства Декларация относит также обеспечение функционирования таких общественных секторов, как энергетика, коммуникации, телевидение, сохранение окружающей среды, стремление обеспечить новый и справедливый мировой порядок, заботу о духовном и социальном здоровье общества.

Основной вопрос для западной социал-демократии, которой принадлежит идея и практика социального государства, состоит в том, возможно ли удержать социальное государство в связи с переходом общества из индустриальной фазы развития в информационную, постиндустриальную, а также в связи с процессом глобализации.

в) Организованный капитализм, массовая культура и потребительское общество на Западе

Консюмеризм является неотъемлемой чертой капитализма, возникшей в отличие от традиционных и предсовременных обществ, где потребление низших слоев было ограниченным и недостаточным, а роскошь высших слоев свидетельствовала о наличии у них немалых потребностей и страсти к приобретению роскоши. Но даже наличие высших слоев, склонных к потреблению роскоши, не делало общество потребительским. Как считает исследователь консюмеризма П. Стирнс, универсальность и недифференцированность в восприятии консюмеризма как продукта вестернизации, должна дополниться пониманием широкой вариации консюмеристского поведения. Консюмеризм, по его мнению, может помочь преодолеть статусные различия и сформировать новый образ, адекватный более высокому статусу. Он является проводником чувства свободы и индивидуальной экспрессии, позволяет демонстрировать персональную современность, бросает вызов классовой принадлежности.

Однако эти черты консюмеризма сочетаются с унификацией стандартов потребления, вместе с тем оставляя бедных бедными, а богатых

богатыми, в особенности если речь идет о бедных и богатых странах, противостоят религиозным целям, лишают потребление национальной специфики¹.

Однако если потребительство и консьюмеризм могут встретиться везде и даже не всегда как следствие вестернизации, а при капитализме это — универсальная черта, обозначающая символы действительного или изображаемого статуса, потребительские общества возникают в определенный период и содержат в этом названии другой, более узкий смысл.

Потребительское общество на Западе
формируется в 1950-е годы и получает особое развитие
в новом индустриальном обществе с его технотекстурой
в качестве нового проекта организации производства,
при котором ненужный из-за развития техники
производитель работает на производство
в сфере потребления.

Как показывает Бодрийяр, «основной проблемой современного капитализма (книга Бодрийяра опубликована в 1970 году. — *Авт.*) больше не является противоречие между “максимизацией прибыли” и “рационализацией производства” (уровень предпринимателя); ею является противоречие между потенциально бесконечной производительностью (уровень технотекстуры) и необходимостью сбыта продуктов. На этой фазе для системы становится жизненно необходимым контролировать не только аппарат производства, но и потребительский спрос, не только цены, но и то, что будет запрошено по этим ценам»². Таким образом, свобода потребителя в потребительском обществе — это организованное капитализмом его участие в потреблении ради роста производства. Символический, знаковый характер потребления как завоевания престижа, статуса, самоуважения позволяет Бодрийяру говорить о критике политической экономии знака. Она включает понимание потребления как логики значения, как структуры обмена и дифференциации, системы потребностей и потребления как производительных сил. Консьюмерист

¹ См.: *Stearns P.N. Consumerism in World History. The Global Transformation of Desire. N.Y., 2001. P. 153–159.*

² *Бодрийяр Ж. Общество потребления. М., 2006. С. 99.*

— производительная сила производства¹. Это торжество организованной современности.

Но уже давно, с 30-х годов XX века, автономный и ответственный индивид, как это отмечено Х. Ортега-и-Гассетом, превратился в массового усредненного индивида.

Консюмеризм создает также политические иллюзии и у масс, и у теоретиков, в частности, у Вагнера, о будущем либеральном капитализме, ориентированном на человека.

¹ Бодрийяр Ж. К критике политической экономии знака. М., 2007. С. 67–105.

Глава 4. Реконвенционализация опыта второй современности: студенческий бунт, анархистские настроения и подъем Азии в 1970–1980-е годы

Разумеется, организованная мощь Второй великой трансформации, преодолевшей принципы либерализма и дезорганизации, присущие войне, начавшей слом либерального капитализма, оказалась чрезвычайной, и, на первый взгляд, навсегда достигнутой.

а) «Восстание масс»

Этот термин ввел Х. Ортега-и-Гассет, и он получил применение для показа доминирования усредненной массы в культуре, для характеристики массы как популистски легитимируемой идеями фашизма. Но люди, которые восстали в 60-е годы, не имели отношения к фашизму или ненавидели его.

Однако именно на пике организации после формирования общества потребления начался кризис, который состоял в том, что массы и молодежь не захотели остановиться лишь на предоставленном им статусе. После романа Р. Мерля «За стеклом», трудов философов Франкфуртской школы, очевидного опыта лидеров молодежного бунта превратить маргинальность в путь к истеблишменту, реконвенционализация имела достаточно ясные черты по своим следствиям: сломать доминирующую организационную структуру, техноструктуру, кланы, кастовость. Видный деятель образования, французский профессор из семьи маршала Нея, рассказывала одному из нас: когда в 1968 году во Франции начались студенческие бунты и группа ее однокурсников вышла на улицу, родители — отец, крупный инженер, явно входивший в техноструктуру, и мать — светская львица, заперли ее в квартире. У нее не было причин бунтовать. Но она боялась презрения группы. По водосточной трубе она спустилась с шестого этажа, присоединилась к студентам. «И теперь, — говорила она двадцать лет спустя, — я понимаю, что была участником грандиозной революции против кастового общества Франции и тех, кто хотел держать нас в состоянии организованности».

Напомним, что в периодизации современности П. Вагнера, казалось бы, ничем не приметный конец 1960-х годов в его схеме оказывается границей, определяющей конец организованного капитализма и организованной современности, начавшихся с Первой мировой войны. Почему именно это время? Это годы появления потребительского общества на Западе, субстанционального характера его массовой культуры. За ним последуют молодежные бунты 1968 года, направленные как раз против господства техноструктуры, закрепляющей социальные роли организованного капитализма и создающего у молодежи ощущение отсутствия перспектив.

Объективное порождение массовой культуры западным капитализмом на стадии потребительского общества или позднего индустриализма описано в литературе. Американский автор Ф. Джеймсон определяет культурную логику позднего капитализма как постмодернизм, создающий более многообразные и менее консервативные формы¹. Стираются границы между «высокой культурой» и массовой, или коммерческой, культурой, ибо всюду возрастают повторение и эклектицизм. Популярность становится признаком демократизма. Именно это приводит к тому, что культура не выделяется им в отдельную сферу, а рассматривается как пронизывающая социальную, политическую и экономическую жизнь. Джеймсон следует за Ж. Бодрийяром, который показал принципы формирования «гиперреальной культуры» через имиджи и симулякры или копии без оригинала. В культуре начинают господствовать «ценности знака», потребление которых обеспечивает статус и власть. Имидж и реальность совпадают. Знаки более не имеет референта во внешней объективной реальности; они сами становятся реальностью. Диснейленд, компьютерные игры, телевидение создают культурные гиперреальности. Теряется идентичность, ощущение собственного «Я». Культура как «вторая природа» всегда имела символический пласт и ценностное содержание. Но она не оставляла у человека чувства, что жизнь общества творится за его спиной и независима от него, поскольку за символами стояли определенные реалии. Этот тип культуры производит массовое общество как закономерный продукт капитализма, появившийся на поздней индустриальной стадии.

Коммерциализации массовой культуры приводит к тому, что в отношении ее продуктов прямо действует упомянутый «закон» неолиберализма, согласно которому деятельность первичного агента экономической жизни детерминирована прежде всего его экономическим инте-

¹ Jameson F. *Postmodernism or the Cultural Logic of Late Capitalism*. Duke, 1991.

ресом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получении максимума удовольствия за минимальную плату). Это характеризует поведение «экономического человека», которое «человек с улицы» распространяет на все сферы жизни, в том числе и на отношение к другому человеку, подобно тому, как понятие бизнеса распространилось на все виды работы. Если классический либеральный капитализм преобразовывал автономного и ответственного индивида в «человека модульного», а последнего — в «экономического человека», то организованный капитализм превратил «модульного человека» в массового человека потребительского общества, упрощенный вариант «человека экономического».

Наиболее сложным в критике массовой культуры является невозможность убедить массу в том, что она манипулируема капиталом и капиталистическим производством в ориентации на него. Люди, не нужные больше производству, включаются в него через потребление. Массовая и потребительская культура «организована» капитализмом, но вышла из-под его контроля, подчиняясь новому господству рыночных отношений в данной сфере. Бунт против организации и манипуляции сам наследовал черты организации и манипуляции.

Это время таких значительных перемен, что концепции модерна, современности, явно меняющейся, стал активно противостоять эклектический, иронический и невнятный «пост» (модернизм). Он фиксировал и даже творил изменения, как оказалось, кратковременные, но создающие экспансию его идей.

б) Вызов Азии в 70–80-е годы XX века (Япония и «тигры»)

Сложность трактовок азиатского опыта: модернизация, догоняющая модернизация, поспмодернизация когнитивно реконвенционализировала прежние представления о том, что только догоняющая модернизация или вестернизация (как более примитивный вариант) характеризуют модернизацию западных стран.

А. Смит проводил параллель между неравенством капиталистов и рабочих и неравенством стран в их развитии. Он надеялся на то, что когда-нибудь это неравенство будет устранено и возникнет некий эквилибриум в развитии стран Европы и Азии. Позже эта идея не получила развития. М. Вебер прямо считал это невозможным, и думал так не только об Азии, но и России, изучив первую русскую революцию 1905 года.

Сценарий смены духовной идентичности как часть проекта догоняющей модернизации предполагал, что духовные черты граждан модернизирующегося общества и особенности их обычного поведения,

например в России — коллективизм, стойкость, «притерпелость» к тяготам жизни, патриотизм, вера в авторитеты, низкие потребительские ожидания, зависть и неприязнь к богатству, — являются очевидным препятствием развития и процветания страны. Идея смены духовной идентичности укоренилась во всех российских реформах.

В течение долгого времени западная модель развития воспринималась как путь всего незападного мира. Так можно было утверждать до тех пор, пока среди западных стран не появились собственные образцы и центры развития, не имитирующие Запад. Экономический рост стран Юго-Восточной Азии является впечатляющим. Измерение степени развитости в 1970-е годы вело уже свой отсчет не от стран Запада, а от Японии — самой развитой страны региона, успешно конкурирующей в экономической и технологической сфере со странами Запада. Согласно классификации вьетнамского исследователя Х.Л. Хая в Юго-Восточной Азии на основе уровня развития, скорости роста экономики и технологических инноваций, среднего дохода на душу населения можно выделить четыре «эшелона развития»:

1. К первому, безусловно, принадлежит Япония, имеющая в 1980-е годы самый большой экономический и технологический потенциал. Ее неожиданный подъем привел к тому, что ее стали причислять к странам Запада. Но бурный рост Японии оборвался в 90-е годы по причинам, для которых нет убедительных объяснений.

2. Ко второму эшелону развития Азии относятся страны НИС (новые индустриальные страны) первого поколения — Южная Корея, Гонконг, Тайвань и Сингапур. Эти страны особенно быстро развивались в течение трех десятилетий и известны под именем «тигров», или «драконов», Азии.

3. Страны НИС второго поколения — группа стран Юго-Восточной Азии — Индонезия, Малайзия, Таиланд и Филиппины. Скорость их развития ниже, чем у «драконов», но их развитие является быстрым и стабильным.

4. Остальные страны Юго-Восточной Азии, а точнее, Индокитая, включая Северную Корею, Китай, Вьетнам, Лаос, Кампучию. Исключение составляет Бруней, развивающийся за счет экспорта сырья. Все эти страны сделали колоссальный скачок в своем развитии в конце XX века.

Но, говоря об особенностях Азии в последние десятилетия XX века, исследователи имели в виду не только новых стран-лидеров. Многие страны объединены принадлежностью к азиатскому региону — Австралия, Бангладеш, Индия, Индонезия, обе Кореи, Китай, Новая Зеландия, Россия, Филиппины, Шри-Ланка, Япония и др.

Что общего между всеми этими странами, между богатой Австралией и Новой Зеландией, рвущейся в тот период вперед Японией, развивающимся социалистический рынок Китаяем, бедствующими Бангладеш и Шри-Ланка, последняя из которых находилась двадцать лет в войне с сепаратистами, Филиппинами, трижды в истории попадавшими под иностранное — сначала католическое испанское, а в XX веке под американское, японское и снова американское влияние, и Россией, пытавшейся совершить новый виток модернизации? Общим явилось то, что весь этот регион (исключая Россию с ее колебаниями и даже неколебимой решимостью в 90-е годы следовать за Западом) развивался, не ставя цели предварительной смены своей идентичности, своих социокультурных основ: Австралия и Новая Зеландия, будучи западными странами этого региона, не стали азиатизироваться, остальные страны отказались от необходимости изменения своих народов как предпосылки развития.

Такое требование соответствовало прежде всем модернизационным процессам. До 50-х годов модернизация воспринималась как имитация Запада, это была одна из аксиом развития. Развитие Японии истолковывалось именно в этом смысле: японцы — это немцы Азии. Имитации политических структур, новорожденные всюду — в Латинской Америке, Африке и др. местах — «президенты» и «парламенты» не приводили к успешным преобразованиям. Нью-Мехико, Манила и Каир, активно шедшие по этому пути, оказались наводнены деклассированными, люмпенизированными элементами, жаждавшими только хлеба и зрелищ, воспринявшими худшие черты массовых обществ Запада.

Азиатские страны в большинстве своем так далеко находились от этого опыта, что не просто поняли, а вынуждены были понять, что на этом пути их не ожидает успеха. В них не было прозападных элит, находящихся в разрыве со своим народом и способных поставить национальную цель достижения уровня Запада. Они были скромны и исходили из возможной, а не желаемой перспективы развития. Осуществляя его на собственной основе (нередко уже после неудач либерализации), т.е. без требования предварительной смены идентичности, они создали условия, которые тем не менее медленно меняли людей через образование, технологию, новые навыки, новые социальные структуры, но в большинстве этих стран вопрос о смене идентичности как результате реформ никого не волновал, не ставился в явной форме. Этот вопрос стоял четко лишь в Японии, к чему мы еще вернемся, и был решен общеазиатским образом. Так появился новый центр развития, притягательный и своеобразный, породив вызов Азии — новую возможность развития без разрушения собственной культуры.

Бурный подъем азиатских стран стал неожиданностью, ломающей и представления Запада о самом себе. Организованный капитализм, подвергшийся испытанию изменениями самого Запада, был окончательно сломлен теоретически трудным для объяснения азиатским феноменом.

ТРАДИЦИЯ И ИННОВАЦИЯ В РАЗВИТИИ АЗИАТСКИХ «ТИГРОВ»

Мы не являемся востоковедами и уверены, что многие люди могут сказать о Японии, Таиланде, Азии в целом гораздо больше и лучше нас. Но сегодня нельзя изучать модернизационные процессы без учета опыта Азии. Поэтому мы ориентировались на переведенные статьи японских специалистов и на ряд других источников по проблемам развития Азии в конце XX века¹. Статьи проф. А. Китахары и Н. Тошитани демонстрируют историческую преемственность позитивных преобразований и значение сопротивляющейся им среды, способность реформаторов использовать и это сопротивление в свою пользу.

А. Китахара посвятил статью сравнительному анализу роли японской и тайландской общин в процессе реформирования. Тема общины — не новая для России. Статья японского профессора недвусмысленно свидетельствует об излишнем упрощении этой проблемы в России. Обсуждение проблем российской идентичности осуществляется в координатах: Восток — Запад, Европа — Евразия. Это выглядит очень правдоподобно в макросхеме, но можно ли в тех же терминах рассуждать о Смоленске и Хабаровске, о крестьянах и рабочих? Кто-то верит, что Россия станет западной страной, но готов ли он при этом сказать, что таковым будет и провинциальный город, и маленькая деревня? Во-первых, мы вряд ли найдем такие исследования, где бы обсуждалась региональная перспектива социальной трансформации и формировался целостный образ модернизированного российского города и в особенности деревни. А во-вторых, малейшее приближение к этому уровню сразу же ставит перед теоретиками проблемы, ответ на которые расходится с макросхемой российского развития или, по крайней мере, требует ее уточнения.

Главным препятствием для реформ в Японии считалась община, обладавшая высокой солидарностью («тесная»). Именно через нее была осуществлена милитаристская политика японского государства. Поэтому после Второй мировой войны в условиях присутствия американских

¹ Китахара А. Реальность и идеальный образ общины (Япония и Таиланд); Тошитани Н. Идентичность и универсальность японского права. Пер. с англ. В.Г. Федотовой // *Философские науки*. 1996. № 1–6; *Asian Transitional Economies. Challenges and Prospects for Reform and Transformation/* Ed. by S.J. Nouya, J.L.H. Tan. Singapore, 1995.

оккупационных сил основное намерение состояло в либерализации, в слове архаичных коллективистских структур. Тем не менее выход был найден самими японцами, обнаружившими, что через общину не менее успешно можно провести не старые милитаристские, но новые демократические цели государства. Община могла ответить на такую задачу лучше, чем еще не сформировавшийся индивид и еще не сложившееся гражданское общество.

Другая страна, рассмотренная в статье А. Китахары, — Таиланд. Экономическое развитие Восточной Европы в то же десятилетие не было успешным, несмотря на то, что она начинала его с довольно высоко-го старта — завершённой индустриализации и существенного продвижения в модернизации. В это же десятилетие Таиланд — страна тропической отсталости, феодальных порядков, еще недавно с восхищением смотревшая на Сайгон, сделала чрезвычайные успехи. Из Хошимина (Сайгона) с восторгом смотрели на Бангкок. Именно за последнее десятилетие XX века Таиланд вышел на уровень экономического развития, соизмеримый с европейскими странами.

Община сыграла при этом немалую роль и в Таиланде. В отличие от Японии, где община была во многом продуктом политики государства, в Таиланде община выглядела скорее как наследие бесклассового общества. Она не имеет там жесткой солидарности крестьян, является «свободной» в отличие от «тесной» японской. Община консолидировалась в одном пункте — в сопротивлении крестьян жесткости государственной бюрократии. Использовать государство для преобразований здесь было трудно, и реформаторы пошли по линии местных инициатив и инноваций, проводимых в деревнях старостами общин и другими людьми, обладавшими религиозным или моральным авторитетом и сочетавшим его со способностью к инновации.

Единая в нашем сознании с точки зрения развития Юго-Восточная Азия оказалась различной, многоликой, многоразмерной. В самих Таиланде и Японии обнаруживаются регионы разной степени развитости, в которых процесс трансформации идет по-разному.

Таким образом, после длительных и незавершенных попыток осуществить либеральную модель преобразований в своей стране Япония, а затем и Таиланд сделали подлинный скачок, обратившись к применению западных технологий и собственной инновационной деятельности при сохранении тех своих социокультурных основ, которые всегда рассматривались как препятствие на пути перехода этих стран к современному состоянию.

Япония сделала это, пройдя прежде ряд стадий модернизации — революцию Мэйдзи, реформы 20–30-х годов. Япония поразила европей-

ских путешественников, открывающих для себя мир других народов, еще в XVI веке. Другие народы Азии удивляли европейцев непохожестью, и только Япония оказалась сходной с феодальной Европой. Она состояла в это время из двенадцати тысяч государств, находящихся под общей властью императора. Они были объединены в феодальную монархию. Здесь были города, а Токио изумил мореплавателей тем, что это был город с миллионным населением, вдесятеро большим, чем Париж или Лондон того времени, город с многочисленным классом купцов, ремесленников, торговцев. Сложная политическая система, урбанизация, исключительное трудолюбие народа, любознательность сильно отличали японцев от других азиатских народов. Трудовая этика японцев особенно поразила европейцев, тоже склонных к упорному труду, но еще не давших обоснование этого в протестантской этике. Это свойство народа сочеталось с ответственностью правящего слоя. Японцы легко поддавались христианизации. Япония была открыта проникновению Запада, и только позже страна была закрыта на 200 лет из-за страха перед колонизацией.

Япония поражала единством многообразия. Здесь было много островов, много государств, много традиций.

Н. Тошитани раскрывает в своей статье долгую историю развития современного японского права, попытку найти японскую модель естественного права, привить «западные принципы» на японскую почву. Кульминацией этого процесса стала Конституция, подготовленная в штабе союзных сил после поражения Японии во Второй мировой войне. Вопреки декларации о безоговорочной капитуляции американцы согласились на некоторое условие — сохранить императора. Он и стал гарантом и легитимизирующим Конституцию фактором. Конституция аккумулировала предшествующий опыт японского конституционного строительства и была представлена народу от имени японского правительства и императора. И народ принял эту Конституцию. Несмотря на эти предпосылки применения либеральной модели, Япония пошла своим путем.

Таиланд тоже являлся уникальной страной, никогда не бывшей покоренной и колонизованной. Тем не менее именно ему грозила колониальная модель модернизации в силу его отсталости, отсутствия предшествующих попыток модернизации, политики Запада, международного разделения труда. Причины тайского успеха те же, что и японского, — использование западных технологий и своей культурной идентичности, содержание же культурных оснований — везде свое.

Что же происходило в этих странах, какой процесс, если с модернизацией связано следование модели Запада? Ответ на этот вопрос мы пытаемся дать с помощью сравнения черт трех типов общества: пред-современного (традиционного), современного (западного) и постсов-

ременного, сама идея которого была пустой конструкцией, объединяющей черты двух первых типов до тех пор, пока Япония не подтвердила уникальность своего развития.

Постсовременное — это иное название информационного, постиндустриального общества, скорее гипотеза о будущей стадии как западного, так и незападных обществ. Переход от традиционного общества к современному, как мы уже показывали, называется модернизацией. Она связана с драматическим переворачиванием всех ценностей и оснований. Переход от традиционного общества или от современного общества к постсовременному является преобразующим, но не осуществляющим радикального отказа и называется постмодернизацией. Постмодернизация — это развитие на базе собственных культурных оснований.

Тенденция к постмодернизации, под которой понималось сближение черт традиционного и современного обществ, казалась в этот период присущей как странам Азии, так и Западу, «Теснота» японской общины, т.е. жесткая солидарность ее членов, послужила, по мнению ряда исследователей, постмодернизации, но итогом ее стала большая открытость общины, превращение ее в более «свободную». Напротив, «свободная» община Таиланда затрудняла то, что названо постмодернизацией, но в ходе последней она становилась все более «тесной». Устанавливался некий баланс свободы и связности.

Некоторые исследователи отмечали сходные процессы на Западе в масштабе общества. Так, американский социолог Р. Мерельман полагал, что современное американское общество, в отличие от классической стадии, ослабляет жесткость своих связей и переходит к модели культуры, которая является слабо связанной¹. Тем самым он фиксировал сдвиг в своем обществе, который тоже считал постмодернизационным.

Успехи названных азиатских стран дают некоторые уроки.

1. Проблема социальных трансформаций для своего обсуждения нуждается не только в макросхемах, но и в микроанализе того, как это происходит на уровне каждой страны и даже ее по-разному развитых регионов.

2. Успех может быть достигнут при отказе от разрушения собственных особенностей, прежде казавшихся исключительно препятствием развитию, вхождению в современность, обновлению, в сторону конкурентоспособности с западными странами.

3. Развитие без предварительной смены идентичности позволяет людям сохранить достоинство. Достоинство состоит и в готовности к

¹ Merelman R. Making Something of Ourselves. On Culture and Politics in United States. Berkeley, 1984.

жертвам, и в готовности к трудовой аскезе (а не только к гедонистическим ожиданиям). Люмпенизированному населению нечем и незачем жертвовать, оно само — жертва догоняющей модернизации. Люди, сохранившие идентичность и достоинство, уверены в себе настолько, чтобы успешно и целенаправленно действовать.

4. Такая способность к развитию не имеет предзаданной модели, она использует уникальные особенности своих стран. Например, критикуемый азиатский фатализм, терпеливость оказались полезными свойствами на сборочных линиях технотронного века.

5. Развитие осуществляется в каждой стране или регионе страны, пытающихся выйти из ритма естественной эволюции, путем управления, нахождения конкретно и успешно действующих форм. Вместо старых терминов «модель», «проектирование» (равно как иногда встречающимся полаганием на естественное становление западных форм жизни) здесь уместны методы сценарного прогноза и менеджмента социальных трансформаций, поддерживающего устойчивое развитие, чему Япония дала немало примеров..

6. Осуществляемые трансформации закрепили культурные особенности региона и внесли быстрые изменения в экономику и технологии, но более медленные — в социальные процессы. По мнению ряда японских ученых, задачи построения гражданского общества, обычно осуществляемые в ходе модернизации, здесь не были решены полностью, но не отброшены: их еще предстояло решать.

ПОСТМОДЕРНИЗАЦИЯ — РАЗВИТИЕ НА ОСНОВЕ СОБСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
Напомним, что успех Японии и Юго-Восточной Азии в целом явился опытом, который не вписывался в модернизационные теории и разрушил представления социальной науки об обществе. Первым указал на это П. Бергер. Являясь специалистом по модернизации, он был крайне удивлен перемещением центра развития в регион, от которого никто не ожидал ничего особенного (большие и, как оказалось, напрасные надежды возлагались на Филиппины, находящиеся под сильным американским влиянием).

Опыт Юго-Восточной Азии существенно изменил взгляд на мировые процессы. Это тот случай, когда локальные воздействия на глобальные трансформации были впервые явно обозначены. Когда-то считалось, что Азия в принципе мало способна модернизироваться. М. Вебер, в частности, видел в ней трудно трансформируемое традиционное общество.

Но то, что произошло в последней трети XX века в Юго-Восточной Азии, поставило под сомнение этот тезис: «перспектива, имеющая центром Запад, более не адекватна... Согласно этой логике речь идет не о

понимании Восточной Азии, но скорее о понимании того, что случилось повсюду (включая Запад) в свете этого азиатского опыта»¹.

Появилась новая трактовка: Юго-Восточная Азия — это «второй случай капиталистической современности» после Запада, открывающий новый путь развития. Такую трактовку предложил, в частности, Бергер в предисловии к книге «В поисках Восточно-Азиатской модели развития», вышедшей в 1988 году Основой этого второго случая современности, в противоположность Западу, являлся не индивидуализм, а коллективизм. Стабильность семейной жизни, по Бергеру, оказалась здесь соизмерима с трудовой этикой Запада. Семейные ценности создавали ориентированную на достижения трудовую этику Азии. Специфика азиатской современности состоит в значении коллективистской солидарности, высокого престижа образования, меритократических норм и институтов, производящих элиты. Эти черты представляют собой особенности этого второго случая капиталистической современности и Восточно-Азиатской модели развития, опирающейся на «человеческий капитал»². Позже мы увидим некоторую проблематичность переноса понятия «человеческий капитал» в некапиталистическое общество и допустимость этого только в условиях новой глобализации, которая начнется в 90-е годы.

Сегодня кажется, что сравнение Японии и других стран Юго-Восточной Азии с Западом имело определенные натяжки. Технологическое сходство и наличие ряда демократических институтов соседствовало с исключительной культурной специфичностью стран данного региона. Модернизация, которая могла бы привести к «новому случаю современности», обычно основана на смене культурной идентичности на западную. Здесь такой смены не произошло, и была достигнута скорее не современность, а конкурентоспособность с Западом обществ, которые сочетают технологическое развитие с сохранением традиций и достаточной закрытостью, локальной спецификой. В чертах азиатского развития смешались особенности как традиционного, так и современного обществ. Так, коллективизм и солидарность плохо согласуются с принципом современности — становлением автономного индивида. В послевоенной Японии была предпринята либеральная попытка, направленная на формирование индивидуализма, но она не реализовалась. Может быть, это — «неиндивидуалистическая версия капиталистической современности»? — спрашивает Бергер. Уместно ли было бы сказать, что

¹ In Search of an East Asian Development Model / Ed. by P.L. Berger and H.-H.M. Hsiao. New Brunswick, 1988. P. 4.

² Ibidem.

это религиозная версия капиталистической современности? — Нет, отвечает американский исследователь, это новый путь. Однако он еще не думает, что это — уже не модернизация. Мысль Бергера останавливалась на том, что происходящее в Восточной Азии является новой моделью модернизации. Употребляя термин «модель», американский профессор создал некоторую надежду для других применить ее, повторить восточно-азиатский опыт. Возможно ли это? Ответ Бергера: «Я полагаю, что никто не стал бы отрицать, что нечто могло бы быть освоено из опыта общества, отличного от нашего собственного, но вопрос скорее состоит в уяснении того, может ли Восточная Азия обеспечить “модель” для других в смысле согласованной и отчетливой стратегии социального развития»¹.

Заметим, что слово «модель» здесь уже употреблено в кавычках, т.е. подвергнуто сомнению. Проблема тесно увязана с ролью культурных факторов в социальном и экономическом развитии, с неустранимостью этих факторов.

Бергер предлагает очень продуктивную интерпретацию. Он допускает существование двух гипотез — «*культурицентристской и институционалистской*». Следуя первой, процессы на Тайване, например, можно было бы объяснить тем, что Тайвань населен китайцами, чье отношение к миру определено китайской культурой и китайскими социальными институтами. Это будет объяснение через посредство образа китайской культуры и духа тайваньского капитализма. Институциональная гипотеза, согласно Бергеру, альтернативна. Она объясняет эти успехи результатами экономической политики и практики, не имеющей отношения к тому, что жители Тайваня — китайцы.

При культурицентристском подходе опыт Тайваня представляется уникальным, нетранслируемым. При институциональном могут быть предприняты усилия для его распространения в арабском мире или в Латинской Америке. Поэтому институциональный подход кажется Бергеру более перспективным. Его границы должны быть учтены посредством культурицентристских объяснений.

Однако границы, полагаемые культурой, нередко оказываются более существенными, чем институциональные возможности. Культурцентристская интерпретация не позволяет говорить о переносе тайваньского образца и даже ставит под вопрос самое представление о модели или образце: «Имеет смысл предположить, что, скажем, арабы и латиноамериканцы могли бы адаптировать фискальную или торговую политику Тайваня; но бессмысленно предполагать, что они могут адаптировать

¹ Ibid. P. 8.

тайваньскую этику»¹. Какой же выбор из двух гипотез предпочитает Бергер? В самом себе он чувствует раздвоенность: идущее от его социологической профессии и влияния Вебера тяготение к «культурцентристской интерпретации» и связанное с его собственными моральными и политическими ценностями предпочтение «институционального» подхода. В противоположность тому, что думали многие другие, Бергер утверждал, что наука никогда не дает нам одной определенной возможности.

Следуя этому методологическому указанию, можно построить две системы объяснения опыта развития вырвавшихся вперед стран Азии.

1. В терминах модернизационной теории новые процессы могли быть описаны как новая модель модернизации. В пользу этого говорит стремление стран региона к освоению западного технологического уровня и опережению его, их научные разработки, образование, социальные преобразования, вписывающие эти страны в концепт «современности». Против этого свидетельствует сохранение собственной идентичности, роль традиций, противоречащих вхождению в современность.

2. Это особое свойство — сохранение идентичности, использование мешавших традиций (коллективности, религиозности) — в интересах развития делало более убедительной точку зрения, что рассмотренный процесс выходит за пределы модернизационной теории.

Следует отметить, что это противоречие *институционального* и *культурного*, *институционального* и *ценностного*, и напряженность отношений между этими полюсами сохраняется всегда. Иной формой его выражения является противоречие между политикой и культурой².

В истории модернизации самого Запада решающую роль сыграли культурные сдвиги — Ренессанс, Реформация и Просвещение. Институты сами являлись продуктом новых ценностей. Но, будучи построенными, они стали способствовать воспроизводству ценностей и ограничению возможностей институционализации новых мировоззренческих подходов. В этот период люди на Западе заметно не удовлетворены господством институтов, о чем свидетельствовали волнения 1968 года. У них появился новый интерес к базовым ценностям, что также характеризует конец 1960-х — 1970-е как время принципиальных изменений. В целом процесс соотношения ценностей и институтов на Западе можно было представить цепочкой: влияние культуры, ценностей — институционализация — воспроизводство ценностей — интерес к утраченным

¹ Ibid. P. 9.

² Gilbert F. Geschichte. Politik oder Kultur? Ruckblick auf einen klassischen Konflikt. Frankfurt, N.Y., 1990.

в ходе модернизации базовым ценностям — возможно, создание новых институтов.

Происшедшее в Юго-Восточной Азии соответствовало такой перемене отношений между ценностями и институтами, когда старые ценности явились источником новых социальных институтов. Тип развития, при котором это происходит, назывался нами первоначально постмодернизацией, под которой, как уже было показано прежде, понималась попытка соединить черты и ценности традиционного и современного обществ: традицию и инновацию, религиозность и светскость, коллективизм и индивидуализм, иерархичность и демократическое политическое устройство, ориентацию как на мировоззренческие ценности, так и на науку и пр. Постмодернизацию мы рассматривали за неимением других объяснений, объективно соответствующих незрелости реальных тенденций, как новый виток модернизации на основе культуры. Основанием для этого являлось то, что постсовременность не отрицала современности радикально, и постмодернизация, которую страны традиционного типа, казалось, проходили вместо *модернизации* и или продолжая незавершенную *модернизацию*, решала и ряд задач *последней* или *оставляла их на потом*.

Постмодернизация дала возможность этим странам миновать некоторые этапы западного развития, особенно болезненные процессы смены идентичности на западную. Она казалась, вместе с тем, совпадающей с тенденцией перехода Запада к постсовременной (постиндустриальной, информационной) стадии.

Но это предположение было навеяно не постмодернизмом как эклектическим толкованием перемен, отказом от героического, серьезно в пользу иронического отношения к прежним святыням, а скорее растерянностью, неясностью перспектив. Сегодня это смотрится как пройденный этап, который сметен последующим развитием Азии, Запада, коммунистических стран и победой теории незавершенного проекта модерна, выдвинутой Ю. Хабермасом и развитой Э. Гидденсом, У. Бекком, С. Лэшем и др. Идеи поздней, рефлексивной современности, предложенные ими, составили новую концептуальную протосхему продолжающейся модернизации. Эти исследователи не употребляли понятий «Третья великая трансформация» и «Третья современность», но они ближе всего подошли к тому, что мы обозначаем подобным образом.

Третья великая трансформация:
новая глобализация
(1989 — настоящее время)

Кризисы 1960–1990-х слились, создавая особые препятствия для понимания и осуществления самостоятельных практик. Студенческий бунт, как и вся волна анархизма 60-х, казалось, остались в прошлом, но кем стали его участники, какие конвенции ими были достигнуты? Рядовые участники сопротивления организованности, как правило, зажили жизнью обывателей. А лидеры чаще всего использовали свое участие в революции 60-х для вхождения в элиту общества. Многие «попутчики» — хиппи и прочие представители маргинальных форм жизни — погибли, не вынеся тягот социально выбитого из колеи существования.

Опыт Азии этого периода остался не понятным ни наукой, ни общественностью. Мы долго колебались, перенести ли параграф «Спор постмодернизми и модернизма и расширение представлений о современности» из предыдущего в данный раздел. Но в нем отражена та часть кризиса, которая требовала либо объяснения, либо перемен в самом развитии, кризиса, охватившего как распад второй организованной современности, так и неуверенную поступь начинающейся Третьей великой трансформации.

И, наконец, внезапно вспыхнувший неолиберализм Р. Рейгана и М. Тэтчер на Западе, а так же самая радикальная из версий антикоммунизма — неолиберализм в посткоммунистических странах, почти смыкающийся с анархией и бунтом, которыми завершилась организованная современность, окончательно разрушил все самоочевидные ценностные конвенции.

Переходной эпохой мы называем 1960–1990-е и не в смысле перехода куда-то, что было бы можно определить (как, например, говорили в 90-е о периоде транзита, перехода к демократическому обществу или капитализму), а в смысле времени, не имеющего ясных конвенций в отношении ценностей и практик.

Глава 1. Продолжающийся кризис реконвенционализации переходного периода: 1960–1990

Здесь мы уже не будем говорить о студенческом бунте и анархизме, ибо они оказались на ранней стороне реконвенционализации прежнего организованного капитализма.

Однако тройной конвенциональный кризис, о котором мы намерены говорить, составил переходный период между Второй и Третьей великими трансформациями: студенческий бунт, анархическое сопротивление организованности капитализма, попытку вернуться к либерализму, сопровождающуюся анархическими тенденциями, а так же когнитивный кризис в восприятии азиатского опыта 70–80-х годов XX века. С одной стороны, вызов Азии конца 70-х годов оставался в пределах Второй великой трансформации 1914–1990 годов, когда первая глобализация закончилась, а вторая не началась, когда современность и капитализм трансформировались из либеральных в организованные с 1914 по конец 1960-х годов, затем стали видоизменяться в новое состояние вплоть до перехода от организованной современности к дезорганизации, квазиобъясненной и в отношении Запада, и в отношении Востока, но заложившей предпосылки Третьей великой трансформацией. Это был тот самый переход, который З. Бауман, как мы уже упоминали во Введении, сравнил с упражнением, когда пес на экране превращался в кота: изменения происходили на глазах, но момент превращения трудно зафиксировать.

а) От идей постмодернизации к концепции поздней современности
Различия в интерпретации процессов в Юго-Восточной Азии последней трети XX века связаны с пониманием того, стали ли сделавшие качественный скачок в своем развитии общества этого региона *современными* или же они достигли *неизвестного прежде состояния*.

Современное общество мы определили прежде как индустриальное, западное, капиталистическое общество. Это была теоретическая конвенция, превращение слова повседневного языка, с точки зрения которого в современности живут и традиционные, и примитивные общества, в

понятие с фиксированным теоретическим смыслом. Повторим, что для опыта Юго-Восточной Азии было характерно *сближение антагонистических черт традиционного и современного общества*, их взаимодополнительность, включающая в себя ориентацию на новое, с учетом традиции; использование традиции как предпосылки модернизации; светскую организацию социальной жизни, с сохранением значения религии и мифологии в духовной жизни; соединение целе- и ценностной рациональности; интегральный образ времени, включающий прошлое, настоящее и будущее; значение выделенной персональности и, вместе с тем, одобрение и использование имеющихся форм коллективности; сочетание мировоззренческих и инструментальных ценностей; демократический характер власти, но признание авторитетов в политике; эффективную производительность, но и ограничение пределов роста; совмещение психологических характеристик человека традиционного и современного общества; эффективное использование науки при осуществлении традиционных, ценностных легитимаций социального выбора, сочетание естественной эволюции с регулируемым ускорением; соединение городских и деревенских форм жизни; наличие гибких и институциональных форм организации общества; сочетание локального и глобального.

Такой список «всего хорошего» мог бы быть сконструирован как мысленная попытка смягчить конфликты модернизации, но она показалась бы утопической, если бы не было реально успешного поиска новых институтов и структур на основе традиции.

Важно отметить, что тенденция такого же рода начала проявляться и на Западе¹. Постиндустриальное, постсовременное общество требовало новых социальных технологий, объединяющих принципы организации с коренными чертами народов как на Западе², так и на Востоке. В этой интерпретации обнаруживалось различие культурного и институционального, ценностного и институционального, а также конкуренцию тенденций видеть мир гомогенным или гетерогенным. При гомогенном подходе центральным считалось понятие мировой системы, некоей целостности, которая может стать предметом социальных наук и теории модернизации. При гетерогенном подходе теоретиков больше интересовали культурные различия и более приемлемы постмодернистские теории³.

¹ См: *Lipset S.M. The Third Century. America as a Post-Industrial Society. Stanford, 1979.*

² *Antropology of Organization. / Ed. By S. Wright. L., 1994.*

³ *Global Modernities /Ed. by M. Featherston, S. Lash, R. Robertson, L., New Delhi. 1995. P. 4.*

Согласно Гидденсу, это был период *высшей или поздней современности*. Гидденс, однако, полагал, что можно говорить о постсовременности не только как о культуре, но как о новом институциональном порядке, который может быть реализован в будущем. Иными словами, речь шла о том, а что будет существовать после капитализма? Социализм не представлялся ему альтернативой из-за его экономической неэффективности и авторитарного управления экономикой. По мнению Гидденса, посткапиталистические (постсовременные) общества будут скоординированы на глобальном уровне. Их будет отличать многоукладность с демократическим участием, демилитаризация, гуманизация и социальные технологии, направленные на преодоление нужды. Он считал возможным координацию глобального порядка, преодоление войны и создание системы планетарной защиты, а также социализированной экономической организации¹. Легко видеть, что постсовременность у Гидденса — это теоретический конструкт, сформированный в ответ на обнаруженные недостатки капитализма (современности), на их «недуги». А.Тоффлер одним из первых прогнозировал переход общества из индустриальной фазы (как в ее капиталистической, так и социалистической форме) к информационному обществу, что было более конкретным, чем термин «постиндустриальное».

Отвечая в начале 90-х на вопрос своего русского собеседника о настоящем и будущем Америки, Тоффлер отмечал произошедшие большие сдвиги. Исчез порожденный индустриальным периодом развития стандарт «американского образа жизни», выработанный в «плавильной печи» взаимодействия людей разных рас и национальностей (добавим, в порождаемой индустриализмом массе). Появились, в отличие от прежде достаточно однородной массы, всевозможные группы со своими интересами — национальные, принадлежащие к разным «кругам» общества, ведущие разный образ жизни. Тоффлер писал: «...печь по-прежнему работает, но упомянутые групповые особенности не переплавляются в абсолютный стандарт. Все, так сказать, находится в печи, но при этом сохраняет свою особость»². Сегодня, когда печь уже не работает и по-

¹ Giddens A. *The Consequences of Modernity*.

² Тоффлер А. Америку ждет раскол или единство с азиатским оттенком. См.: Миронов В. Известный футуролог о неизбежности прогресса // Независимая газета. 1994. 7 июня. С. 5. См. также: Porter B. *Can American Democracy Survive?* // *Commentary*. 1993. November. P. 37–40; Huntington S. *If not Civilization, What? Paradigms of the Post Cold War World* // *Foreign Affairs*. 1993. November/December. V. 72. P. 186–194.

пытки ее восстановить проваливаются, это мало значащее тогда замечание приближает к пониманию нынешней ситуации.

Говоря о будущем Америки в этой ситуации, он обозначил два варианта ответа. Первый — это раскол Америки на западную и восточную части, а второй — единство, но с азиатским оттенком. Восток Америки будет ориентирован на Европу, Запад Америки — на Японию и Тихоокеанский бассейн. Единство же страны может быть сохранено, только если Америка в изрядной мере «азиатизируется». Речь шла о возрастании роли азиатской части населения, о геополитической ориентации на Азию и, наконец, о возрастании «незападных ценностей» в новой Америке. Ведь информация, которая будет играть решающую роль в будущем, не понималась Тоффлером сугубо технологически и включала в себя не только технологические или научные сведения, но и искусство, и моральные ценности. Новый образ будущего тогда был не ясен многим теоретикам. Он определялся, как и прежде, через ведущие конфликты: «...Никакие изменения в обществе не происходят равномерно, они всегда происходят волнообразно. Например, индустриализация подрывает сельское хозяйство — это конфликт первой волны. Развитие промышленности приводит к увеличению загрязнения окружающей среды — это конфликт второй волны. А когда буржуазное мировоззрение вступает в конфликт с феодальными интересами — это уже конфликт третьей волны»¹.

Следовательно, переход общества на стадию «третьей волны», т.е. в информационную, постиндустриальную стадию, а так же в новых тогда терминах — в постсовременную фазу, есть одновременно его «азиатизация», но такая, где азиатский компонент не принимается в чистом виде, ибо главный конфликт — это борьба буржуазных ценностей с феодальными, средневековыми. В ряде концепций, возникших в то же самое время, было дано «эквивалентное описание», т.е. описание в разных концептуальных рамках или в виде метафор, еще не связанных с теориями, тех сдвигов, которые происходили на Западе. Эти концепции характеризовали изменения Запада как переход к постсовременному обществу (постмодернисты), постиндустриальному обществу (Д. Белл, А. Тоффлер, С. Липсет), к информационному (Р. Нисбет), к обществу риска (У. Бек, Э. Гидденс). В системе наших рассуждений термин «постсовременность» находится в корреляции с понятием «традиционное общество». Постмодернисты считали, что эта стадия присоединяет к ценностям современного общества отвергнутые прежде традиционные ценности и архаику, сплавливая их в причудливый конгломерат.

¹ Тоффлер А. Америку ждет раскол или единство с азиатским оттенком. С. 5.

Необходимо было различать два смысла перехода к постсовременности:

1) «Мегатренд» — глобальную, универсальную тенденцию, затрагивающую как Запад, так и немногие незападные страны;

2) характеристику более мягкого (*без разрушения основ*) перехода к модифицированной современности (*постсовременности*), соединяющей черты традиционных и современных обществ. Переход к постсовременности мыслился, прежде всего, как отрицание современности.

Постмодернизм вернулся к антимодернистской, предмодернистской критике современного общества, сопутствующей западной модернизации. Он соответствовал складывающейся на Западе ситуации — описать растущую неудовлетворенность обществом и требование новой реальности. С помощью критики, осуществляемой с антимодернистских позиций, постмодернизм показал «смерть высокого модернизма», его понимание «как вещи прошлого», чьи «утопические амбиции были нереализованы», чьи «нормальные инновации были истощены»¹. Концепция постсовременной культуры, постсовременного общества, постсовременного развития претендовала на то, чтобы подвергнуть критике современность и вернуться к ценностям традиции. В ней отвергались революции и инновации современного общества, отмечался кризис легитимации процесса развития, исчезновение старых источников легитимации. Вместе с тем постмодернизм «резонировал» модернизм, обновляя его. Концепция постмодернизма вызвана не только разочарованием в Западе тех, кто его не догнал, но и разочарованием Запада в себе самом. По мнению Ю. Хабермаса, она была связана с самим представлением о времени, которое никогда не останавливается в своей «современности», которое всегда наполняется определенным (позитивным или негативным) содержанием, связывает прошлое и будущее, традицию и инновацию². Поэтому он считает современность (модерн) незавершенным проектом. Н. Лукман более жестко говорил, что постмодернистская эпоха — абсурд, что продолжение современности гарантировано фундаментальными структурами, обеспечивающими непрерывность³.

Встречное движение в развитии Юго-Восточной Азии и Запада, не было простым отрицанием западной модели модернизации в Японии,

¹ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. A Report on Knowledge. Oxford, 1989. P. 9.

² Хабермас Ю. Модерн — незавершенный проект // Вопросы философии. 1991. № 4.

³ Lukman N. Soziologische Aufklärung. Opladen, 1990. S. 233.

оно высветило ее пределы для самого Запада. «В XX веке глобальная интеграция продемонстрировала Японии предельные возможности для вестернизации, за которые ей нет необходимости выходить, Япония не повторила западный модернизм. Но в то же время и Запад стал остро осознавать дефекты модернизации. И в этом самодиагнозе Запада Япония смогла, наконец, найти своего духовного двойника», — пишет автор обзора «Модернизм и культурные ценности японского народа», цитируя совместную работу японского и западного авторов¹.

Интересно, что концепция постсовременного общества вызревала у тех, кто изучал незападный мир, низшие слои общества на самом Западе, советскую систему и социализм, развивающиеся страны, Восток в его классическом противостоянии Западу, Юг в его современном противостоянии Северу. Экономическая отсталость, политическая незрелость, отсутствие гражданского общества сопровождалась в этих западных регионах наличием таких форм жизни, которые были утрачены Западом, и к которым он начинал стремиться: меньшая степень отчуждения; ценностная рациональность, хотя и при нехватке целерациональности и в противоположность целерациональности Запада; отсутствие засилья худших образцов массовой культуры; солидарность и пр. Незападные страны имели более теплые отношения между людьми, в сравнении с культурами Запада, хотя порой и резко переходящие в свою противоположность. При этом Западная Европа как регион тысячелетней культуры содержала в себе национальные особенности, и традиции, и высоту культуры. В таких странах, как Греция, Италия влияние массовой культуры оказалось не столь значительным. Невелико оно было и во Франции. Поэтому Западная Европа имела собственный потенциал воспроизводства некоторых желаемых черт традиционного общества, одновременно с сохранением достижений западной цивилизации в уровне развития, обеспечении прав человека и свобод.

Весьма нелегко ответить на вопрос, вызревала ли эта новая парадигма в умах теоретиков (Тоффлера, Нисбета, постмодернистов, А. Этциони и др.) и становилась ли она основанием легитимации новых социальных процессов, как это уже было в XVII–XVIII веках, или она объективно складывалась в истории и лишь фиксировалась ими. Полагаем, что оба эти процесса имели место, хотя научно-рациональная и этическая легитимации не являлись исчерпывающими или доминирующими. *Источником же рациональных философских и научных описаний социальной реальности выступала сама меняющаяся реальность, порож-*

¹ Корнилов М.Н. Постмодернизм и культурные ценности японского народа. М., 1995. С. 14.

дающая новые концепции развития в качестве ответа на угрозы, которые испытывало человечество и которые устанавливали предел его возможностям и границы его существования.

Росла общая экологическая опасность, которая касалась отношений человека с природой, изменений его собственной природы и изменений его «второй природы» — культуры, было заметно общее повышение риска. Вводящий понятие «общество риска» Гидденс считал, что риск в постсовременном обществе становится имманентным самому существованию¹. А. Тоффлер и Х. Тоффлер отмечали, что постиндустриальное общество не избавляло от риска, присущего индустриальным обществам, оно лишь добавляло к нему новые риски, в том числе связанные с нелинейным, неравновесным поведением социальных систем². Разрушение природы, как условие существования человечества, разрушение собственной биологической природы и собственной социально-культурной природы — одичание и варварство, исчезновение морали, составляли ту границу, которая делала невозможным дальнейший отказ от традиций и ценностей. Борьба между локковским человеком (человеком «современным») и «средневековым» человеком, т.е. человеком традиционного общества, еще вчера составлявшая пафос модернизации, уже не казалась столь очевидно необходимой как теоретически, так и на уровне феноменологических описаний. Теоретически, т.к. искомым становился синтез этих моделей; эмпирически, т.к. имелся пример Японии и других государств Юго-Восточной Азии, где была «продемонстрирована примечательная способность приспособления средневековой идеологии к требованиям современности»³.

Япония осуществила успешную модернизацию, обогнав многие европейские страны и Америку не потому, что она следовала какой-то рационально-научной модели, а потому, что сумела использовать традиционные ценности — семьи, труда — в своем развитии. В дискуссии по проблемам модернизации японский ученый Т. Юмесао писал: «Японская модернизация развивалась на базе ее собственных очевидных традиций в ее собственном историческом окружении. Япония не заимствовала европейской модели модернизации и не явилась моделью для других стран»⁴. Бывший премьер-министр Малайзии М. Мохаммед под-

¹ Гидденс Э. Судьба, риск безопасность // Thesis. 1994, № 5.

² Toffler A., Toffler H. War and Anti-war. Survival at the Dawn of the 21st Century. L., 1994.

³ Lodge G. The New American Ideology. N.Y., 1989. P. 7.

⁴ Islamic World and Japan. Tokyo, 1978. P. 5.

черкивал, что люди его страны научились превращать свои слабости в силу¹.

Самое понятие модели недействительно для такого типа развития. Мы видели, как бился Бергер, пытаясь понять эту новую реальность, и в результате показал, что институциональная модель осложняется культурцентристской интерпретацией. Ему оставалось сделать шаг, чтобы сказать об отсутствии модели, проекта, и он его почти сделал.

«Модерн», а в более точном переводе «современность», можно было назвать незавершенным проектом в разных смыслах: во-первых в том, что и самое новое в развитии не отрицает современности полностью, но исправляет ее радикализм, оставляя при этом основания подчеркнуть принципиальность различий между прежним и новым; во-вторых в том, что современность — это ценность, от которой невозможно отказаться; в-третьих, в том, что современность никогда не завершается, поскольку имеет многообразные воплощения, соответствующие особенностям стран; и, в-четвертых, что она не может быть окончательно построена, ибо считать так, значит думать, что общества достигают или могут достичь неких идеальных состояний, которые не потребуют дальнейших улучшений. Здесь к теоретическому содержанию понятия «современный» возвращается его повседневное значение — «лучший, самый передовой».

Мы не пытались ни доказать, ни опровергнуть обе точки зрения: постсовременность — 1) *разрыв с прошлым* и 2) *его продолжение*. Даже Япония, которой это приписывали, не вошла в постсовременность, и не было ни одного другого постсовременного общества. Япония — наиболее близкий пример, но многие в Японии *хотели бы решить некоторые нерешенные задачи модернизации уже, так сказать, после постмодернизации*. Японские социологи, в частности те, на которых мы ссылались, понимали, что если их страна этого не сделает, *она будет удаляться от современности, терять свою производительность (что и случилось к 90-м), если сделает — будет приближаться к ней*. Ситуация была амбивалентна, и дискуссия о разрыве с современностью или ее продолжении была преждевременна. Смысл понятия «постсовременность» был не в том, чтобы настоять на разрыве, а в том, чтобы как-то обозначить изменения серьезного характера.

Термин «постмодернизация» был необходим как переходный для подчеркивания перехода к будущему нового типа. Он употреблялся крайне редко. Пожалуй, один из авторов этой книги (В.Г. Федотова) был одним из первых, кто ввел его, имея в виду объяснить как способ и направленность развития мира в целом, так и, прежде всего, приблизиться к объяс-

¹ Мохаммед М. От имени своего народа. М., 1998.

нению сущности процессов в Юго-Восточной Азии. Среди западных исследователей концепцию постмодернизации разделяли американские исследователи Р. Инглехарт из Принстонского и Ф.С. Шмиттер из Стенфордского университета. Сутью модернизации оба исследователя считали сдвиг от авторитета религии к авторитету государства. Постмодернизационный сдвиг они понимали как движение от авторитета государства к авторитету традиции, от нехватки ценностей к их поддержке, как уменьшение эффективности бюрократических структур и доверия к ним, отрицание Запада в качестве модели при одновременном непризнании социалистической альтернативы, уменьшение престижа науки, технологии и рациональности. Наука переставала быть религией XX века, а становилась важным, но достаточно обычным человеческим деянием.

Мы видим, что вычлененная из постмодернизма доктрина развития лишена «скольжения на волнах души в век информации», либо гиперэстетики¹, абсолютной маргинализации и нерациональности. Это была концепция, меняющая представление о соотношении ценностей и институтов в пользу доминирования ценностей и их способности к производству институтов. Данное утверждение являлась более верным, чем чистая декларация о переходе к постматериальным ценностям. Многие исследователи показывали, что Япония, в которой наилучшим образом реализовалось представление о постсовременном развитии, по-своему всегда была постсовременной страной — с высоким чувством эстетизма, многообразием, условными, игровыми формами поведения людей, нежеланием японцев становиться «взрослыми» капиталистами, наподобие капиталистов США и Англии. Им присуща ориентация на доброжелательные, личные, а не абстрактные безличные отношения².

Необходимо отметить, что Япония не смогла вестернизироваться в послевоенный период и то, что называли в ней постмодернизацией — было результатом крепости традиции. В 1990-е годы идея постмодернизации обсуждалась в восточно-европейских посткоммунистических странах. Однако здесь не учитывалось то, что Япония и сейчас не прекратила усилий по строительству гражданского общества, т.е. не отбросила задач модернизации, хотя никогда не хотела догнать Запад или быть похожей на него. Важно и то, что постмодернизация не предполагала в Японии поддержания маргинальности, анархии и пр., как это нередко представляется в России. *Другая опасность — состояла в том, чтобы превратить постмодернизацию в проект, т.е. применить этот подход,*

¹ См.: На путях постмодернизма. Отв. ред. И.С. Андреева. М., 1995.

² Корнилов М.Н. Указ. соч. С. 25–29.

ориентированный на использование уникальных возможностей в развитии, в некую навязанную схему.

Во множестве описаний «японского чуда» подчеркивалась значимость групповой идентификации японца, отсутствие индивидуализма (основы модернизации Запада), а также признание им серьезной значимости своей роли в группе.

Постмодернистская концепция развития лишала понятия «постсовременность», «новая современность» теоретического содержания. Постсовременными казались все те наличествующие общества, которые обещивали себе стабильность, жизнеспособность и развитие на основе абсолютно любых подходов (anything goes). Если, например, люди в стране безынициативны или даже глупы, не имеют трудовых навыков, возможна ли здесь модернизация? Модернизационный ответ на этот вопрос давали многочисленные примеры переделки людей, жестокость модернизационных процессов. С точки зрения постмодернизации — совершенно невозможно и не нужно менять этих людей, а можно использовать такие, следующие из их пассивности свойства, как готовность работать за низкую плату, терпение, неспособность бунтовать и т.д. Женщины Юго-Восточной Азии терпеливо плели корзинки, а затем так же терпеливо паяли диоды и триоды высококачественной бытовой электроники.

Однажды во время дискуссии со студентами о развитии один из авторов этой книги заметил, что студент из Гамбии спокойно улыбается. «А что Вы думаете о развитии, о модернизации?» — «А мы решили не развиваться», — продолжая улыбаться, ответил он. Постмодернизация допускает такой выбор. Если при этом люди счастливы. Для мира даже важно сохранить какие-то уголки, не преобразованные демиургически усилиями человека.

Во многих источниках приводились прогнозы Всемирного банка, определенно фиксирующие в 1970-е годы перемещение центра экономического развития с Запада в Юго-Восточную Азию. Однако это не должно вводить в заблуждение: экономический успех не характеризует еще изменение образа жизни, социальных отношений.

б) Спор модернизма и постмодернизма и расширение представлений о современности

Выше были рассмотрены два типа развития: модернизация и постмодернизация — модернизация на основе собственных традиций. Обе они могут привести к успехам в развитии, но имеют и свои недостатки.

О недостатках догоняющей модели модернизации мы уже писали в этой книге. Обсудим здесь еще один. Различие скоростей развития не-

западных и западных стран приводит к тому, что догоняющая модель является одновременно запаздывающей.

Если бы «образец», который стремились догнать — Запад, — оставался неизменным, запаздывающую модернизацию можно было бы выделить в отдельную модель. Например, развитие Германии было явно запаздывающим. Находясь в сердце Европы, будучи родиной протестантской этики, имея все предпосылки капитализма в ней, Германия только во второй половине XX века присоединилась к западной парадигме жизни. Она долго сохраняла феодальную раздробленность, почвеннические тенденции, долго смотрела на свою судьбу как несчастливую из-за малости территории при большом населении. «Семья, родина и работа» немцев выражали коллективистский менталитет в отличие от «Свободы, равенства и братства» французов. В то время, как Париж был столицей столиц буржуазного мира, Берлин оставался столицей феодального государства. Германия опаздывала.

Сказать про Россию, что она опаздывала, затруднительно, т.к. она как раз все время догоняла. Но поскольку она часто догоняла вчерашний день западного развития (отменяла крепостное право, в то время как в Европе царило буржуазное право; продолжала индустриализацию, когда на Западе уже переходили к информационным технологиям; начинала первоначальное капиталистическое накопление, тогда как на Западе этот процесс завершался 500 лет назад и начал быть заметен поворот к широкому усвоению отбрасываемых прежде традиций), догоняющая модернизация являлась одновременно опаздывающей и рецидивирующей¹. Догоняющая (и одновременно) запаздывающая модернизация требовала высокой цены, имела маятниковый характер (из-за высокой цены приходилось постоянно отступать от поставленных задач, но затем снова возвращаться к ним, проходить циклы и волны развития²) и ... никогда не могла «догнать», ибо тот, кого догоняют (Запад), уже ушел вперед.

Запад же быстро шел к постиндустриальному, информационному обществу. Связывать эту фазу с деятельностью или объяснениями постмодернистских теоретиков, как мы уже отмечали, однозначно нельзя, хотя постмодернизм чутко отразил эти изменения³. Прежде всего он

¹ Наумова Н.Ф. Социальная политика в условиях запаздывающей модернизации // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 6–21.

² Пантин В.И. Волны и циклы социального развития. М., 2004.

³ Postmodernism and Its Discontents. Theories, Practices. Ed. by E.A.Caplan. L.; N.Y., 1988. P. 312.

отреагировал на вступление Запада в потребительскую фазу, которая уже не требует ни трудовой, ни мирской аскезы. Однако развитие Южно-азиатских стран было построено на подобной аскезе — и трудовой, и мирской, т.е. осуществлялось по-своему. Постмодернизм — культурная логика (но не социология) позднего капитализма¹, сошлемся еще раз на Джеймисона. В трудах постмодернистов нет термина «модернизация». Нет и термина «постмодернизация»; поскольку постсовременное общество не имеет статуса образца. Скорее, они употребляли термины «постколониализм»², «постпоздний модернизм»³. Запад видел перед собой мир, который не подчинился ему, не вестернизировался полностью, несмотря на то, что Запад продолжал оставаться лидером мирового развития.

Термин «постмодернизация», как мы уже объясняли, должен быть понят в своем объективном значении, то есть как такой путь развития, при котором возвращаются к прежде отбрасываемым традициям. Постмодернизм предлагает стилистику жизни и исследования в эпоху постмодернизации. Подобно тому, как Ш. Бодлер уловил появление спорного, преходящего, временного с началом позднего капитализма, постмодернисты улавливают эклектическое, маргинальное, разнообразное. Относиться же к этому вовсе не обязательно постмодернистски. По мнению З. Баумана, цель социологии — познание постсовременного мира, а не следование за постмодернизмом⁴. Чтобы понимать постсовременный мир, можно использовать разные подходы. Постсовременность предполагает амбивалентность жизни, возможность жизни в разных мирах, исследования в разных парадигмах. Но это «еще не универсальные» (по Бауману) черты как Запада, так и мира в целом.

Реконвенциализация представлений о современности, вызванная азиатским опытом, находила и собственные корни на Западе в поведении новых поколений, утративших оптимизм и пафос, расслабленных консьюмеризмом и инфантилизированных им. И может быть поэтому попытка введения новых конвенций повернула назад — к героическому, стоическому и рациональному опыту Первой великой трансформации и первой современности, но повторилась, как фарс.

¹ *Jameson F. Excerpts from Postmodernism, or the Cultural Logik of Late Capitalism // A Postmodern Reader /Ed. By Y. Natoly and L. Hatcheson. N.Y., 1993.*

² *Slemon St. Modernism's Last Post // Ibid. P. 426–437.*

³ *Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // A Postmodern Reader. P. 9–24.*

⁴ *Ibid.*

**в) Неомодернизм и неолиберализм
как возврат к модели догоняющей модернизации**

К тому времени, когда возникли проблемы слома коммунизма и поисков альтернативной идеологии, реконвенционализация в отношении к Азии была забыта, т.к. казавшийся стремительным и неожиданным ее опыт не продолжился, началась стагнация.

Начались события в России.

Витающие в воздухе обрывки постмодернизма и синергетики определили фразеологию многих российских реформаторов. Суть же их позиции совсем не постмодернистская. Мы уже ни раз обращали внимание на то, что постмодернизм не признает никакой героической и радикальный порыв. Его отношение к миру ироническое. Как известно, ирония — это тип отношения к действительности, который отрицает настоящее и пародирует все, что ему принадлежит. Действительный постмодернист не останавливается перед самоиронией, отрицает возможность социального проекта, ибо настоящее, возникшее в результате его осуществления, будет заслуживать не меньшей иронии. Пределом иронии, конечно, является самопародирование или пародирование своей деятельности и ее продуктов. Постмодернисты доказывали, что история полна альтернатив, что социальный проект в силу этого более невозможен и потому невозможны необходимые для внедрения проекта убежденность, серьезность, энергия, напор, мобилизация масс, пафос и пр. Как отмечает известный специалист по модернизации Дж. Александер, в постмодернизационные теории встроено поражение (Defeat) и отступление (Resignation), они предполагают комическое или ироническое отношение к миру. Антимодернизационные теории — героическое возрождение. Модернизационная модель была им охарактеризована следующими признаками:

1. Общества представляются как последовательно организованные системы, чьи подсистемы близки к взаимной зависимости.
2. Историческое развитие характеризуется двумя типами социальных систем, традиционной и современной, статус которых поддерживается определением характера их социальных подсистем детерминистским образом.
3. Современность определена через отношение к социальной организации и культуре специфических западных обществ, которые были типизированы как индивидуалистические, демократические, капиталистические, научные, светские и стабильные, разделяющие работу дома в соответствии со спецификой пола.
4. Как исторический процесс модернизация поддерживается вовлечением нереволюционных, приносящих прибыль изменений.

5. Историческая эволюция к современности — модернизация — успешно достигает свои цели, вплоть до некоторых гарантий, что традиционные общества могут иметь экономический взлет к индустриализации, демократизации, секуляризации и образованию¹.

Модернизация требует грандиозных усилий, большой цены, серьезности, несовместима с иронией. «В теории постмодерна интеллектуалы представили себе и обществу свободу своего ответа на поражение героических утопий радикального социального движения, ответ, в котором распознается поражение...», — писал Александер². Если этот ответ, это понимание уже предъявлено, как возможен модернизм и модернизаторы, модернизация, в особенности догоняющая? — спрашивает Александер. Как возможен неомодернизм, когда модернизационные теории подвергнуты критике со стороны не только постмодернизационных, но и социалистических теорий?

Модернизационные теории погубило не наличие научных альтернатив, а их неспособность ответить на экзистенциальный вызов тех слоев, которые труднее всего адаптировались к процессу радикальных изменений. Это были и новые коллективные социальные движения — крестьянские волнения, движения черных и чиканос, восстания возмущенных народов, движение молодежи, студенческие волнения, выступления женщин и др. Тем не менее, послевоенные социальные теории содержали следующие настроения:

- 1) модернизационная теория — романтический либерализм;
- 2) антимодернизационная теория — героический радикализм;
- 3) постмодернистская теория — комическое отчуждение;
- 4) появление фазы неомодернизации — пересмотренная теория конвергенции и снова романтический либерализм.

«Теоретический остаток каждой фазы все еще жив сегодня», — говорит Александер³.

В особенности он жив в тех странах, где процесс модернизации не завершен, где она, догоняя, опаздывает и в принципе обнаруживает невозможность догнать, тщету модернизационных усилий. Неомодернизаторы не смогли отнестись к ней с иронией, ибо за процесс развития была заплачена большая цена. На Западе модернизация осуществлялась веками, нынешнему поколению его граждан она досталась без особо высокой цены, и потому ироническое отношение стало возможно.

¹ Alexander J.C. Modern, Anti, Post and Neo. S. 178, 175, 168–169.

² Ibid. S. 182.

³ Ibid. S. 163.

Постмодернизм показал, что идея современности — результат лингвистических подходов — генерализаций, нарративов, стремлений пренебречь явлением ради сущности. Надежды левых интеллектуалов (на социализм. — *Авт.*) были разбиты в конце 1970-х. Победили, причем основательно, правые. В 1980-е годы они были триумфаторами, начавшими инициировать изменения в западном обществе. Третье поколение интеллектуалов в послевоенном западном обществе составили как раз не левые, не умеренные, а крайне правые неолибералы. Их успех был связан с неудачами коммунизма. Они одержали над ним не только политическую, экономическую победу, но и победу на уровне исторического воображения¹. Коммунистические страны не сумели найти экономические стимулы, либерализоваться до уровня демократий и войти в высокотехнологичный мир. Это было предпосылкой победы неолибералов. Однако их триумф оказался неожиданным в силу изменений в устремлениях самого Запада к информационному обществу, ослаблению норм рациональности и трудовой гонки, а также в связи с появлением критически-иронического и даже комического отношения четвертого поколения интеллектуалов-постмодернистов к ценностям Запада.

Неолиберализм привел российскую модернизацию к состоянию, близкую к анархическому порядку, включающему слабость центральной власти, коллективных представлений и институтов общества, а так же самопомощь и кооперацию (прямо по П.Н. Кропоткину) и разрыв с чуждой интеллигентской культурой (прямо по М.А. Бакунину). На другом уровне он продолжил студенческие бунты и анархизм 60-х в борьбе с организованной современностью коммунизма. Это была идеология, коренным образом противостоящая коммунизму и, следовательно, максимально реконвенционализирующая его ценности и практики. 1990-е сегодня признаны кризисными, но суть кризиса — реконвенционализация или попросту ломка устоявшихся ценностей.

Именно «негативный триумф над странами социализма» привел неолибералов к драматической серии «позитивных успехов в 1980-х годах в их агрессивном проведении капиталистической рыночной экономики»². Неолибералы реанимировали идею рынка символически и фактически на самом Западе и в посткоммунистических странах.

Если идеи модернизации 60-х годов базировались на стагнации капиталистической экономики, возможности ее догнать и влить в нее новые силы, то теперь речь шла об универсальном способе оживить эко-

¹ Ibid. S. 183.

² Ibidem.

номику как Запада, так и посткоммунистических стран. В 60-е годы ценой модернизации незападных стран казался авторитаризм, в 80–90-е ее предпосылкой повсюду стали считать демократию. Все, что казалось постмодернистам комичным, вернулось в неолиберальные теории — героический пафос творения нового общества, универсальные схемы, непрерывность, фаталистичность и безальтернативность истории. Термин «неомодернизм», которым характеризовался этот новый полный пафоса универсализм, был введен американским социологом Е.Тирикьяном для характеристики появившегося в условиях успеха постмодернизма нового направления мысли, ориентирующего на повторение идей модернизации периода вхождения в современность самого Запада, реанимации представлений об освобождающей роли рынка¹.

Александр показал, что это произошло в связи с новой сменой интеллектуальных поколений: старшие были лишены иллюзий относительно Запада, новые интеллектуальные группы стали создавать позитивное значение социальных теорий рынка, возрождать теоретически индивидуализм, псевдоромантический подход к рациональному выбору². Это похоже на трактовку К. Мангеймом идеологии и утопии: идеологии поддерживают статус кво, утопии несогласие с ним, и для этого годится все что угодно.

Новые интеллектуальные группы пренебрегли идеями рыночного социализма, идеями плавного реформирования, образцами развития в Южной и Юго-Восточной Азии. Неомодернизм выступил в 1990-е годы одновременно как неоиндустриализм, неонституционализм, неофункционализм, неоуниверсализм, неоклассическая социальная теория. Неомодернизм возобновил дискурсы раннебуржуазного общества, не замечая своей реликтовости, давая смелые обещания построить капитализм не за 500 лет, как это было в копируемых странах, а за 500 дней. Неомодернизм опирался на национализм, исходя из идеи исторического повторения ранних капитализмов, но его модернизационный потенциал оказался низким. Произошла идеологизация неомодернистских концепций, стремление сделать их символом веры масс.

В итоге нового витка модернизации не произошло, по крайней мере, в посткоммунистическом мире 90-х. Что же произошло? «Не модернизация, но демократизация, не современность, но рынок — это термины, которые применяются в новых социальных движениях периода неомо-

¹ *Tiruakian E. Modernization: Exhumetur in Pace // International Sociology. 1991. № 6(2). P. 165–180.*

² *Alexander J. Op. cit. P. 185.*

дернизма»¹ в посткоммунистических трансформациях их первого десятилетия. Это стало попыткой вновь использовать социальную теорию в качестве источника легитимации развития, т.е. попыткой вернуться даже не в XIX век, чем был марксизм, а в XVII–XVIII века. Ее нереальность способна реанимировать то, из чего выростал коммунизм — недемократические национальные режимы, — предсказывали мы в 90-е годы. Коммунизм сменяется на капитализм повсюду, отчасти исключая Россию, национализмом. Это создает новые конфликты на национально-культурной и цивилизационной почве, возвращая не только посткоммунистические страны, но и мир в целом к конфликтам позднефеодальной эпохи, новому Средневековью.

«В каких чертах рисуется новое средневековье? — спрашивал Бердяев, — видевший в коммунизме не модернизацию, а новое средневековье (на деле модернизацию со средневековыми чертами) — ...Это есть, прежде всего... конец гуманизма, индивидуализма, формального либерализма культуры Нового времени и начало новой коллективной религиозной эпохи, в которую должны выявиться противоположные силы и начала, должно обнаружиться все, что оставалось в подпочве и подсознательном новой истории»². Предчувствие и даже концепции этого «еще более нового средневековья» как реакции на крайности неомодернизма и неолиберализма во многом не обманывали, хотя он выступал в формах модернизационных идеологий. Но неолиберализму не пристало было громить свое дитя и результат его безальтернативного наступления на коммунизм.

В энергичном проведении неолиберальных плохо работающих моделей Запад делал попытку закрепить свое могущество, особенно очевидное в период современности (*modernity*), остановить процесс собственных изменений и парадигмы индустриализма, господствующей в это время, и дать миру «нетленный» образ уже не существующего Запада. Имея революционный менталитет, посткоммунистические лидеры ухватились за модель неомодернизации (догоняющей модернизации) как единственно возможную, ибо в ней ясны враги и препятствия, ясны цели. Сложные теоретические шаги, показывающие весь комизм этой модели, были не знакомы правящим элитам посткоммунистических стран, ибо они были озабочены собиранием сторонников, а не анализом ситуации.

¹ Ibid. S. 188.

² Бердяев Н.А. Новое средневековье // Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 244.

Догнать развитые (современные) общества Запада — вот цель, которая стояла перед Россией на всех этапах ее модернизации — в период реформ Александра II, П. Столыпина, во время большевистской модернизации и в 90-е годы XX века. Слова о том, что мы должны догнать Европу, можно найти в суждениях Петра I, в сочинениях, начиная с И.И. Петрункевича (реформатора эпохи Александра II), в мемуарах А. Витте, в автобиографии Л. Троцкого, в высказываниях И. Сталина и в современных декларациях.

Исторически прогресс в России осуществлялся как на основе несвободы и поиска коллективных возможностей, так и на основе свободы и поиска персональных возможностей. Но в любом случае за эталон, за норму были приняты развитые капиталистические страны — Европа, Америка. Именно эта идея обуславливала догоняющий характер модернизации. Быть похожей на США — заветная мечта Мексики, быть похожей на Западную Европу — планы Восточной Европы и евразийских стран, таких, как Россия и Турция. Это обеспечивало поступательность модернизации, ее осуществление шаг за шагом, акцентировало модернизационный процесс, давало ему видимые цели.

В данной связи встает вопрос о европейской идентичности России, о стран Юго-Восточной Азии. Из Китая Россия смотрится как Европа, из Арабских эмиратов Турция предстает совершенно европейской страной, хотя из Франции они выглядят не такой уж и Европой.

Модернизация предполагала следующий ответ на поставленный вопрос: они европейски идентичны тем более, чем более похожи на Западную Европу. В действительности же европейская идентичность этих стран — это не похожесть на Европу, а их собственная способность быть Европой для своих менее развитых соседей.

Россия делала ошибку в 90-е, 1) отрицая и разрушая свой прежний опыт, в том числе опыт прежних модернизаций (советский период); 2) продолжая ориентироваться на «догоняющую модель» модернизации вместо использования всех наличных черт общества для развития; 3) полагая, что завтра здесь должен быть Париж; 4) полагая, что в столкновении цивилизаций нам не придется участвовать, и, забывая, что Запад никогда не примет нас до конца (как это происходит с Турцией и Мексикой), ибо мы другие; 5) забывая, что и Запад начинает меняться, и догонять уже некого, разве что, как всегда, XIX век.

Значило ли это, что альтернативой модернизма мог стать постмодернизм? Выше мы уже ответили на этот вопрос. Бедным, отсталым, посттоталитарным странам трудно выбрать ироническую перспективу отношения к себе, присущую постмодернизму. Такая перспектива возможна лишь на фоне удовлетворения первичных потребностей. Со смер-

тельной серьезностью обращаются эти страны к новым вариантам светлого будущего, и только поражения, неудачи вводят в арсенал аргументов идеологов иронические идеи диалектики «распада-становления», вовсе лишённые комизма для тех, кто социально не защищен.

Кроме того, постмодернистская ирония не воплощается в проект. Трудно понять, что на ее основе может возникнуть в России. Любимое дитя постмодернизма — маргиналы не распознаны ни в пролетариате, ни в маргиналах посткоммунистической эпохи, а ведь они во многом были ими. «Сон разума рождает чудовищ», и какие чудовища могли вырасти из попыток постмодернизации в России, никто не знает. Не исключено, что новый изоляционизм, поворот только к Азии, рефеодализацию. Постмодернизация, исправляя некоторые недостатки неомодернизации и неомодернизма, еще не проявила своих худших сторон. Поэтому, критикуя неомодернизм, мы не считаем постмодернизационные теории альтернативой.

Революционная «закваска» толкает к поиску быстрых путей, к нахождению путей, а не объяснений, понимания и менеджмента социальных трансформаций.

В экономическом плане конец неомодернизму и неолиберализму (в теоретическом смысле) был положен заявлением российских и американских экономистов (Л. Абалкина, О. Богомолова, В. Макарова, С. Шаталина, Ю. Яременко, Д. Львова, американских экономистов, лауреатов Нобелевской премии Л. Клейна, В. Леонтьева, Дж. Тобина, проф. М. Интрилигейтора, М. Поумера). Это заявление было опубликовано накануне президентских выборов 1996 года и было адресовано любому победителю президентской гонки. В нем подведен урок неомодернизации, и дана его критика совсем не в духе постмодернизации. Отмечая неудачи реформ, экономисты выдвигают пять принципов новой экономической политики.

1. Увеличение роли государства в экономике, подобно тому, как это происходит в смешанных экономиках США, Швеции и Германии.

2. Правительственные меры против криминализации экономики.

3. Государственные меры против депрессии в производстве.

4. Серьезные изменения в социальных отношениях и социальной защите.

5. «Государство должно признать, что если и существует “секрет” рыночной экономики, то он состоит не в частной собственности, а в конкуренции»¹.

¹ Новая экономическая политика для России // Независимая газета. 1996. 1 июля. С. 1, 4.

Тем самым предлагался курс на восстановление потерь, стабилизацию, сохранение демократии и вхождение в мировое сообщество, не порывающее с ориентацией на Запад, но он трудно поддается определению. В экономическом плане это неокейнсианство, но в плане развития это модель для посткоммунистических стран, та модель, о необходимости которой, кстати, заявлял и признанный неолиберал М. Фридман¹.

г) Демодернизация. Воля вместо свободы

Парадигма российской истории, по словам В.О. Ключевского, следующая: «Государство пухло, народ хирел». Нет сомнений в том, что 1990-е годы в России дали одну из самых убедительных иллюстраций этой формулы.

Возникает, однако, вопрос: почему же хиреющий народ продолжал поддерживать и выбирать ту власть, которой он этим был прямо обязан? Коммунисты считали, что его одурачили, навязали ему антикоммунистическое мировидение назойливой пропагандой, фальсифицировали выборы, кое-где подкупили, кое-где обманули. Неолибералы считали, что народ выбрал свободу и никогда более не вернется к коммунизму как символу насилия, что народ прозрел. Не хотелось бы брать в расчет коммунистическую подозрительность и ту долю реального влияния, которую красно-белая упрощающая схема телеэфира сыграла в президентских выборах 1996 года. Хотелось бы показать только одно: что самому хиреющему народу было привлекательно в этой власти. Действительно ли свобода? Действительно ли демократия?

Демократия, свобода Запада предстают как механизм, части которого жестко соединены в работающую конструкцию. Демократия — это действующий механизм, основанный на сдержках и противовесах, балансах и взаимодействиях, ответственности и дисциплине. Демократия — это социальная и политическая машина, в которой, чтобы она работала, нужно действовать по определенным правилам. Демократия уменьшает риск ошибиться в лидерах из-за многообразных систем проверок и подстраховок. Сюда входят принципы: свобода, правовое государство, конституция, естественное равенство, социальная справедливость, рыночное хозяйство, но все эти принципы сразу же материализуются в части социального механизма, в основе которого — труд и производство. Америка, по существу, — коммерческая республика, организовавшая свободу производства и реализации продукта и защитившая ее политической системой. У этой машины есть проблемы, о которых здесь не

¹ Фридман М. Четыре шага к свободе // *Общественные науки и современность*. 1993. № 3.

стоит говорить. Но важно сказать, что в России того периода укоренилось представление о демократии как об антикоммунизме, как о свободе ото всего, как о словах, как об имени, присваиваемом одной группе в пику плохому «недемократическому» противнику, хотя на деле это ничего общего с демократией не имело. Не имело к ней отношения понимание свободы как естественного состояния, анархии или вместилища всего, чего угодно. Все эти трактовки свободы, которые у нас исповедовали все от мала до велика, от правителей, неолиберальных идеологов и их политических оппонентов до народа, никакого отношения не имеют к свободе как форме политической и цивилизационной организации общества. Однако эти трактовки являлись доминирующими в российском обществе.

Негативная мобилизация, в которую оказалось брошенным наше общество, заставила людей искать источники выживания — натуральное хозяйство, купля-продажа, любые виды непрофессиональной деятельности. Доцент вуза, продававший в свободное время средства от тараканов, жил на деньги от этого бизнеса (не будем ставить кавычек), а вовсе не на свою не всегда выплачиваемую доцентскую зарплату. Бывший токарь, безработный после закрытия завода, продавал косметику в парикмахерских и больше не сожалел о заводе, поскольку ему хватало получаемых за два часа работы в день денег на жизнь. Продавец, стоящий на морозе, думал, как бы согреться, но уже не хотел работать в цеху, ходить на работу каждый день и пр. Коммунистическое и неолиберальное объяснение причин провала коммунистов на выборах фиксировало только часть истины — были слои населения, поддавшиеся агитации, и были люди, верящие в свободу как отсутствие коммунизма, но базовую тенденцию — появление огромного слоя людей, которые боялись коммунистов по совершенно особым неполитическим причинам, они не видели. Чего же боялись насчитывающие миллионы массы людей? Они боялись не политической несвободы, не лагерей, которыми так пугали, они боялись, что коммунисты их заставят работать — вернут к их станкам, цехам, полям и фермам. Они не хотели уже оставить частный извоз, морозную палатку, свой огород, сомнительный бизнес и пр., не говоря уже о криминальных делах, в которые пока еще, слава богу, было вовлечено не все самостоятельное население. Миллионы людей не хотели уйти из натурального хозяйства и видели в этом свободу в ее традиционном российском исполнении — волю (вместо свободы как политической системы и цивилизующей силы).

Этот русский путь явился особым, поскольку он характеризовал Россию как западную страну по своим целям модернизации и как азиатскую по способам их достижения — рефеодализация, натуральное хозяйство.

Цели предполагали прогресс, вступление на путь развития, сходный с избранными или выпавшими на долю западных государств, ускорение развития. Средства заимствованы из азиатских деспотий или похожи на них. Сопротивление — бунт, свобода как своеволие. Это противоречие воспроизводилось с постоянством архетипа. Причина этого — не в национальном характере, не только в склонности правящего слоя к злоупотреблению властью, а в исторической судьбе народа. В ее основе — стремление к прогрессу, несмотря на низкий экономический старт и незрелость предпосылок к быстрому развитию.

Анархическое понимание свободы типично для России. *В России обнаруживается вторичная ценность свободы в сравнении с равенством и справедливостью, а также тяготение к анархическому представлению о свободе как воле.* Неoliberalизм, высмеивая традиционные ценности равенства и справедливости, настаивал на концепте абсолютной свободы, которая легко перетолковывалась в российских условиях в волю и своеволие. Переход к естественному состоянию и был избран как путь формирования капитализма в России вместо модернизации, капитализма и демократии. Итог этого — дорога назад, к старому русскому архетипу воли, выработанному в противовес государственному деспотизму.

Почему именно архаические представления заполнили возникающую пустоту? Подобно тому как старый человек не помнит порой вчерашних событий, но отчетливо представляет обстоятельства детства, народы тоже в условиях разрушения их привычного уклада возвращаются к давнему прошлому, закрепленному в их национальный код. Это хорошо показано в серии статей А.С. Ахиезера, опубликованных журналом «Рубежи» (1995–1997 гг.). Россия, будучи частично традиционным, частично модернизированным обществом, имела предпосылки заполнить разрушенную часть архаическим содержанием.

Про российскую реформу 1990-х нельзя сказать, что она провалилась. Она просто не началась. Исчез не очень зажиточный советский средний класс и не сформировался новый, существовали только богатые и бедные, и казалось, что скоро, как в Перу, на крышах богатых вилл будут стоять пулеметы. Догоняющая модернизация и неомодернизм не реализовывались. Причина этого — невнятность цели, неясность того, какую стадию западного развития догоняла страна, нелиберальная идеология с ее полаганием на абсолютно свободного индивида. Даже буржуазный индивид только теоретически отвечает требованиям нелиберального стремления к максимуму благ, граждане России не имели в массе такого уровня консьюмеристской мотивации и условий для законного обогащения. Некоторые полагают, что естественное состояние таило в себе много возможностей, в том числе и возможность появления ростков де-

мократии. Пример, подтверждающий эту точку зрения, — эпоха первоначального накопления на Западе. Если принять эту точку зрения, становится ясным, что мы догоняли Запад эпохи первоначального накопления тогда, когда Запад давно уже завершил этот этап развития. И эта архаизация происходила после того, как Россия уже прошла процесс индустриализации. Становится понятным утопизм тех, кто переход к естественному состоянию или посткоммунистической свободе как вместилищу всего считал модернизацией, а не демодернизацией. Это значит, что снова надо было пройти западный путь целиком и даже повторить свой предшествующий путь. Очень часто архаические демодернизационные процессы путают со «сверхсовременными» — постсовременными. Однако природа демодернизации и постмодернизации принципиально иная: традиционные общества архаичны, постсовременные привлекают прежнюю архаичность как дополнение к современности, не отрицая последней и стремясь ее достичь или сократить (если речь идет о Западе). Это уже отчетливо выявлено на материале опыта развития «третьего мира»¹. Неверное толкование неолиберализмом ситуации в посткоммунистических странах наверняка было бы заметно западным либералам.

д) Западные либералы против российских западников

Географическое видение модернизма — Запад и «остальной мир». Сегодня в условиях, как сказали бы Хабермас и Гидденс, новой современности все становится более дифференцированным: США, Западная Европа, Восточная Европа, Восточно-Азиатские центры развития, Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Россия и «остальной мир». География постмодернизма: меньшинства, этносы, не Европа государств, а Европа регионов, и весь мир, от микромолекулярного до глобального, с заметным пропуском реального — еще существующих наций-государств, еще не исчезнувшей роли Запада как центра мирового могущества и влияния. Однако то или иное введение географического аспекта, разделение некой целостности на регионы, если и не создает приоритета уникальности в социальных исследованиях, то по крайней мере вводит локальное, уникальное в обсуждение развития. География тут присутствует совместно с историей, культурой, обществом.

Неолиберализм как кризис между двух трансформаций проявился в особо острой реконвенционализации.

Российские западники были, безусловно, убеждены, что они — наследники идей западного либерализма. При этом либеральные идеи в

¹ Lee R. L. M. Modernization, Postmodernism and the Third World // Current Sociology. 1994. Summer. Vol. 42, № 2.

посткоммунистической России звучали в особой неолиберальной форме, утверждавшей, что согласно своей природе человек является экономическим, т.е. ориентированным на максимум удовлетворений при минимизации издержек. Утверждалось, что эта трактовка принадлежит еще А. Смитту. Как становится все более очевидным, эта точка зрения неверна.

Многие исследователи (Дж. М. Кейнс, Дж. Арриги и др.) были убеждены и все более убеждаются сегодня, что «экономический человек» появляется не у Смита и даже не у Д. Рикардо, а в более поздних неолиберальных теориях XIX века и особенно последней трети века XX, где сама *природа* человека мыслится как направленная на максимум удовлетворений (невольно включая сюда как экономический материальный успех, так и удовлетворение материальных потребностей) при минимизации издержек. Практически такой человек действительно существовал, но не по природе своей, а когда в конце первой либеральной современности экономика оказалась преобладающей над другими сферами общества. Универсализация и онтологизация этой модели человека в экономической теории неолиберализма, особенно у Дж. Бьюкенена, М. Фридмана и других представителей Чикагской школы, связана с тем, что, во-первых, отмеченная природа человека мыслится как всеобщая, во-вторых, исключения воспринимаются как особенности традиционных докапиталистических обществ или нехватка персональной модернизации в капиталистических; и в-третьих, эта природа присуща, по мнению неолибералов, всем людям в обществе, а не только непосредственным акторам капиталистического производства. Заметим, что при этом Фридман в своей статье «Четыре шага к свободе»¹ утверждал невозможность применения неолиберализма в России.

В России, как и прежде, во время Первой русской революции, демократия рассматривается как продукт экономического развития, экономика (сегодня рынок) ставится во главу угла общественных преобразований. М. Вебер не был согласен с подобными российскими представлениями.

Причина неудач Первой русской буржуазной революции, по мнению Вебера, состоит не только в способности власти защитить и провести себя даже через революции, но и в соперничестве демократических движений, а также в том, что «... в конкретных и своеобразных исторических обстоятельствах возникло особое религиозное настроение, породившее идеальные ценностные представления, которое в комбинации с бесчисленными и тоже своеобразными политическими обстоятельствами, а также материальными предпосылками определили “этическое своео-

¹ Фридман М. Четыре шага к свободе.

бразие” и “культурные ценности” современного человека. Сможет ли какое-либо материальное, а тем более нынешнее “позднее капиталистическое” развитие сохранить эту своеобразную историческую атмосферу или создать ее заново?... Нет ни тени намека... Есть ли признаки чего-либо подобного в идеологии и практике тех, кого, как им самим представляется, “материальные” тенденции ведут к победе?»¹. Без правового государства, автономного индивида, духовной революции, осознания ценности свободы Россия, считал Вебер, не могла быть успешной в формировании капитализма, приближающегося к западному. Все эти упреки 1906 года вполне применимы к революции 1990-х и ко всему этапу посткоммунистических российских трансформаций.

Не выдерживает критики и апелляция сегодняшних российских западников к Ф. Хайеку. Он сравнивает рынок и науку, поскольку обе системы являются системами переработки информации и связаны с получением непредвиденного результата. Инновации рынка есть продукт переработки огромного массива знаний, которыми обладают не знающие друг друга люди. Хайек показывает, что защита конкурентного порядка часто неправильно понимается и неверно проводится: «Если в последние несколько лет, то есть в течение периода, который только и интересует практических политиков, — пишет он в 1947 году то, что актуально для нас в 2008-м, — в подавляющей части мира почти наверняка продолжится движение к большему государственному контролю, то более, чем чем-либо иным, это объясняется отсутствием реальной программы или... последовательной философии у противостоящих этому групп... это факт, что почти повсюду группы, претендующие на оппозицию социализму, поддерживают в то же время такие варианты политики, которые, если обобщить их основополагающие принципы, в не меньшей степени ведут к социализму, чем откровенно социалистические меры. Во всяком случае, достаточно оправданна насмешка, что многие из тех, кто претендуют быть защитниками “свободного предпринимательства”, на самом деле являются скорее защитниками привилегий и сторонниками государственных мер в их пользу, чем противниками любых привилегий»². Таким образом, свободное предпринимательство не равно конкурентному порядку и даже может подавлять его.

Хайек восстанавливает подлинность Смита, введя различие между присущим ему истинным индивидуализмом и ложным индивидуализ-

¹ Вебер М. К состоянию буржуазной демократии в России // Русский исторический журнал. Весна 1988. Т. I. № 1. С. 297.

² Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. М., 2001. С. 115.

мом. Истинный индивидуализм опирается на возможность спонтанного социального порядка, в котором созданы социально-культурные условия для того, чтобы индивид мог преследовать свои интересы с пользой для других. Ложный индивидуализм основан на требовании правильного поведения, исправления людей, изменения их морали или политических убеждений. Как правило, это дорога к рабству.

Посмотрим, как революционно, не менее революционно, чем у большевиков, выглядит формула российского западничества 1990-х, получившая на Западе название «рыночного большевизма», по меткому выражению Д. Глинского и П. Рэддавея. Славянофилы полагаются на стихию народной жизни, западники — на роль интеллигенции, на проектную силу ее идей. Как ни странно, но «западники» Запада, т.е. либералы, считают прямо противоположным образом. Либерал Хайек показывает, что особенностью либерализма в таких его классических образцах, как А. Смит, является признание спонтанности общественного порядка, складывающегося из действий индивидов, что этот порядок не есть результат проекта или действий совершенных людей. Он отличается всего лишь тем, что в нем негативные качества людей, такие, как эгоизм или жадность, находят применение в интересах общего блага: «Не может быть большей противоположности этому, чем ложный индивидуализм, который хочет растереть все эти небольшие группы (совместных усилий, семьи, общностей. — *Авт.*) до атомов, ничем между собой не скрепленных, кроме навязанных государством принудительных правил»¹, если учесть, что рекультуризация, совместимая только с большевистской, началась тогда, когда неолибералы были у власти. Как ни парадоксально это выглядит, спонтанный социальный порядок скорее разделяли старые российские славянофилы, чем западники, хотя славянофилы не были индивидуалистами, а полагались на такой *атом российской жизни, каким в ту пору являлась община*. Разумеется, этот атом давно исчез или разрушен, но условия для возникновения автономного ответственного индивида не возникли. Появился негативный индивид массового общества.

е) Недостатки и трудности классической модернизационной теории

Реконвенциализация в этот переходный период, безусловно, коснулась и классической теории модернизации — когнитивную основу модернизационных преобразований и поддержания парадигмы современности как в теории, так и на практике.

¹ Там же. С. 42.

Не излагая подробно эволюцию модернизационной теории, выделим ее основные модификации.

Классическая модернизационная теория была описана в начале данной книги. Классическая теория модернизации адекватно описала модернизационный опыт Запада и способствовала модернизации ряда незападных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран «третьего мира» и оставила вне зоны интереса страны «четвертого мира». Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что времени классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец.

Классическая теория модернизации подвергается сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Она обвиняется в излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркивается такая негативная ее сторона, как излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. К списку недостатков классической модернизационной теории добавляется признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишшающее общества возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование рекультуризации, которое предъявляется незападным народам в процессе модернизации. В ходе западной модернизации произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории модернизации рассматривается как реанимация этноцентризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергается догоняющая модель развития, используемая незападными странами и их попытка приблизиться к уровню развития западных стран.

Ныне указанные черты развития вызывают сомнение и неудовлетворенность, как в теоретическом, так и практически-политическом смысле. На модернизационную теорию возлагается ответственность за неудачи модернизаций в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям классической модернизационной теории, на которую они были ориентированы.

Особое неудовлетворение вызывает тезис о линейности хода истории и жестких требованиях девелопментализма, ориентирующего любое общество на позитивные изменения в соответствии с западной моделью развития. Нелинейность развития является сегодня признанным фактом, создающим возможности для изменения траектории развития как человечеством в целом, так и каждого отдельного общества. Синергетика описала процессы, которые меняют направленность своего развития в точках бифуркации, изучены механизмы накопления предпосылок для подобных перемен и вместе с тем вероятностный, непредзаданный характер их осуществления (В.С. Степин). Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И. Валлерстайн отмечает наличие центральной, полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии¹. У. Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделение стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран², к которым относится и Россия. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже в том случае, если в них осуществляется модернизация по классической модели.

В 1984 году в уже упоминавшейся работе «Мегатренд. Десять новых направлений развития будущего» Дж. Нисбет прогнозировал перемену отношений между Югом и Севером в пользу Юга. Если этот прогноз и сбьлся, то в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С. Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций³. Не сбьлись предположения Ф. Фукуямы о конце истории как торжестве западной модели развития. У классической теории модернизации появились оппоненты и конкурирующие подходы, вложившие в критику своей предшественницы подлинное негодование.

¹ *Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System. Cambridge (USA), 1994.*

² *Beck U. The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order. Cambridge (UK), 1999; Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Он же. Что такое глобализация? М., 2001.*

³ *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y., 1996.*

Признавая, что классическая модернизационная теория, как и всякая другая классическая теория, со временем начинает встречаться с обстоятельствами, которые она не в состоянии объяснить и предвидеть, а значит, превратить в факты в своих теоретических рамках, отметим, тем не менее, несогласие с приведенной критикой, которая отличается, с нашей точки зрения, тремя недостатками: *онтологизацией теоретических конструктов, антиисторизмом и презентизмом как разновидностью последнего.*

Дело в том, что классическая теория модернизации является именно *теорией*, а не идеологией, не парадигмой или исследовательской программой, тесно связанной с вненаучным знанием. Она непонятна неспециалистам, построена с использованием *идеальных типов* (М. Вебер) или теоретических конструктов, как называют эти типы многие современные методологи. *С повседневной точки зрения, исходя из обыденных представлений, не существует никакого противопоставления между традицией и инновацией: в любом обществе существуют как традиции, так и инновации. Поэтому нет качественного различия, исходя из этой установки, между традиционным и современным обществами. Если различие может быть установлено, то только количественное: в одних обществах больше традиций, в других — больше инноваций. Радикальность различий традиционного и современного общества на уровне повседневного сознания не прослеживается. Классическая модернизационная теория использует термины обыденного языка, но придает им понятийное значение. Традиционное и современное общество предстают в ней как идеальные типы. При работе с такими конструктами, представляющими наиболее существенные характеристики рассматриваемых обществ, невозможно онтологизировать идеальные типы, принимать их за реальность. Они выступают как методологические регулятивы, направленные на понимание различающихся по сущностным параметрам обществ, касающиеся логики перехода, драматизм которой очевиден именно из-за противоположности черт традиционных и современных обществ, а не из этических соображений. Имеется в виду упрек Б.Г. Капустина теориям модернизации в том, что они неспособны подняться до этического сочувствия и размышления о тех слоях, которые станут жертвой модернизации¹. Теория модернизации ясно указывает на коренной характер слома старых структур в случае модернизации и на следующую отсюда неизбежность жертв. Но не теория, а элиты, решившиеся на модернизацию, должны осмыслить ее цену и взять на себя*

¹ Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого коммунистического десятилетия // Полис. 2001. № 4. С. 10.

этическую и политическую ответственность за тех, кто пострадает в ходе модернизации.

Антиисторизм критики состоит в том, что пятисотлетняя история Запада была историей прогресса и модернизации как самого Запада, так и последовавших за ним незападных стран. Несовпадение целей и результатов модернизации было замечено и вскрыто при классической модели. Его причины и в описанном выше утопизме модернизационной мобилизации, и в невозможности онтологизировать теорию. Но регулятивные функции этой теории осуществлялись успешно там, где были предпосылки для модернизации или где была проявлена способность реформаторов к модернизации даже в неподходящих для этого условиях. Так, журнал «Тайм» признал человеком века XX К. Ататюрка, осуществившего модернизацию в казалось бы совершенно неподходящем для этого месте — в Турции.

Презентизм отношения к классической модернизации состоит в том, что сегодня ее готовы критиковать все, тогда как в 1990-е на нее сделали ставку элиты посткоммунистических стран, и своевременная критика с негодованием отвергалась как «враждебная реформам». Ведь революционаристская формула «иного не дано» овладела политическим классом и на первых порах и массой.

Появившиеся сегодня постэволюционистские и постпрогрессистские теории реагируют на опыт неудачного применения классической модернизационной теории в случае постколониального и посткоммунистического развития, на теоретические изменения в видении развития — признании его нелинейности и негарантированности в связи с появлением нового мегатренда — глобализации, которая перевела модернизацию на локальный уровень и лишила ее единого образца. Поэтому мы можем констатировать, что изменившиеся обстоятельства привели классическую модернизационную теорию к кризису. Ее коренное противоречие всегда состояло не в тех недостатках, которые ей сегодня в изобилии приписываются, а в невозможности совпадения идеального типа с результатом применения теории. Строго говоря, М. Вебером было доказано, что нельзя построить капитализм западного типа без его духовных предпосылок. На его уникальность указывал С. Хантингтон и другие исследователи. Модернизационная теория не утверждала обратное, она указывала на жесткие условия приближения, считая последнее в той или иной мере возможным. Вина за неудачи применения этой теории лежит на радикальных либералах, которые были уверены в обратном: теорию можно в чистом виде воплотить в реальность, причем не считаясь с ценой.

Ясно, что классическое понимание модернизации является предельно жестким. Оно требует взаимной увязки всех параметров, меняющих-

ся при переходе от традиционного общества к современному. Неосуществимость этих требований при модернизации привела к поискам менее сложных объяснений.

ТРАНЗИТОЛОГИЯ

Ответом на глобализацию был ряд новых модернизационных теорий. Среди них: *транзитология*, упрощающая излишне сложную задачу классической модернизации и слишком туманную задачу постмодернизации. Транзитология требует достижения только двух параметров модернизации: демократизации и маркетизации. На состоявшейся в мае 2002 года в Институте философии РАН российско-южнокорейской конференции по проблемам модернизации профессор Ин Сукча на примере Кореи и авторы данной книги на примере России показали, что задача демократизации не является простой и легко достижимой. Ее выполнение так же зависит от культурных предпосылок, как и осуществление классической модернизации. То же относится и к рынку.

Доклад профессора Ин Сукча «Корея и реформированный либерализм» чрезвычайно важен для понимания не только корейской ситуации. Он проливает свет и на некоторые особенности российских реформ. Россия, как и Корея — незападные страны, шедшие по пути догоняющей модернизации. Некоторые трудности, которые они испытали в ходе данного процесса, оказались сходными.

Но особенно важен представленный доклад для анализа эволюции модернизационной теории и характеристики ее нынешнего состояния.

Сравнительный анализ некоторых тенденций российского и корейского развития показывает, что модернизация и контрмодернизация в обеих странах осуществляются одновременно в результате противоречия между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Одобрение транзита не в состоянии преодолеть ни южнокорейские, ни российские традиционные ценности. Традиционализм как форма контрмодернизационной идеологии действует в обеих странах. В Южной Корее персоналистская интерпретация конфуцианства помогает индустриализации и экономическому развитию, но создает процветание только небольшой элитарной группе. Сходные процессы происходят в России.

Радикальному либерализму здесь противостоят две группы традиционалистских ценностей — российские и советские. Последние во многом являются модификацией первых и включают в себя такие ценности, как коллективизм, справедливость, патриотизм и др. Высказанный профессором Ин Сук Ча тезис о связи традиций и контрмодернизационных тенденций может быть усилен и конкретизирован на примере традици-

онного понимания в России свободы как своеволия, свободной воли. 1990-е не были десятилетием демократии в России, а были десятилетием свободы. Если быть более точным, десятилетием свободной воли, негативной свободы (свободы «от», как определял И. Берлин, т.е. от внешних ограничителей и внутренних «тормозов»), а не позитивной свободы (свободы для чего-то, по его же определению). Утвердившийся тип свободы был социально неорганизованным и ничем не ограниченным. Некоторые аналитики (И. Клямкин, Л. Шевцова) называли сложившийся социальный порядок «бессистемной системой». Это была хоть и неплохая, но всего лишь метафора. Многие ученые говорили о российском хаосе. Но это слишком строгое определение: хаос не может быть типом порядка и основой стабильности. Скорее в России 1990-х сложился анархический порядок, анархия как тип порядка. Есть пять признаков такого порядка: слабость центральной власти; нехватка демократических институтов; отсутствие коллективных представлений как институтов; самопомощь и кооперация (анархия, согласно представлениям русского анархиста П. Кропоткина); люмпенизация масс, аномия (разрушение ценностей или их рассогласование) в масштабах общества (анархия этого типа ассоциируется с именем другого классика анархизма — М. Бакунина, который полагал, что подлинная цель свободы — бунт простых людей против чуждой им интеллигентской культуры).

Первые три черты анархии присутствуют в международной системе, две другие являются российским продуктом в теоретическом плане, получившим и наиболее яркое практическое воплощение. Анархия была результатом негативной мобилизации масс в ельцинском социальном контракте, реконструируемом как «делайте, что хотите, но голосуйте “за”». Не политическая манипуляция, а тождество архетипов народа и правящей элиты 90-х привели к этому соглашению. Количество людей, вовлеченных в неформальную экономику, составило 30–40 миллионов человек, поддержавших Ельцина на выборах 1996 года только за то, что они имели возможность не иметь дела с государством. Анархически настроенные люди не согласны на легитимацию любого авторитета или власти, включая демократическое государство. Анархизм есть негативная форма индивидуализма, отрицающая не только власть, авторитет, но и интересы другого. Это — идеология жизни на уровне базового выживания, которая до определенной степени допускает прямую демократию (коллективные решения, но не демократическое государство), мелкую собственность и прямые действия. В 1998 году эти люди стали жертвами анархической игры верхов, приведшей к дефолту. Дефолт имел и некоторое позитивное значение: он показал ошибочность позиций радикальных реформаторов; люди из секторов серого и черного рынка

были вынуждены вернуться в сферы реального производства. Из ста «челноков» (торговцев товарами,купаемыми ими в Турции, Китае, Венгрии и пр. и продаваемых в России) в 1998-м сохранило свой бизнес только восемь.

Это подтверждает вышеупомянутый тезис об одновременном действии модернизационных и контрмодернизационных тенденций в незападных странах.

В России радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, стремление немедленно рекультивировать массы — к оживлению глубоко лежащих архаических начал, демократизация — к анархическому порядку, рыночные тенденции — к неформальной экономике, которая не является ни рыночной, ни государственно регулируемой¹.

Транзитологическая упрощенная версия модернизации разделяет демократический процесс на ряд ступеней: появление демократических идей, лидеров и движений, раскол элит и общества по вопросу о необходимости демократии, либерализация, пакт (соглашение) между противоборствующими силами, консолидированная демократия. Не касаясь пока возможности объективно и четко выделить эти этапы, отметим, что освоение демократических идей и институтов незападными странами не обязательно ведет к демократии. Эта констатация предстает как опытный факт, с которым нельзя не согласиться. Даже успешная демократическая институционализация часто приводит к созданию специфических квазидемократий.

Наблюдается расширение спектра стран, называющих себя демократическими. Как отмечает один из исследователей, в отношении демократии складывается «радикально новая картина, происходит экспоненциальный рост демократий: 1790: две или три так называемые демократические системы, относительно которых могло быть много вопросов; 1920: десяток несовершенных, некачественных, часто хрупких демократий; 1950: примерно двадцать стран могли бы претендовать на то, что они — демократии, при условии, что качество этих демократий не слишком точно обозначено; 1990: “этикетка” демократии стала настолько доминирующей, что только несколько стран отрицают форму и установление западной модели. Все произошло так, как если бы больше не было другой альтернативы»². Таким образом, по мере расширения де-

¹ См.: Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.

² *Meny Y. Fife (Hypo)theses on Democracy and its Future // The Global Third Way Debate /Ed. by A. Giddens. Oxford, 2001. P. 259.*

мократий происходили серьезные отступления от западного образца, упрощающие смысл демократии иногда просто до «отсутствие диктатуры» или «наличие избирательного процесса».

Вернемся теперь к поставленному выше вопросу о возможности четко выделить фазы демократического развития, что является ключевым пунктом для транзитологии.

Широко известна концепция нескольких волн демократии С. Хантингтона и других авторов. Первая волна демократии началась в США в начале XIX века и продолжалась до окончания Первой мировой войны. Идея лиги наций В. Вильсона консолидировала западные демократии. Вторая волна поднялась после поражения фашизма, она способствовала появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией.

Анализ демократического процесса выявил некоторые закономерности. Среди них: необходимость особых фаз демократизации, консолидация демократии, зависимость ее успехов от экономического роста и т.д.

В истории Южной Кореи, которая тут рассматривается как предмет сравнения с российскими процессами, рядом авторов отмечается наличие этих фаз. Вторая волна демократизации коснулась Южной Кореи. Но она оборвалась в середине 60-х годов с появлением авторитарного режима как реакции на демократическую перспективу.

Согласно описаниям западных авторов, в Южной Корее переход к демократизации занял определенное время.

Июнь 1983 года характеризуется как начало демократического процесса. Это случилось после студенческих волнений и гибели одного из студентов от рук полиции. Общественное недовольство инициировало начало демократизации.

Период между 1987 (после президентских выборов) — 1992 годами (следующие президентские выборы) обозначается как период демократического транзита. Выступления профессиональных рабочих и «белых воротничков» после выборов 1987 года стимулировало создание демократических союзов и организаций. Начался подъем новых социальных движений, и либеральные идеи стали более популярными и значимыми.

Период с 1993 года до наших дней оценивается как становление консолидированной демократии в Южной Корее. После перехода власти к президенту Кинг Юнг Сэму, избранному в конце 1992 года, были проведены серьезные реформы (отстранена и наказана прежняя военная элита, расследована прежняя политическая коррупция, произведены изменения в финансовой системе). Позже президент возвратил многих наказанных им политиков и военных даже из тюрем и снова привлек их

в правительство. Такое маятниковое движение его политики в конечном итоге способствовало внутреннему единству¹. Несмотря на совершенно недемократический способ преодоления раскола в стране — путем наказания, прощения и возвращения во власть членов предшествующего кабинета (метод, который был бы слишком изощренным даже для России, весьма азиатский метод), — западные транзитологи трактуют этот период как часть транзита к демократии, обозначаемую как пакт.

Сolidный источник, по которому дается периодизация южнокорейской демократизации, не выделяет достаточно очевидных критериев отличия одного периода от другого. Ощущается подгонка под теоретическую схему, распространенную в политологической литературе. Согласно этой схеме, повторю и уточню, демократический транзит включает вначале раскол элит на консерваторов и реформаторов, появление лидера-реформатора, либерализацию, систему соглашений между разными политическими силами (пакт), демократизацию, развитие электорального процесса, консолидацию демократии². Не приходится ожидать, чтобы какая-нибудь теоретическая схема воплотилась в реальность. Но данная максимально далека от нее. Ни в Южной Корее, ни в России не реализовались ее основные этапы.

Гораздо более убедительным выглядит мнение профессора Ин Сукча в упомянутом докладе: «При жестком милитаристском режиме, который характеризует политическое развитие Южной Кореи вплоть до 90-х, был слишком маленький шанс влияния демократических практик на модернизационный процесс в южнокорейском обществе. Принимая это во внимание, можно сказать, что корейский экономический дефолт 1997 года произошел из-за неудачи начать развитие с демократических преобразований... первая реально демократическая смена правительства произошла в конце 1997 года, когда разразился печально известный азиатский кризис». Что касается России, то ее демократический процесс оборвался на стадии либерализации. И даже формально существующая электоральная демократия не реализует своих возможностей из-за процесса манипуляции массами путем грязного пиара.

Российские реформы 1990-х не были успешны ни теоретически, ни политически. Были достигнуты некоторые свободы в политической и

¹ *Hsin-Huang and Hagen Koo. The Middle Classes and Democratization // Consolidating the Third Wave Democracies. / Ed. by L. Diamond, M.F. Plattner, Yun-han Chu, Hung-mao Tien. Washington, 1997, P. 315–321.*

² См.: *Мельвиль А.Ю. Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. М., 1999. Вып. 1. С. 44.*

экономической областях (гласность, свобода прессы, невмешательство государства в частную жизнь, возможности частных инициатив). Однако в целом результат характеризуется как квазидемократический и квазирыночный. Демократическая риторика часто была прикрытием грязной практики, которая противоречила самим принципам демократии: разгром парламента, воровская приватизация, грязные пиар-технологии во время избирательных кампаний, использование демократических лозунгов для персонального обогащения, коррупция, криминал и т.д. Разумеется, критика отдельных групп демократов не означает критику демократии.

При распространении в России и других посткоммунистических странах демократии и рынка, они перестают быть похожими на западные образцы. В результате их определения предельно упрощаются. А. Пшеворский следующим образом переопределяет демократию: «Мы определяем демократию как режим, в котором правительственные учреждения являются продолжением соревновательной избирательной кампании, при условии, если только оппозиции позволено соревноваться, выигрывать и предполагать, что правительственные учреждения являются демократическими. До той степени, до которой это связано с выборами, это — очевидно минималистская дефиниция»¹. Но и эта минималистская трактовка является необходимой, но недостаточной для сравнения демократий.

Здесь мы не касаемся проблемы маркетизации, повсеместного внедрения рынка, но с этой частью транзитологических ожиданий дело обстоит сходным образом. Поэтому все более влиятельным становится мнение о конце транзитологии².

ТЕОРИЯ МАКДОНАЛЬДИЗАЦИИ

Долгое время структурно-функциональная парадигма Т. Парсонса с ее схемой AGIL (Adaptation, Goal achievement, Integration, Latency) — адаптация, постановка целей, социальная интеграция, сохранение культурного образца — была идеальным объяснением особенностей западного

¹ *Przeworsky A. What Makes Democracies Endure? // Consolidating the Third Wave Democracies. P. 306.*

² *Капустин Б.Г. Конец транзитологии. С. 10–24. (Автор понимает под транзитологией не только рассматриваемый субститут классической модернизационной теории, но и модернизацию в целом. С его оценкой можно согласиться, но по другим, отмечаемым нами в монографии основаниям, а не по тем, которые приводит Б.Г.Капустин. — Авт.)*

общества и образцом устройства для модернизирующихся стран. Экономическая адаптация, политический уровень постановки целей, социальная интеграция и сохранение культурного образца описывали структуру и схему функционирования индустриальных стран Запада. Однако модернизация незападных стран не обеспечила рекультуризации и институциональных изменений. Все больше и больше становилось ясным, что модернизационная задача непомерно трудна и для многих обществ просто непосильна. Как показал Н.Е. Покровский, процесс глобализации, при всей его очевидной неравномерности, сегодня вовлекает мир в целом на основе более упрощенной модели рациональности и более простых структурно-функциональных моделей, чем это было при модернизации. Такую модель описывает известный американский социолог Дж. Ритцер, выводя ее из макдональдизации и ее глобального распространения. Она называется ЕСПС (Efficiency, Calculability, Predictability, Control through Nonhuman Technologies)¹. Имеется в виду экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Такие простые требования легче достижимы большинством незападных стран, чем суровые требования модернизации. Н.Е. Покровский пишет: «Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя под именем глобализации всем современным сообществам. Попытаться избежать ее так же бесполезно, как в свое время было бесполезно пытаться избежать капитализма...»². Соглашаясь с характеристикой упрощенной и более приемлемой для всех моделью рационализации Ритцера, соответствующей периоду глобализации, хотелось бы уточнить два обстоятельства: 1) в целом эта модель предназначена отсталым обществам и массам, далеким от квалифика-

¹ Ritzer G. The Mcdonaldization of Society. An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks, California; L.–New Delhi, 1996.

² Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 26.

ции, требуемой технотронным веком, в том числе и массам самого Запада. Вместе с тем основой и опорой глобализации являются не они, а постиндустриальные информационные общества с высоким доходом на душу населения, не отвергающим даже тех, кто не нужен производству, ибо они нужны потреблению; 2) сегодня невозможно говорить о чем-то как абсолютно неизбежном. Это новое явление, и в западной литературе оно замечено.

МНОГООБРАЗИЕ МОДЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ

Приведем мнение С. Хантингтона о возможности нескольких путей развития¹.

Один путь — *вестернизация без модернизации*. Многим подобная возможность представляется сомнительной, т.к. вестернизация и модернизация тесно взаимосвязаны. Трудно представить себе вестернизацию без модернизации, равно как модернизацию без вестернизации. Между тем эмпирически известно наличие подобного опыта. Вестернизация без модернизации характеризует внешнее, иногда операциональное усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. Она связана с разрушением собственных культурных традиций общества без их хотя бы частичного заполнения заимствованными образцами. Такое общество называется разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития. По такому пути пошли Египет, Филиппины. Казалось бы, на Филиппинах было американское присутствие, способствующее заимствованию американского опыта и образа жизни, но там не родилось отношений, похожих на западный капитализм. Напротив, сформировались самые непродуктивные общества. Египет и Филиппины находятся в бедственном положении.

Второй путь — это *модернизация без вестернизации*. Поскольку классические модернизации всегда сопровождаются вестернизацией, этот способ развития стал принципиально новым. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Они модернизировались, не меняя своей идентичности. Американский оккупационный режим в Японии после Второй мировой войны потребовал распада коллективных структур как проводников милитаристского сознания, и либерализация началась, но она привела просто к разрушению традиционного общества. В 50-е годы японские социологи выдвинули другую программу: не ломать традици-

¹ Huntington S. The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. P. 75.

онных структур японского общества, а изменять цели государства, поскольку общинные структуры очень хорошо проводят государственное воздействие. Они имеют иерархическую пирамидальную структуру, и управляющее воздействие, поступая на вершину пирамиды, легко спускается вниз. Иногда Японией управляло всего десять чиновников. Японцы провели реформу, отказавшись от либерализации, поддержали имеющуюся коллективную продуктивность (термин А. Кара-Мурзы). Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели. Здесь не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Они поступили, как древнегреческий законодатель Солон. Когда его спрашивали, мудрые ли законы он придумал, он отвечал, что его законы мудры, потому что народ по ним может жить. А если вводятся законы, по которым народ не привык и не может жить, основанные на предположении, что народ надо изменить, рекультуризировать, чтобы он мог следовать новым законам, то мало что может получиться.

Японцы модернизировались на собственной культурной основе, то есть они, не меняясь культурно, производили современные вещи, провели технологическую революцию. Многие, однако, говорят, что стагнация Японии 90-х годов — следствие недостаточной вестернизации. Японцы производят то, что им самим в жизни не очень нужно, большинство населения живет в прежнем мире. Этот опыт относительно успешен, но, как представляется, ограничен в своих возможностях.

Третья форма развития, показывает Хантингтон, — *догоняющее развитие*, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и другие страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводит в тупик. Он возникает, во-первых, из-за уже упомянутой особенности ускоренной трансформации Запада сегодня, не позволяющей установить, какую фазу развития Запада догоняет Россия. И второе: если рекультуризация, т.е. элемент вестернизации, отрицания собственной культуры, осуществляется очень быстро или является чрезвычайно оскорбительным по своей манере, то неизбежны откаты назад. Неудачи российских реформ в 1990-е наглядно иллюстрируют данный тезис, показывая опасности если не возврата к прежним формам правления, то к новым формам социальной деструкции и маргинализации.

Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтону представляется национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических

институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России — это перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. На Западе есть много книг, в которых говорится, что демократия будет трансформироваться, потому что она не является вечным спутником западного капитализма. Вестфальская мировая система после Тридцатилетней войны дала миру систему национальных государств, о демократии речь не шла. А потом в Америке после Филадельфийского конгресса возникла Филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. И сейчас происходит не только трансформация Вестфальской системы, но и трансформация Филадельфийской системы в связи с глобализацией. Скажем, такой очень известный автор, как Т. Иногучи, написал и статьи, и книги о том, что демократия на самом Западе тоже трансформируется, что фетиш демократии сегодня не может стать основанием для преобразований¹. Но все-таки, если мы хотим жить в демократическом обществе, а мы можем этого хотеть, то можем перенимать пока еще существующие западные институциональные структуры: демократические, управленческие, экономические, образовательные — все, что нам представляется ценным, мы можем брать, никто и ничто этого не запрещает, но мы не можем сказать, что мы догоняем Запад или развиваемся по западной модели, потому что Запад сам трансформируется.

Итак, по мнению Хантингтона, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к *национальной модели модернизации*, или, иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этноцентристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. *Мегатренд модернизации сменяется мегатрендом глобализации*, *Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит, к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития*. Эта мысль Хантингтона, воспринимаемая как самая сомнительная часть его концепции возможного столкновения цивилизаций, вызвавшая серьезное сопротивление, вскоре была подтверждена как новым характером социальных изменений, так и новыми концепциями. Среди них концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш. Айзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад

¹ The Changing Nature of Democracy /Ed. by T. Inoguchi, E. Newman, J. Rtane. Tokio, N.Y., Paris. 1998.

не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне¹.

К этой мысли можно было прийти и раньше. Мало кому удалось «догнать» Запад. Даже Германия заплатила такую цену, как Первая и Вторая мировые войны, чтобы, находясь в середине Европы, стать лишь в конце XX века Западом по сути своей культуры. Причем и сегодня наблюдаются существенные различия между восточной (бывшей ГДР) и западной частями единого немецкого государства, лишь частично обусловленные коммунистическим прошлым ГДР и во многом связанные с культурным отличием прусских земель от остальной части Германии. Португалия, Италия, Испания становились западными очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не превратился в Запад и не может превратиться. Утверждение о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизация должны быть продолжены. Может быть, такой выбор возможен до определенных пор, пока мы не осознаем, что у страны есть свои, отличные от Запада, задачи, что некоторые наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Такая перспектива, по крайней мере, не единственная. Вьетнам, например, не собирается стать Западом, и японцы, которые с революции Мейдзи вестернизировались, не считают, что они должны имитировать Запад до такой степени, чтобы отказаться от своей культуры. Поэтому оба утверждения — «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» — представляются неправильными. Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д. За века послепетровской модернизации Россия в значительной мере продвинулась в этом направлении, но еще нуждается в освоении ряда западных достижений, хотя все равно не станет Западом. Чтобы понять, что нужно России, имеет смысл затронуть некоторые идеи тех, кого мы привыкли считать почвенниками и славянофилами.

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизмов и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего несовпадения требований классической модернизационной теории и результатов ее применения, имевших национальную специфику? Отличие в том, что классическая модернизационная теория рассматривала Запад

¹ Eisenstadt S.N. Multiple Modernities // Daedalus. Winter 2000. V. 29. № 1. P. 3–29.

как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец. Сегодня предложен вариант новой западной модернизации в политической сфере (концепция «третьего пути» Э. Гидденса), но вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным.

Глава 2. Третья великая трансформация и третья современность: новые конвенции

Тема современности и капитализма оказалась на острие теоретических размышлений в связи, в частности, с опытом незападных стран и прежде всего стран Азии, подорвавшим основы понимания современности. Конкуренция постмодернистского и модернистского видения, описанная выше, имела глубокие причины. Модернизм, сознающий свою тесную связь с капитализмом, вступил с ним в менее солидарные отношения, полагая, что незавершенность проекта модерна связана с эгоизмом капитализма, постоянно упускающим социальную субстанцию из вида.

В 1991 году канадский исследователь Ч. Тейлор опубликовал свою лекцию «Недуг современности», которая в 2007 году вновь вышла в свет как лауреат премии (Templeton Prize)¹. Это переиздание свидетельствует, что проблемы остались и углубились. Но в 1991 году, когда эта лекция была прочитана, возможной казалась постмодернистская альтернатива, вполне совпадающая с ощущением «конца истории» либерала Ф. Фукуямы, ибо вместе с концом истории исчезает все героическое, относящееся к большим массам населения, все проекты революционных изменений. Наступает скука, причудливая частная жизнь, «видео и стерео в свободной продаже», где ничто не берется всерьез, как считали постмодернисты. А в 2007 году доминирует, скорее, идея начала истории, новой истории, включающей весь мир — не только Запад, но и новые страны капитализма на развалинах коммунизма, подъем азиатских стран, пошедших по индустриальному пути, вторую глобализацию и массу других событий, принадлежащих по значимости к историческим.

а) Первая, вторая и третья современность как продукты трех великих трансформаций

Модернистские теории предполагали возможным полное осуществление модернизации, но все отчетливее стало сознаваться, что модерн — не-

¹ Taylor Ch. The Malaise of Modernity.

завершенный проект по своей сути, т.к. он создает вариации современного общества, смену типов современности по мере распространения в мире. Эта новая логика ослабляла позиции постмодернизма.

Если для Хабермаса постмодернизм — это разрыв с современностью, который он критикует, отстаивая принципы модерна, то для Баумана он одновременно связан с современностью и порывает с ней. Столь популярный в 1970-е и даже 80-е годы, сегодня постмодернизм ушел на периферию и снова уступил место концепту современности.

Современность — это вариативный концепт, включающий в себя инновационные формы построения социального порядка и развития, значение личной автономии, демократии, закона, гражданских установлений, свободы, контроля, включая самоконтроль, и дисциплины, включая самодисциплину, капиталистическую или социалистическую форму производства, тенденцию к хозяйственной демократии.

В период поисков объяснений меняющемуся миру появились многообразные понятия в рамках концепции модернизации, которые стремились отстоять модернизм против постмодернизма. Для выполнения этой функции появилось много эпитетов к термину «современность» — «поздняя», «вторая», «другая», «рефлексивная», справедливо оцениваемые Вагнером как «протоконцептуальные»¹. Несомненно, что и «постмодернизация» относится к их числу. И путь к концептуализации, а тем более к теории в социальных науках часто связан с рационализацией подобных метафор. На пути к неокapиталистической теории — теории капитализма, основанной на адекватном соотношения экономики и общества, концептуализация пока будет «ожидать» зрелости событий.

Рассмотренные Вагнером исторические вариации современности в нашем контексте представляются наиболее интересными. П. Вагнер, как и Э. Гидденс — исторические социологи и, в отличие от философов, выясняющих степень рефлексивности модернизации и ее связь с научностью, стоят на почве социальной истории. Итак, вернемся к Вагнеру (и надеемся, будет уловлено, что это не повтор, а развитие сюжета), следуя которому и одновременно преобразуя его концепцию, выделим:

1. *Первая современность — либеральная современность XIX века вплоть до Первой мировой войны.*

Конец XIX века — Первая мировая война кажется Вагнеру периодом ограниченной либеральной современности, т.к. он уже видит признаки государственного вмешательства, ограничивающего свободу торговли. Мы не можем согласиться с этим из-за того, что, как уже указывали, это время первой глобализации, триумфа либерализма. Вмешательство госу-

¹ Wagner P. Modernity, Capitalism and Critique. P. 2.

дарства в этот период носит преимущественно законодательный характер, вполне вписываясь в парадигму либерализма. Что касается второго аргумента Вагнера — о колониальном неравенстве, оставляющем массы населения за пределами современности, это характерно для всей либеральной современности и последующих этапах эволюции современности. Модернизация осуществляется неравномерно, охватывает не все страны и не выравнивает экономического уровня всех народов. Поэтому мы считаем этот первый этап под именем «либеральной современности» в целом — *XIX век вплоть до начала Первой мировой войны*. Этот этап завершается доминированием экономики над обществом, ее превращением в первую целерациональную систему капитализма, превращающую автономного ответственного индивида в модульного, а затем модульного человека в экономического. Кризисные предпосылки могут угадываться в этих изменениях, связанных с торжеством инструментального разума и упрощением самого человека. *Но все же кризис Первой либеральной современности, сломавший ее, был обусловлен системными оппозициями ей и, прежде всего, включенной в нее первой глобализации со стороны германского национализма (Первая мировая война), социализма (Великая Октябрьская революция и строительство социализма) и фашизма (в Германии, Испании и Италии)*. Глобализация была прервана до 1990-х годов, когда распад коммунизма создал предпосылки для возобновления глобализации. Но это время современность продолжала осуществляться в новой форме. Второй причиной, на наш взгляд, было отмеченное упрощение автономного ответственного индивида сначала до модульного, а потом до экономического, т.е. индивида упрощенного и управляемого.

Кризис трактуется Вагнером как разрушение конвенциализации, а его преодоление — как успешная реконвенциализация, открывающая последующую сеть конвенций, обеспечивающих новые социальные практики. На наш взгляд, кризис между двумя современностями охватывает период Первой мировой войны, но и тогда начинают утверждаться конвенции о значимости государства, о несправедливости либерализма, приведшего к катастрофическим событиям в Европе. Именно эти новые конвенции описывает Поланьи как уже готовые в конце Второй мировой войны..

2. *Вторая — нелиберальная, организованная современность — началась с окончания Первой мировой войны и продолжалась до конца 1960-х — начала 70-х годов. Наиболее успешную фазу становления она прошла с окончания Второй мировой войны 1945 года до 1973 года. Войны, как это ни покажется странным, дисциплинировали общество, ввели государственный контроль за экономикой и вооружениями, за военными*

действиями. Здесь заканчивается господство экономики, увеличивается роль государства и техноструктур, массовая культура и потребительское общество конца 1950-х — 1960-х годов делает потребителя участником производства. Экономический человек сменяется потребителем или сводится к последнему.

Происходит отход от либерализма. Возникает конвенционализация практик государственного управления, повышение уровня организованности, включение максимального количества людей в согласованное взаимодействие в этих практиках. Наблюдается возрастание роли техники как второй целерациональной системы капитализма, технической рациональности и техноструктур, тейлоризма, фордизма, менеджмента, движения к устойчивым формам организации, рост бюрократизации, увеличение значения национального государства, отношение к социализму как особому способу индустриализации и модернизации, развитие социал-демократии на Западе. Как отмечает исследователь этой проблемы В.Н. Фурс, «организованный модерн имел свой сложный и длительный генезис. Однако когда конвенционализация утвердилась в социальной жизни, ее конструированный характер исчез из сознания членов общества. Прочные социальные классификации стали казаться репрезентирующими естественный порядок реальности. Точнее, наличный социальный порядок предстал как квазинатуральный и идеальный одновременно: отклоняющиеся социальные явления внутри и вне западных обществ трактовались как пережиточные»¹.

3. 1960–70-е годы не только Вагнеру, но и большинству исследователей представляются переломными. В отличие от тех, кто называет это время поздней современностью, обществом потребления, обществом риска, постиндустриальным или информационным обществом, мы употребляем эти термины в адекватных им контекстах, не генерализуя их. В концептуальном плане мы предпочитаем вагнеровские дефиниции — *дезорганизованная современность, дезорганизованный капитализм. Это этап нового кризиса современности.*

Это время разрушения прежде достигнутых конвенций, жестких социальных структур, замедляющих продвижение молодежи по социальной лестнице, время студенческих бунтов, стремления к субъектности, к разрушению сложившихся компромиссов и взаимодействий, отказ от практики социального партнерства.

Это время бунта против системы, представавшей как завершенная и совершенная. Если бы она в действительности была таковой, ни Запад,

¹ Фурс В.Н. *Философия незавершенного модерна* Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С. 212.

ни остальной мир не мог бы находиться больше в незавершенном и не предполагающем завершения состоянии, в незавершенной и не предполагающей завершения модернизации.

4. *Далее Вагнер надеется на либерализм с человеческим лицом как новую фазу современности.* Предшествующий этап расчистил почву для *неолиберальной современности* Р. Рейгана и М. Тэтчер, либерализации коммунизма и последующего радикального неолиберализма посткоммунистических стран с парадигмой *неолиберальной современности*, догоняющей модернизации, революционным лозунгом «иного не дано», антикоммунистическими революциями, распадом коммунизма, началом второй глобализации с конца 1990-х годов, подчеркивающим победу неолиберализма. В 1994 году, когда Вагнер опубликовал свою книгу, еще можно было ожидать того, что, несмотря на очевидную революционную ломку старых подходов, неолиберализм удержится в случае успешного проведения реформ, и принципы Первой современности могут быть возобновлены. Но организованная современность породила социал-демократии Запада, и если коммунизм можно было пытаться революционно сломать, то социал-демократии Запада, хотя и испытывали кризис, не подлежали революционной ломке.

Левые силы Запада не могли более придерживаться старой левой социал-демократической точки зрения. Согласно Гидденсу, Запад слишком долго пребывал в современности, которой 500 лет, в *Первой современности* (сюда он включает и то, что мы называем *Второй современностью* — *организованную современность*), и потому Запад переходит в *новую современность*, характеризующуюся социальным государством периода второй глобализации. Стал обозначаться процесс, обретший силу проекта, и ему было дано название «третий путь». Это важное «вторжение» в рассматриваемую типологию Вагнера, дающее нам возможность построить свою классификацию современности.

5. В орбиту размышлений Вагнера, чья типология современности (модерна) кажется нам эвристичной для наших целей и служит основанием для нашей собственной типологии, не вошел и первый вызов Азии в 1970–1980-е годы. Но именно этот вызов может быть характеризован как еще один не обозначенный Вагнером кризис организованной современности. Помимо приведенного выше определения кризиса, приведем существенное дополнение, данное Вагнером: «Кризисы современности — это периоды, в которых одновременно понятие и образ современности очень сомнительны. Особые черты этих идей становятся видимыми именно тогда, когда есть доверие к понятию “закономерной причины” или появляется идея о связи понятия и образа современности. Такие кризисы и трансформации современности “прогрессивны” в том

смысле, что даже наиболее интеллектуальные усилия должны быть поставлены перед перестройкой понятия “закономерная причина”»¹.

Трудности истолкования первого азиатского вызова и потребность в пересмотре его трактовки, суть которой стала выявляться со стороны своих «закономерных причин» лишь сегодня — на следующем подъеме экономики Азии (Китая, Индии), а так же Индонезии, Бразилии в Латинской Америке и отчасти России (виртуально объединенных названием БРИК — Бразилия, Россия, Индия, Китай). *Эта суть сегодня — продолжение современности, проекта модерна.* Отсюда и прежний подъем Азии не выглядит больше как постмодернизация, предположение о которой было связано, напомним, не столько с постмодернизмом, сколько с сохранением идентичности этих стран в ходе модернизации, их отказом от радикальной рекультуризации как предпосылки развития.

Хабермас опасался, что «социальная модернизация... может не пережить конца культурного модерна, из которого она возникла, — она, вероятно, не сможет устоять и перед «махровым» анархизмом, под знаком которого начинается постмодерн»². Но модерн, современность устояли, поддержанные, во-первых, логикой реальных трансформаций, объективно диктующих модернистское видение, во-вторых, воображением, стремившимся к рациональности и ясности видения, и, в-третьих, признанием ценности парадигмы модернизма и моральной неприемлемостью иронического пародирования собственной трагической эпохи.

Начался новый этап преобразований — Третья великая трансформация, открывающая эпоху *Третьей современности — современности, обусловленной второй глобализацией, которая не смогла избежать нового, второго дыхания Вестфальской системы — самоутверждения национальных государств различного типа, переставших ориентироваться на догоняющую Запад модель.*

Итак, в соответствии с системой координат, обозначенных нами как Первая, Вторая и Третья великие трансформации, мы предлагаем адекватную им типологию современностей:

Первая (либеральная) современность — весь XIX век вплоть начала Первой мировой войны.

Ее кризис — Первая мировая война, ее оппозиции — национализм, коммунизм и фашизм.

Вторая (организованная) современность — 1920–1970-е годы (между глобализациями).

¹ Wagner P. Modernity, Capitalism and Critique P.171.

² Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 10.

Ее кризисы — дезорганизованная современность конца 1960–1970 годов (студенческие бунты) и короткий всплеск либерализма 1980–1990 годов. Конвенции организованности, потрясенные анархическими процессами 70-х, отчасти возобновились в 1980–1990-е, когда квазидемократии посткоммунистических стран явно представляли волю вместо организованной свободы, анархический порядок. Общий период кризиса (1960–1990-е¹) захватил время разрушения Второй современности и поисков путей к Третьей.

Третья современность — отрицающая прежние кризисы реконвенционализации, современность второй глобализации и национальных государств различного типа в XXI веке, следствие начавшейся Третьей великой трансформации.

Конечно, мы не избежали сомнений относительно того, можно ли объединять организованную современность и бунт против нее, а также короткий всплеск неолиберализма и последующее доминирование, несмотря на вторую глобализацию, национальных государств разного типа, даже представив бунт и неолиберализм как кризисы. И мы решились на это потому, что дезорганизованный капитализм возник как реакция на излишнюю организованность, а радикальность короткого неолиберального периода содержала те же черты бунта, смыкаясь с предшествующим кризисом, и была самоисточником провала неолиберального радикализма и перехода к национальным капитализмам и современности, в которой существуют государства разного типа. Противоречия этих этапов содержат свое другое, и потому могут быть поданы как целостный, т.к. сказать, диалектический процесс.

Напомним еще раз, что спор по поводу типологий не может состоять в том, чья типология объективно лучше. Это спор об инструменте, в данном случае инструменте анализа трех Великих трансформаций. И Вагнер, и Гидденс делают свои типологии более подробными, детальными, мы тоже не избегаем деталей. Но наша главная цель — анализ макросдвигов, для чего мы предложили этот инструмент.

б) Третья великая трансформация:

политические и экономические основания нашего времени

Ближе всего к проблеме Третьей великой трансформации и третьей современности подошел немецкий социолог У. Бек в книге «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия»²

¹ См.: Федотова В.Г. Анархия и прядок. М., 2000.

² Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации. Новая всемирно-политическая экономия. М. 2007.

— это первая опубликованная часть, в том числе и по-русски, еще не изданной целиком трилогии. В ней он обсуждает то, как *национально-интернациональные формы и правила «легитимного господства» (М. Вебер) разрушаются и заново переписываются в процессе глобальной силовой игры между капиталом, государствами и социальными движениями.*

РАЗРУШЕНИЕ НОРМ И ИХ «ПЕРЕПИСЫВАНИЕ»

Он видит *кризис и попытку выйти из него* путем «переписывания» правил, возможность движений с обеих сторон — порождающих кризис и пытающихся выйти из него. По сути это близко к проблеме реконвенциализации (обозначенной как разрушение) — конвенциализации (называемой переписыванием). Он ищет новый подход, который позволит осуществить это «переписывание», и называет его критической теорией, имеющей космополитическую цель. Космополитизм понимается Беком совсем не так, как его обычно трактуют. Бек уделяет ему большое внимание как методологии исследования и правилу жизни, предполагающему позитивное, толерантное признание инаковости другого и превращенному в неэгоистическую политическую стратегию. Изменения в трактовке космополитизма кажутся ему необходимыми из-за того, что в условиях взаимозависимости стран и народов все, что происходит где-то далеко, влияет на остальную часть мира, в том числе и на Запад. По существу Бек выдвигает проект нелиберальной глобализации, которая не должна стать националистической и гегемонистской.

Сквозная тема задуманной трилогии, сообщенная Беком, — соотношение национального и космополитического. Сквозная тема ее изданной части — государственные стратегии между ренационализацией и транснационализацией, обнаруживаемые критической теорией, которую предлагает Бек, пытаясь соединить воедино стратегии государства, капитала, глобального гражданского общества, которое может возникнуть, социальных движений на нынешнем этапе глобальных трансформаций.

Сознавая нелинейность социальных процессов в ходе всеобщих трансформаций, Бек не анализирует возможных сценариев будущего, а говорит преимущественно о желательном. Каким станет будущее, зависит от способности посмотреть сегодня на общество иначе, считает он. В 1800 году классик немецкой философии Фихте в работе «Замкнутое торговое государство» писал, что в замкнутом торговом государстве нет свободы, но есть порядок. В «разомкнутом» (открытом) торговом государстве есть свобода, но нет порядка. Создается непрерывно качающийся «маятник» преобладания либо свободы, либо порядка. Как изменить ситуацию? Фихте сказал тогда: «Надо помыслить общество иначе». Се-

годня Бек, рассматривая «маятник» новой эпохи «национальное» — «глобальное», по существу, также призывает изменить взгляд на общество, сетку категорий, сквозь призму которых мы смотрим на него. Сутью же нового взгляда является отказ от «методологического национализма», ограничивающего понимание общества его национально-государственными границами и в национальной изоляции рассматривающего государство, и переход к «методологическому космополитизму», позволяющему говорить о человеческом обществе в целом, о связи локального общества со всем человечеством и всеми обществами. Здесь не отрицается роль государства, ибо происходит отказ от либерального толкования Запада как центра (Бек — критик неолиберализма, признающий перспективу интереса и внимания ко всем странам и народам Земли). «Методологический космополитизм», противостоящий «методологическому национализму», Бек распространяет и на государства, сегодня нуждающиеся в сознательном осмыслении своей глобальной роли, глобальной связи с другими государствами и негосударственными акторами глобальной политики.

Осмысление глобализации, экономического господства, новых форм эксплуатации, описание перспектив мультикультурализма и перспектив Вестфальской системы национальных государств становятся ядром размышлений о будущем.

Идеи такого масштаба сегодня редки — слишком велик риск генерализаций, концептуальных построений и теорий будущего мегатренда из-за высокой скорости изменений, происходящих как в каждой отдельной стране, так и в мире в целом, и возможности смены траекторий развития событий. На наших глазах некоторые выдающиеся гипотезы потерпели поражение. Так случилось с социологией знания Штарнбергской группы (Германия), утверждавшей, что фундаментальные исследования завершены и начался переход к формированию теорий только под влиянием внешних целей (экономических, медицинских, военных, экологических и пр.). Так произошло с марксистскими и либеральными идеями. Внезапно сбрасывались со счетов учения и ученые, стоящие по ту сторону двух радикальных идеологий — коммунизма и неолиберализма. Как пишет Дж. Арриги, «есть поучительная ирония в том, что с исчезновением социалистического лагеря и наступлением либеральной гегемонии 1990-х годов, броделевские исследования оказались сданы в запасники. В интеллектуальных запасниках тогда оказались и коммунист Грамши, и христианский социалист Поланьи, и даже пессимистический австрийский консерватор Шумпетер. Все они казались излишними в эпоху полной и окончательной победы капитализма... Распад одной идеологической ортодоксии привел к бурной колонизации интеллекту-

ального пространства ортодоксией противоположного знака»¹. Но вскоре подобное произошло и с концепцией «конца истории» Фукуямы. Хотя глобализация явилась победой либерализма в мировом масштабе, конца истории не наступило. Многие народы Азии, Латинской Америки, напротив, только начали становиться субъектами истории. Неудачные реформы в России 1990-х и приход к власти «неоконов» (неоконсерваторов) в США приостановили качание маятника идеологических крайностей коммунизма и неолиберализма.

Называемые Арриги фигуры стали возвращаться, и даже с триумфом. Некоторые концепции, мало замеченные в момент их появления и недостаточно известные долгие годы спустя, получают вторую жизнь. К. Поланьи, Ф. Бродель, А. Грамши, Й. Шумпетер сегодня приобрели актуальность. Возник интерес к концепциям К. Шмитта, тоже забытого и даже политически скомпрометированного.

Появились исследователи, стоящие над конфронтацией коммунизма и неолиберализма и пытающиеся найти новые объяснения и новые идеологии. Среди них — У. Бек. *Он работает не только как ученый, им предпринимается попытка создания новой идеологии за пределами национализма, коммунизма, социализма, неолиберализма, перспективы которой ему видятся в понимании космополитизма как нелиберальной глобализации.*

Долголетие концепций зависит не только от того, насколько точно они схватили свою эпоху, прошлое или предвидели будущее, от политических обстоятельств их времени и их последующих изменений, но еще и от факторов, относящихся к особенностям философских или научных сообществ. М. Вебер и Э. Дюркгейм, живя в одно и то же время, игнорировали друг друга. Их разделяли мировоззренческие позиции и исследовательские программы — культурцентристская у Вебера, объяснявшего развитие капитализма из протестантской этики, и натуралистическая у Дюркгейма, по мнению которого разделение труда было источником «органической солидарности» обществ, имевших специализацию труда, трактовавшуюся им как причина формирования своего рода специализированных органов социума. Один из социологов жил в протестантской стране, другой — в католической. Но есть и какие-то тайные пружины взаимного не восприятия этими выдающимися исследователями друг друга. Р. Коллинз, предложив концепцию философских сетей или «социологии философий» (что распространяется, на мой взгляд, и на науку, особенно на ее сегодняшней междисциплинарной фазе развития), отмечал: «У нас нет способа узнать, о ком (если о ком-либо во-

¹ Арриги Дж. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и исток нашего времени. С. 6.

обще) будут помнить как о выдающейся или второстепенной фигуре. Такова уж природа пространства интеллектуального внимания. Оно внутренне образовано потоком конфликтов и перегруппировок через поколения, а наша значимость как мельчайших человеческих узелков в этой долговременной сети производится не нами самими, но процессами резонанса, превращающими некоторые имена в символы того, что произошло в памятных поворотных пунктах этого потока»¹.

Бек-теоретик, безусловно, перешагнул национальные границы и вложил свой вклад в англосаксонскую социально-философскую и социологическую традицию, живя в Германии и являясь немцем. В опыте такой биографии космополитические элементы его картины мира приобретают доминирующее значение. Однако его противостояние неолиберализму меняет сложившийся взгляд на космополитизм как признание универсальности и приемлемости для всех западных ценностей и западного образа жизни.

Показывая закат эпохи модерна, Бек, тем не менее, не провозглашал его конца. Он придерживался мысли о незавершенности модерна, но появлением его новой фазы — вследствие нового типа модернизации — «рефлексивной модернизации».

Это понимание противостоит постмодернизму и конкурирует с ним. В интервью «Журналу социологии и социальной антропологии» Бек говорил: «Мы... переживаем — и это так захватывает меня — смену общественных и социально-научных парадигм внутри модерна, которая принуждает нас к развитию новых понятий, а также новых общественных и политических институтов, к поиску подходящих ответов на эти вызовы. И... “постмодерн” не справляется... при этом теории и теоретики постмодерна бросают нас на произвол судьбы... Теория Второго (в наших терминах Третьего. — *Авт.*) модерна делает вопреки этому возможной ненастальгическую критику общественно-индустриального национально-государственного модерна под углом зрения будущего»².

В разлом эпохи модерна прорывалось общество риска, ответом на который являлась «рефлексивная модернизация», критичная по отношению к индустриализации, на которую перестают смотреть как на непреходящую традицию, модернизация, обращенная к науке и научной

¹ Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск. 2002. С. 1016.

² Социология. Профессия и призвание. Интервью с Ульрихом Бекем // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб. 2003. Т. VI. № 1. С. 10.

рефлексивности. Вместе с детрадиционализацией индустриально-общественных основ разрушается монизм представлений об основах общества как распределении богатства. Эти взгляды дополняются представления логикой распределения страха, сопутствующего нарастанию рисков. Но эпоха рефлексивной модернизации рождает у тех, кто не является ее участником, нередко состояние аномии — ценностного кризиса или пуганицы ценностей, т.е. предполагает не менее тяжелый этап перехода от предшествующего состояния к новому, отличающемуся от того, которое было при прежней догоняющей модернизации. Согласно теории рефлексивной модернизации, сегодняшний более образованный, чем прежде, и расширивший свои познавательные способности индивид более осторожен в применении знания, считает это возможностью, к которой надо отнестись критически как в целом, так и на каждом этапе реализации новых идей.

В прежней «простой модернизации», как называет ее С. Лэш, т.е. модернизации, открытой Просвещением, наука была основой легитимации модернизационных процессов, а индивид рассматривался как сложившийся, «ставший», как кирпичик, как модульный человек или человек, упрощенный до экономического. Из таких людей строилось здание капиталистического современного общества. В период «рефлексивной модернизации» сегодняшнего дня индивид теряет свои прежние свойства завершенности, является становящимся, научные средства и возможности не выступают как единственный источник легитимации развития и подвергаются при своем применении критической рефлексии. Многовариантность развития и отсутствие монополии на истину становятся нормой. Простому онаучиванию индустриальной эпохи противопоставляется рефлексивное онаучивание, т.е. критическое осмысление осуществляемых с помощью науки процессов, включая модернизацию, технологические инновации. Эта идея Бека стала затем предметом его совместного исследования с Гидденсом и Лэшем.

Бек вводит очень важное различие между конститутивными и регулятивными принципами организации общественного порядка. Первые — это принципы, создающие большой диапазон поведенческих норм, вторые — регулирующие правила, нормы, сокращающие возможности выбора. Институты «рефлексивной современности» — преимущественно конститутивные, первой современности — преимущественно регулятивные. *Исходя из этого, в новой, «рефлексивной современности» преобладает неравенство не столько в форме эксплуатации, как в первой, а в форме игнорирования властью и богатым слоем значительной части населения, для характеристики которой автор вводит термин «бразилизация». Бразилия — образец этого нового вида эксплуатации.*

В 2001 году российский читатель познакомился с книгой Бека «Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию». Книга на русском языке отставала от оригинального немецкого издания всего на несколько лет, и идеи известного социолога, уже вызвавшие в России большой интерес, были встречены с исключительным вниманием. Особенностью этой работы было то, что Бек интересовался глобализацией с социологической, а не с экономической точки зрения, четко реагируя на уже высказанные в этой области идеи А. Аппадурай, З. Баумана, И. Валлерстайна, М. Олброу, Р. Робертсона, Д. Хелда. Эти ученые известны преимущественно теориями культуры обществ, вступающих в глобализацию, в которых давалось объяснение соотношению глобального и локального.

Бек намечает здесь болевую точку глобализации, которая становится предметом его всесторонних размышлений: глобальная экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств, открывая путь обширной субполитизации с непредсказуемыми последствиями.

В 2004 году журнал «Россия в глобальном мире» опубликовал статью Бека «Творческое саморазрушение мирового порядка», где под творческим автор понимал разрушения, приводящие к созиданию нового, и это новое затрагивало отношение к национальному государству. Позже Бек пишет: «Речь идет не о “столкновении цивилизаций” (имеется ввиду известная концепция С. Хантингтона. — *Авт.*), а о борьбе за человеческую культуру, в которой уживались бы самые разные традиции. Никакая стена не защитит *государства центра* (курсив наш. — *Авт.*) от гуманитарных катастроф в других частях света. Новые угрозы существованию цивилизации не делают различий между нациями, расами, континентами». Обратим внимание, что речь идет о Западе как центре, о том, что все неравномерности и коллизии глобализации не могут его не затронуть.

Ульрих Бек и Карл Поланьи

Книга Карла Поланьи «Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени» имеет большое сходство даже с названием публикуемой работы Бека «Власть и ее оппоненты в эпоху глобализации» и тем более с ее направленностью на анализ социальных трансформаций: «Новая всемирно-политическая экономия». Политэкономические проблемы стоят в центре каждой из этих работ как основа социальных трансформаций описываемых ими эпох. Поланьи, как выше было показано, изучает международную систему XIX века и ее развитие в XX веке, соотношение условий жизни и общественного прогресса, об-

щества и экономических систем, эволюцию рыночной модели, рождение либерального символа веры, классовые интересы и социальные изменения, связь рынка и природы, рынка и человека, перенапряжения капиталистической системы, власть народа и рыночную экономику, свободу в сложном обществе. В поле зрения Поланьи первая глобализация — английский free trade 1885–1914 годов, в котором участвуют так же Германия и Россия и который прерван Первой мировой войной. Все это «история под грузом перемен».

Бек изучает стратегии власти в связи со второй глобализацией, начавшейся в 90-е годы XX века после распада коммунизма, глобализацию экономики и всемирно-историческую власть глобального капитала, факторы международной жизни в связи с этим, государственные стратегии ренационализации и транснационализации, демонополизацию и новые формы экономической рациональности, проникновение в государственную политику внешних факторов под влиянием глобализации, делегитимацию господства и проблемы свободы. В целом он считает это анализом глобальной стратегии космополитизации, трансформации государств в новом модерне, всемирного капитализма и вызванных им социальных трансформаций, изменения типологии политик для нового модерна, который он называет по инерции Вторым модерном, а мы Третьим, перспектив новой критической теории, а также глобального гражданского общества. Словом, речь снова идет об истории под грузом перемен.

Бек сам отмечает, что Поланьи описывает одну из Великих трансформаций (Первую великую трансформацию, как нами было показано), в то время, как он останавливается на следующей великой трансформации (он не касается Второй трансформации, а лишь той, которую мы обозначаем как Третью). В ходе первой глобализации «экономическое превосходство сильнейшего вынуждает капитулировать слабейшего; отсюда, однако, не следует, будто непосредственная причина его бедствий имеет экономический характер: причина эта — в смертельном ударе, нанесенном тем институтам, в которых воплощено его социальное бытие»¹, — писал Поланьи. И далее: «Отделить труд от других сфер человеческой жизни, подчинив его законам рынка, означало полностью уничтожить все органические формы социального бытия, заменив их совершенно иным, атомистическим и индивидуалистическим типом общественной организации»². Поланьи не радуется, что либерализм и первая глобализация пали под ударом таких системных оппозиций как на-

¹ Поланьи К. Великая трансформация. С. 176.

² Там же. С. 183.

ционализм, коммунизм, фашизм. Начинается Вторая великая трансформация, которую Поланьи уже не описал и которую мы весьма подробно рассмотрели в данной книге. Повторим, что Поланьи считает, что либерализм сам подготовил причины для своего крушения. Либерализм, по мнению Поланьи, привел к губительному перенапряжению и потому окончательно потерпел поражение. Особо интересно повторение тем и проблем, волновавших Поланьи, которые Бек рассматривает на новом витке либерализации — второй глобализации. Глобализация уже не мыслится им в духе взаимозависимости между государствами, а рассматривается как фактор глобализации самих этих государств.

В 1947 году Поланьи писал: «Историку не составляет труда безошибочно определить станцию, на которую мы прибыли. Путешествие называется индустриальная цивилизация. Первая стадия нашего путешествия уже позади, и мы находимся на второй. Машинный век или индустриальная цивилизация, начавшиеся где-то в XVIII в., все еще далеки от завершения. Первая стадия этого периода имела много названий, таких, как либеральный капитализм или рыночная экономика; название следующей стадии мы еще не можем точно определить. Самое главное — провести различие между *технологическим* аспектом, общим для машинного века, или индустриальной цивилизации в целом, и социологическим аспектом, отделяющим фазу, которая уже позади, от фазы, которая еще должна наступить»¹. Станция, на которую прибыли в 1947 году действительно известна — это место, где появляется организованный капитализм и организованная современность, где требование экономического роста предшествующего этапа начало сменяться социал-демократическим представлением о справедливости распределения. В 1950-е годы Заад перешел к обществу потребления, и старая проблема экономического роста соединилась с проблемой экономической справедливости. Пирог стал большим, и его надо было делить. Бек, как прежде Поланьи, оказался в центре этих новых поисков устройства мира, который должен соединять экономическую эффективность с сохранением человеческого бытия и справедливости.

Станция, на которую мы прибыли сегодня, имеет много названий. Среди них — «индустриализм азиатских и латиноамериканских обществ», «постиндустриальное общество Запада», «информационное общество», «вторая глобализация» — конец 90-х — настоящее время. Все вместе сохраняет статус «техногенной цивилизации» (термин В.С. Степина),

¹ Поланьи К. О вере в экономический детерминизм // «Великая трансформация» Карла Поланьи. Прошлое, настоящее, будущее / Отв. ред. Р.М. Нуреев. М., 2006. С. 28–29.

которая вышла за пределы индустриального производства. В условиях второй глобализации, которая явилась победой неолиберализма в глобальном масштабе, социал-демократическая политика не могла обеспечить прежней социальной справедливости, т.к. капитал получил возможность убегать туда, где выгодно, где меньше налоги. Налоговая база не позволяла обеспечить распределительную социал-демократическую политику. Левые идеи трансформировались. Например, «третий путь» Гидденса, друга Бека, лег в основу нового лейборизма Тони Блэра, пытаясь соединить принятие глобализации, рынка, гражданского общества со справедливостью.

Бек, как и прежде Поланьи, оказался в центре поисков нового устройства мира, который должен соединить экономическую эффективность с сохранением человеческого бытия и справедливости.

Как и Поланьи, Бек испытывает разочарование в новом либерализме. Он утверждает, что при глобальном восприятии риска утопия неолиберального государства утратит свою убедительность. Бека беспокоит не только нынешний вид второй глобализации с ее диктатом экономического над человеческим бытием, но и рождаемый этим правый популизм, с критики которого он начинает свою книгу. Его заботят вопросы о том, как переписать правила новой глобализации, чтобы ее негативные свойства при Третьей великой трансформации не стали еще более губительными, чем при Первой. *Отодвигаемые второй глобализацией, глобальным капиталом труд и государство становятся главной проблемой глобализации.* Кто будет работать в развитых странах, перенесших свои производства в Азию, сосредоточившись на информации и менеджменте этих производств? Кто будет выполнять грязные и тяжелые работы, какой поток иммигрантов для этого необходим и как этот поток совместит себя с чужими культурными и политическими традициями? Что будет с государствами интегрирующегося Запада, когда рост индустриальной мощи в Азии осуществляется не при поддержке либеральных режимов правления, а с помощью набирающих силу авторитарных и дирижистских государств?

КОСМОПОЛИТИЗМ ПРОТИВ ЛИБЕРАЛИЗМА

«Космополитизм» — это прежде всего термин повседневной речи, который в переводе с греческого (cosmo + polis) означает «гражданин мира». Он ассоциируется с отказом от своего, локального, национального ради мирового гражданства, принадлежности ко всему человечеству. Космополитизм противопоставляет себя патриотизму, считая, что именно патриотизм как приверженность локальным ценностям препятствует объединению человечества. Вместе с тем, в этой расхожей формулиров-

ке космополитизм не мог ответить на вопрос о том, каковы общечеловеческие ценности, есть ли они, всегда ли они одинаковы или меняются со временем.

Космополит — это тот, кто везде чувствует себя как дома. Но такой певец глобализации, как Т. Фридман, пишет, что, если ты всюду чувствуешь себя как дома, то у тебя нет дома и ты ментально нездоров, не имеешь идентичности¹. Но с другой стороны, человек чувствует себя как дома либо в Америке, либо в Европе, либо в Азии, тяготея к какой-то культуре и идеологии. Он не может чувствовать себя как дома всюду. Часто он чувствует себя как дома в чужой стране потому, что ему не нравится своя страна. Представители догоняющих стран, сталкивающиеся с проблемой идентичности, хотят быть космополитами, ориентируясь на неолиберальную идеологию. Широко образованный человек способен жить везде в мире, не становясь космополитом и представляя культуру своей страны.

Однако в качестве идеологии космополитизм имеет разные вариации. В идеологии *колониализма* он перемещал людей из развитых стран в колонии, а местных людей обогащал новыми знаниями, представлениями и навыками, «смещая» их традиции и создавая у них более современные представления об их месте, доме, стране. Но колониализм — это космополитический дискурс прошлого. Он приводил к конфликтам между космополитизирующейся модернизаторской элитой и более традиционными слоями. По существу, он был эвфемизмом слова «*вестернизация*».

Термин «космополитизм», использованный стоиками и реанимированный И. Кантом, содержал возможность взглянуть на людей и события поверх их локальности и временности, найти универсальные характеристики их бытия. Но эти характеристики мыслятся здесь как *западные*, и по этому поводу Бек замечает: чтобы из понятия космополитизма, который с эпохи Канта принадлежит к философски-политической традиции западной цивилизации, возникла критика господствующего порядка вещей, его сначала надо очистить от хлама. Под словом «космополитический» он имеет в виду не элитарное понятие, помогающее имперским притязаниям транснациональных элит и организаций, а ценности живого многообразия. В начале третьего тысячелетия основной принцип национальной реальной политики, состоящий в том, что национальные интересы достигаются в национальных границах, считает он, следует заменить принципом космополитической реальной политики, которая тем национальнее и успешнее, чем космополитичнее. Старые

¹ Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. N.Y. 2000. P. 29–43.

значения термина «космополитизм» плохо сочетаются с тем, о чем говорит Бек. А слова «следует заменить» в приведенной цитате явно выдают в Беке сознательного идеолога космополитизма, который он пытается поставить на место всех предшествующих идеологий. Однако он все же скорее глобализатор, чем космополит, если брать привычные значения этого термина.

Как известно, Маркс отрицал все национальное во имя интернационального, призывал к всемирному объединению рабочих как класса, поскольку при националистических подходах классовые противоречия представляются менее важными, чем национальное единство. В этом отношении Маркс придерживался интернациональных или даже космополитических идей. Но Бек не видит в марксизме разновидности космополитизма, направленного против господствующего западного буржуазного космополитизма.

После окончания холодной войны *неолиберальные теории* стали проводниками космополитизма, защищая глобализацию от провинциализма посредством признания Запада в качестве единственного образца развития. Неолиберализм исходил из такой универсальной единицы культурного обмена, как индивид.

Бек следует такой трактовке космополитизма, которая не совпадает ни с колониалистской, ни с неолибералистской, ни с марксистской. Экономика мирового рынка, по его мнению, обладает такой принудительной динамикой, что изменились даже правила политики. Третий модерн, Третья (в наших терминах) великая трансформация осуществляются при одновременном существовании Вестфальской системы национальных государств и ослабляющей ее глобализации. Это противоречие разрешается, согласно Беку, сознательной ориентации познания, политической практики, культурных отношений на многообразие, диалог и предотвращение общих для человечества угроз, а также на предотвращение глобализации локальных несчастий.

Сегодня рождается новое, четвертое (после колониализма, либерализма, марксизма и неолиберализма) понимание космополитизма, которое основано не на признании унифицирующей роли Запада или антибуржуазных коммунистических идей, а на идеях диаметрально противоположного свойства — *глобализации* как вовлечении в капитализм самых разных народов, на признании *мультикультурализма* и *глобальной взаимозависимости национальных государств*. В сознании многих космополитическое сообщество ассоциируется с международными организациями, в которых при всем многообразии представленных в них людей разных культур царит английский язык и западное объединяющее начало. Но Бек и не говорит о реальности космополитизма в данный мо-

мент. Он строит обширную программу и сценарный прогноз, не имеющий обязательности, при котором космополитические методологии в социологии, в отличие от националистических (ориентированных на изучение обществ в рамках национально-государственных границ), получают преимущество, он надеется, что национальное государство претерпит внутреннюю глобализацию и сознательно перейдет на космополитические позиции, что сложатся институты глобального гражданского общества.

То, что глобализация не является унификацией и не может устранить культурное многообразие, стало очевидным, и этому посвящено немало книг¹. Но наиболее близкие к концепции Бека принципы трактовки космополитизма изложены американскими авторами А. Бреккенриджем, Ш. Поллоком, Х. Вхаба и Д. Чакрабарты², двое из которых по своему происхождению индийцы. Они пишут: «Капитализм предусматривает, что он является широко распространенной сетью рынков и доходов; коммунизм апеллирует к рабочим мира с целью их объединения; поздний либерализм страстно выступает против инструментализма или детерминизма и за признание за человеком статуса носителя универсальных прав. Но любое из названных видений мира заключено в рамки идеала национального суверенитета... Космополитизм наших времен не проистекает ни из капитализированных “доблестей” Рациональности, Универсальности и Прогресса, он также не воплощен в мифе о нации в самом широком ее понятии и в фигуре гражданина мира. Космополиты сегодня — часто жертвы современности, капиталистической вертикальной мобильности... Беженцы, представители диаспор, мигранты, изгнанники выражают дух космополитического сообщества»³. Авторы этих строк говорят также о новом или *постуниверсалистском космополитизме*, параметрами которого становятся *нации, мультикультурализм и глобализация*. Западный космополитизм отвергается в этой формуле. Противостояние двух мировых систем, национализмы составляли препятствие космополитизму, который перед лицом этих противников не мог организовать себя.

По их мнению, космополитические идеи представляют собой вызов традиционному академическому анализу и политической практике. При

¹ См.: Бенхабиб Ш. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. 2003.

² Cosmopolitanism. Ed. by C.F. Breckenridge, Sh. Pollok, H.K. Bhaba, D. Chakrabarty. L., 2002. P. 6.

³ Ibid. P. 5–6.

этом им очевидно не хватает детальной разработки и свойств проекта. Не хватает этого и Беку.

Какого же типа космополитизма придерживается Бек? Его космополитизм противостоит неолиберальному пониманию. В статье «Космополитическое общество и его враги», о которой мы уже упоминали, он прямо пишет: «Монологическое национальное воображение в социальных науках предполагает, что западный модерн — это универсальная структура, а модерн “других”, не принадлежащих западной цивилизации, можно понять только в сравнении с идеализированной западной моделью. Господствующая концепция современности, сформировавшаяся в Северной Америке, в том виде, как она представлена в старых теориях модернизации и в теориях развития, помещает не-Запад в самом низу эскалатора, движущегося вверх по направлению к Западу. Запад же находится на пике современности с точки зрения капиталистического развития, секуляризации, культуры и демократических государственных образований.

В космополитической перспективе нам скорее следует заниматься вопросом, как цивилизации, не принадлежащие Западу, по-иному, чем он, планируют и представляют себе свои особые сочетания культуры, капитала и национального государства, а не предполагать, что они являются недоразвитыми вариантами некоего западного первообраза. Таким образом, космополитическая социология находится в оппозиции к универсализирующей теории, которая создается в башне из слоновой кости¹. Поэтому те, кто исходит из универсализации опыта Запада и смотрит на национальную жизнь как варварскую, приходит в радикальное противоречие с пониманием космополитизма у Бека, имеющим тот же деуниверсализированный характер, что и у упомянутой группы исследователей. Их основания, повторим, совпадают: глобализация, нация, мультикультурализм.

Наиболее агрессивно универсализирующая мир категория «капитал», нечувствительная к историческим различиям, сегодня не является столь универсалистской и функционирует в хозяйственных системах новых капиталистических стран посткоммунистического мира и Азии, а также в странах хозяйственной демократии Азии, таких как Китай и Вьетнам, вполне сочетаясь с их собственными культурами и хозяйственными мотивациями. Существуют космополитические города в Европе и Азии. Многообразие является признаком Третьей, рефлексивной современности. Упомянутые авторы считают главным «парадоксом эпи-

¹ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 1. С. 25.

стемологически-исторической траектории космополитической практики» то, что «чем более недавними являются эти практики, тем более интенсивно и рефлексивно опосредованными они являются...». Культуры сегодня, говорят они, не подражают культуре некоего центра, чтобы стать космополитическими. Просто центр возникает всюду. Именно об этом пишет и Бек. Космополитизм он рассматривает не только как идею, а как «незавершенный путь существования», в котором различия культур противостоят универсализирующей функции капитала в условиях глобализации.

Те, кто готов противопоставить национальной жизни как варварству космополитизм, не могут сослаться на Бека, который пишет: «Я сомневаюсь в том, что космополитические общества даже ненамного менее этничны и историчны, чем национальные общества»¹.

Сегодня прогресс не проект, а ход истории, при котором лидеры прогресса меняются. Подъем новых индустриальных стран Азии происходит не под антизападными лозунгами. Напротив, идет активная вестернизация в форме заимствования западных технологий, массовой культуры и ее собственного производства, формирования совместных предприятий, аутсорсинга и пр.

Глобальный капитализм, включивший страны и народы самых разных культур и национальностей, может создать условия не только для господства капитала, но и для взаимодействия обществ и роста человеческой цивилизации как целого, — считает Бек. *По существу, это альтернативная модель глобализации, заданная на абстрактном уровне, не являющаяся ни сценарием-трендом, реализуемым по объективным причинам, ни сценарием-проектом, который можно предложить.* Это образ желаемого будущего и сценарий-идеология, который может собирать своих сторонников. Пока среди них преимущественно теоретики, а альтерглобалистские движения весьма локальны и причудливы не менее, чем антиглобалистские.

Итак, кто же сегодня носитель власти и кто ее оппонент? По мнению автора, власть принадлежит сегодня глобальному капиталу. Изучение его и есть «глобальная политэкономия».

По мнению Бека, государства подвергнутся макиавеллистски-космополитическим преобразованиям, чтобы ответить на политические и экономические вызовы глобализации и вместе с гражданским обществом взять власть в свои руки. Это опять же не вяжется с представлениями тех, кто жаждет распада Вестфальской системы национальных государств. Космополитизация государства — это не его исчезновение,

¹ Там же. С. 28.

а появление у него новых функций. Возникают новые глобальные акторы, среди которых — территориальные объединения. Все акторы и игроки объединены метаигрой глобальной политической экономии. Ограниченный космополитизмом национализм дает новые источники легитимации власти. Тут все зависит от «адекватности» и «правильности» самого космополитизма, который не должен возвращаться к своим предшествующим формам.

Космополитическая теория должна быть критической как в отношении к реальностям, так и к своим теоретическим построениям и эмпирической базе. В ее поле зрения находятся, в том числе, проблема роста социальных неравенств в мире. Связь между глобализацией и бедностью мало исследуется в национальных социологиях. Методологический национализм становится источником ошибок. Бек предлагает таблицу смены парадигм социальных наук при Третьей трансформации. Он ищет альтернативы метавласти экономического глобализма. Он рассматривает шансы различных акторов на заметное участие в глобальной политико-экономической игре, анализирует транснационализацию права и сокращение правовых функций национального государства. Им оцениваются стратегии капитала, среди которых отмечается формирование «конкурентного государства». Особое внимание автора вызывает проблема трансформации понятия и формы государства и политики при Третьей великой трансформации. Здесь важно то, что наступает конец «концу политического», что люди снова хотят решать свои проблемы политическим путем, не полагаясь на их видимую и не устраивающую их квазиприродность. Томас Гоббс, прочитанный под углом зрения опасности общества риска, это «не человек человеку волк», а «человечество человечеству волк», утверждает Бек. Поэтому государственные формы должны быть направлены сегодня против войны и самоистребления человечества. Ожидается формирование национальных космополитических партий, плюрализация правого и левого полюсов политического спектра. Политика прав человека может, по мнению Бека, преобладать над господством национально-государственных интересов. Таким образом, автор отбирает из стратегий капитала и политических стратегий те, которые больше соответствуют космополитическому реализму его концепции.

Космополитизм у него — не принадлежность к западной культуре, а признание инакости другого. Он предполагает индивидуализацию, мультикультурализм и усиливает их. И все же последняя глава книги называется «Маленькая надгробная речь у колыбели космополитической эпохи». В ней показывается, что старые антиномии живы, а институционализация космополитизма в понимаемом автором смысле слаба.

Эти антиномии присутствуют в качестве норм речевой коммуникации, второй раз ссылается Бек на Хабермаса, делает устойчивыми космополитические принципы.

Здесь автору кажется — и, возможно, так оно и есть, — что он перестарался с применением выдвинутого им принципа критики и самокритики к своей теории космополитического реализма. И в ответ на это подозрение он предлагает список институциональных шагов по поддержанию космополитизма: усиление транснациональных организаций; реформа МВФ и Всемирного банка; правовые государства; правозащитная политика; всемирный парламент; посредничество в конфликтах и пр. Надгробная речь в итоге таковой не оказалась.

снова о Вестфальской системе национальных государств

Бек касается судьбы Вестфальской системы национальных государств, к которой сегодня обращаются многие ученые, создавая научный контекст проблемы, неразрывно связанный с контекстом социальных трансформаций.

Тридцатилетняя война между католиками и протестантами, прятая политические цели под религиозной оболочкой, в 1648 году завершилась Вестфальским миром. Новое мировое устройство разрушило политическое лидерство Священной римской империи и главенство римского папы, столь очевидное прежде. Оно не отменяло стремления государств к господству, вытеснив австрийских Габсбургов посредством возвышения Франции и Швеции и допускало впредь, что государство, занимающее господствующее положение, может потерять его из-за стремления других государств к господству. Вестфальский мир не утверждал мир вообще, а лишь мир в истощенной войне Европе этого времени, и потому оказался непрочным. Кроме того, он не отменял войн потому, что не устранял их предпосылки, что И. Кант позднее обозначил в своем трактате «К вечному миру» как одно из важнейших условий его достижения. Но установленная им система национальных суверенных государств была основой международных отношений вплоть до конца XX века и до сих пор имеет значение, хотя заметно ослаблена.

Томас Гоббс рассматривает *врага* как центральную фигуру догосударственного существования, «войну всех против всех» как черту естественного состояния, которая может быть ограничена лишь путем передачи насилия легитимному его носителю — государству. Государство, государи наделялись правами и функциями, которые могли бы принадлежать отдельным гражданам. Но Гоббс считал, что только государство может обеспечить естественные права людей. Государство должно было обеспечить внутренний мир и безопасность. Но это был мир внутри

государств, а не между государствами, ибо всемогущество составляет цель государства на международной арене. Поэтому фигура врага не исчезает.

Джон Локк показывает, что без контроля со стороны общества государство может выйти за легитимные полномочия в применении силы и утверждает необходимость самоорганизации общества в гражданское. Однако государства выступают как *соперники*. Поэтому между ними возможны войны. Вестфальская система допускает войны между национальными государствами.

Иммануил Кант в своем договоре о вечном мире открывает новую систему координат, где государства относятся друг к другу как *друзья*¹. Кант оспаривал право суверенного государства на войну, несмотря на то, что самое определение суверенитета включало (наряду со способностями управлять своей территорией, быть огражденным от вмешательства во внутренние дела и не вмешиваться самому, быть признанным международным сообществом) право начинать войну даже без объявления мотивов. Кант переходит от первоначальной идеи государства народов, опасаясь деспотизма такого государства, к свободной лиге национальных суверенных государств, предотвращающей войну посредством мирного арбитража споров и конфликтов.

Следовательно, для достижения вечного мира Вестфальская система, хотя и не обеспечивает мир, но является его предпосылкой, поскольку побуждает индивидов объединяться в государства и создает некий баланс в их отношениях.

Написав рецензию на работу Канта через год после ее выхода, в 1796 году, и являясь ее страстным поклонником, Фихте все же робко предполагает, почему вечный мир все еще невозможен: «По-видимому, преимущества беспорядка все еще преобладают над преимуществом порядка. Значительная часть людей при всеобщем беспорядке приобретает больше, чем теряет, а у тех, кто теряет, остается надежда, что он тоже выиграет... Блага, созданные в наших государствах, еще не распределены и использованы, многое еще можно требовать и захватывать, и, наконец, если у тебя дома все уже исчерпано, то угнетение других народов и континентов посредством торговли — постоянный и обильный вспомогательный источник. Пока все это остается, несправедливость еще не так тягостна, чтобы мы могли рассчитывать на ее всеобщее устранение. Но как только большинство считает более надежным сохранить то, что у него есть, чем стремиться к сомнительному приобретению того,

¹ См.: *Wendt A. Social Theory of International Politics*. Cambridge, UK. P. 246–312.

чем владеют другие, тогда наступает строй, основанный на праве и разуме»¹.

Пришли ли мы за время с 1796 по 2007 год, за столь длительный период, к тому, чтобы все успокоились на том, чем владеют? Это поистине риторический вопрос после слов Фихте, по сути, характеризующих сегодняшнюю реальность. А есть ли сдвиги? Только в мышлении теоретиков. Сегодня ясно, что не большинство, а меньшинство (золотой миллиард) пришло, казалось бы, к состоянию, когда могло бы удовлетвориться наличным. На XXI Всемирном философском конгрессе в Стамбуле (август 2003) интеллектуальная элита Запада сплотилась в критике мирового неравенства и несправедливости, считая их несправедливыми и, кроме того, несущими угрозу Западу. Хабермас нашел основания, по которым вечный мир до сих пор не осуществился не только в неравенстве и несправедливости, не только в том, что многим еще выгодна война и беспорядок. Идея вечного мира Канта, по мнению Ю. Хабермаса, не реализовалась во многом потому, что Кант *не предусмотрел трудности диалога с другими, не такими, как европейский человек*. Кант, по его мнению, проявил нечувствительность к появлению нового исторического сознания и росту признания культурных различий, росту значимости неевропейских, нехристианских культур, что делает договоренность с ними, а, следовательно, и вечный мир проблематичными².

Трудности диалога с людьми другой рациональности и другой культуры есть главное препятствие космополитическому проекту Бека. Эти трудности им не рассмотрены и, полагаем, отложены на будущее.

Хабермас отмечает когнитивные трудности определения общих интересов международного сообщества и возможность подмены их частными интересами. Как говорит Хабермас, «это — не вопрос доброй воли ли дурных намерений, но предмет эпистемологии и практических размышлений. Любое ожидание, с одной стороны, того, что будет найдено нечто, приемлемое для всех, не может быть проверено ничем более, как только якобы беспристрастным рассмотрением, по правилам которого от всех вовлеченных сторон равным образом требуется принимать во внимание перспективы других участников тоже. Это является когнитив-

¹ Фихте И. К вечному миру. Философский проект Иммануила Канта // Трактаты о вечном мире / Сост. И.С. Андреева, А.В. Гулыга. СПб. 2003. С. 248.

² Хабермас Ю. Дискуссия о прошлом и будущем международного права. Переход от национальной к постнациональной структуре // Вестник Российского философского общества. 2003. № 3. С. 17.

ной целью беспристрастного суждения, которому юридические процедуры должны служить как на глобальном, так и на локальном уровнях»¹. В качестве моральной предпосылки мы будем использовать тезис А.А. Гусейнова о том, что насилие может быть неизбежным, но при этом оно никогда не станет моральным. Институциональной предпосылкой может стать реструктурирование международного порядка и международного права. Касаясь, в отличие от Бека, метафизических основ космополитизации, Хабермас на примере Европейского Союза разработал процедурную модель космополитизации, при котором международное гражданское и политическое сообщество интегрируется на почве международного права. Процедурная легитимация для Хабермаса — основа интеграции в демократической и плюралистической культуре².

В отличие от тех, кто отрицает значимость Вестфальской системы суверенных государств сегодня, американский политолог А.М. Янг считает, что она важна, поскольку предоставляет суверенное право всем существующим государствам — сильным и слабым, большим и маленьким. Тем не менее, степень взаимозависимости государств настолько возросла, что немногие государства могут закрыться от воздействия других государств и международных организаций. Поэтому изменения по отношению к прежним принципам Вестфальской системы состоят в том, что принцип самоопределения сегодня не тождественен суверенитету. Ни одна страна сегодня не является островом с четким разделением между собственным единоличным контролем внутренней территории и внешней территорией, над которой она не имеет власти. Автономия дает странам осуществлять собственные решения внутри страны³. Это близко к пониманию проблемы Беком.

Роль государств в такой системе международных отношений не устраняется. Они по-прежнему имеют власть на внутренней территории. Но их действия подотчетны сообществу государств, которое может быть представлено в международных организациях. Государства становятся посредниками между локальными, региональными и глобальными уровнями. Они — могущественные акторы, но они не так суверенны, как это традиционно понималось.

¹ Там же. С. 22–23.

² *Habermas J. Between Facts and Norms: Contributions to a Discourse Theory of Law and Democracy. Cambridge. 1996; Habermas J., Derrida J. February 15, or What Binds Europeans Together: A Plea for a Common Foreign Policy, Beginning in the Core of Europe // Constellations. 2003. 10 (3).*

³ *Young I.M. Inclusion and Democracy. Oxford, N.Y. 2000. P. 11–12.*

Сходные модели получили такие названия, как космополитическая демократия, расширенный федерализм, непосредственная совещательная многосторонность, многосторонний федерализм, децентрализованное рассредоточение, подотчетная автономия и дифференцированная солидарность. Ряд авторов считают их моделями ограниченного суверенитета.

Наилучший способ осуществления глобальных обязательств справедливости Бек, как и многие другие, находит в создании глобализированных моделей социального сотрудничества, при которых базовые структуры транснационального социального сотрудничества, производящие и воспроизводящие несправедливость между народами, быть демонтированы и заменены новыми.

Бек предполагает сознательное поддержание национальных государств, с видоизменением представлений о суверенитете с помощью концепции глобальных прав человека. Если права человека глобальны, но то или иное государство не соблюдает их, то сообщество государств может потребовать их соблюдения, не прибегая к войне. Возможно ли это? Пока нет. И видимо, вечный мир наступит только после опустошительной войны или бесконечного терроризма, когда уже не будет сил для войны, а не из доводов чистого разума. Запад многое потеряет, последуй он сейчас мнению социолога, но может потерять много больше, если не последует ему.

Хабермас последовательно проводит в своих работах мысль о том, что тема диалога не соответствует дискурсу модерна, построенному на признании западного разума и общего стремления к разумному освоению действительности. Он объясняет, что Кант критиковал разум, исходя из его перспективы, т.е. в рамках модерна, а вовсе не сопоставляя разум с «иным», «другим», предшествующим ему состоянием¹. Эпоха модерна устремлена к разуму, как он сложился на Западе, а не к его оппонированию или диалогу со всем тем, что не имеет таких устремлений. Диалог, который тут мог быть, явился бы диалогом сторонников одной идеи. Поэтому потребность в диалоге, коммуникации, по мнению Хабермаса, возникает позже, примерно с Ф. Ницше, пошатнувшего старое здание рациональности. Так и Бек считает диалог концептом Второго модерна.

Методология Бека состоит в разделении конкретного анализа, связанного с изучением реальных процессов, в построении новой картины мира и в формировании теорий на пересечении этих двух компонентов анализа. Подобная методология эксплицирована академиком В.С. Сте-

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 312–315.

пиным в физическом знании и обобщена в качестве общенаучной¹. Пожалуй, нигде в социальном знании это разделение компонентов познания не выступает так четко, как у Бека. Описание опыта отличается у Бека наблюдательностью и точностью. Картина мира вбирает новый опыт, но забегает вперед, пролонгируя его тенденции, иногда до такой степени, что сам автор называет ее утопией, Теории микроуровня, построенные как эмпирические обобщения, являются новыми и убедительными. Те теории, формулировка которых подключает картину миру, являются сценарными прогнозами возможного будущего. Но взаимодействие трех методологических уровней — опыта, картины мира и теории на макроуровне часто заменяется экстраполяцией картины мира на опыт и тождеством выдвигаемой теории с картиной мира. Подобные случаи встречаются и в естественно-научном знании. Но в науках об обществе, где теории не имеют математической строгости, такой «зазор» между картиной мира и опытом, преодоление которого ведет к построению теории, часто не соблюдается. Картина мира опрокидывается на будущее, отождествляясь с теорией, выступая, говоря словами Бека, как «полезная утопия».

В этой утопии-идеологии, утопии-проекте, дана критика настоящего понимания власти, политики, государства. Бек отрицает тезис о конце политического, который сегодня моден в западной литературе. Политическое не исчезает, а видоизменяется. Не исчезнет, а станет более многообразным государство и соотношение национального и космополитического в нем. Согласно Беку, сила соблазна неолиберализма заключается в двойном импульсе: в обещании наградить за открытость миру богатством и. *установить транснациональный миропорядок глобальной эпохи, т.е.* укрепить транснациональные институты. Но безальтернативная глобализация мирового рынка» создает *западню неолиберального толкования политики.*

Таким образом, мы имеем в неолиберальном исполнении не «конец политики», а начало новой мировой экономической политики, «мир без границ — не для труда, а для капитала». Спротивление этому Бек видит на первом этапе всего лишь в разъяснении космополитизма как признания инаковости. На втором этапе он считает необходимым вернуться к новой позитивной диалектике Просвещения. На третьем этапе придется защищать космополитизм от его собственных недостатков. Космополитизм признает инакость другого, американизация и неолиберальная глобализация — не признают. Даже демократия в этой связи представляется Беку идеологией прошлого, т.к. в новом глобальном мире *преоб-*

¹ Степин В.С. Теоретическое знание.

ладать будет толерантность по отношению к многообразию, ограниченному только правом и моралью. Корни своей культуры и крылья космополитизма могут стать основаниями будущего, считает Бек.

Бек — не революционер, не антиглобалист. Он скорее сторонник неокapиталистической теории, воскрешающей труд, Просвещение, мораль, права всех людей Земли, концепт «человечество» против консьюмеризма, варварства, морального релятивизма, партикуляризма, не связанного с универсальностью, и универсальности, не имеющей локальных воплощений.

Глава 3. Вторая глобализация как новый мегатренд и новый тип социальных трансформаций

Первая глобализация оборвалась в 1914 году. Но термин «глобализация» появился только с началом второй глобализации, т.е. в конце 1990-х годов, спустя более семидесяти лет. Историю термина «глобализация» описывает почти каждый автор, исследующий проблему глобализации.

а) История термина «глобализация», возникшего для обозначения второй глобализации

Большинство ученых считает, что термин «глобализация» был введен сначала для описания мировой транснациональной экономической системы, а затем мировой транснациональной информационной системы Интернет. Появление зон, где существует экстерриториальность, транснациональность способствовало обсуждению подобных перспектив для политики и культуры (М. Фезерстоун, Р. Робертсон). В.Л. Иноземцев показывает, что термину «глобализация» предшествовала в 1980-е годы концепция устойчивого развития, конкурировавшая с постмодернистскими подходами. В 1990-е годы все эти идеи вытеснила концепция глобализации в узком смысле слова, которая начала развиваться с конца 1960-х. Действительно, в середине 60-х годов М. Маклюен ввел понятие «мировой деревни» (global village). И все же, по мнению В.Л. Иноземцева, в социологический контекст понятие «глобализация» поместил американский социолог Дж. Макмен, призвавший в 1981 году понять происходящую глобализацию социальных отношений¹. Р. Робертсон в 1983 году употребил термин «globality» («глобальность»), в 1985 году дал толкование понятию «глобализация», а в 1992 году — сформулировал основы концепции глобализации².

¹ Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 28.

² Там же. С. 27

М. Уотерс характеризовал глобализацию как примету перехода в третье тысячелетие. Вторая глобализация составила ядро Третьей великой трансформации и основу Третьей современности.

И все же споры о дефиниции процесса глобализации (а они разворачиваются именно вокруг второй глобализации) продолжают по мере того, как глобализация — экономический по своей сути процесс — начинает перестраивать локальные общества и глобальное сообщество, затрагивает социальную сферу, культуру, политику, этику. Многие исследователи сегодня, пытаясь описать шаги человечества к единству под именем «глобализация», вынуждены говорить о глобализациях¹, выделять этапы, обозначаемые как «глобализация I», «глобализация II» и т.д., имея под этим в виду глобализацию как модернизацию, переход к современности, как становление всемирной истории и т.п. вплоть до ее настоящей фазы, которую в 1990-е годы интерпретировали как постсовременную или даже посткапиталистическую. Таким образом, процессы последних тридцати лет при расширительном толковании предстают как завершающийся этап глобализации, получившей это имя в качестве одного из основных (наряду с постсовременностью, постиндустриальной, информационной эпохой).

Наибольшую полемику сегодня вызывают пределы глобализации, ее способность затронуть сферу общества, политики и особенно культуры. По этому вопросу существуют несколько точек зрения: 1) сближение в сфере экономики и информации скорее обостряет культурные различия и может вести даже к конфликту цивилизаций (С. Хантингтон). 2) между глобальной и локальными культурами существует сложная диалектика, состоящая как в наличии универсалий (мода, туризм, образование и пр.), так и в их локальном воплощении. В свою очередь, элементы локальной культуры могут стать общезначимыми (И. Валлерстайн); 3) возможны различные сценарии. Так, согласно У. Ганнерсу, есть сценарий гомогенизации (культурной унификации); сценарий сатурации (насыщения чужой культурой, прежде всего западной, и превращения мировой культуры в более однородную); сценарий «периферийного искажения» элементов западной культуры в незападных регионах; и «сценарий созревания» единой культуры путем диалога и обмена. Приводящий эти сценарии П. Штомпка считает вероятными подобные перспективы. Ряд авторов (Ж.Н. Питерс, У. Ганнерс) полагают, что осуществляется причудливое соединение культур, которое Питерс называет «гибридизация», а Ганнерс «креолизация» (овосточнивание). Другие тер-

¹ Rethinking Globalization(s). From Corporate Transnationalism to Local Interventions. L., 2000.

мины такого рода — кокаколонизация, макдональдизация (Дж. Ритцер); 4) культура так же, как экономика, информация, политика унифицируется, происходит движение к единой мировой культуре.

В своего рода энциклопедия глобализма Д. Хелда, А. Макгру и др. «Глобальные трансформации. Экономика, политика, культура» дана систематизация точек зрения на глобализацию, представленная в виде таблицы. Поскольку в отечественной литературе мы не находили ссылок на данную работу, приведем таблицу целиком.

Концептуализация глобализации: три тенденции¹

	гипер-глобалисты	скептики	трансформационалисты²
Что нового?	глобальная эра	торговые блоки, более слабое, по сравнению с предшествующим временем, национально-государственное правление	исторически беспрецедентные уровни глобальной взаимозависимости
доминирующие признаки	глобальный капитализм, глобальное правление, глобальное гражданское общество	мир менее взаимосвязан по сравнению с 1890 годом	«сильная» (интенсивная и экстенсивная) глобализация
власть национальных правительств	уменьшающаяся или размывающаяся	усиленная или обновленная	перестроенная или переструктурированная
движущие силы глобализации	капитализм и технология	государства и рынки	объединенные силы современности
модель стратификации	эрозия прежних иерархий	возросшая маргинализация Юга	новая архитектура мирового порядка
доминирующий мотив	макдональдизация, Мадонна etc.	национальный интерес	трансформация политического сообщества

¹ *Источник: Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perratin J. Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge. UK. 1999 (2000). P. 10.*

² *Сторонники взгляда на глобализацию как новый процесс социальной трансформации.*

концептуализация глобализации	как переупорядочивание рамок человеческих действий	как интернационализация и регионализация	как переупорядочивание межрегиональных отношений и действия в пространстве
историческая траектория	глобальная цивилизация	региональные блоки / столкновение цивилизаций	неопределенная: глобальная интеграция и фрагментация
решающий вывод	конец национального государства	интернационализация зависит от согласия государств и их поддержки	глобализация, трансформирующая власть государства и мировую политику

Как видим, те точки зрения, которые обычно рассматриваются как антиглобалистские (а здесь они названы скептическими), отнесены к глобалистским, поскольку в них идет рассмотрение будущего мирового порядка и признается системная (глобальная) взаимозависимость.

**б) Новая парадигма социальных наук:
фактор пространства в социальной теории**

Запад явился родиной социальных наук, и они построены так, чтобы прежде всего решать проблемы западного общества.

Однако модернизационные теории предполагали универсальность западного пути, поэтому связь науки с социальными проблемами западных обществ была забыта, а географический регион их возникновения не вызывал особого интереса. Ученый любой точки земного шара, если он хотел действительно заниматься наукой, а не мировоззренческим знанием, осваивал то, что называл просто наукой, а не западной наукой. В отдельных отраслях ряда незападных стран складывались национальные школы, добившиеся существенных достижений, не порывая с парадигмами западной науки и развивая их. Только такие школы получали всемирное признание, тогда как все другие, предлагавшие научное мышление, не вписывающееся в западную науку, смотрелись как мировоззренческое знание. Таким образом, все аспекты пространственной локализации знания имплицитно существовали, но эксплицитно опускались как малозначащие в сравнении с универсальностью науки.

1990-е годы характеризовались появлением новой парадигмы социальных наук — глобализации, тесно связанной с «опространствлива-

нием» социальной теории. Новая парадигма была продуктом постмодернистской критики метанарративов, в особенности тех, которые касались временных изменений, тогда еще весьма популярных. Последними в особенности изобиловали, с точки зрения постмодернистов, концепции развития или движения общества из одного состояния в другое, из одной стадии в другую, осуществляемого закономерным образом. Именно «в этом контексте концепт глобализации представляет важнейший сдвиг в изменении парадигмы темпоральности на пространственные рамки»¹. Глобализация стала рассматриваться как черта постиндустриального мира, в котором понятия национального государства, общества, идентичности уступают место новой пространственной универсализации Мир, объединяемый компьютерной сетью, един, и един он еще и потому, что он есть.

Проблеме глобализации постоянно суждено было развиваться в противоречивой форме. Явно поставленная постмодернизмом, она, в сущности, выполняет сегодня преимущественно негативную роль — отказа от направленных трансформаций, несогласия даже с его модифицированными формами типа модели устойчивого развития.

Глобализация как универсализация противоречит интенции оправдать маргинальное. Даже находясь в составе глобального, маргинальное не интегрируется в нем и не сознает своей самостоятельности. Это относится даже к частям некоторого целого. Проблема равенства членов сообщества не исчезает даже в Западной Европе².

Не исчезают проблемы национальных государств, обществ и идентичности³, при всем том, что давно показано, что превращение идентичности в проблему — это результат ослабления социальных институтов в массовом обществе.

¹ Featherstone M. and Lash S. *Globalization, Modernity and Spetialization of Social Theory: an Introduction* // *Global Modernities* / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R.L. Robertson. Thousand Oaks; New Delhi, 1995; Werlen B. *Sozialgeographie Alltaglicher Regionaliezierung*. Bd. 1: *Zur Ontologie von Gesellschaft und Raum*. Stuttgart, 1995.

² Andreatto B., Bourlanges J.-L., Christophersen H., Lobkowitz M. Robertson G., Seidel M. *In a Larger EU, Can All Member States Be Equal? The Philip Marris Institute*. April. 1995.

³ Castillo S.R. *Notes from Periphery. Marginality in North American Literatute and Culture* // *American Univ. Studies. Series XXIV. V. 63*. N.Y., Wachington, Fr.a.M., 1995; Lopes M.F. *Basque Women: Real and Imaged Identity* // *Engendering Identities* /Ed. by Castillo S.R. Porto. 1996.

Западная цивилизация еще сохраняет вызов остальному миру и соединяется с другими культурами путем своего воздействия и влияния на них. Но сама она начинает быть извне подвержена вызову новых лидеров Азии, а также внутреннему вызову тех слоев населения, которые не вписались в западные общества, держатся за нормы своих сообществ и не ощущают себя гражданами стран, в которых живут.

Идеи глобализации постмодернизма качественно отличались от тех, которые были в модернистских теориях. Существова и сегодня, вряд ли могут принять упрек в доминировании темпоральности над пространством. Конечно, «вмонтированная» в западную культуру тяга к инновациям делала все процессы быстротекущими, лишенными сакральности. Но современность трансформировала пространство и время Средневековья: «Только с приходом современности, — пишет Гидденс, — в качестве абсолютно интегрального элемента этого развития, время и пространство вместе становятся универсальными и интегративными в повседневной деятельности каждого»¹.

Гидденс, уделяя значительное место проблеме времени, считает пространство, «место» современности «качественно отличным от средневековья». «Место» олицетворяет идею расположения социальной активности в географическом пространстве. В предсовременности идея пространства и место совпадают. В современности пространство становится много больше места пребывания. Здесь разделяются пространство и время как символы нелинейного развития, возможности жить в разных временах. Постмодернизм считает, что великим наваждением XIX века была история, теперь таковым становится география. География эта трактуется специфически: «Место Лос-Анжелес здесь и везде»². Но можно «отложить» Лос-Анжелес в сторону. Эти два тезиса составляют суть антиномии и деконструкции, позволяющей ощущать себя в городе и в мире. Тот, кто имеет опыт путешествий, знает, насколько это верно, насколько по-разному выглядят разные точки пространства из различных мест и насколько по-разному ощущается свой собственный город из иных мест. Однако здесь речь идет уже не столько о географии, сколько о сознании, как, впрочем, об истории речь шла всегда в том же смысле.

Современность, осуществляясь в регионе капиталистического Запада, тем не менее, глобализовалась: «Современности присуща глобализа-

¹ Giddens A. Voreword // Space, Time and Modernity / Ed. by R. Friedland, D. Boden, Berkeley. Los Angeles. 1994. P. XII.

² Soja E.W. Postmodern Geographies: Taking Los Angeles Apart // Space, Time and Modernity. P. 140.

ция — это является с очевидностью наиболее базовой характеристикой институтов современности»¹.

Глобализация обеспечивается идеей общества как связанной системы, определяющей его жизнь в пространстве и во времени, вовлечением локального, взаимодействием через расстояния. Глобализация — это распространение, связь между различными социальными контекстами или регионами мира. «Глобализация может быть определена как распространённые по всему миру социальные отношения, которые связывают удалённые места таким образом, что локальные события обретают форму событий, произошедших за много миль отсюда, и наоборот... Локальные трансформации являются как частью глобализации, так и побочным добавлением к социальной связи сквозь пространство и время»². Идея глобализации постоянно амбивалентна.

Однако понятие глобализации сторонников модернистской теории, особенно с точки зрения их постмодернистских оппонентов, тоже противоречиво. Каким образом — можно утверждать, что глобализация становится условием современности, если глобализация включает параметр пространства — времени, и в то же время допускает маргинализацию пространственного компонента процесса.

Это обвинение справедливо в том лишь отношении, что восприятие пространства в модернизационных теориях предполагает наличие центра, который одновременно является центром притяжения для остальных³. Помимо этого, пространство современности в модернизационных теориях — это «Запад и белые»⁴. Но Третья великая трансформация и Третья современность порывают с этой чертой после завершения неомодернистской фазы.

В противоположность этому постмодернистская география не признает центра. Несмотря на массу интересных сюжетов постмодернизма о пространстве, например признание в качестве глобального процесса гибридизации, сращивание культур, размывание идентичности, следующую отсюда критику институтов и введение понятия сообщества, истолкования нового мира как микромолекулярного, ведущее понятие — глобализация — поддается самым противоречивым трактовкам.

¹ Giddens A. *The Consequences of Modernity*. 1990. P. 17–21.

² Ibid. P. 64.

³ Bauman Z. *Searching for a Centre that Holds // Global Modernity*. P. 140–154.

⁴ King A.D. *The Times and Space of Modernity (or Who Needs Postmodernism?) // Ibid.* P. 108–123.

Трезвый голос экономиста сразу различал за разговорами о глобализации реалистический смысл. Так OESD'S Industry Committee (Индустриальный комитет ОИСД) выделил три ступени глобализации:

- интернационализацию, основанную на экспорте;
- транснационализацию, основанную на прямых заграничных инвестициях и установлении местных производственных мощностей за границей;
- глобализацию, фокусирующую внимание на учреждении мирового производства и информационной сети¹.

Этот расклад наглядно показывает, что постмодернистская концепция глобализации явно забежала вперед. Сегодня в Третьей современности Запад сохраняет роль центра, осуществляющего глобализацию. Но на горизонте видны новые конкуренты — страны Азии, Индия, Бразилия, Индонезия, в какой-то мере Россия.

Итак, в *модернизационных* теориях глобализация — это появление центра, вокруг которого разворачиваются все глобальные процессы, реализуются все возможные выборы путей развития. Глобализация здесь — это универсализация развития по модели центра.

Это же понимание сохранилось в *неомодернизационных* теориях.

В *постмодернистских* концепциях глобализация — это признание равенства всех традиций и тенденций, всего мира, усиление внимания к географии вместо истории в связи с культурным многообразием населяющих мир народов. Это отказ от признания центра, совпадающий с внутренним ощущением принадлежности к еще не разрушенному центру — Западу.

Некоторые исследователи отмечают наличие одновременно двух тенденций. Одной — глобализации на основе наук и технологий, рождающих взаимозависимость и взаимодействие и стремление жить, как на Западе, и другой — антиглобалистской или альтерглобалистской. Ни той, ни другой концепции не удалось преодолеть проблему соотношения локального и глобального, но их заслуга — введение географического аспекта в проблему развития.

Географическая парадигма обязывает нас говорить не о Западе в целом, а выделить его центры притяжения для модернизации. К ним относится Северная Америка и Западная Европа. Принадлежа Западу, они модернизировались различным образом: Америка более «теоретически чистым», проектным, на новом месте, новыми людьми, воплощая

¹ Arzeni S. The End of Globalism // The International System after the Collapse of the East-West Order / Ed. by Clesse A., Cooper R., Sacamoto Y. Dordrecht, 1993.

новые принципы. Европа — болезненно расставаясь со старыми установлениями и традициями.

Есть исследователи, которые выделяют больше, чем два, «входа» в современность. Так Г. Зерборн, профессор социологии в Гетеборгском университете (Швеция), полагает, что их было четыре (включая западную модернизацию). В этой книге мы рассматриваем как западную модернизацию, так и процессы «вторичной» модернизации тех, кто пытался пройти тем же, что и Запад, путем и новых акторов Третьей современности. Зерборн выделяет:

1. Европейские ворота революций или реформ. Эти ворота не были первыми, но в результате Великой Французской революции и английских процессов с середины XVII века до 1832 года здесь была пробита брешь. Одновременно Западная Европа была и родиной антимодернизма.

2. Новый мир Северной Америки, в результате трансконтинентальной миграции и независимости, использования европейских традиций.

3. Внешние модернизации: националистические преобразования, которые проходили в Японии после революции Мэйдзи и в Германии XIX века.

4. Колониальная зона, в которой метрополия неравномерно модернизировала колонии¹.

«Вызов» Запада соответственно ощущался по-разному. Россия была ориентирована преимущественно на Европу, хотя и знала периоды деклараций «догнать и перегнать Америку», либо более близкого неолберализма, пытающегося воспроизвести в России «чистый» опыт Америки. При выборе российского пути развития в ходе реформ 1990-х неомодернизм со всей определенностью был ориентирован на Америку и лишь по мере ослабления радикализма Европа стала представляться некоторой альтернативой. Географическое видение модернизма — Запад и «остальной мир». Сегодня все становится более дифференцированным: США, Западная Европа, Восточная Европа, Восточно-Азиатские центры развития, Китай, Россия и «остальной мир». География постмодернизма: меньшинства, этносы, не Европа государств, а Европа регионов, и весь мир от микромолекулярного до глобального с заметным пропуском реального — еще существующих наций-государств, еще не исчезнувшей роли Запада как центра мирового могущества и влияния.

Однако то или иное введение географического аспекта, разделение некой целостности на регионы, если и не создает приоритета уникальности в социальных исследованиях, то, по крайней мере, вводит локаль-

¹ *Therborn G. Roughts to/through Modernity //Global Modernity. P. 131–135.*

ное, уникальное в обсуждение развития. География тут присутствует совместно с историей, культурологией, социологией, геополитикой.

Воистину мы живем в Третью современность, где тенденции и предчувствия нового вполне уживаются со старым («современным» в теоретическом смысле слова).

Термин «глобализация» появился совсем недавно для характеристики нового процесса социальной трансформации, который будет описан ниже. Он не использовался в отношении первой глобализации, которая только теперь осмыслена под эти именем. Появление второй глобализации есть завершение того процесса образования всемирных связей, свободной торговли и становления всемирной истории, которые составили суть пятисотлетней истории Запада и мира в целом, устремленных к прогрессу, осуществляющих модернизацию.

Сегодня эти процессы вытеснены на периферию, на уровень локального развития, где выбор модернизационных моделей становится более многообразным и направленным не только на решение внутренних задач, но и на нахождение своего места в глобальном мире и в глобальной экономике. Оглядываясь назад, недостатки классической модернизационной теории кажутся все более очевидными, ее применение все более утопическим. Но вместе с тем вряд ли с нашим сегодняшним опытом можно подходить к прошлому, у которого был свой опыт, своя логика развития.

в) Экономическая и информационная природа второй глобализации

Выше шла речь о первой глобализации, но такого термина в ту пору не было. Он возник для характеристики второй глобализации, о которой пойдет здесь речь.

Термин «глобализация» во многом вытеснил теории прогресса и модернизации. Как показал В.Л. Иноземцев, он уменьшил частоту употребления терминов «устойчивое развитие» и «постмодернизм». Количество книг, в заглавии которых используется слово «глобализация», стало лавинообразно увеличиваться в Библиотеке Конгресса с начала 1990-х годов¹.

Термин «глобализация» возник для характеристики транснационального функционирования экономики и информации, которые, резко нарастая в последнее десятилетие XX века, сделали прозрачными для финансово-информационных систем национально-государственные границы и обеспечили преимущество тем, кто вступил в технологически-

¹ Иноземцев В.Л. Глобализация: иллюзии и реальность // Свободная мысль. 2000. № 1. С. 28.

информационную революцию. Так, по определению одного из специалистов, «глобализация — процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий»¹. Другая характеристика этого процесса: «Глобализация — это слияние национальных экономик в единую общемировую систему. Она основывается на возникшей в последнее десятилетие XX века легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала»². Глобализация, таким образом, это не то, желательность или нежелательность чего сегодня подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы, безусловно, важно исследовать. Но прежде всего необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности западных стран, создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение последних 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более позднее «уточнение» Вестфальской системы после Филадельфийского конгресса в США, на котором были приняты основополагающие документы Америки, делавшие демократию не только американским, но и мировым институтом, также претерпевает изменения.

Проиллюстрируем ключевые факторы глобализации — информационный, экономический и технологический. Их можно назвать так же информационно-экономическим и информационно-технологическим.

С изобретением компьютера и Интернета и введением их в экономику все операции невероятно ускорились и изменились качественно, а не только количественно. Возникла открытость технической информации. В Интернете можно найти технические и технологические инновации, ноу-хау. В перспективе патентные службы могут оказаться лишними, и технический шанс появляется у всех, кто способен им воспользоваться.

Экономические изменения глобального масштаба характеризуются доминированием финансового рынка по отношению к товарному. Деньги стали делать деньги на законных основаниях, предоставляемых фи-

¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи / Под. ред. М.Г.Делягина. М., 2000.

² Уткин А. Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль — XXI. 2000. № 11. С. 28.

нансово-правовыми установлениями. Но еще более важное значение, чем деньги, имеют технологии, которые, будучи сращенными с информацией, могут обеспечить производство новых товаров и услуг с меньшей, чем прежде, стоимостью и создать новые уникальные продукты мирового рынка. *Уникальность и дешевизна — два важнейших фактора вхождения в глобальную экономику: «Рыночная сила производителя, а, следовательно, — и конкурентная эффективность используемых им технологий возрастают по мере движения от однородных “биржевых” через сложные товары — к уникальным товарам, к которым относится не только уникальное производственное оборудование, но и сложные потребительские товары, поддерживаемые технологиями воздействия на массовое сознание»*¹. Это последнее — *технологии воздействия на массовое сознание*, т.е. информационные технологии, реклама, PR виртуально обеспечивает победу товарам, конкурентные свойства, которых не выше, чем у других его нередко равноценных соперников. К объективным качествам товара присоединяются символы его признания, которые некоторые авторы описывают как «французский хлеб, итальянская мода, испанское вино» и пр. И тот, кто не только произвел нечто уникальное или особенное или это особенное в наиболее дешевом варианте, но и получил престижно-смысловое признание, становится победителем глобального рынка.

Поскольку экономический прогресс определяется инновациями, богатеют богатые страны. Те страны, в которых доход на душу населения 20 тыс. долларов в год и выше, являются участниками глобальной экономики и не столько из-за денег, а потому, что подобный уровень жизни сопряжен с высоким технологическим развитием.

Глобализация сузила национальные возможности влиять на экономику. Этот вызов поставил под вопрос возможности построения социального государства в развивающихся странах. Поэтому проблема вхождения в глобальный мир — это новый вариант вопроса о прогрессе, хотя у него есть качественное отличие, которое будет показано на примере России. Глобализация создает клуб стран-чемпионов. Это — клуб избранных стран. Кто из западных стран вошел в мир глобальной экономики? Приведем данные, которые имеются в литературе на конец 1990-х: десять стран — Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика, Индонезия (до 1998 года) и лишь в некоторой мере Россия. Тут нет, скажем, и Саудовской Аравии с ее нефтью, потому что здесь предъявляются несырьевые требования. Считается, что сырье, вооружение, товары первичной индустриальной пере-

¹ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. С. 98–99.

работки не могут характеризовать страну как участницу глобальной экономики, что подобное участие формируется высокотехнологичными и информационно емкими продуктами или продуктами, занимающими преобладающий объем на рынке или монопольно представленными на нем. Объем российской международной торговли был не слишком велик, и в ней преобладает сырье. Если Россия перестанет добывать нефть, в мировой экономике немного изменится. Больше нефти произведут страны ОПЕК или Венесуэла. Япония не может войти в глобальный мир, т.к. она не может предоставить гражданство никому, кроме японцев. Ее культура слишком локальна. Ее национальный продукт не растет с 90-х годов. Но, вместе с тем, Япония входит в глобальную экономику. Россия, покончив с коммунизмом, вошла в глобальный мир, но не сразу вошла в глобальную экономику. Как десять незападных стран сумели войти в глобальную экономику? Они смогли это сделать, т.к. стали производить тот или иной продукт, который оказался или самым лучшим, или самым дешевым из этого класса товаров для мирового рынка, а также был информационно представлен людям в качестве такового. Политическая критика Китая не помешала американцам открыть для него свой рынок: обувь, одежда на рынке США успешно конкурируют с американскими товарами и занимают там все большой объем. Туристы удивляются, что купленная американская вещь при более пристальном рассмотрении оказывается китайской. Китайцы активно пользуются Интернетом и причисляются к одним из самых многочисленных его пользователей. Примерно сто тысяч китайцев обучаются в университетах США. Сегодня в Америке трудно найти американца-яппи — героя 1960-х, пребывающего в безудержной трудовой и карьерной гонке, но китайцы-яппи встречаются там очень часто. Программисты Индии, текстильщики Турции сумели добиться признания на глобальном рынке. Дешевая рабочая сила Польши, широко используется, например, немецкими компаниями, производящими Фольксвагены в Познани. Эти компании выиграли на том, что в Польше цена рабочей силы в 5–6 раз ниже, чем в Германии.

Если упомянутые выше незападные страны «прорвались» в глобальную экономику на уровне отдельных достижений, то постиндустриальные общества заняли в ней преобладающее место. Хотя такие понятия, как постиндустриальное или информационное общество, сегодня вытесняются термином «глобализация», это происходит как раз потому, что глобализация имеет дело именно с ними. Еще в 1982 году Дж. Нисбет определил десять новых мегатрендов, т.е. глобальных тенденций. Приведем их:

- переход от индустриального общества к информационному;
- от развитой техники к высоким технологиям;

- от национальной экономики к мировой;
- от краткосрочных задач к долговременным;
- от централизации к децентрализации;
- от институциональной помощи к самопомощи
- от представительной демократии к непосредственной;
- от иерархии к сетям;
- от Севера к Югу;
- от альтернативного выбора «или/или» к многообразию выбора.

Описание Нисбета предугадало глобализацию, а вместе с этим присутствие ей деинституционализацию, возможность анархии (самопомощь — ведущий принцип анархии по П.Н. Кропоткину), переход к сетевым структурам¹. Последнюю тему развил М. Кастельс, раскрывший значимость не только информационно-экономической, но информационно-технологической революции и сетевого принципа².

А как живут те, кто не вошел в глобальную экономико-информационную, финансово-правовую и информационно-технологическую систему? Именно три этих составляющих глобализации и их совместное действие обеспечили ее лавинообразное развертывание. Посмотрим, что несет глобализация периферии мира, близко к которой находится и Россия. Как было показано в докладе ООН за 1999 год «Глобализация с человеческим лицом», контраст между развитыми и развивающимися странами усиливал рост «четвертого мира», становился чрезвычайным, разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами был 30:1 в 1960 году, 60:1 — в 1990 году, 74:1 — в 1997 году. 19% мирового населения имели 71% глобальной торговли товаров и услуг. Из 82% мирового экспорта доля пяти беднейших стран составляла 1%. Из 74% мировых телефонных сетей эти страны имели долю в 1,5% и т.д.³

Почему такой разрыв приписывался следствиям глобализации? Из того же доклада видно, что нарастание разрыва происходило и до начала 1990-х, с которых начинается отсчет глобализации в указанном выше смысле. Во-первых, цифры свидетельствуют об ускорении разры-

¹ Naisbitt J. Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N.Y., 1982.

² Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. и ред. О.И. Шкаратана. М. 2000; Castells M. The Rise of the Network Society. L., 1996.

³ Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // Held D., McGrew A. The Global Transformations Reader. An Introduction to Globalization Debate. Cambridge, 2000. P. 341–347.

ва богатых и бедных стран с началом глобализации. Во-вторых, у информационно, экономически и технологически развитых стран в ходе глобализации возникают необычайные преимущества исходя из ее сущности, которую мы изложили выше. Глобализация часто сравнивается со спортом. Войти в глобальный мир — это похоже на то, чтобы войти в спортивный зал и попытаться стать чемпионом. Те, кто не может этого, кто слаб, кому противопоказан спорт, должны просто сойти с дороги, чтобы не быть сшибленными бегущими спортсменами.

г) Распад коммунизма как предпосылка второй глобализации

Вторая глобализация как победа либерализма
в глобальном масштабе не могла бы произойти,
если бы не распался коммунизм
и не освободились пространства,
не освоенные капитализмом.

И хотя внутри страны неолиберализм являлся фактором реконвенционализации, он оставил некоторые новые конвенции — о ценности демократии, о важности гражданских инициатив — и со временем ввел новую конвенцию о возможности совместить и глобализацию и национальные интересы.

Распад коммунизма стал одним из факторов начала второй глобализации, наряду с уже отмеченными. Он явился важным шагом глобализации, ликвидировавшим закрытые для капитала и информации зоны. Станным образом на значимость посткоммунизма в этом процессе мало кто указывает¹. Распад коммунизма был связан с исчерпанием задач индустриализации. Но на его обломках был построен в 1990-е антивеберовский нецивилизованный капитализм, совершенно непохожий на западный. Как показал М. Вебер, западный капитализм отличается от незападного, где капитал может приобретаться на основе грабежа, войны, обмана и т.д., тем, что он имеет трудовую основу и этику предпринимательства. Отделение западного капитализма, основанного на труде и морали, от незападного составляет суть модернизационных идей Вебера. Он отмечает: «Повсеместное господство абсолютной беззащитности и своекорыстия в деле добывания денег было специфической

¹ См.: Федотова В.Г. Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.

характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются “отсталыми” по западноевропейским масштабам»¹. Капиталистическая модернизация создает отложенный спрос, производство не только ради насущных потребностей, но и ради самого производства. Экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. Вебер писал: «...человек “по своей природе” не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм пытался повысить “производительность” труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление, на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело»².

Западный капитализм сформировал свое твердое ядро, а также обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, адаптировать любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому догоняющая модель развития нигде не производит капитализма западного образца, который с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации. Поэтому, когда в посткоммунистический период многие в России — а среди них и авторы данной книги — удивлялись тому, что при номинальном провозглашении демократической модели в реальности шли противоположно направленные процессы, и почему Запад склоняется к упрощенным взглядам на нашу реальность, утверждая наличие противостояния коммунистов и демократов, мы не понимали того, что Запад интересуется всего лишь функцией капитала, и что он вовсе не озабочен тем, чтобы выращивать в России цивилизованную субстанцию капиталистического общества. Остатки Филадельфийской системы — агрессивного экспорта демократии — работали только на словах. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем, тем не менее, основан целиком на локальных традициях и творит множество «диких», «криминальных» и

¹ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произв. С. 78.

² Там же. С. 81.

квазикапиталистических форм «субстанции». Запад не озаботился все-речь перспективами российской демократии, а всячески поносимый недемократический Китай оказался в самом выгодном экономическом положении из-за стабильности, создающей гарантии функциям капитала. В этом не «заговор» Запада, а условия его собственного существования, которые в дальней перспективе могут стать опасными для него самого. Но построение у себя демократического общества должно или могло быть нашей собственной задачей. Россия, как Китай, могли ставить и другие цели, например, построение рыночного социализма, либо предпринять нечто, приближающее нас к Юго-Восточной Азии. Россия могла бы провести демократическую реформу более умело, если бы выбрала не самый радикальный неолиберальный вариант, просто обеспечивающий кризис реконвенционализации. Но если бы Россия даже сделала это, то отсутствовала вторая предпосылка — открытость западных рынков. При этих условиях ничто не препятствовало и националистическому проекту, и просто разложению и исчезновению страны с лица земли. Следовательно, в период коммунизма Россия в большей мере, чем в посткоммунистический период, следовала догоняющей модели модернизации. Однако сегодня коммунистическая перспектива исчерпана.

Оглядываясь на коммунизм, заметим, что многие западные исследователи полностью отрывают собственную основу «реального социализма» от усилий войти с его помощью в развитый мир, отождествляют ее с местной идентичностью, не распознав в ней инструмент модернизации и вхождения в мировую систему.

Вместе с тем необходимо осознать, что возврат к прежней социалистической системе сегодня не мог бы дать ответ на новый вызов истории — переход Запада в постиндустриальную, информационную стадию развития. Столь тяжело достигнутая индустриализация сегодня была бы признаком отсталости, мобилизационная идеология показала бы свою исчерпанность — люди устали, а потенциал инновационного развития было бы трудно развернуть из-за отсутствия средств. Поэтому коммунизм действительно оказался адекватен периоду индустриального развития, именно этому этапу модернизации. Сегодня вызов XXI века представляется как постиндустриальный, информационный, но не исключено, что совсем другие проблемы будут стоять перед ним — например, проблема незападной глобализации (исламской или конфуцианской), ухода Запада с исторической арены, деурбанизации, конфликта цивилизаций (С. Хантингтон), этнонационализмов (Дж. З. Мюллер). Будущее зависит от людей, поэтому они указывают на его желательные сценарии. Однако даже желаемое имеет свои риски, а кроме того, есть масса нежелательных или опасных возможностей, многие из которых побеждают потому, что

их не смогли предвидеть, предотвратить или заместить каким-то другим способом решения проблемы.

Макроэкономические процессы глобализации порождают восприятие задач развития как локальных. Функции капитала в России точно такие же, как и во всем мире. Но что произойдет с ее социальными субстанциями и с ней самой, это наш выбор, всегда ограниченный. Глобализация стала мегатрендом, модернизация обнаружила возможность быть различной на локальном уровне.

В этом основной кризис догоняющей модели и появление среди прочих той модели модернизации в условиях глобализации, которую бы мы назвали прорывной, разрывающей вековые цепи отсталости в отдельных звеньях. Нельзя сказать, что прорвавшие в 1990-е годы преграды страны стали частью постиндустриального мира, но они могли войти на условиях конкурентоспособности хотя бы по одному необычному инновационному продукту в мировую экономику. Этот шанс стать чемпионом по одному виду спорта есть у многих. Во многих книгах по глобализации приводятся аналогии с всемирно известным чемпионом и теми тысячами спортсменов, которые сделали все для победы, но чемпионами не стали. Разумеется, мы не были близки к победам на всемирных экономических «олимпиадах», и мы не сумеем их совершить без нахождения социальной идентичности. Общей теоретической констатацией 1990-х было то, что коммунизм погиб из-за неспособности ответить на вызов постиндустриальной эпохи по причине политической и информационной закрытости, по причине контроля государства за информацией и отсутствием эффективного рыночного механизма в экономике. Однако снятие этих препон в посткоммунистический период не позволяло России быстро ответить на вызов постиндустриального мира из-за экономической слабости и нанесенного удара по науке.

Если вызов индустриальной эпохи имел ответом собственную индустриализацию в полном соответствии с догоняющей моделью, то вызов постиндустриальной эпохи трактуется по-разному: в более оптимистических вариантах как способность «догнать» постиндустриальные страны Запада посредством поддержки инноваций, в менее оптимистических — как переход к позднему индустриализму, т.е. как использование догоняющей модели, направленной на достижение предшествующей фазы западного развития. Догоняющая модель, выброшенная в дверь, возвращается в окно, чтобы не сказать, что перспектив для стран, не успевших стать постиндустриальными, немного, как считалось в этот период.

Идея прорыва в глобальную экономику сочетается с задачами собственного развития в условиях, когда нет общепризнанной модели. В отношении вхождения России в глобальную экономику были разные

точки зрения: от сверхоптимистических упований на то, что мы будем лидерами глобализации, до абсолютно пессимистических позиций. Имелись пожелания не спешить с вхождением в глобальную экономику; утверждения, что глобализация не может пойти таким путем, как сегодня, а произойдет ценностная конвергенция, принятие ценностей, приемлемых для человечества, что изменит ход глобализации, сделает ее приемлемой для России.

Распад коммунизма уже привел Россию в глобальный мир, но сначала на его глубокую периферию. Но в мировую экономику мы не сразу попали. И хотя с этим надо было спешить, *о стратегии прорыва, как и о решении задачи собственного адекватного развития, обращении к назревшим проблемам задумались не сразу. Реконвенциализация имела тотальный характер. По какому пути идти, вопрос не стоял: «Иного не дано». Позже авторы этого лозунга его проводники признают, что это характеризует производимые ими преобразования не как реформу, а как революцию.*

Помимо перечисленных выше, появлялись все новые и новые модели локального развития, среди которых выделим и латиноамериканский депендентизм (модель зависимого развития) — род добровольного согласия на неоколониализм, и поиски особенных путей, и полный отказ от развития.

В «Меморандуме о глобализации Социал-демократической партии Германии 1997 года» предлагались следующие локальные ответы на существование глобализации: «глобальное демократическое формирование политики; интернационализация социальной политики и политики защиты окружающей среды; регулирование международных финансовых рынков; повышение национальной конкурентоспособности; гарантии сохранения сфер жизни, не зависящих от мирового рынка; просвещение и побуждение к действиям».

Остановимся только на двух пунктах: регулировании международных финансовых рынков и повышении национальной конкурентоспособности. Регулирование мы всегда представляем себе как создание некоего регулирующего органа. В этом документе предложена совершенно другая форма регулирования — так называемый налог Тобина, который требует облагать всякий экспорт капитала из страны некоторым налогом. Тем самым предполагается, что преодолевается спекулятивный характер рынка, глобальный рынок капитала должен постепенно вытесняться глобальным рынком товаров, чего сейчас нет.

И второе, что при этом показывалось: хотя глобализация — это торжество капитала над национальными интересами, все-таки лишить национальное правительство всякой роли в глобализационном процессе

и в национальной экономике невозможно. Ставится вопрос о конкурентной способности национальной экономики. Как видим, даже развитые экономики мира предполагают некоторые особенные меры в локальной сфере для смягчения глобальной гонки. «Куриная война», проблемы с продажей стали в США подтвердили то, что в случае с Россией и без того абсолютно ясно: если США нуждались в торговом протекционизме, то Россия тем более, хотя значимость такой помощи с развертыванием процесса глобализации должна была терять свою эффективность.

Среди ответов незападного мира на процесс глобализации было понимание того, что без идеи прогресса и развития и в условиях глобализации они обойтись не могут. Попытки рассуждать не в терминах прогресса, а в терминах статус-кво рассматривались в теории. Так, американский философ Р. Рорти высказал точку зрения, что прогресс принудителен, линейен, всех тащит наверх, а мы будем смотреть на мир как на некий ковер, где вытканы всем человечеством самые разнообразные узоры. Однако, если мы внимательно посмотрим на этот ковер, то увидим, что узоры по своему размеру и красоте совершенно разные. Проблема не снимается, не становится менее напряженной от утверждений, что все мы живем в одном мире, поскольку одни будут жить как страны-чемпионы, а другие будут жить, как живут, коль скоро они не могут жить лучше. 1990-е были полны ощущениями несправедливости глобализации.

д) Смена мегатренда: вторая глобализация и модернизация

Нельзя согласиться с теми, кто считает, что вторая глобализация, как и первая — это продолжение модернизации. Согласившись с этим, мы должны были бы признать сходство Первой и Третьей великих трансформаций, первой и третьей современности, но мы уже показали их коренное отличие. Вторая глобализация не является модернизацией. Глобальная экономика конца XX — начала XXI века — это клуб уже модернизированных. Прежде господствовала идея прогресса (эвфемизм развития по западному пути). В одном из своих конкретных воплощений она представляла как модернизация. Становление современного Запада создало политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию, формировали автономного индивида с его ответственной свободой и государство, находящееся под контролем гражданского общества. Согласно наиболее распространенной в течение долгого времени и уже упомянутой концепции, западные страны следуют догоняющей (Запад) модели, стремятся воспроизвести институциональные системы Запада. Теперь оказалось, что не все могут осуществить этот процесс, и Россия в 1990-е не смогла завершить то, что начал Петр I. Увеличивается число стран «четвертого мира». Осознав это, клуб из-

бренных как бы решил зафиксировать статус-кво на приемлемых для себя условиях, оставив идею подталкивать к развитию менее удачливых, ощутив нехватку сил для подтягивания каждого общества к глобальному развитию в этом огромном мире. Этот клуб избранных был уверен, что глобализация пойдет на его основаниях.

Глобализация как новый тип социальной трансформации как в институциональном, так и в ценностном отношении не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, только перенимать и имитировать существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению.

Развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами. Поэтому данный процесс требует, как уже отмечалось, обоснования, легитимации. В XVII–XIX веках источником легитимации модернизации были протестантская этика и научная рациональность. В классический период реальность представлялась подчиненной универсальным ценностям и нормам, составляющим основу европейской цивилизации. В настоящее время универсальные формы легитимации модернизации отсутствуют. Рационально-научная легитимация развития состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм, моделей развития. «Догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец, были известны. Опыт Японии и Юго-Восточной Азии в целом опровергают этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях. В Юго-Восточной Азии нет модели, развитие осуществляется всеми возможными способами, не разрушающими идентичность. А провозглашенный в 1990-е годы российский неомодернизм запутался в понимании того, какую стадию развития Запада догоняет.

Одни говорили: «У нас стадия первоначального капиталистического накопления, и идет она прямо так, как ее описывал французский историк Ф. Бродель, а значит, — мы на правильном пути к капитализму». Другие утверждали: «У нас начался процесс образования наций, мы идем той же (а значит верной) дорогой, по какой шел Запад XIX века». Однако попытка имитировать предшествующие фазы развития Запада была не способна ввести страну в глобальную экономику. Если мы будем производить компьютеры, которые уже есть, только немного лучше или немножко хуже, — мало что изменится. Мы оказываемся изолированными и замкнутыми, как если бы нас замкнули авторитарным режимом. Другое дело, если мы выступаем с чем-то, чего нет на мировом рынке, например, с компьютером на живой молекуле. Не будучи профессионально уверенными в правильности конкретных предложений прорыва в глобальную экономику, мы позволили себе лишь пофантазировать для

раскрытия иной, чем догоняющая модель модернизации, логики вхождения в глобализацию. наших ученых, особенно биофизиков, охотно приглашают в Америку. Они занимаются там, например, производством генетически измененных растений: лечат орехи от плесени, которая смертельна для человека, участвовали в выведении «золотого риса» — генетически измененного риса, способного расти в несвойственном ему климате и не подверженного болезням. Очевидно, можно сделать и какую-то морозостойкую пшеницу. Европейцы спорят, они говорят, что это вредно, что такая практика чревата непредвиденными экологическими последствиями. Но Россия могла бы хотя бы исследовать эти последствия при наших научных возможностях, когда ученые работают за копейки, но работают хорошо. Может быть, мы могли бы стать лидером производства генетически измененного продукта, может быть, наоборот, страной, гарантирующей, что у нас такого продукта нет и не будет. Глобализация оказалась противоположной модернизации, ибо догонять и имитировать — значит обрекать себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным.

Поэтому чрезвычайно обострилась критика модернизации и в особенности догоняющей модернизации, уже давно обнаружившей свою ограниченность.

Глава 4. Социал-демократия эпохи Третьей великой трансформации: «Третий путь»

В значительной мере трудности российского реформирования определены серьезными социальными трансформациями мира в целом, которые затрудняют выбор модели развития, делают неприемлемыми ни классические схемы модернизации, ни традиционное следование политике правого или левого флангов политического спектра.

В этих условиях России полезен мировой опыт. Многие западные страны выбирали третий путь развития. Канцлер ФРГ Г. Шрёдер называл его срединным. В этом выборе предлагалась новая трактовка модернизации и попытка преодолеть противостояние левых и правых сил.

а) Третий путь левых на Западе как национальная модель модернизации Третьей современности

Третий путь реализовался в ряде случаев на основе теоретического проекта. Примером этого может служить теоретическая деятельность Э. Гидденса, известного британского социолога, тогда, в середине 1990-х, директора Лондонской школы экономики и политики. Он подготовил своими исследованиями переход Т. Блэра к новому лейборизму и третьему пути.

Концепция третьего пути — ответ Запада на глобализацию, формирование мирового свободного рынка, информационной открытости и функционирование этого рынка в электронной форме. Глобализация стерла границы между государствами для капитала, товара и информации и поставила перед государствами совершенно новые проблемы.

Дискуссии по проблемам глобализации оказались определяющими для формирования концепции третьего пути. Оценивая их, Э. Гидденс выделяет среди их участников *скептиков* и *радикалов*¹. Первые не согласны с тем, что глобализация представляет собой нечто принципиально новое, считают, что термин «глобализация» мистифицирует имев-

¹ Giddens A. Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. L., 2000. P. 20–35.

шиеся и прежде тенденции роста мировой экономики. Радикалы констатируют наличие совершенно нового процесса, глобализацию свободного рынка, несводимость глобализации к экономике и превращение ее в новый мегатренд — главенствующую тенденцию развития всего мира, воздействующую на общество, государство, жизнь людей. Важно то, что скептики и радикалы представляли взгляды, выражающие позиции левых и правых. Скептики всегда слева. Радикалы являются правыми. Э. Гидденс называл себя радикалом, отмечая тем самым точку в правой части политического спектра, которую он занимает благодаря своему выбору. Одновременно он обозначал и свои позиции слева. Однако решительное заявление относительно радикализма делает концепцию третьего пути уязвимым для критики, и такая критика действительно существует. Это критика, обвиняющая сторонников третьего пути в предательстве левой идеи и в переходе на правые позиции¹.

Место Гидденса на правом фланге определялось тем, что он считал невозможным игнорировать свершившийся факт глобализации и вызовов, которые она бросает самому Западу. Именно о полезности третьего пути для *Запада, а особенно для англосаксонского мира*, шла речь. Перспективность этой модели для континентальной Европы, для других стран мира также впоследствии стала предметом дискуссии. Реакция на вызовы глобализации Западу и привела к появлению новых лейбористов и других сторонников третьего пути. Новое в их левой позиции состояло в том, что они, полагая *невозможным отказаться от новой модернизации — перехода к обществу со всемирным открытым и электронным рынком, предложили совокупность принципов и политических мер, которые могут скорректировать и гуманизировать этот процесс как в его воздействии на отдельные западные общества, Запад в целом, так и в конечном итоге на мир в целом.*

При оценке отношения Гидденса к глобализации представляется полезным выделить еще одну линию реакции на глобализацию. В литературе она называется трансформационалистской². Трансформационалисты, как мы уже показывали, — это те, кто считал глобализацию новым типом социальной трансформации, но воспринимал ее как незавершенную и способную к изменениям. Трансформационалист признавал гло-

¹ Giddens A. *The Third Way and its Critics*. Cambridge, 2000. P. 9, 19, 22–26; Giddens A. *Beyond Left and Right*. Cambridge, 1994; Giddens A. *The Third Way: the Renewal of Social Democracy*. Cambridge, 1998.

² Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations. Politics, Economics and Culture*. Cambridge, UK. 2000. P. 10.

бализацию как результат пятисотлетнего возвышения Запада и модернизации незападных стран. Но он испытывал сомнение в том, что глобализация всегда будет такой, как есть. В итоге мы видим, что на деле Гидденс — *трансформационалист*, а не радикал. Он объявляет себя радикалом только для того, чтобы отойти от старых левых, заняв позицию на правом фланге, которая определяет и его место на левом — центристскую позицию. *Центризм не кажется Гидденсу ни пораженчеством, ни оборончеством. Он соответствует, по его мнению, объективной логике сегодняшних социальных процессов*, о чем будет идти речь ниже.

С какими же вызовами глобализации столкнулся Запад, положение которого в глобальном свободном рынке является, безусловно, лидирующим (по данным академика Д.С. Львова, 15 процентов населения — «золотой миллиард» — производит 85 процентов мирового продукта)? По многим другим показателям глобализация улучшила положение Запада, сделала его регионом, выигравшим от глобализации, в особенности успешным в сравнении с теми, кто проиграл.

До 11 сентября Запад не представлял в должной мере, с какими внешними вызовами он столкнется. Вот как писал в 2001 году, но до 11 сентября, один из сторонников третьего пути: «Отсутствие альтернативы западной политической модели устраняет внешние угрозы (для Запада. — *Авт.*), но увеличивает внутренние»¹. Аргументы, на основании которых отрицались внешние угрозы, были весьма убедительны: ценность демократии признана большинством стран мира. К этому тогда (до террористических актов в Нью-Йорке) можно было бы добавить, что антиглобалистские движения являются разрозненными и слабыми, не имеющими единой цели. Альтернатива, предлагаемая единственной системной оппозицией — исламскими радикалами, — не является перспективной ни для человечества, ни для самого исламского мира, хотя, как стало очевидным впоследствии, именно она сделала внешние угрозы соизмеримыми с внутренними. Но сторонники третьего пути не задумывались о них и рассуждали только о внутренних угрозах Западу, к которым были отнесены коренные изменения в мире.

Здесь добавлены новые различия, в то время как прогнозы Несбита о новых мегатрендах во многом представляются уже самоочевидными. Именно в то время, когда ослаблялись все прежние основания, в политике нарастал фундаментализм. Это значит, что при всех изменениях сохранялись базовые принципы поддержания порядка через роль государства и действие социальных норм.

¹ *Meny Y. Five (Hipo)theses on Democracy and its Future //The Global Third Way Debate / Ed. by A. Giddens. Cambridge. P. 261.*

Разрушение иерархии и организации, устремленность капитала туда, где выгодно, без оглядки на позиции государства, изменения в гражданском обществе и демократии, технологические сдвиги, изменение в характере труда и невозможность полной занятости, изменение семьи, многообразие стилей жизни оказались такими факторами настоящего и будущего, которые требовали ответа.

Старая реальность еще не исчезла, а новая едва родилась. Но перемена действительно происходила не менее существенная, чем переход от Средневековья к Новому времени, от традиционного общества к современному, по крайней мере она имела радикальный характер.

Для сторонников третьего пути переход в новое состояние, в целом охватываемый термином «глобализация», предстал как переход *в новую современность*. Классическая модернизация представляла собой, как мы уже отмечали, переход от традиционного общества к современному. Гидденс и другие сторонники третьего пути считали, что современное общество, ядром которого стала индустриализация, распространившаяся во многие западные страны, *может быть названо сегодня традиционным, в сравнении с тем обществом, которое создается глобализацией и которое характеризуется глобальным свободным рынком и описанными выше чертами*. Концепция третьего пути представляла как новый *прогрессизм*. Так она была названа в основных документах сторонников третьего пути¹. В этих документах лидеры США, Англии и Германии ставили перед своими странами цель продолжения прогрессивного развития, которое в условиях глобализации принимает новый вид — освоение глобальной экономики и решение тех внутренних задач, которые вытекали из новой ситуации неподчинения глобального рынка ни государствам, ни системе государств, ни наднациональным органам. Подобно тому как либеральные реформы в отдельных странах были частью их модернизации, *глобальная либерализация рынка считалась необходимой составной частью новой модернизации*. Концепция третьего пути предполагала возможное соединение социальной солидарности с глобальной динамичной экономикой. Отчасти страны, вставшие на этот путь, были намерены исправить эксцессы мирового рынка политикой, проводимой в своих странах. Но главная цель последней — обеспечить прогресс своих стран.

¹ The New Progressive Declaration / Washington: Democratic Leadership Council — Progressive Policy Institute — PPI. 1996; The Third Way: Progressive Governanmnce for the 21st Century / The White House. 25 April 1999 (Документы о третьем пути У. Клинтона); Blair T. The Third Way. L., 1998; Blair T., Schroder G. Europe: The Third Way — die Neue Mitte. L., 1999.

Новые прогрессисты провозгласили начало новой фазы модернизации Запада как перехода к глобальному свободному рынку и строящемуся на этой основе новому обществу. Таким образом, сторонниками третьего пути явились те левые силы на Западе, которые не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли требование участия в глобальном свободном рынке как следствие собственного развития Запада, но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям. Одновременно они осознали адекватность этого пути западному региону, своего рода национальную модель модернизации Запада.

б) Концепция и политика третьего пути

Б. Клинтон в конце 1990-х характеризовал свой курс как третий путь. Т. Блэр пришел к власти под лозунгом третьего пути. Варианты такого развития появились и в континентальной Европе, прежде всего в Германии. Использование этой модели развития западными странами можно представить как *новый этап политической модернизации*. Не существует общезападной модели третьего пути, и даже при согласии на подобное развитие между Т. Блэром, Л. Жоспэном и Г. Шрёдером имелись разногласия и даже противоречия. Легче всего эксплицировалась англо-американская модель третьего пути. Попытки ее применения в других странах требовали учета исторических и культурных особенностей, специфики момента и задач той или иной страны. Позже появилось множество «третьих путей», вытекающих из базовой модели или эмпирически найденных различными странами. Базовая модель третьего пути включала реформу государства, превращение его в социальное государство в особом, новом смысле, рост влияния гражданского общества, новые формы социального контроля, связывающие права с ответственностью, переход к ответственному капитализму, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства, сочетание индивидуализма и коммунитаризма, пересмотр концепции социальной помощи, новое отношение к проблеме занятости, учет нестабильности экосистемы, обеспечение устойчивого экологически безопасного развития, создание условий для раскрытия человеческого потенциала, признание важности социального и человеческого капитала, формирование способности жить в глобальном мире, ощущать ответственность за мир в целом.

Учет социальных сдвигов последнего времени, новых социальных процессов, таких как распад коммунизма, глобализация, технологическая революция, увеличение рисков, лишил концепцию третьего пути той абстрактности, которая присуща политическим программам раз-

личных партий, декларирующих намерения. Модель третьего пути становилась более специфической, конкретно реагирующей на те проблемы, способы решения которых левыми социал-демократиями и правыми либералами не представлялись новым левым адекватными.

Обратимся к базовой разработке третьего пути в трудах Гидденса, ибо английская модель капитализма в целом, как и его сегодняшней фазы, всегда приближена к «классически чистой», свободной от помех. Итак, мы уже видели, что отрицание глобального рынка левыми и его воспевание правыми, по мнению сторонников третьего пути, не соответствует задачам момента: национальные государства не могут регулировать глобальный рынок, а его полная дерегуляция увеличивает риски, непредсказуемые катастрофы. Переходя в духе времени к логике «и/и» вместо «или/или», Гидденс предложил структурный плюрализм, включающий взаимодействие различных социальных институтов — государства, рынка, гражданского общества, демократии, которые не дают государству бюрократиться, как это произошло при крайне левой коммунистической трактовке, и не дают ему стать статичным, зависимым и неактивным, что часто сопутствует либеральным режимам. (Тут нельзя удержаться от замечания, что наши неолибералы — они же бывшие коммунисты — в посткоммунистической России 1990-х совместили и первый, и второй недостатки). На государство в концепции третьего пути возлагается серьезная ответственность. Государство имеет огромные задачи по цивилизации общества, по поддержанию публичной сферы. Государству следует приспособиться к уменьшению своей роли в мировой экономике. Государство, с другой стороны, играет все возрастающую роль в установлении социальных и цивилизационных рамок, слишком сегодня зависящих от рынка. Ему необходимо заботиться об уменьшении налогов, экономическом процветании и социальном порядке. Государству следует опираться на публичные институты, которые могут получить приоритеты в решении многих задач. К числу таких институтов, которые приводятся в качестве образца, принадлежит почтовая служба Англии, которая в значительной мере здесь приватизирована. Государству нужно самореформироваться для достижения общественного блага, преодолеть апатию избирателей и завоевать их доверие. Государство должно взять на себя функции повышения стандарта образования. Оно должно исходить из того, что существующей демократии недостаточно, и поощрять общественное самоуправление, формировать образы приемлемого политического правления, выступая против коррупции, nepотизма и криминала. Государству следует быть инициатором новой демократизации, необходимость которой вызвана глобализацией. Помимо роста непосредственной демократии в обществе, ему прихо-

дится быть инициатором демократизации надгосударственных объединений, таких, например, как ЕС. Поощрение институтов гражданского общества государством может осуществляться путем рассмотрения коммунитаризма как одного из источников поддержания этических ценностей. Здесь Гидденс ссылается на работы Э. Этциони, в последних книгах которого гражданская инициатива и самоуправление тесно связываются с деятельностью сообществ как структурных единиц гражданского общества. «Гражданское общество, — пишет Гидденс, — является фактором одновременного сдерживания рынка и государства. Ни рыночная экономика, ни демократическое государство не могут эффективно функционировать без цивилизующего влияния гражданских ассоциаций»¹. В США эта позиция начала устанавливаться в 80-е годы. С классической точки зрения под гражданским обществом понималось общество, способное поставить под контроль государство. В отношении бизнеса признанной считалась формула: «Что хорошо для “Дженерал Моторз”, то хорошо для Америки». Р. Найдер, баллотировавшийся однажды в президенты США, изменил ситуацию. Он потребовал общественного контроля над бизнесом, организовал юридическую службу, разбирающую иски граждан против бизнеса, и эта служба успешно работает. Люди в США стали уверены в том, что «не все, что хорошо для “Дженерал Моторз”, хорошо для Америки». *Гражданское общество начало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Это ключевая формула третьего пути, снимающая традиционно левое и традиционно правое представление о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество — контроль за бизнесом и государством. Разумеется, для таких провозглашений надо было быть уверенным в зрелости гражданского общества, его ценностей и институтов. Степенью этой зрелости определяются различия в выборе конкретных парадигм третьего пути даже в Европе, что легко можно будет обнаружить в приводимых ниже принципах третьего пути, избираемых четырьмя различными странами Европы. Размышления о соотношении рынка, государства и гражданского общества в странах третьего пути привели к обсуждению отношений государства и глобальной экономики, государства и новых технологий, производящих множество перемен и инициировавших поиск третьего пути.*

Глобальная экономика имеет ряд принципиально новых черт. Среди них выделяется огромная роль развития науки и информационных технологий, а также символического содержания человеческой деятельно-

¹ Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 64.

сти, рекламы, умения «продвинуть» произведенный продукт. Действительно, превращение продуктов в символы, такие, например, как «русская водка», «итальянская мода», работают на глобальном рынке как значимые факторы бизнеса, закрепляющие определенный успех и дающие немного шансов для новой символической победы, т.к. на деле русская водка может быть и соизмерима с финской, а итальянская мода с французской. Но грузинскому, например, вину в этом символическом раскладе глобального рынка уже делать нечего. Однако глобальный рынок создается прежде всего наукоемким продуктом, новой экономикой, основанной на знании. Именно она создает инновации и прибыль, чрезвычайную скорость развития на глобальном рынке. Индустриальное производство на этом рынке отдано незападным странам, недавно вступившим в эпоху индустриализации, но даже они стремятся к рывкам в новой экономике. Гидденс приводит два примера: аграрный рынок в Чикаго, в районе Великих озер, вытесненный финансовым рынком, и «Кремниевая долина» (по аналогии с Кремниевой долиной в США, где производятся компьютеры) в Бангалоре (Индия). Английские лейбористы придерживаются позиции конкурентного выбора инноваций посредством рынка и отказываются от дирижизма и протекционизма своей промышленности. К этому их побуждает давняя традиция свободной торговли и наиболее развитого капитализма. Гидденс приводил пример того, что, если бы американское правительство протезировало IBM, не появились бы новые замечательные фирмы, например такая, как Apple. В других странах третьего пути, например во Франции, государство определяет приоритеты. Немецкое правительство отказывается от промышленной политики, но ее осуществляет Немецкий банк.

Новые технологии развиваются чрезвычайно ускоренно, и для тех, кто желает занять место в глобальной экономике, скорость технологического обновления должна быть чрезвычайно высока. Это можно сравнить со скоростью, которой вынужден придерживаться автомобилист в скоростном ряду. Приведем пример. Фирма IBM имела лидирующее положение на мировом рынке компьютеров. Но она решила подождать, пока Б. Гейтс создаст новый Windows для ее компьютера новой модели. Паузой немедленно воспользовалась фирма Compaq. Ее вскоре опередила компания Dell, выпустившая модемы для сети Интернет. Другой пример: Россия имеет монополию на глобальном рынке на двигатели на жидком топливе. В военном плане они неудобны — немобильны, топливо высыхает, но они создают феноменальную подъемную тягу и используются для вывода американских спутников на орбиту. За это наша страна получает 1 миллиард долларов в год. Это один из примеров успешной деятельности России на глобальном рынке. Конкурентная гонка в гло-

бальной экономике означает, что остановиться — значит умереть. Возможен отказ от участия в глобальной экономике, но его результатом станет немедленная зависимость от тех, кто участвует. Вхождение в новый мир потому и называют новой модернизацией, что ее законы похожи на те, что были присущи старой: страны, не желавшие отвечать на вызов Запада модернизацией, немедленно попадали от него в зависимость, становились отсталыми, несмотря на достоинства, которыми они обладали, а став отсталыми, теряли и эти свои достоинства. Ситуация похожа на ту, которую Гидденс приводит в отношении людей, имевших равенство возможностей, но не воспользовавшихся им в первом поколении. Обеднев, они лишили следующее поколение равенства возможностей¹. По мнению Гидденса, «социал-демократия старого типа концентрировалась на индустриальной политике и требовала кейнсианских подходов, в то время как либералы сосредоточивались на дерегуляции и либерализации рынка. Политическая экономия третьего пути соотносена с различными приоритетами — образованием, инициативой, предпринимательской культурой, гибкостью, передачей власти и выращиванием социального капитала. Мыслящие в духе третьего пути подчеркивали, что строгая экономика предполагали строгое общество, но не понимают эту связь как идущую от вмешательства старого стиля. Цель макроэкономической политики — поддерживать низкую инфляцию, ограничивать государственные займы и использовать все активные, либеральные способы ускорить рост и высокий уровень занятости»².

Проблема занятости становится одной из ключевых общественных и государственных забот в условиях глобализации рынка, технологического обновления и его всевозрастающих скоростей, конкурентности и нового уровня компетентности, необходимого новой экономике. Если раньше люди уходили из деревень в городскую индустрию, затем с заводов в сервис, то теперь им некуда будет уходить. Сегодня в США в материальном производстве участвуют всего 7% населения. Остальные значимы для производства в качестве потребителей и работников, обеспечивающих производство и потребление, строящих дороги, создающих инфраструктуру и пр. Такая модель занятости еще долгое время будет сохраняться. Но внедрение новых технологий станет сокращать число работающих из-за несоответствия их числа и квалификации, о чем уже много писали такие западные авторы, как Дж. Рифкин, М. Кастельс, отечественный исследователь В.Л. Иноземцев и др. В одной из

¹ Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 89.

² Ibid. P. 73.

западных работ приводится разговор главы компании «Хьюлет Паккард» с главой компании «Микрософт Сан». Первый спросил второго: «Сколько на самом деле человек должно работать на вашей фирме?» — «Шесть-восемь». — «А сколько у вас работает?» — «Шестнадцать тысяч». — «А зачем вы их держите?» — «Они составляют резерв рационализации производства», — отшутился бизнесмен. То есть немногие индивидуальные творческие личности сегодня определяют перспективу вхождения в глобальную экономику. И в скором времени общество столкнется с тем, что появятся неработающие рабочие. К. Маркс мечтал о свободном времени как времени собственного развития людей. Но безработные не могут направить энергию на собственное развитие, будучи отверженными обществом и деморализованными. Гидденс, сознавая грядущую ситуацию невозможности полной занятости, предлагает заботиться о человеческом капитале. Видимо, придется осознать занятость как ценность. Но это противоречит эффективности экономики, ее неумолимой конкурентности. Он предлагает поддерживать человеческий капитал через образование и возможность переобучения на новые профессии. Но главное состоит в том, что сегодня нельзя, как старые левые, видеть в бизнесе только эгоизм, направленный на получение прибыли, или, как неолбералы, подчеркивать значимость только той рациональности, которая соответствует нуждам рынка. *Социальное и гражданское предпринимательство, т.е. успешная деятельность в социальной сфере, не менее значимы, чем работа в рыночном контексте. И рывок творческой энергии, который можно наблюдать в технологии и глобальном рынке, нужен в обществе, в публичном секторе, считал Гидденс¹.* Поэтому проблема занятости, налогов, переобучения, пособий детально разрабатывалась с точки зрения принципов и целей, которые могут быть достигнуты политикой третьего пути. Но здесь, разумеется, нет никаких разговоров о лишних людях или о том, что некоторые люди могут стать лишними. Напротив, едва ли ни в марксовом смысле обсуждался вопрос о человеческом и социальном капитале как интегральной составляющей новой знаниевой экономики. Речь шла о кооперации, в том числе и в технологических областях, для создания успешных инновационных сетей. Главная надежда на обеспечение занятости состояла в том, что «социальные предприниматели могут стать высокоэффективными инноваторами в области гражданского общества, в то же время внося вклад в экономическое развитие»². К большому сожалению, в Германии именно в этом

¹ Ibid. P. 75.

² Ibid. P. 82.

пункте Шрёдер потерпел неудачу. В отличие от старых левых, Гидденс не говорил о регулировании экономики, в отличие от либералов он считал, что *общество сегодня нуждается в большем, а не в меньшем государстве. Но государство должно работать выше и ниже рынка, имея целью получение общественного блага*. Ниже рынка — в сфере экологии, выше рынка — в образовании, сфере культуры. Таким образом, *разорванная традиция поиска блага и рассмотрение только свободы как источника всех и всяческих благ здесь соединялись вместе*.

Одним из главных направлений критики третьего пути было то, что это — англосаксонская модель, неприемлемая даже для континентальной Европы. Северные, скандинавские страны гордились своей системой достижения благосостояния за счет высоких налогов и их справедливо-го перераспределения, обеспечивающего процветание граждан. Действительно, Норвегия и Финляндия — страны очень высокого жизненного уровня. Но и они, как теперь уже Швеция, не могут не столкнуться с бегством капитала туда, где выгодно, за пределы национально-государственных границ, ибо при глобализации эти границы уже не являются границами для капитала. Как отмечал шведский исследователь и политик О. Петерссон, «способность современных государств находить подходящие решения сегодня резко сократилась, во-первых, потому, что большая их часть выходит за рамки национальных границ, во-вторых, наиболее серьезные вопросы требуют значительной координации усилий в международном масштабе и, в-третьих, нынешняя публика не склонна смиренно соглашаться с установками, принимаемыми наверху и “спускаемыми” вниз для исполнения»¹.

Концепция третьего пути остро реагировала на изменение жизненных стилей, проявляя интерес к проблеме риска, становящегося фактором повседневности, экологии, традиции, значимость которой возрастает, изменениям в семье. Отношение к этим институтам и фактам быденной жизни происходило в том же русле преодоления конфронтации старых левых взглядов и либеральных подходов.

Новые английские лейбористы критиковались за то, что они опираются лишь на узкую прослойку среднего класса наиболее развитых регионов Англии. Одна из целей третьего пути — расширение среднего класса, пересмотр проблем социальной помощи и обсуждение проблем неравенства. Имеется детальная разработка принципов перестройки государства благоденствия для стимулирования людей к работе и развитию. Провозглашается равенство возможностей и плюрализм реальных состояний. Предлагался пересмотр идеи равенства на основе срав-

¹ Петерссон О. Шведская система правления и политика. М., 1998. С. 13.

нительных оценок возможностей самых верхних и самых нижних слоев. Этот двухуровневый подход составлял основу нового подхода к проблеме бедности, обсуждение которой, в том числе и в глобальном масштабе, необходимо.

в) Глобализация третьего пути

Глобализация третьего пути понималась в двух смыслах: как расширение круга стран, выбирающих третий путь, и как применение третьего пути для решения проблем глобального сообщества.

В первом случае отмечалось, что все больше стран с надеждой смотрят на перспективу третьего пути, находя в нем одновременно и смену принципов, и конкретные политические механизмы, которые к тому же обладают достаточной вариативностью, определяемую особенностями культуры той или иной страны и ее конкретными задачами. Новая ситуация в мире привела к распространению модели третьего пути.

В Европе насчитывали четыре страны, использующие ее:

- рыночно ориентированный подход новых либералов (Англия);
- рыночно и консенсусно ориентированный подход (Дания);
- шведская модель реформирования социального государства;
- французский, руководимый государством путь¹.

Эти характеристики были даны исследовательской службой Социал-демократической партии Германии. Что же представляет собой германский третий путь и как его можно обозначить? Новые социал-демократы стали более прагматичными и стояли по ту сторону социализма или либерализма. Шрёдер модернизировал отношение к бизнес-сообществу, ввел формы партнерства политики и бизнеса, создающие рабочие места. После своей первой победы на общенациональных выборах Шрёдер стал следовать английскому варианту третьего пути как реакции на глобализацию и новой модернизации. Но немецкие сторонники третьего пути раскололись. Произошел раскол и между странами. Если Шрёдер занял модернизаторские позиции, то министр финансов Франции Лафонтен — более традиционалистские. Он считал, что нужно макроэкономическое управление, введение международных форм регулирования глобального рынка, укрепление существующей системы социальной помощи и т. д. В этом споре формировался образ немецкого третьего пути как национально ориентированного, но открытого для глобальной экономики, и поначалу он был успешным. И Лафонтен во многом предвос-

¹ Dritte Weg — Neue Mitte. Berlin: Grundwertekommission beim Parteivorstand der SPD. 1999. Цит. по: Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 31.

хитил те трудности, с которыми позже столкнулся Шрёдер в преддверии избирательной кампании¹.

География третьего пути расширялась. Нидерланды, Португалия, Испания, Греция, Италия, Новая Зеландия, Латинская Америка, Тайвань и другие страны проявляют к нему значительный интерес².

Бразильский ученый Л.К. Брессер-Перейра показал серьезные отличия старых левых, новых левых и новых правых в развивающихся странах. Старые левые понимают партийный контроль как бюрократию, новые левые как роль нового среднего класса, новые правые как роль бизнес-элит. Бразильский автор приводит таблицу различий между восприятием этими силами различных проблем, по которым ведется спор.

критерий	старые левые	новые левые	новые правые
партийный контроль	бюрократия	новый средний класс	бизнес-элиты
роль государства	центральная	дополнительная	вторичная
реформа государства	воспроизводство бюрократии и большого государства	изменение в сторону менеджерских функций	минимальная роль
исполнение как основа социальных служб	контролируется непосредственно государством	публичными негосударственными организациями	частными фирмами, осуществляющими бизнес
финансирование как основа социальных служб	осуществляется государством	осуществляется государством	осуществляется частным сектором
социальная безопасность (базисная и дополнительная)	обеспечивается государством	государство обеспечивает лишь основания социальной безопасности	обеспечивается частным сектором
макроэкономическая политика	популистская	неокейнсеанская	неоклассическая
глобализация	угроза	вызов	выгода

¹ Meyer Th. From Godesberg to the Neue Mitte: The New Social Democracy in Germany // The Global Third Way Debate. P. 74–85.

² The Global Third Way Debate.

Как видим, неокейнсианство сохраняется в изложении третьего пути бразильским автором, хотя новые левые в Европе от него отказываются. Это объясняется иной степенью зрелости бразильского капитализма и его меньшей вовлеченностью в глобальный рынок.

И что особенно интересно, описывается отношение к глобализации у старых левых как к угрозе, у новых левых как к вызову, на который надо отвечать, у новых правых как к выгодному процессу¹. Гидденс солидаризируется с этой мыслью в одной из своих работ.

Принимая глобализацию совершенно серьезно и настаивая на том, что именно так ее надо принимать, Гидденс полагает, что концепция третьего пути может работать на глобальную интеграцию, на глобальный мировой порядок, в котором будет достигнут баланс между управлением, экономикой и гражданским обществом. Применение третьего пути мыслилось в направлении развития глобального экономического управления для достижения большей позитивной значимости глобализации, решения экологических проблем, регулирования корпоративной власти, предотвращения войн, развития глобальной демократии. Многие сторонники третьего пути ставили вопрос о гуманизации глобализации, о формировании системы перераспределения, институционализации глобальных процессов².

Не отрицая подобной возможности, отметим, однако, что она не предстает столь детально продуманной, как решение внутренних проблем западных стран.

Если победители глобализации — западные страны — посчитали для себя необходимым ускорить прогрессивное развитие и пройти новую, весьма драматичную модернизацию, что они могут предложить тем, кто не осуществил еще модернизации в классическом понимании этого процесса? Этот коренной вопрос не может быть разрешен паллиативами перераспределения, демократизации, которая часто оборачивается гуманитарной интервенцией, концепцией устойчивого развития, не обеспечивающей прогресса. Даже события 11 сентября не заставили Америку задуматься о причинах, породивших волну терроризма. Все свелось к злой воле отдельных лиц, к объявлению ряда стран изгоями и не вызвало интереса к анализу мирового неравенства, бедности целых стран и оскорбительного пренебрежения со стороны Запада культурой целых

¹ Bresser-Pereira L.C. The New Left Viewed from the South // The Global Third Way Debate / Ed. by A. Giddens. Cambridge, UK. 2001. P. 368.

² Edwards M. Humanizing Global Capitalism: Which Way Forward? // The Global Third Way Debate. P. 384–393.

народов и их образом жизни. Мировой банк издает серию «Голоса бедных», ООН и ЮНЕСКО заняты их проблемами, но западные страны в целом удовлетворены статус-кво и только начинают думать о внешних вызовах¹.

На глобальном уровне слабо проработан вопрос об изменении не только Вестфальской системы национальных государств, но и об изменении Филадельфийской системы демократии, что отмечено западными учеными². Но особо драматической выглядит невозможность поставить проблему развития незападных стран в старые рамки вестернизации или догоняющей модели развития. Запад не только оторвался от остальных, но и позаботился об ускорении своего дальнейшего прогрессивного развития. В этих условиях незападные страны ставят вопрос о праве на прогресс, на улучшение своей жизни. Интерес к проблеме прав на развитие растет, хотя развитие незападных стран в глобальном мире сильно затруднено. Западная юридическая литература ставит вопрос о праве на развитие.³

Третий путь — это национальная модель модернизации Запада, которая наиболее успешно осуществлялась в Англии из-за наличия там более развитого гражданского общества, чем в других странах, применивших эту модель⁴. Для заимствования этой модели модернизации Запада необходим достаточный уровень вестернизации, научно-технологическое развитие и гражданское общество. Россия достаточно вестернизирована, и она может еще заимствовать некоторые западные структуры. Но главное для нее — решить свои внутренние проблемы. Как уже было отмечено, существует различие внутренних задач развития и проблем выхода в глобальную экономику для незападных стран.

Третий путь пережил короткую историю триумфа, но в Третьей современности он занимает то же место, что социал-демократия во Второй. Его перспективность в будущем более вероятна, чем коммунистическая альтернатива, хотя сегодня переживает этап неудач.

¹ Crying Out for Change. N.Y. 2000; Can Anyone Hear Us? N. Y., 2000; Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999.

² The Changing Nature of Democracy / Ed. by T. Inoguchi, E. Newman, J. Rtane.

³ Sengupta A. Realizing the Right to Development // Development and Change. 2000. V. 3. P. 553–558.

⁴ Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order.. P. 75.

Глава 5. Вторая глобализация и идентичность

Достижение современности любого типа связано с возникновением человека с новой идентичностью, с превращением идентичности в одну из центральных проблем и конфликтов развития, связанных с культурой. Хотя модернизация осуществлялась как универсальный проект следования за западным образцом, в ней имплицитно присутствовали факторы культуры, представленные, в частности в меняющейся идентичности.

а) Три эпохи современности и идентичность

Вагнер, чья концепция легла в основу нашей типологии типов современности, показал, что индивидуальная автономия, основополагающая для эпохи современности, изменяет социальное развитие. Когда индивид становится независимым, он теряет старое место в системе и не находит новой определенности. Он обречен на неопределенность. Ему не просто контролировать свою судьбу, он теряет уверенность в своей идентичности, которая давалась ему социальным положением, или местом в системе властных отношений¹. Однако именно вопросы культурной идентичности и социальной солидарности лежали в основе исторических битв о возможности существования современности в Европе. Нация сформировалась как образование, имеющее границу в виде национальной идентичности. Солидарность развилась в ответ на воздействие современности на общество. Современность освобождала индивидов от природы, от навязанных обществом связей с другими. «Современность — это восстание против судьбы и предписанности»², против «естественных» связей. Современность позволила дистанцироваться от навязанности статуса, положения, ценностей, уступив место идее контроля человека над природой. Она разграничила человеческую и природную реальность и

¹ Lefort C. *Reversibility: Political Freedom and the Freedom of the Individual // Democracy and Political Theory*, Cambridge. 1988, P. 180.

² Bauman Z. *Modernity and Ambivalence*, Cambridge. 1991. P. 68.

представление о человечестве как интегральной части природного порядка сменилось инструментальным отношением к природе. Неконтролируемые и непредсказуемые элементы человеческого поведения рассматривались как остатки природного, которое должно было быть подавлено. В итоге сформировалось два типа связей — сохранившиеся естественные, которые расшатывались, и новые, современные, созданные, уязвимые и открытые к изменениям.

Ранняя современность имела дело с концепциями о естественной данности, когда этничность, пол, язык были критериями, определяющими позиции индивидов в социальном порядке. Эти критерии ослабли, но не потеряли своей значимости. Миграционные потоки разрушили возможность установить связи этнических групп с определенными территориями. Аскриптивные критерии, определяющие, принадлежит ли данный индивид к социальной группе или нет, перестали быть применимыми.

Либеральная современность имела дело с «модульным человеком», чья автономия и самостоятельность была институционально и культурно поддержана.

Организованная современность позволяла определить социальную идентичность принадлежностью к социальному классу. Классовая принадлежность не была фиксированной и могла быть изменена. Однако политический дискурс этого периода рассматривал классовую идентичность как квазиприродную. Индивид рождался и социализировался в рамках этой схемы, вероятность перейти из одного класса в другой была невысока. Поэтому эта идентичность создала сильную социальную основу конструирования коллективной идентичности.

Относительно недавно стали размываться границы классовых конструкций. Вероятность изменения классовой позиции увеличилась. Более важно для формирования идентичности было то, что социальные практики в меньшей степени стали привязанными к экономически определенному классовому положению. Предметом коллективных договоренностей стали те сообщества, которые могли иметь общую социальную идентичность, не передавая условия ее получения через социализацию. Сами индивиды участвуют в конструировании и реконструировании подобных сообществ. Ощущение коллективной идентичности может быть очень сильным именно потому, что они создают ее сами, и одновременно идентичность открыта для рефлексии участников группы, т.е. может изменяться.

Таким образом, изменениям типов современности соответствовало историческое ослабление оснований для конструирования социальной идентичности: от предписанных и природных к социально достижимым

и квазиприродным и далее к выбираемым и социально одобряемым. Трём типам современности Первой (либеральной), Второй (организованной) и Третьей (которую можно характеризовать второй глобализации и восстановления Вестфальской системы национальных государств) соответствуют три типа идентичности.

Автономный ответственный индивид — модульный человек — экономический человек Первой современности; массовый — манипулируемый организациями и технотруктурами — добившийся справедливости распределения через социал-демократические установления — ставший потребителем в потребительском обществе — бунтарем в момент его кризиса. Третья современность еще не сформировалась. Она началась с 1990-х годов XX века, и человек здесь сначала попытался освоить черты Первой современности — быть экономическим, оставаясь массовым потребителем, что Первой современности не свойственно. Динамика этих свойств весьма тревожна. Растет отчуждение, одиночество, эгоизм и нарциссизм, массовый человек формируется СМИ, не имея тех черт массовости (усредненности), которые находили в нем Х. Ортега-и-Гассет, М. Блумер. Бодрийяр определяет его как усредненного человека, которого сформировал телевизор. Дж. Ритцер как человека упрощенной рациональности. Однако Третья современность в большей мере включила весь мир в свою орбиту, чем предыдущие типы современности. Поэтому эти характеристики, смоделированные по западному, «буржуазному» человеку, значительно верифицированы в разных обществах.

б) Плюрализация и кризис идентичности, связанные со второй глобализацией

Глобализация приводит к плюрализации идентичности. Под идентичностью понимают некоторую устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоидентифицируемость. Идентичность выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям. Соответственно, это позволяет говорить о глубоком внутреннем значении некоторых исходных уровней идентичности, связанных с традиционной культурой, национальной культурой, и, одновременно, об открытости к обретению новых свойств идентичности.

Глобализация является сильнейшим испытанием для национальной и культурной идентичности, основным средством преодоления которого выступают диалог и преемственность культур. Однако сегодня такой общий ответ перестает быть исчерпывающим, ибо сами диалог и преемственность культур затруднены в случае кризиса идентичности или ее быстрых изменений, а также усиливающегося фактора плюрального

восприятия своей идентичности. Это относится как к индивиду, так и к конкретным обществам. Россия имеет большой опыт плюрализма идентичности, т.к. она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, как страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием суперэтнуса славянских, тюркских, угро-финских и других народов. Способность России к плюралистическому определению своей идентичности часто была предметом критики, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия идентичности. Даже Запад, признающий внутренний плюрализм и культивирующий его в качестве одного из элементов прав человека, в сравнении с Россией мог определить свою идентичность с большим монизмом, а потому, казалось, с большей определенностью. В России имеется кризис идентичности, и не в том смысле, что утрачено монистическое восприятие своей самотождественности и возобладал плюрализм, а из-за того, что нет плюрализма как совместимых позиций, а преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой.

Начавшаяся глобализация повлияла на ситуацию. Идентичность в глобализирующемся мире становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Во-первых, потому, что многие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности, во-вторых, потому, что идентичность в ходе глобализации меняется. Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность, персональную идентичность, необходимую для подавления тревоги и фрустрации. Социальный теоретик анализирует идентичность как персональную самотождественность, если речь идет об индивиде, и как социальную интегрированность, способную вызвать ощущение самотождественности у народа, а также возможность для индивида и общества быть представленными в теории в интегрированном виде.

Людей и общества, находящиеся в кризисе идентичности, уподобляют человеку без адреса: «Где я и куда я иду?», а не «Где я нахожусь?» — их главный вопрос. Желание понять себя, найти себя, на что-то опереться вызывает у них то, что Х. Арендт назвала тоталитарным соблазном. Ученый может помочь исследованием ситуации, определением условий нахождения идентичности людьми и обществами.

в) Кризис идентичности как центральный конфликт глобализации

Среди конфликтов и противоречий, которые имеются в сегодняшней России, кризис идентичности как общества в целом, так и отдельного человека является основополагающим. Даже экономические проблемы

отходят на второй план в сравнении с невозможностью людей и общества ответить на вопрос: «Кто я?» и следующие отсюда вопросы о целях, смыслах, ценностях и выборе пути. З. Бауман отмечает, что «впечатляющее возрастание интереса к “обсуждению идентичности” может сказать больше о нынешнем состоянии человеческого общества, чем известные концептуальные и аналитические результаты его осмысления»¹.

Нетождественность вещей и людей самим себе, их быстрые изменения, распад представлений о том, чем являются люди и страны, и есть тот кризис идентичности, о котором упомянуто выше.

Появление индивидуализма в России не состоялось в форме позитивного самоутверждения личности. Как отмечают некоторые авторы, здесь родился «негативный индивидуализм», поставивший человека наедине с собственными проблемами, заставляющий его видеть в других людях опасность и ощущать отчуждение от общества.

Под идентичностью понимают интегрированность человека и общества, его способность к осознанию своей самотождественности к ответу на вопрос: «Кто я такой?». Идентичности иногда противопоставляется мультикультурализм — культурное многообразие, трактуемое в духе ролевой теории².

Напомним, что под глобализацией понимают процесс социальных изменений последних двух десятилетий, заключающийся в формировании единого всемирного рынка (т.е. победы либерализма в общемировом масштабе), всемирной информационной открытости (Интернет), появлении новых информационных технологий, а также увеличения глобальной культурной связи между людьми и народами. По мнению Гидденса, под глобализацией следует понимать интенсификацию социальных отношений, которые связывают отдаленные районы таким образом, что локальные феномены формируются под влиянием событий, происходящих на очень большом от них расстоянии, а глобальные — в большей степени определяются локальными изменениями³.

Глобализация представляет собой не столько изменения в движении людей и вещей, сколько способ идентификации этих относительно постоянных явлений участниками мировой системы. В конечном итоге,

¹ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 176–177.

² Малахов В.С. Скромное обаяние расизма. М., 2001. Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ. Под ред. В.С.Малахова и В.А.Тишкова. М., 2002.

³ Giddens A. Modernity and Self-Identity. P. 64.

при всех вариациях термина, под глобализацией понимают процесс, который приводит к всеобъемлющему, всемирному связыванию структур, институтов и культур¹.

По мнению известного английского социолога Р. Робертсона, глобальное не может быть противопоставлено локальному, универсальное — частному. Локальное является аспектом глобализации, глобальное создает локальное. Глобализация имеет институциональный характер. Традиционные виды деятельности локальных обществ исчезают, на их место приходят другие виды деятельности, далекие от этих локальных контекстов. Поэтому Робертсон предлагает заменить для большей точности термин «глобализация» «глокализацией»². Он составлен из двух слов — «глобализация» и «локализация» для подчеркивания их взаимного осуществления. Глокализация — это своего рода метафора, указывающая на то, что глобальное не исключает локального, и наоборот. Существует много способов практической глокализации, включающей комбинации локального и глобального.

Было бы неверным считать, что глобальным является только то, что исходит исключительно от обладающего властью Запада. Скорее всего, влияние локальных культур на глобальные процессы сильно недооценивается, ибо «локальные культуры приговорены к свободе»³. Локальные культуры придерживаются традиции, которые, вместе с тем, связывают с глобализацией. Например, в 1982 году ООН признала существование туземцев, то есть установила критерии, благодаря которым мы можем идентифицировать туземцев и им следует идентифицировать себя. Локальное сделалось фактором глобального мира, было понято и зафиксировано всеми. Тогда, говорит Робертсон, встал вопрос о разнообразии не только на «мировом пространстве» — глобальном уровне, но и на локальном уровне. Общая идея мирового пространства дала исследователю возможность рассматривать локальное как микропроявление глобального в противоположность идее, что локальное обозначает анклав культурной, этнической или расовой замкнутости. При таком подходе глобализация «сжимает мир» именно потому, что включает создание и инкорпорирование новых локальностей.

¹ Archer M.S. *Sociology for One World: Unity and Diversity* // *International Sociology*. 1991. V. 6. P. 133.

² Robertson R. *Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity* // *Global Modernities* / Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. L. 1995. P. 30.

³ *Ibid.* P. 39.

Наиболее распространенной версией глобализации является утверждение, что информационные технологии инструментально делают мир глобальным. Корни идентичности людей при формирующемся виртуальном сообществе видятся одновременно в истории и географии, в религии и национальных основах, но вместе с тем высказывается предположение, что могут возникнуть новые пути формирования сознания, которые способны делать его фрагментарным. Поэтому «в исторический период, характеризуемый широко распространенным деструктурированием организаций, делегитимацией институтов, угасанием крупных общественных движений и эфемерностью культурных проявлений, идентичность становится главным, а иногда и единственным источником смыслов», при этом «люди все чаще организуют свои смыслы не вокруг того, что они делают, но на основе того, кем они являются, или своих представлений о том, кем они являются»¹. Под идентичностью понимается процесс, при котором социальный актор распознает себя и конструирует свое сознание исключительно на основе данного культурного атрибута или сети атрибутов, чтобы обрести более широкую отнесенность к остальным социальным структурам. То есть в перспективе информационно связанный мир будет обладать новым сознанием.

Главным противоречием процесса глобализации Кастельс считает противоречие между сетью и идентичностью (self), сетью и «Я». (Это противоречие, создающее одновременно и глобализацию, и фрагментацию). Проблема может быть разрешена поиском новой идентичности, но пока среди этих попыток есть и искусственные коллективные конструкции типа Аум Синрикэ и других сект, где нехватка исторически сложившихся типов идентичности подменяется причудливыми, странными и опасными конгломератами сознания.

Информационная революция сливается с экологической и составляет суть институциональной и культурной трансформации в мире. Культура становится во многом виртуальной и многоликой. В этом, по мнению Кастельса, — дух информатизации, отличающий западную культуру от тех ее начал, которые были описаны М. Вебером в «Протестантской этике и духе капитализма». Кастельс озабочен пафосом защиты смысла человеческой жизни и разума, способных, по его мнению, вдохнуть жизнь в новые процессы: «Я верю в рациональность, в возможность предоставить слово разуму, не впадая в поклонение этому божеству. Я верю в возможность осмысленного социального действия, в политику преобразований, не обязательно дрейфующих к смертоносным обрывам абсолютных утопий. Я верю в освобождающую силу идентичности, не прини-

¹ Ibid. P. 27.

мая необходимости ее индивидуализации либо ее поглощения фундаментализмом. И я предлагаю гипотезу, гласящую, что все главные тенденции изменений, составляющие наш новый, сбивающийся с толку мир, соотносены между собой и мы можем извлечь смысл из их взаимоотношений»¹.

Вместе с глобализацией, однако, наступает эпоха усиливающегося беспорядка, имеющего глобальную природу. Одной из причин этого является поворот от модернистской политики, основанной на идеалах всеобщего прогресса и развития, к политике мультикультурализма как поддержки новых культурных идентичностей: этнических, национальных, религиозно-фундаменталистских и др.

Начавшаяся глобализация повлияла на ситуацию. Идентичность в глобализирующемся мире становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Во-первых, потому, что идентичность в ходе глобализации меняется из-за усилившегося взаимодействия культур.

Во-вторых, потому, что не только Россия, но и многие другие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности. Сегодня перед национальным государством встает много проблем: каждый регион и страна сталкиваются с переопределением своей коллективной идентичности в свете множества внутренних и внешних факторов. Проблема смены и поиска идентичности характерна как для стран бывшего советского блока, так и для западных демократических стран, она, по-видимому, универсальна на этом этапе перехода, когда старые идентичности потеряли смысл для большинства людей, а новые еще не созданы.

В-третьих, видение глобализации и участие в ней зависит от того, из какого места планеты мы рассуждаем о ней. Одно дело, говорящие по-английски и путешествующие люди из десятка развитых стран, другое дело — человек, не покидавший своей страны и судящий о мире по телевидению, совсем иначе — люди в беднейших странах Африки, хотя даже там уже пользуются Интернетом.

Дж. Шолте приводит три «моментальных снимка» глобализации: 1) Институт социальных исследований в Гааге. Люди из разных стран. Говорят на глобальном — английском — языке. Смеются «глобальным шуткам», которые все понимают. 2) Разговор в Бухаресте с девятилетней девочкой, никогда не ездившей за пределы Румынии. Жизнь ее протекала в локальных рамках. Она рассуждает на не очень правильном английском. Спутниковый ТВ показывает что-то в углу комнаты и она описывает свою «глобальную мечту», в которой она парит над землей, пролетает над Эмпайр стейт Билдинг или над Эйфелевой башней. 3) Прогулка

¹ Ibid. P. 28.

около палаточного городка в Кампеле, столице Уганды. Эта страна занимает 150-е место из 175 в индексе жизненного уровня, но на обочине старой дороги написано «Компьютер. Интернет. Обучение и консультация», и прилагается список последних программ Майкрософта. Далее кинотеатр с объявлением об участии С. Сталлоне в фильме, а внутри кинотеатра кто-то переводит фильм на язык Уганды¹. Автор везде видит приметы глобализации, но вряд ли может игнорировать тот факт, что глобализация приносит в Америку ее мировое могущество, в Румынию — ТВ и некоторые знания, а в Уганду, несмотря на вестернизацию, экологические проблемы и бедность. Остается еще много людей, кто не испытал международного опыта, но ощутил надтерриториальность глобальности в виде товаров и продуктов со всего мира, телевидения и радио, телефонов, глобального изменения климата и пр.

Гидденс показал, что идентичность в обществах поздней современности не достигается одномоментно и бесппроблемно, а предстает как ряд дилемм самоопределения. Он выделил четыре таких дилеммы.

- унификация и фрагментация;
- беспомощность (отсутствие возможностей) или их многообразие;
- устойчивые авторитеты или самоопределение в условиях их отсутствия;
- индивидуальный опыт или стандартизированное, уподобляемое товарному рынку поведение².

Этот предшествующий сегодняшней глобализации период уже полон непредсказуемости и трудностей преодоления крайностей.

Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности, тогда как на уровне локальной идентичности мы видим унификацию, меньше возможностей, веру в авторитеты и преобладание индивидуального опыта. Как сочетаются эти полюса идентичности при глобализации, если, как уже было отмечено, нет глобального без локального? «Какова политика идентичности после идентичности?» — задаются вопросом редакторы книги с почти одноименным названием³. Иными словами, когда идентичность тонет в многообразии возмож-

¹ Sholte J.A. Can Globality Bring a Good Society? // *Rethinking Globalization(s). From Corporate Transnationalism to Local Interventions*. P. 15.

² Giddens A. *Modernity and Self-Identity*.

³ *After Identity. A Reader in Law and Culture* / Ed. by D. Danielsen and K. Engle. N.Y., L., 1995.

ностей ее плюралистического определения. Их ответ состоит в том, что новые возможности идентификации, поддерживаемые политически, должны ассоциироваться с прогрессивным взглядом на теорию, культуру, стратегию. Данное замечание очень важно, оно показывает, что изменение границ девиантного поведения и отношений, следующих из расширения сферы возможного, не может быть бесконечным и ограничивается позитивной направленностью деятельности человека. Мораль как часть идентичности играет при этом решающую роль.

Таким образом, глобализация как новый процесс социальных трансформаций и серьезные социальные изменения в мире вызвали кризис идентичности, затруднения в ответе на вопросы: «Кто я такой?», «Куда иду?». Этот кризис многими трактуется как исчезновение проблемы идентичности, нахождения себя и замены ее мультикультурализмом (в ряде случаев говорят о плюралистической идентичности).

Мы признаем наличие многообразия культур и возможностей в условиях глобализации и появление плюралистической идентичности на операциональном уровне. Однако считаем, что при этом значение поисков идентичности не только не уменьшилось, но и приняло характер поисков сакрального, сокровенного на уровне религиозной жизни, а также сакрального в религиозном смысле. Источником этих смыслов выступают локальные культуры.

По мнению З. Баумана, «... проблема, мучающая людей на исходе века, состоит не столько в том, как обрести избранную идентичность и заставить окружающих признать ее, сколько в том, какую идентичность выбрать и как суметь вовремя сделать другой выбор, если ранее избранная идентичность потеряет ценность... Главной и наиболее нервирующей проблемой является не то, как найти свое место в жестких рамках класса или страты и, найдя его, сохранить и избежать изгнания; человека раздражает подозрение, что пределы, в которые он с таким трудом проник, скоро разрушатся или исчезнут»¹. Это совпадает с описанным Вагнером способом нахождения идентичности в Третьей современности как избранного. *А значит, перед человеком в условиях глобализации встает постоянная задача воспроизводства сакрального уровня идентичности и восстановление его при всех разрушениях, которые его идентичность может претерпеть.* Так же, как человек находится в ситуации непрерывного образования, ему потребуется непрерывная переидентификация, но без сакрального уровня идентичности он теряет все жизненные смыслы, а значит, должен будет находить их вновь и вновь.

¹ Бауман З. Идентичность в глобализирующемся мире // Бауман З. Индивидуализированное общество. М., 2002. С. 185–186.

г) Два типа сообществ, появление проблемы идентичности и кризис идентичности

Самотождественность как исходная позиция определения идентичности в традиционных обществах, нелегкий процесс самоконструирования идентичности при обеспечении базовых параметров в Первой либеральной современности, конвенциональная природа идентичности во Второй организованной современности и стремление к образованию новых конвенций на фазе ее дезорганизации, вера в свободное избрание идентичности и возникающие при этом проблемы Третьей современности составляют довольно четкую концептуальную рамку для понимания идентичности и, вместе с тем, рамку для понимания ее кризисов.

Связь более эмпирически представленного мультикультурализма с более скрытым фактором идентичности привела к тому, что идентичность стала проблемой социологии и других наук. Известный социолог З. Бауман считает, что существуют *два типа сообществ, определяющих собой идентичность: сообщества «жизни и судьбы» и сообщества, связанные только идеями или различными принципами.*

В сообществах первого типа нет проблемы идентичности. Если человек живет в сообществе первого типа, он не сможет ответить на вопрос о своей идентичности, ибо он перед ним не стоит и будет ему непонятен. Не задается этим вопросом и общество или страна. В XVIII веке общество как наивысшая интегративная тотальность соответствовало месту, живя в котором, человек знал остальных его представителей. И определение места, занимаемого данным человеком, не было проблематичным. Не была проблемой и идентичность обществ и стран.

Сообщества, принадлежность к которым — судьба, дают однозначный ответ на вопрос о том, в чем их «смысл себя». Идентичность предстает как данная самотождественность. Вопрос об идентичности возникает только в сообществах второго типа, поскольку существует множество идей, которые способны объединять и разделять людей. Люди здесь определяют самотождественность в разных системах идей и смыслов, и ответы на вопрос об идентичности становятся отличающимся друг от друга¹.

Проблема идентичности рождается тогда, когда происходит разрушение старой социальной структуры. В этом случае необходимо задать вопрос об идентичности, т.к. более не существует очевидного ответа. Она рождается как *проблема*, как *задача*².

¹ Bauman Z. Identity. Cambridge, Malden. 2004, P. 11.

² Ibid. P. 18.

С. Хантингтон отмечает: «Японцы испытывали подлинную агонию, решая вопрос, делает ли их место, история и культура Азией или их богатство, демократия и современность Западом». Иран был описан как «нация в поисках идентичности», Южная Африка характерна «поиском идентичности», Китай — вопросом «о национальной идентичности», в то время, как Тайвань был вовлечен в «распад и пересмотр национальной идентичности». Сирия и Бразилия, со своей стороны, находятся перед лицом «кризиса идентичности», Канада — в «продолжающемся кризисе идентичности», Дания — в «остром кризисе идентичности», Алжир — в «деструктивном кризисе идентичности», Турция имеет «уникальный кризис идентичности», ведущий к жарким дебатам «о национальной идентичности», и Россия — в «глубоком кризисе идентичности», заново открывающем классические дебаты девятнадцатого века между славянофилами и западниками относительно того, является ли Россия «нормальной» европейской страной или отчетливо отличной от них евразийской державой». Не установилась единая идентичность Германии, сомневаются в своей общей идентичности британцы. «Кризис национальной идентичности стал глобальным феноменом»¹. Некоторые из отмеченных черт кризиса понятны, но в чем, например кризис идентичности Дании, одной из богатейших стран мира? Или Турции, единственной мусульманской страны с успешной модернизацией, проведенной К. Ататюрком? Или Китая, рвущегося в мировые лидеры? Дания, занимавшая прочное место среди европейских народов в условиях европейской интеграции превратилась в небольшой кусочек европейской территории. Ее богатство и развитость при ослаблении датской традиционной идентичности не обеспечивают ей в той же мере признанной населением европейской идентичности. Сказки Андерсена и русалочка — ностальгические точки былого, но исчезающего смысла себя. Турция снова оказалась на перекрестке культур, ведущем сегодня к усилению традиционализма и ослаблению европейского начала, в связи с ростом исламских движений и приходом исламского по своим ценностям правительства, не отказавшегося, тем не менее, от надежды для Турции быть принятой в ЕС, на перекрестке культур, Китай стоит перед проблемой превращения цивилизационной идентичности в национальную, Россия — между имперской и национальной идентичностью, между традиционализмом (славянофильством, евразийством) и западничеством.

Хантингтон утверждает, таким образом, что экстремальные социальные ситуации могут разрушить идентичность или резко изменить

¹ *Huntington S. Who are we? The Challenges to America's National Identity.* N.Y., L., Toronto, Sydney. 2004. P. 12–13.

ее; что идентичность определяем мы сами, но она продукт взаимодействия между собой и другими; что заметные альтернативы явным идентичностям индивидов или групп зависят от ситуации. Они проявляются при попадании в новую среду, к которой надо приспособиться, например при жизни за рубежом, в инорелигиозной среде¹.

Имеются три точки зрения на изменение сложившихся идентичностей:

— соотношение прежних и вновь обретаемых идентичностей там, где они возникают, не становится умножением их количества, а представляет собой некий новый интеграл личности, общности, корпорации или страны. В этом смысле трудно говорить о мультиидентичности, тогда как мультикультурализм вполне реален;

— возможна мультиидентичность, но она составляет суть проблемы идентичности (С. Хантингтон);

— складывается мультиидентичность, но этим проблема идентичности снимается. Иногда эта позиция доводится до утверждения, что идентичность сегодня просто не имеет значения.

Проблемы перерастают в кризис, если между различными истолкованиями смысла себя не возникает никакого пересечения, никакого согласия. Для страны, где сливаются оба типа сообщества, исторически сложившееся сообщество «жизни и судьбы» и сообщества, связанные идеями и принципами, разрыв между историей и многочисленными идеями о том, какой страна должна быть, становится настоящим кризисом, не становящимся катастрофой только потому, что антагонизмы реализуются как идеологии, а не как политические движения. В частности, таковым становится «русский вопрос», воплощаемый в причудливый конгломерат связанных и не связанных с историей ответов: русские как государствообразующая нация, как этнос, нуждающийся в этническом самоутверждении (значит, уже не нация?), как имперская нация. Из этих конфронтаций вырастает еще одна конфронтация *конструируемых идентичностей*: Россия — империя или нация?²

В ответе на этот вопрос применяется идея конструирования социальной реальности. Объективно происходящие перемены в мире, а также непредвиденные последствия социальной деятельности, вызвавшие кризис идентичности, ставят проблему ее восстановления. Дело в том, что кризис идентичности возникает как путаница самоопределений и

¹ Ibid. P. 22–23.

² Кортунов С.В. Имперское и национальное в российском сознании. <http://discourse.intelligent.ru/text/200608081457.htm>

смыслов своей жизни и существования, смысла существования своей страны или того, какой она должна быть.

Для страны он может быть вызван несколькими причинами. Прежде всего, кризисом государства, ослаблением Вестфальской системы национальных государств, что уменьшает ощущение безопасности, а также, как говорит Бауман, ведет к «коррозии характера». Под последней понимается появление тревоги, характерной для поведения людей при принятии ими решений и жизненных проектов¹, неопределенность самоосмысления обществом или страной своей судьбы, нескончаемый спор о смысле ее государственности, об альтернативах. Кризис идентичности усугубляется глобализацией, где многообразные связи разрывают национальный и культурный контексты, невосполнимые для большинства глобальным самоопределением. К нему толкают и радикальные перемены. Происходит потеря ощущения общей жизни и судьбы, превращающая поиск принципов, дающих смысл, в «игру в бисер», размышление с «чистого листа», как будто истории не было, а сейчас она может осуществиться не силой объективных неизбежностей, осознанных людьми, а идеологическими проектами «свободно парящей» интеллигенции, как определял ее немецкий социолог К. Мангейм.

«В обществе, которое сделало социальные, культурные и сексуальные идентичности неопределенными и переходными, любая попытка сделать посредством политики идентичности более устойчивым то, что стало “жидким”, с неизбежностью приведет критическую мысль в тупик», — пишет Бауман². Показателен его рассказ о поисках собственной национальной идентичности, связанный с получением степени почетного доктора. Ему было нужно выбрать гимн своей страны для традиционно исполняемой университетом процедуры присуждения почетной степени. Выбор мог состояться между польским и британским гимнами. В Польше Бауман родился и жил, в Британию эмигрировал. Этот выбор было сделать совсем непросто. В Британии, несмотря на получение гражданства, он все равно не перестал быть чужим даже после многих лет жизни там. Он, по его собственному признанию, не стремился стать англичанином, и у его коллег и студентов не возникали сомнения в том, что он иностранец. Польша же лишила его гражданства, отторгла как чужеродный элемент. Так чей же гимн исполнять? В итоге Бауманом принимается решение, являющееся одновременно и «исключающим» и «включающим» — европейский гимн. Оно отвергает идентичность, определяемую

¹ *Bauman Z. Identity.* P. 6.

² *Ibid.* P. 7.

как национальная, которая для Баумана неприемлема в виду его опыта эмиграции. В то же время европейский гимн включает в себя обе идентичности, отвергая как менее релевантные различия между этими идентичностями, и не допускает разрыва идентичности¹. Этот пример показывает, что так называемая мультиидентичность была бы скорее кризисом идентичности. *Идентичность и есть попытка найти интеграл всех возможных самоопределений.*

Однако «недуг современности», обозначенный Ч. Тейлором, остро коснулся человека. Если идентичность есть проблема самоидентичности в отношении других, и она достигается с трудом, ибо рушится система репрезентаций и установления своего отношения с другими, то на смену ей приходит аутентичность — определение себя и установление собственной самоидентичности без сопоставления себя с другими, как изолированного существа. Продукты таких самоопределений — эгоист и нарцисс². Эти персонажи Третьей современности далеко ушли от автономного и ответственного индивида либеральной современности и от превращения его в модульного человека, от замены модульного человека экономическим концом Первой современности и последнего потребительским в период Второй современности. Он остается потребителем, консьюмеризм нарастает, но уменьшается его вклад в производство и его связь с моралью.

д) Идентичность как предпосылка социального конструирования реальности

Социальное конструирование реальности — феноменологическая идея, открытая Э. Гуссерлем, развитая в социологии А. Шютца, в работах П. Бергера и Т. Лукмана. Она начинается с внимания к существующей повседневности. Но последняя не принималась только как данность и сама нуждалась в формировании, если утрачивала свои черты, приемлемые для жизни и общезначимые для большинства членов общества. Основатель феноменологии Гуссерль видел кризис науки не только в отрыве от повседневности, но и в потере перспективы европейским человечеством, которую ему открывала история до позитивистской редукции не только в науке, но и в отношениях людей к своей судьбе. Тем самым он показал феноменологический интерес не просто к любой повседневности (а идентичность — ее смыслообразующая часть), а к более высоким ее горизонтам. Эта идея имеет методологическое значение при

¹ Ibid. P. 10.

² Taylor Ch. Op. cit. P. 25–54.

разрешении споров об идентичности, для политики защиты идентичности в переломные моменты, в частности в условиях глобализации. Но радикальные сторонники глобализации, преувеличивающие ее разрыв с локальным, полагают, что глобальная идентичность вытесняет все прочие. Так, В.Л. Иноземцев утверждает: «По большому счету никто не живет теперь в Соединенных Штатах, Германии, Франции или Российской Федерации. Мы все — такие же граждане единого мира, как и обитатели бразильских фавел, крестьяне Зимбабве, афганские возделыватели опийных полей и бойцы иракского сопротивления. Нам некуда бежать с нашей общей планеты»¹. Но мы всегда жили на одной планете, и глобализация не устранила различий в идентичности ее обитателей. Не устранила она раскола в ощущении идентичности и внутри стран. Глобализация оказалась неразрывно связанной с локализацией, сохранением и поиском локальных идентичностей. Стремясь подчеркнуть это, английский ученый Р. Робертсон ввел, как мы отметили, термин «глокализация», объединяющий глобализацию и локализацию как единый процесс и фиксирующий влияние локального на глобальное. Хантингтону, глобализация представляется опасной усиливающимися цивилизационными конфликтами. Быстрые изменения в мире, слом основного конфликта предшествующего этапа — конфликта между социальными системами, по его мнению, заставил людей отпрянуть к своим истокам, к цивилизационно-общему пониманию базовых ценностей — отношению к жизни, к смерти, к старикам, детям и пр.

Для З. Баумана идентичность не была проблемой до 1968 года, когда он эмигрировал; с этих пор окружающие ожидают от него самоопределения, сбалансированной идентичности. Это происходит поскольку «будучи однажды вырванным... из естественной среды обитания, не существует места, которому я мог бы соответствовать... на сто процентов. В любом месте я был... “вне этого места”»². То же происходит и со страной после радикальных перемен. Это болезненный опыт, в котором «всегда есть то, что необходимо объяснить, за что попросить прощения, скрыть или, наоборот, явственно выразить, о чем договариваться, заключать пари...»³. Сходно мнение знаменитого чешского писателя М. Кундеры, пережившего опыт эмиграции из Чехословакии во Францию: «Быть на чужбине — значит идти по натянутому в пустом пространстве кана-

¹ *Иноземцев В.Л.* От редактора // *Monde Diplomatique*. Русское издание. Август 2006. № 2. С. 1.

² *Bauman Z.* Identity P. 12.

³ *Ibid.* P. 13.

ту без той охранительной сетки, которую предоставляет человеку родная страна, где у него семья, друзья, сослуживцы, где он без труда может договориться на языке, знакомом с детства»¹. В 1990-е годы многие жители России настолько не понимали смысл происходящего, что ощущали себя иммигрантами в своей стране.

Подвижность и конструктивность самоопределения связаны с тем, что современность перестала быть определенной, стала уходить из-под ног, что Бауман характеризует метафорой «жидкая современность». Характерная черта, становящаяся почти универсальной, роднит практически всех людей в эпоху «жидкой современности», — идентичность не единичная проблема, а серия проблем: «В нашу эпоху “жидкой современности» мир вокруг нас разделен на плохо скоординированные фрагменты, в то время как наши индивидуальные жизни разрезаны на множество слабо связанных эпизодов»². Метафору «жидкой современности» можно применить и по отношению к тем странам, особенно в условиях глобализации, которые ей сопротивляются. Проблема идентичности остра еще и потому, что не существует традиции ее анализа. Она бросает вызов социологии, политологии, ведь несколько десятилетий назад идентичность не интересовала ни социологов, ни политологов. Проблема идентичности на рубеже XIX–XX веков определялась принципом национально-государственного суверенитета: «чья власть, того и вера». Нынешние проблемы идентичности, напротив, вытекают из отказа от этого принципа или нерешительности его применения и неэффективности там, где его пытались применить. По мнению Баумана, классики социологии, находясь в современных условиях, скорее начали бы анализировать внезапно одержимость идентичностью, нежели саму идентичность³.

е) Идентичность как сфера сакрального

Изменение роли национального государства, появление транснациональных пространств не лишают людей национальной принадлежности и сантиментов по поводу их национальной и локальной культуры, которую мы предполагаем назвать *сакрализацией локального при обретении новых уровней идентичности*. Это создает при глобализации даже увеличивающийся интерес к локальным явлениям. У тех обществ и людей, которые не ощущают себя входящими в глобальный мир, можно заметить как раз ослабление их локальной идентичности, потерю са-

¹ Кундера М. Невыносимая легкость бытия. СПб., 2005. С. 85.

² Bauman Z. Identity. P. 12–13.

³ Ibid. P. 16–17.

моуважения, рост их разочарования в местных особенностях, потерю внутренней значимости их прежней локальной идентичности.

Проблема идентичности подробно исследована на уровне вхождения обществ в сообщества менее масштабные, чем глобальное, например, в Европейское сообщество. При этом возникает плюралистическая идентичность, подтверждающая нашу гипотезу о том, что идентичность скорее складывается как многоуровневая, чем идею о механическом, квазиroleвом совмещении идентичности, похожим, как говорит один из исследователей проблемы, на смену костюмов. Если европейская интеграция осуществляется между странами, имеющими общеевропейское сходство, то на глобальном уровне можно найти некоторые культурные универсалии или унифицированные культурные явления, такие как мода, туризм, образование и т.д., совмещающиеся с огромным культурным, этническим, национальным многообразием, разными уровнями развития и пр. Как и в случае европейской интеграции, в условиях глобализации сохраняются территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, но появляется возможность работать за пределами своей страны, возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединенной системы, растет взаимозависимость. Вместе с тем возникает расхождение между ощущением своей национальной принадлежности и гражданства, тогда как прежде речь шла о национально-государственной принадлежности. Глобализация культур осуществляется в меньшей мере, чем глобализация экономических отношений, информации. Поэтому культурная специфика сохраняется при всех взаимодействиях как путем сохранения локальных культур своих отечеств, «малой родины», так и путем сохранения культурных предпочтений на глобальном уровне.

Проблема идентичности и проблема глобализации сегодня наиболее обсуждаемы, но их совместное обсуждение, изучение идентичности в контексте глобализационного процесса — достаточно ново и поэтому мало освещено в литературе. Его суть описывает Бауман в своей новой книге «Индивидуализированное общество»: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако как прежде локальны»¹. Идентичность наилучшим образом определена Э. Эриксоном как субъективное ощущение своей самотождественности, являющееся источником энергии и преемственности². Основная проблема, занимающая этого ученого, — это как раз то, что принципиально при рассмотрении иден-

¹ *Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge, 2001. P. 149.*

² *Erikson E. Identity: Youth and Crisis. L., 1974. P. 17.*

тичности в условиях глобализации, — анализ идентичности как целостности или совокупности, представляет ли она из себя некий неструктурированный Gestalt или структурированное единство. Эриксон пишет: «Психическое здоровье людей, оторванных от своих домов, работы, страны и вынужденных эмигрировать, неоднократно становилось предметом специального интереса исследователей. Будучи сам иммигрантом... я могу начать с признания в своего рода каждодневной патологии»¹.

Глобализация создает сходную проблему даже для тех, кто никогда не покидал своих домов, ибо в их жизнь вторгается большой новый мир, а действовать они могут только в пределах своего мира. Эриксон показывает разную способность к мобильности, и можно предположить, что ей соответствует разная склонность к изменениям идентичности и укорененности: он приводит данные опроса турецких крестьян об их готовности эмигрировать, на что последние отвечают, что это было бы «хуже смерти», и вместе с тем самочувствие американца, который осваивал континент: «Если ты видишь дым, поднимающийся из трубы твоего соседа, значит, пора двигаться»². Эриксон ставит очень важные проблемы и делает очень серьезные методологические заходы, но его решения связаны с психиатрической практикой. Имеется большой потенциал адаптации его подходов к социальным реальностям сегодняшнего дня, к постановке вопроса не только о персональной идентичности, но и о национально-культурной идентичности обществ, становящихся единицами глобализационного сближения.

Рост проблем этнической идентичности рассматривается — как следствие распада прежней идентичности, а межнациональные конфликты как становление разных типов идентичности. Добавим, что острота конфликта определялась нехваткой опыта культурного плюрализма. Специальных работ по соотношению идентичности и глобализации пока еще недостаточно. Среди них можно отметить книгу П. Престона, который исследовал идентичность наций и граждан в эпоху глобализации³.

Среди исследований, оказавших влияние на обсуждение проблемы идентичности, отметим Фридмана⁴. В нашумевшем бестселлере американского журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Т. Фридмана

¹ Эриксон Э. Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки. 1995. № 5–6. С. 217.

² Там же. С. 218–219.

³ Preston P.W. Political / Cultural Identity: Citizens and Nations in a Global Era. L., 1997.

⁴ Friedman Th. L. The Lexus and Olive Tree.

описывается история о том, как в один и тот же день произошли два события. Журналист наблюдал, как на заводе в Японии, производящем дорогой и престижный автомобиль «Лексус», один робот приклеивал к машине эмблему, а второй робот снимал остающуюся после этой операции каплю клея. Всего в производстве автомобиля здесь используется 300 роботов. В этот же день он прочел в «Интернэшнл геральд трибьюн», что араб и израильтянин подрались, не решив вопроса, кто именно из них владеет оливковым деревом. Книга так и называется: «Лексус и оливковое дерево. Понимая глобализацию». Автор пишет: «Оливковое дерево очень важно. Оно представляет все, что является нашими корнями, что держит нас на якоре, идентифицирует и помещает нас в этом мире — будь то принадлежность к семье, к общине, к племени, к нации, к религии или, прежде всего, к месту, называемому домом... На самом же деле причина, по которой национальные государства никогда не исчезнут, даже если ослабеют, состоит в предельной значимости оливкового дерева — конечного выражения того, к чему мы принадлежим лингвистически, географически и исторически»¹. Новому миру, созданному второй глобализацией, всего около двадцати лет. И есть другой мир. Но в новом мире «победитель берет все»². Другим остается только завидовать. Альтернативы они создать не могут. Важно здесь рассмотрение культурной логики глобальной системы, состоящей в том, что общества разного этапа развития по-разному приспособляются к глобализации. Если глобальный мир не способствует прорыву в него, происходит замыкание на своих задачах. Если кто-то не может производить «Лексус» (японский автомобиль), он может продолжать выращивать оливковые деревья. Но и производитель «Лексуса», создаваемого роботами, не может забыть своих камней (оливковых деревьев или берез).

Идентичность может быть сферой сакрального, где человек соотносит себя с фундаментальными ценностями, со смыслоположением дорогих сердцу источников своего становления. Пласт сакрального в идентичности личности в условиях глобализации определен именно локально. Именно оно характеризует наиболее личное, глубоко укорененное в человеке.

Фридман показывает потрясение от того дня своей журналистской работы, когда он столкнулся и с «Лексусом», и с оливковым деревом. Как совместить эти миры? Фридман говорит о том, что оливковое дерево или что-то другое, почерпнутое человеком вместе с языком, детством,

¹ Ibid., P. 30.

² Ibid. P. 306–320.

традицией, не исчезает, а ложится в более глубокие и сокровенные пласты сознания. Заметим, что люди, вынужденные «жить глобально», часто сакрализуют свой локальный опыт. Например, П. Сорокин, крупнейший американский социолог, создавший теории стратификации и социальной мобильности, не мог забыть коми-пермяцкой деревни и все больше погружался не только в воспоминания о ней, но и в теоретической работе переходил к традиционным российским мотивам (альтруистической любви, триединой истине, интегральной сущности человека).

Под сакральным в данном случае понимается не верность религиозным принципам и не религиозное толкование священного, а святые для индивида ценности его непосредственной жизни. В этом значении термин «сакральное» широко употреблял Э. Дюркгейм, который указывал в работе «Элементарные формы религиозной жизни» на возможность нерелигиозной трактовки сакрального как составляющего подлинную основу человеческого бытия, его коллективистскую (традиционную) сущность. Наличие этого уровня сакрального отличало такого человека от представителей светской индивидуалистической культуры.

Именно переход на этот уровень сакрального обеспечивает глубокую интимность традиции и сохранение моральной атмосферы в сообществах. Так, А. Этциони показывает, что без такого уровня ценностных переживаний, которое мы здесь называем сакральным, не может сохраниться общественная мораль¹. Моральные представления должны быть глубоко укоренены в человеке и не могут предъявляться ему как чисто внешние предписания. Именно в этом смысле локальная идентичность может быть рассмотрена как вид сакрального, сохраняющаяся при всех возможных изменениях.

В данном значении понятие сакрального тождественно понятию *сокровенного*, которое, по определению одного из исследователей, «есть универсальная разновидность опыта первичной бытийной ориентации, предполагающая синергичное, диалогическое отношение», реализующее «причастность к абсолютному». По мнению данного автора, сокровенное выступает в трех основных видах: как непостижимая для человека в принципе, но жизненно важная для его души святыня, тайна; как то, что открывается лишь при полной реализации человеческой сущности; как хранение, оберегание душевно-духовной целостности, защита себя от деструктивных сил².

¹ Etzioni A. Next. The Road to the Good Society. N.Y., 2001.

² Богомяков В.Г. Сокровенное как горизонт человеческого бытия. Автореф. дис. докт. философ. наук, Тюмень. 2000. С. 11.

Таким образом, в условиях глобализации выросло значение примордиальных солидарностей, включающих в себя солидарность на основе локальной культуры, а так же на основе религии (например, в исламе). На уровне подобных солидарностей складывается идентичность, которая включает в себя не только индивидуальную самотождественность, но и отношение к миру, к обществу.

Сходные процессы возникают не только в пространстве, но и на оси времени, содержатся в памяти людей, в том числе исторической. Здесь заложены представления о победах после поражений, величии после унижений. И именно эти глубинные исторические аспекты сакрального начинают работать на формирование сегодняшней идентичности в условиях глобализации. Примером может служить подъем такого варианта исламской идентичности, в котором величие ислама в его завоеваниях и победах над крестоносцами трансформировано в индивидуальное сознание и поведение его радикальных представителей.

История становится основой политики идентичности. Идентичность конструируется посредством обращения к прошлому. С другой стороны, так сконструированная идентичность способствует новому подходу к будущему. Идет борьба за наиболее вдохновляющую версию прошлого. Это является одним из ответов на кризис идентичности¹.

Разумеется, сакральное продолжает существовать не только в светском смысле как сокровенное, но и в религиозном смысле и продолжает работать на формирование идентичности. Христианство, ислам, иудаизм и другие религии увеличили свое влияние в условиях глобализации. Глобализация не приводит к унификации религий, а наоборот, во многих местах создает религиозный подъем (в России, США, арабо-мусульманских странах, Израиле). П. Бейер показывает, что религии при глобализации «возрождаются, разобщаются и перемещаются»².

Таким образом, дискурс глобализации, то есть научные и повседневные, вненаучные представления о ней, усиливают значимость локального, традиционного, исторического, религиозного при формирова-

¹ Friedman J. Cultural Identity and Global Process. L., New Delhi, 1994. P. 117–146. См. так же: Globalization and Identity: Dialectics of Flow and Closure. Ed. by B. Meyer and P. Geschiere. Oxford, 1999. Culture, Globalization and the World-System. Contemporary Conditions for the Representation of Identity / Ed. иу A.D.King. Hampshire and L., 1991.

² Beyer P. Religion and Globalization. L., 1994. P. III; Beyer P. Globalizing Systems, Global Cultural Model and Religion(s) // International Sociology. 2001. V. 13, № 1.

нии глубинной идентичности людей, не препятствуя ее плюрализации в сфере их функциональной деятельности.

По мнению М. Вотерса, мир стал иным, и при этом сближение народов не ведет к всемирному обществу, а проблема идентичности остро встает как перед обществами, так и перед людьми¹.

В России значимость проблемы идентичности сегодня выше, чем роль экономических проблем. Люди не знают, кто они и куда идут. Они живут в основном локально, а те, кто ездит за рубеж, особенно в массовом порядке — торговцы, туристы — сознают свою инаковость и находятся в резком внутреннем противоречии относительно того, как на нее реагировать — стремиться избавиться или впасть в национализм. И чаще они делают второе. Мультиидентичность и мультикультурализм плохо ложатся на травматический опыт посткоммунистической России.

ж) Идентичность и государство

Существует тесная связь идентичности и национального государства. Национальное государство — государство, превращающее факт рождения в «основание собственного суверенитета»². «Сегодняшние проблемы идентичности, — считает Бауман, — напротив, вытекают из отказа от этого принципа (принципа или нерешительности его применения и неэффективности там, где его пытались применить»³. Этот факт, отмечает Бауман, вызвал сложности при проведении переписи населения в многонациональной Польше перед началом 2-й мировой войны. На вопрос «Кто вы?» люди отвечали: «Мы из этих мест», «Мы отсюда», «Мы местные», и ни разу не указали своей национальной принадлежности. Более того, они вообще были изумлены тем, что у них может быть некая национальная идентичность, и тем, что можно задать вопрос о том, какова она. Таким образом, вопрос об идентичности не присущ изначально человеческому опыту и не возникает из этого опыта как самоочевидный факт жизни. Идентичность имеет смысл, «только если вы верите, что можете быть кем-то другим, а не тем, кем вы являетесь; только если у вас есть выбор и только если он зависит от того, что вы выберете»⁴.

Под идентичностью для сообществ второго типа, т.е. основанных не на ощущении общей судьбы, а на признании общих принципов, и живущих в них людей, Бауман понимает «*“постулируемого себя”, горизонт*

¹ Waters M. Globalization. N. Y., 1996.

² Цит. по: Bauman Z. Identity., P. 19.

³ Ibid., P. 24.

⁴ Ibid. P. 19.

прилагаемых мной усилий, по отношению к которому я оцениваю, осуждаю и изменяю свои действия»¹. Идентичность открывается нашему взору как нечто «изобретаемое, а не открываемое»; как цель усилий... как то, что нужно построить с нуля или выбрать из альтернативных предложений, и затем бороться за нее...»². Заметен хрупкий и всегда условный характер идентичности³. Идентифицировать себя человеку или стране означает «дать залог неизвестному будущему, которое невозможно не только контролировать, но даже на него влиять»⁴. Потеря ощущения идентичности сообщества первого типа — имеющего общую судьбу, делает идеологическое конструирование идентичностей чрезвычайно многообразным, не имеющим легитимации и отражающим частные мнения, между которыми трудно установить диалог.

В этой связи вопрос о соотношении имперского и национального самоопределения России трудно истолковать в духе нахождения некоторого интеграла. И конструктивистская работа в духе феноменологических призывов к более высокой и устойчивой повседневности или идей Баумана решается, пожалуй, Б.В. Межуевым — имперское как национальное, национальное как имперское, если отбросить все ложные и экстремистские коннотации в трактовке того и другого. Многие другие авторы также отмечают ложность дилеммы «империя — нация», показывая, что нация формировалась как империя в силу гиперконтинентальности⁵. Поскольку определение идентичности «сверху» невозможно, кто бы ни был этим верхом — власть или теоретики, и должно совпадать с самоопределением людей, персональная идентичность при решении этого вопроса имеет важное значение и не должна упускаться из виду.

Идентичность и сегодня связана с деятельностью государства, которое в реальной политике воплощает ту или иную ее трактовку, пытается совместить то или иное ее понимание на практике. Идентичность пришла к кризису не вследствие различий в дебатах по ее поводу, а в связи с грандиозными переменами в стране и мире. Политика государства должна воспринять эти перемены как вызов, на которые может быть дан ответ. И этот ответ — политика развития, а не споры в сфере идеологии идентичности.

¹ Ibid. P. 15.

² Ibid. P. 15–16.

³ Ibid. P. 16.

⁴ Ibid. P. 30.

⁵ Фурсов А. Третий Рим и Третий Рейх: третья схватка // Политический класс. 2006. № 6. С. 83–91; 2006, № 7. С. 88–97.

з) Мультикультурализм, идентичность и политика развития

Идентичность и мультикультурализм могут быть представлены как естественная самоидентичность (в первом) и разнообразие (во втором), а также как политика поддержания этих начал.

Политика идентичности является ответом на специфический вызов глобализации — усугубление конфликтов между людьми, ощущающими, что живут в глобальном мире и людьми локальной культуры. Соотношение глобального и локального у тех, кто живет глобально, не может быть описано посредством совмещения или наложения.

В настоящее время указанная проблема приобрела глобальный масштаб. Не приходится доказывать наличие многообразия обществ и культур. Многообразие последних не устраняется глобализацией. Соответственно, конфликт между людьми, мыслящими категориями глобального мира, и людьми, мыслящими локально, — это конфликт мультикультурализма и идентичности. В пределе мультикультурализм может стать идентичностью каждого, но сегодня мы далеки от этого предела.

Возможность идентичности не дана автоматически и обеспечивается определенной политикой, которую мы назовем *политикой идентичности* в отличие от *политики мультикультурализма*. Примером последней является курс У. Клинтона на остановку традиционного для США «правильного тигля» народов и на поощрение этничности и прав отдельных групп. Реально существующее культурное многообразие политически было обосновано и поощрено. Придя к власти, Дж. Буш-младший сразу же заявил о политике формирования целостной нации, восстановления «правильного тигля». Такой вариант политики идентичности не является единственным, но убедительно, на наш взгляд, свидетельствует о том, что политика играет большую роль в формировании идентичности, как прежде (у Клинтона) в восприятии этой проблемы как устаревшей.

Многообразие культур, конфессий, таким образом, не тождественно мультикультурализму или, по крайней мере, не всегда тождественно ему. «Правильный тигель» американской культуры не отменял и не отменяет многообразия, а находит для него интегрирующие рамки, делает дифференциацию и интеграцию культур взаимосвязанными процессами. То же происходит и в России. Политика идентичности в СССР не устраняла культурного многообразия. Политика мультикультурализма ельцинской России поощряла этноцентризм, ослабляя интеграционные процессы. Сегодня в России заметна тенденция к интеграции культурного многообразия.

В настоящее время указанная проблема приобрела глобальный масштаб. Не приходится доказывать наличие многообразия обществ и культур.

тур. Многообразие последних не устраняется глобализацией. Соответственно конфликт, между людьми, мыслящими категориями глобального мира, и людьми, мыслящими локально, — это конфликт мультикультурализма и идентичности. В пределе мультикультурализм может стать идентичностью каждого, но сегодня мы далеки от этого предела.

Многообразие культур является реальным состоянием общества, в котором существуют разные социальные слои, люди разного уровня образованности, различные этнические, религиозные и возрастные группы. Однако отношение к этому многообразию различно: в ряде случаев действует принцип единства многообразия, усиливающий единство или даже ограничивающий многообразие. *Предельной формой ориентации на единство является культурная унификация, осуществляемая при тоталитарных режимах с присущей им политикой подавления многообразия. В других случаях многообразие рассматривается как противостоящее единству и проводится политика мультикультурализма.*

Приведем примеры. Люди стараются не признавать за событиями 11 сентября в США культурного или цивилизационного конфликта, ибо такое признание рушит идеи мультикультурализма и мультиконфессионализма, восторжествовавшие в США и в других странах мира, в том числе и в России. Ведь Россия — страна различных в климатическом, этническом, политическом, хозяйственном отношении регионов, страна федеративного устройства, страна мультикультурная и многоконфессиональная.

В советское время над этим природным, историческим и культурным многообразием возвышалась общая социально-политическая идея строительства коммунизма. Имелись общие образовательные программы, единые административные правила и преобладающее чувство принадлежности к СССР (подтвержденное социологическими исследованиями всюду, за исключением Прибалтики). Это произошло на основании политики, в которой культура и религиозность отодвигались на второй план, на уровень местных обычаев и традиций. Подавлялись только те традиции, которые приходили в противоречие с идеологией, либо были слишком архаическими. Среди них — православие и другие религии (для смягчения ситуации религиозные праздники заменялись светскими, приуроченными к религиозным датам), отменялось и преследовалось многоженство в исламских республиках, были запрещены религиозные секты. В результате этих мер культурное своеобразие республик и регионов сохранялось, но усиливалось поддержание общего, входящего в фонд социалистической культуры. Подобную ситуацию нельзя целиком приписать коммунизму или только России. Например, при присоединении Центральной Азии к России в 60-е годы XIX века соблюдалось пра-

вило, что народы этих стран будут жить под российской короной, но будут жить по-своему.

В значительной мере этот способ взаимного сосуществования сохранился и в СССР, и в сегодняшней России. Поэтому, соблюдая законы и риторику российской политики, эти народы заполняли ее традиционным содержанием. Подпольно сохранялись и религиозность, и многоженство, и секты.

Другой пример. До прихода Клинтона к власти в США действовал механизм «плавильного тигля» и формировался «единый американский народ» при всем том, что реальное культурное разнообразие народов и рас невозможно было преодолеть. Клинтон начал политику мультикультурализма, которая отличалась от признания культурного многообразия и стремления к его интеграции тем, что ориентировала на преобладание многообразия над единством. Одной из целей такой политики было завоевание симпатий меньшинств и получение их поддержки на выборах, выделение демократической части из большинства, которая поддерживала такую политику из принципиальных убеждений, что демократия имеет место только там и тогда, где и когда обеспечены права меньшинств. В качестве основополагающего права в этом случае выступало право на культурную обособленность. Получается, что и российское, и американское общество оказалось не в состоянии справиться с многообразием культур, включить их носителей в общественный договор. Политика мультикультурализма, выдвигающая на приоритетное место не единство, а различия, на деле означает признание (достоинства, «особости») тех слоев, которые не включены в общественный договор, и при этом неспособности решения их социальных проблем, т.е. достоинства признаются, но проблемы не решаются. В США такая политика присуща демократическим партиям, ибо они стоят за меньшинство, в отличие от республиканцев, отстаивающих интересы всей нации. Таким образом, можно выделить несколько типов мультикультурализма:

– Мультикультурализм как естественное состояние, как многообразие культур, объединенное некой целостностью.

– Мультикультурализм как вуалирование раскола: российский ученый А.С. Ахиезер считает, что в России происходит культурный раскол, тогда как полемизирующий с ним англичанин А. Кене находит здесь всего лишь мультикультурализм¹.

– Мультикультурализм как следствие притока иммигрантов и появления новых культурных сред, не адаптированных к культуре целого.

¹ Ахиезер А.С. Насколько мы разные? // Неприкосновенный запас. 2002, № 6; Кене А. Насколько мы разные? // Там же.

– Мультикультурализм, достигаемый политикой, признающей особость, групповые права, «поспешную идентификацию тех или иных групп» права¹, часто ведущую к сецессиям и расколу.

Ш. Бенхабиб считает, что любой вид культурализма не объясняет сам себя, ибо определен конкретным социальным контекстом, а «массштабное отрицание мультикультурных соображений — это плохая социология»². Мультикультурализм в либеральном обществе — плата за не включение многих групп в общественный договор. Мультикультурализм воспроизводит корпоративную идентичность группового типа³.

Мы видим, что отношения народов осуществляются не в естественной, а в социополитической среде, и что взаимодействия культур также являются продуктом определенной политики. *Описанная выше политика России и США прежде всего не являлась культуралистской, т.е. целиком основанной на культурном факторе. Она была ориентирована на монокультурализм (не способный, однако, нивелировать культурное многообразие), достигаемый как побочное следствие политической интеграции и вырастающего из него принципа гражданства.* И в России, и в Америке указанная политика осуществлялась путем определенного упрощения и очищения социальных ролей от этнических, религиозных и культурных специфик: работник почты, шофер или государственный чиновник должен работать на основе общих правил, независимо от своей расовой, этнической, национальной, региональной или культурной принадлежности.

Как отмечает исследователь проблемы мультикультурализма Г. Тернборн, понятие «мультикультурализм» применяется обычно в трех контекстах. Первый — политический, в рамках которого приводятся аргументы «за» или «против» политики мультикультурализма и соответствующего способа управления, причем этим термином пользуются как сторонники, так и противники этой политики. Именно в данном контексте в Канаде в 1960-е годы и появилось это понятие. Второй контекст — эмпирический, дескриптивный либо аналитический. Он имеет место в научных трудах и в общественных дебатах, затрагивающих различные проявления культурной неоднородности общества, и наиболее тесно связан с появлением «мультикультурных обществ». Третий контекст относится к социальной и политической философии, к вопросам соци-

¹ Бенхабиб Ш. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. С. II.

² Там же. С. 135.

³ Там же. С. 57.

ального и политического порядка и прав человека в условиях неоднородности культуры того или иного общества¹.

«Нынешний интерес к проблеме мультикультурализма... связан с тем, что культурные различия в обществе, организованном в форме государства, не только не исчезают или сглаживаются, но, напротив, проявляют явные тенденции к нарастанию», — отмечает Тернборн². Новые волны иммиграции, а также политика идентичности (или различия), считает Тернборн, вызвали взрыв мультикультурализма. Политика идентичности посредством выделения особых групп устанавливала институциональное равенство и была привлекательна для меньшинств, «прежде дискриминированных, маргинализированных и часто презираемых этнических групп»³. В США и России мультикультурализм разрушал имеющиеся «плавильные тигли» и идентичность по гражданству.

¹ Терборн Г. Мультикультуральные общества // Социологическое обозрение. 2001. Том 1. № 1. С. 51–52.

² Там же. С. 51.

³ Там же.

Глава 6. Человек в экономике: пределы онтологизации

Мысль о том, что экономические теории вырабатывают некоторые модели человека в экономике, является преобладающей в отечественной экономической науке. В ряде случаев экономисты убеждены, что человек, полученный в качестве продукта их теории, должен быть реально выращен из традиционного или культурно, национально или цивилизационно специфического человека докапиталистических обществ при переходе к капитализму. То есть наряду с экспликацией модели человека из экономических теорий, в той или иной мере предполагается онтологизация этой модели, понимаемая как достижение ее на практике. Здесь мы хотели бы поставить вопрос об экспликациях модели человека из экономических теорий и о том, единственный ли это путь рассмотрения человека в экономике, о границах и принципах онтологизации.

а) Человек в экономических теориях

По мнению известного экономиста В.С. Автономова, в экономической модели представлены детерминанты и способы поведения человека. Он показывает, что «главными компонентами такой модели являются... гипотеза о мотивации или целевой функции экономической деятельности человека, гипотеза о доступной ему информации и определенное представление о физических и, главное, интеллектуальных возможностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своих целей»¹. Следуя за Автономовым, эксплицируем следующие модели человека из экономических теорий:

— идущий от А. Смита «компетентный эгоист» или «экономический человек», действующий ради собственного интереса, обладающий квалификацией и сообразительностью в достижении своего экономического интереса, а также различающийся степенью своей активности в зависимости от роли в производстве и классовой принадлежности;

¹ Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. (Очерк истории западной экономической жизни). С. 4.

— гедонист, появляющийся у Дж.С. Милля и преобладающий в концепции Дж. Бентама, в трудах которого капиталист предстает не как целеустремленный и деятельный, экономный человек, а как человек, испытывающий отвращение к труду и стремящийся к работе своих средств ради достижения наслаждения и стремления к «максимуму счастья»;

— немецкая историческая школа (Б. Гильдербрандт, К. Книс) утверждала, что человек в экономической теории — это эгоист, облагородивший это качество чувствами солидарности и справедливости;

— К. Маркс исходил из представления об общественной сущности человека, его развитии в предложенных обществом обстоятельствах и видел главными фигурами капиталистических отношений капиталиста, получающего прибавочную стоимость и экономически зависящего от него рабочего;

— моделью человека маржиналистской теории (У.С. Джевонс, К. Менгер, Л. Вальрас) был «рациональный максимизатор», рационализирующий потребление, понимаемое как обмен благ, выражаемый через денежный эквивалент. Достижение предельной рациональности рассматривалось ими как психологический мотив. Деньги, механизм обмена, превращение политической экономии в точную математическую науку отвечали этому видению;

— попытка синтеза в теории А. Маршалла — основателя неоклассического направления — приводила в результате к пониманию экономики как науки, изучающей нормальную жизнедеятельность человеческого общества, и к модели человека как обычного человека из плоти и крови, отличающегося определенным уровнем рациональности;

— согласно Дж.М. Кейнсу обладающий неполной информацией и находящийся в состоянии неопределенности экономический субъект — это человек, который для рационализации ситуации прибегает к помощи более информированного государства.¹

— У Хайека имеется предпосылка, которая в более развитом виде появляется на выходе его теории. Его модель человека — «истинный индивидуалист», который вносит свой знаниевый вклад в общую копилку знаний людей, участвующих во взаимодействии на рынке. «Истинный индивидуалист», представленный у Дж. Локка, Д. Юма, А. Смита, рождается в результате спонтанной работы общественных институтов, их самоорганизации, в которой взаимодействует множество людей и не царит предзаданный план. «Ложный индивидуалист», в отличие от этого, является, согласно Хайеку, результатом чрезмерных рациональных притязаний теорий, убеждения во всесии и всезнании человека. Он пред-

¹ Там же. С. 4–59.

ставляет собой продукт сверху возникающего порядка, имеющего конструктивистские претензии на создание особого человека. Этот тип человека восходит к физиократам, Руссо, Бентаму, Декарту¹.

б) Онтологизация модели человека в экономике

Сделаем некоторые выводы. Они состоят в том, что имплицитно присутствующая в экономических теориях та или иная модель человека мысленно конструирует различные социальные реальности. И даже «истинный индивидуалист» либерала Хайека как продукт сложившейся саморегуляции общества и рынка в неолиберальных теориях предстает как конструируемый человек.

Онтологизация теоретической модели дает разные онтологии не только экономических отношений, но и общества в целом. Процедура онтологизации всегда осуществлялась как частичная, многоступенчатая и отдающая себе отчет в неединственности стоящей за ней реальности, корректируется поиском эквивалентных описаний, ограничением сферы своего распространения.

Особенность разбираемой проблемы состоит в том, что она рассматривается в условиях изменения отношения науки и практики. Традиционное разделение эпистемы и доксы начинает исчезать. Научное знание в области социальных наук теряет свою автономность и независимость от целей применения. Черты этих изменений отмечены в ряде направлений социологии знания и социальной эпистемологии.

Так, несколько экзотические идеи социологии знания Штарнбергской группы (Германия) 1970–1980 годов о том, что цели функционирование знания влияют на его производство и что их концепт «финализация» — формирования научных теорий под влиянием внешних целей (борьбы с раком, демилитаризации, экологических задач, экономической эффективности) — характеризует не прикладное знание, а любое научное знание, в том числе фундаментальное, сегодня представляются вполне обоснованными, хотя Штарнбергская группа уже не существует. Неолиберальные экономические теории (Дж. Бьюкенена, М. Фридмана и др.) исходили из требования максимальной эффективности экономики. Их мотив наиболее ярко выразила апологетический прозелит Л. Пияшева, задавшись вопросом о том, «чьи пироги пышнее». Пироги оказывались пышнее там, где был экономический человек, и еще больше там и тогда, где и когда природа человека стала отождествляться с экономической. Используя эту концепцию, легко получить вывод, что модель «экономи-

¹ Хайек Ф. Индивидуализм истинный и ложный // В кн.: Индивидуализм и экономический порядок. С. 22–50.

ческого человека», экономического по природе и есть самая эффективная модель экономики, что не вполне согласуется с реальностью.

Важна для социальной эпистемологии концепция *полезного знания*, предложенная А. Мокиром и существующая в сегодняшних теориях «общества знания». Отмечается, что хотя человечество благодаря полезному знанию — наиболее успешный биологический вид, контролирует среду и господствует над ней, доминирующая формула «чем больше, тем лучше» принесла немало бед экономике. Знание здесь должно иметь не только утилитарную, но и автономную ценность. Эпистемологическая база может иметь автономную ценность. Иногда не имея возможности быть оцененной как правильная или неправильная, эпистемологическая база привлекательна своей широтой, дающей больше вариаций совершенствования и применения на практике полезного знания.

Победа практического разума над теоретическим делает осторожные шаги онтологизации, принятые в науке, более смелыми практическими шагами, если они поддерживаются политически и социально-технологически. Как показал В.А. Колпаков, либерализм в России мог возыметь действие только при наличии либералов у власти¹.

**в) Поиски новых моделей человека
в современных направлениях экономики:
зависимость от парадигмы**

Как показывает известный экономист, член-корреспондент РАН, заместитель директора ЦЭМИ Г.Б. Клейнер, «экономический человек» — модель неоклассики, в которой главным объектом исследования является экономический агент, а предметом исследования выступают его действия на рынке². Но неоклассика и в ней неолиберализм — не единственная парадигма экономической науки. Есть две другие.

Большое значение сегодня имеет парадигма институциональной экономики. Первый шаг в направлении к ней сделал Т. Веблен (1857–1929) в «Теория праздного класса» (1899). На рубеже столетий американский фермер понял, что должен выйти на политическую арену, чтобы защитить себя от алчности монополий. Товаров по сравнению с деньгами стало много³. Джунгли в мире бизнеса стали невероятно разрас-

¹ Колпаков В.А. Будущее капитализма в исторической ретроспективе // Политический класс. 2006, № 8. С. 75–83.

² Клейнер Г.Б. Эволюция институциональных систем. М., 2004. С. 5.

³ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 56.

таться. Экономическая эволюция была представлена как часть истории человечества. Сегодня обнаруживается сходство с этой ситуацией. Здесь «действия агентов разворачиваются не “в чистом поле” свободного рынка, а в сильно “пересеченной местности”, наполненной разнообразными институтами — организациями, правилами, традициями и т.п. Побудительными мотивами действий агентов являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента институциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов»¹. Объектом исследования становится не агент, а институт. Предмет экономической науки — отношения агентов и институтов. Появляется новая модель человека — человек институциональный².

Третья парадигма экономических исследований — эволюционная. В ее рамках «поведение агентов рассматривается в контексте факторов эволюционного характера и требует обнаружения и изучения механизмов, аналогичных механизму наследования генотипа агента, популяции агентов, общества в целом»³. Объект исследования — популяция агентов со сходным социально-экономическим генотипом. Предмет изучения — поведение агентов, исходя из наследственных и приобретаемых факторов⁴.

Можно предположить, что динамика парадигм экономического знания все больше соответствует переходу от восприятия экономики как системы хозяйства к встраиванию ее в общество и социальный порядок, чему посвящен институциональный подход, а так же к рассмотрению ее в контексте исторической эволюции той или иной общественной системы и ее хозяйственной деятельности. Выделяемые в разных парадигмах типы агентов — экономический человек, институциональный человек и человек, одновременно наследующий и приобретающий новые навыки экономического и социального поведения свидетельствуют о расширении границ персональной модернизации. Как мы уже показали, экономический человек действует в узком пространстве потребительских ожиданий и в большей степени соответствует потребительским ожиданиям не агента капиталистических отношений, а персонажа, заполняющего пустоту досуга потреблением. Здесь минимальная рациона-

¹ Клейнер Г.Б. Там же.

² См. так же: Номо Institutus. Человек институциональный / Под. ред. О.В. Иншакова. 2005; Быченков В.М. Институты. Сверхколлективные образования и безличные формы социальной субъектности. М., 1996.

³ Клейнер Г.Б. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 5.

лизация поведения. Реальные же агенты экономических отношений могут ставить не только экономические, но и творческие задачи, ориентироваться не на этику успеха, а на этику дела и ответственности, хотя, конечно, эпоха посткоммунистического грядущества породила «новых русских» и прочих «новых» часто в облике не столько экономического (рационального) человека, сколько в человека эгоистического, алчного, некультурного, неумеренного. По прошествии времен они стали либо исчезать, не выдержав конкуренции более рациональных производителей, либо эволюционировать в сторону большей рациональности.

Сравнивая «человека экономического» и «человека институционального», Г.Б. Клейнер отмечает направленность целей первой группы на максимизацию материальных благ, а второй — на упрочение своего положения и статуса в обществе. Но акторы капиталистического производства в своей реальности могут становиться экономическими людьми, только если они, работая за прибыль, живут ради прибыли, а будучи ориентированы на максимум потребления, в том числе и символического престижного, живут ради этого потребления. Кроме того, «экономический человек» становится реальным продуктом неолиберальной политики, ее социальных технологий, полностью реализуясь в материальной сфере и сфере рынка, ограничивая при этом не только себя, но и эти сферы. Такая замкнутость экономической среды противоречит целям ее собственного развития. Работая на прибыль, можно однако не жить прибылью, равно как работая за деньги, не жить ради денег.

Бюрократический человек может быть обнаружен за пределами госслужбы так же, как «экономический человек» за пределами экономической деятельности в потребительской массе, а «институциональный» — за пределами статусных отношений. Экспликация некоторого частного человека из экономической теории как правило достаточно легко осуществима. Задача может стоять о построении экономической теории на основе понимания природы человека или, как у Смита, использования обществом людей с наилучшими качествами в лучших целях.

Бюрократ — это человек, которого интересует не дело, не его суть, а формальная правильность. Ведь он никогда не обсуждает дело, а только процедуры. Словом, он из тех, кто живет в реальности правил, формуляров, правильного. Спросишь или скажешь ему что-нибудь человеческое, он и растерялся. Не зря наш бюрократ, т.е. чиновник, бюрократов — то у нас нет, взятки берет: человеком хочет остаться. Вот в чем суть.

Но ведь и «экономический человек» в большей мере существует в потребительской массе, чем в экономике. А «рациональный максимизатор» может о маржинализме даже не знать. Названы те модели человека экономических теорий, которые являются их же предпосылками.

Стремясь к положению в обществе и статусу, можно быть институциональным человеком, живущим этим статусом, а можно не быть им, стремясь к статусу как рациональному средству осуществления иных целей, например творческих, социально-преобразующих, дающих новые степени свободы, экономических, позволяющих больше сделать, и, следовательно, не быть «институциональным человеком».

***г) Экспликация моделей человека в экономике
из неэкономических теорий и междисциплинарный синтез
представлений о человеке в экономике***

Выше было показано, что модели человека в экономике нередко предстают в форме предпосылочного знания, полученного в других дисциплинах, и уточняются в экономических теориях. Это приводит к опасению, что концепция экспликации моделей человека из экономических теорий, разделяемая такими известными экономистами, как Автономов и Клейнер, не использует идеи предпосылочного знания, в качестве которого может быть взята модель человека. Некоторые исследователи приходят к выводу, что в определенной цепи исследовательских попыток, включающих этику, моральную философию и экономику, теория основывается на определенном образе человека, выступающим как цель экономики и обладающим ответственностью акторе. Некоторые экономисты признают это. Так, А.В. Полетаев отмечает, что экономическая теория «не может обойтись без “рабочей модели человека”, т.е. определенных допущений том, как люди ведут себя в процессе экономической деятельности»¹, или что существуют «основные теоретические модели человека, на которые опираются современные экономические социальные исследования»². Возникает вопрос: кто строит такие модели для экономики и социальных исследований?

Иногда они эксплицируются из тех или иных социальных теорий, давая новый повод к рассмотрению модели человека в экономике. Как отмечает Полетаев, эти модели могут быть жестко построены в самой экономике или в социальных исследованиях, но чаще они — результат междисциплинарного синтеза. (Заметим в скобках, что это изменение места представлений о человеке не как эксплицированном из теории, а как предпосланном ей, не вносит изменений в самое понимание модели человека. Последняя в любом случае трактуется как условный аналог

¹ Полетаев А.В. Модель человека для экономического анализа // Thesis. Мир человека. 1993, № 3. С. 9.

² Полетаев А.В. Вступление // Указ. соч. С. 7.

реальных процессов). Классическим примером выработки модели человека является историко-социологическое исследование М. Вебера о формировании духа капитализма, где полученная в социологии модель человека переносится в экономику.

— Согласно М. Веберу, генезис капитализма был обеспечен рутинизацией идей протестантской секты, искавшей пути спасения в условиях разрушения правил средневековой жизни. Человек, рутинизировавший протестантскую идею, мог раньше жить, подобно протестанту, а теперь уверовал в правильность своего пути. *Модель такого человека — следование трудовой аскезе, бережливости, скромности и нахождение в своих материальных успехах признака угодности Богу.* Однако, как отмечает Б. Селигмен, «если бы социальные учения Реформации действительно строго применялись, то это затормозило бы развитие капитализма, к чему быть может, Лютер и стремился, ибо он рассматривал торговлю как возвращение к язычеству»¹. У Кальвина принимались и получали одобрение все современные формы хозяйственной деятельности, успешность которой была признаком религиозной добродетели. Однако Селигмен согласен со специалистом по экономической этике Р.Х. Тони (1880–1962), считавшим, что не столько религия удерживала строгие нормы протестантских стран, сколько «жадность городов Северной Италии была главным фактором усиления строгих нравственных правил в Швейцарии и Германии»².

— Другим случаем формирования модели человека в социологической теории была более адекватная истории капитализма в католических странах — концепция Дюркгейма и влияние учения Фомы Аквинского на трансценденцию реально сложившихся экономических отношений. Этот путь, по существу, показал, что рутинизация харизматических идей как способ проникновения этики в капиталистическую экономику и капиталистическое общество в ходе его генезиса — случай уникальный.

— Гораздо более распространенной является ситуация стихийного складывания капиталистической экономики и попытка поднять, трансцендировать ее до некоторых религиозно-этических идей. Возможно, такой способ исторически сложился в капитализме католических стран. Ведь капитализм на Западе возник не только в протестантских странах, но и в католических. Обычно капитализм в католических странах Запады объясняется не из концепции Вебера, а из открытий Эмиля Дюркгейма — разделения труда, рационализации, органической солидарности. Оче-

¹ Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. С. 54.

² Там же.

видно также влияние опыта протестантских стран на католические в плане приобретения обществом относительной самостоятельности от государства. Но этический источник скорее всего — Фома Аквинский. Такие черты его учения, как богоподобие человека, естественный закон тождества божественного и человеческого, рассуждения о приемлемом и неприемлемом в финансовой деятельности, признание роли государства в достижении общего блага, порядка и рациональности, тождества сущего и блага, морального добра как меры, снятия противоречий, порочных склонностей сыграли роль в становлении этики при формировании капитализма в католических странах Запада. Главное здесь рациональность и мера как принципы этики. *Человек в экономике здесь рационален, подчинен разделению труда.* Исторически встраиваясь в культуру этих стран через католицизм, учение Фомы Аквинского подготовило в католических странах почву для капитализма. И все же капитализму католик сопротивлялся как дисциплине, порядку, твердому заданию. Поэтому протестантские страны остаются более успешными, чем католические, в экономике.

Следовательно, онтологические воплощения человека из моделей экономических теорий могут быть разными, в том числе и противоречащими самим этим моделям, опирающимися на модели человека других социальных наук.

Однако в любом случае заявленная в них функциональность, частичность, ставит вопрос: как человеку в ходе персональной модернизации, особенно экономической, не потерять свою универсальную сущность.

Этому способствуют три процесса: межпарадигмальный синтез, приводящий к модели более целостного человека; пересмотр перспектив капиталистических отношений и появление неокapиталистических теорий, в частности связанных с иным прочтением Смита, введением понятий внеэкономического капитала; осознание роли идеальных факторов в экономическом развитии и тем более в развитии человека.

А.В. Полетаев указывает на три модели синтеза, которые существуют в публикуемых им статьях¹:

— Герберт Саймон (США). Применяет модель рационального принятия решений. Максимизация полезности заменена здесь достижением приемлемого результата.

¹ Полетаев А.В. Предисловие // Thesis. Мир человека. 1993, № 3. С. 7–8; Саймон Г. А. Рациональность как процесс и продукт мышления // Там же. С. 16–38; Эльстер Ю. Социальные нормы и экономическая теория // Там же. С. 73–91; Вайзе П. Homo Economics и Homo Sociologicus: монстры социальных наук // Там же. С. 115–130.

— Юн Эльстер (Норвегия). Предлагает модель взаимного обеспечения норм и интересов, рассматриваемых как в экономике, так и в обществе. Анализ таких действующих там, и там норм связан с таким набором понятий, как зависть и честь.

— Петер Вайзе (Германия). Считает социальные нормы и рынок координирующими механизмами. «Экономический человек» и «социологический человек» представляются ему монстрами социальных наук. Действительно, «экономический человек», которого можно обнаружить лишь в одной экономической теории — нелиберализме полностью «очищен» от социокультурных политических характеристик, от моральных императивов и по существу является некой упрощенной экономической машиной, максимизирующей монизм которой обеспечивает в этой теории экономический успех. Социоэкономический человек как модель человека в социальных науках отличается подобным же упрощением.

Глава 7. Новые концепты и реалии Третьей современности

Третья современность, преодолев предшествующие реконвенционализации, начала складываться в направлениях, резко отличающих ее от Первой и Второй. Ни как Первая либеральная, несмотря на вторую глобализацию (победу либерализма в глобальном масштабе), но, как оказалось, — отсутствие стремления к нему многих новых лидеров развития в Азии и в посткоммунистических странах. Ни как Вторая — организованная современность. У нее появились новые особенности и, как следствие, новые концепты, которые мы и рассмотрим в этом разделе.

а) «Общество знания» и «экономика знания»

Переход Запада в постиндустриальную стадию существенно расширил применение терминов «информация» и «знание» для описания общества и экономики. Появились термины «общество знания», «сообщество знания», «экономика знания». В совокупности в их описание включаются рост производства и значимости знания, инноваций, революция в инструментах получения знания, ускоренное изменение роли знаний в экономике, в том числе рост математических методов, расшифровка «черного ящика» знания, включающая разделение знания и информации, кодификацию знания. Формируются «сообщества знания», роль которых в обществе непрерывно растет, превращая их в «общества знания», а экономику — в «экономику знания»¹. Мы не беремся здесь обсуждать, в какой мере речь идет о качественных, в какой о количественных сдвигах в роли знания в экономике и обществе. В данном контексте важно лишь отметить, что роль знания в экономике и в обществе постоянно имела место и находила разное концептуальное выражение.

критический анализ теорий, объясняющих «общество знания»

В современных теориях информационного общества просматривается большое разнообразие в подходах к его определению. Классификацию

¹ David P.A., Foray D. Economic Fundamentals of the Knowledge Society.

точек зрения обобщил английский исследователь Ф. Уэбстер в работе «Теории информационного общества»¹. Им рассмотрено толкования Д. Беллом, М. Кастельсом, Г. Шиллером, Ю. Хабермасом, Э. Гидденсом, Ж. Бодрийяром, З. Бауманом, дающее спектр характеристик нового состояния Запада. Этот спектр включает следующие трактовки: постиндустриальное общество (Д. Белл), постфордизм и информационная инфраструктура (Р. Райх), информационный капитализм и сетевое предпринимательство (М. Кастельс), корпоративный и потребительский капитализм (Г. Шиллер), управление с помощью информации (Ю. Хабермас), общество организации, наблюдения и контроля (Э. Гидденс), общество потребления, в том числе информационного (Ж. Бодрийяр), индивидуализированное общество (З. Бауман). Они не выступают как альтернативные, а раскрывают многообразие черт нового типа общества. В его интегральной оценке научные и технологические инновации рассматриваются как распространяемая и используемая информация. *Исходя из наличия такого источника информации, как знание, возникает тенденция считать термин «общество знания» тождественным термину «информационное общество» и раскрывающим главные источники производства и распространения информации.* Концепция «общества знания» содержит аргументацию, что процессы глобализации стали возможными в связи с возрастанием роли знания в обществе, что они поддерживаются и опосредуются возникновением общества знания. Это значит, что они есть следствие определенных проектов и программ и не возникают только посредством стихийно разворачивающихся процессов.

Есть более радикальная точка зрения. Неудовлетворенный неопределенностью приставки «пост» в термине «постиндустриальное общество», хотя и отдающий дань попытке Д. Белла зафиксировать изменения в ряде развитых индустриальных стран мира, таких, как США, страны Западной Европы, Япония, СССР и др., известный канадский социолог Н. Штер настаивает на том, что *термин «постиндустриальное общество» должен быть заменен термином «общество знание»*². Он ссылается на ранее им опубликованную совместно с лидером немецкой школы социологии знания, называемой Штарнбергской группой, Г. Беме работу 1984 года, где ими уже высказывались сходные идеи. При этом прежние употребления термина «общество знания» как общества, в котором знание особо значимо (Р. Лейн, 1966), где знание имеет центральное зна-

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004.; Ster N. Knowledge Society. P. 42–90.

² Ster N. Op. cit. P. 42–90.

чение для общества и становится основанием экономики (П. Дракер, 1969), несколько отличаются от того, что понимает под обществом знания Штер. Это общество, в котором преодолено различие дискурсов науки, технологии, культуры и социума. Сформулирована новая концепция социологии знания, суть которой — принципиальное отсутствие различия социальных и естественных наук. Центральным положением концепции Штарнбергской группы явилось то, что фундаментальные науки о природе завершили свои открытия, и естествознание стало развиваться под влиянием внешних целей: борьбы с раком, экологической безопасности, предотвращения угрозы войны и др. Поэтому естествознание трактовалось как столь же социально обусловленное и зависящее от субъекта, как и обществознание. В свою очередь социальные процессы рассматривались как следствие применения социальных наук. Именно последнюю линию и развивает Штер.

В центре его внимания — роль научного знания в процессах модернизации и переходе к постиндустриальному обществу, в процессах глобализации. Хотя с нашей точки зрения, преодолено это особым образом, с одновременным увеличением фрагментации общества, разделении его сфер, о чем пойдет речь ниже, согласимся пока с этим предположением. *Штер видит в обществе знания новую социальную реальность, которую он описывает множеством черт, таких, как превращение социологии знания просто в социологию, рост значения фундаментальной науки как непосредственной производительной силы, возрастание роли знания в качестве основания индивидуальных и коллективных действий, появление политической экономики знания, производство знания, связь знания и информации, повышение статуса экспертов и экспертных групп и пр.*¹

Можно сделать следующие выводы относительно понимания в литературе информационного общества, или «общества знания»:

— возникновение информационного общества или общества знания происходит в самом конце XX века на Западе в ходе непрерывной эволюции индустриальных обществ;

— подобным обществам глубоко присуща зависимость от научного знания и технологических инноваций;

— развитие новых технологий — компьютерных и информационных — имеет огромное значение для понимания природы информационных обществ или обществ знания.

И Штер, и Уэбстер подчеркивают все увеличивающееся значение инноваций во всех сферах жизни такого общества. Уэбстер выделяет пять критериев «идентификации новизны» в обществе, обращая внима-

¹ Ibid. P. X.

ние на дифференциацию сфер общества и пронизанность каждой из них знанием. Эти критерии: технологический; экономический; социологический (изменение сферы занятости); пространственный (сетевая организация субъектов деятельности и коммуникации); культурологический¹. Кратко охарактеризуем их:

Технологический критерий. Попытки определить информационное общество, или «общество знания» через получившие распространение в конце XX века новые технологии, посредством которых заметно видоизменилась продуктивная и коммуникативная жизнедеятельность общества, кажутся наиболее очевидными. Речь идет о компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологиях. Известный американский футуролог Э. Тоффлер в конце 1980-х годов предположил, что волна технологических инноваций — на сей раз информационных, поднимет страны, овладевшие ее энергией, на новую ступень социальной организации и качественно изменит жизнь их граждан². Любимой метафорой технократически мыслящих социальных теретиков стало понимание силы воздействия новых технологий как тихой, невидимой, мягкой, но меняющей весь социально-политический мир³. Уэбстер в этой связи отмечает, что в 90-х годах были предприняты серьезные попытки разработать теоретические основания «техноэкономической парадигмы» с использованием идей Й. Шумпетера и Н. Кондратьева⁴. Однако технологический детерминизм в качестве основополагающей причины социальных изменений вызвал серьезные возражения прежде всего в связи с жестким разделением всех сфер жизни общества — социальной, экономической, политической и культурной — при явном приоритете роли техники. Появилось много исследований, в которых обосновывалась прямо противоположная зависимость техники и от ценностей социума, и от его политических институтов. В конечном счете было признано, что технологический критерий, хоть и обладает наглядной очевидностью, в теоретическом плане предстает наиболее слабым, ибо оставляет совершенно не проясненным вопрос, почему техническую оснащен-

¹ Уэбстер Ф. Указю соч. С. 14.

² Toffler A. The Third Wave. Collins. 1980.

³ Мир не подозревает, что прогресс в телекоммуникациях, в развитии Интернета и информационных технологий, несет ему новый порядок, бросает новые вызовы, от решения которых зависит их будущее. Рассуждения такого рода весьма многочисленны. См., например: Friedman T. The World Is Flat. N.Y., 2006.

⁴ Уэбстер Ф. Указ соч. С. 16.

ность общества можно рассматривать в качестве критерия его социальной, культурной и политической организации.

Экономический критерий. Экономистами были предприняты серьезные попытки разобраться с информационными процессами в экономической сфере общества. Дело в том, что до появления работ американского экономиста Ф. Махлупа все методики учета национально потребляемых и производимых благ не принимали во внимание информационную составляющую. Махлуп, а позднее М. Порат впервые определили и выделили информационные сектора и отрасли. Количественные методики, разработанные Поратом, позволили ему утверждать, что Америка является информационным обществом, поскольку более половины всей продукции производится информационным сектором экономики¹. Количественные критерии Махлупа и Пората были подвергнуты критике за их произвольность и имплицитно оценочный характер. Однако в теоретическом плане это направление исследований оказало большое воздействие не только на экономистов, которые продолжили поиски критериев для учета потребляемых в обществе благ и определения на их основе параметров государственной экономики, но и изменили представление о роли интеллектуального труда в обществе. Впервые интеллектуальный труд — «думание» — стал предметом пристального теоретического анализа. Однако теоретического инструментария экономистов оказалось явно недостаточно для решения этой проблемы.

Социологический критерий характеризовал «общество знания» с точки зрения изменения сферы занятости, вытеснения простого и машинного труда информационными технологиями, специалистами в сфере менеджмента и управления, ростом занятых в интеллектуальном труде работников. Наиболее интересна в этом плане концепция Д. Белла². Он рассмотрел постиндустриальное общество, основываясь на социологи-

¹ В работе *Иноземцева В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2003 приведен большой фактический материал и дан обстоятельный анализ «информационной фазы» в развитии экономики США.

² *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 2004. Развернутый анализ концепции Д. Белла дан В.Л. Иноземцевым в Предисловие к вышеуказанной работе. Этой теме посвящена также другая работа этого автора. См.: Постиндустриальное хозяйство и «постиндустриальное общество»: к проблеме социальных тенденций XXI века // *Иноземцев В.Л.* На рубеже эпох. Экономические тенденции и их неэкономические следствия. М., 2007. С. 344–371.

ческих критериях, таких как увеличение доли занятости в сервисной экономике, в образовании, в сферах производства и внедрения научных знаний. Он фиксирует возросшую роль университетов и исследовательских институтов в обществе, предпринимаемые государством меры по организации науки, контроль и планирование социальных процессов. И наоборот, доля людей, вовлеченных в процессы машинного, индустриального труда неуклонно падает в обществе знания. Поскольку талант, изобретательность и творческие способности становятся ключом к успеху в обществе, формируется новая элита «творческих работников», чья ценности и чей язык начинают транслироваться для общества в целом.

Пространственный критерий характеризует в «обществе знания» новые формы организации производственной деятельности — сетевые структуры, аутсорсинг, инсорсинг.

Распространение информационных технологий привело к возникновению нового явления — глобальной информационной сети, которая дает принципиально новые возможности для коммуникаций и производственной деятельности. Появляются сетевые структуры, фирмы используют аутсорсинг для привлечения работников, находящихся в других странах. Происходит своеобразное «выравнивание» иерархических структур посредством организации их деятельности по сетевому принципу, делающему сеть важнее ее звеньев. Сетевые сообщества возникают на основе общих задач или общего проекта, не обязательно коммерческого, и включают в себя новую форму — виртуальную социальную организацию. Так, наряду с привычными представлениями о пространстве и времени, появляются «электронные супермагистрали», меняющие взгляд на пространство и время.

Культурологический критерий показывает возвышение науки и технологий, продолжающееся ныне следование прежним ценностям технологической парадигмы в обществах Запада, хотя он перевел индустриальные производства и добычу ресурсов в другие страны. Культурологический критерий подчеркивает *медианазгруженность* современных обществ. Информационная среда оказывает на людей гораздо большее давление, чем это было ранее. Ж. Бодрийяр и целый ряд других французских философов показали, что человек сегодня атакован знаками, и сам является носителем знаков, которыми выступают его тело, одежда, вещи, жилище. Информационно-знаковое потребление стало заметной частью потребления вообще, а знаки образуют гиперреальность. Они диктуют наборы значений, лишая потребителя необходимости и даже возможности опираться на свой чувственный опыт и собственный разум.

Вместе с тем рассмотренное многообразие подходов позволяет лучше увидеть частности и детали, чем всю картину в целом. Представляется,

что предложенные В.С. Степиным 1) *теория философско-антропологических предпосылок анализа общества* и развиваемая им же 2) *концепция техногенной цивилизации*, рассмотренные в предыдущих разделах книги, могут служить более адекватным теоретическим инструментарием философского анализа как «общества знания», так и интересующей нас проблемы трансформации ценностей культуры в «обществе знания».

Прежде всего, эти теории Степина позволяют задать ряд вопросов:

— Принадлежит ли информационное общество, или «общество знания» к техногенной цивилизации?

— В какой мере информационное общество, или «общество знания», есть качественный скачок в сравнении с индустриальным обществом?

— Каково влияние антропологических факторов?

— Какова динамика ценностей в «обществе знания»?

Ответы на эти вопросы весьма своевременны в связи с растущей проблемой кризиса ценностей техногенной цивилизации.

ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ НАУК И НОВАЯ РОЛЬ ЗНАНИЯ

К. Маркс предвидел технологическое применение фундаментальных наук, нашедшее выражение в НТР 1970-х годов. Как уже отмечалось, паровая машина была изобретена без термодинамики, а летательные аппараты без аэродинамики вследствие саморазвития техники; но атомная энергетика могла появиться лишь на основе применения ядерной физики, а полеты в космос — на основе расчета космических скоростей и пр. А. Шюц феноменологически исследовал повседневное знание и показал его значимость в социальном конструировании реальности, в учете различий жизненных миров. Дж.М. Кейнс считал, что частичность знаний каждого человека пополняется более осведомленным государством. Он считал индивидуализм проигравшим экономическое соревнование и полагал, что сознательное управление денежным обращением со стороны государства выражает коллективную волю и коллективный разум.

Хайек относится к рынку как к эпистемологической проблеме, сравнивая рынок и науку (институциональный план) и применяя к рынку концепцию рассеянного знания (он считал ее своим открытием). Рассеянное знание — это разным образом распределенное среди людей и качественно различное знание: абстрактное — конкретное, кратковременное — долговременное, своевременное — несвоевременное, локальное — общее, явное — неявное¹. Подобно разделению труда Дюркгейма,

¹ См.: Хайек Ф. Экономическая теория и знание // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 51–71.

ставшему основой органической солидарности капиталистических обществ в отличие от механической солидарности традиционных, рассеивание (разделение и распределение знаний), употребляя дюркгеймовский термин, создает на рынке нечто подобное органической солидарности. Хотя Хайек был против натуралистической парадигмы¹, рассеянное знание создает органическую солидарность рынка, делает рынок самоорганизованным и в какой-то мере квазиприродным процессом. Хайек — либерал, а не неолиберал, и смысл рынка для него не в свободной торговле, а в установлении спонтанного порядка (как у Смита), но в отличие от последнего — порядка, основанного на взаимодействии знаний локальных, явных, неявных, частичных и, может быть, где-то в пределе абстрактных. Рассуждая об этом знании, Хайек методологически разделяет уровни знания — эмпирическое, модельное, предпосылочное, теоретического обобщения, картины мира, теоретическое.

Хайек заложил основы экономики знания, увидев именно в распределении знания, в рассеянном знании характерное для рынка разделение, подобное разделению труда. Хайек разъясняет, о каком знании он говорит: человеку «не требуется знать ... о самих событиях. Ни обо *всех* их последствиях. Для него не важно, *почему* сейчас спрос на один размер болтов больше, чем на другой, *почему* бумажные мешки раздобыть легче, чем брезентовые... Сравнительная важность отдельных вещей — вот что его всегда волнует...»². Это знание проникает в человека через цены, формируя игру совместных действий, создающих динамическое равновесие как своего рода самоорганизацию. Механизм цен для Хайека — это механизм знания и передачи информации. «По сути, в системе, где наше знание значимых фактов расплывлено, цены могут координировать разрозненные действия различных лиц так же, как субъективные ценности помогают индивиду координировать части его плана»³.

Идеальные модели

хайековской «экономики знания»

и «общества знания»,

еще не употребляющего эти термины, —

«совершенный рынок» и «совершенное знание».

---

¹ Хайек Ф. Факты общественных наук // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок. С. 72–88.

² Там же. С. 95.

³ Там же. С. 96.

Здесь живет человек в экономике, которого можно назвать «экономическим человеком»: «Похоже, скелет в нашем шкафу — «экономический человек», которого мы изгоняли постом и молитвой, — вернулся через черный вход квазисведующего индивида»¹. Но это не «экономический человек» неолибералов — жадный и рациональный одиночка, устремленный к максимуму удовлетворений при минимизации издержек. «Экономический человек» предстает тут не в грубой форме неолиберальной схемы, а скорее похожим на того, кого эксплицировал А. Смит, — как взаимодействующий с другими в достижении своего и общего интереса индивид. В совокупности описание общества знания и экономики знания включают рост производства и значимости знания, инноваций, революции в инструментах получения знания.

Важно отметить, что роль знания в экономике и в обществе постоянно имела место и находила разное концептуальное выражение. Термин «общество знания» мог бы появиться и раньше для отображения огромной роли науки в обществе. Собственно, западный культурно-исторический тип, говоря словами русского историка Н.Я. Данилевского, состоял в том, чтобы сделать знание и познание ведущим феноменом всей культуры Запада.

Эпоха Просвещения возвела знание в источник добродетелей, считая, что человек знающий будет неизбежно моральным, что сознание человека — чистая доска, на которой можно писать любые узоры. Наука стала источником легитимации социальных изменений. Эту функцию она заслужила, поскольку от нее ожидали большой эффективности в применении.

Наука и техника, пройдя ряд научных и технологических революций, увеличили свое влияние на производство социальных инноваций.

Философские учения, наука и идеологии предлагали инновационные пути развития обществ. Научно-технической революции мир обязан переходом Запада из индустриальной фазы развития в постиндустриальное информационное общество, перемещению индустриальных центров в Азию — процессам, глубоко инновационным и многое меняющим.

Возросла роль проектной деятельности в обществе.²

П. Бергер и Т. Лукман предложили метод социального конструирования реальности, состоящий в изменении сознания людей посредством ряда конкретных процедур, связанных с внедрением нового мышления

¹ Хайек Ф. Экономическая теория и знание // Хайек Ф. Там же. С. 51.

² Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций / Отв. ред. В.М. Розов. М., 2008.

в повседневную жизнь: типизации (разделения предметов действительности на классы опыта — «горячее — холодное», «плохое — хорошее», «друзья — враги» и пр.), хабитуализации (опривычивания), институционализации (закрепления в коллективных представлениях) и легитимации результата (его передачи новым поколениям).

Дисциплинарная структура социально-гуманитарных наук, на первый взгляд, представляющаяся вечной, является в действительности результатом сложившихся социальных условий реализации либерального проекта в западном обществе, при котором обособливаются его различные сферы — социальная, сфера государства и сфера экономики. В настоящее время возрастает междисциплинарность, состоящая прежде всего в том, что почти любая проблема социально-гуманитарных наук решается посредством привлечения методов не одной, а нескольких социально-гуманитарных наук и не путем обособления в своей сфере, а посредством анализа ее места в обществе в целом. В. Казютинский и В.С. Степин назвали этот процесс междисциплинарным синтезом. Позже их идеи были применены И.Т. Касавиным, В.А. Колпаковым, В.Г. Федотовой и др. На Западе эти идеи развивает особенно активно известный социолог И. Валлерстайн. Междисциплинарный синтез сам по себе является инновационным процессом, вносящим изменения в науку и способы ее применения, в социальную сферу.

Ориентация на целостность анализа, на междисциплинарность, на постнеклассичность истины, предполагающую смену ракурсов интерпретации, на одновременное взаимокорректирующее применение натуралистической и антинатуралистической исследовательских программ создает предпосылки для активного участия ученых в экспертизах социальных проектов и программ. Особую роль играют независимые научные экспертизы, проводимые незаинтересованными специалистами и практиками, ориентированными на выявление рисков принимаемых решений и проектов, на усиление взаимодействия властных, управляющих и знаниевых факторов.

«ЭКОНОМИКА ЗНАНИЯ»

Как уже отмечалось, термин «экономика знания» характеризует ускоренное изменение роли знаний в экономике сегодня, в том числе большее применение математических методов, включающую разделение знания и информации, кодификацию знания, *поддержку высокого процента знаниевого вклада в производимый продукт, в «обществах знания» превышающего физические усилия и значимость машин.*

В экономических теориях, социально-философских и эпистемологических исследованиях уделяется чрезвычайно малое внимание кон-

ституирующей роли знания в экономике в предшествующий период. Между тем А. Смит применил к исследованию экономики ньютоновскую парадигму, и соединил свою моральную философию с объективными законами экономической деятельности. В работах крупных экономистов, таких, как Дж.М. Кейнс и Ф. Хайек экономика является не столько продуктом деятельности государства или рынка, сколько дериватом знания. Само предпочтение государства или рынка в их концепциях обосновывается наилучшим применением знания.

Однако всегдашняя зависимость экономики от знания еще не приводила к термину «экономика знания», возникшему сегодня. Существенную роль сыграл в этом Интернет, информационные сети. *Благодаря Интернету массы людей за пределами традиционных иерархий могут внести инновации в производство идей, благ и сервиса.*

Исследователи вопроса отмечают не только позитивные черты этой новой свободы, но и возможные негативные следствия. *Интернет рассматривается как социальное производство, преобразующее рынок и открывающее новые возможности увеличения индивидуальной свободы, культурных различий, различий в политических идеях и в понимании справедливости.* Результат не может быть однозначно позитивным: сети могут быть использованы террористическими и криминальными организациями. Бестселлером является книга американского автора Е. Венклера, который считает, что Интернет влияет на трансформацию рынка и свободы, индустриальной информационной экономики и в этом столетии угрожает сети информационного окружения.

Будучи признан автором социальной теории Интернета и информационной экономики, он описывает, как меняются образы информации, знания и культурной продукции, что способствует либо ограничению, либо расширению возможностей людей. Он говорит о необходимости юридических ограничений в сфере информации.

В книге описаны изменения, которые касаются производства и распространения идей и созданию нового окружения (среды). Используя философские, экономические и политические теории, автор показывает пути, которые сделают это благоприятным, а не негативным.

Интернет, по его мнению, не способен стать новым общим методом для производства благ, имея в виду культуру и публичную жизнь. Но он способствует новой политэкономии мировой сети, позволяет распространить инновации, превратить их в софтвер и патенты. Возможны разные стратегии использования информационного продукта сети¹.

¹ Benkler Y. The Wealth of Networks. How Social Production Transforms Market and Freedom. New Haven and L. 2006.

б) Социальный порядок и экономика

Подобно описанной выше оценке Вебером Первой русской революции как экономизма, в посткоммунистической революции 90-х реформаторы верили, что социальный порядок творится невидимой рукой рынка. Эта мысль далека от идей Адама Смита, писавшего не только о богатстве народов, но и об их нравах. Она далека от модернизационных теорий, вовлекающих в процесс изменения базовые параметры общества. Она далека даже от теорий догоняющей модернизации, имеющих естественные пределы, состоящие в невозможности догнать западное общество, которое само находится в стадии изменений (подтверждение этому — активный демодернизационный процесс в посткоммунистической России — деиндустриализация без вхождения в информационное общество, натурализация хозяйства, ориентация на низкотехнологичный бизнес, архаизация жизни). Она далека даже от такой теории, как транзитология, которая ставит упрощенные задачи модернизации, сводя их к двум параметрам — демократии и рынку. Подмена демократии свободой воли в ельцинский период, периферийность её задач в сравнении с рынком, сохраняющаяся и сегодня вера в то, что подъём экономики выращивает демократический порядок, — неолиберальное кредо, результаты которого в плане анализов социальных последствий изучены лишь поверхностно. Действительно, демократии нужна поддержка среднего класса, что обеспечивается его определенным процветанием, вызывающим желание сохранить статус-кво. В нищей стране демократия невозможна. Никакой экономический рост не обеспечивает демократию автоматически.

В социальном мире «островной» характер порядка на фоне множества неупорядоченных явлений — аксиома. Между типами порядков, которые можно обозначить как *тоталитарный* и *демократический*, существует «ничейная земля» плохо сформированных социальных структур, воспринимаемых часто как беспорядок, отсутствие порядка, при котором, однако, общество достаточно долго существует и функционирует. Эта «ничейная земля» должна быть проанализирована с точки зрения тех *промежуточных типов порядка*, которые размещаются на ней, ибо, если бы речь шла о полном отсутствии порядка, о хаосе, общество не могло бы прибывать в нём в течение продолжительного времени. Важно заметить, что тип порядка, характеризуемый как тоталитарный или как демократический, также поддается многообразию трактовок¹.

Другим различием порядков является понимание *источников его становления*. Согласно Парсонсу, порядок не осуществим без воспроиз-

¹ См.: Munch R. Understanding Modernity. Toward the New Perspective going beyond Durkheim and Weber.

водства и сохранения культурного образца. Он имеет иерархический восходящий характер, связанный с вертикальной интеграцией основных проблем, решаемых любой социальной системой. Феноменологическая парадигма рассматривает порядок как растущий снизу из взаимодействия воли, представлений и правил игры. Есть новая тенденция рассмотрения упрощённых формально-рациональных схем порядка с горизонтальной интеграцией, построенной на основе предельной эффективности, калькулируемости — любви к количественной исчисляемости успеха, таланта, прогресса и всего остального, предсказуемости — привычности поведения в отличие от смутных времён и контроля (вышеупомянутая «макдональдизация»¹). Синергетики говорят о сетевом, самоорганизующемся порядке, переплетающемся с хаосом, и в этом отношении их методология может быть успешно применена для анализа смены порядков.

На «ничейной земле», где воспроизводятся порядки низшего уровня, мы выделяем два типа порядка — анархический и апатический, а также тенденции появления нового типа порядка низшего уровня, который мы назовем формально-рациональным (по типу «макдональдизации»).

Тем не менее «экономизм» удерживает свои позиции. В самой экономической науке возникла идея о преобладающей роли экономики в обществе. Экономическая рациональность отождествлялась с рациональностью вообще, так как везде присутствует логика выбора, постановки целей, поиска средств и пр. Социальный порядок стал трактоваться как продукт экономической деятельности, в то время как на деле он производится социальными и политическими преобразованиями и лишь обслуживается экономикой. Рынок сам по себе не обеспечивает социализации. «Рыночный механизм переворачивает тот факт, что капитализм является социальным порядком и что рыночный механизм не является единственным... Витальная для капитализма историческая миссия аккумуляции... не вырастает из рыночного рассмотрения. Она исходит из примордиального порыва иерархии, правил, славы, престижа, о которых рыночная система ничего не знает»².

Ряд ученых правомерно показывают, что неспособность экономической науки объяснить новые реальности и является признаком её

¹ См.: Ritzer G. *Macdonaldization of Society. An Investigation into a Changing Character of Contemporary Social Life.* Thousand Oaks, L., N.Y. 1996.

² См.: Heilbroner R. *Economics as Universal Sciences // Social Research An International Quaterly of the Social Sciences.* Fall 2004. V. 71. № 3. P. 617–618.

кризиса. Существует скорее кризис не экономической теории вообще, а неолиберальной экономической теории, ошибочность её основного постулата, согласно которому экономическая деятельность первичного агента экономической жизни детерминируется прежде всего его экономическим интересом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получение максимума удовлетворения за минимальную плату).

Следует признать, по крайней мере, неуниверсальность этой формулы экономической эффективности, её большее соответствие характеру деятельности, чем природе человека и напомнить об «экономическом человеке» Смита и Хайека, коренным образом отличным от приводимой его трактовки.

в) Некоторые новые социальные движения эпохи Третьей современности

Природа капитализма как общества классовых антагонизмов сильно изменилась со временем. На Западе классовые конфликты благодаря социально ориентированным государственным проектам уже в значительной мере позади. Однако в странах посткоммунистического развития антагонизмы приняли другую форму, которую иногда называют «игнорированием». Речь идет о том, что значительная часть общества оказалась за пределами слабо выстроенного социального контракта¹.

В новых индустриальных странах Азии все еще действуют традиционные формы солидарности, которые надстраиваются над классовыми антагонизмами и смягчают их. Несмотря на это, нигде капитализм не выступает как система совместного действия разных слоев общества. Даже в Китае, о котором пишут «Китай как корпорация», велико расслоение на богатых и бедных, готовых к агрессии, к бунту². Прежде социальные изменения капитализма были связаны с освоением социальной политики, с поисками справедливости в буржуазных теориях, в том числе и либеральной, и их реализацией в рамках этой политики, с религиозными и культурными традициями.

На современном этапе источниками новых социальных перемен являются быстрое развитие рынков в Китае, Индии и экономический рост этих стран. Многие исследователи полагают, что «подъем Китая трансформирует глобальную политику, глобальную экономику и обще-

¹ См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. С. 22, 45.

² См.: Fishman T. C. How the Rise of the Next Superpower. Challenges America and the World.. N.Y., L., Toronto, Sydney, 2005.

ства во всемирном масштабе. И в особенности такое общество, как Соединенные Штаты»¹.

Центральным моментом третьей трансформации является вторая глобализация. И поэтому возникает вопрос о судьбе глобализации.

РЕЛИГИОЗНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

Глобализация порождает не только прямой конфликт с террористами, но и альтернативные проекты незападной глобализации. Их суть — полагать, что глобализация не достигает всемирной культуры, напротив, она подавляет многообразие культур американской культурой, распространяя повсюду Макдональдс, Диснейленд, продукцию Голливуда, все, что, как уже было отмечено, называется американской мягкой силой.

Наиболее действенной силой обладает исламская альтернатива западной глобализации.

Зреют проекты католической глобализации, охватывающие Испанию, Латинскую Америку и испаноговорящих в США, подобные нежестким исламским проектам: капитализм плюс католические ценности. Это имеет значение для США, хотя на сегодняшний день еще не выявило себя в подлинно глобальном плане. Лишь дополненный другими христианскими конфессиями этот проект становится потенциально сильнее исламского. Его формула та же: капитализм плюс христианские ценности.

Возможность такого проекта связана с ростом христианских конфессий в Азии, Африке и Латинской Америке. Приведем таблицу, составленную по данным американского исследователя П. Дженкинса.

Рост христианского населения²

год	общее количество христиан	Северная Америка	Европа	Латинская Америка	Африка	Азия
2002	2 млрд	260 млн	560 млн	480 млн	360 млн	313 млн
2025	2,6 млрд	не указано	555 млн	640 млн	633 млн	440 млн

Это будет новое христианство, впитавшее культуру и запросы своих стран. Только одна треть христиан будет белым населением. К 2050 году

¹ Shenkar O. The Chinese Century. The Rising Chinese Economy and Its Impact on the Global Economy, the Balance of Power and Your Job. Wharton, 2005. P. 21.

² Источник: Jenkins Ph. The Next Christendom. The Coming of Global Christianity. Oxford, N. Y., 2002. P. 79–80.

на двух мусульман будет приходиться три новых христианина, недовольных западным проектом глобализации. Новый христианский проект будет требовать от глобализации справедливости, следования христианским ценностям. США тратят на помощь развивающимся странам 1% своего бюджета, тогда как один сборочный завод в Ираке мог бы остановить войну и антиамериканизм за цену, гораздо меньшую, чем война. Исламское требование справедливости плохо совместимо с западными ценностями. Но христианское коснется корней капитализма.

Подобно тому, как человечество получило в конечном итоге множество капитализмов, множество модернизаций, оно получает уже сегодня множество проектов незападной глобализации и множество путей приспособления к западной, не теряя своей культуры. Множество модернизаций влечет за собой множество глобализаций. Например, Китай — активный участник глобальной экономики, оберегающий в то же время свою национальную культуру. Индия имеет Бангалор — место, которое по аналогии с американским называют Кремниевой долиной, производящей компьютеры, индийцы выполняют бухгалтерские операции для стран Европы, но живут по-своему.

Специалисты отмечают «одновременное напряжение и конвергенцию между различными секторами культурной глобализации одновременно на уровне масс и элит»¹.

Если мы будем смотреть на мир, как на джунгли, где побеждает сильнейший, потенциал культурных конфликтов неизбежен. Это уже не классовая борьба. Это опасность взрыва целых континентов, которые пока мечтают приблизиться к западному уровню жизни, открывшемуся им через посредство TV, но все больше понимают невозможность этого. Глобализация, ориентированная на статус-кво, удовлетворяет западный мир и даже Россию, которой есть что терять, но она не удовлетворяет тех, кому терять нечего. Сдавая свои позиции в отдельных странах из-за утраты налоговой базы (капитал бежит туда, где выгодно), социал-демократия могла бы глобализироваться для решения проблемы. Концепция справедливости Роулза для ущемленных слоев Запада могла бы глобализироваться хотя бы в своем моральном значении. Поскольку культуры консолидируются для защиты своих регионов от западной глобализации, дело, по существу, не в культуре, а в политике, в политике справедливой глобализации, не позволяющей вспыхнуть столкновению цивилизаций как политической борьбе.

¹ Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World / Ed. by P. Berger and S. Huntington. Oxford.

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ
И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДВИЖЕНИЙ

Идеи устойчивого развития были заложены в концепции Римского клуба и в последующих за его деятельностью дискуссиях 1970-х годов и получили развитие в 80-е и 90-е годы при постепенном переходе от ресурсных и экологических проблем к социальным. История становления этой концепции и ее сущность прекрасно показаны в работе А.Б. Вебера «Устойчивое развитие как социальная проблема»¹. На Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 году концепции устойчивого развития был придан официальный статус. Не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдерживать биотические нагрузки, деформации природы, связанные с активной деятельностью человека.

Соединение понятий «устойчивости» и «развития» воспринималось как необычное и потому сомнительное. По своей сути это был призыв к наиболее развитым странам Запада понять, какое напряжение испытывает природа и общество при заданных ими темпах развития. Однако дело повернулось так, что именно отставшим странам предлагалось не вступать в непосильную гонку, предпочесть устойчивость развитию. Эта концепция призвала страны мира перед лицом возможных экологических и социальных катастроф стать скромнее в отношении требований развития, ощутить единство перед грядущей опасностью. По существу, это оказалось призывом к статус-кво, который удовлетворяет Запад, но не удовлетворяет незападные страны. Право на развитие оказалось в числе неотъемлемых прав². Соблюдения этих прав все более требуют народы, имеющие волю к развитию. Например, Вьетнам официально ставит задачу индустриального развития, и никто не может убедить его, что это теперь не нужно.

То, что США не ратифицировали Киотский протокол, направленный на ограничение человеческого вмешательства в природу, лишний раз свидетельствует, что сегодня концепция устойчивого развития, имеющая позитивные задачи, работает только на ограничение роста менее развитых стран, не затрагивая «золотой миллиард». Только при серьезном отношении Запада к этой модели развития данная концепция может иметь серьезную перспективу.

¹ Вебер А.Б. Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.

² Sengupta A. Realizing the Right to Development // Development and Change. 2000. V. 3. P. 553–558.

Сегодня трудно применить идею устойчивого развития к рвущимся вперед странам Азии, к России, и экологические движения должны стать более профессиональными, связывающими результаты защиты природы с характером самого производства, а идею защиты природы человека с развитием медицины и культуры. *Экологические движения должны превратиться в экопроизводственные и эколого-политически¹, т.е. уже не массовые, а профессиональные и вместе с тем сформировать дискурсы, меняющие потребительские конъюнктурные доминанты, заполняющие жизнь ценностями, уменьшающими риски, ослабляющими давление на природу в условиях убывания ресурсов не только техническими и экологополитическими решениями, но культивированием иного образа жизни, сочетаемого, вместе с тем, с прогрессом. Например, Китай, который развивает текстильную промышленность, тратит много воды на очистку хлопка. Ему нужны технологии замкнутых циклов производства или такой очистки воды, которая бы вернула воду очищенной для целей этого производства и других целей. Эколого-политические решения при этом должны касаться размещения предприятий, целесообразности производств, политики экологических экспертиз.*

У. Бек внезапно вошел в число ведущих исследователей модернизации социальных трансформаций. Чутко реагируя на социальные изменения, он написал много работ, общее настроение которых — начало новой трансформации. Она начинается с распада коммунизма, новой глобализации, неолиберализма в глобальном масштабе, но быстро сменяется конкуренцией национальных государств разного типа с этим либеральным проектом, конкуренцией национализма и космополитизма, которому Бек придает особое значение и содержание. Дух трансформации им описан, но имя ей не найдено. Именно Бек наиболее целостно охватил суть перемен, которые мы называем Третьей великой трансформацией.

ДВИЖЕНИЕ НЕПОТРЕБИТЕЛЕЙ

Гораздо больше известны сейчас движения и общества потребителей. Они складываются как часть гражданского общества, осуществляющего контроль за бизнесом, за качеством продукции, информируют население о качестве продуктов, координируют свою деятельность с государственным санитарно-эпидемиологическим надзором, налаживают юридические службы помощи обманутым потребителям. Но объективно они дефетишизируют потребление, вводят его в русло разумной и ответственной деятельности по жизнеобеспечению, проведению досуга и пр.

¹ См.: Ефременко Д.В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция. М. 2006.

Сейчас все больше мелькают в литературе предположения, что консьюмеризм будет сломлен движениями непотребителей. Такое предположение высказывает Бек.

До сих пор акции непотребления, блокирования производителя — фирмы, страны — носили локальный характер в ответ на обман, политические разногласия или нахождение более качественного, экологически приемлемого или более дешевого производителя. Так, после престижности прежде неизвестных продуктов западных фирм население России в продуктовой сфере почти полностью повернулось к отечественному производителю. Но антиконсьюмеристские движения пока не появились в широко известных масштабах. Как показывает Бек, движение не-покупания скорее способно провести государство, а не общественность и не в связи с антиконсьюмеристскими, а в связи с экономическими или политическими целями.

движение элит

Интеллектуальные элиты, наиболее выброшенные из процессов сегодняшнего массового существования, ощущающие свое поражение, готовы к реконвенциализации господствующих ценностей массовой культуры, власти бизнеса, политического господства. Одновременно они имеют соблазн реконвенциализироваться самим, чтобы соответствовать культурному упадку эпохи.

Но политические и финансовые, бизнес-элиты могут стать более интернациональными, чем творческие элиты. И они действительно — суперкласс глобального мира, обладающие властью и финансовыми возможностями для собственной политики. Как показывает Д. Роткопф, из шести миллиардов человечества такая элита насчитывает шесть тысяч человек — это богатые, влиятельные, известные люди, которые могут действовать с неменьшей эффективностью, чем Давос, за его пределами. Их активность является космополитической, но не в смысле Бека — т.е. не направленной на выражение интересов всех народов. Скорее, они преследуют собственные интересы, не совпадающие с интересами большинства граждан. Они составляют мультинациональное движение бизнесменов, энергетиков, деятелей СМИ, клуба экс-президентов, людей, занятые глобальной филантропией. Они — не гангстеры капитализма но они за сценой, в тени. Они обладают непропорциональной концентрацией власти, неформальными механизмами управления, превосходящими возможности правительств¹.

¹ Rothkopf D. Superclass. The Global Power and the World they are Making. Canada. 2008.

У. Бек пишет об этом теоретически. Он находит двух игроков глобального рынка — капитал и государство. Они обладают транслегальным господством — т.е. господством, которое не является ни легитимным, ни нелегитимным. Роль государства и капитала в глобальном мире растет, но их легитимность снижается: «подобно тому, как трансформация Первого модерна во Второй (в нашей терминологии Первого и Второго в Третий) совершается в тени старых категорий и лишенных центра институтов, при данной трансформации модерна (Бек не дает ей названия.— *Авт.*), возникают легитимно-пустые пространства властных образований, в которых эффективность экономических и политических действий достигается в форме не-легитимированной (т.е. нелегитимной) концентрации власти. Делегитимация господства есть поэтому результирующая, скажем в наших терминах, Третьей великой трансформации и третьей современности¹.

Бек надеется, что со временем возникнут глобальные движения адвокатов, сформируются глобальные движения за глобальное гражданское общество. Он развивает идеи, которые наши исследователи А.В. Бузгалин, А.И. Колганов и другие называют альтер-глобалистскими.

Встает также вопрос о движении мировых элит в сторону повышения своей роли.

СОЦИАЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

В России были попытки улучшить ситуацию: в марте 2002 года приняты девять приоритетных направлений научно-технического развития, открывающих стране перспективу вхождения в глобальную экономику на основе научных и технических достижений и переориентации ее экономики с сырьевой на научно-технологическую. Среди девяти приоритетных направлений не было ни одной науки об обществе. Наиболее приближенной к ним среди включенных в число приоритетных направлений стала экология. Один из физиков радостно заявил, что наконец-то у никчемных гуманитариев заберут деньги для настоящей науки. Другой представитель естественных наук дал интервью из Англии, что социально-гуманитарные науки — это что-то вроде «блошиного рынка», на котором ищут нечто особенное. Такое направление в социально-гуманитарных науках действительно существует. Это утонченное, эстетически окрашенное, часто связанное с постмодернизмом исследование социальных, антропологических нюансов, весьма самоценное и развивающее научную рефлексию. Но им не исчерпываются задачи социально-гума-

¹ Бек У. Власть и ее оппоненты...С. 315.

нитарных наук, как познавательные, так и мировоззренческие и инновационно-проектные.

В целом социально-гуманитарные науки могут играть значительную роль в преобразовании общества и быть источниками социальных инноваций. Так, немецкое послевоенное «чудо» — следствие применения идей немецких экономистов-ордолибералов. Они использовали экономический либерализм, сохранив роль государства в обеспечении социального порядка, предотвращении криминализации рынков, проведении денежной реформы. Теоретические идеи школы ордолибералов сочетались с практическими технологиями: тайно напечатав новые немецкие марки, правительство Л. Эрхарда поддержало, раздав новые деньги немцам, тех, кто что-то производил — хлеб, необходимые товары и услуги, лишив всякого экономического основания нажившихся (в старых немецких марках) дельцов «черной» и «серой» экономики — казино, борделей, увеселительных центров, опутавших Западную Германию сразу после войны. Разорившиеся дельцы этого бизнеса вынуждены были искать работу в производстве. Германская индустрия стала набирать обороты. Инновационное развитие было обеспечено политикой, основанной на научном и экспертном знании, сочетающим научное, практическое знание и знание специалистов в экономике и политике.

Японское послевоенное «чудо» — следствие реализации проекта японских социологов. В условиях американской послевоенной оккупации была предпринята попытка либерализовать эту коллективистскую страну. Американцы видели в коллективизме японцев причину легкого распространения милитаристских идей государства, ибо иерархическое устройство японских общин быстро обеспечивало продвижение идей государства в массы. Однако либерализация японского общества вела к его разложению и люмпенизации. В ответ на это японские социологи предложили в 50-е годы прошлого века проект развития страны с учетом японской специфики. Он состоял в том, чтобы изменить цели государства, отказаться от милитаризма, но сохранить коллективистскую продуктивность японского общества. Организация предприятий по типу семьи обеспечила такой подъем Японии, что в конце 70-х ее стали причислять к странам Запада. Позже наступила стагнация, которую японские социологи объяснили нехваткой вестернизирующего начала и предложили новый проект.

Идеи английского социолога Э. Гидденса и немецкого философа Ю. Хабермаса, как мы уже отмечали, подготовили политику новых лейбористов (Т. Блэра в Англии и Г. Шрёдера в Германии). Эта концепция, называемая «третий путь», осуществляла приспособлении социал-демократических идей к процессу глобализации.

Переход Запада в постиндустриальную стадию существенно расширил применение терминов «информация» и «знание» для описания общества и экономики. Появились термины «общество знания», «сообщество знания», «экономика знания». В совокупности в их описание включатся рост производства и значимости знания, инноваций, революция в инструментах получения знания, ускоренное изменение роли знаний в обществе. В «обществах знания» экспертные оценки ученых должны прогнозировать риски и пути их уменьшения. В этом состоит значение опережающих социальных исследований. Для предотвращения техногенных, политических и других рисков социальные инновации должны предшествовать технологическим, политическим и пр.

Что нового наблюдается сегодня, чтобы всегдашний путь применения знания обобщить утверждением, что сегодня применение знания делает общества «обществами знания»? Ряд исследователей считают, что термин «постиндустриальное общество» всего лишь фиксирует появление общества, следующего за индустриальным. Его содержательная характеристика описывается в термине «информационное общество». Однако информация сама является продуктом знания. Поэтому целесообразно заменить или дополнить термин «информационное общество» термином «общество знания». Одни специалисты утверждают, что здесь речь идет только о Западе. Рассуждения о постиндустриальном, информационном обществе или «обществе знания» в западных странах, присущие множеству российских диссертаций, не являются верными. Здесь можно ставить вопрос о продолжении модернизации в направлении освоения новых форм информации и знания, о новом дыхании догоняющей модели модернизации.

Другая точка зрения состоит в том, что с появлением Интернета гигантский поток информации пополнил прежнее участие знания — как повседневного, социально-философского, так и научного и как бы довел применение знания как источника инновации до своего логического конца, сделав общества «обществами знания». Эта точка зрения предполагает, что Интернет, к которому обратились все страны и миллионы людей, создает элементы «общества знания» и его возможности для мира в целом.

Полагаем, обе эти точки зрения верными в разных масштабах рассмотрения: первая в макромасштабе, когда Запад действительно передал индустриальные технологии в другие страны, а сам занят производством знания, и в микромасштабе — когда каждая страна и отдельный человек могут работать с гигантским массивом информации и знания в Интернете для производства разного рода инноваций, в том числе и социальных. Объединяющим обе точки зрения является то, что

и в обществах Запада, и в странах нового капитализма, возникшего в Азии и в посткоммунистических странах, формируются «общества знания», роль которых в социальной сфере и производстве непрерывно растет. Так, Китай, специализируясь преимущественно в легкой промышленности, скупает российские фундаментальные исследования для их последующего применения, ибо лучше владеет применением знаний, чем их производством, и располагает для этого деньгами. В итоге, их усилиями общества превращаются в «общества знания», а экономика в «экономику знания»¹. Речь идет как о количественных, так и о качественных сдвигах в значимости знания для экономики и общества.

Очевидно, движения распространения знаний, защиты высших культурных образцов появятся.

Социальному предпринимательству, по-видимому, принадлежит большая роль. На уровне частных и общественных инициатив могут быть предложены способы решения отдельных проблем, и они постоянно предлагаются, чаще в коммерческой, чем в социальной сфере. И есть немало проектов, которые выдвигают частные граждане²

г) Глобализация — это навсегда?

Приходится сразу признать, что чрезвычайный отрыв постиндустриальных стран от остального мира, с одной стороны, характеризует их преимущества, но с другой — не позволяет им быть спокойными в отношении терроризма и криминализации, наркотиков, ВИЧ-инфекции, экологических проблем в мире, люмпенизации части своего населения и растущего притока иммигрантов, выгнанных с привычных мест неразвитостью экономики, эпидемиями и войнами, социальным неравенством в мире и в своих странах, коренной перестройки собственных обществ, исламского радикализма и неудач в реформировании посткоммунистических стран. Отрыв постиндустриальных стран от других и будущая «расколотость» их собственных обществ, где значимость высокоинтеллектуального труда выдающихся инноваторов и теоретиков делает «избыточным» для производства (правда, не для потребления) остальное население, создает немалые опасности. Среди них — анархия и хаос. Кроме того, высокая развитость Запада не явилась препятствием бомбардировке Косово, сегодня признанной на Западе ошибочной, специфической реакции на 11 сентября, прочих ошибок, связанных с

¹ David P.A., Foray D. Economic Fundamentals of the Knowledge Society.

² См.: Bornstane D. How to Change the World. Social Entrepreneurs and the Power of New Ideas. Oxford. 2007.

«высокомерием силы» и попытками принуждения к счастью, цивилизованности, международному порядку или миру. Растет сопротивление глобализации со стороны тех, чей культурный код не позволяет принять индивидуализм и противопоставляет глобализации на западных и прежде всего на американских условиях свои формы солидарности.

В сущности, появление неких универсальных исторических единиц имело место всегда, а не только в связи с процессами, которые сегодня стали называть глобализацией. И капитализм, и Вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и Филадельфийская система, которая сделала демократию мировым институтом, — это все шаги на пути глобализации, установления общности человечества. Но ключевые точки — рост свободной торговли, революции в технике, информатизация, чрезвычайное снижение таможенных барьеров, «интернационализация денег», победа капитала над национальными интересами. Сам процесс глобализации более стар, чем термин, которому 10–12 лет, и характеризуется усилением единства человечества. И в первом (как единство человечества, всемирность истории), и во втором смысле (как информационно-экономическое единство) глобализация — это некий реально существующий процесс, причем ее новейшие тенденции являются продолжением более старых — прогресса, модернизации, становления всемирной цивилизации и пр. В «Манифесте Коммунистической партии» и в «Немецкой идеологии» имеются слова, характеризующие глобализацию XIX века. Она вызвала системное сопротивление со стороны национализма, коммунизма, фашизма. Сегодня силы сопротивления завершающему витку глобализации более пестры и менее системны. В этом плане нет тех мощных социальных сил, которые остановили процесс глобализации в XIX веке. Только ислам представляет собой системное сопротивление, альтернативный вариант глобализации. Ислам не признает национальных границ. Его объединяет деревенская культура, концепция мировой деревни. Он вполне имеет шанс, по крайней мере, шанс сломать проект западной глобализации.

Современный мир находится в ситуации,

которую можно уподобить состоянию

средневековой Европы при ее переходе в современность.

Сходство состоит в том, что люди и там, и здесь

оказались в радикально меняющемся мире.

С позиций сегодняшнего дня можно указать определенную направленность изменений Европы позднего Средневековья и признать их

неизбежными. Но средневековый человек был растерян перед безвозвратно уходящим прошлым, разрушаемым настоящим и неясным будущим. Люди действительно похожи сейчас — и не только в нашей стране, как поначалу казалось, но и в мире, — на человека Средневековья, который попал в обстоятельства коренной социальной трансформации. Он еще не знал ее направленности, ибо переход к чему-то определенному мог не произойти. Он оказался в разрушенном обществе и мог думать, что ему так всегда придется жить. Он мог мечтать о том, чтобы вернуться назад, и он мог предполагать, что «так жить нельзя» и что общество придет в новое приемлемое или даже лучшее состояние. Попытка вжиться в мир средневекового человека в период перехода к Новому времени, произведенная многими исследователями, приводила их к трагическому сопереживанию разрушений, которые прежде всего видел этот человек. При ретроспективном анализе выясняется также, что судьба современного Запада вовсе не была гарантирована Европе. Источники того времени показывают, что, хотя переход из одного состояния в другое не был мгновенным, он был слишком радикальным, переворачивал мышление, ценности, убеждения, менял картину мира — девитализировал ее, делал ее механической, а людей атомарными. Это был великий переход, он сформировал Запад в его современном виде и открыл новый путь для человечества. Но повсюду этот путь сопровождался жертвами. На дороге к этой судьбе средневековых людей подстерегало множество опасностей и соблазнов. В блестящем исследовании начал западной модернизации Л.М. Косырева писала: «Известно, что в любую переходную эпоху рядом с конструктивным началом всегда существует разрушительное нигилистическое. Таковыми мировоззрениями в XVI–XVII вв. (даже на столь позднем этапе. — *Авт.*) являлись, например, скептицизм и аристипповский гедонизм (с его “все дозволено”, “лови миг наслаждения”). Последний был помехой на пути конструирования нового типа субъективности, ибо формировал “плывущее” фрагментарное сознание, безответственность, был принципиально чужд идеалу последовательности и твердости, выдвигавшемуся реформационными учениями. Аристипповский гедонизм XVI–XVII вв. дал мало конструктивного, отвергая “старую” (средневековую) деятельность “по привычке”, жизнь в привычном русле, он также санкционировал жизнь “по течению”, — но уже подчиненную не диктату внешних социальных требований и “приличий”, а прихотям собственных эгоистических желаний человека»¹. Таким образом, эволюция Запада в направлении к современности была

¹ Косарева Л.М. Этические идеалы и познание природы // Косарева Л.М. Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 89.

результатом стечения обстоятельств, последовательного воздействия Ренессанса, Реформации и Просвещения, победы их принципов, которая могла и не состояться. Этот опыт учит нас ни о чем не говорить как о неизбежном и относиться к будущему как к содержащему множество вариантов развития.

В плане будущего предпочтительнее быть ни гиперглобалистами или скептиками, а трансформационалистами, если следовать типологии Д. Хелда и его соавторов¹, т.е. признать переходный характер эпохи. Желательно заранее признать возможную нелинейность социальных процессов, не исключая внезапный слом тенденций в точках бифуркации, настроиться на сценарный лад. Уже имеется точка зрения, что американский гегемонизм стал препятствием глобализации, вновь произведя зоны, закрытые для свободного обмена товарами, капиталами, идеями и людьми. Сошлемся на позднего И. Валлерстайна, который выражает опасение относительно устойчивости любого тренда в переходную эпоху². Переходность не означает того, что люди просто пока не понимают ситуацию, а характеризует прежде всего то, что ситуация может измениться, что она нелинейная, всегда чревата какими-то новыми возможностями. И это надо иметь в виду в дискуссиях о глобализации и о перспективах следующей из нее универсальности.

Глобализация отличается неравномерностью, несправедливостью. Ей противостоят пестрые группы антиглобалистов, которые не являются системной оппозицией, подобной той, которая противостояла первой глобализации и остановила ее. Эту оппозицию объединяет только недовольство глобализацией по разным причинам, но отсутствие общей альтернативы. В нее входят профсоюзы развитых стран, боящиеся, что капитал убежит в страны с более дешевой рабочей силой и лишит западных рабочих работы. Здесь же националисты, не желающие интернационализации производств в их странах. Анархисты. Зеленые. Их собственные цели различны. Единственная системная оппозиция, ставящая цели превращения глобализации в незападную — радикально исламская.

Одна из предпосылок вечного мира — формирование права всемирного гражданства, выдвинутая Кантом, все еще не выполнена. Скорее, надежды на более мирное и справедливое будущее связывались со ста-

¹ Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perratin J. *Global Transformations, Politics, Economics and Culture*. Cambridge, 1999 (2000).

² Валлерстайн И. Глобализация как переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // Красные холмы. М., 1999. С. 127.

новлением единства человечества, которое поэтапно завоевывалось капитализмом, модернизацией и глобализацией, но всякий раз сопровождалось откатами назад из-за различия культур.

«Каков же выход?» — спрашивают люди. Мировая система социализма побудила капитализм быть более внимательным к социальным проблемам. Антиглобалистские сопротивления сегодня и особенно единственное системное сопротивление — ислам — ставят Запад перед проблемами, которые не решишь бомбардировкой Афганистана. Глубочайший разрыв богатых и бедных стран, наличие стран, которые США сегодня называет «странами-изгоями», забывая о своем вкладе в то, что они таковы, — это вызов, который требует новой политики Запада и новой роли международных институтов. Обычно Запад не реагирует на опасности, угрожающие ему самому. Но нарастают и другие угрозы, против которых выступают антиглобалисты. Запад будет вынужден изменить правила глобализации или она не состоится, погибнет из-за более жесткого, несистемного и потому непредсказуемого сопротивления своих жертв в мире и на самом Западе.

Альтерглобалистские движения, описанные в работах А.В. Бузгалина, Н.И. Колганова имеют перспективу или по крайней мере должны быть отмечены как существующие, но пока ограниченные элитами. Вместе с тем в них есть идейный потенциал, который может быть развернут.

Глава 8. Новый аттрактор или эволюция капитализма?

Выше мы привели характеристики техногенного общества как инновативного, расширяющего свое неорганическое тело, утилизирующего знания. Переход к информационным технологиям на Западе, перенос индустриального производства в Азию и передача постиндустриальным странам управленческих менеджерских функций вписывается в понимание техногенной цивилизации. Наиболее проблематичным является вопрос о сохранении капитализма на Западе. «Минимальное определение» капитализма, связанное с его переходом от организованности, фордизма Второй современности к сегодняшней фазе дают французские исследователи Л. Болтански и И. Чиапелло: капитализм — это «императив неограниченной аккумуляции капитала формально мирными средствами»¹. Это определение легко было бы критиковать для прежних эпох, для индустриализации, где производительные силы и производственные отношения стояли в центре капиталистического развития. Но сегодня это действует и в Азии, по крайней мере, Запад тоже работает в этой минималистской характеристике капитализма, что не умаляет его значимости, а, напротив, свидетельствует о высоте занятых им позиций: он — менеджер глобального капитализма. Но проблема остается в связи с ролью и пониманием труда.

а) Является ли постиндустриальное общество техногенным и капиталистическим?

Есть явления, которые зависят от прошлого и настоящего, а также те, которые от них не зависят (бросание монеты). Капитализм относится к первым, даже если предположить, что он может измениться нелинейно, в направлениях, которые сегодня трудно представить. Историческая перспектива в этом случае не является однозначной, но так или иначе она связана с тем, каков капитализм сегодня. С характеристики его сегодняшнего состояния на Западе и начинается эта статья.

¹ Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. L., N.Y. 2007. P. 4.

Постиндустриальным (в отличие от индустриального), информационным, сегодня называют только западное общество, хотя и оно не завершило полностью перехода к информационным технологиям, знаниевой экономике и «обществу знания», а завершив, не окажется в раю, а будет иметь не только преимущества и блага в сравнении с незападным миром, но и множество новых проблем.

Задавшись вопросом о том, является ли это общество капиталистическим, и не имея возможности сравнить многообразные дефиниции капитализма на *страницах книги*, ограничимся *описанием* того, что под ним понимается. По существу так поступает большинство исследователей, даже и те, кто стремится к строгим определениям. Однофакторные трактовки капитализма через производительные силы, этос капитализма, отношения обмена, инновационная деятельность, развитие технологий и др. не объясняют этого явления полностью. Попытки целостных определений встречаются нечасто. Мы показываем, что претендующий на это Фернан Бродель вычленяет элементы целостности, утверждая, что слова «капитал», «капиталист», «капитализм» возникли именно в этой последовательности, и слово «капитал» является самым древним. К ним примыкает слово «богатство». Маркс не говорил о капитализме. Это понятие впервые, если следовать Броделю, ввел Зомбарт в своей книге «Современный капитализм», изданной в 1902 году. По мнению Броделя, *капитал* — это совокупность легко идентифицируемых средств, постоянно находящихся в работе; *капиталист* — человек, который управляет включением капитала в непрерывный процесс производства, необходимый любым обществам, а *капитализм* это способ, с помощью которого проводится и обычно не в самых альтруистических целях бесконечная игра такого включения»¹.

Капитализм — это социально-экономическая система, основанная на частной собственности, наемном труде, капитале, аккумулированном в руках немногих, в экономическом плане направленная на рациональную максимизацию прибыли, экономический рост и повышение эффективности, в социальном плане — на воспроизводство такой социальной матрицы (классовой и социальной структуры, национального среднего класса), которая позволяет осуществить процесс производства, распределения, обмена, потребления. *Капитализм развивается не просто тогда, когда есть все названные элементы, а когда общество готово к поддержке их совместного функционирования*. Все эти элементы понятны, но национальный средний класс кажется упомянутым напрасно. Между тем капиталистическим сегодня является общество, в котором есть сред-

¹ Бродель Ф. Игры обмена. С. 229–240.

ний класс, и это общество все еще существует в национальных границах. С одной точки зрения, в условиях глобализации мир становится плоским, исчезает его вертикаль, и решающую роль играет горизонталь — связь и сотрудничество самых разных обществ, корпораций, людей Земли. С другой точки зрения, игроки на этой горизонтали не равны, поэтому вертикаль существует. Находящиеся на ее вершине США могут делать все, что не затрагивает интересов их среднего класса. Глобального же среднего класса пока не существует.

В 1995 году основатель теорий менеджмента, известный экономист Питер Дракер опубликовал книгу, манифестирующую *переход от капиталистического общества к посткапиталистическому, которое он называл также «обществом знания»*. Капитализм представляется ему явлением, которое всегда было на Востоке и на Западе, проявляясь с разной степенью интенсивности. Капитализм прежних эпох, по его мнению, *развивался локально, в небольших и замкнутых общественных группах* и характеризовался технологическим развитием, квинтэссенцией которого стала промышленная революция. Промышленная революция образовала веху, переведшую капитализм в современное состояние и сопровождающуюся коренными общественными переменами. Ускоренное развитие капитализма, промышленная революция и огромные общественные преобразования создали, как отмечает Дракер, мировую цивилизацию.

Капитализм и технический прогресс превратились в социальную пандемию мирового масштаба. Это произошло благодаря росту знания. В доказательство постоянной параллели между ростом знания и развитием технологий Дракер сообщает: «Исследование о природе и причине богатства народов» А. Смит опубликовал в тот же год, когда Дж. Уатт получил патент на усовершенствованную паровую машину. Обнищание и отчуждение при капитализме было, согласно Дракеру, преодолено революцией в производительности труда, которая начала осуществляться Ф.У. Тейлором. Отказавшись от учебы в Гарварде по причине слабого зрения, Тейлор вынужден бы пойти рабочим на завод. Ситуация здесь настолько контрастировала с жизнью его родителей и его интеллектуальными запросами, что он вознамерился ее изменить. Он сделал изобретения в металлургии, разбогател, но с трудом терпел атмосферу ненависти между рабочим и капиталистами. Это привело его к изучению процесса труда. Он доказывал необходимость разделения этих антагонистических групп посредством передачи управления не собственнику, а квалифицированным управляющим. Дракер пишет: «К 1930 году система научного управления Тейлора...получила широкое распространение во всех развитых странах. В результате этот Марксов “пролетарий”

превратился в “буржуа”»¹. Капитализм и промышленная революция принесли выгоды, прежде всего, рабочим, а не капиталистам. Этим и объясняется полный провал марксизма в высокоразвитых странах, равно как, на наш взгляд, интерес к нему стран «второго эшелона развития». Страны Запада, по мнению Дракера, поднялись благодаря технологиям, а Япония, Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур — за счет применения тейлоровской системы организации труда.

Согласно Дракеру, опыт Тейлора по применению знания в организации труда, многократно превзойден, знания применяются повсюду. Дракер отмечает второстепенное значение традиционных факторов производства — земли и других природных ресурсов, рабочей силы и капитала в настоящее время в западном обществе. Ресурсы могут, по его мнению, быть получены на основе знания. Это абстрактно верная мысль, но возможные научные достижения по воспроизводству ресурсов не отменяют, а увеличивает будущие конфликты по их поводу.

Далее знание стало использоваться для получения нового знания. На его основе произошла революция в сфере управления. *Знание стало главным ресурсом.* Дракер утверждает: «В основе всех трех этапов повышения роли знания — промышленной революции, революции в производительности труда и революции в управлении — лежит коренное изменение значения знания. Мы прошли путь от знания (в единственном числе) к знаниям (во множественном числе), т.е. к многочисленным отраслям знания»². Это позволяет Дракеру прийти к очень существенному для обсуждаемой темы выводу: «То обстоятельство, что знание стало *главным*, а не просто *одним из* видов ресурсов, и превратило наше общество в *посткапиталистическое* (курсив наш. — Авт.). Данное обстоятельство изменяет структуру общества, и при этом коренным образом. Оно создает новые движущие силы социального и экономического развития. Оно влечет за собой новые процессы и в политической сфере»³.

На наш взгляд, Дракер приводит необходимые (и потому подробно изложенные нами), но не достаточные основания для провозглашения постиндустриальной фазы в качестве посткапиталистической. Мысль о том, что рост знания в качестве производительной силы не соответствует природе капитализма, могли бы разделить многие. Так, К. Маркс предсказал превращение науки в непосредственную производительную

¹ Дракер П. Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 91.

² Там же. С. 96.

³ Там же. С. 98.

силу. Но наука для него была всеобщим трудом, который не мог быть приватизированным или стать рыночным продуктом. Наука принадлежала в его время всем, была достоянием всего человечества. Именно поэтому Маркс мог бы воспринять общество знания как посткапиталистическое. Однако сегодня наука приватизируется, продается, скупается и испытывает все превратности прежних производительных сил.

Желание подчинить человека производству и выгоде приходит в противоречие с изменениями, которые отмечают даже сторонники той идеи, что модерн, а значит, и капитализм — «незавершенный проект». Ю. Хабермас, который последовательно проводит эту мысль, отмечает вместе с тем, что практика утрачивает сегодня парадигму производства. Он утверждает, что это происходит потому, что производство ограничивает понимание практики, а оно нуждается в расширении, ибо иначе не охватывает значений, которые появляются в связи с историческим концом общества труда. Этот последний тезис нуждается в пояснении. Если раньше люди уходили из сельского хозяйства в индустрию, а затем из индустрии в сервис, то теперь в высокотехнологичных странах возникает проблема 20:80. Она характеризует ситуацию, когда только 20 процентов населения будет нужно постиндустриальному производству, а 80 процентам будет некуда уйти, и они окажутся, по словам Дж. Рифкина, «неработающими рабочими». Это одна из будущих проблем Запада, которая ставит вопрос о создании социальной матрицы, обеспечивающей работу экономики и общества, способного поддержать эту экономику. Это — еще один аргумент в пользу посткапиталистического характера информационного, постиндустриального общества. Но и он ошибочен, ибо труд давно перестал быть преимущественно физическим, и в связи с ростом роли знания и науки научный труд, труд менеджеров и инженеров и других работников остается наемным. «Белые воротнички» — это рабочие сегодняшних предприятий. Сегодня не ясно, как общество справится с проблемой лишних, не нужных производству и даже уже менее, чем прежде, в потребительских обществах, нужных потреблению людей, но не меньшие проблемы возникали перед капитализмом первоначального капиталистического накопления или периода индустриальной революции.

Основные вышеперечисленные признаки капитализма присутствуют в постиндустриальном западном обществе. Запад остается капиталистическим. Что касается остального разнообразного мира, то он втянут в капиталистические отношения глобализацией и работает на осуществление функций капитала, несмотря на то, что многие общества не в состоянии были бы обеспечить самостоятельно эти функции, поскольку не имеют должной «социальной субстанции» капитализма,

если использовать термин Андрея Фурсова, предложенный им в работе «Колокола истории». Западный капитализм сформировал свое твердое ядро, и при глобальном капитализме обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, приспособить любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому, на наш взгляд, догоняющая модель развития нигде не производит в незападных странах капитализма западного образца, который с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации или прогресса. Разные капитализмы объединяются в общую систему.

В условиях глобализации ослабла цивилизующая миссия капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ всего мира и осуществления прогресса в них.

Субстанционально капитал характеризуется затраченным трудом, сегодня включающим и труд умственный. В труде воплощен культурный образец капиталистического хозяйствования и сущность капиталистической экономики. Он имеет методологически-аналитическую значимость для экономической науки. Написав «Теорию нравственных чувств» за семнадцать лет до «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смит продемонстрировал два метода — культур-центристский в изучении нравов и нравственности и натуралистический в описании капитала и капиталистической экономики, развивающейся так, как если бы в ней действовала невидимая рука (рынка). Однако эти сферы жизни, методологически по-разному описанные, не вытесняют у него одна другую: нечто вроде невидимой руки действует там, где существуют добродетели и экономический интерес не сведен к жадности.

б) Капитализация всех сфер общества как черта позднеиндустриального и постиндустриального капитализма

В пользу такой трактовки говорит и увеличивающаяся капитализация обществ и повсеместное стремление к накоплению капитала, а также распространение этого понятия на внеэкономические сферы. Западным ученым и организациям (Всемирному Банку, Организации Экономического Сотрудничества и Развития) принадлежит заслуга в разработке таких понятий, как социальный, человеческий, культурный и символический капитал. ООН использует более абстрактные, чем капитал, характеристики: социальный, человеческий, культурный и символический потенциал.

Уточнение понятий о типах внеэкономического капитала на основе сравнения с экономическим позволяет выявить неметафорическое значение понятий о социальном, культурном человеческом и символическом капиталах. Согласно В.В. Радаеву, экономический капитал определяется как «накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм»¹. Используя это определение, Л.Н. Федотов синтезировал представления о социальном капитале: «Социальный капитал — это накапливаемый ценностный и институциональный ресурс общества, который включен в процессы воспроизводства и возрастания ценностей, общественных связей, доверия, развития человека и культуры путем взаимной конвертации разнообразных форм с другими видами капитала»².

Под социальным капиталом понимается, таким образом, значимость социальных связей как ближайшего окружения, так и общества в целом. Это капитал, добытый в результате социальных отношений. Это способность к воспроизводству социального порядка и социальных связей, наличие механизма их воспроизводства и перепроизводства.

Человеческий капитал в неоконсервативной теории — это иное истолкование идеи Адама Смита о значении специальных свойств индивида, необходимых производству и обществу. В экономической литературе он рассматривается как способности и навыки человека, необходимые для производства экономического капитала. В «новой» экономике это прежде всего научные знания, полученные в результате образования. В социальных теориях данное представление расширяется до способности к социальным инновациям и социальному предпринимательству, которое должно опережать технологические инновации ради предотвращения прежде неизвестных конфликтов.

Теории культурного капитала дают иную трактовку человека, характеризуя те его свойства, которые необходимы не только для производства и общества, но для его саморазвития. К культурному капиталу относят также культурные достижения обществ и народов.

К этому примыкает идея символического капитала, рассматривающая культуру как символическое пространство — концепция, исключительно важная для характеристики новых «виртуальных» реальностей

¹ Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. М., 2002. Т. 3. № 4. С. 21.

² Федотов Л.Н. Внеэкономический капитал и экономика // Знания. Понимание. Умения. 2006. № 3. С. 27.

в обществе потребительских ожиданий. Экономика подверглась не меньшей символизации и виртуализации в потребительском сознании, чем другие феномены.

На концепцию внеэкономического капитала работают понятия «интеллектуальный капитал», «творческий капитал». Анализируется эволюция рассматриваемых типов капитала, изучаются близкие и конкурирующие друг с другом концепции, показывается, что именно эти новые категории стали предпосылкой неокapиталистической концепции. Экономический капитал легко конвертируется в социальный статус и влияние, культурные возможности и престижное символическое использование своих возможностей. И обратно: социальный капитал — включенность в социальные связи, сети, в которых имеется доверие, конвертируется в престижные символические коды, культурные возможности и получение более высоких доходов. Это может осуществляться как в формах несправедливой кланово-корпоративной приватизации, вплоть до коррупции, в которой элемент недоверия рано или поздно ломает такую конвертацию, так и в общественно-полезной форме работы всех видов капитала на общество, несмотря на присущую им концентрацию в руках немногих, иначе говоря, в формах «дикого» и «цивилизованного» капитализма. Во втором случае капитализм более склонен к возобновлению органической солидарности, присущей ему в классический период, когда его разнообразные органы совместно функционируют в качестве целого. По существу развитость внеэкономических форм капитала и среди них прежде всего социального капитала, действующего в интересах общества в целом, и характеризует, с одной стороны, воздействие экономики на социальные, образовательные, культурные и символические процессы. С другой стороны, внеэкономические формы капитала свидетельствуют, что экономический капитал не является самоценным и доминирующим, что экономика и экономическая наука испытывают влияние других сфер общества и других научных дисциплин.

Одним из вызовов сегодняшнему пониманию экономики является концепция «экономического человека», экономическая деятельность которого детерминирована прежде всего его экономическим интересом, суть которого в максимизации индивидуальной полезности при минимизации издержек (получении максимума удовольствия за минимальную плату). Такой человек, безусловно, есть, но не в сферах «новой экономики». Он покинул производство и обосновался в потреблении.

Потребительская идеология, пришедшая во многие страны раньше, чем возможность потреблять, привела к тому, что новый массовый человек обвиняется в разрушении трансцендентного (Ю. Хабермас), социального (Ж. Бодрийяр и др.), политического (многие политологи), куль-

турного (многие культурологи). Мир представляется в итоге своего рода «кадавром» — «желудочной машиной» из романа братьев Стругацких. Этому противостоят идеи внеэкономического капитала, и они же используются для стимуляции экономической деятельности.

В некоторых странах идет усиленная разработка концепций, касающихся взаимодействия экономики и внеэкономического капитала. К ним относится США, где известные ученые — Дж. Коулман, Р. Патнэм, Ж. Филд, Ф. Фукуяма и др. сделали предметом изучения социальный капитал и его связь с экономикой, а некоторые страны — например, Финляндия, буквально специализируются по данной теме, считая социальный, человеческий, культурный и символический капитал важными факторами экономического роста¹. Вызовы времени, на которые дает ответ концепция внеэкономического капитала, включают переход капитализма в потребительскую стадию и постиндустриальный сдвиг западного общества, начавшиеся в 60-х годах XX века, развернувшуюся с 90-х годов XX века глобализацию, сегодня несколько приостановленную террористическими атаками и ответом США на них, войной в Ираке, а также последствия этих событий, сделавшие переходный период не только судьбой посткоммунистических стран, но и мира в целом. *Примечательно то, что все формы внеэкономического капитала складывались в рыночной экономике высокоразвитых капиталистических стран и анализировались преимущественно западными учеными. Сегодня же в связи с глобализацией и подключением к капиталистическим отношениям мира в целом такие исследования проводятся в Индии, России и в других незападных странах.* В этом смысле мир становится действительно «плоским». «Силиконовая долина» Индии Бангалор и, добавим, бухгалтерские операции, которые страна выполняет для Запада — это «культминация того, что все вещи собираются вместе», утверждает Т. Фридман.

¹ Coleman J. Foundation of Social Theory. Cambridge, L. 1990; Putnam R. Bowling Alone. The Collaps and evival American Community. N. Y., L., Toronto, Sydney. 2000; Democracies in Flux. The Evolution of Social Capital in Contemporary Society. Ed. by R. Putnam Oxford. 2002; Cohen J. The Privileged Ape. Cultural Capital in the Making of Man. Newjesej / 1989; Field J. Social Capital. L., N.Y., 2003; Van Lin. Social Capital. A Theory of Social Structure and Action. Cambridge, 2001; Social Capital. Global and Local Perspectives. Helsingky: Government Institute for Economic Research. 2000; Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004; Фукуяма Ф. Социальный капитал // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу. Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. 2002 и др.

Но «вместе собираются» и те индусы, которые все еще спят в мешках. Становится все яснее, что одни общества способствуют поддержке капитализма, как в этом примере с Бангалором, — даже в его информационной стадии, другие могут делать это только анклавно, как Индия, Бразилия, Индонезия, третьи не могут вообще. Предшествующий бестселлер Фридмана «Лексус и оливковое дерево» был посвящен тому, что в то время, как 300 роботов собирали автомобиль «Лексус», араб и израильтянин подрались из-за оливкового дерева. В то время, как небоскребы Йоганнесбурга поражают своим величием, в кварталах бедноты идет жестокая криминальная разборка (фильм «Цоцци»). В это же время африканцы собираются из разных стран в Мавританию, чтобы оттуда на утлых суденышках, умирая и заболевая по пути, добраться до Испании, до Канарских островов, ибо другие страны не предоставляют им убежища, в том числе и ближайшее к Канарам Марокко. Мир не плоский, но разворачивающая его пружина капитализма сегодня действует в большинстве мест.

«Неокапиталистическая теория», как ее иногда называют, видит капитал в обществе, в человеке, в культуре, в символическом пространстве, а не только в экономике. Мы полагаем продуктивным говорить не о воскрешении классического и неоклассического видения экономической деятельности, а о неокапиталистической теории, неразрывно связанной с приданием внеэкономическому капиталу высокого статуса как в общественной системе, так и в развитии экономического капитала.

Все сказанное позволяет присоединиться к выводу, который уже сделали некоторые ученые. Вопреки мнению, что капитализм меняет свою природу, основные императивы рыночной экономики остаются теми же самыми, какие бы изменения не происходили в технологической и информационной сферах. Это мнение американского профессора Г. Шиллера.

Общество переживало разные переломные эпохи — огораживание, промышленную революцию, постиндустриальную революцию, посткоммунистическую революцию, когда все казалось рухнувшим, однако подобное состояние может быть лишь временным. В противном случае оно ведет к распаду общества. Его восстановление осуществляется не только духовными революциями, но и объективной логикой социальных процессов. Будущее творится объективными процессами эпох трансформации, с одной стороны, и деятельностью людей этих эпох, с другой. Можно надеяться на направленность объективной логики развития на частичное восстановление прежних ценностей и формирование новых, на потребность всегда господствующей в эпоху сломов экономической адаптации в ценностных основаниях, но и на потребность общества и человека в них.

Есть ли альтернатива капитализму? Революционные пути сегодня ведут к терроризму, хотя это не исключает других путей в будущем. Но альтернатива, представленная радикальным исламским сопротивлением, иллюстрирует антицивилизационный характер сопротивления «исторических низов» прогрессу. Только низы, имеющие символический капитал и универсалистский потенциал, способные осуществить духовную революцию, взаимоприемлемые ценностные изменения для Востока и Запада, могли бы быть охарактеризованы с позитивной коннотацией. Но пока мы знаем только одну системную оппозицию западному пониманию прогресса, направленную на его отрицание, — радикальный ислам.

Другие варианты левого сопротивления Западу часто состоят в том, чтобы играть на кризисе прогресса и создавать революционные возможности и диктатуры; создавать демократически-диктаторские лакуны, противостоящие гомогенизации империи-капитализма; строить фронт сопротивлению англо-саксонскому варианту глобализации на базе Европейского союза¹. Революционная нелепость, как бы ни эмоционально захватывающими были бы революционные цели.

Все с большими трудностями осуществлялся мягкий социал-демократический вариант капитализма типа «третьего пути» Т. Блэра, не являясь антикапиталистическим.

Различные варианты социал-демократической и социалистической альтернатив продолжают занимать умы теоретиков, но пока нет системных движений, способных осуществить эти ожидания. Это не значит, что они не могут возникнуть в будущем.

Существуют точки зрения, что распространение капитализма в мире лишает его признаков цивилизованности и что он начинает разделять судьбу демократии, представления о которой также размываются вместе с ее продвижением по миру. В частности, реакцией на это распространение является ослабление капиталистических начал самого Запада. Американский исследователь Г. Альперовиц отмечает уменьшение в стране равенства, политической активности, демократии, которые трактуются как путь к распаду американского капитализма. О кризисе и даже гибели Запада пишут П. Бьюкенан, Т. Бланкли, С. Хантингтон, столь известные читателю, что мы не даем сносок.

Но пока представляется, что угрозой западному капитализму является повсеместный кризис идентичности, низкая рождаемость, миграционные потоки, еще более усиливающие кризис идентичности. Но не эти угрозы главные.

¹ См.: Магун А. Что значит ориентироваться в истории. О перспективах левого движения // Космополис. 2005. № 4 (10). С. 201–219.

Неокапиталистическая теория во многом связана с осмыслением внеэкономического капитала как фактор изменения капитализма, а также со многими другими новыми явлениями третьей современности.

2) Рынок для общества или общество для рынка

Предложим два сценария, обусловленные различным разворачиванием в будущем дилеммы «общество для рынка» или «рынок для общества», которая и будет определять конфигурацию социального обустройства в XXI веке.

В первом сценарии, когда активным формирующим началом будет энергия, вырабатываемая рыночной стихией, такие очертания будущего можно увидеть уже в настоящем.

На глобальном уровне сегодня — это система, захватившая почти все без исключения страны и имеющая четко выраженный расклад: государство-центр, периферия и полупериферия из государств, находящихся на разных стадиях экономического развития. Доминирование центра мирового капитализма обеспечивается исключительно технологическим и инновационным уровнем американской экономики, который в настоящее время превосходит и Европу, и отдельные государства мира. Американская экономика трансформировалась в экономику знаний, она сегодня направлена в основном на производство метатехнологий, ноу-хау и эффективных технологий по организации управления¹. Принципиальное отличие метатехнологий в том, что их заимствование и применение ставит пользователя в заведомо невыгодное и неравное положение. Пользователь лишается права участвовать в дальнейшем в усовершенствовании технологий, при этом становясь все более зависимым от них.

Классическим примером является распространение технологий компании «Микрософт». Переход на операционную систему этой компании

¹ Существующие оценки экономики США, основанные на работах Саймона Кузнеца, дают неверные представления об ее потенциале. Этот потенциал гораздо мощнее, может быть даже на целый \$1 трлн., чем принято считать. Ее мощь не в инвестициях в оборудования и здания, которые действительно снижаются, а в инвестициях в образование и НИОКР, которые сегодня, по сути, обеспечивают этой стране лидерство. А эти инвестиции американские транснациональные корпорации увеличивают и в процентном, и в абсолютном значении. Разговоры о скором крахе американской экономики основаны на не совсем адекватном непонимании сегодняшних реалий. См.: М. Мэндел. Экономика США без маски. Почему ее рано хоронить // Business Week. М., 2007. С. 36–43.

привязывает в дальнейшем к остальным продуктам этой компании и практически лишает пользователя выбора. Попытки объявить «Микро-софт» монополистом пока заканчиваются безрезультатно.

Метатехнологии распространились только в конце 90-х годов, изменив характер взаимоотношений между субъектами глобального капиталистического рынка. Они не только ставят пользователей в зависимое положение, «но и направлены на активную трансформацию их сознания»¹. Собственно говоря, эти новые невиданные ранее технологии практически убрали традиционное понятие конкуренции не только из рыночной экономики, но и из политической реальности, они выстроили мировой порядок в соответствии с новыми рыночными реалиями. Таким образом, возник центр, который отправляет на периферию инновационные технологии, являющиеся продуктом интеллектуальным, а взамен от периферии получает продукты, изготовленные на основе не восполняемых природных ресурсов.

Так, в основном благодаря специфике действующих рыночных сил возникло новое мироустройство, создавшее системные напряжения невиданной ранее природы. Неустойчивость глобального капиталистического хозяйства, выстроенного по типу пирамиды, привлекательная тема для многих исследователей². Эта система сегодня не адекватна слишком многим вызовам современности. Основываясь на предыдущем анализе, можно предположить, что неустойчивость всей этой пирамиды предопределена отсутствием адекватного социального тела, которое могло бы противопоставить глобальному рынку свои интересы. Отсутствие такого противовеса собственно и делает всю эту конструкцию несправедливой, несбалансированной, и самое главное, явно обслуживающей интересы центра. Мотивы легко просматриваемой выгоды центра — жить в изобилии, поддерживать достигнутый уровень благосостояния, находятся в противоречии с идеей общего блага остальных частей, какие бы конкретные формы это благо не принимало на региональном и локальном уровне. Похоже, органическая форма солидарности не может быть свойственна глобальному рынку в целом.

¹ М.Г. Делягин. Мировой кризис. Общая теория глобализации. М., 2003. С. 235.

² Полярность подходов к этой теме отражена, например, в дискуссии между Дж. Арриги, специалистом по истории цивилизаций, и Н. Фергюсоном, специалистом по экономической истории и истории империй. См.: Свободная мысль—XXI. Теоретический и политический журнал. № 1 (151), 2005. С. 3–30.

Мы оставляем без дальнейшего внимания региональные и локальные уровни, на которых все меньше прослеживается разнообразие типов капиталистических экономик.

Второй сценарий, если будущее обустройство станет результатом воплощения нового социального проекта, для которого экономика — всего лишь механизм решения социальных задач, механизм справедливого распределения доставшихся всему человечеству благ. Этот сценарий подобно рассмотрен в конце книги для стран нового капитализма и хозяйственной демократии.

2) Неосмитианство

Проблема соотношения рынка и общества привлекла внимание к трудам Смита. Неосмитианство стало влиятельным инструментом исправления недостатков капитализма и экономической теории. Оно получило уже достаточное развитие как в форме марксистского неосмитианства, которому уделяет внимание Арриги, вплоть до того, что его книга «Адам Смит в Пекине» посвящена ведущему представителю марксистского неосмитианства А.Г. Франку, так и в других вариантах. Здесь мы дадим только краткий обзор идей Смита, которые важны для экономической науки и развития капитализма сегодня.

НЕОСМИТИАНСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Альтернативу либерализму на Западе представил Дж.М. Кейнс. Концептуальная неудовлетворенность теорией Кейнса на Западе содержательно была обусловлена тем, что в 1980-х годах стало интенсивно изменяться само западное общество. Оно практически перестало быть обществом труда, переросло фазу общества потребления и стало стремительно трансформироваться в разные формы современного гедонизма. И все равновесные модели, а также идеи частичного государственного регулирования экономики оказались теми теоретическими предпосылками, ограничивающими или даже исключающими возможность нового видения или же новых содержательных предпосылок, из которых должен произрасти формализм теории, отвечающий на вызовы современной ситуации. Последняя на Западе характеризуется новой фазой капитализма, и тем не менее потребительские интенции, развившие потребительское отношение к миру до символического уровня и при этом пренебрегающие бедностью целых континентов, все более подвергаются не столько экономической или социологической, сколько этической критике.

Где же искать содержательные предпосылки новых экономических формализмов? Ответом может быть переосмысленный для современных условий подход, который уже однажды в истории науки привел Смита

к построению теории. Назовем его *неосмитианским подходом*, суть которого в следующем.

1. Экономическая наука должна быть «погружена» в социальный и политический контекст. Экономическая теория не выстраивается как отдельная наука об экономической реальности, а встраивается в общую междисциплинарную парадигму наук об обществе. Экономика снова становится политической экономией, обособляясь от других наук об обществе не по предмету, а по методам исследования.

2. Использование целого комплекса методов в экономике — дедуктивного, индуктивного, описательного, исторического и т.д., контекстуализм экономики.

3. Экономическая теория должна признавать сложные, многообразные факторы в развитии производства и общества, в формировании общественного богатства.

4. Экономическая теория должна преодолеть онтологизацию «экономического человека», которая характерна для неолибералов и представителей Чикагской школы экономики. Для них «экономический человек» перестает быть методологической абстракцией и становится реальным человеком вполне в соответствии с тем возвышением, которое экономика претерпевает в обществе по отношению к политическому, социальному, культурному и религиозному началу.

5. Этическая критика призывает сегодня к высотам христианской морали, категорического императива. Но простая формула Смита о нравственных чувствах является основой этической позиции, без которой ее возвышение невозможно. Ее простейшее выражение «хотя бы мысленно разделить судьбу другого», выводимое из концепции американского либерала Дж. Роулза¹, является той исходной точкой, с которой что-то может измениться.

6. Необходим дальнейший пересмотр концепции «невидимой руки», всецело приписываемой рынку. Идеи Кейнса о коллективных целях и о необходимости регулирования экономики для их достижения должны найти отражение в экономической теории.

7. Важно и то, что Смит отобразил недостаточно зрелые капиталистические отношения, которые сегодня в странах нового капитализма являются именно таковыми, а в странах традиционного капитализма подвергаются изменениям.

Смиту было очевидно, что экономический анализ должен быть погружен в общественно-политический контекст и, что самое главное, в

¹ См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 307, 430, 469–471, 481, 482, 485.

нравственный и этический контекст своей эпохи. Позже Маркс сформулирует свою политэкономическую теорию, предворяя ее разработанными им к тому времени положениями социальной теории. Эффективная и высококонкурентная экономическая теория возникает, когда ее корни питаются жизненными социополитическими и нравственными идеями. Теория продолжает быть интеллектуально привлекательной до тех пор, пока сохраняет свою силу питающий ее социокультурный контекст. Экономическая наука в последней четверти XX века оторвалась от своих корней. Однако сегодня экономическая проблематика вновь сдвинулась от формализмов, обеспечивающих неизменное функционирование общества, к осмыслению вопроса о его назначении и перспективах. Задача состоит в том, чтобы вернуться к принципам подхода, однажды уже так блестяще оправдавшего себя в истории научной мысли. И в его основе должна лежать новая интегральная идея социальной философии.

НЕОСМИТИАНСТВО КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ СИНТЕЗ МОДЕЛИ ЧЕЛОВЕКА В ЭКОНОМИКЕ И ЧЕЛОВЕКА ВООБЩЕ

Улучшение капитализма многими связывается с изменением человека, с формированием автономного и ответственного индивида вместо доминирующего теперь негативного индивида, который только в консюмеризме находит свою подлинность. Буржуазный автономный индивид в корне отличается от этого загнанного в угол одиночки. Западный индивид, если он не является частью массы, *автономен, независим*, инструментально *рационален* и *персонально интегрирован*¹. Анархический, негативно-свободный индивид не может быть автономным, является зависимым, ограничен в своей инструментальной рациональности, поскольку действует в море хаоса и персонально дезинтегрирован. Даже «экономический человек», занятый в производстве, «модульный человек» — самоуправляемый и управляемый деятель — выше потребителя, не осознающего, что его используют для производства.

Как утверждает В. Автономов, Смит не употреблял понятия «экономический человек», но в неявном виде его ввел. Этот тезис вызывает большие сомнения. Дж.М. Кейнс отрицает применение Смитом термина «невидимая рука рынка». Истоки рассуждения Смита несколько другие. Он изучил задолго до «Богатства народов...» в «Теории нравственных чувств» альтруистические свойства человека, его склонность к симпатии, сочувствию, способность поставить себя на место другого. В «Богатстве народов» он исследует эгоистические чувства, алчность, жад-

¹ См.: *Borofsky B. Liberalism from Self: A Theory of Personal Autonomy.* N.Y., 1996. P. 9–10.

ность, но показывает, что их носители могут послужить обществу, если направят их в экономику. Напомним его рассуждение о пивоваре, который ценен для нас не тем, что он добр, а тем, что варит хорошее пиво. Это занятие делает его полезным членом общества, а совокупность воли, интересов и качеств людей уравнивается в обществе. Будучи ценен обществу в этом отношении, он, тем не менее, контролируется обществом, а также моралью, чтобы его стремление к наживе не превзошло границы и не вывело из-под контроля общества его дело. Смит как человеку верующему нелегко было вычлнить теоретическую абстракцию «экономического человека» из общественной целостности и божественной природы человека. Поэтому критика онтологизации экономического человека, превращение этого концепта из методологического средства в легитимный результат человеческого развития в ходе капиталистической модернизации имеет важное значение. Как мы уже показывали, если Смит и говорил о «невидимой руке» рынка (а Дж.М. Кейнс сомневается в этом), то это не означает, что он отрицал «невидимые руки» общества, морали, культуры, т.е. способность людей социализироваться не в ближайших средах соседства, родства, а в обществе в целом, в морали как социальном институте, в культуре как программе человеческой деятельности. Мы утверждаем наличие «невидимой руки общества», культуры как социализации и освоения ценностей и программ жизни не в ближайших средах. Есть авторы, которые считают, что Смит говорил не о «невидимой руке рынка», а о «невидимой руке провидения». Он говорил о силе Бога, которая приводит божественное создание — общество в состояние уравнивания качеств его членов не посредством государственного вмешательства, а на уровне его собственной деятельности¹. Как верующему человеку Смигу нелегко давалась теоретическая абстракция экономики как особой сферы, человека в экономике как эгоистического человека. Он боролся с этим человеком не посредством моральной проповеди, а путем нахождения для него места в обществе, полезного для общества. Нам кажется, что у него эта методологическая абстракция была справедлива только в отношении основного актора капиталистического производства — капиталиста-предпринимателя, и в меньшей мере в отношении нанятых работников и остальных членов общества.

¹ См.: Федотова В.Г. Хорошее общество. С. 46, 54, 58, 239; Колтаков В.А. Будущее капитализма в исторической ретроспективе. От общества для рынка к рынку для общества // Политический класс. 2006, № 8. С. 75–83; Федотова В.Г. Будущее капитализма в исторической перспективе. Начало эпохи нового капитализма // Там же. С. 85–93.

Напомним, что, на наш взгляд, «экономический человек» появляется не у Смита и даже не у Д. Риккардо, а в современных неолиберальных теориях, где сама природа человека мыслится как направленная на максимум удовлетворений (невольно включая сюда как экономический материальный успех, так и удовлетворение материальных потребностей) при минимизации издержек. Универсализация этой модели человека в экономической теории неолиберализма, особенно у Дж. Бьюкенена, М. Фридмана и других представителей Чикагской школы, связана с тем, что, во-первых, отмеченная природа человека мыслится как всеобщая, во-вторых, поскольку исключения воспринимаются как особенности традиционных докапиталистических обществ или нехватка персональной модернизации в капиталистических; и, в-третьих, поскольку эта природа присуща, по мнению неолибералов, всем людям в обществе, а не только непосредственным акторам капиталистического производства.

Сегодня благодаря политической власти либералов в 1990-е и их практической онтологизации модели «экономического человека» в России «экономический человек» стал реальностью и изменил свое местопребывание. Развитие общества потребления привело к тому, что модель «экономического человека» была распространена посредством экономической технотрактуры, как говорил Дж. Гэлбрейт, социальных технологий на поведение тех, кто не был причастен к производству иначе, чем через потребление, но должен был проявить в нем чрезвычайную устремленность к максимуму удовлетворений и минимуму издержек, сформированную посредством символизации престижных и модных товаров. Потребительская идеология, пришедшая во многие страны раньше, чем возможность потреблять, привела к тому, что новый массовый человек становится «экономическим человеком» уже не только теоретически, но и онтологически. Теоретическая абстракция, которая не может быть до конца онтологизирована, получила свое предельно полное воплощение именно в этом проявлении «экономического человека». В посткоммунистических обществах значительная часть людей, особенно молодежи, оказалась соблазненной потребительской идеологией, но не для развития производства, что произошло на Западе и в новых индустриальных странах Азии, а для участия в гедонистическом соревновании небольшого круга лиц и гедонистическом мечтании для остальных. Для многих людей в посткоммунистических странах деньги, удовольствия и потребление, нежелание трудиться, но стремление иметь максимум вознаграждений при минимизации трудовых издержек стали формой реального существования «экономического человека». И все же и здесь «экономический человек» не восторжествовал полностью. Налицо неудовлетворенность наличием доминанты «экономического

человека». Неуниверсальность его. Суррогаты экономического человека являются его наиболее убедительной критикой. Неспособность модели «экономического человека» отобразить повседневность большинства человечества очевидна. Деньги для многих играют роль фактора, рационализирующего трудовые усилия. Многие осуществили или продолжили персональную модернизацию совсем не по модели «экономического человека».

Американский ученый К. Бруннер известен анализом моделей человека в социальных науках. Он ввел экономическую и социологическую модели. Причем экономическая модель представляется им как более обобщенная и пригодная для социологии, чем социологическая для экономики и даже для самой социологии. Экономическая модель человека Бруннера получила широкую известность и именуется REMM (resourcesful, evaluative, maximizing man) — человек изобретательный, оценивающий, максимизирующий. Эти черты человека в экономике, по мнению Бруннера, отмечаются со времен Адама Смита.

Изобретательность характеризует эволюционные возможности не только человека, но и общества, их способность открывать новые возможности. Оценка включает предпочтения, наличие экономических и неэкономических мотивов а также личных интересов и эгоизма. Для оценивания характерно то, что индивид предпочитает их делать самостоятельным путем, причем в отношении любого вида благ, а не только экономического блага: «Человеку свойственно оценивать... Он дифференцирует, сортирует и упорядочивает состояние мира и в процессе этой деятельности редуцирует объект, с которыми сталкивается, до соразмерной ему величины. Он предпочитает большее количество благ, имеющих положительную оценку. Кроме того, оценка зависит от контекста. Любое фиксированное приращение положительно оцениваемого блага оценивается все ниже по мере того, как растет его общее количество... Человек стремится вступить в обмен по всем направлениям. Он всегда готов поступиться некоторым количеством любого имеющего ценность блага в обмен на некоторое количество альтернативного блага, которое он ценит выше»¹. Это общая формула конвертации, которая была более подробно раскрыта в трудах тех, кто обратился к понятию внеэкономического капитала и его связи с экономическим.

¹ Бруннер К. Представление о человеке концепция социума: два подхода к пониманию общества // Thesis. 1993, № 3. С. 56.

Глава 9. Новые способы взаимодействия капитализма с этикой

Напомним, что Зомбарт утверждал, что проблемы этики капитализма были проблемами до XIX века, включая его. Далее капитализм оказался совершенно освобожденным от этических забот. Мы рассмотрели этические проблемы Первой современности, но не касались Второй, ибо организованность включала и поддержание морального аспекта, и Зомбарт, представляется, был прав только в том, что моральная автономия была не вполне представлена и больше действовали извне заданные нормы. Как показал Дж.К. Гэлбрейт, один из видных теоретиков организованной современности, на высшем уровне ее организации посредством техники и технократии как целерациональных систем «социализм уже нельзя признать образцовой моделью не только справедливого общества, но даже общества просто привлекательного, — но и капитализм в его классическом виде таковой не является»¹. Поэтому Гэлбрейт говорит о конвергентной модели, в которой действия свободного рынка и государства могли бы быть совместимы, а система распределения справедливой. Справедливость, — это, пожалуй, центральная моральная категория для эпохи организованного капитализма. Появление социал-демократических государств на Западе было попыткой ввести эту норму морали.

Третья современность и Третья великая трансформация более рефлексивно отнеслись к этике капитализма.

а) Этика капитализма: революционный пересмотр и третья современность

По мнению Эдварда Фримана, «подъем капитализма на Западе, индустриальная революция, появление социализма и марксизма фундамен-

¹ Гэлбрейт Дж.К. Справедливое общество. Гуманистический взгляд (*Galbraith J.K. The Good Society. The Human Agenda. Boston, 1996*) // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. М., 1999. С. 227.

тально изменили отношения между бизнесом и этикой. Марксистская критика индустриального мира девятнадцатого столетия поставила вопрос о моральной природе доминирующей бизнес-системы. Рабочее движение сделало этот вопрос реальным как для собственников, так и для рабочих, часто насильственно смягчающих это различие»¹.

В наше время значимой фигурой стал американский либерал Джон Роулз, выдвинувший тезис о справедливости как честности. Справедливость предстала у него не только как высшая «добродетель власти»², но как добродетель всех людей в обществе и в особенности обеспеченных слоев. Представители утилитаристской этики говорят, что нельзя применять моральный аргумент, ибо при этом вы претендуете на свою собственную непогрешимость. Но моральные аргументы характеризуют не собственную безупречность носителя морального утверждения (что случается), а *укорененную в обществе моральную норму, которая автономна*. Так, Роулз исходит из абсолютной моральной добродетели в американском обществе, не зависящей ни от чего, полностью автономной — *честности* (люди, конечно, и там не всегда честны, но уличенный в нечестности человек подвергается остракизму). Не справедливость сама по себе, а честность, которая ведет к справедливости, состоящей в согласии общества на максимизацию минимума при национальном перераспределении дохода. Так решается практическая проблема социального государства. Об этической стороне такого вывода мы уже писали: Роулз призывает хотя бы мысленно разделить судьбу других людей³.

Революционный пересмотр экономической науки продолжается при глобализации, которая создает разнообразные формы капитализмов и мешает рассматривать западный капитализм как единый для всех образец. Проблемы этики капитализма ставят и критики капитализма, и те, кто не имеет сомнения в ценности капитализма, поскольку в новых условиях — глобализации, появления стран нового капитализма — последний нуждается в новой легитимации: «Источник нашего несчастья и депрессии, конечно, включает в себя трагическое уменьшение семейной солидарности и других человеческих связей, уменьшение, которое,

¹ Business Ethics: The State of the Art. Ed. by Freeman R.E., N. Y., 1991. P. 4.

² См. о справедливости как высшей добродетели человека власти: Соловьев Э.Ю. Категорический императив нравственности и права. М., 2005. С. 212–215. Здесь мы предпочитаем говорить о справедливости власти как института, а не только о поведении ее представителей.

³ Федотова В.Г. Хорошее общество. С. 471.

я думаю, усиливается рыночной экономикой и не делается лучше политическими институтами... Экономические и политические институты нашего времени — продукты утилитарной философии счастья. Но, скорее всего, они привели нас к периоду большего несчастья частично из-за бентамовской философии денег...»¹. Семья, работа, финансы, место жительства, уменьшение взаимного доверия, веры в прогресс, потеря уважения к публичным авторитетам переходит в идею недостижимости счастья и глобализации локальных несчастий. И ее предел для западного сознания — разочарования в деньгах, обнаружение, что... деньги должны быть получены, но они являются измерителями не только радости, но и боли. Это ощущение настолько сильно, что появились работы, в которых утверждается, что нужны новые парадигмы в экономике, даже рисуется график зависимости счастья от денег, вначале прямо пропорциональный их росту, а затем сложно петляющий, словом, давно известная в России формула, что не в деньгах счастье².

Поиски этической перестройки капитализма сегодня в связи с высокими технологиями, которые восхищают, дают новые возможности свободы от природы, вплоть до биотехнологий, от традиционных форм жизни, усиливают возможности свободы от норм, творческие интенции, распространяющиеся на создание новых нетрадиционных образов жизни, в своем предельном продолжении отрицают капитализм, а вместе с ним и любую другую социальную форму существования людей, делают массовое общество в перспективе единственной реальностью и одиночество людей ее следствием.

Западные и российские ученые, философы, социологи — Зигмунд Бауман, Жан Бодрийяр, Джон Нисбет, Фрэнсис Фукуяма, Владимир Кутырев, Александр Панарин и другие — бьют тревогу по поводу того, что «экономика знания» высвобождает людей не только из природы, но и из общества, итогом чего становится индивидуализированное и потребительское общество, дегуманизированный мир, постчеловеческое будущее, преобладание искусственного над естественным, и стремятся все вместе найти защиту в этике, а также каждый по-своему — в коммунизме как источнике этики, меритократии, гуманизации, в усилении государства, в национальных корнях, в новых основаниях общественного договора, в здравом смысле, в рациональности и во многом другом

¹ Lane R.E. The Loss of Happiness in Market Democracies. New Haven, L., 2000. P. 3–4.

² См.: Stiglitz J.E., Greenwald B. Towards a New Paradigm in Monetary Economics. Cambridge. 2003.

или во всем месте. Но мораль и этика, как внутренний регулятив, стоят на первом месте в этих поисках сегодня обретающих не консервативный, а революционный смысл.

б) Этика бизнеса и этика капиталистического общества

Вопрос об этике капиталистического общества ставили Карл Поппер и Джорж Сорос, написавший работу о кризисе глобального капитализма. Сорос развивает идеи Поппера об этике как важнейшем факторе «открытого общества», т.е. западного демократического общества. Критика капиталистического хозяйственного уклада состоит чаще всего в том, что его ориентация на прибыль легче осуществима без этических ограничений. Сорос отмечает, что максимизация прибыли не гарантирует выполнения требований морали и что глобальный капитализм основан на рыночном фундаментализме. Под последним понимается господство рыночных ценностей и то, что эти ценности и рынок в целом являются доминантами человеческих отношений.

Этика капитализма понимается и как проблема хозяйственной системы в целом, и как проблема корпораций, фирм, отдельных предпринимателей, и как проблема общества. Бизнес-сообщество способно корректировать себя со временем на уровне честности, доверия, репутации, обязательств (социальный капитал), этики принуждения, этики дела, когда уже устало от этики успеха, этики ответственности, экономической рациональности, а не жадности из-за большей цены и риска последней. В фирмах есть определенная этика, часто утилитаристская, подчиненная делу, успеху, но ее универсальность недостижима. Большой бизнес регулирует корпоративная этика, обеспечивающая долговременность интересов, ибо уже есть опыт кратковременных интересов, приведший к потерям. Это тоже утилитаристская этика, усваивающая отдельные автономные источники этики — честность, доверие, ответственность, но утилизирующая их в интересах своей цели — прибыли и успеха. По существу в этих больших экономических блоках невозможно работать без квазипротестантских ориентаций на деньги как меру успеха, а не самоцель, на трудовую аскезу, бережливость и рационализм. Сегодня можно сомневаться в том, что в условиях глобализации, включающей самые разные общества, действует экономическая рациональность. Часто действует просто жадность. Бизнесмены-американцы говорят по секрету: жадность, жадность, инерция, какой там рациональный интерес — не верьте теории. Мы бы сказали: если им поверить, то не жадность, а закон прибыли капиталистического производства, делающий гонку непрерывной, как и гонка в науке для тех, кто ею живет. Жадность — кратковременный стимул, если она не соединяется с планированием

будущего, целями развития предприятий, получением результата. Не зря Фридрих Хайек сравнивал рынок и науку как сферы инноваций и творческого горения.

Хотя в российском посткоммунистическом обществе свобода предпринимательства более всего сказалась в его криминализации, ибо криминальный доход в 1990-е превышал доходы от труда и бизнеса простых людей, большие корпорации постепенно стали нуждаться в защищающей их в глазах общества и обеспечивающей им будущее корпоративной этике. Исследователи проблемы отмечают, что в мире растет корпоративная социальная ответственность, и бизнес берет на себя не только свои непосредственные производственные задачи, но интересуется и материально способствует осуществлению социальных проектов разного уровня. Это — «социальные пакеты для наемного персонала предприятий ... проекты культурной, образовательной, религиозной и иной общественно значимой направленности ... инициативы в области охраны окружающей среды»¹. Даже наемных строительных рабочих, не говоря уже о крупных корпорациях, репутация начала интересовать не только как залог успеха, доверия, новых заказов и новых возможностей, но и как этическая автономная ценность — ценность сама по себе.

В мире встречаются ситуации, когда бизнес мог бы преподнести уроки нравственности коррумпированным властным, бюрократическим структурам, политикам, ученым, обществу, наконец. Дисциплина, целеустремленность, труд, творчество, ответственность, рациональность потенциально, а нередко и реально, могут создать моральный анклав именно в бизнес-сообществе, в котором корпоративные цели соединяются с этическими универсалиями. В обществе нет структур, выживаемость и успех которых в такой степени зависел бы от этических универсалий, соединял автономные (названные так в связи с тем, что являются независимыми этическими источниками, ценными не из-за своей полезности, а сами по себе) и гетерономными этическими источниками (ценными тем, что обеспечивают жизнь, благо, пользу, удовольствие, счастье, независимость и пр.). Конечная этическая цель — автономные этические ценности, действующие безо всяких условий, но в период грандиозных турбулентностей и перемен они формируются сначала в гетерономном поле практической значимости любого рода, включая просто витальность, возможность выжить, существовать и только затем при дальнейшем возвышении целей появляются автономные ценности. Вряд ли этика более стабильных эпох могла так зависеть от практики.

¹ Перегудов С.П., Семенов И.С. Корпоративное гражданство как новая форма отношений общества, бизнеса и власти. М., 2006. С. 5.

Пожалуй, наиболее сложна для универсализации в бизнесе этика справедливости, ибо успех здесь создает иллюзию неумения, неграмотности, отсутствия таланта в тех, кто живет на нищую зарплату госсектора — врача, учителя, ученого. В действительности в этих секторах остались как те, кто мало что может, так и те, кто предпочитает работу по призванию любому жизнеустройству, противопоставляемому независимости от материальных благ только в части посткоммунистического мира. Здесь перевернулась статусная пирамида, делая достижением только деньги и измеряя успех только ими. Экономоцентризм, рыночная идеология все сфер общества, «экономический человек» уже не могут удовлетворять даже бизнес.

Особую роль в постановке этических проблем играют деньги. В посткоммунистических обществах рыночный фундаментализм — это не просто распространение ценностей рынка, которые включают и честность, и ответственность, и взаимопомощь, и конкурентноспособность, на общество, а это помещение денег наверху ценностной иерархии: стоимость вместо ценностей. Бывший бизнесмен, «самый старый российский капиталист», как он сам себя назвал, член Совета Федерации Лисовский в передаче по НТВ, с ведущим В. Соловьевым заявил, что криминал в России связан с борьбой за деньги, что деньги — это все. Это была объективистская констатация, ничуть не подрывавшая легитимность денег. Владимир Васильев, депутат, глава Комитета по безопасности парировал: поскольку деньги — это все, то нет морали. Лисовский отвечал: «Деньги не инструмент морали, а инструмент бизнеса. Критика денег, — говорил он, — романтическая утопия. Не бизнес вырабатывает мораль, а институты общества... Мы не в церкви». Отсутствие морали, по мнению Лисовского, связано с уничтожением всех инструментов контроля над властью. На Рублевке, сообщил он, самые дорогие дома покупают чиновники, составляющие 90% всех покупателей. Васильев отметил, что накопление капитала было обеспечено в России разгромом правовой системы, ибо по законам того времени он не мог возникнуть. Треть граждан находятся за порогом бедности.

Этика справедливости не дается сегодня простым чувством эмпатии, не рождается ни в обществе, ни в бизнесе, не в политике. Она требует, как говорит немецкий философ, социолог и политолог Ю. Хабермас, «искусственных добродетелей», к которым сегодня относится и справедливость, и компромисс, и сознательный выбор этического и морального поведения в деструктурированном этическом поле, причем выбор с ориентацией на универсализацию морали, на кантовское избрание таких максим для своего собственного поведения, которые бы ты хотел сделать всеобщими, или вечное «золотое правило нравственности», утверждаю-

щее, что нельзя поступать с другими так, как ты не хочешь, чтобы поступили с тобой.

Противоположность «экономическому человеку» — бюрократ, «человек институциональный», не может вести государственную службу на основе денег, ибо это и называется коррупцией. И тем самым он не может оставаться «институциональным», если не становится моральным. Он может, конечно, но тогда мы имеем то, что имеем.

Польский исследователь Войчек Гаспарский придерживается так называемой праксеологической линии восприятия капитализма с точки зрения действенности, эффективности и этических параметров. Эти три критерия дают критерии оценки капитализма, только совместно формируя его позитивные качества¹.

Взаимодействие политиков и общества с корпоративным сектором, который имеет гетерономные и особенно автономные этические ценности, может универсализировать корпоративную этику, сделать ее источником формирования структур гражданского общества, политической ответственности и долговременности планов, устойчивых национальных интересов и глобального участия, нормализации статусных отношений и выходу из несвойственного России с ее высококвалифицированными и высокообразованными специалистами статуса третьего мира, ибо в третьем мире нет столь образованных в массовом количестве людей. Экономика, становящаяся «экономикой знаний», и общество — «обществом знания», нуждаясь в высококвалифицированных специалистах, поднимут их роль и их зарплаты. А угрозы бизнесу, идущие от общества, могут привести к замене манипуляций политической технологии социальными инновациями и социальными технологиями, опережающими технологические инновации. Статус страны, достоинство граждан окажутся защищенными интересами бизнеса и его этики. Но это все — идеальная модель, ростки которой, в свою очередь, должны быть поддержаны обществом и властью, чтобы стать реальностью.

Рассмотрение секторов бизнеса, власти и общества находит в обществе сектор, наиболее уязвимый в плане использования свободного времени для собственного развития и признания автономных этических норм. Речь идет в целом об этике капиталистического общества или общества, где капитализм — хозяйственная система, и не столько о бизнес-этике. Серьезной этической проблемой является возможность победить консюмеризм капиталистического общества не в качестве по-

¹ *Gasparski W.W. Effectivness, Efficiency, and Ethicality in Business and Management // Ethic and the Future of Capitalism — Praxiology / Eds. by R. Freeman, R Edward. N.Y., 2002.*

купательной способности, а в качестве смысла жизни. Это ставит вопрос об этике не только тех, кто является субъектами капитализма — работники, предприниматели, бюрократия, но и тех, кто, работая во всевозможных сферах, включая и названные, или не работая, отождествил себя с самыми успешными акторами капиталистической активности, не являясь таковыми и сделавшими любовь к деньгам и устройству своей жизни, примитивную адаптацию религией, вытеснившей все остатки автономной нравственности. В них нет энергии криминала, но нет и трудовой аскезы, и культурного стремления, нет упорства и рациональности. Есть приспособительные реакции, часто весьма успешные, но бессмысленные по сути их жизненных установок.

в) Отделение экономики от общества в качестве инструмента и следование собственным этическим принципам общества

Местные этики одушевляют заимствованный опыт. Общеморальная работа с инструментом экономики осуществляется во многих странах нового капитализма. На начальной фазе капитализма моральные и религиозные ограничения могут быть хабиитуализированы и институализированы в коллективных представлениях.

Этика капитализма — это этика общества, где есть капитализм — будь-то капиталистическое общество, общество, в котором есть капиталистическая хозяйственная система или ее элементы при глобальном проникновении капитализма. И тогда при рутинизации харизматической идеи этики (как это было с этикой протестантизма) весь вопрос состоит в том, насколько общество в целом ее способно принять. При трансцендировании заимствованной модели капиталистической экономики к этике (конфуцианской в Южной Корее, Китае) или традиционной коллективности (в Японии) возникают вопросы в том, во-первых, насколько целостен и не разрушен блок самой этики, конфуцианской или традиционной коллективности, во-вторых, насколько капитализм как хозяйственная система склонен его принять или разрушить. В странах, куда капитализм просто проникает из-за глобализации в качестве инструмента, это вопрос о том, работает ли этот инструмент на общее благо, на формирование социальной субстанции или разрушает традиционное общество. В России, где традиция разрушалась ни раз, идеал сурового физического монастырского труда как испытания вряд ли обмирщается вне ситуаций, угрожающих стране существованием, деньги вводят рациональность, но аффектов не меньше, этика может сложиться в ходе политики развития не как некая идея, а прямо как платоновское воспоминание о прошлом величии, гордости, патриотизме. Но попытка использовать эти воспоминания в условиях нынешних до программ раз-

вития ни к чему не ведут. Разве что к эксплуатации патриотизма «прибежищем негодяев». Тут, пожалуй, важнее этика бизнеса, чем этика расколотого общества. Если бизнес в России проникнется этикой справедливости и этикой ответственности, общество примет его этический пафос.

Наибольшего успеха такая идея нашла в выдвинутом в 1950-е годы проекте японских социологов против либерализма. Либеральный проект, проводимый американскими оккупационными силами, был направлен на разрушение общины как проводника милитаристских целей. Это не повышало эффективность экономики и люмпенизировало японское общество. В контрпроекте японских социологов было предложено, как мы уже показали, возложить ответственность за милитаризм на государство, а не на общину, изменить цели государства и использовать инструмент общины как коллективного производителя.

г) *«Имеет ли этика шанс в мире потребителей?»*

С таким заглавием только что вышла книга З. Баумана¹. В этой книге он открывает новое поле борьбы — подумать о мире, в котором мы живем и для чего.

Постиндустриализм и глобализация 90-х получают духовную предпосылку в массовой культуре, весьма урезанную, подобно тому, как индустриализм обрезал рациональность до позитивистской веры в науку.

Массовая культура стала своего рода производительной силой информационного постиндустриального капитализма на Западе, хотя была произведена индустриальным капитализмом, поскольку именно в ней прорабатывались символические содержания, столь присущие информационному обществу. Оказав влияние на формирование постиндустриального, информационного общества, она служит в нем средством релаксации, самоутверждения, является эвфемизмом коллективности, способом управляемости потребительским и прочим поведением.

Капитализм из-за его адекватности примитивным культурным формам и слабой конкуренции культур на уровне масс не может вырваться из своего материализма.

Недовольство интеллектуалов победой массовой культуры в конкуренции культур — одним из очевидных признаков разрыва поколений, не дает им увидеть значимость массовой культуры как «мягкой мощи» (soft power). Именно массовая культура сыграла роль при переходе Запада в постиндустриальную фазу, в развитии индустриальных обществ Азии, не сыграв таковой в России. Точнее, сыграла только политически,

¹ Bauman Z. Does Ethics Have Chance in a World of Consumers. Cambridge, Massachusetts, L., 2008.

но не экономически — в перестройке образа жизни. Нарастающий отрыв этой культуры от репрезентации чего бы то ни было реального, ее своего рода виртуальность и знаковость стала повседневной проработкой постиндустриального, информационного этапа западного капитализма и затем доказательством того, что это все еще капитализм, а не нечто новое. Поскольку консьюмеристская сторона западного общества не исчезла, массовая культура по-прежнему играет роль в формировании потребительского сознания.

Предположение, что постиндустриальное общество решит все проблемы материального характера, перейдет в постэкономическую стадию, несмотря на все успехи экономики, представляется сомнительным. Для 80 процентов населения Запада мир не станет постэкономическим — свободным от экономических проблем. Не становится он и посткапиталистическим — усвоившим достижения капитализма, но порвавшим с его недостатками, как это первоначально предполагалось. Напротив, идея прибыли и вера в то, что сегодня можно купить все, включая жизнь и здоровье, и за все надо платить — несколько превосходит корыстные намерения капитализма предшествующего этапа.

Особую роль проводника этой идеологии, коммерческого предприятия, строящего на ней свою деятельность посредством оплачиваемой рекламы и «воспитателя» консьюмеристски ориентированных масс играет телевидение. Информационный рост и качественные сдвиги в производстве информации оказались направленными на то, чтобы расширить потребительские интенции капитализма, включая в сферу товарного обращения и то, что в нее прежде не попадало. Только тогда, когда аудитория сбита в стадо, представление информации становится выгодным, считает известный критик информационного общества Г. Шиллер. Он, как и многие другие, видит в содержательной стороне работы телевидения заказ стремящихся к прибыли корпораций. Люди, которые собираются у телевидения в наиболее приемлемое время, получают усредненную упрощенную информацию, подчиненную идее возбудить их потребительский интерес и заставить их покупать все что угодно, главное — они уже научены тем же телевидением, что, покупая нечто, они покупают собственную жизнь, за которую, как и за все, надо платить¹. Это «все» включает и отношения людей.

В новых условиях общество сервиса как переходное между индустриальным и постиндустриальным не исчезает, но меняется. У него появляются такие сферы, как *обслуживание и улучшение информационных*

¹ См.: Уэбстер Ф. Теории информационного общества. М., 2004. С. 207–216.

услуг и психофизиологических состояний человека, включая биотехнологии, омолаживание, продление жизни, нейрофармакологию. Существует опасность социального расслоения, основанного на разных финансовых возможностях людей в продлении себе жизни и сохранении здоровья, иначе смотрится проблема естественных прав и прав человека в обществе. Многое из того, что могло недавно быть сферой научной фантастики, становится реальной возможностью. Вместе с тем становится возможным террористическая атака 11 сентября и ее восприятие многими американцами не как сознательного нападения, а как привнесенной Голливудом фантазии, в которой участвуют актеры. Дети, уткнувшиеся в компьютерные игры, доходят до аутизма. Виртуальная реальность становится реальной реальности. Сегодня дети вовлечены в консьюмеризм. Как пишет В. Барбер, «рынок коррумпирует детей, инфантилизует взрослых и делает мелкими всех граждан»¹. Пожалуй, только собственная природа человека еще не виртуализирована в сознании человека и вышла своими инстинктами на культурную поверхность. Актуализировалась идея природного потенциала человека, которая толкает к тому, чтобы в концепциях справедливости вновь появились естественные права. Нахождение взаимности в природе человека и человеческого рода усиливает этический интерес к эмпатии и солидарности в обществе в противоположность одиночеству и индивидуализму.

Приставка «пост» ко многим прежде известным и теоретически изученным феноменам характеризовала изменения, которые были не вполне понятны. И это вызвало конкуренцию концепций модернизации и постмодернизации, которая казалась победителем в 1980 году и оказалась побежденной в 1990-м новыми переменами в реальном развитии обществ.

М. Вебер говорил, что страсть — это отношение к другому человеку как средству. Страсть любви все же, думается, не всегда превращает другого человека в средство. Игра престижа, статусов, желаний делает стремящегося к престижному потреблению и соперничающего с соседями в автомобилях и прочих вещах человека индустриальной эпохи, например, героя получившего Нобелевскую премию романа С. Льюиса «Бэббит», бесконечно невинным — всякий раз, добываясь обладания престижным продуктом, он получает удовлетворение и успокаивается на время. Материальный консьюмеризм сохраняется и поощряется по-прежнему. Среди американцев есть немало таких, кто поклоняется какой-либо фирме, является стопроцентным потребителем ее продукции,

¹ Barber B.R. Consumed. How Markets Corrupt Children, Infantilize Adults and Shallow Citizens Whole. N.Y., L. 2003.

т.е. покупателем всего, что она производит, связан с нею корпоративными отношениями и относится к ней едва ли ни как к церкви. Но есть новое явление: рынок людей с их статусами, одеждой, имуществом, весом в обществе, символическое и реальное соперничество за место в нем. Если прежняя страсть к потреблению удовлетворялась исполненным желанием, что мы видим в судьбе Бэббита, то теперь для потребителей необходимо «постоянно находиться в движении — искать и не находить, а точнее, “пока не находить” — это не болезнь, а обещание блаженства, может быть, даже само блаженство. Они столько же ожидают от путешествия, что прибытие на место становится для них проклятием (“...удовлетворение — это несчастье желания”)¹. Но люди спешат, ибо за пределами их желаний в отношении вещей, развлечений и друг друга — пустота: «...удовлетворение потребителя должно быть *моментальным*, причем, в двояком смысле. Несомненно, потребляемый товар (как и человек в качестве такового. — *Авт.*) должен удовлетворять сразу, без овладения дополнительными навыками и длительной подготовки; кроме того, удовлетворение должно заканчиваться “сразу же”, то есть в тот момент, когда заканчивается время, необходимое для его потребления. А это время необходимо свести к минимуму. Необходимое сокращение времени лучше всего достигается, если потребители не могут надолго сосредоточить внимание на каком-то одном предмете, если они нетерпеливы, порывисты и непоседливы, а главное — легко возбуждаются и столь же легко теряют интерес. Культура общества потребления в основном связана с тем, чтобы *забывать, а не запоминать*» (курсив наш. — *Авт.*)². Это создает новый мир — гедонизма и временности. За всем чертами информационного общества прячется экономическая реальность, универсализирующая консьюмеризм.

Индивидуализация в указанном смысле и изменение стилей жизни, изменение надежности знания и его направленности, конфликты идентичностей, господство массовой культуры становятся более важными для Запада процессами, чем постиндустриализм и глобализация, даже если именно они стали источниками этих новых изменений. Как отмечают Т. Миллер и А. Макхолл, «повседневность переделана контролерами капитала, но в пространстве жизни обычных людей»³.

¹ Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004. С. 119–120.

² Там же. С. 118.

³ Miller T., McHull A. Popular Culture and Everyday Life. L., Thousand Oaks, New Delhi, 1998. P. 10.

Эта идея стала общим местом в критике массовой культуры консюмеризма как ее части.

3. Бауман приходит к мысли, которая занимает сегодня многих, что сегодня нет четкого различия центра и периферии из-за растущей многогоразмерности их отношений, и в мире неплохо работает метафора сети. Рассуждая о том, что сегодня утопии воплощаются в надежды на «хорошее общество», Бауман пытается представить, как выглядит на деле тот идеал «хорошего». Между нормами людей все больше различий. Все больше звучит лозунг о необходимости любить себя и о том, что мы достойны любви к себе. Но что в нас привлекает других? Часто нам мешают любить друг друга негодование, обида, о чем писали Ф. Ницше и М. Шелер.

Критике потребительского общества как основы рыночного капитализма противостоит этическая критика капитализма. С позиций христианской этики ее осуществил Макс Шелер. В работе «Ресентимент в структуре моралей» он показал, каким образом изменения этической системы европейцев, прежде основанной на ценностях христианской веры, под воздействием индустриальной цивилизации ведут к устранению самой жизни как некой высшей ценности в культуре. Он подробно обосновал тезис о том, что развитие капитализма приводит к последовательному возвышению ценности полезного над ценностью жизни вообще, подменяет ценность «живого», настоящего искусственным и мертвым. «Христианская аскеза, — отмечал он, — сделала для себя идеалом достижение максимального *наслаждения* приятным от минимума приятных и притом по-настоящему полезных вещей. Должна была возрасти способность извлекать высшее наслаждение даже из самых простых общедоступных вещей, природы... так что при минимальном количестве приятных и полезных вещей — «механизмов приятности» — достигалась та же *степень* наслаждения, какой более слабая жизнь может добиться только при их большем количестве»¹. Способность к большему наслаждению минимумом приятных вещей — это позиция людей сильных, любящих жизнь, и наоборот, минимальное наслаждение большим количеством вещей — удел людей, пораженных ресентиментом, завистью к тем, кто живет наполненной жизнью. Приведем еще одну сентенцию Шелера: «Изобилие приятных раздражителей в буквальном смысле уничтожает функцию и культуру наслаждения, и чем более пестрым, веселым, шумным, возбуждающим становится окружающий мир, тем более безрадостно выглядят люди. Очень веселые вещи, на которые, не зная, что с ними делать, смотрят очень печальные люди — вот «смысл» «куль-

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб. 1999. С. 175.

туры» развлечений наших больших городов»¹. Эти слова, звучащие столь современно, совпадают с мнением многочисленных критиков капитализма. Так, например, индийский ученый Дж. Капур, прямо связывает будущее Индии с тем, выберет ли она консьюмеризм или гуманизм². Конечно, это сказано с традиционалистских позиций, а не с неоконсервативных, что для нашей темы было бы более интересно.

Опираясь на концепцию Шелера, Бауман показывает рост неприязни и недоверия между людьми в мире потребления. И если для Ницше это было следствием неравенства, то сегодня классовые отношения ушли. Потребление стало иконой, образцом для подражания, кажущимся достижимым, и бедные слои не осуждают его, а стремятся к нему. Нравы настолько изменились, что достижение этой цели *оправдано любой ценой* — криминалом, проституцией, ловлей богатых женихов, сомнительным бизнесом, коррупцией, мафиозностью, клановостью. Люди уже не делают насилие над собой, чтобы реконвенциализировать прежние моральные нормы в новую норму — стремление к максимуму качественного потребления, вытесняют все представления о качестве жизни представлением о количестве и качестве потребляемых товаров и услуг. И самое поразительное, слои общества, подвергшиеся бразилизации (игнорированию) мысленно устремлены к тому же, а следовательно, не являются более моральными, чем те, кто становится реальным потребителем. Главным действующим лицом капитализма является не актер хозяйственных отношений, а те, кто не участвует в производстве или, точнее, участвует в нем как потребители. Так случилось в «жидкой современности» (приводит Бауман свою любимую метафору, называя так сегодняшнюю современность в сравнении с «твердой современностью» XIX века), что потребители подрывают правдоподобность и убедительность своего существования³. Это самый больной путь реконвенциализации, «переписывания» черты Второй организованной современности, с ухудшением вошедшей в Третью, подстегнутые теперь не только производством, но и политической пропагандой неолиберализма. Это — главный проигрыш интеллигенции на рынке культуры.

¹ Там же. С. 176.

² Kapur J.C. Our Future. Consumerism or Humanism. New Delhi, 2005.

³ Bauman Z. Does Ethics Have Chance in a World of Consumers. P. 48.

Глава 10. Коммуникативная этика третьей современности

Коммуникативная этика

выступает как форма признания

легитимности интересов социальных групп,

как основа социального контракта.

Появление капитализма в России в начале 90-х годов прошлого века сразу же выявило полную неготовность правовых и этических сфер общества к его естественной ассимиляции. Мы стали свидетелями российского грондерства, проходившего в условиях дефицита закона и морали, негативные последствия которого проявляются до сих пор. Капиталистическая экономика, как показал еще Адам Смит, должна всегда находиться под контролем общества, чтобы избежать соблазна следовать только собственным интересам и игнорировать общие цели.

В данной главе проблема этики капитализма поставлена исходя из его роли в разрушении традиционных этических норм и создании новых отношений, нуждающихся в этических основаниях, а также из его инновативной способности, обеспечивающей изменения не только в ходе генезиса, но и на всем протяжении его существования, а следовательно, требующей нового морального замещения того, что было разрушено. Проблема способности капитализма не только разрушать предшествующие формы морального сознания, но и удерживать их, или формировать собственную этику, или создать адекватную ей замену является главным предметом обсуждения. Мы следуем гипотезе о связи этико-морального и экономико-социального начала в человеке и обществе и из того, что капиталистическому обществу потребовалась новая этическая система ценностей и требуется вновь.

а) Апология идеальной модели капитализма

Процесс сращивания капитализма с обществом был постепенным и долгим. В результате трансформация общества в капиталистическое прои-

зошла не одновременно с превращением в капиталистическое его хозяйства¹. Социальная матрица профессиональной деятельности при капитализме теряет всякую устойчивость, она становится динамичной и движется вслед за непрерывно меняющейся материальной стороной жизни. Все остальные сферы общества и формы его ментальности тоже теряют устойчивость, свойственную традиционным обществам. Этика традиционных обществ в изменчивом мире подверглась трансформации, но этика капиталистического общества поначалу держалась на энтузиазме новой эпохи и институциональных (нормативных) остатках старой этики, христианских ограничениях, пока не стало ясно, что без собственных этических оснований новая система хозяйства и общества не может существовать.

Макс Вебер связал генезис западного капитализма, отличного от его незападных, «диких» воплощений — грабежа, войны, нечестной наживы, — с духом протестантской этики. Но западный капитализм в католических странах возникал на других основаниях — рационализации, разделении труда, пытаясь сохранить религиозные основания этики католицизма и при капитализме.

В реальности можно наблюдать более пестрое многообразие вариаций капиталистических обществ и экономик как в историческом времени, так и в географическом пространстве. Беря за основу нормы и отношения западного капитализма как наиболее сложившейся системы хозяйства и общества, обратимся к нему не в полном его многообразии и жизненной конкретике, а как к некой сущности, характерной для всех его вариаций, — к его идеальной модели. Идеализированные модели замещают в теории реальные объекты и выступают самостоятельным теоретическим предметом исследования. С подобными идеализациями работает любая наука, в том числе и экономическая, и социологическая. По существу любой теоретик использует идеализированные модели. Этим приемом пользуются и этики, применяя понятие «идеал» как наивысшее идеализированное воплощение этического принципа, предельную форму долженствования и морального побуждения. Идеальная модель отвлекается от деталей и частных, обращаясь к сущности явления.

Сутью капиталистической системы хозяйства и построенном на ее основе обществе являются инновация и свобода, появление автономного индивида. Капитализм впервые создает системные условия для реализации свободы человека, у которого возникает растущая возможность высвобождения как из-под гнета природы и нужды, так и из-под

¹ См.: Колпаков В.А. Будущее капитализма в исторической ретоспективе // Политический класс. 2006, № 8.

гнета личной зависимости. В предшествующем феодальном обществе инновация и свобода часто блокировались традицией. Незыблемость традиций, их авторитет основывались на устойчивых религиозных системах. Инновации, в том числе и социальные, появлялись, но удерживались лишь до тех пор, пока не начинали противоречить традициям как жестким нормам. Это создавало механизм циклического развития. *Устойчивые традиции служили матрицами воспроизводства всего многообразия жизненного мира предшествующей эпохи. Устойчивые инновации стали основанием новой.*

Инновационную природу капитализма впервые осознал и проанализировал Карл Маркс. Мысль о том, что «инновационный процесс как таковой представляет ответную реакцию на давление со стороны рынка, вполне достойна гения Маркса, который, как можно по праву утверждать, первым ее сформулировал»¹, — отмечает современный методолог экономической науки М. Блауг. Маркс считал, что на поиск нововведений трудосберегающего характера капиталиста толкает не только великая конкуренция, но и экзистенциальная «страсть к накоплению». Согласно марксистской критике капитализма «царство свободы» следует искать только за пределами материального производства. Те же, кто находится внутри производства, т.е. наемные рабочие и капиталисты, обречены на несвободу, т.к. результаты их труда всегда отчуждены от них. Следовательно, труд или любая деятельность, преследующая экономический интерес, есть явное или скрытое *экономическое принуждение*. По мнению Маркса, труд — «эта старая мерзость», должен отойти в прошлое вместе с еще одной «машиной принуждения» — государством. Это конечно весьма утрированная схема, но суть ее в том, что *предпосылкой свободы человека в марксистской парадигме является уничтожение экономического и государственно-политического принуждения.*

Капитализм — это расширение сферы человеческой свободы, запрос на творческую способность, которая создает новое, творит мир «второй природы», т.е. мир человека не столько в качестве мира данной ему природы, сколько как мир произведенной им материальной и духовной культуры. При переходе от феодального общества к капиталистическому рушатся коллективистские формы жизни и появляется автономный рациональный индивид, субъект творческой деятельности. Инновация

¹ Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994. С. 237. Он также отмечает, что главы 4 и 5 третьего тома, в которых рассматривается проблема капиталосберегающих инноваций, могут быть расценены как первое в экономической литературе обсуждение темы инноваций в производстве.

относится к сфере освоения природы и высвобождения человека из-под ее диктата. Субъектом инновации может стать только свободный индивид, оторвавшийся от представлений и правил своей общности, заново и самостоятельно начавший осваивать мир. Но деструктивные последствия распада общин и экономическое обновление в социальном плане не приводят синхронно к замещению старого, традиционного, новым. Разрыв с традицией, традиционными этическими представлениями способствует появлению «свободных пространств», своего рода вакуума в социальной сфере, культуре, этике, обычаях, образующегося на месте исчезнувших представлений. Чем больше свободное предпринимательство, рынок, а позже машины, технологии, наука способствуют возрастанию силы человека в освобождении от природы, тем сильнее нарастает неуверенность перед быстро меняющимся социальным миром, изменчивостью обычаев, нравов, вкусов, образцов поведения и моральных представлений.

Расслоение общества и новый социальный порядок, который производит капиталистическое общество, делают проблему справедливости и этических оснований, которую ему так или иначе придется решать, уязвимым пунктом новых отношений. Это касается не только очевидно неравных материальных возможностей, но, главное, с чем не может до конца смириться человек, — это то, что экономическая машина принуждения использует его не как универсальную личность, а как «частичное» существо с немногими качествами, необходимыми для осуществления производственных функций. Хотя наемный работник как агент капиталистического производства не сознает этой принудительной частичности, обществу она становится все более заметной.

Предприниматель в отличие от нанятых работников находится в несколько лучшем положении. Отталкиваясь от первоначального тождества со своей главной функцией, он разнообразит свои роли в производстве, сферы своей активности. Растущие технические возможности и усложнение системы производства и потребления заставляют его овладевать знаниями, причем не только технологическими, но на определенном этапе — навыками управления, маркетинга, рекламы, социального представительства и пр.

Для участников капиталистического производства и в целом людей капиталистического общества в отличие от традиционных обществ характерно одно — они проходят вместе с модернизацией общества персональную модернизацию. Она состоит в том, что освободившийся от традиционных представлений человек вырабатывает у себя новые свойства. Среди них: стремление полагаться на себя в устройстве жизненного пути, ценить и измерять время, свободнее перемещаться в простран-

стве, добиваться эффективности своего труда, личной свободы и благополучия, снижать уровень эмоциональной аффективности. Он вырабатывает готовность к риску ради успеха и усилия уменьшить риск путем рационализации целей и средств. Инновация как программа капиталистического развития нуждается в людях, способных быть субъектами творческой деятельности. Индивидуализация общества и есть порождение самостоятельных субъектов творческой деятельности. Это творчество относится не только к принимаемым решениям в производстве, но и в планировании своей жизни, поисках стандартов поведения и ценностных установок.

Как мы уже отмечали в первом разделе книги, Маркс различал две формы зависимости: личную и вещную, на смену которым, по его мнению, придет при коммунизме свободная ассоциация индивидов. Личная зависимость характерна для феодального общества, где работник соединяется с производительными силами на основе личного подчинения их владельцу. Капитализм — форма вещной зависимости лично свободных от капиталиста людей, нанимающихся к нему как к хозяину производительных сил из экономической нужды. Свобода от личной зависимости и увеличивающаяся свобода от природы сопровождаются новым видом принуждения — экономической зависимостью. Идеальная модель капитализма это отчетливо фиксирует. Но мир становится новым, и появляются новые формы и образы жизни. В конечном итоге, несмотря на экономическую зависимость, превращение рабочих в придатки к машинам, ритмы производства, отчуждение работающих от результатов своего труда и своей полнокровной человеческой сущности, сфера свободы и творчества расширяется даже у них. Мир собственного строительства жизни не дает готовых решений, абсолютных норм, абсолютных гарантий, человек может положиться только на свою духовную силу, на мораль, этику, которые становятся основанием для предпочтений, на право, которое становится мерилom общей воли и ее ограничений. Таковы итоги индустриального капитализма. Человек постепенно высвобождается от экономической системы. Однако капитализм — это форма экономической зависимости, от которой целиком нельзя освободиться даже в постиндустриальном обществе, не говоря уже об индустриальном.

В капитализме постиндустриальном сфера свободы расширилась еще больше. Дело не только в творческих потенциях производства, увеличении в нем роли знаний, информации, фактора управления, но и в том, что культура стала сферой материального и духовного производства. Для Маркса мерилom свободы было свободное время человека, ставшее временем его собственного развития. Но поскольку Маркс имел в виду преимущественно физический труд, свободное и рабочее время

в нем были резко разделены. Первое становилось на деле временем релаксации, а за ее пределами просто наказанием, которого скорее хотелось избежать, свободное время рабочих индустриального капитализма — временем их собственного развития.

Потребительское общество с конца 1950–1960 годов нашло способ заполнить это «пустующее» свободное время, пустоту существования, оставшуюся за пределами труда. Свобода заполнялась целями, лежащими вне производства, но сформированными им. Кроме того, становилось все больше людей, занятых в нематериальной сфере — в сфере обслуживания, росло число дизайнеров, модельеров, консультантов по разным проблемам, психологов, учителей танцев, рисования, парикмахеров, специалистов по коррекции фигуры, ландшафтных дизайнеров и прочих профессий, в которых имеется творческое начало. Здесь на уровне рядового нематериального труда воплощается в определенной мере то, что раньше было присуще только творческим элитам — совпадение рабочего и свободного времени. Хотя свободная ассоциация индивидов мыслилась Марксом как социалистическая кооперация общества в целом на основе общественной собственности на средства производства, постиндустриальный капитализм дал ее локальные формы. В них отношения и личной, и вещной зависимости уступали место свободной кооперации, хотя исключить первых двух форм зависимости целиком.

В «обществе знания», позиции лидирующего класса заняла творческая элита, потеснив лидирующий класс индустриальных менеджеров. Т. Фридман, корреспондент «Нью-Йорк Таймс», в своем бестселлере «Плоский мир» называет новую фазу капитализма Эпохой Таланта¹. Согласно его анализу, экономическое соревнование сегодня смогут выиграть только те страны, которые в условиях «плоского мира», т.е. мира глобального, будут самыми быстрыми и эффективными в привлечении талантливых, творчески одаренных людей, а также в создании наилучших условий для реализации их талантов².

Российский исследователь А. Неклесса называет указанных новых производителей услуг, интеллектуалов, занятых в производстве, «новым классом», «людьми воздуха»³. К ним он относит работников транснациональных корпораций, а также людей, претендующих на властные позиции в обществе.

¹ Friedman T.L. The World is Flat. A Brief History of the Twenty-first Century. N.Y., 2006, P. 328.

² Ibid., P. 329.

³ Неклесса А. *Homines Aeris*. Люди воздуха или кто строит мир? М., 2005.

Американец Р. Флорида в книге «Подъем творческого класса» описывает ситуацию всепроникающего творчества в «экономике знания». Он, как и Фридман, говорит о плоском мире, называя его «горизонтальным рынком труда». Изменение характера труда создает иные рабочие места, новые «коды одежды», иное отношение ко времени и расписанию, пространству работы. Новые горизонты свободы и творчества порождают новые жизненные эксперименты, делают жизнь людей активной, творческой, разнообразят отдых. Творчество превращается в капитал, вытесняющий даже недавно так возвеличенный социальный капитал. Множатся творческие сообщества. Творческий класс растет. И вместе с ним растет разрыв с прежними трудовыми теориями в экономике из-за ныне разросшейся сферы свободы и творчества. Творческий класс, особенно интеллектуалы производства, как уже было упомянуто, живет в мире, где работа и свободное время совпадают, очень близки или взаимосвязаны.

Сегодня страны посткоммунистического блока вышли из индустриальной фазы развития, существовавшей при социализме, но они не перешли к постиндустриальной фазе производства. Капитализмы в различной форме появились в странах Азии. Мы намеренно употребляем термин «капитализм» во множественном числе, чтобы подчеркнуть его многообразие¹. По отношению к этим странам трудно выстроить общую идеальную модель капитализма, ибо они находятся в процессе движения и становления. Первоначально эти страны ориентируются на западный образец капитализма, но вынуждены отступать от него в связи с глобализацией и трудностью реализации общей модели для мира в целом. В этих странах часто сочетаются патриархальные и патерналистские формы личной зависимости, грубые формы вещной зависимости и свободные локальные ассоциации, включающие разнообразные структуры — от общинных до кланово-корпоративных. Апология идеальной модели капитализма на этих новых образцах изрядно «хромает», но выход видится в применении описанных моделей капитализма на Западе и их проблематизации применительно к новым условиям и новым странам.

Сделаем вывод: капитализму свойственны динамические, а не статические характеристики. Система моралей капиталистического общества есть непрерывный процесс становления, а не застывший результат. И тут слово «мораль» снова сознательно употреблено во множественном числе для того, чтобы подчеркнуть многообразие моральных оснований и предпочтений в системе мира многообразных капитализмов. Поэтому

¹ См.: Федотова В.Г. Будущее капитализма в исторической перспективе // Политический класс. 2006, № 8.

философия вместе с оправданием существующей системы морали должна уделить внимание и анализу условий ее формирования, динамике ее изменений и замены ценностно-моральной моносистемы на систему систем моралей, распределенных по разным группам в едином обществе и по разным капиталистическим обществам.

б) Этическая критика идеальной модели капитализма

Однако «воздух», метафорой которого Неклесса характеризует новую свободу, это не только атмосфера, небо, но и пустота, незаполненность, тщетность. И в таком смысле он становится вездесущим, проникающим в те сферы и пределы, которых он прежде не касался. Что делает этот воздух пустотой: отсутствие моральных императивов, обязательных для всех, принятого образа жизни, распад традиционных форм общежития. Согласно Фридману и Флориде, это все еще капитализм, все еще эпоха модерна, до предела развившая свою свободу уже не только от природы, но и от общества. Если добавить сюда биотехнологии, получается картина полной свободы. И, применяя разделение И. Берлиным «свободы от» и «свободы для», можно сказать, что это свобода от всего, и она существует для творчества в любых формах, в том числе и для анархии, и для своеволия, и для творения общественно неприемлемых типов поведения, образов жизни, искусственно созданных идентичностей. Ф. Фукуяма бьет тревогу по поводу биотехнологий, по поводу отсутствия почтения к природе, исчезновения человеческого достоинства. Он обсуждает вопрос о необходимости политического и этического ограничения этой формы свободы¹. В другой работе он говорит о необходимости сильного государства как ограничителя такой свободы². Флорида отмечает, что творческая способность начинает подчиняться диктату рынка и моды.

Неклесса видит в этом конец эпохи модерна и подчеркивает антибуржуазность «людей воздуха», т.к. они, по сути, осуществляют слом старого буржуазного мира. Мы же видим в этом доведенную до либертариистского предела тенденцию капитализма к инновации и свободе. И она действительно может стать опасной для капитализма. На западном полюсе капитализма «люди воздуха» сосредоточились на играх с неопределенностью, на манипулировании “рыночной капитализацией как универсальным дешифратором антропологической активности” (цитирует

¹ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. М., 2004.

² Фукуяма Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006.

В. Цымбургский Неклессу. — *Авт.*). Иными словами, между творчеством, придававшим истории векторный характер, и творчеством как моментом хронической неопределенности»¹. Между street smart (улично-привлекательной) неопределенностью и творческими усилиями тех, кто ставит общественные цели в жизни и в экономике, кто стремится не только к «свободе от», но и к «свободе для» складываются отношения цивилизованных людей и внутренних варваров — «субъектов чародейного творчества, которое модифицирует ментальные пространства самого творца и потребителей того, что им создается, но не изменяет мира, где они живут... творчества, замкнутого в пульсирующей неопределенности иерархического дискриминационного мира»². На Западе, как показывает Неклесса, есть сторонники модерна, воспринимаемые «людьми воздуха» как консерваторы. Сами «люди воздуха» находятся в финансовых корпорациях и, добавим, в массах, встроенных в потребительство. Те и другие довольны статус-кво и тоже своего рода консерваторы. И третья сила — ориентирована на творчество и квазитворчество, «псевдокреативных, разрушительных возможностей новых технологий, на творение из ничего небывалых капитализаций, криминальных переделов. Значительную часть этой проблемы представляет потребительский характер общества, который становится творчеством масс, формой народной культуры, вариантом американской мечты. Даже при бедности признается ценность и необходимость бессмысленного расточительства.

В особой степени это относится к новым капитализмам, где жадность, отсутствие этических и правовых основ возвращает к ситуации промышленного капитализма, представленной Марксом, с одновременными потребительскими ценностями и редко творческими, чаще псевдотворческими интенциями и идеями о свободе. Внутренний варвар в этой части света особенно значителен и опасен. Описанные модернистские слои утратили цели модернизации. «Люди воздуха» существуют здесь в небольших количествах и в более креативном качестве. Но это, скорее, не слои, а идеологии. В слой превращает их носителей реальность материального положения и отношение к рычагам социального обустройства.

Отметим, что как минимум два выдающихся западных мыслителя — Й. Шумпетер и К. Поланьи — еще пятьдесят лет тому назад обосновали идею о том, что время капитализма проходит, что его привлекатель-

¹ Цымбургский В.Л. Полемическое послесловие, или игры большой паузы // Неклесса А.И. Указ. соч. С. 200.

² Там же. С. 203.

ность для социального развития резко уменьшается. Оба считали, что классический капитализм и рыночное общество конца XIX — начала XX века должны трансформироваться в демократическое общество, в котором стихия рынка была бы полностью взята обществом под контроль. Труд, соответственно, должен быть фактически изъят из сферы рыночного регулирования. Поланьи писал по этому поводу: «Экономическая концепция общества отомрет вместе с дихотомией политики и экономики, которую она отражала; только в экономическом обществе либерального типа концепция групповых интересов и групп давления могла получить моральное оправдание. Но любая концепция, основанная на идее общества как целого, выражает понятие человеческой жизни, а следовательно, является идеологической по определению. Утверждая примат идеалов в нынешней трансформации, мы лишь защищаем постулат единства общества как центральный момент кризиса»¹. Этот тезис был во многом реакцией на этические недостатки капитализма. Свобода человека в таком случае — это осознание и принятие за неустранимую данность *реальности общества*. «Примирившись с этой реальностью, как когда-то — с фактом смерти, он обретает духовную зрелость, а с ней — способность жить в индустриальном обществе как человеческое существо»².

Как известно, ни пророчества Маркса, ни пророчества Шумпетера и Поланьи себя не оправдали, но идея свободы от экономического и трудового принуждения продолжает быть актуальной и в наше время.

Как уже отмечалось, экономическое принуждение в постэкономическом обществе все же остается, оно ощущается даже в большей степени, чем ранее, теми, кто не может причислить себя к новой элите. Только «работники интеллектуального труда не ощущают, что их эксплуатируют как класс»³. Но психологическое ощущение свободы не меняет сущности трудовой или предпринимательской деятельности при капиталистическом производстве, хозяйствующие субъекты не могут не быть подчиненными внешней, а потому чуждой и принудительной для них силе. Экономическое принуждение как подчинение жизнедеятельности человека целям рыночного производства никуда не исчезает и в постиндустриальную эпоху.

После работ Вебера сложилась устойчивая традиция связывать капитализм с протестантской этикой и с этическими нормами вообще. Вебер исследовал феномен *зарождения, происхождения капитализма*

¹ Там же. С. 275.

² Там же. С. 277.

³ *Drucker H.F. The New Realities. Oxford, 1996. P. 23.*

из хозяйственной деятельности в Европе, осуществленное посредством обмирщения протестантской этики. Другое соображение, которое разрушает жесткую связь капитализма и этики, — Вебер опирался на вполне определенный социокультурный контекст, в котором создавалась его теория, во многом инспирированная стремлением к позитивной критике марксизма. Вебер предпринял попытку дать альтернативное марксизму объяснение изменений в «надстройке» исключительно из изменений в ее экономическом базисе. Этот момент хорошо прописан у С. Земляного: «В 10-е годы XX века исследовательский интерес Макса Вебера все больше смещался в сторону исследования “совокупного образа” западной культуры, и его критика марксизма приобрела более систематическую форму. Для этой фазы особенно характерны учения Вебера о рационализации и то, что он называл “универсально-исторической проблемой”: осмысление исторических судеб Запада на фоне других мировых цивилизаций. Решение указанной проблемы для Вебера было неразрывно связано с рассмотрением других картин мира в общесоциальной перспективе: это относилось, прежде всего, к теме религиозного рационализма... С тем, чтобы подвести социально-философское основание сразу и под «Протестантскую этику», и под свою критику марксизма, Вебер провел политику между социальными и идейными интересами, с одной стороны, идеями и опирающимися на них мировоззрениями, с другой. Если Маркс показал, как материальный интерес впитывается в относительно автономную динамику экономики, то Вебер продемонстрировал, как идейный интерес включается в динамику мировоззрений»¹.

Наиболее пластично, по мнению Земляного, это получалось у Вебера в ходе его анализа оправдания Бога в протестантизме и поиска путей к спасению, что было постоянно действующим идейным интересом протестантизма. Вебер стремился показать западный капитализм как склонный к «систематически рационализированным картинам мира» и этически регламентированному образу жизни и деятельности. Такие рациональные картины мира и этические позиции фигурируют в качестве вех, между которыми движутся эмпирические интересы людей: такова протестантская этика»². Но реальный капитализм не удовлетворял полностью этим объяснениям Вебера, как в протестантских странах, описываемых Вебером, так и в католических.

Несмотря на основания для апологии идеальной модели капитализма, сами ее основатели видели в ней опасности и недостатки. Их пред-

¹ Земляной С.Н. Указ. соч. С. 27.

² Там же.

упреждения касались прежде всего этики. В работе о богатстве народов этические проблемы не оставляются Смитом без внимания. Ни одно общество, — писал он, — не может процветать и быть счастливым при бедности и несчастья значительной части его членов. Справедливость требует, чтобы люди, которые кормят, одевают и строят жилища для всех, получали такую долю продуктов своего собственного труда, которая позволила бы им иметь сносную пищу, одежду и жилище. Сентенций такого рода достаточно много в его основном труде.

Этическая критика капитализма определила интенции теории капитализма Маркса и его экономических исследований. И всех затрагивают те качества капитализма, подрывая надежды бедных и богатых, образованных и нет, которые характеризовал Маркс, — избыток несправедливой эксплуатации, исключительная ценность денег и власти, связей, безразличие лично-вещных зависимостей. Вспомним слова Маркса о том, что если бы аксиомы геометрии затрагивали интересы людей, то вокруг них велась бы непримиримая борьба. Маркс говорил о капиталисте промышленной эпохи: дайте ему прибыль в триста процентов, и он продаст собственную мать. Но особенно поразительны его слова о любви, дружбе и уме. В традиционном обществе и, на наш взгляд, в развитом капиталистическом обществе за любовь платят любовью, за дружбу дружбой, за ум умом. В капитализмах новых, с которыми Маркс имел дело, любовь, дружба и ум покупаются деньгами. Это краеугольный камень отчуждения людей, и тех, кто покупает, и тех, кто продает. Видя в капитализме эксплуатацию, неравенство, нужду и новые формы закабаления, Маркс построил и идеальную модель капитализма, отличную от вышеприведенной. Помимо автономных этических теорий, исходящих из принципа самоценности добра и отсутствия нужды в доказательстве его полезности, существуют гетерономные этические теории, исходящие из полезности и нужности добра для каких-либо целей. По отношению к экономике последние теории преобладают. Среди них особое место занимает утилитаристское направление этики, считающее полезным и выгодным для капитализма наличие этических норм. Многие экономисты исходили из идей утилитарианской этики, предложив свои варианты исчисления утилитаристских выгод и гедонистических удовольствий.

В 60-е годы XIX века в Англии Маршалл придал экономическому анализу неоклассический вид. Это значит, что этические проблемы выдвинулись на первый план и обсуждались столь же интенсивно, как и идеи эволюционного прогресса в новой тогда теории, которую представил публике Ч. Дарвин. Понятия прогресса эволюционного и экономического и связанные с их толкованием этические проблемы опреде-

ляли во многом интеллектуальную среду того времени. Маршалл первоначально исследовал проблемы этики. По его словам, от метафизики он перешел к этике и считал, что трудно оправдать нынешние условия жизни общества. Один его друг, весьма начитанный в области, этики, постоянно твердил ему: «Ах, если бы ты разбирался в политической экономике, ты бы так не считал»... В результате Маршалл решил, как можно обстоятельнее изучить проблемы политической экономики». Прежде чем окончательно погрузится в экономические исследования, А.Маршалл в 1869 году читал курс этики в колледже Сент-Джон. Эти занятия, как замечает Кейнс, оставили глубокий след в его умонастроении, и он часто напоминал своим ученикам о необходимости объективного изучения форм и принципов повседневной хозяйственной жизни, в большой мере обуславливающие счастье людей и возможности для их благосостояния. Эти же умонастроения отражены и в том, как ему видится предназначение экономической науки, — способствовать искоренению «тягот нищеты и губительного воздействия непомерного физического труда», содействовать прогрессу в просвещении и распространению культуры. Его этические воззрения во многом были утилитарными, но, как уже было отмечено, автономные этические источники с трудом пробивают себе дорогу в ситуациях, включающих экономику.

Интеллектуальное вызревание Джона Мейнарда Кейнса пришлось на период нового увлечения этическими идеями в Англии. Они характеризовали многие аспекты связи этики с капитализмом, и, более того, находились свидетельства обратного — того, что отсутствие этических ограничений пробивает дорогу к успеху лучше, чем этически ограниченный экономический процесс.

В начале XX века, во время обучения Кейнса в Кембридже, утилитаризм начал терять свою привлекательность. Антиутилитаристские позиции в английской этике занял Джордж Мур. В 1903 году в работе «Принципы этики» Кейнс писал: «...искали этику, которая могла бы направить внимание на цели, отличные от обязанностей, возлагавшихся на викторианского джентльмена. Это Мур им дал. Он снял оковы с современной ему этики, освободив ее от уз общественной полезности и обыденной морали, установив ее высшей целью добро, выходявшее за рамки викторианского образа жизни и поставив “должен” в зависимость от количества этого добра»¹. В 1946 Кейнс в докладе «Начала моей веры» произнес речь о влиянии, оказанном работой Мура на интеллектуальную атмосферу его времени. Кейнс признавал, что обсуждение этических идей

¹ Скидельски Р. Джон Мейнард Кейнс. 1883–1946. Экономист, философ, государственный деятель. М., 2008. В 2-х книгах. Кн. 1, С. 191.

позволило ему обрести философскую основу для всей последующей жизни. Его собственная теория испытала воздействие идей Мура.

Приведенные совпадения не есть основания для индуктивного вывода о том, что все великие экономисты начинали свою профессиональную карьеру как этики. Совсем нет. Мы просто хотели бы обратить внимание на органическую связь этического и экономического, которая эксплицировалась великими экономистами как недостающая основа идеальной модели капитализма.

Контексты эпох менялись, но оставалось общее — экономический анализ у лучших представителей экономической науки опирался на вполне реальные, жизненные и социальные моменты, он никогда не ограничивался собственно экономическим рассмотрением. На втором, или же высшем, плане просматривались цели, которые впоследствии получили название «должных», или нормативных. Теории Смита, Маркса, Маршалла, Вебера и Кейнса несли в себе «следы» более общих оснований, которые их питали и придавали им жизненность, органическую связь со всем происходящим. Может быть, именно в этом смысле В. Леонтьев утверждал, «что экономика — обыденная наука», т.е. наука, успех которой определен улучшением жизни людей и возможностью сохранения этики в их отношениях. С другой стороны, экономическое состояние капиталистического общества часто рассматривалось как предпосылка движения к этическому его состоянию, к доброму и благому обустройству совместной жизни. Высшей целью экономического развития предполагалось общее благо.

Начало XXI века характеризуется исчезновением единого образца капитализма. Наблюдается использование западных технических достижений и частичной вестернизации в инокультурной среде. Возможности индивидуальной свободы на Западе и в других частях мира усиливаются. Одновременно наблюдается ослабление всех связей общественно-государственного устройства и создание взамен горизонтальных связей между людьми по поводу участия в совместном проекте жизни. Капитализм становится глобальным. Существующие модели развития национальных экономик и всей мировой экономики в целом требуют соотнесения идеи развития с этическими принципами. Наступает время этики и именно по тому, что уменьшается ее значимость.

Низкая моральная атмосфера новых капитализмов, анархия и апатия в обществах этого типа соседствуют с творческими поисками, подобными западному капитализму, и разрушительному или аморальному использованию свободы.

Однако мы живем при капитализме, который успел качественно измениться, пройдя несколько различных этапов в своем развитии и

достигнув в Америке формы «экономики знаний». Распространился он и пространственно, стал глобальным, вобрав в себя почти все, за малым исключением, государства. Но те великие замыслы, которые возлагали и все еще продолжают возлагать на капитализм неолибералы, как на источник производства благ, тем самым улучшающий существующее состояние людей или же как на идеальный механизм распределения ресурсов, доступных обществу, сегодня, можно утверждать, не оправдываются. Да, капитализм как форма жизнеустройства социального организма показал исключительную живучесть и выживаемость, он неудержимо распространился, но вместе с тем отчетливо проявились присущие ему недостатки. Сегодня уже очевидно, что он не приводит к смягчению неравенства между странами, континентами и людьми, он не способствует такому распределению благ, при котором человек постепенно освобождался бы от природного рабства тяжелого физического труда и глупого невежества. Наоборот, в современной форме он закрепляет, фиксирует достигнутое неравенство между целыми континентами, а неграмотность все еще остается для многих стран трудно разрешимой проблемой. Все это говорит о том, что для современного этапа капитализма вопросы этические приобретают первостепенное значение, при этом этическое шире экономического вообще и трудового в частности. В этой ситуации всегда привлекательная антибуржуазность становится опасной, если ее основные носители — «внутренние варвары», «внутренний пролетариат», как их называл знаменитый историк цивилизаций Арнольд Тойби.

В результате мы приходим к ситуации, при которой *«позитивная этика» капитализма в том смысле, что ее законы и нормы предопределяют функционирование всей системы капиталистического хозяйства и общества, могут быть объяснены и эксплицированы как ее следствия.*

в) Социальные слои и субъекты капиталистического общества и коммуникативная этика

Классовая теория сегодня уступила место стратификационным взглядам. По мнению многих исследователей, классовая теория исходила из антагонизма между двумя основными группами капиталистического производства, перенося эти антагонизмы на все общество. Однако развитие социал-демократии и практики социальных контрактов между работодателями, работниками и государством усилили социальную политику западных государств. На их развитие повлиял опыт социализма, а также новейшие теории управления, которые позволили избежать классовых битв. Но при этом возникли новые типы отношений, которые нельзя назвать ни антагонистическими, ни классовыми. Так, обездолен-

ные слои сегодня даже в посткоммунистических странах не являются классом и не ведут себя как класс. Обездоленность как исключение из социального контракта создает новую форма конфликта, который не разрешить классовой теорией, до тех пор, пока в отношениях основных акторов капиталистической системы не сложатся нормальные и предсказуемые взаимодействия. Однако общим для указанных акторов будет то, что они вступают в отношения коммуникации. Это наводит на мысль об исходной значимости для них и общества в целом *коммуникативной этики*¹.

Для описания этики капитализма мы будем исходить из наличия нескольких групп или субъектов, относящихся к разным группам интересов, чье поведение определяется различными мотивами и целями. Возможно, наша идея станет более понятной, если экономическую активность общества сделать образной. Представим, что бездонное потребительское море товаров непрерывно наполняется многочисленными «товарными реками». Каждая из них в свою очередь питается множеством притоков, соответствующих промежуточным стадиям производства. «Возьмите, к примеру, пару обуви и проследите ее "генеалогическое древо". Наш путь лежит из розничного магазина, через оптовика, на обувную фабрику; пойдя по одной из тропинок, сходящихся в этой точке, скажем, по той, которая привела сюда швейную машину, используемую при производстве обуви, мы попадаем сначала на машиностроительный, затем на сталелитейный завод, и, в конце концов, на железный рудник. Если мы пойдём по другой тропинке, то она приведет нас на ферму, где выращивают скот для получения кожи. Кроме того, между основными этапами производства существует много промежуточных стадий, а именно различные транспортные услуги. Прежде чем попасть к конечному потребителю, каждый товар должен пройти множество последовательных подготовительных этапов»².

Чем более развита экономика, тем больше длина этих «рек» (больше промежуточных стадий) и поток товарной массы шире. Для наших целей важно, что это движение по бесконечным протокам и руслам обеспечивается энергией субъектов экономической деятельности, которые,

¹ Кстати, весьма слабо выраженной в российском варианте капитализма, где часто формула «давайте договоримся», ведущая к коррупции и неформальными связями, оказывается для ведения бизнеса более эффективной.

² Хаберлер Г. Деньги и экономический цикл // Бум, крах и будущее: анализ австрийской школы. М., 2002. С. 122.

собственно, и заставляют этот поток находиться в непрерывном движении.

Маркс, как известно, разделял всех экономических субъектов по одному основанию — по отношению к форме собственности или, в другой терминологии, по отношению к средствам производства. Поскольку он исходил из трудовой стоимости товара, а в каждом товаре видел воплощенный или отчужденный труд, то эти философско-экономические предпосылки, перенесенные в область социологии, приводили его к достаточно простой схеме конфликта интересов двух основных классов, конфликт между которыми и определял всю динамику социальных изменений. Однако если оставаться на уровне эмпирического социологического анализа, то в экономической деятельности любого общества, существующего в границах государства, можно наблюдать присутствие весьма разнообразных субъектов деятельности объединенных в одном порыве — участвовать в хозяйственной жизни. Эти субъекты есть множество тех самых хозяйствующих предприятий, имеющих самые разнообразные структурно-организационные формы, — от индивидуалов до транснациональных корпораций. Сюда относятся и домашние хозяйства, и фермерские хозяйства, и мелкие и средние фирмы, и государственные и полугосударственные предприятия, и крупные интернациональные гиганты, т.е. все те, кто участвует в процессах обмена, имея или производя нечто для этих целей.

Отметим, что любой акт обмена есть в то же самое время и акт потребления. Потребление — это такая форма обмена, в результате которой предмет обмена либо полностью исчезает, либо трансформируется в предмет обмена с другими потребительскими свойствами. (Яблоко может быть приобретено и съедено, но из него может быть сварен компот.) Выделение слоев капиталистического общества определяется тем, что одни из них выступают как акторы капиталистической системы хозяйствования, являются ее хозяйствующими субъектами и облагаются налогами. Этот последний пункт можно рассматривать как формальный критерий.

Таким образом, производственно-хозяйственная деятельность включает в себя и обмен и потребление одновременно. Это значит, что все субъекты производственно-хозяйственной деятельности являются одновременно и субъектами потребления. Поэтому потребительские тенденции современного капитализма не есть исключительное качество «покупателей», оно присуще всем без исключения участникам обмена. В этом смысле никаких других субъектов дополнительно вводить не требуется, когда встает вопрос об этике капитализма. Эта онтология изначально не гомогенна, а гетерогенна. Сводить ее к онтологии действующей

щих индивидов или «экономическим эгоистам», на наш взгляд, является сознательным упрощением реальности происходящего¹.

Картина будет неполной, если мы не обратим внимания на то, что формирует русла и берега всего этого потока, другими словами, на институциональную среду. Так, современная неинституциональная экономическая теория рассматривает социальные институты в качестве органической части социально-экономической системы. «Отметим, что в отличие от ортодоксии при институционалистском подходе и технология, и индивидуальные вкусы, и предпочтения считаются частью изучаемой экономической системы. Более того, сам термин “социально-экономическая система” употребляется с целью подчеркнуть неразрывную связь экономики с множеством социальных и политических институтов, имеющих в обществе в целом»², — пишет Дж. Ходжсон, один из представителей неинституционалистской этой школы. Однако неинституциональная экономическая теория рассматривает социальные институты как существующую данность, т.е. объективно. Для целей нашего анализа важно выделить в отдельную группу тех субъектов экономической деятельности, кто участвует в процессе формирования и наблюдения за исполнением всех этих институций, т.е. весь государственно-чиновничий аппарат.

Вместе с тем доля вклада в производство общественного богатства, в развитие трудовых мотиваций в обществе неодинакова. Важно отме-

¹ Онтология неоклассической экономической теории выстраивается, опираясь на принцип методологического индивидуализма (ПМИ). В результате теоретическая абстракция «экономический человек» получает онтологический статус, а все действия коллективных субъектов экономической деятельности (ясно, что таковых сегодня явное большинство, правда, они имеют исключительно разнообразные структурно-организационные формы) сводятся, в полном соответствии с ПМИ, к действию индивидуальных агентов, экономических эгоистов. Для теоретической экономики такая онтология вполне оправдана, однако для целей нашего исследования совсем не обязательно следовать за методологическими установками экономики или даже теоретической социологии. Если же надо сформулировать методологический принцип, в соответствии с которым строится наша онтология экономических агентов, то он будет следующим: принцип методологического холизма, т.е. каждый хозяйствующий субъект предстает некоторым коллективным целым, действие которого не может быть объяснено полностью из действий его членов.

² Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты. М., 2003., С. 45.

титель, что в странах нового капитализма возобладал стандарт исключительных материальных притязаний ряда слоев, которые не являются акторами капиталистического производства. В традиционных обществах крестьянин оставался крестьянином и не считал, что он должен жить как помещик. Для него было даже странным допустить такую мысль. Но в капиталистическом обществе все слои общества, вне зависимости от их трудового вклада, обретают мнение об их праве на тот стандарт жизни, которые СМИ, гламурные журналы и примеры успешных биографий предлагают им в качестве образца. Этот стандарт — самого высокого уровня, который может достичь в условиях капитализма только предприниматель, отдающий все силы бизнесу, только изобретатель, открывший нечто, что коренным образом преобразует производство, а иногда и социальную сферу, как например Билл Гейтс.

Получается, что новый капитализм совращает огромные массы недостижимым в труде стандартом жизни, разрушает существующую этику. «Ярмарка тщеславия» людей, ничего не давших обществу, разрастается, перекочевывает в обездоленные слои населения и формирует уродливую потребительскую фигуру, не имеющую своей роли в капиталистическом производстве и в капиталистическом обществе. Информационное общество, разумеется, заменило ручной и в значительной степени машинный труд, «экономикой знания», в которой востребованы чуть более 20% населения. Остальные 80% равняются на них в потребительских стандартах, которые как уже показано, не являются целью этих 20%.

Применимо ли слово «этика» к подобной ситуации? Господство материального идеала не является чертой ни автономной, ни гетерономной этики. Скорее, мы фиксируем здесь приход в общественную жизнь слоев, притязания которых «не зарабатываются» трудом и моральными размышлениями о легитимных средствах достижения такого «идеала».

Сделаем вывод. Понятие «этический», «моральный» можно относить только к некоторым субъектам. При капитализме можно выделить множество весьма разнообразных по структурно-организационному принципу действующих, хозяйствующих субъектов, с одной стороны, и множество законодателей и государственных чиновников, чья задача — формирование и регулирование институциональной среды для всех форм хозяйственной деятельности в обществе, — с другой. Образно говоря, капитализм — это текущий без перерыва поток, приводимый в движение волей и энергией участвующих в нем людей. Но движут этими людьми самые различные мотивы и цели. Общим является то, что действуют группы интересов, имеющие различие не столько в идеях, сколько в мотивах и структурах поведения и психологическом восприятии. Между группами устанавливаются коммуникации, которые имеют трудности.

Этика капитализма, как мы видели, имеет многообразные характеристики. Но сегодня важно перевести вопрос о ней в утилитаристскую плоскость реальных отношений агентов капиталистического производства и страт буржуазного общества, его многообразных сил. Автономный источник коммуникативной этики — золотое правило нравственности — выполняется только при наличии нравственной личности, обладающей одним из этических субстанциональных качеств.

Как определены нормы отношений агентов капиталистического производства в широком смысле слова: предпринимателей, нанятых работников и бюрократии или государства. Даже при неолиберальном подходе, требующем устранения государства из экономики, оно — агент отношений названных акторов, ибо государство, даже не вмешиваясь в бизнес, устанавливает налоги, в той или иной мере проводит политику декриминализации, утверждает законы, следит за их исполнением, урегулирует споры и пр. В поисках оснований коммуникативной этики обратимся к трудам известного немецкого философа, социолога и политолога Ю. Хабермаса.

Формы практического разума, согласно Хабермасу, включают прагматический, этический и моральный подходы. Экономика как сфера практической деятельности следует практическому разумному выбору желаемого или связанного с поставленной целью. Это требует рациональных средств, стратегий. «До тех пор, пока вопрос “Что же я должен делать?” касается подобных *прагматических задач*... мы, опираясь на эмпирическую информацию, действуем исходя из соображений эффективности или с помощью других правил решения проблем»¹. Экономика именно такова. В рамках целерационального подхода здесь ищутся приемлемые, рентабельные, эффективные пути решения экономических задач, настолько практических, что, по мнению ряда исследователей, даже изучающая экономику наука должна быть в той или другой мере «обыденной», т.е. не теряющей горизонтов повседневной практики. Здесь не возникает пока ни проблем этики, ни проблем морали.

Другая проблема обращена к самому человеку: «Что я за личность и кем бы я хотел быть?». Она связана с абсолютными для человека целями, обретает ценностный характер, но еще не является этической или моральной, появляющейся в горизонте отношения к другим. Переход к полному альтруизму дается нелегко и редко совместим с практическими целями. Этическое еще совместимо с эгоцентрической установкой, а в экономике эгоцентрическая установка является одним из мотивов деятельности. В своей первой работе «Теория нравственных чувств» Адам

¹ Хабермас Ю. Демократия. Разум, Нравственность. М., 1995. С. 9–10.

Смит обсуждает мотивы альтруистического человека, его способность к эмпатии, сочувствию. Но как этика его интересовали и такие чувства как алчность, которая стала предметом его изучения в работе о богатстве народов. Однако этот мотив ограничивается отношением к людям. «В этой перспективе другие лица, другие биографии и другие интересы приобретают значение лишь постольку, поскольку они — в рамках нашей интересубъективно значимой жизненной форме — родственны тождеству моего Я, течению моей жизни и моим интересам или переплетены с ними»¹. Хабермас показывает, что идентичность человека формируется в контексте других биографий, традиций и идентичности других людей, а, следовательно, можно сделать вывод, что некоторую меру эгоцентричности имеют все люди, и эта мера определена обществом. Смит так и полагал, что эгоистические мотивы в экономике должны быть смягчены обществом, которое представляет собой некую данную Богом целостность, уравнивающую антагонизмы человеческой субъективности. И в этом плане соотношение экономики и этики определено способностью общества быть этическим в указанном смысле и не является самостоятельной проблемой.

Проблемы возникают в сфере моральной совместимости людей, ответственности их моральных максим. «Максимами Кант называет те приближенные к ситуации более или менее тривиальные правила поведения, в соответствии с которыми строится обычная практика индивида. Они освобождают действующего человека от труда ежедневно принимать решения и вместе образуют более или менее последовательную жизненную практику. В которой отражаются характер и образ жизни»². Хабермас обращает внимание на то, что Кант имел в виду прежде всего сословную и профессиональную дифференциацию раннебуржуазного общества и те ячейки, в которых кристаллизуются эти максимы. Среди максим выделяются те, в которых возникают вопросы о поведении в ситуации и ее пригодности для разрешения проблем в ней. Это сфера этического, полагает Хабермас.

Но есть максимы, являющиеся моральными. В них проверяется золотое правило нравственности, взаимообязывающее индивидов к определенному поведению в отношении друг друга. Здесь обрыв с эгоцентризмом может состояться и даже в экономике, акторы которой попытаются в конкурентные отношения ввести элемент взаимной коммуникации. Одно дело — конкуренция, строящаяся на манер классовой борьбы в

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 14–15.

парадигме «враг», другое дело, если парадигмой становится «соперник», но «друг» в экономике как конкурентной сфере — это только партнер, и ни общество, ни альтуризм не могут изменить этого отношения.

Всегда существующее несовпадение меры практичности, меры этичности и меры моральности — не препятствие для приемлемых отношений экономических конкурентов, экономических акторов и основных агентов экономики — работодателей, работников и бюрократии.

Первые имеют этику дела и вступают в отношения со вторыми, призванными государством бюрократами, для того чтобы это дело исполнить. Вторые могут разделять эту этику, они могут подчиняться экономическим мотивам, исполняя задуманное дело, получая квалификацию и уважение к себе некоторой профессиональной группы. Третьи устанавливают границы дозволенного для первых и вторых.

Целесообразно исходить из наличия разных групп для описания этики капитализма.

В социальном плане это ведет к трем моделям:

— социал-демократическому договору между предпринимателями, бизнесменами и государством (предприниматели не увольняют рабочих, рабочие не требуют повышения зарплаты, а государство урегулирует конфликты между ними);

— субсидиарной, когда бедные слои финансируются государством и м.б. (точно не знаю) бизнесом до прожиточного минимума;

— либеральной, признающей необходимость справедливости. Роулз: справедливость как честность — максимизация минимума, Дворкин: страховая политика, политика велфера, медикера и пр. Достоинства с.д. и либеральной справедливости — они делают государство социальным;

— субсидиарной политике — крохи с барского стола, до социально-го государство не дотягивающей.

И если вопрос о соотношении экономики и этики в обществе, в котором имеется баланс практических, этических и моральных отношений не является проблемой, то проблемой является этика капитализма, ставшая этикой самого капиталистического общества. Вот она уже не может быть только коммуникативной, только утилитарной, а должна быть автономной, иметь основания в самой себе, что невозможно в состоянии как ничем не ограниченной свободы, так и первоначального капиталистического накопления в странах нового капитализма.

Все модели взаимодействия слоев общества представляют варианты институционализации их отношений, их перевод из сферы экономики в социальную сферу, а также создание норм и отношений в хозяйственной и общественной системе не в расчете на моральное, а в неизбежности его появления в предложенных обстоятельствах.

Российское общество являет собой непрерывно устремленное к моральному воспитанию и критике аморализма общество, которое не забывает об институциональных основаниях морали. В период ельцинского правления призывали к *согласию*. При его выборе на второй срок пугали гражданской войной, если его не изберут, и внушали идею о гражданском мире, который сохранится только благодаря избранию Ельцина. Слово «*толерантность*» было тогда предложено в качестве панацеи от всех бед. Постепенно его значение превратилось в свою противоположность — в отсутствие собственного идеала, собственной позиции, в пассивное применение всего, в том числе и всего аморального. Все «...гуманные» компоненты морального строительства в российском капитализме проваливаются и переворачиваются так, что внешне выглядят моральными, а в действительности принимают криминально-коррупционную формулу «давайте договоримся».

Что же может стать основой капиталистической этики самых многообразных групп? Что может стать в их коммуникации как автономной (бескорыстной) основой этики, так и гетерономной частью (обеспечивающей успех деятельности, повышение благосостояния, успех в социальной и производственной сфере)?

На наш взгляд, основная формула коммуникативной этики такого рода состоит в признании легитимности рационально осознанных и не противоречащих закону интересов различных социальных групп. Как же объединить эти противоречивые интересы? Как мы видели, мир, согласие, толерантность и прочие идеальные конструкты не могли этого сделать. Практическим осуществлением признания легитимности интересов различных социальных групп является компромисс, т.е. способность этих групп жертвовать частью своих интересов ради проведения в жизнь оставшейся части. Только так, в институциональном закреплении компромисса посредством демократических институтов, либо волей и посредством государства там, где еще нет демократии или она незрелая, компромисс может быть достигнут, а вместе с ним и мир, и согласие, и толерантность, но никак не результат их действия. В этих условиях очевидно, что роль государства как держателя социального контракта возрастает. В переходных экономиках роль государства как держателя и гаранта социального контракта не только исключительна важна, но и должна возрасти вопреки неолиберальным идеям. Институт доверия в обществе, который просто необходим для эффективно действующей экономики, не может быть на первых порах сформирован без активного участия государства. Моральные же итоги такой институционализации коммуникативной этики — уважение к другому и выдвижение на передний план этики справедливости и этики ответственности.

Глава 11. Второе дыхание Вестфальской системы национальных государств Третьей современности

Как известно, центр индустриального развития переместился сегодня в Азию. Здесь имеются капиталистические (Южная Корея, Индия, Индонезия) и социалистические ставящиеся индустриальными общества (Китай, Вьетнам), осваивающие индустриальное производство и стремящиеся к частичному овладению постиндустриальными технологиями. В Латинской Америке также наблюдается рост экономики. Бразилия вырастает в мирового конкурента среди индустриальных капиталистических стран. В это же время Запад перешел к постиндустриальному информационному развитию. Ведущую роль здесь играет «экономика знания», и общество превращается в так называемое «общество знания». Индустриальный сектор на Западе сократился или переместился в Азию. Посткоммунистические страны в ходе социально-политических преобразований разрушили свое индустриальное производство без обретения постиндустриального и сегодня усиленно пытаются восстановить его в рамках капиталистического хозяйствования, а также произвести сдвиг в сторону новых постиндустриальных технологий.

Капитализм на Западе получил ускоренное развитие в XIX веке в связи с начавшимся ростом национализмов, обеспечивающих, по хрестоматийным ныне словам Э. Геллнера, принцип совпадения политической, экономической и национальной общности. Хотя Вестфальская система национальных государств сложилась в XVII веке, в них не вызрели нации как сообщества людей, связанные не только территориальной, культурной, социальной, политической, но и экономической общностью. Французская буржуазная революция продолжила формирование наций на политической основе, после нее еще долго «в Западной Европе государства создавали нации, а в Восточной Европе нации создавали государства»¹.

¹ Marody M., Mandes S. On Function of Religion in Molding the National Identity of Poles // International Journal of Sociology. 2005–2006. V. 35. № 4. P. 51.

Государства создавали нации на основе прежних сложившихся идентичностей, но нередко и формируя их. В Восточной Европе этносы, осознавшие свою идентичность как национальную, стремились к созданию государств. С образованием буржуазных наций в Европе, т.е. экономически интегрированных сообществ, строящихся на прежних или новых культурных и политических предпосылках, процесс расширения местных рынков до общенациональных завершился мировым распространением, называемым первой глобализацией — с 1885 года вплоть до Первой мировой войны. Эта глобализация характеризовалась свободной торговлей, обменом товаром, идеями и людьми, пока война и системные оппозиции национализма, коммунизма и фашизма не оборвали этот процесс, возобновившийся лишь в конце XX века.

Уже в период первой глобализации передовые нации, заинтересованные в распространении капитализма, столкнулись с отставшими нациями, нуждавшимися для своего развития в протекционизме и составившими *«второй эшелон развития»*, в который входила и Россия. Сегодня он сменяется *«третьим эшелон»* — выходящих вперед новых стран, куда Россия снова входит после посткоммунистической революции вместе с другими странами прежней коммунистической системы и новыми капиталистическими и индустриальными странами Азии и Латинской Америки.

Рассмотреть, какую роль в развитии этих стран играют национализм и формирование наций — *уравнение с двумя неизвестными — капитализмом и национализмом, ибо в отношении них имеется много трактовок*. Одни считают, что капитализм начинается в средневековых городах Северной Италии, затухая впоследствии. Другие исчисляют его с XVI века, и среди них К. Маркс, М. Вебер, Ф. Бродель. Для третьих он начинается с промышленной революции XIX века. И, наконец, есть те, кто зрелой фазой капитализма предпочитает видеть вторую половину XIX века с ее бурным процессом образования наций, объединения Италии, развитием национального самосознания в Германии. Авторитет Геллнера, одного из крупнейших исследователей роли национализма в развитии капитализма, делает более принятой ту точку зрения, что капитализм датируется с индустриальной революции, включившей в его развитие национализм и образование буржуазных наций, т.е. сообществ, вовлеченных не только в этнокультурную, политическую, но и экономическую интеграцию¹.

Обратимся к проблеме образования наций и роли национальных государств в связи с капиталистическим и индустриальным развитием

¹ Gellner E. Nation and Nationalism. Oxford. 1964.

стран «третьего эшелона» в настоящее время. Этот вопрос особенно важен в связи с глобализацией экономики и начавшимся самоутверждением этих стран, не бывших прежде и не являющихся а сегодня чемпионами мирового развития.

а) Политика как третья целерациональная система капитализма

Нами уже было показано, что на этапе Первой великой трансформации, образовавшей Первую либеральную современность, была сформирована первая целерациональная система капитализма — экономика, перделавшая западное общество, а не только его хозяйственную жизнь, в капиталистическое. На этапе Второй великой трансформации, формирующей Вторую организованную современность, капитализм выделил вторую целерациональную систему — технику и организационные средства. На этапе Третьей великой трансформации, преодолев неолиберализм ее начальной фазы и выдвинув национально-государственную систему на передний план, капитализм сформировал третью целерациональную систему политики.

Принципиально новые задачи, которые вынуждено было решать государство, вели к его более активной роли в формировании социальной, культурной областей и сферы социального познания. Распространение активно-преобразовательной парадигмы, вызревшей в недрах науки на объекты принципиально иной природы — социальные и культурные — привело, в конечном итоге, к «онаучиванию» государственной деятельности. Технократический подход к управлению потребовал привлечения массы экспертов и уже больше не может обходиться без них. Рациональность техники повсеместно проникла в управление социальными процессами и в управление массовым сознанием.

Политическая система индустриальных стран, которая включает деятельность различных структур государственно-бюрократического аппарата, преобразовалась в третью систему целерационального действия, важнейшие функции которой состоят в организации взаимодействия социальной и экономической сфер, а также в перераспределении материальных благ. При классическом капитализме производство материальных благ и, главное, механизм их распределения были преимущественно экономическими, в отличие от аграрных обществ, для которых характерен политический принцип распределения. В докапиталистических обществах власть и статус определяли отношение собственности, они значили несоизмеримо больше, чем отношение к средствам производства.

При капитализме источником собственности объявляется труд и, соответственно, отношения к средствам производства, зафиксированные

в контрактах, формируют механизм распределения общественных благ. Однако массовое вытеснение производящего человека и специалиста в непроизводственные сферы приводило на практике к необходимости государственного вмешательства теперь уже непосредственно в механизм распределения материальных благ. Проблема «20:80», состоящая в том, что высокотехнологичному и информационному производству в перспективе нужно только 20% образованного населения, а в остальных 80% населения оно не нуждается, потребовала вмешательства государства для ее решения, что на практике привело к стимулированию государством частного бизнеса, создающего рабочие места. Конкуренция за размещение производств между государствами, в которой победитель получал в качестве приза новые рабочие места, приобрела широкий масштаб.

В ситуации «распараллеливания» социальной и производственной сферы роль государств Запада постиндустриального периода все четче и четче обнаруживала себя в деятельности, направленной на предотвращение системных угроз.

Общество риска — такой приговор вынесла социология западному обществу конца XX — начала XXI века. В идейном плане место либеральной «идеологии свободного обмена занимает программатика возмещения убытков, которая ориентируется на социальные последствия не института рынка, но государственной деятельности, компенсирующей дисфункции процесса свободного обмена. Она соединяет момент буржуазной идеологии успеха... с гарантией минимума основных благ, перспективой сохранения рабочего места и стабильностью доходов», — отмечает немецкий исследователь Ю. Хабермас¹.

Мы показали последовательное доминирование над обществом западных стран экономики, а затем техники и, наконец, третьей целерациональной системы — государства. Система политики возвысилась над экономикой, техникой и обществом.

Но сегодня перед государством стоит задача восстановить ценностно-рациональный мир и, возможно, государство является единственным институтом, которому по силам соединить ценностно-рациональные и целерациональные сферы общественной жизни. Государство, будучи зависимым от экономики, обеспечивая ее функционирование прямым или косвенным образом, и от развития мира техники и технократии само испытало на себе их «рационализирующее» воздействие.

Принципиально новые задачи, которые вынуждено было решать государство, вели к его более активной роли в формировании социальной, культурной областей и сферы социального познания. Распростра-

¹ Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М., 2007. С. 84.

нение активно-преобразовательной парадигмы, вызревшей в недрах науки на объекты принципиально иной природы — социальные и культурные — привело в конечном итоге к «онаучиванию» государственной деятельности. Технократический подход к управлению потребовал привлечения массы экспертов и уже больше не может обходиться без них. Рациональность техники повсеместно проникла в управление социальными процессами и в управление массовым сознанием.

В XX веке государство корректирует результаты возвышения экономики, подъем системы техники и технократии, само при этом попадая под рационализирующее воздействие техники даже больше, чем в свое время под влияние экономики. Государство становится изобретателем социальных технологий, направленных на поддержание своего господства внутри страны. Оно одновременно вынуждено предотвращать социальные и другие системные риски, вероятность которых стремительно возрастает, и отвечать на вызовы тех тенденций глобализации, которые ведут к разрушению Вестфальской системы.

В условиях глобализации его забота — это, с одной стороны, самосохранение и адаптация к появлению многих негосударственных политических акторов, к угрозам однополярного доминирования в глобальном мире. С другой стороны, государство должно обеспечить рост и удержание национальных экономик в состоянии конкурентноспособности в глобальной экономике.

Выделение системы политики как целерациональной системы сейчас играет исключительно важную роль в странах нового капитализма, индустриализма и хозяйственной демократии.

б) Глобальный капитализм и развитие стран нового капитализма и индустриализма

Появление посткоммунистических стран, вставших на путь капитализма, стран нового капитализма и хозяйственной демократии в Азии, новых индустриальных стран в этом регионе и в Латинской Америке сопровождалось глобализацией, победой либерализма и капитализма в глобальном масштабе, их стремлением продвинуться на прежде закрытые территории. Глобальный капитализм был усилен однополярностью, ведущим местом США в мире и заинтересованностью этой страны в глобальном распространении рынка. Доктрина Буша о превентивных ударах подорвала основной принцип Вестфальской системы национальных государств *cuis regio, eius religio* (чье правление, того и религия. — *лат.*)¹.

¹ Уткин А.И. Крах Вестфальской системы. Новое понятие суверенитета // Политический класс. 2007, № 2. С. 69.

Вместе с тем очевидные шаги к глобализации в экономике и информационном взаимодействии стран нового капитализма (России, Южной Кореи, Индии, Индонезии, Бразилии) или стран нового индустриализма, осуществляемого в социалистической форме при наличии рынка (Вьетнама, Китая), которые мы станем называть хозяйственной демократией, не мешают им сегодня обладать сильной государственной властью и суверенностью, уверенностью в незыблемости Вестфальской системы.

Стрела времени, вынесшая человечество на путь прогресса, сегодня сворачивается в цикл: человечество оказалось в начале модерна для незападных стран, в новом Новом времени для них, и западный капитализм становится одним из существующих капитализмов, мощным, но не менее своеобразным, чем остальные. Он перестает быть образцом для остальных в ином, кроме экономического, смысле. Это происходит потому, что сам Запад меняется, а так же потому, что глобальный капитализм включил почти весь мир, самые разнообразные и неравномерно развитые общества. Запад сегодня готов к функционированию своих капиталов в странах чужой культуры, квазидемократий, квазирыночных отношений, будучи не в состоянии призвать всех к изменению социальной, культурной и политической среды по своему образцу.

Как и прежде, в период конфронтации двух мировых систем индустриализм существует в двух формах — капиталистической и социалистической, но сегодня рынок выступает как всеобщая для них форма обмена товаров, капиталов, идей и людей. Страны нового капитализма и нового индустриализма оказались в положении *автохтонных капитализмов и автохтонных индустриализмов, хозяйственных демократий*, которые, в отличие от развитых стран, используют «экономическую машину» капитализма и индустриализма как техническое средство, сохраняя свои культурные особенности.

Если прежде капитализм перемальывал культуры, то *теперь или пока* мы видим в странах нового капитализма и индустриализма стремление к сохранению культуры или способность культур в этих обществах «перемальывать» капитализм и индустриализм, заимствованный из использования экономических принципов Запада и экономических технологий как своего рода «машин», наподобие того, как используют «Мерседес».

Пример России очень характерен для понимания того, как либеральная модель превратилась в модель автохтонного капитализма. Здесь появилась управляемая, а затем суверенная демократия, неформальная, не ставшая целиком рыночной и сохранившая кланово-корпоративные черты экономика, о закономерностях которой не приходится говорить в силу того, что движение товаров и капиталов не приняло в ней объективного, квазиприродного характера, на который рассчитывала неоли-

беральная модель¹, сохранился коллективизм, а индивидуализм появился в специфически-эгоистической форме как вульгарный слепок с рыночных отношений, имеется слабое политическое и социальное участие населения, архаические начала, всплывшие в результате демодернизации в ельцинский период, расколотая культура, противостояние патриотов и западников, трудность достижения согласия и компромисса.

в) Китай как фактор будущего и тупики неолиберализма

Лидерами азиатского развития являются Япония, Индия, Южная Корея, Китай. Но, по мнению большинства исследователей, Китай имеет большие шансы на соперничество с США и общеазиатское, а в перспективе и мировое лидерство. Известный политолог Ф. Закария пишет о подъеме незападного мира — «The rise of the Rest». Слово «the Rest» — буквально «остаток», «остальные» — на Западе используется для характеристики не-Запада как отставших². Неолиберализм сделал много ошибок, но главная его ошибка — уверенность, что рекультивация догоняющей модели модернизации привлекательна для всех стран. В отношении перспектив развития Китая существуют самые различные — как оптимистические, так и пессимистические — прогнозы. Но такие же прогнозы сегодня возможны и в отношении любой другой страны. Мировое развитие вообще обретает черты нелинейности и непредсказуемости. В чем видятся глубинные причины успешного развития Китая? Существовала ли у Советского Союза возможность пойти по пути китайских реформ? И что в нынешних условиях представляет собой в теоретическом плане само понимание модернизации и прогресса? И причем здесь либерализм, если речь идет о Китае?

В американских документах, в частности в рассекреченном докладе Национального разведывательного Совета США «Мир 2020», наоборот, отмечается безусловный рост Китая и его растущая способность конкурировать с Америкой. В докладе подчеркивается: «Китай, Индия, а также, возможно, Бразилия и Индонезия способны в будущем упразднить такие категории, как Запад и Восток, Север и Юг, присоединившиеся и неприсоединившиеся, развитые и развивающиеся страны»³. Еще совсем недавно такое утверждение было невозможным, так как, несмотря на

¹ См.: Неформальная экономика. Россия и мир / Отв.ред. Т. Шанин, М., 1998.

² Zakaria F. The Post-American World. N.Y., L. 2008. P. 1–5.

³ Доклад Национального разведывательного Совета США «Мир 2020». — «Сообщение», 2005, № 6–7 (64). С. 26.

продолжительное время успешности китайских реформ, неолиберальная доктрина была всецело связана с догоняющей моделью развития, а не с предположением о появлении новых центров развития.

Разумеется, прогнозы носят сценарный характер, и в Китае могут возникнуть факторы, препятствующие данному прогнозу. Кроме того, указанный Совет не предполагал распада СССР в феврале 1991 года, и он может снова ошибиться. Но важно то, что такие прогнозы появились. На Западе имеется много книг, в которых бурный и всевозрастающий рост Китая представлен как уже самоочевидный. Т. Фишман говорит о Китае как о корпорации, Ш. Шенкар называет XXI век китайским. Сами китайцы культивируют образ динамичной и рвущейся вперед страны. Быстрое развитие Китая часто истолковывается западными исследователями как опасное для мира: если китайцы сохранят его нынешние темпы (в среднем с 1978 года — более 9,8 процента роста ВВП в год), то и без того убывающие природные ресурсы планеты окажутся исчерпанными гораздо быстрее. Как высказался один эксперт, если этой стране удастся осуществить хотя бы одно намерение — обеспечить каждого китайца автомашиной, то и тогда Китай «высосет всю нефть мира». Китай нередко рассматривается как нарастающая угроза, но одновременно говорят об угрозах нынешнему курсу Китая¹.

Китайский подъем положил конец самому понятию «устойчивое развитие» как эвфемизму неразвития незападных стран. Согласно концепции устойчивого развития, мир оказался перед опасностью экологической катастрофы, поэтому темпы развития следует уменьшить во имя его устойчивости. Но Запад не сбавлял оборотов развития, и двусмысленность предложения скоро стала очевидной. В Китае быстро идут реформы, отмечается колоссальный рост экономики, давно преодолен голод, уменьшилось число сверхбедных, улучшается благосостояние народа. Вся власть в стране находится в руках коммунистического руководства, и легко предположить, что Китай среди прочего осваивает и опыт СССР. Вообще, если в мире есть страна, похожая на СССР, то это Китай. То же преобладание общественных целей над частными, господство компартии, высокие темпы роста при отставании уровня жизни людей от общенациональных успехов, то же стремление к лидерству.

Китай часто подвергается критике за свою политическую систему². Эта критика обычно основана на сравнении типа лидерства в Китае и

¹ Менгес К. Китай. Нарастающая угроза. М., 2006.

² См.: Remaking the Chinese Leviathan: Market Transition and the Politics of Governance in China. Stanford, 2004.

на Западе, на представлении об отсталости первого и скептическом отношении к китайским политикам. Западные исследователи часто не могут понять китайское чиновничество, которое не похоже на западную или российскую бюрократию. Китайская бюрократия в массе своей ориентирована не на обслуживание интересов правящей верхушки, а на обеспечение целей развития страны. Такая позиция чиновничества в значительной мере и позволяет Китаю добиваться успехов.

Вне всякого сомнения, в Китае сейчас происходит либерализация коммунизма, члены партии и даже руководители на местах участвуют в бизнесе. У одних есть деньги, копившиеся на протяжении всей жизни, другие заработали их сегодня. В настоящее время в Китае существует значительная идеологическая свобода. Критике нельзя подвергать только «четыре основных принципа»: социалистический выбор развития страны, руководящую роль коммунистической партии, марксизма-ленинизма и идеи Мао Цзэдуна, демократическую диктатуру народа (именно народа, а не пролетариата). Все остальные вопросы можно обсуждать. При китайском правительстве существует Министерство стратегического анализа, действующее под скромным названием «Центр изучения развития». Он имеет прямой выход на руководство страны, в нем работает около 200 специалистов высшей квалификации, преимущественно профессора различного возраста. Члены Политбюро ЦК стали проводить встречи с ведущими учеными, консультирующими их по различным вопросам социально-экономического развития страны. Ученые имеют высокие зарплаты, получают бесплатное жилье.

Со временем руководящая роль марксизма-ленинизма и идей Мао Цзэдуна уступила место влиянию идей Дэн Сяопина. Марксистско-ленинские и маоистские доктрины все больше уходят в прошлое, становясь предметом чисто исторического интереса. Углубляющаяся пропасть между бедными и богатыми, правда, заставляет многих вспоминать о годах правления Мао Цзэдуна как о более справедливом времени. В целом, однако, налицо лояльность китайцев нынешнему правительству, совпадающая с их любовью к своей стране.

Ежегодные высокие темпы роста, многомиллиардные иностранные инвестиции, деятельность десятков совместных предприятий вселяют в китайское общество оптимизм и веру в то, что успешное развитие страны продолжится и в будущем. Крупные китайские мегаполисы — это действительно XXI век. На месте старых, ветхих хибар выросли десятки многоэтажных жилых домов, причем реконструкция ведется целыми кварталами. Но суперсовременные кварталы Шанхая и Гуанчжоу перемежаются с местами, где можно обнаружить признаки не только признаки XX, но и XXI и веков, но и середины XIX и даже XVIII веков. Это

можно было бы сказать о многих странах, но XXI век еще мало где проглядывает. В Китае он виден.

Китайские реформы позволили преодолеть голод в деревне, который еще недавно был уделом примерно трехсот миллионов человек. Численность самых бедных слоев сегодня не превышает 20–30 миллионов из 1,3 миллиарда человек населения страны. При всем несопадении темпов роста ВВП и улучшения благосостояния масс, жизнь в Китае действительно улучшается. Китай заинтересован в иностранных инвестициях, притоке зарубежных туристов, а потому иностранцы здесь — персона грата, их всячески обхаживают. Они могут безопасно ходить по улицам китайских городов даже ночью. Почему миллиарды долларов потоком идут в Китай, а сотни иностранных компаний и многие тысячи предпринимателей со всего мира работают в этой стране? В первую очередь потому, что здесь существует *стабильность и порядок*. Они гарантируются жесткой вертикалью власти, включающей государственные и партийные структуры. Власть обеспечивает свободу рынка от криминала и сама не занимается криминалом. Китайский бизнесмен, за короткое время развернувший успешный бизнес, с гордостью говорил нам, что в стране «нет ни ментов, ни крышек», конечно, имея в виду «крыши» от рэкета. Конечно, социальную ситуацию, как уже было отмечено, никак не назовешь простой. И официально ставится задача ее гармонизации. Но народ видит, что власть озабочена проблемами, существующими в обществе, и стремлением их разрешить. Патриотизм китайцев и их солидарность обеспечивают национальную стабильность.

г) Могла ли у нас быть китайская модель развития?

20-летие перестройки в нашей стране и 15-летие событий августа 1991-го побудило многих к обсуждению целого ряда важных вопросов. Почему перестройка — заметим, вызванная в основном экономическими проблемами и лишь отчасти стремлением интеллигенции к гласности, свободе слова и печати и потребностью в «правде» у широких слоев народа, — не пошла по китайскому пути? По мнению видного деятеля из горбачевской команды академика В. Медведева, экономический подъем требовал слома советской системы. Но почему же тогда, спрашивается, подъем КНР не потребовал такого же слома «китайской системы»? И почему на вопрос, как относиться к распаду коммунизма в России, китайская элита отвечала: «Это внутреннее дело России» и не сходила с позиций своей новой доктрины «социализма с китайской спецификой».

Американский исследователь С. Коэн считает, что в советскую систему было труднее внедрить элементы капитализма, чем элементы социализма в Америке 1930-х годов. Но все же, по его мнению, это ока-

залось возможным, что подтвердил опыт Китая и Восточной Европы¹. Как ни удивительно, но американскому гражданину Коэну яснее видно то, о чем очень часто забывают у нас, изображая семьдесят с лишним лет советской системы сплошной «черной дырой» российской истории, провалом той жизни, которой мы все жили, несмотря на последующие политические размежевания. «Западные обозреватели, — пишет он, — могут не понимать разницы между абстрактным “коммунизмом” и полнотой жизни реальной советской системы... но советским (а впоследствии российским) гражданам было ясно, и в этом они были солидарны с Горбачевым, что “коммунизм — это не Советский Союз”»². Как полагает Коэн, не только рядовые коммунисты, но и оппозиционно настроенные по отношению к Горбачеву коммунисты-консерваторы были способны адаптироваться к его демократической политике. Однако неолиберальные лозунги «Иного не дано», «Надо стать нормальной страной» ориентировали людей на отождествление СССР и коммунизма, на радикальный слом системы и признание любых изменений как превосходящих по значимости все другое. *Утвердилось мнение, что радикальные реформы более успешны, и это был первый тупик неолиберализма.*

Соратник М. Горбачева — В. Кувалдин, отмечает, что перестройка разворачивалась по схеме «Революция сознания — политическая реформа — экономические преобразования». И делает неожиданные выводы из неуспешности перестройки (а также, добавим, первоначально провозглашенного и сегодня почти забытого ускорения): «... в начале «горбачевского этапа» перестройки объективное соотношение сил в обществе позволяло приступить к глубоким экономическим преобразованиям, не затрагивая политическую сферу... Концентрация сил на хозяйственном фронте была не только возможна, но и необходима... На оселке экономических преобразований можно было проверить на дееспособность в новых условиях политическую систему советского общества, наметить перспективные пути ее трансформации... По возможности их (экономические реформы. — Авт.) надо было осуществлять до политической реформы, чтобы не создавать гремучую смесь массового недовольства и организованного протеста... Порожденные реформой новые хозяйственные объекты раньше или позже потребуют политического представительства своих интересов; отныне они — факторы не только экономического, но и политического процесса. И это будут не адепты

¹ См.: Прорыв к свободе. О перестройке двадцать лет спустя. Критический анализ / Сост. В.Б. Кувалдин. Отв. ред. А.Б. Вебер. М., 2005. С. 38.

² Там же. С. 27.

“социалистического выбора”»¹. По существу, речь здесь идет о возможности в период перестройки китайского пути и для России.

Но могли ли мы пойти по китайскому пути? Китайские коммунисты призвали строить рынок, надеясь удержать его от влияния на общество, но так было и в период становления западного капитализма — рынок существовал, а общество сначала оставалось традиционным, но рынок в конечном итоге переделал общество в капиталистическое. В отношении Китая мы используем термин «хозяйственная демократия».

По мнению ряда исследователей, реформа того типа, который представлен Китаем, могла бы быть осуществлена в СССР. Более того, если бы на XIX партийной конференции (1988) Горбачев призвал коммунистов реформировать социализм или перейти к рыночной экономике, они бы одобрили этот призыв: лояльность коммунистов власти, правящей партии была в то время столь велика, что «китайский вариант» был вполне возможен. Не исключено, что после этого партия раскололась бы, но из нее, несомненно, выделился бы крупный отряд сторонников Горбачева. Изображать же печальной памяти письмо Нины Андреевой в виде проявления серьезной оппозиции горбачевскому курсу и даже сопротивления ему кажется сегодня просто смешным. Создание смешанной экономики вполне могло тогда оказаться компромиссным решением, способным реформировать советскую систему.

Однако даже многие из тех, кто придерживается подобного мнения, сомневаются, что такой выбор оказался бы более успешным для России, чем тот, который сделала наша страна впоследствии. На вопрос о том, был ли способен китайский путь избавить Россию от ее сегодняшних острых социально-экономических проблем, следует ответить скорее отрицательно. Доказательством служит сходство многих итогов развития двух стран, хотя они и избрали разные пути.

Не один раз побывав в Китае, посетив самые различные его регионы, мы не могли не увидеть там социальные язвы, многие из которых характерны и для современного российского капитализма. Речь идет о контрасте между богатством «новых китайцев» и бедностью массы простых людей, о неравномерности развития провинций, безработице, нехватке элементарной гигиены, об открытой эксплуатации, использовании собственного народа на условиях гастарбайтеров — в качестве дешевой рабочей силы, и пр. Несомненно, Россию могло бы уберечь от того, что выпало на ее долю в 1990-е годы, более грамотное проведение реформ, которое предусматривало бы большую роль государства и его ответственность за недопущение криминализации рынка. Что касается Китая,

¹ Там же. С. 98.

то при его более чем миллиардном населении он вряд ли мог пойти иным путем, нежели тот, который был им избран в конце 1970-х годов.

По мнению академика В. Степина, китайская реформа возникла на почве, взрыхленной «культурной революцией», в то время как у нас почва была утрамбована стабильной системой социализма. У Горбачева, как он полагает, просто не было другого пути.

Выступая на заседании клуба «Свободное слово» другой российский ученый — профессор В. Толстых, заметил: «По китайскому пути идти — это значит прежде всего быть китайцами, как минимум». В соответствии с такой культур-центристской точкой зрения, реформы в Китае неповторимы, поскольку их проводят китайцы. Сегодня уже не приходится объяснять ни читателям, ни реформаторам, что каждое общество имеет свою специфику. На начальном этапе реформ это решительно отвергалось. Нам предлагалось стать «нормальной страной», под которой понималась страна западного типа. На деле Запад явил уникальное развитие, и только большинство незападных стран (по-английски называемых the Rest — остальные) были «нормальными», коим был и сам Запад периода Средневековья. Точка зрения В.И. Толстых имеет основание, если при этом забыть об институциональных аспектах реформ и их логике. Многие в Китае, естественно, определяется в первую очередь тем, что он населен китайцами, которые и проводят эти реформы. И, конечно, целиком их опыт не может быть перенесен на иную почву. Но немалая часть того, что они делают и чего добились, представляет всеобщий интерес и заслуживает практического внимания.

Глава 12. Новые конвенции Третьей великой трансформации

Мы уже видели, что в настоящее время, называемое нами Третьей великой трансформацией и Третьей современностью, многие применяемые и прежде понятия меняют смысл. Глобализация стала мегатрендом, отодвинув модернизации на локальный, национальный уровень (национальные модели модернизации); вестернизация продолжается, но преимущественно путем заимствования технических, экономических средств и массовой, потребительской культуры, но не требуя отказа от собственных традиций; догоняющая модель модернизации в этой связи не работает; уменьшению роли национальных государств в начале второй глобализации сопутствовала реакция возврата их значимости; понятие прогресса существует, но уже не воспринимается как следование за Западом.

Подъем незападного региона стал самым удивляющим событием Третьей великой трансформации и третьей современности.

а) Часть третьего мира становится вторым миром

За исходный пункт берется то, что, намереваясь стать страной первого мира из-за неудовлетворенности своим статусом страны второго мира, Россия оказалась в третьем мире. Глобализация не меняет базовых различий между первым, вторым и третьим миром, ибо усугубляет неравенство и даже производит четвертый мир. Поэтому каждый сценарий, в том числе и те, которые сформированы за границами подобных размышлений, необходимо тестировать на предмет отношения к этим трем перспективам — первого, второго, третьего мира.

Думаем, что наша гражданская цель состоит в том, чтобы через возвращение стране статуса второго мира попытаться войти в развитый мир (стать первым миром), великой державой. Используя этот подход, мы отказывались принять за перспективный сценарий интересные идеи Т. Шанина¹. По отдельности в них содержится много верного: рассужде-

¹ Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.

ния о неформальной эксплоярной экономике 1990-х (которая не является ни рыночной, ни государственно-регулируемой), об особенностях менталитета и пр. Мы их цитируем и готовы признать и восхвалить. Но вместе они были подчинены тому, чтобы убедить Россию смириться с потерей своего исторического статуса и спокойно обустроиваться на манер других стран третьего мира, ибо «третьемирская» сущность, внутренняя гнилость присуща стране, по мнению сторонников этой точки зрения, во все времена.

В частности, и правильный диагноз о неформальной, а не государственно-регулируемой экономике СССР (в магазинах ничего, на столах все) и о неформальной (а не рыночной) экономике 90-х тут используется, чтобы сказать: такая экономика была открыта на примере Ганы, характеризует третий мир, и, следовательно, Россия — страна третьего мира. Остается только выбрать модель, и выбиралась Бразилия — одна из самых далеких нам по культуре и принадлежащих к третьему миру стран. Никто из нас не хотел принимать этот образ, хотя он иногда был пугающе реален. Именно так формировался реальный для Запада и переросший в реальность образ России как страны внутренней деспотии и внешней агрессии. И 27-миллионные жертвы Второй мировой войны, и самораспад страны, и отречение от коммунизма ничего не изменили в этом имидже¹. А ведь ни о чем нельзя сказать правду без любви. Образ — это не научное представление, это то, какой кажется страна или какой ее хотят видеть.

Не согласен с третьемирскими и алармистскими сценариями народ, генетический код которого имеет другие характеристики российского прошлого и отсюда будущего. В этом был корень победы Путина на выборах и относительной устойчивости его рейтинга, несмотря на малое улучшение экономического и морального климата, тревогу и неясность в отношении избранного пути. Патриотизм — не атавистическое или патриархальное чувство, а переживание гражданства, сакрализация своих истоков даже теми, кто очень современен, хотя большинство-то живет, как это ни парадоксально, в мало изменившемся мире (например, в российской деревне).

Мы согласны с той трактовкой третьего мира, которая проистекает из биполярности, из противостояния двух мировых систем, между которыми располагалась третья. Инновационное развитие первого мира, мобилизационное и мобилизационно-инновационное второго в третьем мире невозможно, оно имеет препятствия, которые являются постколо-

¹ Шаповалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. М., 2000. № 1. С. 51–65.

ниальными по сути. В модернизационном плане третьемировская сущность определена наличием таких препятствий к развитию, которые делают его постколониальным по типу¹. Это включает и технологическую отсталость, и культурную замкнутость, и отсутствие возможности быть культурно-историческим типом, внесшим вклад в мировую историю или культуру. Антиэволюционистски, антипрогрессистски настроенные люди будут оскорблены таким видением третьемировской сущности, поскольку справедливо видят ее привлекательность, наивность, целостность, синкретизм. Но мы не этнографы, а специалисты по развитию, которые, по определению, в отсутствии развития видят отсталость, а в отсталости — опасность для здоровья, мира, процветания, существования для этносов и для наций. Неравенство, бедность большинства, необразованность, болезни не могут радовать, а речь идет именно о них как спутниках отсталости. Равным образом в радикальном подталкивании к развитию там, где нет предпосылок, таится не меньшая опасность, прежде всего опасность разрушения традиционного общества без обретения новых качеств. Конечно, третий мир не одинаков. Бразилия, Турция, Вьетнам показывают экономические успехи и успехи модернизации, страны Африки находятся в тяжелом положении. Страны третьего мира пребывают в циклическом развитии, их прогресс, если он имеет место, чреват откатами, нелинейностью. Однако сегодняшняя трактовка модернизации отказывается от признания одной лишь поступательности и линейности: «Последнее видно на примере модернизационных концепций последней волны, в рамках которых идея однонаправленного эволюционного развития, сближаясь с многовариантной парадигмальностью, трактует сущность модернизации как усиление черт своеобразия отдельных сегментов геополитического пространства, как максимально полную реализацию самобытности национальных культур. Концепция множественности миров, модернизация которых разнопланова и непохожа, являет собой сложный сплав идеи неизбежности прогресса и вариантности его форм»². Ничуть не сомневаясь в правильности этого утверждения для сегодняшнего дня, нельзя считать, что оно разрешает проблему различия трех миров — первого, второго и третьего. Н. Бердяев предупреждал, что нельзя за специфику России принимать ее отсталость. Это относится и к другим народам. В какой мере комбинация факторов, упоминаемая в цитируемом фрагменте, может сделать развитие третье-

¹ См.: Федотова В.Г. Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 248–251.

² Барсукова С.Ю. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Полис. 2000. № 4. С. 62.

го мира более успешным и вернуть Россию во второй? — спрашивали мы недавно. Исключая отнятие права на прогресс под любыми благовидными предложениями (гарантированности статус кво, критики девелопментализма за наивность, признания нелинейности развития, предпочтительности устойчивого развития, невозможности догнать Запад и пр.), нельзя добиваться прогресса любой ценой, вплоть до умирания населения.

Прогресс противоречив. Для его достижения нужны предпосылки. Прогресс и модернизация имеют высокую цену. Мы склонны согласиться, что Россия 1990-х — страна третьего мира, но это не естественно-исторический процесс, не ее тренд. Это выпадение из цивилизации, обусловленное радикальностью реформ, полная реконвенционализация, которая на деле обернулась кланово-корпоративным захватом собственности. Носителями этого типично третьемировского начала являются как раз те представители верхов, которые пытались легитимизировать на будущее (тогда этого им еще было не надо) свое обогащение под прикрытием демократической и рыночной риторики. От третьего мира даже тогда Россию отличало образованное население, завершенная индустриализация, тысячелетняя история цивилизационного развития, великая литература и другие художественные достижения, известные всему миру, хорошая система образования.

Россия была одним из полюсов в противостоянии систем, по отношению к которым произошла идентификация третьего мира. Россия в течении трех веков осуществляла модернизацию. В ней прочно европейское начало. Отличия от Запада, инкриминируемые России как третьемировскость, имеет и Китай, и Индия, и многие другие страны. Включение этих великих стран в третий мир есть девелопментализм худшего сорта, когда место страны в мире определяется только экономическими понятиями. Кроме того, в России 90-х — «в отличие от стран третьего мира — значительная часть обедневшего российского населения представляют специалисты с высоким уровнем образования и квалификации. Рыночные условия поставили перед ними дилемму: отказаться от малооплачиваемого профессионализма в пользу более доходных “рыночных” видов деятельности (что зачастую ведет к депрофессионализации под видом переквалификации, когда, например, врач начинает работать продавцом) или сохранить верность профессии, *амортизируя* свое решение участием в неформальной экономике. Таким образом, если в третьем мире низкодоходные группы населения характеризуются недостатком “человеческого капитала”, что делает их участие в неформальной экономике *безальтернативной стратегией*, то в России группа *новых бедных*... включает в себя значительную долю высокообразованных специ-

алистов, сознательно воздерживающихся от профессиональной мобильности на легальном рынке труда»¹ из-за неадекватности и этого «рынка» требованиям времени. И, наконец, геополитическое положение России таково, что даже в тогдашнем состоянии она играла роль большую, чем региональный лидер. И, наконец, сущностью третьего мира является исключение части населения из общественной жизни. В научной литературе она трактуется как новая внеклассовая форма эксплуатации (бразилизации), так как для Бразилии характерно исключение значительной части населения для улучшения жизни другой. В России было такое явление, но оно негативно оценивалось всем обществом как опасное для всех его слоев.

Масштабность неформальной экономики — главный пункт, по которому Россия причислялась к третьему миру, — продукт непонимания реформаторами природы рынка, результат меркантилизации всех сфер общества, в котором приняли участие будущие обвинители, не желающие признать, что рынок не может сложиться мгновенно.

Сегодня мы живем в другое время. Пройдя короткий период неолиберальной реконвенциализации, Россия прочно вошла во второй мир. Более того, второй мир восстановлен. «Геополитика, — как пишет П. Кханна, — это отношения между силой и пространством»². Автор этой мысли с восхищением говорит о А. Тойнби, который впервые описал взлеты и падения империй и цивилизаций. Он показывает, что происходит реконвенциализация ценностей второго мира, который включает восточную Европу, страны «хартленда» — Россию, Казахстан, Узбекистан, страны Латинской Америки, Азии, Китая. «Поскольку страны это также люди, — говорит Кханна, — то для того, чтобы стать вторым миром, надо думать как во втором мире. Это мышление связано как с первым, так и с третьим миром. Это сказывается и на их развитии, и на их неустойчивости. Но сегодня они устойчиво принадлежат второму миру»³. Россия вернулась во второй мир, и не только мысленно, но и фактически. Главный редактор журнала «Экономист» показывает, что Китай, Индия и Япония изменят мир в следующее десятилетие, что Китай — срединная страна, но центральная по значению, Япония — сильная, уязвимая и стареющая, Индия — многообразная, с трудом пробивающаяся, но уже находящая сегодня свою дорогу. Азия, с одной стороны, едина, но с дру-

¹ Там же. С. 69–70.

² *Khanna P. The Second World. Empires and Influence in the New Global Order.* N.Y., 2008. P. IX.

³ *Ibid.* P. X–XXVII.

гой стороны, состоит из многих стран, отличающихся друг от друга и неизбежно придущих к соперничеству.

Термин «второй мир», отброшенный после распада социалистической системы, сегодня обрел популярность, включив в эту группу стран не только Россию и другие посткоммунистические страны, но и множество других, чье развитие является успешным.

б) Опыт Китая и понятие прогресса

Несмотря на то, что сама идея прогресса сегодня поставлена под вопрос, прогресс Китая и отчасти Индии заставляет подозревать, что именно его неожиданность влияет на теоретические позиции тех, кто связывает прогресс с развитием Запада. Концепция прогресса известна как западная концепция поступательного развития, включающая развитие разума и свободы, производства и материальных ресурсов. Но сегодня прогресс обретает цивилизационную размерность, которая исключает единый образец и универсализацию чьего бы то ни было опыта, включая западный. В цивилизационных концепциях представлена критика линейного развития. Срок жизни цивилизаций может быть долгим, но не вечным. Русский историк Н.Я. Данилевский видел один из законов развития культурно-исторических типов (цивилизаций) в том, что рано или поздно наступает период истощения сил цивилизаций, и их новая жизнь не возобновляется. «Под периодом цивилизации разумею я время, — пишет Данилевский, — в течение которого народы, составляющие тип (культурно-исторический тип. — *Авт*), — вышедшие из бессознательной чисто этнографической формы быта... создав, укрепив и оградив свое внешнее существование как самобытных политических единиц... проявляют преимущественно свою духовную деятельность во всех тех направлениях, для которых есть залюги в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния. Оканчивается же этот период тем временем, когда иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего и дряхлеют в *апатии самодовольства* (как, например, Китай), или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал (как, впрочем, и все человеческое) был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути, — в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в *апатию отчаяния*»¹.

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Запад. М., 1991. С. 106.

Один из нас, писавший о нынешней российской апатии, переоткрывает через Данилевского сегодня пережитую нами фазу крушения не вполне сформировавшегося и к нашим дням славянского культурно-исторического типа через апатию самодовольства (СССР) и последующее после «окончательной победы» (СССР) поражение через апатию отчаяния или безразличия. Но вот упоминание Данилевским Китая, прошедшего эти фазы, сегодня не соответствует сказанному. Китай внушает оптимизм, так как циклы существуют и внутри этой цивилизации, и она возобновляет восходящую ветвь своего развития.

Прогресс утратил линейность форм и начинает свое существование в рамках цивилизаций и наций, производя общие и отличающиеся черты. Это лучше движения восставших «народных низов истории», как назвал революции английский историк Дж. Рюде, что сулит новые катаклизмы и проблемы, которые стоит предугадывать по мере наших сил. Нелинейное развитие — это расставание с привычным. Оно пугает. Но посмотрим, какой оптимизм оно вселяло в Данилевского, давшего адекватное сегодняшней реальности понимание прогресса: «Прогресс... состоит не в том, чтобы идти все в одном направлении (в таком случае он скоро бы прекратился), а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества, во всех направлениях»¹. И напомним цитированное выше, где Данилевский считает, что в каждом культурно-историческом типе — народах, поднявшихся до влияния на всемирную историю, есть способности в отношении науки и искусства, в осуществлении своих идеалов правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния.

Идея прогресса на Западе становится идеей его собственной цивилизации. Но именно она, распространившись, породила разнообразие вариантов прогресса. И чтобы сегодня идея прогресса западной цивилизации не становилась дубиной, которая поднимает обойденные историей низы, Запад вынужден будет признать другие виды разума и соответствующие им политические устройства. Однако освоение западных идей и технологий, рациональности и политического устройства не прекратится, а будет осваиваться сообразно собственным потребностям цивилизаций и народов.

Прогресс Индии и Китая упирается в равномерность распределения ресурсов и ставит весь мир перед новыми социальными проблемами. Тон разговора о Китае становится другим. Автор бывшей весь 2005 год бестселлером книги, название которой можно перевести «Китай как корпорация» (China, Inc.), пишет: «Мир сжимается так же, как Китай

¹ Там же. С. 109.

растет... Нет страны, которая бы так неожиданно сильно стала восходить по всем ступеням экономического развития... Ни одна страна не потрясла глобальную экономическую иерархию так, как Китай... Сегодня есть две метафоры, обе верные: Китай пьет молоко в эти дни. Самый высокий центровой баскетбольной лиги... — Яо Мин, китаец¹. Каждое утро за завтраком китайцы, по крайней мере, в гостиницах выпивают по стакану горячего молока со слизистой рисовой кашей «сифань» или китайским хлебом, хотя прежде молоко всегда было дефицитом в Китае и его никогда не пили каждый день. Превосходящий всех ростом китайский спортсмен и множество высоких молодых людей в Китае меняют представление о китайцах как малорослых и хрупких людях.

Ректор технического университета в Пекине на международной конференции заявил, что цель университета — стать лучшим в мире. Он признал специализацию научного труда, превосходство России в области фундаментальных исследований и необходимость для Китая не «изобретать велосипед», а покупать эти исследования у России и внедрять в Китае. И уже в Китае есть государственные и негосударственные российские структуры, готовые торговать российской фундаментальной наукой.

Китайская модернизация даже после Теньяньмина в 1989 году была чрезвычайно успешной и ускоренной, но как прежний вызов Азии 70-х годов ее трудно было понять. История Китая имела успехи, которые не делали их чудом, а были следствием реформ Дэн Сяопина. Многие видят в этом параллель с подъемом СССР в 60-е.

Специалисты отмечают, что некоторые китайцы в 1990-е годы ожидали от России большего скачка, чем они делали сами. В 1997–1998 годах во время азиатского кризиса темпы китайской экономики замедлилась, Китай не принял шоковой терапии и Вашингтонского консенсуса, в отличие от России, и никогда не прекращал политики социальной помощи населению, обеспечивая привлекательную для инвесторов стабильность.

Цель реформ объявлялась Дэн Сяопином как социалистическая рыночная экономика. Позже он стал говорить, что «почетно стать богатым» (лозунг, похожий на призыв Н.И. Бухарина «Обогащайтесь!»). Модель ленинского НЭПа сильно повлияла на Китай, Вьетнам, оправдывающие перемены слишком большой продолжительностью строительства социализма в своих странах. О деньгах, которые вытесняли марксизм, стали говорить: «Рыночный ленинизм».

¹ Fishman T. China, Inc. How the Rise of the Next Superpower Challenges America and the World. N.Y., L., Toronto, Sydney. 2005. P. 1–2.

Марксисты из китайской диаспоры критиковали Китай за рост неравенств, коррозию отношений, чрезвычайную роль денег. Как отмечает Арриги, «некоторые продолжают считать, что в Китае социализм — рыночный или какой-то другой. Другие видят здесь новое появление капиталистической системы... рыночный социализм рассматривался как возникший под давлением человеческих нужд и поисков справедливости»¹. Арриги согласен с теми исследователями, которые считают, что социализм в Китае не выиграл и не проиграл, но скачок к современности изменил людей в Китае, больше, чем где бы то ни было в третьем мире сегодня. Вопрос, который не имеет пока ответа, состоит в том, «является ли «социалистическая рыночная экономика оксюмороном. Если нет, то при каких условиях она может осуществиться»². Китаизированный марксизм позволил соединить несоединимое, но возможно ли это теоретически понять в терминах научной западной рациональности, остается неясным.

в) Национальная модель модернизации

Вдовствующая императрица Ци Си в конце XIX века отказывалась покупать автомобиль, так как шофер будет сидеть впереди нее, чего не допускала китайская иерархия. Был построен автомобиль, в котором она сидела впереди шофера. В этом смысле китайское общество сегодня стало более демократичным, горизонтальная и вертикальная мобильность формирует новую конфигурацию общества и его стратификацию.

Почему то, что получилось в Китае, не получилось пока в России? Одни объясняют это большим количеством дешевой рабочей силы, другие — исключительно трудолюбием китайцев, третьи — особыми чертами их национального характера, их менталитета. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России — это перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на сегодняшнем этапе. Наиболее адекватной формой развития обществ многим теоретикам сегодня представляется *национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже*

¹ Arrighy G. Adam Smith in Beijing. P. 15.

² Ibidem.

достигнутой вестернизации. Необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной модели развития, а значит к многообразию типов модернизации. Как уже было показано, эту мысль высказывают такие известные специалисты, как С. Хантингтон и Ш. Айзенштадт, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне.

Утверждения — «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие» должно быть самобытным» представляются неправильными. Классическая модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец.

На наш взгляд, дело объясняется тем, что *китайцы при выборе модернизационной модели учитывали особенности своей страны и не стремились перестать быть китайцами, стать американцами и пр.* Руководство страны принимало во внимание и численность населения (более одного миллиарда человек), и низкий стартовый экономический уровень, и отсутствие достаточного количества природных ресурсов, и явный недостаток грамотных кадров. Поэтому необходимо было единое централизованное руководство, т.е. авторитарный режим. Одновременно китайское руководство понимало, что модернизация — это не одномоментное действие, а длительный процесс. Следует сказать, что успех реформ в Китае обеспечивал наличие коллектива единомышленников, на деле заинтересованных в процветании своей страны. Во главе его стоял незаурядный человек — Дэн Сяопин. Реформы в Китае начались с реформы экономики — производственных отношений в деревне. При этом постепенно шел и процесс реформирования теоретических представлений. В начале реформ говорили о возвращении к плановым принципам социалистической экономики, которые были извращены в период «культурной революции», затем — об использовании рынка, но при господстве плана, и только потом появился термин «социалистическая рыночная экономика». *Методология китайских реформ — постепенность и учет национальных условий.* Это — «золотое правило реформ», отличающее их от революций: согласовать скорость реформ со способностью людей адаптироваться к ним.

Если суммировать представления Дэн Сяопина и его преемников о социализме, то их можно свести к следующему: социализм охватывает длительный исторический период; нет универсальной модели социализма, лишь ее национальные разновидности; при строительстве социализма необходимо учитывать социально-экономические особенности данной страны; при социализме имеется противоречие между производственными силами и материально-культурными потребностями народа; центральный вопрос реформы всего общества — это развитие экономики, производительных сил; классовая борьба не играет особой роли; коммунистическая партия представляет интересы не только рабочего класса, но всего народа; частная собственность — неотъемлемый элемент строительства социалистического общества; существование при социализме рыночных отношений — закономерное явление; использование форм и методов управления экономикой, характерных для капиталистического общества (например, акции, биржи и т.п.) не означает следования по капиталистическому пути, это чисто технические средства; строительство социализма невозможно без политики открытости внешнему миру; необходимо извлекать пользу из глобализации: социализм невозможен без приоритетного развития науки и техники; повышение материально-культурного уровня народа осуществляется постепенно, через повышение уровня жизни части населения и районов необходимо идти к зажиточности всех; при создании политической системы нельзя копировать политические модели Запада.

Именно в русле китаизированного марксизма находится и выдвинутое Дэн Сяопином новое определение классовой принадлежности интеллигенции, а также расширение рамок социального состава участников модернизации китайского общества.

Это, конечно, попытка использовать схемы китаизированного марксизма и прагматика, направленная на сохранение роли КПК, без которой было бы невозможно управлять в переходный период гигантской страной, легитимация задач национальной китайской модернизации, называемой социализмом с китайской спецификой. Многим то, что говорил этот китайский лидер, представляется демагогией.

Но в том-то и дело, что Китай дает образец развития на основе собственной, а не западной рациональности. В этой рациональности политический класс и особенно бюрократия — не просто носители функций, а прежде всего патриоты. Китай живет как корпорация. И эта рациональность в Китае работает по существу на хозяйственную демократию, а по мнению некоторых западных ученых, на капитализм, который строится коммунистической партией под именем начальной фазы социализма. Как заявил Ху Дзин Тау, «Китай участвует в международных

делах и осуществляет свои международные обязательства и взаимодействие с другими странами в организации нового международного порядка, справедливого и рационального»¹.

Рациональное здесь — не декартовское, а конфуцианское. Тем, кому покажется, что это все вообще нерациональное, придется считаться с логикой автохтонных капитализмов в России, Китае, Индии, Бразилии и Индонезии.

Китай как фактор будущего и прогноз для многих стран свидетельствует о том, что пятисотлетнее поступательное развитие, прогресс, основанный на разуме Запада и его успехах, прекращается, завершается как цикл, снижающий лидерство Запада и его способность быть образцом развития для других народов.

В свете сказанного можно сделать следующие выводы: *вопрос о роли государства в экономике — исторический, культурный и географический вопрос; либеральные модели плохо работают в незападных обществах; возникновение капитализмов незападных стран в условиях глобализации превращает их в лидеров развития при наличии свободного рынка, поддерживаемого государством и решающего социальные проблемы.*

2) Причины начала нового исторического цикла

Повторим, это — сценарий, у которого есть реальная почва и который начинает реализоваться. Как это могло произойти и остаться незамеченным? Это произошло по причине господства неолиберальной модели и присущих ей тупиков. *Некоторые из них уже названы — много не дано. Россия и другие страны должны стать нормальным Западом (Пенза, Елец, Ухта — тоже?), рынок решит все проблемы. Ненависть неолиберализма к коммунизму и даже к Дж.М. Кейнсу как к предателю капитализма, тогда как вместе с Ф.Д. Рузвельтом он был спасителем капитализма, отвоевавшим его не только у кризиса, но и у неолибералов — еще один тупик. Неверифицируемость своих постулатов в неолиберализме, как и в марксизме, привела к чрезвычайной турбулентности и непредвиденным следствиям.*

Распад коммунизма способствовал началу глобализации. Если в рамках Запада функционирование капитала возвращало его социальную субстанцию, то при глобальном распространении капитализма капитал потерял цивилизующую миссию, начал интересоваться только ростом капитала безотносительно к социальной и культурной среде его функционирования. Капитализм из веберовского, основанного на протестантской этике, на заимствовании его рациональности в инорелигиоз-

¹ China, My China // National Interest. № 83. Spring 2006. P. 9.

ных странах Запада, превратился в зомбартовский, основанный на чем угодно. Если раньше капитализм перемальывал чужие (незападные) культуры, то теперь эти культуры перемальывают капитализм.

Можно говорить как о тупиках о том, что внутри США неолиберализм породил неоконсерваторов и Дж. Буша, что в посткоммунистических странах он создал невозможность приспособиться к радикализму требований и к последующим откатам к автохтонным формам капитализма, что он перестал заботиться об адекватной социальной и культурной среде производства капитала. Но самый неожиданный итог самонадеянности — невозможность сегодня либеральной современности.

Главный тупик неолиберализма — приспособление стран незападного разума к западным технологиям, возможно в будущем к элементам политической системы Запада, и итог — возможное вытеснение Запада и глокализация — термин, означающий равные шансы глобализации (всемирной победы либерализма) и локализации, как уже было показано в данной книге, в форме подъема капитализмов как хозяйственных и технологических систем, подчиняющихся локальным культурам и цивилизациям.

д) Стрела времени и циклическое развитие

Прогресс — не проект, а ход истории, при котором лидеры прогресса меняются.

Мысль И. Валлерстайна, что капитализм не прогрессивнее предшествующих исторических систем была бы верной, если бы у иных исторических систем всегда была идея прогресса. И все же его мысль верна в том отношении, что цивилизациям, в отличие от обществ другого типа, не ставших субъектами всемирной истории, присуща полнота жизни и сознание решенности многих вопросов, в том числе вопросов о достоинстве, целях, свободе, отношениях полов, отношениях поколений, о сакральном, о жизни и смерти.

В отношении спора о том, фикция ли прогресс или бытие, мы склоняемся к тому, что это было бытие западного типа развития, предложенное, но не полученное остальными. Для теоретика же — это идеология, конструирующая социальную реальность сообразно наличию потенций для ее осуществления.

Китай устремлен к прогрессу. То же мы наблюдали во Вьетнаме, где идея прогресса является определяющей для общества, и Вьетнам сделал шаги в этом направлении. Бразилия, Индонезия также находятся в числе стран, которые мыслят свое развитие в качестве ведущей цели. В свое время Элеонора Рузвельт настаивала на *праве на прогресс* среди прочих прав человека и народов.

Подъем этих стран не происходит под антизападными лозунгами, напротив, идет активная вестернизация в форме заимствования западных технологий, массовой культуры и ее собственного производства, формировании совместных предприятий, аутсорсинга и пр.

Подчеркнем еще раз, что наиболее адекватной формой развития сегодня многие теоретики считают *национальную модель модернизации, возникающую на некотором уровне уже достигнутой вестернизации*¹. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне. Это множество модернизмов ведет к многообразию форм прогресса, к воплощению других разумов в сообразное традиции и приемлемое для других политическое устройство, обеспечивающее глобальную открытость, в цивилизационно различные капитализмы.

Хотя модерн и капитализм не являлись изначально проектом, формируясь естественно-исторически и проходя объективные точки бифуркации, упомянутые выше слова немецкого философа Юргена Хабермаса «модерн — незавершенный проект» получили неожиданное подтверждение.

Напомним, что Запад в концепции и политике «третьего пути» продемонстрировал, что он пятьсот лет пребывает в состоянии модерна, который стал для него традиционным обществом, обрел черты воспроизводства на основе сложившейся традиции его поступательного развития. Поэтому он осуществил переход в состояние нового модерна, в капитализм, основанный на информационной основе, на признании глобального рынка левыми силами, но развитии гражданских инициатив, ограничивающих засилье рынка (Б. Клинтон, Т. Блэр, социолог Э. Гидденс, предложивший эту концепцию).

Новое в их позиции состояло в том, что они, полагая невозможным отказаться от модернизации — от перехода к обществу со всемирно открытым, *предложили совокупность принципов и политических мер, которые можно было бы назвать «рынок для общества»*. Это меры, которые могут скорректировать и гуманизировать процесс развития в эпоху

¹ См.: Федотова В.Г. Будущее российского капитализма // Политический класс. 2006. № 3.

глобализации как в отношении Запада, так и тех стран мира, которые вступают на капиталистический путь.

Хабермас последовательно проводит в своих работах мысль о том, что тема диалога не соответствует дискурсу модерна, построенному на признании западного разума и общего стремления к разумному освоению действительности. Он объясняет, что Кант критиковал разум, исходя из его перспективы, т.е. в рамках модерна, а вовсе не сопоставляя разум с «иным», «другим», предшествующим ему состоянием¹. Эпоха модерна устремлена к разуму, как он сложился на Западе, а не к его оппонированию или диалогу со всем тем, что не имеет таких устремлений. Диалог, который тут мог быть, явился бы диалогом сторонников одной идеи. Поэтому потребность в диалоге, коммуникации, по мнению Хабермаса, возникает позже, примерно с Ф. Ницше, пошатнувшего старое здание рациональности.

Известный отечественный философ В. Швырев убедительно показывает, что тождество разума и бытия, способность разума к овладению условиями существования, провозглашенные в классической западной трактовке рациональности, остаются основополагающим принципами рационального сознания. Однако способ достижения рациональности не представляется предуготовленным, а, напротив, трактуется как зависящий от усилий человека, в том числе и от его способности к диалогу и коммуникации. Это подрывает квазиприродную трактовку социальных процессов и процесса познания, показывает, что мир творится людьми и что рациональный способ освоения мира может сделать его лучше, а рациональное познание надежнее, не даст покинуть «твердую почву». И это происходит, несмотря на «отказ от монологического идеала привилегированной системы познавательных координат, исходные установки которой санкционируются авторитетом безусловных критериев»². В этом мы не уверены. Лучше, хуже — мы не знаем, мы в начальной точке нового мира.

Чтобы говорить о диалоге между несоизмеримыми единицами, надо избежать крайностей толерантности и «гуманитарной интервенции». Толерантность трактуется сегодня как спасительная терпимость буквально ко всему. «Гуманитарная интервенция» как изменение людей силой — военной или политической, моральной или образовательной.

Предельная толерантность может быть проявлена в отношении жизни человека, но не в отношении любого образа его жизни и суверени-

¹ Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. С. 312–315.

² Там же. С. 145.

тета государства, но не его способности во зло другим использовать свой суверенитет. В научном познании она ограничена направленностью на поиск истины, а не на признание любого высказывания. «Гуманитарная интервенция» должна быть исключена уже из-за самой двусмысленности и чудовищности словосочетания, которое включает как военное нападение с целью исправления стран-изгоев, так и давление, направленное на насильственную рекультуризацию народов и людей.

От многих ускользает, что, как правило, от диалога ожидают разрешения конфликта между рациональным и нерациональным партнером или, по крайней мере, *между носителями разной культуры, разного рационального самосознания*. Но именно это представляет наибольшую трудность будущего и будущего капитализма.

Завершается громадный цикл истории прогресса на основе капитализма, построенного на западной рациональности. Начинается новый длительный цикл развития капитализма на основе различающихся разумов всех его участников — и новых, и Запада как одного из них.

Глава 13. Новое Новое время для незападных стран

Опуская различие политических форм индустриализма (капитализма и социализма), отметим, следуя за философом русского послеоктябрьского зарубежья Борисом Вышеславцевым, что индустриализм «одинаково проявляется в Европе, в Америке и в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат, который можно назвать «массовым индустриализмом»¹.

а) Два макросценария развития стран автохтонного капитализма и хозяйственной демократии

Сегодня различия между капитализмом и социализмом после распада мировой коммунистической системы не представляются столь очевидными, как это было прежде. Общественная собственность и политико-экономическое централизованное управление перестали быть чертами социализма. «Но что останется от “социализма”, — спрашивал Вышеславцев, — если (как во многом сегодня в Китае, во Вьетнаме. — Авт.) он откажется от социализации и национализации? Для “неосоциализма” останется только одно: признать *идеал хозяйственной демократии* и заявить, что в этом он совершенно согласен с неолиберализмом»². По этой причине, обсуждая вопрос о нациях в силу новых экономических тенденций, мы касаемся не только новых капиталистических стран Азии и посткоммунистического блока, но также стран, которые используют рынок и развиваются по модели индустриализации в рамках коммунистического политического режима.

Это очень важно для сегодняшнего дня, когда, несмотря на принятую политкорректность или идеологию, хозяйственная демократия в рамках

¹ Вышеславцев Б.П. Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк. 1982. С. 15.

² Там же. С. 348.

«неосоциализма» становится ведущей силой развития, равно как ведущей силой она является и в странах нового капитализма.

Данное соображение объясняет, почему нельзя проигнорировать страны хозяйственной демократии в оценках перспектив развития и формирования экономически интегрированных наций. Лидером развития среди незападных стран остается Китай. По западной оценке, главный герой роста — Китай. Проценты выглядят скромно и не дотягивают до двухзначной цифры. Однако в абсолютных показателях именно Китай сделает для процветания мировой экономики больше, чем любое другое государство планеты. Между тем Индия, вторая по размеру развивающаяся экономика, в будущем году не дотянет до первой дюжины лидеров¹. Если соотнести население рассматриваемых стран, то отмечаемый в России рост подушевого дохода является неплохим². Но в сравнении с другими странами его нельзя еще назвать «русским чудом», хотя эта метафора уже звучит в оценках журналистов Китая и других стран, по крайней мере, в их устных выступлениях.

Один из нас (В.Г. Федотова) ввел термин «автохтонный капитализм», не назвав его ни местным, ни культурно-специфическим, ни каким либо еще, ибо его автохтонность может быть определена разными особенностями — региональными, политическими, традиционными, религиозными, культурными, цивилизационными либо их комбинацией. Так, автохтонность российского капитализма, продолжая сказанное выше, сегодня можно характеризовать его социокультурной спецификой, которая плохо уживается с либеральными проектами. Рынок Китая вписан в китайскую цивилизационную и политическую специфику. Капитализм исламских государств — религиозно особенный и характерный наличием уммы — исламской всемирной общности, которая жаждет альтернативной исламской глобализации.

На наш взгляд, возможны два сценария развития автохтонных капитализмов, взятых в аспекте их связи с проблемой развития национализмов, наций и национальных государств.

1) Первый из них уже обозначен: использование хозяйственной машины капитализма в качестве механизма при сохранении существующей специфичности любого рода. Этот сценарий мог бы быть признан началом нового вектора капиталистического развития, обусловленного тем, что Запад в условиях собственных трансформаций и глобализации утратил

¹ The World in Figures: Countries // The Economist. The World in 2007 / 21st edition. P. 97.

² P. 97–104.

статус образца развития, а в новый капитализм вступили страны, до сих пор наименее склонные к заимствованию как механизмов капиталистической экономики, так и западной культуры, в которой она вызревала. Этот сценарий мог бы скорее всего реализоваться при изменениях капитализма, описываемых в неокapиталистических теориях (неосмитианство, либерализм, предполагающий справедливость, идеи общего блага, удержание моральных ценностей обществом)¹, а также при изменении ценностей техногенной цивилизации, все большем понимании экологических, антропологических и социальных пределов прежде казавшейся бесконечной человеческой активности и креативности (В.С. Степин). Такому сценарию могли бы способствовать выстраиваемые государствами механизмы защиты своей автохтонности, усиление государств в рассматриваемых странах, поддержание в них патриотизма и чувства достоинства, единства и доверия, их направленности на создание и воссоздание национального единства. Патриотизм и автохтонность хорошо работали бы на подъем собственной экономики. *Это был бы путь к удержанию Вестфальской системы.* Нации здесь стремились бы к поддержанию своих традиционных и политических идентичностей, не пытаясь стать буржуазно-индивидуалистическими за счет экономической интеграции.

В России, как уже было отмечено, автохтонный капитализм формируется на основе концепта суверенной демократии, т.е. демократии, которая предполагает не только независимость и суверенность государства, но и некоторую культурную специфику, а также идеал объединения идей прогресса и справедливости, культурной традиции и инновации, европейских основ российской культуры и особенностей ее развития. Китай окружил свою рыночную систему двойной защитой — политической (социалистической системой) и цивилизационной (устоями своей пятитысячелетней цивилизации). Индия — глубокой традицией цивилизационной общности, несмотря на культурное многообразие, парламентскую систему и бурный рост. Индонезия и Бразилия — опорой на активный слой населения с игнорированием слоев, не склонных к социальной и экономической активности, что сохраняет специфическую форму их капитализма, получившую название «бразилизация».

Однако история западного капитализма показывает, что и Запад имел этап, когда хозяйственные системы капитализма начинались скла-

¹ Колпаков В.А. Будущее капитализма в исторической перспективе // Политический класс. 2006, № 8. С. 75–83; Он же. От апологии и критики капитализма к коммуникативной этике // Политический класс. 2007, № 1. С. 93–101; Федотова В.Г. Будущее российского капитализма // Политический класс. 2006, № 3. С. 85–93;

дываться, а общество оставалось традиционным. В средневековых городах Северной Италии и даже на начальном этапе существования Вестфальской системы национальных государств, трансформирующей территории в национально-государственную форму, хозяйственная система капитализма еще не преобразовывала общество в капиталистическое. Но это произошло. «Напомним, что в традиционных обществах местные рынки были встроены в институты общества и даже способствовали их сохранению... При капиталистической системе (на ее последующих фазах развития. — Авт.) общественные институты становятся зависимыми, встроенными в рыночные отношения»¹.

2) *Это открывает новый цикл развития как подобный Новому времени, новому Новому времени для незападных стран, переходу к модернизации стран нового капитализма или его хозяйственных систем. Поэтому нельзя исключить развития по уже пройденной Западом модели. Именно она и является вторым сценарием. Если странам нового капитализма или новым индустриальным странам неосоциализма не поможет их региональная, традиционная, политическая, религиозная, цивилизационная защита своих особенностей и хозяйственный механизм начнет трансформировать их специфику, второй сценарий для посткоммунистических стран, Индии, Бразилии и Индонезии, стран Азии окажется существенно похожим на развитие капитализма на Западе. В этом случае не исключено, что ориентация на длительное строительство социализма, совмещенного с рыночными механизмами, во Вьетнаме и Китае может смениться на капиталистическую с возможными элементами социал-демократии систему в некотором отдаленном будущем. В этом случае Вестфальская система национальных государств не только удержится, но и получит второе дыхание, связанное с необходимостью ее укрепления, с образованием новых национальных государств.*

В странах, которые были упомянуты как страны автохтонного развития — Россия, Китай, исламские страны, Индия, Бразилия, Индонезия, — социально-культурные изменения, особенно в молодежной среде, начинают быть заметными, и многие полагают, что удержать автохтонные тенденции возможно лишь до определенных пор.

Тогда второй сценарий означает, что начинается новое Новое время, время капитализма, современности для других незападных народов, исходящих из собственных представлений, когда Запад может оказаться одним из существующих образцов капитализма наряду с его новыми носителями в Азии и в посткоммунистическом мире. Ведь при глобали-

¹ См.: Колпаков В.А. Будущее капитализма в исторической перспективе. С. 77.

зации мегатренд модернизации исчезает и уходит на уровень национальных моделей. Этот макросценарий распадается на три микросценария: а) сценарий многообразных национальных капитализмов и хозяйственных демократий, становления буржуазных наций на этнооснове; б) сценарий выработки Восточной Азией во главе с Китаем новой модели капитализма для азиатского региона либо имеющий мировое значение; в) сценарий конвергенции азиатского развития по капиталистическому пути или пути хозяйственной демократии с западным капитализмом.

б) Что обеспечит развитие капитализма и индустриализма в незападных странах согласно выдвинутым сценариям?

Согласно второму макросценарию — Нового Нового времени для западных стран — ни одна из стран нового капитализма не нуждается в изменении своей специфики для применения экономической машины капитализма или хозяйственной самостоятельности граждан. Закреплению этой тенденции может способствовать изменение капитализма в отмеченных или пока не предполагаемых направлениях. Неокапиталистические теории сегодня вызревают из различных оснований, в том числе и из тех, которые исходят не из идеальных черт капитализма, а из его реального облика. Облик его сегодня больше зомбаровский, чем веберовский. Дух глобального капитализма несводим к протестантской этике. Он, скорее, ближе к концепции предпринимательства Вернера Зомбарта, который считал, что капитализм использует все виды мотивов для получения прибыли, и не только протестантскую этику, рациональность, но и то, что Макс Вебер отрицал для цивилизованного капитализма — нечестную наживу, войну и пр.

Есть теории нового духа капитализма, который придает общее содержание его многообразным проявлениям. Так, два французских исследователя Люк Болтански и Ив Чиапелло считают, что в 1968–1978 годы дух капитализма во Франции и других странах коренным образом отличался от его духа в 1985–1995 годах. Первый период сопровождался резкой критикой и массовыми антикапиталистическими движениями. На новом этапе критика превратилась в устойчивую самокритику капитализма, исчезли массовые оппозиции ему. Капитализм по-прежнему не мог признать некоторое состояние экономики и технологии завершенным достижением, не требующим новых; не мог отказаться от идеи соревновательности и конкурентности; от неизбежности для своего развития режима индивидуальных свобод. Но дух его, слагавшийся из способов обеспечения экономического процветания и энтузиазма, безопасности и справедливости, стал другим. Прежде всего, он включил в себя не столько оправдание, но и критику, ибо нельзя отрицать противоречие

между способами возрастания капитала и нормативной концепцией социального порядка. Указанных исследователей больше занимает дух капитализма, скорее в «профессиональном» (предпринимательском), чем академическом смысле. А критика возникает из того, что во многих отношениях «капитализм — абсурдная система»¹. Вспомним слова Зомбарта: чтобы капитализм начал развиваться, «нужно было сначала переломить все кости в теле естественному, инстинктивному человеку, надо было сначала поставить специфически устроенный душевный механизм на место первоначальной, природной жизни, нужно было сначала как бы вывернуть всякую жизненную оценку и осознание жизни. Номо capitalisticus — вот то искусственное и искусное создание, которое произошло от этого выворота»². Но дух капитализма — это то, что делает капитализм привлекательным для предпринимателей, наемных работников и общества в данное время.

Согласно Болтанскому и Чиापелло, в упомянутом «профессиональном» смысле существовало три духа капитализма. В конце XIX века он коренился в маленьких семейных фирмах и в буржуазном капитализме. В 1940–1970-х годах в менеджерских фирмах, больших индустриальных компаниях, массовом производстве и государственной экономической политике. С 1980-х годов — в сетевых фирмах, Интернете и биотехнологиях, глобальных финансах, вариациях и дифференцированных формах производствах³. В значительной доле предприятий сломалась иерархическая структура, возникли возможности для творческих замыслов, индивидуальных предпринимательских и социальных инноваций.

Глобальный характер этого меняющегося капитализма предоставляет возможности для большего многообразия капитализмов, что уже проявляется сегодня. *Но это многообразие может быть обеспечено только в форме национально-государственных образований, которые сохраняют и воспроизводят Вестфальскую систему национальных государств.* Количество стран, вступивших в капитализм, разнообразие их культур и уровней развития не позволит глобальным тенденциям победить то, что английский социолог Ролан Робертсон назвал глокализацией, т.е. соединением глобального и локального, ростом локальной реакции на глобальные процессы.

¹ Boltansky L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism. Chicago. 2002. P. 2.

² Зомбарт В. Буржуа. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Буржуа. Евреи и хозяйственная жизнь. М., 2004. С. 237.

³ Boltansky L., Chiapello E. Op.cit. P. 6.

Согласно второму сценарию — нового Нового времени для незападных стран — в тех новых странах, которые идут по пути капитализма или индустриализма и рыночного хозяйства, образование наций станет неизбежной ступенью. Казалось бы, эти нации уже сформированы. Это подтверждают тысячелетняя история России, пятитысячелетняя история Китая, древняя история других народов Южной Азии, арабского Востока, Афганистана, Ирака, куда сегодня американцы стремятся принести капитализм и демократию. Однако правильнее сказать, что сформированы национальные государства в соответствии с Вестфальской системой, но с внутренним составом, в котором гражданская нация (а не этнос) не всегда завершила свое формирование, а буржуазные, экономически интегрированные нации еще не сложились.

***в) Перестройка институциональной памяти
в странах нового капитализма и индустриализма
согласно второму макросценарию***

В предисловии к материалам конференции «Образование наций: За пределами Афганистана и Ирака», организованной Форумом Бернарда Л. Шварца «Конструктивный капитализм», Фрэнсис Фукуяма пишет об образовании наций и ошибках интеллектуальной памяти, которая может закреплять ее не лучшие свойства. Характеризуя Джорджа Буша-младшего как «социального инженера» иракской войны, Фукуяма отмечает: «Европейцы часто критикуют американцев за использование термина “строительство наций”, отражающего специфически американский опыт конструирования нового политического порядка в странах нового поселения без глубоко укорененных людей, культур и традиций. Нации — это, так сказать, сообщества разделяемых ценностей, традиций и исторической памяти — согласно этому аргументу никогда не могут быть построены, особенно со стороны: скорее, они эволюционируют из незапланированного историко-эволюционного процесса. То, что Америка считает строительством наций, скорее, является строительством государств, строительством политических институтов или также продвижением экономического развития. Этот аргумент в значительной степени верен: то, что Америка называет строительством наций, является двойным процессом строительства государства и экономическим развитием»¹.

Можно сказать, что строительство наций создает экономическое развитие, а можно — что экономическое развитие означает строительст-

¹ Fukujama F. Introduction. Nation-Building and the Failure of Institutional Memory // Nation-Building. Beyond Afghanistan and Iraq. Ed. by F. Fukujama. Baltimore. 2006. P. 7.

во наций из социально-культурных и политических общностей. По крайней мере, ясно, что нация — это общность, которая шире этнической, групповой и характеризуется тем, что формируется в государстве, имеет территориальную, культурную, религиозную общность, этнический состав, интегрированную развитием капитализма и экономической жизни. Нация проявляет себя как в национальных движениях, так и в национальной жизни, в стремлении к экономическому росту и воспроизводству собственной идентичности. Нации формируются в национальных государствах, но не всегда существование такого государства имеет сформированную нацию. Фукуяма показал, что нации могут «строиться» на местах новых заселений или в отсталых странах после кризисов или военных катастроф двумя путями — посредством *реконструкции* и *развития*. Цель *реконструкции* в том, чтобы, опираясь на опыт прежнего существования, на мифы, на попытки стабилизации после конфликта, восстановить гуманитарные ценности, часть прежней идентичности. Часто в описанных Фукуямой случаях этот процесс осуществляется посредством внешнего вмешательства. *Развитие* же, напротив, устраняет внешнюю зависимость, освобождает внутренние акторы и институты даже при том, что они, как правило, не достаточно сильны, чтобы сделать то, что нужно, что никто не помешает этим акторам делать ошибки и что строительство наций сопровождается часто отсутствием ясности в отношении поведения, касающегося населения собственной страны¹.

Однако сказанное относится не только к странам нового поселения, но и к странам нового капитализма или нового индустриализма, в которых, несмотря на их организацию по модели Вестфальской системы национальных государств, внутренние процессы формирования государственной нации не завершены. Оба этих пути формирования наций годятся для стран, которые имеют устойчивое, даже тысячелетнее существование, но где не выработались способности к росту экономики и гражданской активности населения. Фукуяма показывает, что реконструкция восстанавливает прошлое и поддерживает мир, а развитие обеспечивает устойчивость экономического роста и политических устремлений, обеспечивает ресурсами².

Обычно национализм делится на этнически-коллективистский и индивидуалистически-гражданский³. Последний тип национализма свя-

¹ Ibid. P. 7.

² Ibid. P. 232–234.

³ Greenfeld L. The Spirit of Capitalism. Nationalism and Economic Growth. Cambridge, L. 2001. P. 3.

зан с экономической интеграцией сообществ и их переходом к капитализму.

Но поскольку Вестфальская система национальных государств сделала универсальной политической единицей национальное государство, общества во всех странах мира были политически интегрированы как нации. И в ходе этой интеграции играли роль прежние идентичности. В отличие от тех, кто сводит эти идентичности к этно-культурным, укажем на другие. Исходные идентичности Китая и Индии как национальных государств — цивилизационные. Культуры на Севере и Юге, Востоке Западе Китая отличаются друг от друга. Этническое многообразие Индии чрезвычайно велико, но эти древние государства в Вестфальской системе обрели политическую составляющую собственной интеграции в нацию, надстроенную над господствующим значением уникальной цивилизационной общности.

Не вдаваясь в дискуссии по поводу дефиниции понятия «цивилизация», отметим две основные тенденции: *отождествление* культуры и цивилизации, их общего противостояния варварству; *противопоставление* культуры и цивилизации, рассмотрение последней как завершенной фазы культуры, которая уже не характеризуется непрерывным становлением. Освальд Шпенглер писал о европейской цивилизации в час ее казавшегося заката — через несколько лет после Первой мировой войны: «Культура и цивилизация — это рожденный почвой организм и образовавшийся из первого при его застывании механизм. Здесь различие ... между становлением и ставшим...»¹. Шпенглеровская трактовка цивилизации в теоретическом плане искажается тем осуждением «заката Европы» после ужасов Первой мировой войны, который Шпенглер интерпретирует как переход Европы от культуры к цивилизации. «Ставшее» Европы пришло в противоречие с ее становлением, с ее идеалами. По существу, так же считал и Эдмунд Гуссерль, утверждавший, что с конца XIX века в Европе разразился кризис философии и науки как их неспособность «дать нормативное руководство более высокому человеческому типу, который как идея должен был развиваться в Европе исторически»². Однако эта критика «ставшего» вместо того, каким оно могло стать, не отменяет дефиниции цивилизации как завершенного культурного развития, когда культура как символическая программа человеческой деятельности получает завершенность своих оснований и сле-

¹ Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск. 1993. С. 462.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб. 2004. С. 6.

дующих из них норм. «Культурная революция» в Китае была попыткой «взрыхлить почву» древней цивилизации, как сказал однажды академик В.С. Степин, чтобы сделать возможным выращивание на ней нового. В Китае мы видели древние ворота из дерева, которого уже нет, с резьбой, которую нельзя воспроизвести. За эти ворота вели бой во время «культурной революции» несколько ученых, пытавшихся их сохранить, и несколько хунвейбинов, которые пытались их снести. Ученые охраняли уникальную цивилизационную святыню, хунвейбины стремились расчистить дорогу к изменениям. «Культурная революция» не имеет оправдания. Сегодня в Китае молчат о культурной революции. В доме-музее Мао Цзэдуна в ущелье, где он писал о ней, «проектирова» ее, эта страница китайской истории вырвана. Пострадавшая интеллигенция не забыла своих унижений этого периода. Но все же приходится предположить, что цивилизационная завершенность создавала препятствия развитию. В условиях возможной экономической интеграции китайского народа эпохи сегодняшнего индустриализма, называемого социализмом с китайской спецификой, второй сценарий потребует превращения цивилизационной идентичности в национальную. Китай насчитывает сегодня более 1 млрд 300 миллионов жителей. Все они так или иначе связаны с рыночными отношениями. В реальном бизнесе в Китае сказывается не только цивилизационная общность, но и культурные различия провинций, сдвигающие китайскую идентичность в сторону экономических оценок. Шанхай — финансовая, Гуанчжоу — промышленная столицы Китая более склонны к новым национальным идентичностям, чем регионы управленческие — Пекин или те, которые менее затронуты рыночными преобразованиями. Китай по первому сценарию, приведенному здесь, может продолжить двойную защиту — государственно-социалистическую и цивилизационную — от разрушающих их цивилизационных основ рыночными моделями экономики либо (по второму сценарию, повторяющему Новое время Запада) соединит в будущем свою хозяйственную и социальную системы превращением цивилизационной идентичности в национальную, сохраняющую многие старые черты, но экономически интегрированные до гражданско-индивидуалистической нации.

Другим примером является Индия. Как и в Китае, здесь существует политическая интеграция населения благодаря унификации Вестфальской системы и существованию национальных государств. Несмотря на демократические структуры политической жизни, в Индии объединяющий фактор и основа идентичности — коллективистская, но не на базе унификации этносов, а на цивилизационной основе, на общих традициях индуизма. Недавний номер журнала «Foreign Affairs» посвящен Индии. Индия представляет собой случай, скорее, противостоящий Ки-

таю: «Что более всего примечательно, что Индия поднимается скорее, чем могла бы с помощью государства, вопреки его помощи»¹. В отличие от классической азиатской модели, основанной на дешевой рабочей силе и торговле продукцией по низкой цене с Западом, Индия в большей мере развивает внутренний рынок. Торговые стратегии Индии на внутреннем рынке нравятся индусам. И предпринимательство стоит в центре индийского экономического роста. Автор индийских реформ Манмохан Сингх — нынешний премьер-министр Индии, отказался от прежнего дирижизма в экономике, что способствовало ее некоторому росту. Были снижены налоги. Даже бедные стали искать поддержки частного сектора. В Индии появились большие собственные и иностранные компании. Индустриальная революция усилила урбанизм. Возник знаменитый сервис. Индусы стали выполнять бухгалтерские операции Запада, расшифровывать снятые в США томограммы, организовывать так называемые колл-центры, куда поступают звонки о пропаже вещей в аэропортах мира, используя ресурсы своей компьютерной зоны — Бангалора. Аутсорсинг — выполнение работ, заказываемых извне, с Запада, увеличило средний класс Индии. Индийское государство отстает от частного сектора в проведении социальных реформ, например школьной реформы². И хотя остаются такие вопросы для государства, как необходимость разрушить кастовость в условиях демократии, интегрировать говорящих на урду и хинди на более серьезной основе, чем оставшийся с колониальных времен английский, интегрировать образованный слой Бомбея, Мадраса, Бангалора и бедное население. Индусы хорошо разбираются в электронике, но ставят примитивные фильмы. Есть много проблем, которые без государства нерешаемы, но все же в более чем миллиардной Индии наблюдается движение от цивилизационно-коллективистского понимания политически интегрированной нации к граждански-индивидуалистическому через массовое участие в предпринимательстве. До его завершения еще далеко, но начало положено.

Ответ на вопрос, почему более чем миллиардный Китай нуждается в сильном государстве, а в Индии с лишь немного меньшим населением сложились формы самоорганизации населения, начальная фаза перехода в буржуазную нацию, — тема специалистов, которые могли бы затронуть политический строй, колониальное английское наследие, различие религий. Конфуцианство взывает к служению обществу. Как

¹ Das C. The India Model // Foreign Affairs. The Rise of India. July/August 2006. P. 3.

² См.: Фридман Т. Плоский мир: Краткая история XXI века. М., 2006.

отмечал Макс Вебер, герой конфуцианства — преданный обществу чиновник. Индуизм направлен на внутренний мир индуса.

Как цитируемая выше работа о путях к современности американки Лиан Гринфельд не отвечает полностью на вопрос о причинах большей зрелости Англии в сравнении с четырьмя другими странами в формировании буржуазной нации, так и здесь сегодня важнее зафиксировать различия в способностях к этому новых стран капитализма и индустриализма, чем объяснить причины их различий..

Россия, как показал английский историк Арнольд Тойнби, отвечала на вызов суровой природы коллективизмом и продвижением на Восток. Финляндия же, заметим, на тот же вызов ответила индивидуализмом и концентрацией сил на своей территории. Даже православные финны (а их немало, ведь Финляндия входила в состав России с начала XIX века по 1917 год) имеют ту же идентичность, что и финны-протестанты.

Россия часто описывается как «власть — народ». Юрий Пивоваров и Андрей Фурсов ввели термин «русская система», где именно так, минуя стадию общества, общественной жизни, предстает Россия. Русская система, с их точки зрения, представлена властью, населением и лишними людьми, свидетельствующими о незавершенности системы и ее готовности не только к воспроизведению, но и к сдвигам. Коллективистская нация подвергалась многочисленным революционным и военным испытаниям. В 1990-е годы, несмотря на собственное решение и волю к демократическим преобразованиям, она была осмеяна и отброшена из семьи великих наций из-за радикализма неолибералов, неверия в искренность ее намерений прежних союзников и геополитической подоплеки западных действий. Россия начала осуществлять национальное строительство путем *реконструкции* своей идентичности, гуманитарных ценностей, русского многоконфессионального и многоэтничного мира и запаздывающей, но все же имеющей место *политики развития*, которая *постепенно приведет* к переходу народа, массы, населения в гражданскую нацию, интегрирующую население России в граждански-индивидуалистическую и экономически-интегрированную нацию. Неолибералы считали: уберите государство, и общество окажется способным к самоорганизации. Для тех, кто действительно читал Адама Смита, самоорганизация — следствие развитости экономики, которая достигается не минимизацией государства, а выступает следствием его деятельности, его реформ, законов, правовой системы, ориентацией на развитие своей промышленности и торговли. России необходимо восстановление ее индустрии и развитие ее научного потенциала на постиндустриальном направлении. Попав в «третий эшелон развития», мы не можем стесняться общего хода своей истории с теми, кто тоже стремится к про-

грессу и процветанию. Авторы знаменитого труда о политической культуре Г. Олмонд и С. Верба, отрицавшие сводимость политической культуры демократического общества к культуре участия, не воспринимали неучастие или уход от политики как заведомую апатию. Они считали, что в американском демократическом обществе сосуществуют три типа политической культуры — приходская, подданническая и культура участия. Приходская политическая культура в их трактовке опирается на нерасчлененность связей между людьми и тесно спаяна с другими культурными проявлениями. Подданническая культура выделяет политику, по отношению к которой население может быть пассивно доброжелательным. Культура участия выступает как собственно демократическая культура в узком значении этого слова. При формировании гражданской культуры, по их мнению, устанавливается баланс всех существующих в стране типов политической культуры. Нельзя представить и даже поощрять участие всех, это бы лишило общество стабильности, активизировало противоречия и конфронтации. В широком смысле демократическая политическая культура объединяет три названных типа политической культуры и создает баланс между ними¹.

Умма исламских верующих не создает нации в отдельных исламских государствах, жители которых видят в них наследие колониализма, а во всемирно связанной умме — подлинную цель ислама. Умма — это религиозное сообщество всех мусульман, не представляющим в виде нации как целое и не формирующим нации в пределах отдельных государств.

Соответственно, второй сценарий потребовал бы коренных преобразований национально-государственного устройства, может быть даже «строительства наций» в названных государствах. *Тогда Китай и Индия должны будут стать из цивилизаций нациями. Россия — преобразовать в буржуазную нацию свое население и создать гражданское общество. Бразилия и Индонезия — сформировать буржуазные нации, отказавшись от игнорирующей часть населения бразилизации. А умма осуществится на буржуазном пути посредством своей государственной национализации в отрядах национальной буржуазии стран исламского Востока.*

**2) Микросценарий национальных капитализмов
или хозяйственных демократий
и становления буржуазных наций на этнооснове**

Опубликованная в мартовско-апрельском номере 2008 года во влиятельном «Foreign Affairs» статья американского историка Дж. З. Мюллера

¹ Almond G.A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 22.

«Мы и они. Продолжающаяся власть этнического национализма»¹ возбудила общественное мнение еще до того, как журнал вышел в свет, по информации в Интернете и слухам о своем появлении. На обложке вышедшего журнала редакцией обозначен смысл статьи: «Столкновение народов. Почему этнический национализм станет приводом глобальной политики для поколений»? Хотя это сценарий наименее адекватен азиатскому развитию, он касается почти всех стран, в том числе и России.

В ней затрагивается проблема этнического национализма, которой в Америке не уделяется теоретическое внимание, но которую США постоянно решают на практике, определяя свое отношение к распаду СССР, Югославии, Чехословакии, проводя политику в Косово и других странах.

В США живут люди различного этнического происхождения, которые вступают в смешанные браки, меняя свою этническую идентичность на культурную ассимиляцию. Они, отмечает автор статьи, считают этнонационализм «приводящим в замешательство интеллектуально и морально». Социальные теоретики стараются показать, что их общество — продукт не природы, а культуры. Но есть и те, кто считает ценности социальной системы основанными на идентичности тесно связанных групп больше, чем на космополитической связи.

Но никто, пишет Мюллер, не считает этнонационализм ушедшим с исторической сцены. Иммигранты прибывают в США с готовностью приспособиться к своей новой стране и соответственно изменить идентичность. Но для этого им требуется время, равное времени жизни поколений. Кроме того, политическая идентичность может обрести национальные формы, создавая конкуренцию общинных взглядов на политику. Создание мирного регионального порядка национальных государств представляется автору достигаемым весьма часто в результате насилия над этнической обособленностью.

В Европейском понимании этнонационализма он рассматривается как источник войн XX века — 1914 и 1939 годов. В послевоенный период создание ЕС стало еще одним аргументом против этнонационализма. «Европейцы считают себя живущими в постнациональную эру, которая была не только хорошей сама по себе, но и стала моделью для других регионов. Национализм, с этой точки зрения, был трагическим съездом с дороги к мирному либеральному демократическому порядку». Образованные европейцы и американцы обычно думают так.

Мюллер указывает, что Израиль, однако, стремился к построению еврейского государства и не собирался разделять двухнациональное

¹ Muller J.Z. Us and Them. The Enduring Power of Ethnic Nationalism // Foreign Affairs. March/April. 2008.

бытие с палестинцами. Его этнический сепаратизм выводил за пределы требований индивидуальных прав, открытых границ и международного права. Африканцы и азиаты, пытающиеся попасть в Европу, не находят ее границы открытыми. Мюллер пишет: «...в то время, как в 1900 году в Европе было много государств без какой-либо одной руководящей нации, к 2007 году их осталось только две — и одна из них, Бельгия, была близка к распаду». Вторым многоэтничным государством, по его мнению, является Швейцария.

Автор утверждает, что после 1945 года этнонационализм в Европе достиг апогея. А после холодной войны он начал расщеплять Европу.

Таким образом, утверждается главная мысль статьи, что этнонационализм играл и играет более важную роль в Европе, чем принято считать, что осуществляется процесс доминирования этнонациональных государств и отделения этнонациональных групп в Европе и повсюду. «Независимо от того, политически это корректно или нет, этнонационализм продолжал расщеплять мир в двадцать первом веке».

Ознакомившись с этой частью статьи Мюллера, задаешься вопросом о том, как автор понимает этнонационализм. Как отмечали многие исследователи, в частности А.И. Уткин, национальные государства как универсальный продукт Вестфальской системы — национальны в двух смыслах. Часть из них имеет этнонационализм, обычно понимаемый как национализм по крови. К ним относили прежде всего Израиль, Германию и Японию, для которых только этническая принадлежность была основанием для переселения в эти страны. Сегодня многое изменилось в Германии, но в Израиле и Японии этот принцип остается неизменным. Другой национализм — это национализм по гражданству — России, Франции, США и большинства других полиэтничных стран.

Мюллер подчеркивает, что фактор крови, представление о расширенной семье характерны для этнонационализма. Но он расширяет свое понимание, считая, что и национализм по гражданству, и национальные государства такого рода являются этнонациональными из-за религиозной общности и наличия одного государствообразующего этноса. Из этнически многообразной империи возникли государства Болгария, Греция, Сербия. Мюллер отмечает, что этнонационализм был либеральным на Западе и этнически ориентированным на Востоке. Но более точным он считает утверждение, что либеральный национализм предполагал высокую степень этнической гомогенности и что в Англии, Франции, Португалии, Испании и Швеции появление национальных государств было смягчено долгой историей культурной и социальной гомогенизации.

Империи включали в себя большие пространства, отделившиеся при их распаде в виде национальных государств часто по границам этниче-

ских групп. В феодальных аграрных странах большинство людей было крестьянами, и экономическая стратификация в них была связана с этнической. Люди не стремились изменить свои социальные позиции. Но по мере модернизации и формирования современности люди распределялись по разным языкам, религиям, культурам, различным странам и империям. Этнические немцы или греки начинали жить не только в Германии или Греции. Евреи жили повсюду, не имея своего этнического государства.

Сегодня, отмечает Мюллер, люди рассматривают национальное государство как естественную форму политической ассоциации и воспринимают империю как аномалию. Прежде большинство людей жило в империях, а национальные государства были исключениями. Автор задается вопросом, что вызвало эти резкие изменения. Он ссылается на знаменитого английского социолога Эрнста Геллнера, считавшего рост этнонационализмов трагической ошибкой. Мюллер же отмечает, что эгалитарная риторика в теории не соответствовала практике, когда группы тесной социальной связи, характеризующейся иначе как группы высокого социального капитала, добивались большего экономического успеха, оставляя позади людей другой традиции. И успешные этносы потребовали национального государства как своего, в котором они бы стали доминирующей политической силой, основателями социального порядка и контролерами торговли. То есть если в Турецкой империи торговлей занимались евреи и греки, то в Турции как национальном государстве все виды контроля взяли на себя турки. Этнонационализм имел психологический и экономический базис. Этнонационализм устанавливает, по мнению Мюллера, этнически определенную нацию нередко со взрывоопасными результатами.

Но сегодня Армения, Болгария, Хорватия, Финляндия, Германия, Венгрия, Ирландия, Израиль, Сербия и Турция дают гражданство преимущественно по тождеству со своей господствующей этнической группой. Растет провинциализм на фоне универсализма глобализации.

Что касается послевоенного периода, он, по мнению Мюллера, стал поствоенным, но не постнациональным. Черчилль, Рузвельт и Сталин пытались исключить немецкий этноцентризм как условие нового мирового порядка. Чехословакия, Югославия и Советский Союз, составлявшие исключения, продемонстрировали к моменту своего распада, говорит Мюллер, неприходящую витальность этнонационализма. Этот тезис может быть в значительной мере подтвержден. Русские этнонационалисты хотели сбросить с плеч России дотируемые ею республики, верили в позитивную роль этнической гомогенности. Но, с другой стороны, демократы-космополиты хотели того же, полагая, что Россия является

достаточно развитой частью для установления демократии и веря, что в меньшем размере страны есть залог успешности демократического проекта. Вряд ли сегодня в России остались иллюзии о том, что демократия требует этнической гомогенности, к тому же в России недостижимой. Россия, как и СССР, осталась многонациональным и многоконфессиональным государством с русскими как государствообразующей нацией. История России показывает, что эта роль не является господствующей в плане получения преимуществ и вынуждает к самоограничениям и даже жертвам во имя общества в целом. Но этнонационализм в Европе действительно проявляется, и история Косово тому пример.

Однако идеи Мюллера не привязаны к ситуации. Они имеют теоретический масштаб и представляют собой, с одной стороны, концепцию, противостоящую идеям Вестфальской системы, идеям образования буржуазных наций как наций по гражданству, а не по этносу, а также концепции С. Хантингтона о столкновении цивилизаций. Когда-то, отвечая на мелкую и не систематизированную критику своих идей, Хантингтон предложил критикам дать другую концепцию. Ответом были лишь аргументы дружбы цивилизаций, их диалога, явно бездоказательные. Мюллер дал альтернативу, даже если и не думал об этом. Выводы:

— Хантингтон отвечал критикам своей концепции, что критика может состоять в том, чтобы представить другую концепцию. Действительно, теория может быть опровергнута другой теорией, более конкурентоспособной. Хантингтону отвечали концепцией мультикультурализма, утверждавшего его ценность, но не опровергавшего не всегда существующую его жизнеспособность, наличие столкновений культур (цивилизаций) как в мирной, так и не мирной форме. Хантингтон упрощался в мультикультуралистских идеологиях до проповедника столкновения цивилизаций, адепта такого столкновения. В действительности он утверждал, что после распада биполярного мира, структурирующего основной конфликт, люди утратили ориентиры и отпрянули к своим истокам, имеющим религиозную природу. Религия начала объединять людей в близкородственные общности. Между ними возможны столкновения.

— Мюллер дал альтернативную теорию — столкновение народов, а не цивилизаций. Он, в частности, имплицитно отвечает на критический для Хантингтона вопрос об отношении России и Украины. В статье о столкновении цивилизаций, впервые опубликованной в том же журнале, что и статья Мюллера, Хантингтон в 1993 году предлагал карту федерализации Украины и показывал, что Украина — место двух цивилизаций — православно-христианской и западно-христианской и предполагал, что она расколется по этой разделительной линии. Следуя Мюл-

леру, можно считать, что Украину сохраняет в целостности украинский этнонационализм.

— Мюллер не вполне объясняет исламскую альтернативу глобализации, так как цивилизационное единство мусульман выше их национальных интересов. Косово, скорее исключение, поддержанное Западом в полном пренебрежении как к теории Хантингтона, так и к теории Мюллера. Это и возражение против их теорий — не цивилизации и не этнонационализмы, а Американская империя пока держит мировой порядок. Поднимающиеся страны Азии, Россия еще будут решать проблему образования буржуазных наций, но это не этнонационализм, хотя подоплека этнонационализма сохраняется.

— Хантингтон и Мюллер скорее всего разведены по времени. Хантингтон описывал возможные конфликты после распада биполярного мира, Мюллер — те, которые назревают сегодня.

В сравнении с книгой Хантингтона «Кто мы?» о распаде традиционной американской идентичности — белых, англосаксов, протестантов — и подъеме этнонационализмов других народов оба исследователя по существу сходятся. Хотя Мюллер не говорит об Америке, его общий взгляд в этом пункте близок Хантингтону, но более бесстрастен, в отличие от Хантингтона. Разумеется, этнический распад на этносы в какой-то мере беспокоит его. В более широком плане цивилизации как группе родственных народов Мюллер имплицитно противопоставляет этносы, не всегда четко отделяя их от наций.

Этнонационалисты видят несомненное благо в этносепаратизме и образовании новых государств. Это приобретает статус культурной ценности. Однако автор сознает, что гармонизация процессов в Европе достигнута не ошибками этнонационализмов, а отношениями, устранившими продолжительные конфликты, хотя все еще существует столкновение между либерализмом и этноцентризмом групп, которые чувствуют отчуждение, например исламскими группами.

Автор заключает, что этнонационализм никогда не признавался как естественный или избранный людьми. Но он всегда играл роль в истории, если учесть язык, религию и традицию, и не является реликтом XIX века, действуя и в XX. Он раскрыл этнонационализм как один из источников образования национальных государств, но в полном отрыве от тенденции образования империи, американской империи настоящего времени в частности, не увидел диалектики глобализации и локализации, вариативность выбора.

— Хотя Вестфальская система национальных государств сложилась в XVII веке, в них не вывели нации как сообщества людей, связанные не только территориальной, культурной, социальной, политической, но

и экономической общностью. Французская буржуазная революция продолжила формирование наций на политической основе, после нее еще долго, как установил Э. Геллнер, «в Западной Европе государства создавали нации, а в Восточной Европе нации создавали государства». Государства создавали нации на основе прежних сложившихся идентичностей, но нередко и формируя их. В Восточной Европе этносы, осознавшие свою идентичность как национальную, стремились к созданию государств. Это и был этноцентризм, чего не скажешь о способе образования наций в Европе. С образованием буржуазных наций в Европе, т.е. экономически интегрированных сообществ, строящихся на прежних или новых культурных и политических предпосылках, процесс расширения местных рынков до общенациональных завершился мировым распространением, называемым первой глобализацией — с 1885 года вплоть до Первой мировой войны.

Места, где нам кажется неизбежным буржуазный национализм, — страны нового капитализма в посткоммунистических странах, в Азии и в странах хозяйственной демократии (Китай). Для развития капитализма здесь предпосылкой является образование буржуазных наций — в России из народа, в Китае из цивилизационной общности, в Ираке из племен. Устройство России многонациональное и многоконфессиональное, и русские играют в нем роль этноса, уже образовавшего государство, которому предстоит стать основой формирования российской буржуазной нации, связанной не только территориально, культурно, но и экономически, включая сюда все народы России. В противном случае, при господстве этнонационализмов, Россия распадется так же, как распался Советский Союз. Как ни «режь» Россию, преобладающее и государствообразующее русское население живет совместно с другими народами. *В Азии государства будут создавать нации. Этнонационализм там не имеет особой почвы, а там, где имеет, чреват распадом стран.*

Статья Мюллера содержит тот безусловный смысл, что в ней показано, что «культура имеет значение», то, что еще недавно приходилось доказывать относительно проектов модернизации, и сделал это американский автор и американский журнал, который выражает мейнстрим.

С похожими идеями выступает известный неоконсерватор Р. Кейган. Он демонстрирует большую роль не только этнонационализмов, но национализмов всех типов. Исламский мир, составляющий явное исключение, он характеризует как религиозный национализм. Америка делает упор на господство в разных регионах мира — в Восточной Азии, на Ближнем Востоке, в Европе, теперь еще и в Центральной Азии, и пытается распространить свой образ жизни и свои принципы повсюду в мире. Америка конкурирует с Китаем в Восточной Азии, с Россией в Вос-

точной Европе, Центральной Азии и на Кавказе, с Ираном на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Это американский национализм. Россия самоутверждается в мире, утверждая российский национализм. Точно так же утверждают другие нации-государства. В отличие от Мюллера он не соблазняется назвать национальное самоутверждение ряда стран этнонационализмом, исходя из наличия этнического большинства или его государствообразующей роли. Но идея столкновения народов, наций им также утверждается. Он пишет: «Активная разнонаправленная борьба всех этих амбициозных наций (а также формирующихся наций-претендентов) за статус и влияние — это...определяющая особенность новой международной системы, возникшей после окончания холодной войны. Национализм во всех его формах вернулся, если он когда-либо исчезал: вернулось и международное соперничество за власть, влияние, престиж и статус. Американское господство (не может Кейган отказаться от своего главного убеждения), как региональное, так и глобальное, не позволяет этому соперничеству обостриться»¹. Но тогда многое зависит от отношения между Китаем и США.

д) Сценарии выработки Восточной Азией во главе с Китаем новых моделей развития — для азиатского региона или для всего мира

В своей книге «Адам Смит в Пекине. Направления развития в XXI веке» Арриги показывает особое отношение Смита к Китаю. Он приводит некую аналогию: Маркс в Детройте, Смит в Пекине. В Детройте Маркс увидел бы классовые противоречия, в Пекине Смит мог бы наблюдать мировое неравенство.

Адам Смит предполагал неизбежное выравнивание конкуренции Запада и не-Запада, и Арриги даже считает, что экстраординарный рост Китая позволяет по-новому прочесть «Богатство народов». В XXI веке Китай может снова развиваться по пути *некапиталистической рыночной экономики*, которую описал Смит при совершенно других его собственных и мировых условиях. Это особенно интересное предположение, хотя речь не идет о том, что некапиталистическое — значит социалистическое.

Цель своей книги Арриги определяет как анализ эпицентра сдвига глобальной политической экономии с Северной Америки на Восточную Азию в свете теории экономического развития Адама Смита и новой интерпретация «Богатства народов». Он совершенно готов предполо-

¹ Кейган Р. Конец иллюзиям: история возвращается // Pro et Contra. 2007, № 6(39). Ноябрь–декабрь. С. 28.

жить, что рыночная экономика Китая будет некапиталистической и положит начало особой китайской или общеазиатской, или даже мировой модели развития. Если это так, то можно предположить, что Китай станет образцом развития для нового типа модернизации, и, возможно, это развитие будет догоняющим для тех, кто решит последовать за Китаем. В этом нет ничего удивительного, ибо Восточная Азия, великий регион прошлого через две тысячи лет выходит снова на передовые позиции мирового развития. Не будет странным, если китайский опыт приведет к пересмотру концепции мирового развития, показав, что Европа — это прошлое, США — настоящее, а Китай — будущее.

Арриги утверждает в первой части своей книги, что сегодня больше равенства между мировыми цивилизациями, чем это было два с половиной столетия назад, к момента публикации «Богатства народов». По его мнению, «...во-первых, Смит не был ни адвокатом, ни теоретиком капиталистического развития и, во-вторых, теория рынка как инструмента управления особенно релевантна пониманию некапиталистической рыночной экономики, так что Китай был первым в субординации по возможностям инкорпорирования в глобализующуюся европейскую систему государств, и может дать двадцать первому веку совершенно другие местные и всемирно-исторические условия»¹.

Мы бы сказала мягче: то, что Смит писал о роли рынка в управлении, сегодня оказывается применимым к Китаю, а стало быть, теория Смита не характеризует исключительно капитализм. Сегодня мы можем трактовать ее и как относящуюся к некапиталистическим рыночным системам. И это в особенности интересный поворот, так как некапиталистический не означает социалистический. Речь идет лишь об особом потенциале Китая на лидерство в развитии в связи с его способностью на самобытный и близкий общеазиатскому путь.²

Китай XVIII века был процветающей страной. Он имел большой внутренний рынок, которого не имела ни одна страна в Европе. Например, Англия, как отмечает Смит, ни в какое сравнение не идут по объему своего рынка, количеству людей, занятых трудом и возможностям производства продукта. Европа могла сравниться с Китаем только после промышленной революции, которая создала Англии, например, возможности переработки такого же количества хлопка, как Китаю. Но и тогда, когда китайцы или японцы стали использовать машины, они шли по пути интенсификации человеческого труда, вовлеченности огромного числа

¹ *Arrighi G. Adam Smith in Beijing. P. 8.*

² *Ibidem.*

людей в трудовой процесс. Смит — автор трудовой теории стоимости — понимает, что европеец начинает передавать свой труд машине, а Китай был и остается на протяжении веков обществом труда, и сейчас тоже, когда на Западе информационные технологии ликвидировали эту основу жизни в большей мере, чем это делала индустриальная революция.

Возможность регионального прорыва и даже выравнивания мировой роли Китая отмечается американскими специалистами. Трудолюбие и патриотизм китайского народа, их уважение к иерархии родства, службы, возраста, азиатские ценности, работоспособность, энергия делала китайцев торговым народом, что даже позволило некоторым современным исследователям говорить о Китае XVIII как о капиталистическом обществе¹. Это, конечно спорно, но не менее спорно, чем назвать его сегодня социалистическим.

е) Сценарий конвергенции азиатского развития с западным капитализмом

Ряд западных исследователей уверены в конвергенции китайского развития с западным капитализмом. Причина этого в отождествлении рынка и капитализма, что, как отмечалось риги (на примере взглядов Смита) неверно. Однако такая конвергенция возможна.

Не отрицая предыдущего сценария, действительно необычного и, скорее, уводящего к макросценарию автохтонной идентичности, традиционности самого рынка в Китае Арриги следует неосмитианскому марксисту Г. Франку, проводящим различие между развитием рынка и капиталистическим развитием: Китай — некапиталистический рынок

Несмотря на распространение рынка, природа развития Китая не является с необходимостью капиталистической. Это, конечно, не означает ни того, что она социалистическая, ни успешности социальных акций. Если социализм в Китае проиграет, это не значит, что капитализм победит «Социальный результат модернизации китайского Титаника — это попытка остаться неопределенным, как всем известно, социализм и капитализм, понимаемые как основа прошлого опыта, не могут быть наиболее использованными понятиями для мониторинга и понимания развивающейся ситуации»².

¹ Диксон Б. Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен. М., 2005. См. так же (в этой книге наличие рынка расценивается как капитализм, хотя речь идет о феодальной эпохе в Китае)

² Arrighi G. *Adam Smith in Beijing*. P. 24.

Сценарий конвергенции представляется вполне возможным из-за ослабления социальных норм западного капитализма, кризиса идентичности, отмеченной выше азиатизации США и Западной Европы тоже и одновременной вестернизации Китая в технологиях и в образе жизни в больших городах.

Но перспектива того или иного сценария во многом связана с политикой США в отношении Китая, ибо сегодня лидерство США неоспоримо. США могут вернуться к стратегии первой половине XX века, поменяв Европейский приоритет на азиатский.

Вторая стратегия Киссинджера — реформировать отношения с Китаем в рамках америкоцентричного мира, ограничивающего вхождение Азии в глобальный мир, в хаос и войны, которые бы препятствовали успешной кооперации. И, наконец, возможна стратегия холодной войны с Азией. Эти сценарии взаимоотношения Китая и США могут влиять на внутренние сценарии развития Китая и стран региона.

Арриги подробно описывает мнение индийских традиционалистов о невозможности индустриализации по западному пути, ибо только отсутствие западных стандартов потребления в Азии спасает природу. Мир не может жить, как США, из-за нехватки атмосферы и ресурсов. Но может быть именно поэтому, считает Арриги, Китай и Индия могут предложить Западу образцы более «натурального» развития, чем «искусственный» западный капитализм, более справедливый и привлекательный. Сегодня в самом начале Третьей современности, это звучит, как фантастика. Но проблема настолько экологически неразрешима с развитием всего мира по западному пути, что мы еще не можем судить о том, какой тип развития ее разрешит.

Заключение.

Будущее капитализма —
будущее без капитализма

В данной книге мы рассмотрели динамику развития капитализма, три его Великие трансформации: Первую, которая обеспечила его генезис и классическую фазу, первую глобализацию и сформировала Первую либеральную современность — XIX век — 1914 год. Вторую великую трансформацию — развитие капитализма между глобализациями 1914–1990 годы, сформировавшую Вторую организованную современность до начала 1970 годов и ее дезорганизованную фазу в 1970-е. И Третью великую трансформацию с коротким всплеском либерализма, сменившимся Третьей современностью национальных государств различного типа. Дважды — в 70-е годы XX века и сегодня привычные схемы объяснения ломают вызовы Азии: подъем Японии и других «азиатских тигров» в 1970-е, рост Китая и стран, получивших название БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Это не прогресс в обычном смысле, но другое развитие, перестраивающее все модели объяснения. Предложив концепцию трех великих трансформаций и трех типов современности, мы смогли убедиться в незавершенности проекта модерна, потенциале его развития и в определенной непредсказуемости будущего, потенциально содержащего варианты развития и возможности роста разнообразия.

Есть ли альтернатива капитализму? Революционные пути сегодня, как правило, ведут к терроризму, хотя данное обстоятельство не исключает в будущем и других перспектив. Альтернатива, представленная радикальным исламским сопротивлением, демонстрирует антицивилизационное сопротивление «исторических низов» прогрессу. На подлинную духовную революцию, ведущую к ценностным изменениям, приемлемым как для Запада, так и для Востока, способны лишь те «низы», которые обладают символическим капиталом и универсалистским потенциалом. Однако на сегодняшний день имеется только одна системная оппозиция западному пониманию прогресса, оппозиция, направленная на его отрицание, — радикальный ислам.

Другие варианты левого сопротивления Западу часто состоят в том, чтобы играть на кризисе прогресса и создавать революционные возможности и диктатуры. Или организовывать демократически-диктаторские

лакуны, противостоящие гомогенизации империо-капитализма. И, наконец, строить фронт сопротивления англо-саксонскому варианту глобализации на базе Евросоюза¹. Все это — революционная нелепость, какими бы эмоционально захватывающими ни казались революционные цели.

Все с большими трудностями осуществляется мягкий социал-демократический вариант капитализма типа «третьего пути» Тони Блэра, не являющегося антикапиталистическим.

Различные варианты социал-демократической и социалистической альтернатив продолжают занимать умы теоретиков², но пока нет системных движений, способных осуществить подобные замыслы. Это, однако, не означает, что таковые не могут возникнуть в будущем.

Существуют мнения, что повсеместное распространение в мире капитализма лишает его признаков цивилизованности и что он начинает разделять судьбу демократии, представления о которой также размываются вместе с ее продвижением по миру. В частности, реакцией на такое распространение является ослабление капиталистических начал самого Запада. Американский исследователь Гар Альперовиц отмечает ухудшение в США ситуации с равенством, политической активностью, демократией, что трактуется им как симптомы грядущего распада американского капитализма³. О кризисе и даже неминуемой гибели Запада пишут Патрик Бьюкенен, Тони Бланкли, Самюэль Хантингтон.

Пока же представляется, что угрозой западному капитализму являются повсеместный кризис идентичности, низкая рождаемость, миграционные потоки, в свою очередь еще более усиливающие кризис идентичности. Но не эти угрозы оказываются главными.

Как отмечают Илья Пригожин и Изабелла Стенгерс, «в истории западной мысли господствующее положение занимает конфликт, связанный с понятием времени, — противоречие между инновационным временем раскрепощения человека и периодически повторяющимся временем стабильного материального мира, в котором любое изменение, любое новшество с необходимостью оказывается не более чем видимостью»⁴.

¹ См.: *Магун А.* Что значит ориентироваться в истории. О перспективах левого движения // Космополис. Осень 2004–2005, № 4–10. С. 201–219.

² *Schweickert D.* Against Capitalism. N.Y. 1996; *Albert M.* Realizing Hope: Life Beyond Capitalism. N.Y., 2006.

³ *Alperovitz G.* America Beyond Capitalism: Reclaiming Our Wealth, Our Liberty and Our Democracy. N.Y., 2005.

⁴ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. М., 2002. С. 5.

Они показывают, что сегодня физика в условиях нелинейного поведения больших систем, где малого возмущения достаточно для схода с прежней траектории развития, столкнулась с обратимостью времени. Столкнулась с ним и история. Прежде никто не мог предположить, что будущее станет прошлым. Будущее капитализма — это повторение его прошлого, повторение становления капитализма на Западе в странах с иной рациональностью. Модерн — незавершенный проект, потому что он начинается в других местах. Как говорит Томас Фридман, ответ на вопрос о будущем (в данном случае будущем капитализма. — *Авт.*) лежит не в том, что изменилось, а в том, что не изменилось¹.

¹ *Alperovitz G. America Beyond Capitalism: Reclaiming Our Wealth, Our Liberty and Our Democracy. N.Y., 2005.*

Приложение

В приложении мы приводим рассказ аргентинского писателя Леопольда Маришала о богатстве, власти и людях. Это странная притча очень интересна, коль скоро мы поняли, что сегодня «другое сознание» и «новый мир новых миров» (Э. Тирикьян) стали реальностью.

Леопольдо Маршалль (аргентинский писатель)

Биопсия богатства

Карлосу А. Веласко

1. Друг Веласко, сегодня Вы найдёте в этой тетради мои размышления о Крёзе, чьё возведение на трон и тиранство столько раз были темой наших с тобой бесед. Для этого мне придётся его вскрыть. Строго говоря, Крёз ещё не сошел в могилу, он лишь только переживает стремительную агонию, поэтому речь скорее должна пойти о биопсии *in extremis*, чем о вскрытии. Но его конец уже так близок, что, на мой взгляд, он не переживёт и ночи. Бог проявляет Милосердие, настолько же бесконечное, как его Справедливость и Терпение. Прежде всего хочу Вам напомнить, что я уже не впервые берусь за неприглядный образ Крёза: я его уже описал несколько лет назад в работе «Адам Буэнос-Айрес» (и в Аду Насилия), где Крёз появляется среди воров и оказывается ответственным за самую громкую кражу века. На этих страницах я исследую значение и природу настолько совершенного преступления и особенно его страшные последствия, поскольку наш замечательный герой использовал в своих целях мистификацию и коррупцию таким образом, что после его вмешательства на сегодняшний день не осталось ни одного института искусства и науки, в которых мы могли бы найти изначально присутствующее в них благородство.

2. Прежде всего мне необходимо Вам пояснить, что в образе Крёза я намереваюсь описать представителя Третьего Сословия, или *homo economicus*; в общем, «буржуа», так, как его определяет любой словарь. Крёз, равно как представители других классов и сословий, выполняет строго определенную «социальную функцию» вследствие влияния таких факторов, как его внутренняя природа и «призвание». Таким образом, первичным в Крёзе является не обладание чрезмерно большим материальным капиталом, но особый «менталитет» *sui generis*, который побуждает его желать и стремиться к приобретению этого капитала. В этом кон-

тексте, есть миллионеры, которые не являются Крёзами, и есть Крёзы, у которых нет ни цента. Более того, современный мир, продукт тирании Крёза, сейчас живет в соответствии с той ментальностью и по законам тех стандартов, которые в свое время навязал Человек Хозяйственный с целью унифицировать свои владения. И в конце Вы увидите, что комплексное решение проблем, которые огорчают нас сегодня, состоит в том, чтобы все мы и каждый в отдельности осознали, до какой степени этот «менталитет» овладел нашей жизнью, и разрушить его проявления соответствующими методами.

3. Но в чём заключается функция Крёза в социальном организме? Это двойная функция: а) «производство» материального капитала или физическое поддержание организма; б) справедливое «распределение» этого капитала среди членов социального организма. Я бы сказал, что такова неотъемлемая «добродетель» Крёза; и, более того, именно она проявляется во второй составляющей его функции, благодаря которой мы называем его челоком *хозяйственным*, ибо этимология слова Хозяйство (Экономика) восходит к понятию «Справедливость в распределении». Когда Крёз добросовестно выполняет эту функцию, чаши весов находятся в равновесии. К несчастью, у Крёза есть один «недостаток», который проявляется как в зеркальном отражении его «добродетели»: страстное желание обладать капиталом. Такой недостаток его склоняет (или может склонить) к некоторому «мистицизму в отношении материального», к преобразованию физического в божественное и извлечению выгоды из этого божественного ради собственного и исключительного блага. Чтобы избежать этой опасности, Человека Хозяйственного естественным образом контролируют два сдерживающих начала (в рамках иерархической системы): «внутреннее», или духовное, и «внешнее», или социальное. Внутреннее восходит к религиозному сознанию, которое препятствует дисбалансу и греху социальной несправедливости в экономической сфере. Внешний сдерживающий фактор олицетворяют представители «второго социального сословия» (военные), чья функция заключается в обеспечении защиты, порядка и справедливости в обществе.

4. Пришло время, мой друг Веласко, определить агонизирующих персонажей этой печальной трагикомедии. Это четыре персонажа, призванные выполнять четыре функции, необходимые социальному организму: Тирезий, священнослужитель, понтифик (от латинского «прокладывать мосты» к своему духовному предназначению); Аякс, военный, который способен на некоторое время поддерживать, как я уже говорил, защиту, порядок и справедливость (*приходящие* ценности) в обществе; Крёз,

богач, призванный производить и распределять материальный капитал, который необходим организму; и Гутьеррес, мальчик на побегушках и помощник Крёза в его хозяйственных делах. Действия Крёза ограничиваются с одной стороны, Тирезием, ученым и носителем Вечных Ценностей, который помогает ему держаться в рамках социальных норм на определенном этапе развития общества; а с другой — воин Аякс, представитель светской власти, который обеспечивает выполнение вышеуказанных норм и которым в свою очередь сам подчиняется.

5. Итак, чтобы Крёз смог освободиться от ограничений и установить свое господство, которое ранее поставило его во главе социальной иерархии, а теперь ослабевает, Человеку Хозяйственному нужно было бы восстать против священнослужителя Тирезия и воина Аякса. Естественно, по своему малодушию Крёз не пошел бы на это, если бы ранее социальная иерархия не раскололась по причине неподчинения Аякса Тирезию, вызванного в свою очередь нетвердой позицией самого священнослужителя. Это произошло, потому что Аякс и Тирезий кроме своих «добродетелей» обладают рядом «недостатков». «Недостаток» Тирезия (чья функция восходит к генерированию и поддержанию «вневременных и вечных» норм и ценностей социального организма, по аналогии с Первопричиной) заключается в вторжении в сферу деятельности Аякса (приходящие ценности, побуждение к действию), что не может не возмутить последнего. И недостаток воина Аякса заключается в «гордыни сильного» и «вождеделение власти», которые побуждают его вступать в завоевательные войны ради собственного обогащения. И Аякс, стремящийся к таким целям, будет вынужден восставать против Тирезия, чья функция как раз и заключается в контроле и сдерживании агрессии воина. Если Аякс одержит верх, он станет эксплуатировать Крёза, чей материальный капитал с каждым разом все больше ему необходим для финансирования дорогостоящих военных кампаний и для удовлетворения своих многочисленных страстей. На этом история не заканчивается, поскольку Человек Хозяйственный, задавленный налогами и пошлинами, сам мечтает восстать против салдафона, подстегиваемый собственной жадностью и дурным примером Аякса по отношению к Тирезию.

6. Веласко, друг, эта история не так проста, как кажется. Рене Генон в своей работе *Autorite spirituelle et pouvoir temporal* (Духовная власть и власть светская) прослеживает хронологию тех восстаний, описывая первый и второй социальные классы. Я же посвятил свое свободное время третьему; и я расскажу, как этот Крёз пришел к мировому господству, что он сделал, возглавляя престол, и каковы последствия его тирании.

Справедливости ради, хочу отметить, что несмотря на интеллектуальную ничтожность Крёза и все те коварные средства, которые он использовал, чтобы взойти на престол, основная причина произошедшего заключается в той негативной или *порочной* «силовой линии», которая ускоряет «всеобщее циклическое падение» в последние столетия, и становится очевидной не только в своем «коварстве», но также и в «сарказме», которые отражают поступки Крёза, хотя он сам и не замечает в каком непоправимо смешном положении он находится.

7. Французская Революция уже окончательно утвердилась как решающий исторический момент, который определяет овладение Крёсом мировой властью. Хотя вмешательство холопа Гутьерреса в бунт Крёза внесло некий оттенок «массовости», и, несмотря на романтическую декларацию Прав Человека и её либеральных последователей, Революция была делом буржуазии с самого её зарождения и вплоть до последствий. Мы обязательно увидим, как обходился Крёз с бедным Гутьерресом, и как плохо он закрепил своё господство, сократив количество «свобод», которые он так расхваливал во время революции.

Несомненно, что слава ничто не может освободить от победителя Крёза, и, возможно, именно она закрепила свой «менталитет» миру в наиболее печальной форме, которую когда-либо знала история — «выравнивания по нижней границе». Также ясно, что наш Человек не достиг бы этой экономической победы, если бы «менталитет» не был частью образа мыслей большинства людей, сформировавшейся задолго до Французской Революции. Потому что лидер или определенный менталитет не могут одержать победу в истории, если они не выражают или олицетворяют собой общественный образ мысли, иногда определенный заранее. Но каковы же компоненты, составляющие «менталитет» Крёза?

8. Я уже говорил, что его формирует неудержимая любовь к материальному и физическому, неотъемлемая от самой природы Крёза и характерная выполняемой им функции. Далее, за границей, ограничивающей его телесные рамки душой, Крёз демонстрирует «целесообразность» *sui generis*. Это не благородный человеческий Разум, который прекрасно реализуем во всей своей широте и который способен познать вечные истины, пусть на определённом уровне восприятия и познания: Разум Человека Хозяйственного есть лишь самая крайняя часть самого Разума, способность, сведенная к минимуму, которая реализуется в практическом порядке материального или в той области головы, которая связана с физическим: «рациональность» Крёза не может выходить за рамки *bon sens*, которое после повсеместно распространилось как атрибут буржуазного

образа мыслей. Следовательно, и перед божественным и сверхъестественным, у Крёза есть единственный путь Веры: если он находится в ней, он поступает в соответствии с учением, которому его обучили, Крёз «верный», а Тирезий его благославляет. Но Тирезий не настроен оптимистично касательно этого человека, который, по своей сущности и функции, живет *in sensibus* и полностью предается иллюзии того, что можно потрогать, померить и взвесить; если он размышляет (а это случается редко), он теряется в «зарослях сомнения» или в «ночах скептицизма», а стоит ему подарить «крылья», он будет кричать о своих метафизических сомнениях или скептических идеях в дерзких отрицаниях или богохульной иронии; а если он не размышляет (что является нормой), он становится твёрд в своём «безразличии»; и присутствуя на церемониях в церкви, как будто выполняет какую-то обязанность, носящую общественный характер, будто он присутствует на собрании совета директоров, где туманно предпринимаются какие-то шаги, и это для него не менее праздное «душевное занятие».

9. Таков образ мыслей, который Крёз обнаружил перед своим господством и который повсеместно распространил после. Справедливо отметить, что Крёз не был инициатором такого страшного дисбаланса (вопрос не в том, чтобы свалить на него все волнующие нас проблемы). Воин Аякс был тем, кто, подняв свою руку отцеубийцы против Тирезия, положил начало восстаниям, так как открыл первую «брешь» (наиболее глубокую) в доколе монолитном устройстве общественной организации. Друг Веласко, здоровье социального организма, как и здоровье человеческого, зависит от «всеобщей гармонии», при которой выполняются все жизненно необходимые функции, в соответствии с порядком и балансом, которые диктует сама «необходимость» (и так это показал Шекспир во второй сцене Кориолан). Болезнь тела, если хорошо его осмотреть, есть ничто иное как нарушение баланса, в котором были упорядочены все его функции; поэтому искусство медицины ограничивает себя борьбой против беспорядка и восстановлением нарушенного равновесия. Итак, какой беспорядок привнес Аякс, восстав против Тирезия?

10. Аякс не уважал «духовную власть» священнослужителя, что было роковым для балансирующей иерархии. Но самым «нечестным» (и сложно поправимым) было то, что, отвергая власть Тирезия, Аякс открыл путь к презрению, сомнению и неприятию «священной науки», где священник в своей поэзии, охватывая «сверхъестественное» предназначение человека, также приводил в порядок «методологию», пытаясь достичь этого предназначения, начиная с земного общества и его собствен-

ной организации. Как такая жизненно необходимая теория могла рухнуть? Метафизическое истолкование Тирезия есть «проявление» происхождения «нечеловеческого»: также оно является «не человеческим» в своем представлении человека трансцендентного, чья метафизическая реализация требует у него совершенствования его «человеческой индивидуальности» по другую сторону всеобщего существования, и в крайнем случае, ресорбция во Всеобщем Начале, которое сейчас раскрывает его как Цель. Поставленная под сомнение, эта теория в своих «не человеческих» чертах губительна, когда понятие человека искажается и ограничивается, от бунта Аякса в единственном «человеческом» аспекте, чье построение и возвышение в дальнейшем породят все «гуманистические» иллюзии, которые мы знаем. И я добавлю, мой друг Веласко, так, непризнанное в своем сверхъестественном Начале и Конце, существование человека в итоге будет понято как невразумительное и даже «отвратительное» развлечение, к которому нас подтолкнули, и, как говорят современные экзистенциалисты, мы не знаем, ни кто это сделал, ни как, ни для чего. Ясно то, что для этого было необходимо пройти другие этапы в падении человека, так как оно подразумевает постепенное искажение «цельности» его онтологического характера.

11. Например: ограниченный в «человеческом» осознании, человек ограничит свои возможности познания того, что ему сообщает Разум, способность, присущая только человеческой организации: в таком случае, сначала обойдет и потом отвергнет как все возможное «знание через провидение» и сверхъестественные способности, которые образуют человеческий *compositum* и которые исчезают, если он их не использует. Очевидно, Гуманизм, достигнутый Аяксом, сдался, в интеллектуальном смысле, подвигам практикующего Разума, уже не в объяснениях «относительной правды» (как это делали средневековые философы), а в повторных открытиях языческих философов, чьи умозрительные построения (восхитительные, кто поспорит?) являются результатом самого человеческого Разума, практикуемого прямолинейно и максимально возможно. Это Возрождение отмечено Принцем, лучше сказать, Аяксом. Это еще не рационализм, который появится позже под влиянием Крёза и его «ментальности», которая подразумевает, как я уже говорил, «минимальное» использование Разума.

12. Безудержно отдавшийся тренировке своей человеческой индивидуальности, постигаемой как «самоцель», Аякс развил её до эгоистичного индивидуализма, которое в свою очередь широко распространялось. Потому что весь социальный класс, который правит вне иерархическо-

го порядка, склоняется к универсализации своих характеристик, и более того, добивается этого в своих отрицательных чертах. Итак, индивидуалистское неистовство Аякса, затрагивающее Крёза а также «финансовые вопросы», которые так его волнуют, — это вопросы, которые разрешатся путем бунта Человека Хозяйственного и последующего смещения Аякса. Как только Человек Хозяйственный этого добьется, он будет править сам и установит свою собственную диктатуру.

13. Давайте сейчас посмотрим, в чем заключается талант Крёза, берущего власть в свои руки. В эпоху Аякса наш экономист уже освободился от внутреннего или религиозного сдерживающего начала, которое контролировало его естественные потребности: религиозное начало в будущем станет для него «социальной привычкой», если он уже не верит; и если он всё ещё верит, эта вера будет проявляться лишь в «предрассудках». Одновременно Крёз обретает *индивидуалистическую* независимость, которой обладал Аякс; и его индивидуализм, распространяясь в экономической сфере, усилит его аппетиты и разрушит второй аспект его социальной функции, — справедливость в распределении. С другой стороны, Крёз не только приобрел чужие недостатки, но и заразил своими собственными весь социальный организм, в приготовлении, произошедшем в далеком прошлом, которое не так сложно выследить в ходе истории и которое упростило доступ Крёза ко власти. Стоит вспомнить, например, что Возрождение открывает эпоху международных банкиров (о, этот роскошный Джованни Арнольфини де Лукка (Лусса)!, о, этот Якоб Фукар со своими бухгалтерами!)

14. Но в интеллектуальном порядке, где, хотя это может показаться смешным, Крёз заранее влияет на историческое будущее, навязывая свою «заурядную» рациональность философским умозрительным построениям. На мой взгляд, Рене Декарт обладает парадигмой буржуазного типа мышления, чьим последним представителем был Карл Маркс, часть того «сомнения», которое овладело Крёзом из-за его «недоверия». Благодаря этому сомнению, которое Декарт должен использовать в качестве «метода», он не принимает уже не только теорию Провидения, но и все предыдущие христианские и языческие философские учения и, таким образом, потонувший в море полного невежества, наносит удар спасительной доской, знаменитое *cogito ergo sum* (мыслю — значит существую). То, что действительно он спасает в своем «мыслю» — это убежденность в своей собственной рациональной природе: в дальнейшем ему будет дано поддерживать вне всякого сомнения то, что он «человек».

15. Мой друг, важным является место, где наш философ подберет эту доску. И он её подбирает, как я понимаю, точно на границе своей «душевной возможности» и «телесной возможности». С той критической точки и уже взобравшись на доску, Декарт видит «двойственное» устройство человеческого *compositum*: тело и душу. Риск заключался в том, что для одного сомневающегося разума, жаждущего экспериментального подтверждения, первое понятие бинома (тело) оказывалось наиболее очевидным и легче подвергаемым «экспериментам». А другой термин (душа) Рене понимает очень просто, как некую тактичную уступку теологическому, которое ещё сильно тяготело над системой; или как некое требование «симметрии» (Декарт занимался геометрией), или отделение телесного, как позже понимали душу психологи. Мозг, как однажды нам сказал один преподаватель, есть железа, которая выделяет идеи. И мы, будучи такими молодыми, полностью поддержали эту мысль.

16. Верно то, что этот известный картезианский дуализм появился больше как вызов Физике (чьей областью является мир телесный), чем некая инстанция, сопутствующая метафизике. И его последствия, заключающиеся в дальнейшем развитии человека, это подтверждают достаточно хорошо. Также бесспорно, что победа и распространение такой бедной доктрины не были бы возможными, если бы она не отражала существовавший ранее общий уровень интеллектуального развития большинства людей эпохи. Давайте заглянем в самое ближайшее «прошлое»: наванные «философы Французской Революции» (которая дала окончательную победу в руки Крёза) происходят из буржуазных кругов и в большинстве имеют буржуазный образ мыслей. Они вскопали и засеяли полученную землю, хотя уже с очень заметной разницей в поведении: если у Декарта развитие сопровождается «сомнением» и передает приятную драматичность, то у философов Революции уже нет сомнений, а есть твердость «убеждения», которая демонстрируется через некоторую иронию (как у Вольтера) и неприкрытый цинизм (как у Руссо). Так торжествует Революция Крёза; и провозглашает разум светским богом. Но это не Разум, который некогда развивал Аристотель в своей *Метафизике*, а разум Крёза, минимизированный, как я уже сказал, природной узостью его мозгов.

17. Друг Веласко, Крёз уже у власти: мы уже знакомы с его менталитетом, который позже Человек Хозяйственный передаст своим вассалам и учреждениям, им унаследованным. И прежде чем продолжить эту трагичную историю, хорошо бы сказать, что наш герой также выбросит к балансу завистливое «подражание» классам, которые его превосходят, подража-

ние, которое естественно обратится в нелепые «пародии». Таким же образом он добавит, а это уже ужасно, страстное желание универсализировать свою «мистику» терелесного (и преднамеренно использует здесь «профанаторское» толкование слова *мистика*). На уже подготовленной сцене давайте сначала посмотрим на то, что сделал Крёз-победитель со своей экономической функцией.

18. Свободный от обоих узд, которые контролировали его «недостаток», Крёз посвятил себя исполнению второй части своей общественной функции: справедливость в распределении. Я уже говорил, что его страсть неудержимо склоняла его к этому, вернее сказать, к тому, чтобы получать богатства ради бога и использовать этого бога для собственной выгоды. Вы не думаете, что речь идет о простом человеке: в представлении, которое я получил заглядывая в Национальный Банк Аргентины, я обнаружил ловушку. Да, бог Крёза был уже воплощен в золоте: золоте, которое ритуально сверкало на алтарях Тиресия, золоте, которое Аякс растратил с невыносимым пренебрежением, золоте, которое звенело во дворцах и тавернах. Будучи у власти, Крёз сказал себе: «Мой бог — золото, и бог не может и не должен быть видимым». Тогда он спрятал золото в крепчайшие сейфы, которые были *sanctum sanctorum* нового идола. Итак, любому богу нужно священное место, точнее сказать, Храм; и Человек Хозяйственный возвел эти тяжелые и безобразные соборы из золота, которые называются Банками. Естественно, Крёз не мог использовать своего идола, если бы он его полностью изолировал от прихожан. И он сказал себе: «Я создам изображения моего бога и подарю их верующим». И Крёз изобрел бумажные деньги. Ясно то, что Крёз не мог управлять всем механизмом без церемониала: Тирезий практиковал церковную литургию, а у Аякса были рыцарские обряды; было неотвратимо то, что наш буржуа ввел свои «хозяйственные ритуалы». И сейчас вы видите, что в любом банковском учреждении, ряд жестов, подписи и печати, которые надо проставить в ходе финансовых дел, то есть литургию, тщательно проводимую «священническим корпусом», чья иерархия проявляется от кубинских сигар управляющих до козырьков холодных и раздражительных кассиров.

19. Такое сходство или соответствие ритуальных действий бесспорно не единственное. Например: честь Тирезия заключается в его «святости»; честь Аякса — в «справедливости» его охраны; и, по логике, честь Крёза заключается в «обеспечении его коммерческой подписи». Итак, Человек Хозяйственный, в первые романтические дни своего правления, пускал себе пулю в лоб, когда не мог «воздавать почести своей подписи», таким

же образом, как это делал военный перед оскорблением его охраны. Позже Крёз оставил эти неудобные привычки *belle époque*¹; и предпочел законное банкротство, закрепленное в законодательстве, которое он сам диктовал своим вассалам-правоведам. Сегодня, как в исключительных случаях алчности Крёза, он не колеблется в организации фальсифицированного банкротства.

20. Друг Веласко, до последнего раздела мы рассматривали Крёза в соответствии с пародийным отношением к религии: это всё ещё Крёз, удобно расположившийся на своём престоле, с золотой цепью, выделявшейся на фоне жилета. Каким бы плохим он ни был, мы видели в нём человека «ответственного». Самое неясное случилось тогда, когда Человек Хозяйственный, оставляя религиозную пародию, начал пародировать «скрытое и сокровенное». Друг мой, если сегодня Вы бы начали искать ответственных за развитие мировой экономики, Вы бы уже встретились не со вчерашним крепким и видным Крёзом, а с Директорами Фирм (которые являются специалистами, а не капиталистами) или с невинными «владельцами акций» (которые не знают кто, где и как зарабатывает их деньги). Правда в том, что до сих пор сохраняются «явно или косвенно заметные центры», Экономики; но мы не знаем, на каких Гималаях созданы «скрытые центры», в которых сосредоточена большая часть золота, и кто мог бы быть Великим ответственным Главой, который ими управляет. Таким же образом, и так же в пародии изотерического, увеличилось число непонятных «экономических теорий» или текстов о золоте, на фоне которых *Zent Avesta Каббалы* выглядят детскими сказками.

21. Все это, как Вы видите, заканчивается в грустной алхимии монеты и денег. Я сказал грустной? Я должен был оценить эту игру экономических ценностей как «сатаническую». Потому что монета имеет только «количественную» ценность, откровенно говоря, абстрактную, и «потенциальную»: ценность «доверительную» (от слова доверие, гарантия, честность). К чему ценность монеты выражает доверие? Эта ценность гарантирует другую ценность — «в действии»: ценность «основную или качественную». Например, 50 долларов (я пишу в эпоху доллара) имеют «потенциальную» ценность в 50 долларов, которые, переведенные по покупке на «действие», преобразовываются в еду, одежду и жилище человека. Соберите в своем воображении все монеты и банкноты мира, и у вас будет некое «абстрактное» количество, которое потенциально означает «конкретное» удовлетворение всех человеческих потребностей в физи-

¹ la Belle (или belle) Epoque — «бель-эпок», начало XX века.

ческом порядке. Присваивая богатство, Человек Хозяйственный попадает в преступное безумие: это есть «безумство», которое выходит за рамки его индивидуальных потребностей, и он копит абстрактные и бесплодные цифры ради их самих, и это «преступно», потому что бесплодная «способность», которую он присваивает, выраженная «в действии», есть хлеб, одежда и кров бедняка, который ничем этим не владеет. Так м образом рассмотрев эти вещи, я бы не поколебался в том, чтобы утверждать, что «собственность есть воровство».

22. Я много раз думал, что настойчивое осуждение «богатого человека», сформулированное Иисусом намекает, более всего, на эту нелепую цифровую работу Крёза. В просьбах, которые Иисус направляет Крёзу, чтобы тот распределил свое богатство среди бедных, очень легко понять, что Он призывает Крёза, и в срочном порядке, вернуться к выполнению своей распределительной функции, и таким образом, и что его «способность богатства» перешла бы в некое «действие богатства» — в силу любви. Дело в том, что грабя бедняка посредством злоупотребления властью, Человек Хозяйственный, прямо перед лицом самого Божества, совершает 2 проступка: поступает несправедливо и нарушает равновесие общественной системы. Первая несправедливость Крёза разрушает и нарушает весь «промысел» Отца Небесного, Чье значение и справедливость нам показывает Его Единородный Сын в *Sermón del Monte*¹: да, Творец обеспечивает всем свои создания; и все бы шло хорошо, если бы Крёз не нарушил предписанное Отцом Небесным. С другой стороны, Иисус, который проповедовал на Святой Горе, «абсолютно беден», и так Человечество находится в полной нищете, которую Он полностью принял через Искупление; и потом, тот, кто обокрал бедняка, обокрал и самого Иисуса Христа.

23. Вторая несправедливость состоит в том, что Крёз настраивает «против себя самого». Я уже говорил, что деление на классы в социальном организме не является незаконным, а «естественно» происходит в соответствии с индивидуальной сущностью каждого человека. Все и каждый класс в отдельности обладают, помимо собственного «правительства», неким особенным путем «оправдания» перед Творцом, и этот путь заключается в преданной практике справедливости, установленной порядком. Единственный оправдывающий Крёза путь заключается в том, чтобы справедливо действовать в управлении и распределении богатства: если он так поступает, то перед Божеством он предстает как благо-

¹ Sermón del Monte — Нагорная Проповедь.

честивый, и, говоря теологически, «спасается»; если же он так не поступает, то он проецирует свою несправедливость против себя самого, и, выражаясь теологически, он «приговаривает себя». Друг Веласко: Вам не кажется, что иногда представитель такого класса или какого-либо другого, который «точно» осуществлял свою общественную функцию, помимо своей службы, совершал и «обрядовые действия»? Потому что любой человеческий труд, рассмотренный таким образом, представляет собой некое «самопожертвование» в этимологическом значении слова (священное деяние).

24. Итак, среди двух функций Крёза, производящей и распределяющей, образовалась огромная «асимметрия»: чем больше Крёз расторговывал миру «распределение» богатства, тем больше возрастало его стремление к «производству», стимулированное огромным аппетитом нашего героя. «Произвести больше, чтобы продать больше» — таким был его девиз. Обычно для этого ему было необходимо «усилить» ритм работы человека, чьи потенциальные возможности воплощает в себе Гутьеррес. Мой друг Веласко, во времена моего детства и отрочества мне случалось на собственном опыте пережить несправедливость, которую мы называем «эксплуатация человека человеком». И я (я, поэт) рано заметил двойное мошенничество Крёза: он обманывал людей при распределении богатства; но также и при распределении «человеческого времени», подвергая их жестокому графику работы. В те дни, в работе, как работник умственного труда и зарождающийся поэт, я открыл в человеке два времени: «время вола», которое человек посвящал зарабатыванию на хлеб, тяжелым трудом, и «ангельское время», которое он должен был бы посвящать «созерцанию» (и я говорю обо всех людях, у каждого из которых свои границы созерцательных возможностей). Это случилось у фабричных станков, где я, наконец, подумал, что Крёз крал у человека его «ангельское время» и что он делал его помешанным на цифрах, и уровень этого помешательства я осознал позже.

25. Это произошло в казино Мар-дель-Плата: предприниматель X, сидящий за столом, где играют в бакару¹, в эту ночь проигрывал четыре тысячи песо каждые девяносто секунд. Наблюдатели, среди которых был я, не могли скрыть свое удивление от магната, который с таким безразличием доставал деньги из своего бумажника. Но я немедленно сделал следующие подсчеты: четыре тысячи песо «числовые», которые растрачивал X за всего лишь девяносто секунд, составляли «годовое жалованье»

¹ Bacará — бакара, карточная игра.

обычного работника, точнее говоря, жалование за триста дней его работы по девять часов в день. Позже этот подсчёт заставил меня понять, что помешательство Крёза на накоплении многочисленных ценностей не могло закончиться ничем иным, как «игрой» с этими числами (в рулетку или на Бирже или в любом другом типе спекуляции), которая стоила ему столько же, сколько и игра с хлебом и страданиями человека. Потом я обнаружил, что за той преступной игрой усердно скрывалось что-то менее спортивное: захватническое сладострастие власти. Если власть Аякса заключалась в его военной силе, власть Человека Хозяйственного происходила от денег. И снова мне показалось очевидным одно пародийное явление: может, Крёз пародирует «монархию» Аякса, называя себя Королём Мыла или Королём Нефти и создавая фабричные «династии» с многочисленными монархами? И не гротескно ли он использует царственные геральдические символы как отличительные знаки своих изделий?

26. Такая кража «человеческого времени» заметно сократилась с изобретением «машины» и расцветом «машиностроения». Если бы Крёз не злоупотреблял своим должностным положением и придерживался порядка, он бы понял, что время, выигранное за счет машин, может приносить лишь пользу: пользу для человека в уменьшении «времени вола» и пропорциональное увеличение «ангельского времени». К несчастью, Крёз увидел в механизации только лишь продуктивный и удобный способ «замены человека машиной», но реакции социального типа, которые вызвал этот поступок, относятся к вопросам Истории, а не к медицинской операции, которой я сейчас так ловко занимаюсь. Чтобы подвести итог данному разделу и перед тем, как перейти к темам более тонкого порядка, я скажу, что Крёз, достигший производственной «гипертрофии», нуждался в срочном увеличении объема продаж. В нормальное время Человек Хозяйственный производил, к примеру, десять тысяч гамашей, в которых нуждались еще столько же городских «непрофессионалов». Но, произведя миллион гамашей, Крёз должен был повысить до этой же цифры количество потребителей. И как он это сделал? Деспотично ввел закон «об обязательных гамашах»? Нет, друг: Крёз — человек, которому присуща природная осторожность, и его диктатура всегда была скрыта безобидными лицемерием и притворством. То, что он навязал городу, являлось доктриной «необходимых гамашей», использующей «рекламу», которая постепенно достигла таких категорий как Музыка и Наука, и которая сегодня, благодаря вещам, обновленным по средством промышленной техники, «производит» необходимость в них самих, а *posteriori*, в состоянии огромного психологического воздействия.

27. Веласко, друг, простите меня за подробности такого приятного анатомирования; и следуйте за мной в выяснении того, как Крёз столкнулся со свободами, или еще лучше, каким образом и в какой мере он стал «либералом». Известно, что Французская Революция, провозглашая Права Человека, потребовала и необходимые «свободы» при исполнении этих прав. Нет сомнения в том, что тирания Аякса в его тяготении к светскому обострила его жажду свобод, выраженную с такой лирической пылкостью ораторами Революции. Итак, человек, в своем бесконечном, но справедливом требовании свобод, применяет всю силу своей двойственной сущности, точнее говоря, он заявляет о них одновременно как «индивид» и как «личность». Обобщая понятие подобной двойственности, я бы Вам сказал, что такое отношение человека, рассматриваемого как «индивид», *отличает* его в своей «телесности», а рассматриваемого как «личность», универсализирует его в своей трансцендентной «духовности». Например, право физического существования — есть свойство «индивида», и право свободных действий души — есть признак «личности». Хорошо. Но: Внимание! Оба эти аспекта человека практически неотделимы. Обратите внимание, например, что физическое устройство человека представляет собой некую неизбежную «опору» всей структуре человека: а попробуйте вы поспорить с подобным заключением и уменьшите право физического существования человека, и тогда вся человеческая структура распадется на кусочки; откажите человеку в его праве быть «личностью», и тогда его физическая сущность вмиг сократится до «опоры несуществующего». И позвольте мне вновь упомянуть моих друзей *экзистенциалистов*.

28. Столкнувшись с этими призывами к свободе (изложенными самой Революцией, которая привела его к власти), Крёз принял достаточно политическую тактику: он стал *либералом*. Так как Человек Хозяйственный по своей природе никогда хорошо не управлял делами, связанными с «трансцендентной личностью», он решил предоставить своим подчинённым все права «человека» (которые в итоге не стоили ему ни цента) и сохранить за собой право на совместную собственность, точнее говоря, неконтролируемый доступ и обладание материальным богатством и его символами. Так он издал свои печально известные доктрины об «экономическом либерализме», «свободном предпринимательстве» и других свободах, направленных на его обогащение и «против организма», то есть против здорового развития и функционирования социального организма, к которому он принадлежит. И в свете происходящего, безумство Крёза походит на «самоубийство».

29. Естественно, ограниченное сообщество людей, отстаивая свое право на физическое существование перед одержимым Крёзом, в борьбе, которая уничтожает самых лучших своего времени, расхваленные свободы «личности» сводятся к простому лирическому набору, и в случае, нашествившем за пределами государства, сводятся к простой «свободе топая ногами». Очень плохая сторона данного вопроса — следующее: мало того, что Крёз вовлек всех нас в эту наипечальнейшую гонку вырожденков на основе внушения и стимулов, он ещё попытался заставить нас поверить, что правом на жизнь было бы «право» завоевать или победить в экономической системе, теория, по своей сути порочная и испорченная в деяниях нашего буржуа, поскольку для человека, посланного в жизнь некой Высшей Силой, которая охватывает его, ясно, что жить — это не «право», а обязанность. И эта обязанность буквально «метафизическая», ввиду того, что причина существования заключается в реализации человеком своих физических и метафизических возможностей в своем двойственном характере «индивида» и «личности». Друг Веласко, в тот день, когда люди снова осознают свою жизнь не как право завоевывать, но как обязанность осуществлять, все революции, вдохновленные в этом представлении, должны будут быть абсолютно законными и тот порядок, к которому они приведут или воссоздадут, будет «правоверным».

30. Социально расположенный под Тирезием и Аяксом и над бедным Гутьерресом, Крёз практиковал свою тиранию в соответствии с двумя разными манерами, которые в своих различиях дополняли друг друга: он как напрямую мучил Гутьерреса, так и косвенными способами — через голод; но Тирезий, священнослужитель, и Аякс, военный, вынуждали Человека Хозяйственного применять косвенные методы подчинения. На самом деле, каким большим ни было его безумие, Крёз не старался «подавлять» священнослужителя и военного, но «склонять» их к поступкам, идущим на пользу ему самому и, таким образом, на пользу его экономическому господству. А достиг он этого благодаря двум благоприятным обстоятельствам: а) явное положение прострации и упадка, в котором находились священнослужитель и военный, если на них взглянуть в соответствии со специфическими функциями каждого из них, которые они должны были точно исполнять без какой-либо рассеянности, подлежащей оправданию; основание быть Тирезием, священнослужителем, и Аяксом, военным; б) тот факт, что и тот и другой могли бы приобрести, в свою очередь, влечение к физическому, склонность, как я уже говорил, которую Крёз распространил по всему социальному организму до своего господства. Давайте коротко рассмотрим эти две «атонии», Тирезия и Аякса.

31. Несомненно то, что ортодоксальная позиция и поведение Тирезия перед Человеком Хозяйственным следуют прямо из Евангелия, которое его призывало к священнослужительству (я бы уже сослался на «христианскую» низость богатого человека и на те реалии, которые ее образуют). Я вдруг сейчас подумал, что, в то время как Крёз интегрировался (и вначале очень преданно) в христианское общество, Тирезию было бы легко обуздать всю накопившуюся страсть Крёза, ограничить её социальным порядком и на последнем этапе предать анафеме, вернее говоря, просто и без церемоний исключить его из общества, со всей той продуктивностью, которую отлучение имело в прежнее время, практикуемое Тирезием в отношении военного Аякса во времена бунтов и восстаний, но никогда не применяемое в отношении Крёза во времена грабежей и разбоев. Друг Веласко, это не только поразительно, но и очень печально, понять как значение Евангельской доктрины растворяется и приуменьшается, в своей сути, почти с окончания «Апостольских» времен. Иногда у меня возникает такое ощущение, что Тирезий, священник, направленный на создание Церкви Иисуса Христа, «отвлекся» во внешних, а не в существенных проявлениях Времени, в своей тоже необходимой «светскости» или в политической деятельности, и все это шло во вред доктрине, точнее говоря, «душе», которая всегда должна составлять основу «тела» церкви. Может быть, иногда я говорю себе, «рассеянность» Тирезия отчасти происходит из-за активности Аякса (Императора или Короля, или Принца), который влиял на христианскую церковь; потому что Аякс, действуя в соответствии со своими «мирскими» целями, имеет склонность всё представлять в воинствующей светскости.

32. Итак, абсолютная новизна нашего великого Спасителя заключается в предзнаменовании Царства Небесного, которое наступит в конце времени, и в «методологии» любви, применение которой является ключом ко входу в Царствие Небесное, основанное на любви Бога к человеку, человека к Богу и человека к человеку. Упомянутый способ склоняет к поиску на земле образа «единства», которое воссоздастся в Царствии, на чьей «неизбежности» настаивает Христос. Посягать на подобный свод законов о любви к ближнему значит покушаться на Слово Воплощенное и отсрочить реализацию своего спасительного плана. Потому что, друг Веласко, не сложно понять, что тирания Крёза ведет людей не к «единству в любви», а к «разобщенности в ненависти». Нехватка Тирезия или его ужасная невнимательность явились результатом христианского прощения Крёза.

33. И естественно, Крёз процветал под покровительством такой удобной снисходительности. Он даже стал различать и разделять в себе две не-

зависимые индивидуальности: «делового человека» и «милосердного гражданина». И эти индивидуальности раскрывались в нем таким образом, что ни «милосердный гражданин» не беспокоил «делового человека», ни «деловой человек» не беспокоил «милосердного гражданина». В моем районе я столкнулся с одним Крёзом с таким гибким сознанием: предприниматель, который систематически отказывал своим рабочим в каждодневном хлебе с солью. Однако, каждую субботу этот человек исповедовался, каждое воскресенье причащался, каждый понедельник возвращался к своим злодеяниям и в итоге плохо кончил.

34. Если правдой является то, что Аякс в своем историческом развитии также спустился до коленопреклонения или упадка, как я уже упоминал, не менее правдивым является и то, что несмотря на то, что он охранял три активных качества своей сущности: культа «чести», исполнение «доблести» и практика «суровости», без которых военный не существует, и которые относятся к четырем основным качествам: *Справедливость*, *Здравомыслие*, *Мужество* и *Сдержанность*, традиционно считаемые обязательными для проявления «активного порядка» человеческой деятельности. Как можно было предположить, что Крёз угодил этим героическим качествам, одно из которых, Мужество, он не раз испытывал: Человек Хозяйственный, уже будучи у власти, продолжал восхищаться и «опасаться» трёх активных качеств Аякса до тех пор, пока он не нейтрализовал свои страхи. Как? Направив эти качества на службу своим экономическим интересам. В этом смысле такое продуманное действие Крёза было шедевром его общеизвестного коварства.

35. И я вам приведу очень наглядный пример. Преданность Родине всегда была задачей Аякса, военного. Традиционно, в его представлении о Родине было настоящее и очень «конкретное» чувство: Родина для него была синонимом Государства или Народа, со всей совокупностью духовных и материальных качеств, главным образом «человеческих», которые передает человек государственной. То есть наш военный рассматривал понятие Родина только в его «первом лингвистическом значении» (загляните в словарь, это очень полезно). Итак, первое значение слова, будучи «изначальным», обозначает или характеризует «вещь» в ее основных чертах, «вторые значения» слов появляются, как только «вещь» искажается в элементарных сведениях ее подлинного значения. Для победы над Аяксом, Крёз искажил элементарные значения понятия Родина: он из Родины «конкретной и гуманной» сделал «абстрактную и без гуманности», с целью добиться, чтобы в представлении Аякса о Родине стерся человеческий фактор, на который Крёз направлял свою диктатуру (вспомните,

что Человек Хозяйственный — это специалист в обманном абстрагировании). И первым шагом на пути этого ловкого мошенничества была замена первого значения Родины (страна или общность жителей) на второе (место рождения). Вскоре для которой солдат Аякс должен был появиться как защитник некоего «географического» места или так называемой сцены, с такими абстракциями, как «актеры» (народ) и «драма» (национальное развитие), которая воссоздается на этой сцене.

36. Еще более коварным был второй мошеннический шаг, который совершил Крёз, завидев первую *внутреннюю* реакцию на его режим. Он исходил из отождествления основного значения понятия Родина с политическими, экономическими и социальными *институтами*, которые он сам и создал при сотрудничестве со своими вассалами законооведами. А Аякс, в свою очередь, понял, что его задачей также была защита этих самых институтов. Таким образом, мы увидели, как Аякс, будучи под деспотичной властью Человека Хозяйственного, дискредитировал свою отвагу и повредил свои лавры, исполняя досадные функции «полиции», которые постоянно его приводили к братоубийству. Однако, было также неотвратимо, что Аякс развязывал и внешние войны. И делал он это по-своему: если под знаком жреца война была «религиозной» (вспомните о Крестовых походах), под знаком военного война была «политической», а под знаком Крёза война была «экономической». И мы в свое время увидели, как солдат Аякс, ввязавшись в Войну Крёза, проливал свою кровь, защищая внешние интересы Человека Хозяйственного.

37. Друг Веласко, если Вы думаете, что Вскрытие Крёза подошло к своему завершению, боюсь вас разочаровать. Потому что ткань нашего героя очень нарядна, и портной, кто ее режет, довольно ловок в своем деле. Прежде чем продолжить свою анатомическую операцию, я еще раз Вам скажу, что то, что я описываю, это не какое-то тело, а целая «ментальность», некий склад ума Крёза, универсализированный нашим Человеком в течение своего правления. Давайте сейчас изучим, если вам будет угодно, влияние, которое оказала и оказывает упомянутая ментальность вплоть до наших дней, на интеллектуальную сферу, точнее говоря, на науку, на философию и искусство.

38. В свое время я вам говорил, что картезианский дуализм, из-за своего «мысленно» буржуазного происхождения, пренебрег вторым понятием биннома (душа) в пользу первого (телесность человека). Будет справедливым заметить, что «любопытные науки», объявленные Декартом как о неизбежных рождественских праздниках, в эпоху Ренессанса имели

происхождение от «вероятности». Речь шла о поиске Бога, уже не в Писаниях (имевших «сверхчеловеческое происхождение»), а в Природе, понятой как «книга», написанную Творцом в соответствии с размером, весом и количеством. Прочтение «книги» потребовало бы некоего тщательного исследования количества, веса и размера; и «любопытные науки», о которых объявил Декарт, предоставляли эти исследования и эксперименты. В своей «Поэме Физике», которую я недавно закончил, я рассказываю о последствиях такого рода метода: а) разделенная, распавшаяся на подразделения и «расчлененная» наконец в лабораториях ученых, природа перестала быть «разумной книгой», и стало быть, перестала показывать своего Автора; б) расспрашивать Природу, созданную без внимания к сущности и границам ее Создателя, значит обречь себя на вечный поиск ответа относительно мироздания, которое мы образуем: «как», «что», «почему» и «для чего»; и в) современная наука, окончательный результат метода, испытывает недостаток в «силе объяснения» в связи с сомнениями, которые всегда и с огромным упорством, человек создавал относительно себя самого, своего развития и мира.

39. Ясно, что современная наука, если оставила прочтение «вразумительных чисел», которые объясняют Вселенную, она очень основательно поработала с «ощутимыми числами» и с твердой материей, которая их закрывает. Затем одна исключительная навязчивая идея «материи», находящаяся в человеке, который постепенно превратился в одну «физическую модальность», привела к возникновению *материализма* со своими догматами. И здесь, друг Веласко, я должен прояснить одну очень важную вещь: «недостаток» метафизического в современной науке не отменяет и не ущемляет новых утверждений науки, касающихся мира физического. Я утверждаю, что нет никакой науки, если в ней нет причинно-следственной связи; и поскольку Создание есть «следствие», его «причина» не может появиться сама по себе, а следует поискать ее во внешних проявлениях Природы, а не внутри нее. Однако, все, что современная наука нашла и найдет истинным в «физическом порядке», является точно относящимся к «порядку метафизическому», если тот, кто перемещает, принесен этому в жертву. Недавно я попробовал это сделать в своей Поэме Физике и результат меня радует.

40. Но давайте вернемся к современной науке: если она не объяснила ничего сверхъестественного, ее работа с физическими силами и элементами привела ее к открытию точных законов, которые изобретатели относят к «полезному», и которые промышленная техника преобразовала в «цели», предназначенные коммерциализации Человека Хозяй-

ственного. И посмотрите, как этот круг замыкается, когда он сам по себе «испорчен».

41. А сейчас я Вам расскажу, как Философия (этимологически основанная на «любви к истине») вошла в штопор, похожий на тот, который переживает наука. Есть лишь два пути в истине: путь проведения (сверхъестественного происхождения или «нечеловеческого»), и путь Разума, который хорошо используется человеком (скорее говоря, с прямоотой и размахом). Этот путь, «естественно», ведет его к истине или к ее аппроксимациям. Какая судьба ожидала Философию в эпоху владычества Крѣза, когда избегалось и отрицалось Проведение, и когда Рассудок находился на последнем уровне своей атрофии? В действительности, Крѣза не интересовала философия, как и искусство (две практики, которые, по его мнению, «тратят», ничего не «производя»): вот по какой причине Искусство и Философия, в эпоху правления Крѣза, потеряли «власть», которой они пользовались в предыдущие эпохи (вспомните философов Греции и мастеров Средневековья). Вследствие этого артист и философ, находясь под властью Крѣза, потеряли «общественное значение», которое никогда у них не отрицалось во времена существования хорошо организованного общества: так они превратились в неких личностей, исходя из официальных позиций «бесполезных», и они с честью изолировались в своих башнях из слоновой кости. Давайте рассмотрим развитие каждого из них.

42. Для философа закрыты два пути к правде (другими словами, два способа «открытия»), и ему не оставалось другого способа, как «изобретения». И философ посвятил себя «изобретению правды» на очень хрупком основании неясных догадок, которые отвечали конкретной индивидуальной проблематике, в противном случае простым, а иногда и тревожным «состояниям души», на тему которых он философствовал. Таким образом, Философия перестала быть наукой, основанной на «умозрительных построениях», и она стала неким процессом «создания», очень похожим на Искусство. Так возросло количество мнений и индивидуальных систем, в которых каждый философ формулирует «свою правду», и которые в целом имеют большую объяснительную ценность, чем опытные науки, развитые в ту же самую эпоху Крѣза. Таким образом, Философия, которая всегда была наукой о «правде», *единственной и объединяющей*, стала наукой «мнения», *многочисленного и разобщающего*.

43. Друг мой Веласко, наконец мы приступаем к рассмотрению Искусства и его мастеров: это достаточно большая тема, не правда ли? В скольких

случаях мы, выглянувшие в единственное окно нашей башни (из слоновой кости или нет), горестно плевали на всю ту часть человечества, которая нас не знала! И ещё сколько раз мы проклинали самого Крёза, не замечая того, до какой степени злобная «ментальность» Человека Хозяйственного возвеличилась в нас самих, как в философе и человеке науки, так и в остальной части того человечества, которую мы оскорбили из нашего окна! Что случилось с Искусством, находящимся под властью буржуа Крёза? На самом деле, как я уже говорил, и до Крёза, Мастер никогда не был изолированным существом, который одиноко занимался «искусством ради искусства». Традиционно (я хочу сказать, в полном иерархизированном обществе), автор занимался «священническим искусством» Тирезия или «материальным искусством» Аякса, или одновременно и тем и другим. В одной из моих заметок, написанных в «Судовом Журнале», я уже говорил, как, будучи на службе у обоих искусств, мастер не ограничивал свою особую свободу «создавать прекрасные формы», хотя, находясь под влиянием Тирезии или Аякса, эти сами по себе прекрасные формы, в то же время могли быть «опорой» метафизическим или эпическим истинам. Напротив, традиционному мастеру, который продолжал выполнять предназначение своего искусства (создавать прекрасные формы), также удавалось обогащать их некоторым элементом, который освобождал их от очевидной, хотя и прелестной «буквальности».

44. Но что бы сделал мастер, будучи в подчинении у Человека Хозяйственного, иначе говоря, под давлением удушающих условий, которые ментальность Крёз повсеместно распространила? Я уже говорил, что Крёза никогда не интересовало Искусство. Да, по аналогии с Тирезием и Аяксом диктатор Крёз мог бы иметь свое личное «искусство», это было бы «экономическое искусство», способное прославлять превосходство его промышленной продукции, или в области лирики передавать эмоции, которые вызывает в восприимчивой душе обладание или пользование такими товарами. Друг Веласко, над чем вы смеетесь? Не делайте этого: в последнее время ведущие радио и телевидения запускают музыку, стихи и рисунки, которые служат таким целям; и никакое слабительное или электрический миксер не попадают на рынок без собственного рисунка, стихов или музыки.

45. Обычно призванный создавать прекрасные формы, мастер не мог спуститься к такой низкой цели. И без выполнения определенной «социальной функции» он спрятался в своей знаменитой башне и посвятил себя «искусству ради искусства», которое он сам изобрел в героической

попытке спасти, перед вселенной Крѣза, свое неподкупное призвание создавать прекрасное. Ясно, что из-за нехватки внешних побуждений мастер это сделал собственными силами и благодаря «искусственному дыханию», одинокий создатель в своей башне, который занимался искусством для себя самого и для избранного общества «часовых», таких же задуренных, как и он. Так Искусство, находясь под гнетом Крѣза, превращалось в «зародившуюся» секту и некую катакомбную операцию. Я осмелюсь сказать, что все это было бы «нормальным», если бы мастер сохранил метафизическое вдохновение Тирезия и героическое вдохновение Аякса. И я сказал «нормальным», потому что, хотя и исторически, дела духовные прячутся и замыкаются, когда внешняя среда для них неблагоприятна, чтобы снова возродиться, когда обстановка вернется к своему прежнему равновесию и подарит им новую весну.

46. К сожалению, также поглощенный ментальностью Крѣза, мастер оставил свои наилучшие способности со своими прежними источниками вдохновения. И наподобие философа он начал создавать индивидуалистическую эстетику (вспомните бесконечный/нескончаемый лист *istos*), чье развитие я попробую сейчас синтезировать. 1) Без вдохновения Тирезия и Аякса, искусство потеряло свою метафизическую и героическую сущность, для того чтобы ограничиться некоторой «субъективностью», исключаяющей «универсальные» ценности в пользу «индивидуальных» интонаций. Это был этап *лириков* еще «человечных». 2) Искусство, отвергая человеческую страсть и сентиментальность, дегуманизируется, и таким образом начинает простую игру форм и техник, хотя и с некоторой вероятностью наличия прекрасного, так что красота заключается в великолепии формы: в таком процессе «дегуманизации» находится искусство. 3) Посвятив себя этой игре, искусство заканчивается пренебрежением к формам ради концентрации внимания на «материалах» и их отделке, которые всегда были «средством», но никак не «целью» искусства, и которые его сводят к процессу «овеществления». 4) Обработка материалов приводит искусство к полному отказу от «конкретных» форм и ценностей: это этап «абстрагирования», которое сводит произведения искусства к простому «изобретению» и полю новых массивных комбинаций, и тогда речь уже идет об объемах или о цветах, или о звуках. 5) Логично, что искусство, отбросив все предыдущее, закончилось бы на уничтожении самого мастера; это как раз то, что сейчас искусство ищет, в стремлении заменить разумную деятельность мастера на работу случайности или какой-нибудь машины (вспомните электронную музыку, картины, написанные случайным движением кисти и стихотворения, написанные при помощи специального оборудования). И сей-

час, мой друг Веласко, давайте припомним те термины, которые я только что употребил: индивидуализм, дегуманизация, материализация, абстрактность, механизация. Не касаются ли все эти понятия ментальности Крёза? И этот испорченный круг не замыкается ли снова?

47. И вы поймете, что мое Вскрытие Крёза, основанное на общих чертах мира, отстраняет исключения, которые давались и даются, или как «пережитки» потерянного порядка или как «реакции» на «действие» Человека Хозяйственного. И все это в социальной сфере, где началась война против нашего героя. Требования, о которых ранее говорилось и еще говорится, особенно интересуют Гутьерреса, раба или холопа, то есть последний социальный класс, который естественно был самым замученным тиранией «*homo economicus*». Закон истории относительно «регулярного ослабления» позволил бы нам предположить, что «власть», перешедшая от Тирезия, священнослужителя, к военному Аяксу, и от Аякса к Крёзу, богачу, только Гутьеррес мог наследовать Человеку Хозяйственному в правлении миром, и это руководство могла осуществить «диктатура пролетариата».

48. Итак, Гутьеррес, в сущности, обладает только действенной «силой», силой физического труда, которая является «вспомогательной» силой, «способностью», которая по сути своей не создает, так как нуждается в некоей движущей силе для того, чтобы приступить к рабочему «действию». Гутьерресу не хватает всего материального и интеллектуального богатства: он не имеет даже «порока», который заставил бы его совершить «социальный грех» против других. Он «абсолютно бедный» и «абсолютно невинный», некий образ «утраты» и фигура Иисуса Христа, которая требует, в зависимости от своей нищеты, благоразумного действия Бога и распределительной справедливости людей. Ясно то, что по природе своей Гутьеррес не мог создать, как это сделал Крёз, «социальную мистику», которую Крёз представил в своей теоретической диктатуре. И Карл Маркс это сделал за него. Мы знаем, что Маркс не был представителем пролетариата, но интеллектуалом буржуазии, не столько по своему происхождению, сколько по своей «ментальности». Доктрина Маркса вовсе не привела к «рассвету», как полагают многие, но лишь завершила «ночь Крёза», и это была окончательная победа Человека Хозяйственного, мой друг Веласко, и чтобы понять это, давай рассмотрим теорию марксизма.

49. *Марксизм* одновременно является а) некой «общей философией»; б) некой «философией человека»; и в) неким «экономическим методом».

Я уже говорил, что порочная склонность Крёза привела его к наложению некоторого оттенка жизни на «материальное» и телесное. И его явный враг, Карл Маркс, не только принял этот «порок» Крёза, более того, он его сделал «философией». «Негативная» тенденция Крёза была преобразована Марксом в некое беспорядочное идеологическое «утверждение»: если для Крёза материя была искушающим демоном, для марксизма и его приверженцев материя является чем-то похожим на примитивное божество, которое упорядочивает мир и объясняет его противоречия. О, Великий Боже! Какую победу одерживает Крёз, будучи при смерти, навязав победителю свою собственную и ложную мистику! И не будет ли смысла в том, что некоторые марксистские революции одержали победу с помощью «изотерического» капитализма, который я уже описал?

50. Но давайте перейдем ко второму тезису: марксизм — это также «философия человека», а следовательно, как мы дальше увидим, со своей всеобщей философией. Поскольку философский материализм не может принять в человеке «индивидуальность», связанную, как я уже говорил, с «телесностью»: и его черта как «личности» трансцендентной, как обычно, не входит в систему материалистических принципов; поэтому все заявления о «личности» образуют серию чистого «буржуазного предубеждения». И здесь прослеживается другая ироничная особенность марксизма, которая заключается в расценивании как некоего унаследования от Крёза заявлений о человеческой «личности», над которой столько насмеялся и которую столько раз обманывал Человек Хозяйственный во время своего тиранического правления. В действительности оба соперника сходятся в ущемлении «личности», с той лишь разницей, что марксизм это делает по «незнанию», а Крёз — из-за коварства и злого умысла.

51. Такое представление о человеке, сведенное до понятия индивидуальности, маркизу очень подходило для выполнения своего обязательства по построению Государства, которое было бы кратным функциональным «числовых» индивидов, которые составляли бы некую массу. И в данном случае марксизм не сбивается с пути; поскольку человек в отношении своей «политичности», должен интегрироваться и самореализоваться как «индивид» в физическом обществе и в соответствии с требованиями Государства, которое его заставляет достигать целей. Марксизм игнорирует один момент: какое уважение можно потребовать у человека, пока он является «индивидом», так как «как личность», человек происходит от некоего нефизического общества, и уже речь идет о Церкви или о философской структуре, или о какой-либо другой системе челове-

ческой организации на основе духовных и моральных начал; именно в таком случае возникает необходимость в предоставлении человеку «свобод» познания, выбора и выражения. Таким образом, марксизм, с целью избежать и не допускать зарождение «личности» в человеке, создает общество, состоящее из «полулюдей».

52. Но марксизм одновременно несет некую «экономическую систему» справедливого распределения. И это единственный момент в теории, который беспокоит Крёза, хотя, для победы над Марксом Человек Хозяйственный обычно лицемерно говорит, что он так поступает для защиты западной «христианской» цивилизации, той самой, которую он предал в своих основных чертах, точнее говоря, в самом начале Евангелия. Итак, марксистская теория с момента своего возникновения свелась к «минимальным» реализациям и «максимальным» реализациям: первые, благодаря социалистическому или социализирующему законодательству, пытаются остановить Крёза в его безграничности, но не устранив его из экономической функции; «максимальные» реализации полностью «устраняют» Крёза из социального организма. И те и другие задают некое «развитие Государства» над человеческой организацией или экономическую статичность, которую пресса Крёза и его редакторы проклинают как «диктаторскую». Веласко, друг, я, человек, который никогда не боялся слов, не вижу ничего плохого в том, что Государство, оберегающее справедливость в распределении, вынужденно выполняет «дополнительные» функции, которые отказался выполнять Человек Хозяйственный в своем социальном отступничестве.

53. Как я показал, марксизм, который провозгласил себя «рассветом», завершает и закрывает ночь Креза, хотя и предлагает систему распределения богатства, которая тоже не является оригинальной, так как уже первые христианские объединения «совместно владеют всеми предметами» (Деяния Апостолов, II, 44). Нам бы не хватило, мой друг Веласко, предсказать будущее развитие проблем, которые породил и обострил Крёз за время своей тирании. Для этого мы будем опираться на три следующих факта: 1) приносится в массы (и в мировой порядок) «осознание» их права на жизнь, с каждым разом все более ясное и категорическое. 2) к этому осознанию добавляется очень точная идентификация «важных факторов», которые отрицательно сказываются на развитии и функционировании социальной организации; и 3) статистические данные показывают, что к концу века мировое население увеличится вдвое, значит, еще 3.000 миллионов человек заявят о своем праве на существование (или о своем «долге», что будет намного решительнее).

54. Несомненно, что важность проблем в таком случае потребует организации монархических государств, чья природа содержала бы в себе: а) или причастность «обновленного» Крёза, точнее говоря, сознательно возвращенного к своим первоначальным свойствам, к своей изначальной добродетели, но с государственными поводами, которые бы его контролировали; потому что, предоставленный самому себе, Крёз может вернуться к своим прежним жестокостям, б) или всемирное создание марксистских государств, похожих на те, которые у нас уже есть, что бы означало универсальную победу догмата, в) или принятие доктрины в своей простой системе производства и распределения богатства, которая, с опорой на любую религиозную или метафизическую традицию, может перерасти в коммунизм христианский, мусульманский, индусский или китайский. Наличие такой возможности подтверждает тот факт, что четыре социальных класса, отвечая за выполнение четырех необходимых функций и соответствуя четырем типам человеческой природы, не перестают заявлять о себе даже в современных коммунистических государствах. Мы знаем, что Тирезий, человек священнический, в этих рамках существует и действует, хотя, благодаря атеистической направленности доктрины, он это делает «в подвале», где укрывается духовное (я уже об этом говорил), когда окружающая обстановка становится враждебной. Аякс, солдат, создает войска красных для защиты и распространения доктрины. Также появляется Крёз, очень хорошо замаскированный, среди официального руководства коммунистических компаний и заведующих производством. Что касается Гутьерреса, он находится, как по-привычке, в услужении у всех, и как вчера, не поев и не попив: его «диктатура» (пролетариата) не вышла из простого «абстрактного» заявления, поскольку, как это было вполне закономерно, другие классы осуществляют свою «опеку» и управляют им.

55. Для восстановления порядка было бы недостаточно, чтобы первые три класса, исправляя свои «недостатки» и преумножая «достоинства», вновь зажили в гармонии и иерархии. Это может показаться легким. Более того, когда мы говорим, что для этого достаточно удалить из центра каждого из нас «ментальность Крёза», эту неприятную унижительную отраву, этого маленького демона, который свалился на этот мир и душит его. Не правда ли, это кажется легким? Мой друг, Вы как и я, «прорицатель»: осмелимся «предсказать» будущее? Но не будем этого делать. Потому что история упорядоченно вносит правки в лице прелестного человека, Творца истории. Давайте вслепую с ним будем сотрудничать.

Перевод Евгении Ключевой

Именной указатель

- Абалкин Л. 295
Автономов В.С. 14, 414, 420, 466
Айнкелес А. 28, 57, 80, 251
Айзенштадт Ш. (Эйзенштадт Ш.)
13, 28, 80, 171, 316, 529
Аквинский Фома 36, 40, 192, 214,
421, 422
Александр Дж. 57, 251, 289, 290,
292
Альперовиц Г. 461, 561
Андреев Д.А. 14
Аппадурая А. 331
Апресян Р.Г. 35
Арендт Х. 237, 388
Арон Р. 199
Арриги Дж. 13, 25, 30, 44, 50,
65–70, 129, 238, 300, 327, 328,
463, 464, 528, 555–558
Ататюрк К. 306, 396
Ахиезер А.С. 298, 411
- Багатурия Г.А. 14, 122, 123, 126
Бакунин М. 291, 308
Барбер Б. 13, 480
Барг М.А. 129
Барсукова С.Ю. 14, 522
Бауман З. 13, 14, 277, 288, 320, 331,
389, 394, 395, 398–402, 407,
408, 425, 472, 478, 481–483
Бахтин М. 208, 209
Бейер П. 406
- Бек У. 13, 16, 25, 44, 71, 274, 280,
304, 325–327, 329–341, 343–347,
441–443
Белл Д. 13, 19, 107, 280, 425, 428
Бентам И. 415, 416
Бенхабиб Ш. 13, 337, 412
Бергер П. 13, 21, 84, 200, 270–273,
284, 399, 432
Бердяев Н.А. 250, 254, 293, 522
Блан Л. 47
Бланкли Т. 461, 561
Блауг М. 486
Блок М. 44
Блэр Т. 334, 370, 374, 444, 461, 533,
561
Богомолов О. 295
Богомяков В.Г. 405
Бодрийяр Ж. 13, 219, 259, 260, 262,
387, 425, 429, 458, 472
Болтански Л. 13, 451, 540, 541
Бордюгов Г.А. 14
Борстейн Л. 13
Брекенридж А. 337
Брессер-Перейра Л.К. 382
Бродель Ф. 13, 25, 44–51, 53, 56, 58,
59, 63–68, 70, 108, 109, 194,
195, 245, 328, 368, 452, 508
Бузгалин А.В. 14, 121, 122, 126, 443,
450
Булавка Л.А. 14
Булгаков С.Н. 14, 26, 215–218, 246–
248, 250
Бурдые П. 60
Буров В.Г. 14
Буровой М. 15
Бухарин Н.И. 527
Бьюкенен Дж. 300, 416, 461, 468, 561
- Вагнер П. 13, 17, 159, 188, 228, 229,
238, 239, 241, 243, 252, 255, 260,
262, 320–323, 325, 385, 394

- Вайзе П. 422, 423
Валлерстайн И. (Воллерстайн И.)
13, 14, 25, 44, 50–67, 69, 70, 155,
249, 252, 304, 331, 349, 433,
449, 532
Вальрас Л. 415
Вебер М. 13, 25–43, 49, 56, 67, 70,
74, 76, 86, 99, 120, 122, 155, 157,
194, 196, 200, 203, 205, 213,
214, 217, 218, 236, 263, 270, 273,
300, 301, 305, 306, 326, 328,
362, 363, 391, 421, 435, 480,
485, 493, 494, 497, 508, 540,
547
Вебер А.Б. 440, 517
Веблен Т. 417
Венклер Е. 434
Верба С. 548
Вико Дж.-Б. 121
Вильсон В. 142, 176, 247, 249, 310
Виноградов А.В. 14
Витте А. 294
Витте С.Ю. 14, 220, 221, 246, 248
Вольчик В.В. 14
Вхаба Х. 337
Вышеславцев Б.П. 240, 252, 253,
536

Гайденко П.П. 14
Гаман О.В. 14
Ганнерс У. 349
Гаспарский В. 476
Гегель Г.Ф.В. 91, 92, 95, 121, 206
Геллнер Э. 13, 25, 75, 157, 158, 177,
507, 508, 551, 554
Гидденс Э. 13, 17, 25, 28, 76, 79, 90,
119, 198, 200, 274, 279, 280,
283, 299, 318, 320, 323, 325,
330, 334, 353, 370–373, 375–380,
383, 389, 393, 425, 444, 533
Глинский Д. 302
Горбачев М.С. 516–519
Гоббс Т. 87, 209, 340, 341
Голдстоун Дж. 60
Грамуши А. 65, 68, 327, 328
Гринфельд Л. 189–193, 547 189, 547
Гулд С.Д. 59
Гусейнов А.А. 14, 211, 344
Гуссерль Э. 399, 544
Гэлбрейт Дж. 219, 241, 242, 245,
468, 470

Давыдов Ю.Н. 14, 26, 29, 30
Данилевский Н.Я. 108, 114, 218,
432, 525, 526
Дарвин Ч. 155, 168, 495
Декарт Р. 571, 572
Деягин М.Г. 14, 358, 463
Дерлугьян Г. 14, 58, 59, 66, 69
Деррида Ж. 122
Джевонс У.С. 415
Джеймсон Ф. 90, 92, 114, 262
Джонсон А. 59
Дракер Х. (Drucker H.) 426, 453,
454, 493
Дэвис Н. 212
Дюркгейм Э. 25, 36, 43, 76, 86, 90,
157, 187, 188, 194, 199, 214, 232,
233, 235, 328, 405, 421, 430

Елисеев Г. 97
Елисеева О. 97
Ельцин Б.Н. 308, 506
Ефременко Д.В. 441

Жоспэн Л. 374

Закария Ф. 13, 513
Зарубина Н.Н. 14, 26, 29, 30, 223
Земляной С.Н. 14, 128, 494
Зерборн Г. 356
Зильцел Э. 180

- Знанецкий Ф.В. 83
Зомбарт В. 13, 27, 38–44, 48, 49,
70, 208, 212, 234, 452, 470, 540,
541
- Иванов Г.М. 129
Инглехарт П. 285
Иногучи Т. 316
Иноземцев В.Л. 14, 348, 357, 378,
400, 428, 454, 470
Интрилигейтор М. 295
- Кальвин Ж. 421
Капустин Б.Г. 14, 171, 211, 305, 312
Кара-Мурза А. 14, 315
Капелюшников Р.И. 14
Капур Дж. 13, 483
Касавин И.Т. 14, 173, 433
Кастельс М. 361, 378, 391, 425
Кейган Р. 554, 555
Кейнс Д.М. 142, 221, 230, 246, 247,
415, 430, 434, 464–467, 496,
497, 531
Келле В.Ж. 14, 123, 126
Кемпле Т.М. 21
Китахара А. 266
Клейн Л. 295
Клейнер Г.Б. 14, 417–419
Кликунова Н.Г. 14
Клинтон Б. 373, 374, 409, 411, 533
Ковальзон М.Я. 123, 126
Козловский В.В. 101
Конт О. 121, 199
Колганов А.И. 14, 122, 126, 443, 450
Коллинз Р. 60, 200, 328, 329
Колпаков В.А. 11, 115, 158, 176, 417,
433, 467, 485, 538, 539
Королев С.А. 14
Корнилов М.Н. 282, 285
Кортунов С.В. 397
Коршунов А.М. 129
- Коулман Дж. 459
Коэн С. 516, 517
Кракауэр З. 86
Красильщиков В.А. 253
Кропоткин П. 291, 308, 361
Кувалдин В.Б. 517
Кундера М. 400, 401
Кханна П. 13, 524
Кэрролл П. 173
- Латов Ю.В. 14
Лауэ Т. фон 101, 103, 140
Леви М. 86
Лекторский В.А. 14, 182
Ленин В.И. 56
Лентнер Х. 116
Леонтьев В. 46, 295, 497
Липсет С.М. 280
Лист Ф. 193, 219–222, 248
Лукман Н. 86, 281, 399, 432
Лысманкин Е.Н. 123
Львов Д. 295, 372
Лэш С. 13, 17, 274, 330
Лютер М. 421
- Магун А. 461, 561
Майр Э. 59
Макинтайр А. 26
Макайвер П.М. 12, 13
Макаров В. 295
Макхолл А. 481
Малахов В.С. 389
Мамедов О.Ю. 14
Мандельброт Б. 152
Маришаль Л. 565
Маркова Л.А. 14
Маркс К. 13, 25–27, 44, 45, 47, 49,
52–54, 56, 58, 63, 67, 68, 90,
120–132, 134, 146, 168, 169, 172,
176, 194, 206, 209, 215, 221, 226,
235, 237, 240, 244, 250, 336,

- 379, 415, 430, 432, 452–455,
466, 486, 488, 489, 492–495,
497, 500, 508, 555, 571, 587–589
- Маршалл А. 415, 495–497
Мацонашвили Т. 257
Межуев В.М. 14, 124–126, 408
Мельвиль А.Ю. 311
Менгер К. 209, 415
Менгес К. 514
Мерельман Р. 269
Мертон Р.К. 122
Мизес Л. фон 13
Миллер Т. 481
Миль Дж.С. 13, 415
Миронов В.Н. 14, 279
Мокир А. 417
Монтескье Ш. 87, 195
Моретти Ф. 59
Мотрошилова Н.В. 14
Мохаммед М. 283, 284
Мур Дж. 209, 210, 496, 497
Мюллер А. 221, 222
Мюллер Дж.З. 13, 25, 364, 548–555
- Наумова Н.Ф. 287
Некlessа А.И. 14, 20, 37, 489, 491,
492
Никольский С.А. 14
Нисбет Дж. 13, 120, 360, 361, 472
Ницше Ф. 345, 482, 483, 534
Новикова Л.И. 14
Нуреев Р.М. 14, 144, 333
- Огурцов А.П. 14
Ойзерман Т.И. 14, 168, 171
Олброу М. 331
Олмонд Г. 548
Ортега-и-Гассет Х. 151, 232, 260,
261, 387
Осипов М.Ю. 14, 223
Оттвуд Т. 221
- Панарин А.С. 14, 94, 95, 100, 104,
472
Пантин В.И. 14, 287
Пантин И.К. 14
Панфилова Т.В. 130, 131
Парсонс Т. 28, 86, 200, 223, 312,
435
Патнэм Р. 459
Петерс Э. 152, 154
Петерссон О. 380
Петров М.К. 14, 172, 173, 179, 236
Петров Ю.В. 129
Петрункевич И.И. 294
Пивоваров Ю.С. 14, 547
Плетников Ю.К. 14, 122–124, 126
Поланьи К. 12, 13, 15–17, 25, 44, 47,
56, 64, 103, 135–145, 147, 157,
196, 206, 207, 238, 244, 245,
250, 321, 327, 328, 331–334, 492,
493
Полетаев А.В. 14, 420, 422
Покровский Н.Е. 313
Померанц Г.С. 116
Поршнев Б.Ф. 130
Поумер М. 295
Поллок Ш. 337
Пребиш Р. 61
Престон Р. 403
Пригожин И. 59, 561
Пшеворский А. 312
- Рабинов П. 86, 98
Радаев В.В. 14, 457
Рикардо Д. 300
Ритцер Дж. 313, 350, 387
Рифкин Дж. 378, 455
Робертсон Р. 13, 117, 331, 348, 390,
400, 541
Розинская Н.А. 14, 144
Роткопф Д. 13, 442
Рузвельт Т. 69, 176, 247, 249, 551

- Рузвельт Ф.Д. 247, 255, 531
Руссо Ж. 87, 416, 572
Рэддавей П. 302
- Савельева И.М. 14
Саймон Г. 422
Салинс М. 59
Семенов И.С. 14, 474
Семенов Ю.И. 123
Селигмен Б. 417, 421
Сервис Э. 59
Сиземская И.Н. 14, 126
Скидельски Р. 496
Скочпол Т. 60
Смит А. 13, 42, 67, 68, 115, 125, 126,
129, 137, 138, 143, 146, 152, 159–
167, 185, 191, 193, 196, 208, 211,
212, 220, 226, 237, 238, 245,
246, 248, 263, 300–302, 414,
415, 419, 422, 431, 432, 434, 435,
437, 453, 456, 457, 464–469,
484, 495, 497, 504, 547, 555–557
Смит Д. 28, 57, 251
Смит Э. 89
Соловьев В.С. 14, 214, 215, 220, 475
Соловьев Э.Ю. 14, 471
Сорокин Д.Е. 14
Сорокин П.А. 200, 405
Сталин И. 56, 294, 551
Стенгерс И. 561
Степанянц М.Т. 14
Степин В.С. 14, 75, 84, 168, 169–
172, 182, 234, 238, 304, 333, 346,
430, 433, 519, 538, 545
Стирнс П. 13, 258
Сяопин Д. 515, 527, 529, 530
- Тейлор Ч. 13, 256, 319, 399
Тейлор Ф.У. 453, 454
Теннис Ф. 86, 199
Терборн Г. 413
- Тернер В. 32, 33
Тилли Ч. 60
Тирикьян Э. 292, 564
Титаренко М.Л. 14
Тобин Дж. 295, 366
Тойнби А. 21, 93–95, 108, 109, 193,
197, 498, 524, 547
Толстых В.И. 14, 126, 519
Тони Р.Х. 421
Тоффлер А. 107, 279, 280, 282, 283,
427
Тошитани Н. 266, 268
Трегьяков В.Т.
Троцкий Л. 56, 294
- Уотерс М. 117, 349
Ури Дж. 13
Уткин А.И. 14, 37, 98, 101, 247, 249,
358, 511, 550
Уэбстер Ф. 13, 425–427, 479
- Федорова М.М. 14
Федотов Л.Н. 457
Федотова В.Г. 10, 11, 16, 28, 101,
148, 209, 266, 284, 325, 362,
433, 437, 449, 465, 467, 471,
490, 522, 533, 537, 538
Федотова Н.Н. 10, 11, 16, 122
Февр Л. 44
Фезерстоун Р. 13, 348
Фергюсон Н. 463
Фридман М. 296, 300, 416, 468
Фрейд З. 59
Фуко М. 252
Фурсов А.И. 14, 54, 69, 254, 408,
456, 547
Фурс В.Н. 14, 322
Фукуяма Ф. 13, 304, 319, 328, 459,
472, 491, 542, 543
Фридман Т. 335, 403, 404, 459,
460, 489–491, 546, 562

- Фихте И. 221, 222, 326, 342, 343
 Фишман Т. 514
 Филд Дж. 459
 Фриман Э. 470
- Хаберлер Г. 499
 Хабермас Ю. 13, 18, 21, 90–92, 183,
 205, 206, 255, 274, 281, 299,
 320, 322, 324, 341, 343–345, 425,
 444, 455, 458, 475, 503, 504, 510,
 533, 534
 Хайек Ф. 258, 301, 302, 415, 416,
 430–432, 434, 437, 474
 Хакамада А. 81
 Хантингтон С. 13, 21, 25, 30, 31, 38,
 93, 105, 109, 171, 304, 306, 310,
 314, 315, 316, 331, 349, 364, 396,
 397, 400, 459, 461, 529, 552,
 553, 561
 Харрис К. 66, 69
 Харрисон Л. 13, 21, 459
 Ходжсон Дж. 13, 501
 Хорос В.Г. 14
 Хеллейнер Э. 221, 222
 Хелд Д. 331, 350, 449
 Хюбнер К. 149, 156
- Циньнянь А. 170, 171
 Цымбургский В.Л. 14, 492
- Чакрабарти Д. 337
 Черткова Е.Л. 14
 Чиापелло И. 13, 451, 540, 541
- Шанин Т. 207, 244, 309, 513, 520
 Шандлер А. (Chandler A.) 181
 Шаталин С. 295
 Шаповалов В.Ф. 521
 Шмитт К. 328
 Шелер М. 208, 482, 483
 Шенкар Ш. 514
- Шиллер Г. 425, 460, 479
 Шелов-Коведяев В.Ф. 20
 Шмиттер П. 285
 Шолте Дж. 117, 392
 Шпенглер О. 232, 544
 Шрадер Х. 35
 Шрёдер Г. 370, 374, 380–382, 444
 Штер Н. (Стер) 425, 426
 Штомпка П. 37, 197, 198, 200, 349
 Шумпетер Й.А. 13, 59, 65, 68, 69,
 154, 327, 328, 427, 492, 493
 Шютц А. (Шюц А.) 399
- Энгельс Ф. 124–126, 128, 130, 131,
 226
 Эриксон Э. 402, 403
 Эрл Т. 59
 Эрхард Л. 144, 243, 444
 Этциони А. 282, 376, 405
 Эльстер Ю. 422, 423
 Элиас Н. 252
- Юмесао Т. 283
- Янг А.М. 344
 Ясанова Ш. 174
 Яременко Ю. 295

Предметный указатель

- 460, 507, 512, 513, 521, 522, 524,
 531, 532, 538, 539, 548, 560
 будущее 16–18, 46, 60, 69, 74–77,
 79, 88, 89, 91, 96, 97, 99, 100,
 110, 111, 113, 121, 138, 144, 150,
 153, 158, 164, 175, 181, 184, 188,
 201, 232, 233, 260, 278–281, 284,
 295, 304, 326–329, 333, 339, 343,
 346, 347, 351, 364, 373, 384, 406,
 408, 417, 427, 446, 448, 449, 454,
 460, 461, 462, 464, 467, 472, 474,
 483, 485, 490, 491, 499, 513, 515,
 521, 523, 525, 531, 532, 533, 535,
 537–539, 545, 556, 559–562, 571,
 589, 590
 буржуазность 14, 20, 38, 39, 40, 43,
 59, 80, 83, 89, 112, 125, 127, 129,
 136, 141, 155–159, 175, 176, 178,
 190, 194, 196, 217, 218, 221, 226,
 229, 230, 232, 245, 280, 287, 292,
 298, 300, 301, 336, 363, 387, 437,
 452, 466, 491, 498, 503, 504, 507,
 508, 510, 538, 540–542, 546–548,
 552–554, 565, 568, 571–573, 579,
 582, 585, 587, 588
 Великая Октябрьская революция
 15, 17, 31, 82, 102, 103, 105, 127,
 136, 140, 229, 230, 321
 Великая Французская революция
 47, 54, 73, 82, 83, 87, 195, 356,
 568, 572, 578
 вестернизация 20, 90, 94, 100–
 105, 140, 197, 258, 259, 263, 282,
 285, 288, 314–316, 384, 393,
 444, 497, 520, 528, 529, 533, 558
 Вестфальский мир 148, 149, 156,
 165, 188, 200, 226, 341
 Вестфальская система 19, 134, 148,
 155–158, 165, 177, 191, 219, 223,
 316, 324, 327, 336, 339, 341–344,
- Азия 11, 12, 18, 19, 38, 48, 51, 73, 75,
 81–83, 85, 92–94, 102–104, 107,
 108, 111, 113, 123, 124, 126, 219,
 220, 254, 261–274, 276–278, 280,
 281, 283, 285, 286, 289, 292, 294,
 295, 299, 303, 310, 314, 319, 323,
 324, 328, 334, 335, 338, 339, 353,
 355, 356, 364, 368, 396, 410, 424,
 432, 437, 438, 441, 446, 451, 468,
 478, 490, 507, 508, 511, 524, 527,
 536, 539, 540, 542, 553–556, 558,
 560
 антинатурализм 56, 433
 аскеза 26, 41, 86, 104, 112, 146, 213,
 217, 223, 270, 288, 421, 473, 477,
 482
 аттрактор 152, 451
 бифуркация 14, 17, 62, 65, 69, 152,
 186, 188, 233, 304, 449, 533
 блага 40, 137, 144, 160, 162, 163,
 166, 168, 178, 195, 217, 218, 237,
 239, 240, 298, 342, 380, 415,
 419, 428, 434, 452, 464, 469,
 475, 498, 509, 510
 благо 68, 141, 174, 211, 214, 249, 257,
 302, 374, 375, 380, 422, 463,
 469, 474, 477, 497, 538, 553, 566
 бразилизация 330, 483, 538, 548
 Бразилия 19, 20, 38, 106, 110, 299,
 324, 330, 355, 359, 396, 400,

- 358, 384, 387, 398, 447, 507–519, 538, 539, 541–545, 550, 552, 553
 восток 74, 93, 95, 116, 266, 278, 280, 282, 388, 453, 461, 513, 542, 544, 547, 548, 550, 554, 555, 560
 время 92, 99, 580
 всемирная история 13, 25, 35, 53, 95, 96, 102, 116, 118, 119, 120–123, 127, 129–132, 332, 349, 357, 447, 526, 532, 556
 вызов 21, 73, 80–83, 85, 88, 92–96, 98, 102, 103, 110, 111, 119, 166, 167, 189, 193, 197, 200, 221, 252, 258, 263, 265, 277, 290, 323, 324, 329, 337, 339, 353, 356, 359, 364, 365, 371, 372, 374, 378, 382–384, 401, 408, 409, 427, 450, 458, 459, 463, 464, 511, 527, 547, 560, 572
 Вьетнам 12, 126, 264, 317, 338, 440, 507, 512, 522, 527, 532, 536, 539
- глобализация 11, 13, 19–21, 36, 37, 40, 52–54, 56, 60, 65, 68, 72–131, 158, 167, 177, 187, 196, 197, 201–203, 219, 222, 275–558, 561
первая 14, 15, 17, 115, 118, 131, 138, 140, 142, 143, 156, 158, 159, 178, 183–207, 220, 223, 224, 225–274, 277, 320, 321, 332, 348, 349, 357, 560
вторая 11, 17, 18, 115, 118, 131, 143, 178, 201, 225–274, 323–325, 332–334, 348–413
- государство 14, 19, 20, 22, 38, 44, 49, 50, 53, 54, 61, 64–67, 69, 79, 81, 85, 88, 89, 97, 106, 108, 112, 118, 119, 134–138, 140–144, 148–150, 153, 155–159, 163–165, 167, 173–183, 185–198, 200, 207, 209, 210, 214, 218–223, 226, 236, 238, 239, 243–249, 254–258, 267, 268, 285, 287, 295, 296, 298, 299, 301, 302, 308, 312, 315–317, 320–327, 331–334, 336–346, 350–352, 356, 358, 359, 365, 367, 370–378, 380–384, 387, 392, 398, 401, 404, 407–413, 415, 422, 429, 430, 433, 434, 442–444, 447, 462, 470–472, 478, 486, 491, 498, 500, 503, 505–520, 531, 535–539, 541–556, 560, 579, 581, 588–590
- гражданское общество 91, 157, 176, 177, 255, 256, 267, 270, 282, 285, 326, 332, 334, 337, 339, 342, 350, 367, 373, 374–376, 379, 383, 384, 441, 443, 476, 548
- демократия 12, 17, 38, 57–59, 63, 79, 85, 91, 104, 105, 114, 119, 124, 139, 140, 188, 195, 197, 198, 200, 218, 229, 240, 243, 245, 247–252, 254–258, 262, 267, 271, 274, 276, 278, 279, 289–293, 296–301, 307–313, 315, 316, 320, 322, 323, 325, 333, 334, 338, 344–346, 358, 361–366, 370–384, 387, 392, 396, 411, 435, 439, 444, 447, 461, 464, 470, 473, 493, 498, 503, 505, 506, 511, 512, 515, 517, 518, 523, 528, 530, 536–540, 542, 545–59, 552, 554, 560, 561
- деньги 45, 47, 50, 62, 65–67, 138, 185–187, 297, 328, 358, 359, 363, 415, 417, 419, 443, 444, 446, 468, 469, 472, 473, 475, 477, 495, 499, 515, 527, 573, 574, 576
- диалог 116, 336, 343, 345, 349, 387, 405, 408, 534, 535, 552, 561
- дискурс 19–21, 90–92, 118, 170, 292, 324, 335, 345, 386, 388, 392, 406, 426, 441, 534

- дух капитализма 29, 30, 32, 35–43, 70, 76, 91, 99, 146, 155, 190–192, 272, 363, 391, 421, 540, 541
- Европа 28, 30, 49, 50, 53, 54, 56, 58, 65, 75, 76, 81, 93, 98, 102, 110–113, 139, 142, 147–151, 156, 157, 173, 177, 180, 186, 188, 191, 192, 195, 198, 212, 218, 220, 232, 238, 253, 255, 263, 266, 268, 280, 287, 294, 299, 310, 317, 321, 335, 338, 341, 356, 371, 374, 376, 380, 381, 383, 438, 439, 447–449, 462, 494, 522, 536, 544, 549, 550, 552–554, 556
- Западная 17, 53, 72, 74, 103, 104, 107, 108, 110, 134, 149, 177, 257, 282, 294, 299, 352, 355, 356, 425, 507, 554, 558
- Восточная 86, 106–108, 110, 149, 267, 294, 299, 356, 507, 508, 517, 524, 554, 555
- западники 193, 299–302, 396, 513
- знание II, 14, 19, 30, 68, 75–77, 79, 82, 85, 89, 100, 120, 122, 125, 158, 169, 172–175, 178–183, 190, 196, 202, 203, 223, 226, 233, 236, 238–241, 243, 244, 301, 304, 305, 327, 330, 335, 346, 351, 377, 393, 415–418, 420, 424–434, 444–446, 451–455, 457, 458, 462, 472, 476, 481, 487–490, 498, 502, 507, 570
- идентичность II, 19–22, 30, 31, 57, 74, 89, 90, 92, III, III, 176, 190, 191, 193, 213, 222, 223, 251, 262–266, 268–274, 294, 314, 324, 335, 352, 354, 364, 365, 368, 385–413, 461, 481, 491, 504, 508, 538, 543–545, 547, 549, 553, 554, 557, 558, 561
- индивид 32, 72, 78, 89, 91, 134, 160, 162, 168, 174, 177, 179, 187, 189, 195, 196, 200, 204, 219, 223, 226, 228, 234, 249, 252, 253, 260, 263, 267, 271, 298, 301, 302, 321, 330, 336, 342, 367, 385–389, 392, 397, 399, 405, 431, 432, 457, 466, 469, 485–489, 501, 504, 578, 579, 588
- Индия 13, 20, 30, 73, 82, 101, 106, 116, 264, 299, 324, 355, 359, 360, 377, 437, 439, 459, 460, 483, 507, 512, 513, 523–526, 531, 537–539, 544–548, 558, 560
- Индонезия 20, 264, 299, 324, 355, 359, 460, 507, 512, 513, 531, 532, 538, 539, 548
- индустриализм 14, 18, 20, 42, 81–85, 104, 114, 240, 250, 253, 254, 262, 279, 293, 333, 365, 478, 481, 511, 512, 536, 540–547
- индустриальная революция 141, 165–167, 238, 455, 460, 470, 546, 557
- инновация 18, 20, 32, 49, 59, 77–79, 83–85, 92, 110, III, III, III, 139, 146, 158, 170, 171, 175, 180, 182, 183, 201–203, 205, 231, 235–238, 257, 264, 266, 267, 274, 281, 301, 305, 320, 330, 353, 358, 359, 364, 365, 377, 379, 424–427, 432–434, 443–445, 452, 457, 462, 463, 474, 476, 485–488, 491, 521, 538, 541, 561
- институционализация 36, 107, 174, 179, 228, 256, 273, 309, 340, 361, 383, 433, 505, 506
- институциональная память 542
- интересы 20, 33, 34, 50, 81, 103, 136, 140, 142, 145, 154, 165–167,

- 176, 191, 193, 204, 219–222, 229, 247, 249, 252, 257, 302, 308, 332, 335, 340, 343, 362, 411, 423, 442, 453, 463, 467, 469, 473, 476, 484, 493–495, 499, 500, 502, 504, 506, 515, 517, 530, 553, 582
- Интернет 125, 348, 358, 360, 377, 389, 392, 393, 427, 434, 445, 541, 549
- информационное общество 107, 125, 279, 280, 287, 291, 314, 322, 333, 360, 424–428, 430, 432, 435, 452, 455, 478, 479, 481, 502
- информация 79, 91, 169, 236, 280, 285, 301, 334, 349, 350, 357–359, 362, 365, 370, 402, 414, 415, 424–426, 431, 433, 434, 445, 479, 488, 503
- ислам 26, 31–33, 93, 95, 103, 107, 109, 113, 116, 195, 364, 372, 396, 406, 410, 438, 439, 446, 447, 449, 450, 461, 537, 539, 548, 553, 554, 560, 577, 583
- исследовательская программа 60, 164, 305, 328
натуралистическая 433
антинатуралистическая 433
- Китай 12, 13, 20, 30, 48, 61, 64, 73, 75, 82, 95, 101, 102, 115, 126, 129, 138, 141, 194, 238, 249, 264, 265, 294, 299, 309, 324, 338, 356, 359, 360, 364, 396, 437, 439, 441, 446, 477, 507, 512–519, 523–532, 536–540, 542, 544–546, 548, 554–558, 560
- коммунизм 73, 82, 90, 106, 107, 115, 117, 119, 140, 143, 220, 221, 251–253
- коммуникативная этика 176, 484–506, 538
- конвенциализация 229, 243, 255, 322
- конкурентноспособность 475, 511
- контекст 56, 76, 85, 131, 137, 144, 164, 171, 189, 202, 203, 210, 255, 316, 320, 322, 341, 348, 352, 354, 379, 390, 398, 402, 412, 418, 424, 465, 466, 469, 494, 497, 504, 565
- контекстуализм 164, 465
- концепты 17, 22, 128, 184, 199, 256, 273, 298, 320, 345, 347, 352, 416, 467, 538
новые 424–450
- космополитизм 248, 326–329, 334–341, 346, 347, 441
- кризис 51, 54, 59, 62, 65, 69, 115, 140, 141, 142, 227–233, 239, 240, 252, 253, 255, 261, 276–318, 321–326, 330, 364, 365, 387–389, 392, 394–399, 406, 408, 430, 437, 461, 463, 473, 493, 527, 531, 536, 543, 544, 558, 560, 561
- культура 12, 14, 18–21, 28–30, 34–38, 50, 57, 60–64, 75, 76, 78, 85, 89, 90, 93, 94, 100, 102–110, 112, 113, 116, 118, 120, 130, 131, 139, 140, 153, 155–159, 164, 165, 167, 169, 171–177, 182, 184, 188, 190, 191, 201, 202, 204, 205, 210, 214, 215, 218, 223, 230–232, 234–238, 244, 251–254, 257, 258, 261–263, 265, и т.д.
- культурализм 412
- левые 291, 323, 334, 370–372, 374, 375, 379, 380, 382, 383, 533
- легитимация 80, 85, 88, 102, 107, 108, 173, 179, 196, 235–237, 278, 281, 282, 293, 308, 330, 332, 340, 344, 368, 391, 408, 432, 433, 443, 471, 530

- лейборизм 334, 370
- либерализация 57, 73, 226, 252,
262, 267, 309, 311, 314, 315, 323,
333, 358, 373, 378, 444, 515
- либерализм 15, 17, 62, 66, 70, 117,
118, 135–142, 144, 145, 155, 188,
195, 196, 206, 207, 221, 222,
229, 239, 242–244, 246–250,
258, 261, 277, 290, 293, 299,
302, 307, 320–323, 325, 328,
332–334, 336, 337, 362, 381,
389, 417, 424, 444, 464, 478, 511,
513, 532, 538, 553, 560, 578
- либералы 125, 145, 242, 246, 249,
299, 302, 375, 378, 380, 381,
417, 468
- макдональдизация 312, 313, 350,
436
- максимизация прибыли 40, 48,
242, 259, 452, 473
- марксизм 59, 121–123, 125, 127, 128,
130, 132, 171, 215, 216, 250, 253,
293, 336, 454, 471, 494, 515, 527,
528, 530, 531, 536, 587–589
- масса 33, 45, 81, 105, 107, 125, 137,
186, 197, 229, 232, 244, 252, 253,
260–263, 279, 289, 292, 297,
306, 308, 309, 311, 313, 314, 319,
321, 419, 439, 444, 466, 478, 479,
492, 502, 516, 518, 536, 547, 589
- массовая культура 104, 120, 231,
232, 244, 258, 262, 263, 282,
322, 339, 442, 478, 479, 481,
482, 520, 533
- междисциплинарность 55, 56, 59,
164, 232, 328, 420, 433, 465, 466
- меркантилизм 80, 82, 83, 85, 187,
190, 192, 246, 248
- методология 11, 20, 27, 30, 45, 56,
60, 84, 122, 123, 130, 160, 162,
183, 209, 228, 233, 273, 305,
326, 327, 337, 340, 345, 346,
399, 403, 431, 436, 456, 465,
467, 501, 529, 569, 580
- минимизация издержек 263, 300,
432, 437, 458, 468
- мировая система капитализма 61,
67, 115, 131, 221, 254, 363, 456
- мироэкономика 44, 61–65, 68
- мир–система 51–65, 70, 118, 119,
449
- модернизация
догоняющая 100, 105, 106, 197,
220, 223, 230, 250, 254, 263,
270, 287, 289, 293, 294, 298,
307, 323, 330, 363, 364, 369,
435, 456, 513, 520, 528, 529
национальная 316–318, 370, 384,
520, 533
- монополия 63, 64, 67, 68
- мораль 14, 27, 29, 32, 35, 36, 41, 42,
98, 101, 114, 138, 140, 163, 208–
212, 214, 217, 219, 222, 257, 267,
273, 280, 324, 344, 347, 394,
399, 405, 420, 422, 423, 432,
434, 439, 467, 470, 471, 473–
477, 483–485, 487, 488, 490,
491, 493, 497, 502–506, 521,
534, 538, 549, 589
- мультикультурализм 11, 118, 327,
336–338, 340, 389, 392, 394,
395, 397, 407, 409–413, 552
- народ 21, 22, 43, 44, 56, 80, 88, 93,
96, 97, 100, 102, 104, 108, 110–
112, 123, 131, 151, 160–163, 167,
176, 191, 193, 211, 216–218, 220,
222, 227, 230, 247, 249, 254,
265, 268, 278, 282, 284, 290,
296–298, 303, 308, 315, 321,
326–328, 332, 336, 339, 342,

- 345, 384, 388, 389, 392, 396,
407, 409, 411, 412, 435, 440,
442, 457, 514–516, 518, 521, 522,
525, 526, 530–532, 535, 539, 542,
545, 547, 549, 552–557, 581, 582
население 19, 29, 31, 37, 58, 87, 88,
96, 98, 99, 105, 110, 134, 137, 147,
159, 179, 199, 226, 244, 250, 253,
254, 256, 264, 268, 270, 280, 287,
297, 314, 315, 319, 321, 330, 353
натурализм 89, 162
нация 14, 20, 25, 38, 41, 47, 83, 89,
97, 112, 128, 129, 140, 142, 149,
155–159, 165, 175, 176, 178, 190–
194, 192–194, 220, 221, 226, 238,
245, 246, 249, 299, 303, 310,
337, 338, 356, 368, 385, 396,
397, 403, 404, 408, 409, 411,
507, 508, 522, 526, 537, 538,
540, 542–548, 550–555
неолиберализм 11, 12, 22, 125, 143,
163, 164, 188, 219, 253, 255, 262,
276, 289–300, 302, 323, 325,
327–329, 334–336, 338, 346, 356,
362, 364, 375, 379, 416, 417, 419,
423, 431, 432, 435, 437, 441, 468,
483, 498, 503, 506, 509, 512–514,
517, 524, 531, 532, 536, 540, 547
неомодернизм 17, 22, 143, 289–
296, 298, 354–356, 368
неравенство 106, 139, 199, 239,
249, 250, 263, 321, 330, 340,
343, 380, 383, 446, 483, 495,
498, 520, 522, 528, 555
Новое время 41, 44, 73–75, 80, 82–
84, 89, 90–92, 98, 99, 146, 170,
189, 198, 199, 237, 293, 373,
448, 539, 545
Новое Новое время 20, 536–558
нормы 32, 43, 51, 55, 75, 78, 80, 98,
107, 177, 192, 194, 209, 211–213,
215, 235, 237, 271, 291, 294, 326,
330, 341, 353, 368, 372, 418,
421–423, 470–472, 476, 482–
486, 488, 493, 495, 498, 503,
505, 545, 558, 567, 569
образование 63, 77, 79, 85, 89, 91,
95, 98, 100, 172, 175, 177, 179,
200, 201, 207, 240, 242, 245,
254, 258, 261, 265, 271, 273, 290,
317, 349, 375, 378, 379, 394,
402, 457, 462, 523
общество слишком много
ордолиберализм 144, 444
ответственность 72, 97, 104, 134,
139, 141, 150, 169, 175, 177, 196,
200, 208, 211, 222, 223, 226,
233, 246, 256–258, 260, 263,
268, 296, 302, 303, 306, 321,
367, 374, 375, 387, 399, 419,
420, 441, 448, 456, 466, 473–
476, 478, 506, 518, 565, 574
отсталость 87, 88, 89, 93, 96, 98,
105, 106, 221, 267, 268, 282, 294,
313, 363–365, 378, 515, 522, 543
парадигма 52, 55, 56, 59, 85, 87–92,
97, 114, 115, 152, 156, 165, 167,
189, 190, 201, 233, 282, 287,
288, 293, 296, 302, 305, 312,
321, 323, 324, 329, 340, 351, 352,
355, 376, 417, 418, 427, 429, 431,
434, 436, 455, 465, 472, 486,
505, 509, 511, 522, 571
переходность 17, 52, 88, 126, 201,
276, 277, 302, 398, 448, 449,
459, 479, 506, 530
переходный процесс 107, 304
повседневность 31–33, 44–46, 49,
91, 114, 115, 118, 380, 399, 408,
469, 481

- порядок 15, 19, 22, 66, 70, 75, 76,
91, 119, 120, 134, 136, 138, 139,
143, 151, 152, 157, 166, 175–177,
189, 191, 198, 210, 212, 214, 221,
222, 229, 230, 233, 238, 245,
249, 258, 267, 279, 291, 301,
302, 308, 309, 320, 322, 325,
326, 330, 331, 335, 342, 344,
350, 351, 358, 372, 375, 383, 386,
407, 413, 416, 418, 422, 431, 427,
430, 431, 435, 436, 444, 447,
457, 463, 487, 491, 516, 531, 541,
542, 549, 551, 553, 561, 566, 568,
569, 571, 575, 577, 579, 580, 581,
583, 587, 589, 590
- постиндустриальное общество 12,
19, 124, 230, 244, 255, 258, 269,
278–280, 283, 287, 314, 322, 333,
360, 425, 426, 428, 432, 445,
541–456, 459, 478, 479, 488
- постмодернизация 269, 270, 274,
284–286, 288–290, 295, 299,
307, 314, 320, 324, 480
- постмодернизм 19, 21, 198, 262,
274, 276, 281, 282, 285–289,
291, 292, 294, 295, 299, 320,
324, 329, 352–354, 356, 357, 443
- постсовременность 83, 85, 120,
274, 279–281, 284, 286, 288, 349
- потребитель 419, 502
- потребительское общество 153,
229, 232, 258, 259, 262, 263,
322, 387, 455, 472, 482, 489, 492
- потребление 79, 86, 104, 106, 107,
128, 153, 163, 231, 232, 244, 258,
259, 261, 262, 314, 322, 333, 378,
415, 418, 419, 425, 429, 441, 446,
452, 455, 458, 464, 468, 480,
481, 483, 487, 500, 558
- право 45, 91, 102, 175, 177, 178, 182,
185, 195, 212, 217, 255, 266, 287,
342, 344, 347, 411, 440, 488,
578, 579
- православие 26, 31, 94, 109, 193,
217, 218, 254, 410, 547, 552
- практика 38, 72, 76, 82, 86, 90, 96,
99, 150, 166, 173, 174, 179, 180,
197, 201, 220, 228, 229, 234,
238, 252, 258, 272, 276, 291,
301, 302, 311, 312, 321, 322,
336, 337, 339, 358, 359, 369,
386, 403, 416, 455, 474, 498,
503, 504, 551, 570, 573, 575,
579–581, 584
- предпринимательство 33, 37, 38,
41–43, 79, 161, 199, 246, 258,
301, 362, 379, 425, 443, 446,
457, 474, 487, 540, 546, 578
- престиж 33, 244, 259, 271, 285, 359,
436, 442, 458, 480, 555
- прибыль 38, 40, 48, 49, 51, 59, 62–
64, 68, 103, 136, 143, 166, 167,
180, 199, 211, 242, 259, 289, 333,
377, 379, 418, 419, 452, 473, 479,
495, 540
- прогнозы 18, 22, 65, 112, 113, 114,
121, 201, 270, 279, 286, 304, 337,
346, 372, 428, 445, 513, 514, 531
- прогресс 13, 17, 18, 21, 26, 52, 60,
88, 92, 96, 97, 99, 111, 119–121,
127, 130, 134, 136, 143, 146, 158,
159, 169, 179, 183, 187, 188, 195,
197–199, 201, 203, 217, 220, 221,
237, 239, 243
- промышленная революция 45, 81,
83, 136, 137, 141, 143, 166, 227,
238, 453, 454, 460, 508, 556
- Просвещение 87, 91, 102, 105, 134,
198, 273, 330, 346, 347, 366,
432, 449, 496
- протестантизм 27, 29, 32–34, 36,
37, 39, 76, 79, 202, 213, 477, 494

- радикальный либерализм 125,
242, 306, 307
- разделение труда 19, 25, 36, 54, 61,
64, 76, 119, 131, 152, 161, 162,
165, 168, 174, 187, 194, 200, 214,
226, 232–235, 238, 268, 328,
421, 422, 430, 431, 485
- рациональность 26, 30, 33, 35, 38,
55, 59, 85–87, 107, 112, 165, 166,
172, 175, 178, 182, 197, 200, 203–
207, 214, 226, 230, 240, 241,
244, 245, 257, 278, 272, 285, 291,
303, 313, 322, 324, 332, 337, 343,
345, 368, 379, 387, 391, 415, 419,
422, 436, 466, 472–474, 477,
478, 509, 511, 526, 528, 530, 531,
534, 535, 540, 562, 568, 571
- реальность 27, 34, 50, 97, 107, 109,
114, 151, 167, 168, 171, 183, 215,
233, 234, 248, 262, 266, 281,
282, 284, 305, 306, 311, 322,
336, 340, 343, 348, 357, 363,
368, 373, 374, 385, 397, 399,
403, 416, 417, 419, 426, 430,
432, 436, 457, 463, 465, 468,
472, 476, 480, 481, 485, 492,
493, 501, 526, 532, 564
- революция 15, 17, 26, 31, 45, 47, 54,
58, 62, 66, 73, 80–83, 85, 87,
90, 101–103, 105, 106, 127, 136,
137, 140, 141, 143, 150, 165–167,
170, 194, 195, 198, 217, 218, 221,
227, 229, и т.д.
- религия 26, 28–35, 39, 40, 42, 43,
55, 61, 77, 78, 85, 87, 100, 101,
107, 109, 113, 116, 117, 157, 203,
212–214, 218, 219, 223, 235, 237,
246, 259, 267, 272–274, 278, 285,
293, 300, 341, 391, 392, 394, 397,
404–406, 410–412, 421, 437, 438,
465, 474, 477, 485, 486, 494, 511,
531, 537, 539, 543, 546, 548,
550–554, 556, 571, 574, 582, 590
- реконвенциализация 288, 299,
302, 366, 442, 483, 524
- реформы 36, 37, 93, 102, 139, 143,
144, 186, 247, 264, 265–267, 294,
295, 298, 306, 307, 310, 311, 315,
323, 328, 341, 356, 364, 366, 373,
274, 382, 444, 513, 514, 516–519,
523, 527, 529, 530, 546, 547
- риск 76, 185, 280, 283, 296, 303,
304, 322, 327, 329, 330, 334,
340, 364, 374, 375, 380, 433,
441, 445, 473, 488, 510, 511, 572
- Россия 15, 20, 28, 29, 37, 38, 56, 57,
65, 66, 75, 78, 81, 82, 86, 92–98,
102, 104–108, 110, 113, 114, 118,
121, 122, 127, 131, 140, 142, 171,
186, 190, 193, 207, 215, 217–220,
222, 223, 229, 230, 244, 249–253,
256, 263–266, 285, 287, 289,
293–301, 304, 307–309, 311–313,
315–317, 324, 328, 331, 332, 343,
355–361, 363–370, 375, 377, 384,
388, 389, 392, 396, 397, 400,
401, 406–413, 417, 435, 439, 441,
442, 459, 468, 472, 475–478, 484,
489, 506, 508, 512, 513, 516, 518,
520–525, 527, 528, 531, 537–539,
542, 547–555, 560
- рутинизация 27, 31–35, 37, 213, 214,
421, 477
- рынок 44–46, 48, 49, 58, 62–65, 67,
69, 70, 79, 115, 119, 120, 126,
128, 130, 134, 135, 137, 138, 140,
142, 144–149, 151–159, 163–165,
167, 176, 180, 181, 185–190, 194–
196, 199, 202, 203, 206, 211,
216, 229, 222, 223, 230, 231, 233,
238–241, 243–245, 248–251, 256–
258, 265, 291, 292, 300, 301, 307,

- 308, 312, 332, 334, 336, 337, 346,
350, 358–360, 364, 366, 368,
370–381, 383, 389, 393, 415–419,
423, 430, 431, 434–437, 443, 444,
456, 462–467, 470, 473–475, 480,
481, 483, 486, 487, 490, 491,
493, 508, 510–512, 516, 518, 524,
529, 531, 533, 536, 537, 539, 546,
554, 556, 557, 585
- свобода 69, 82, 87–89, 91, 95, 96,
98, 100, 101, 106, 139, 140, 145,
154, 157, 165, 169, 177, 195, 196,
200, 204, 216, 217, 221, 222, 240,
246, 258, 252, 255, 259, 269, 287,
290, 294, 296–298, 301, 308,
311, 312, 320, 325, 326, 332, 358,
367, 380, 420, 434, 435, 472, 474,
485, 486, 488–491, 493, 497, 505,
515, 516, 525, 526, 578, 579, 585
- семья 18, 111, 113, 166, 182, 212, 283,
287, 302, 373, 380, 401, 404,
444, 472, 550
- сепаратизм 550, 553
- системные циклы накопления ка-
питала 65–71
- СМИ 219, 387, 442, 502
- солидарность 25, 119, 190, 201,
256, 257, 266, 267, 269, 271,
282, 345, 373, 385, 406, 415, 437,
447, 471, 480, 516
- механическая 36, 187–189, 194,
199, 232, 234, 431
- органическая 36, 86, 157, 187,
199, 214, 226, 230–234, 239,
328, 421, 431, 458, 463
- сообщества 54, 55, 60, 65, 76, 86,
111, 112, 146, 158, 199, 205, 212,
219, 222, 237, 296, 313, 328, 336,
337, 342–345, 349, 350, 352–354,
376, 381, 386, 391, 395, 397,
402, 405, 407, 408, 424, 429,
445, 446, 473, 474, 490, 507,
508, 542, 544, 548, 553, 554, 579
- социал-демократия 17, 57, 229,
243, 251, 252, 254–256, 258, 322,
323, 333, 334, 366, 370–384,
387, 439, 444, 461, 470, 498,
505, 539, 561
- социализм слишком много
- социальная реальность 27, 50, 97,
168, 171, 234, 282, 397, 426, 532
- социальные движения 253, 290,
292, 310, 326, 437
- социоцентризм не нашла
- спасение 31, 32, 34, 213, 421, 494
- справедливость 18, 25, 91, 97, 98,
106, 119, 139, 163, 187, 201, 211,
217, 218, 220, 222, 229, 230, 245,
251, 255, 257, 296, 298, 307, 321,
333, 334, 342, 343, 345, 367,
387, 415, 434, 437, 439, 449,
470, 471, 475, 478, 480, 487,
495, 505, 506, 528, 538, 540,
565, 566, 568, 571, 573, 575, 576,
581, 587, 589
- Средневековье 90, 96, 98, 99, 147,
151, 155, 156, 184, 196, 213, 237,
280, 283, 293, 353, 373, 421,
447, 448, 508, 519, 539, 570, 584
- статус 33, 37, 62, 63, 97, 99, 122,
131, 132, 141, 148, 154, 172, 179,
188, 190, 198, 204, 236, 250, 258,
259, 261, 262, 288, 289, 292, 333,
337, 367, 368, 384, 385, 419, 420,
426, 435, 439, 440, 458, 460, 475,
476, 480, 481, 492, 501, 509, 520,
521, 523, 538, 553, 555
- суверенитет 69, 134, 135, 148, 149,
157, 165, 172, 176, 191, 198, 221,
229, 236, 337, 341, 342, 344, 345,
401, 407, 511, 512, 534, 535, 538

- сценарии 18, 20, 22, 65, 263, 270,
326, 337, 339, 346, 349, 364,
449, 462, 464, 514, 520, 521, 531,
536–540, 542, 545, 548–558
- столкновение цивилизаций 30,
294, 304, 316, 331, 351, 439, 552
- столкновение народов 549, 552, 555
- технология 12, 14, 16, 52, 79, 82,
84–86, 100, 102, 105, III–III,
II6, II8, 120, 168, 170, 172, 178–
183, 185, 197, 202, 217, 231, 232,
236, 239, 240, 242–244, 264,
265, 267, 268, 270, 271, 273
- традиция 16, 18, 56, 74, 76, 78, 79,
85, 88, 90, 93, 97, 99, 106, II4,
139, 146, 164, 166, 171, 172, 203,
205, 235, 237, 266, 268, 271, 273,
274, 281, 283, 286–288, 305, 307,
314, 355, 329, 334, 356, 363, 377,
380, 405, 410, 418, 437, 477, 486,
487, 493, 504, 520, 538, 542, 545,
553, 590
- транзитология II, 305, 307, 309–
312, 435
- транснациональная компании /
корпорации 69, II7, 177, 179–
182, 239, 462, 489, 500
- трансформация 12, 13, 16, 21, 28, 50,
51, 60, 70, 72, 103, II5, 120, 560
- Первая великая* 15–17, 20, 70, 72,
II5, 133–224,
Вторая великая 15–17, 44, 70,
84, 225–274,
Третья великая 16–19, 44, 71, 84,
275–558
- «Третий мир» 57, 104, III, II3, 198,
251, 252, 299, 303, 521
- «Третий путь» 144, 318, 323, 334,
370, 373–375, 377, 379, 381, 383,
444, 461, 533, 561
- труд 12, 19, 25–27, 34, 36, 38, 40, 41,
44, 47, 53, 54, 57, 59, 61, 62, 64,
65, 76, 83, 85, 86, 104, III, II2,
II9, 124, 125, 131, 137, 138, 145,
146, 152, 155, 161–169, 172, 174,
179, 182, 183, 185–187, 193, 194,
196, 200, 201, 203–206, 208,
213–218, 226, 231–240, 244, 245,
254, 255, 268, 270, 271, 283,
286, 288, 291, 296, 328, 332–
334, 346, 347, 360, 362, 363, 373,
415, 421, 422, 428–431, 446, 451–
456, 464, 468, 469, 473, 474,
477, 485, 486, 488–490, 493,
495, 496, 498, 500–502, 504,
509, 524, 527, 556, 557, 576, 587
- удовольствие 210, 263, 458, 468,
474, 495
- универсализация 175, 300, 338,
352, 355, 468, 475, 525, 571
- установка на утилизацию знания
172–174, 178, 179, 182, 183, 223,
239
- устойчивое развитие 270, 383,
440, 441, 514, 523, 524
- фашизм 15, 56, 90, 103, II7, 135,
139, 140, 220, 230, 261, 310, 321,
324, 333, 447, 508
- Филадельфийская система 316,
358, 363, 384, 447
- фрагментация 19, 91, II9
- фундаментализм 90, 106, II3, 372,
392, 473, 475
- харизма 26, 31–34, 213, 214, 421, 477
- холодная война 69, 109, 229, 336,
550, 555, 558
- хорошее общество 148, 437, 465,
467, 471, 482

- христианство 33, 43, 93, 98, 105, 108, 109, 116, 182, 213, 215, 216, 250, 268, 327, 406, 438, 439, 465, 482, 485, 552, 571, 580, 589, 590
- целерациональность 85, 203, 206, 207, 240, 282, 503
- целерациональная система 22, 205, 470
- первая (экономика)* 226, 237, 240, 321, 510
- вторая (техника)* 238, 240, 241, 243, 322, 510
- третья (политика)* 509–511
- ценности 18, 21, 28–30, 32, 33, 35, 39, 68, 77–79, 84–86, 91, 99, 100, 102, 103, 107, 109, 112, 113, 120, 140, 162, 163, 166, 170–172, 174, 182, 187, 192, 193, 197, 198, 203–205, 208, 213, 217, 222, 223, 226, 228, 229, 230, 235, 236, 240, 254, 257, 262, 269, 271, 273, 274, 276, 278, 280–285, 291, 298, 300, 301, 307, 308, 324, 329, 330, 334, 335, 362, 366, 368, 372, 376, 379, 385, 389, 396, 400, 404, 405, 417, 427, 429–431, 438, 439, 441, 442, 448, 457, 459–461, 467, 469, 471, 473–476, 482, 484, 488, 491, 492, 495, 503, 510, 524, 538, 542, 543, 547, 549, 552, 553, 557, 560, 566, 567, 574, 577, 584, 586
- центризм 372
- церковь 89, 151, 178, 192, 195, 213, 217, 218, 475, 481, 569, 573, 580, 588
- цивилизация 28, 30, 31, 37, 38, 44, 45, 49, 56, 74–77, 80, 84, 92–96, 104, 105, 107–113, 118–120, 130, 131, 140, 141, 143, 147, 158, 167, 168–172, 182, 192, 206, 222, 223, 226, 229, 234–236, 244, 250, 282, 293, 294, 297, 304, 316, 331, 333, 335, 338, 339, 349, 351, 353, 364, 368, 375, 387, 396, 400, 410, 414, 430, 439, 447, 451, 453, 461, 463, 482, 494, 498, 523–526, 532, 533, 537–539, 544–546, 548, 552–554, 556, 560, 589
- человек
- «экономический» 125, 178, 197, 207, 231, 233, 242, 244, 263, 300, 414, 416, 417, 419, 423, 432, 437, 458, 465–469, 475, 476, 501
- «МОДУЛЬНЫЙ» 177, 178, 196, 207, 208, 223, 226, 233, 238, 239, 242, 244, 263, 386, 466
- экология 18, 107, 119, 170, 283, 327, 369, 374, 380, 383, 391, 393, 416, 426, 440–443, 446, 514, 538, 558
- экономоцентризм 475
- элита 33, 87–89, 93, 97–99, 110–112, 114, 179, 232, 265, 271, 276, 293, 305–311, 315, 335, 343, 382, 429, 439, 442, 443, 450, 489, 493, 516
- эпистемология 115, 173, 174, 338, 339, 343, 416, 417, 430, 433, 441
- этика 11, 19, 20, 22, 26, 27, 29, 30, 32, 35–38, 43, 70, 79, 99, 107, 112, 116, 120, 146, 155, 176, 194, 202, 208–223, 236, 248, 268, 271, 273, 287, 328, 349, 362, 363, 368, 391, 419–422, 470–506, 531, 538, 540
- этнонационализм 364, 549–555

Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н.

**Глобальный капитализм:
три великие трансформации**

Оформление и верстка

И.Э. Бернштейн

Корректор

Т. Смирнова

Составление указателей

Р. Дименштейн

Подписано в печать 10.10.2008.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура CharterС. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 38. Тираж 1200 экз. Заказ №

Издательство «Культурная Революция»

Адрес Москва, ул. Мясницкая, д. 9/4, стр. 1

Телефон/факс (495) 621 8471

E-mail frederih@mail.ru